

РУССКОЕ СЛОВО.

I.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1859.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГИМНАЗИИ И КОМП.

252882
K. S. PUBLISHED BY AND
S. PUBLISHED BY AND
S. PUBLISHED BY AND

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ цензурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Января 1859.

Цензоръ *И. Гончаровъ.*

Цензоръ *А. Фрейтанъ.*

ПРОДАВАЮЩАЯ
КАНИЦА
ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.	
Сны. Поэма <i>А. Н. Майкова</i>	1	✓
Кормилица, (очеркъ) <i>М. Михайлова</i>	21	
Утрата, стихотвореніе <i>Я. П. Полонскаго</i>	34	
Молитва, <i>Его же</i>	35	
Значеніе Парижскаго Университета <i>Г. Бла- госвѣтлова</i>	36	✓
Италія, стихотвореніе <i>А. Фета</i>	81	
На озерѣ, (изъ Гете) стихотвореніе. <i>Его же</i>	82	
Иньсма Гоголя къ Шрекоповичу	83	✓
Графиня Монтэваль, легенда <i>Л. Мея</i>	137	
Разсказъ вдовы, <i>О — ѳ</i>	143	✓
Сабина, стихотвореніе <i>А. Фета</i>	168	
Похороны, изъ Рюккерта <i>М. Михайлова</i>	174	
Газель Джелаледдина-Рюми, стих. <i>Его же</i>	175	
Хандра, стихотвореніе <i>Я. П.</i>	176	

ОТДѢЛЪ II.

Критика.

Взглядъ на Исторію Россіи, соч. <i>С. Соловье- ва. Аполл. Григорьева</i>	1	✓
Тысяча душъ, романъ въ 3-хъ частяхъ <i>А. Писем- скаго. Г. Эдельсона</i>	49	✓
Стихотворенія. <i>Л. Мея.</i>	66	
Замѣтки объ англійской исторической литературѣ	82	
Библиографія	125	

ОТДѢЛЪ III.

✓	Великій трагикъ. Разсказъ изъ книги «Одиссея о послѣднемъ романтикѣ». <i>Аполл. Григорьева</i>	1
	Воспоминанія о путешествіи за границей. <i>К. Б.</i>	42
✓	Обязательный человѣкъ. <i>Мих. Михайловъ</i>	55
	Опера и ея новѣйшее направленіе въ Германіи. <i>А. Сьрова</i>	67
✓	Два образчика Старорусскаго эпоса. <i>Н. Бунакова</i>	87
	Общественная жизнь въ Петербургѣ. <i>Е. Моллера</i>	95
	Отъ Редакціи.	119
	Шахматный листокъ. <i>Виктора Михайлова</i>	

С П Ы.

Поэма въ IV пѣсняхъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Ужь въ зелени березъ есть вѣтки золотыя;
По небу рыхлыя, какъ комы снѣговые,

Отъ сѣвера плывутъ грядами облака;
Все ясно говорятъ, что осень ужь близка;

Выходятъ старшки, поля обозрѣвая,
И колось шелушатъ, про умолотъ смекая,

Пытаясь вынести изъ годовыхъ трудовъ
Крупицу опыта для будущихъ годовъ....

И въ жизни такъ пора проходить: разумъ строгій
Велитъ ужь подводить подъ прожитымъ итоги, —

И память повела его, какъ чародѣй
Въ волшебный лабиринтъ, среди темныхъ галлерей,

И рядъ картинъ предъ нимъ во мракѣ озаряетъ....
На все, что предо мной она разоблачаетъ,

Уже выраю я съ спокойною душой.
Ужь все такъ далеко, все кажется мечтой!

Фигуры движутся, какъ въ дымкѣ олимпіама,
Уже на все легла эпическая рама,

Отд. I.

1 а

И свѣтъ таинственный, и муза въ тишинѣ
Все взоромъ обняла и пѣсни шепчетъ мнѣ....

О сынъ мой, милый сынъ, какъ рѣзвый и живой
Малютка розовый, играешь ты со мной!

Тебѣ по вечерамъ я сказываю сказки,
И вдругъ ты тяжело дышать начнешь, и глазки

Блеснутъ слезинкою.... Задремлешь ли порой,
Задумываться я люблю передъ тобой,

И губокъ подвижныхъ въ измѣнчивомъ движеніи
Угадывать твои невинныя видѣнья....

И вотъ ты вырастешь.... Быть можетъ для тебя
Судьба не дастъ сказать мнѣ сказку про себя:

Вотъ *Сны* тебѣ мои.... въ нихъ все, что хладный опытъ
Открылъ мнѣ, проведя чрезъ слезы, скорбь и ропотъ.

Свидѣтель будешь ты уже поры иной:
Быть можетъ наши *Сны* сочтешь уже мечтой

И сказкой нашъ удѣлъ и нашихъ дней страданья....
Молю — да будетъ такъ!

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Есть домикъ — онъ теперь глядитъ ужь старцемъ сирымъ,
Но нѣкогда онъ мнѣ казался цѣлымъ міромъ!

Уютно онъ стоитъ между березъ и липъ;
У дома спускъ крутой, а тамъ рѣки изгибъ,

И за рѣкою лучъ, сквозь дождевую тучу,
Блеститъ на городкѣ, на домахъ, сбитыхъ въ кучу.

Веселый смѣхъ дѣтей, какъ въ рощѣ пѣнье птицъ,
Звучитъ въ томъ домикѣ; въ немъ нѣтъ угрюмыхъ лицъ

И видимо на всемъ благословенье Бога,
Хоть бѣдность не чужда была его порога;

За то тамъ былъ пріютъ простыхъ и добрыхъ чувствъ
И билися сердца при имени искусствъ.

Искусства труженникъ, безъ жажды славы лживой,
Отецъ мой тамъ обрелъ пріютъ себѣ счастливый.

Что въ жизни вынесъ онъ, какимъ достигъ путемъ,
Житейской мудрости — не знали мы с томъ....

Вокругъ его друзья немногіе собирались;
Всѣ вмѣстѣ старились.... лишь смертью разлучались....

Намъ свято имя ихъ: они учили насъ....
Но онъ, божественный, бывало, углубясь,

Какъ бы исполненный душевнаго видѣнья,
Онъ пишетъ въ мастерской святыхъ изображенья —

Все изъ саду къ нему заглядываемъ мы....
Все было чудно намъ средь влажной полутьмы

Въ пространной мастерской — болѣзненная дума
Въ лицѣ художника, творящаго безъ шума,

Въ самозабвеніи, статуи возлѣ стѣнъ,
Холодныя какъ смерть, и подвижной манекенъ

Съ румяной маскою, съ горою кудрей жесткихъ,
Сѣдящій какъ пророкъ на плотничьихъ подмосткахъ.

Но бросилъ кисть отецъ, и «дѣти» крикнулъ намъ,
И мы со всѣхъ сторонъ бѣжимъ по цвѣтникамъ,

Всѣ, даже меньшіе, къ нему, привставъ на-цыпки,
Руками тянутся и ждуть его улыбки....

О, много я часовъ въ той мрачной мастерской,
Провелъ потомъ, носясь Богъ знаетъ гдѣ душой!...

Изъ братьевъ я хоть былъ всѣхъ старѣе годами,
Но разумъ спалъ во мнѣ какъ оземь подлѣ снѣгами....

Когда собирались мы въ кружокъ по вечерамъ,
И мать изъ Библии урокъ читала намъ,

Тяжелый сонъ меня одолевалъ при чтеньѣ....
Но помню, разъ она о первыхъ дняхъ творенья

Разсказывала намъ по книгѣ Бытія, —
Впервые изумленъ, внималъ прилежно я,

И послѣ чтенія, какъ братья шли ужь въ спальни,
Тихонько убѣжалъ я сада въ уголъ дальній

И, взоры устремивъ на звѣздный сводъ небесъ,
Казалось понялъ смыслъ прочитанныхъ чудесъ.

Съ тѣхъ поръ ума во мнѣ Господень перстъ коснулся,
И онъ отъ празднаго бездѣйствія очнулся.

И много лѣтъ потомъ я помнилъ этотъ мигъ,
И посвятилъ ему свой первый дѣтскій стихъ.

Когда же мать моя нашла его случайно,
Я, вспыхнувъ, убѣжалъ, стыдясь за трудъ свой тайный,

И плакалъ я, когда она меня нашла,
И кудри гладила, и съ лаской обняла,

Стараясь мнѣ взглянуть въ потупленные очи...
Я точно вышелъ вдругъ на свѣтъ изъ мрака ночи,

И въ чудномъ блескѣ мнѣ являются всегда
И отрочества дни, и школьные года,

Когда безопасно нѣлъ я солнце, моря волны,
Волною на песокъ закинутые челны,

И дѣвъ невидимыхъ, которыхъ посвящаль
Я въ красоты лѣсовъ, пустынь и дикихъ скалъ.

Но городъ, гдѣ я росъ, мой даръ считалъ юродствомъ.
Хоть люди въ немъ цвѣли отъ праздности дородствомъ,

Но праздность видѣли въ занятіяхъ моихъ
И кару — въ худобѣ моей за чтенье книгъ.

И лишь немногіе и близкіе знакомцы
Да бурсы городской смиренныя питомцы

Мои творенія читали — кто бранилъ,
Кто неумѣренной хвалою превозносилъ.

Но я почувствовалъ, что ихъ суда мнѣ мало.
Иное поприще мечта мнѣ открывала.

Къ намъ быстрая мозва за вѣстью вѣсть несла,
 Что въ мѣрѣ поднялась борьба добра и зла,

И каждое ловилъ я огненное слово,
 И жаждалъ испускть свой духъ въ борьбѣ суровой....

Такъ въ замкѣ, на скалѣ, на днѣ сырой тюрьмы.
 Вдругъ слышино узнику, среди глубокой тьмы.

Что съ моря выстрѣлы несутся боевые,
 Все ближе; вотъ дрожатъ граниты вѣковые.

Вотъ парусъ, какъ пятно, въ окнѣ его мелькнулъ
 И вѣтръ къ нему занесъ и дымъ, и криковъ гулъ;

Кругомъ шипятъ въ водѣ и бьютъ о камень ядры;
 Онъ слухомъ лишь слѣдитъ, какъ движутся эскадры.

И кинулся бѣ къ окну — да окна высоки!
 И проклиная цѣпь, онъ плачетъ отъ тоски....

И я рѣшилъ отцу открыть свои мученья,
 И на далекій путь просить благословенья.

Спокойно выслушалъ слова мои старпкъ,
 И, помню, просіялъ какъ юноша въ тотъ мнѣ.

«Тебѣ не мѣсто здѣсь», сказалъ онъ вдохновенный,
 И къ матери повелъ въ покой уединенный.

И говорилъ я ей, что гибну я въ глуши;
 Что даръ коснѣетъ мой въ бездѣйствіи души;

Что славное пришло для человѣка время;
 Что новое Господь на землю бросилъ сѣмя;

Что въ душу избранныхъ его Онъ насадилъ,
 И страждущимъ раздать велѣлъ, и — часъ пробилъ —

Сіяетъ и для нихъ надежды свѣтъ любезный,
 Какъ Ною радуга надъ безпредѣльной бездною;

Что зданья стараго дрожить уже скелеть,
 И въ трещины его ужъ новый блещетъ свѣтъ;

Что нѣкій мужъ, въ ночи являясь, мнѣ глаголетъ:
 «Гдѣ посохъ твой! вставай!» и въ путь идти неволитъ....

«Пусти, я умоляю, я буду утѣшать
«Надеждой скорбнаго и добрыхъ прославлять!»...

Все выслушавъ, она промолвила миѣ строго:
«Но гдѣ же знаменье, что это голосъ Бога?»

«Намъ сказано: не всѣ внушенья отъ небесъ —
«И образъ ангела пріемлетъ часто бѣсъ.»

А я: «нѣтъ, не земнымъ подвигнуть я внушеньемъ;
«Его провѣрилъ я молитвой и сомнѣньемъ.»

«Кто знаетъ? то, надъ чѣмъ и старецъ пзнемогъ,
«Нерѣдко лепетомъ младенца скажетъ Богъ!»

«О, не держи меня и дай благословенье,
«Да чистый шествую я ближнимъ во служенье.»

И голову склонилъ къ ся колѣнамъ я.
И взоръ то на отца стремя, то на меня,

Сказала дивная дрожащими устами:
«Тебѣ отвѣтствовать могу я лишь слезами!»

«Останешься ль у насъ — ты будешь тосковать,
«И скрытой скорбію миѣ душу надрывать!...

«Уйдешь.... о для чего тебя я породила!»...
Но больше говорить ей сила измѣнила,

И плакала она, склонясь ко миѣ головой,
И тихо молвила: «Иди! Господь съ тобой!»

Досель, о дивная, миѣ образъ твой сіяетъ!
Слеза безмолвная съ ресницы упадетъ....

Покорно говорятъ уста твои: «иди!»
А руки жмутъ меня къ взволнованной груди....

Но вотъ отецъ развелъ твои тихонько руки
И обнялъ онъ тебя, свои скрывая муки,

Миѣ подалъ знакъ уйти, а самъ тебѣ шепталъ
Слова святыхъ надеждъ и въ очи цѣловалъ....

И я оставилъ сѣнь отческаго дома.
И дни прошли въ пути. Душевная истома

Меня лишила силъ. Осенній вѣтеръ выль....
Впервые понялъ я, какъ домъ отцовскій милъ.

Я всюду видѣлъ мать: душа ея болѣла,
Все что-то высказать, казалось, мнѣ хотѣла....

Изъ сердца моего, Богъ вѣдаетъ куда,
Мечты умчались, какъ птички изъ гнѣзда....

Я на горы взошелъ. Долины въ мглѣ тонули,
И звѣзды въ небесахъ холодныя блеснули....

И страшнымъ сномъ въ ту ночь мой духъ былъ возмущенъ.
То былъ пророческій, тревоги полный сонъ.

Онъ возвѣстилъ мнѣ все, что послѣ совершилось....
Но поздно мнѣ его значеніе раскрылось.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мнѣ снилось, что я все въ горахъ еще бродилъ.
Всечасно на пути мой шагъ межъ плитъ скользилъ

Лопухъ, чертополохъ за платье мнѣ цѣплялись,
И точно духи, въ нихъ дремавшіе, взвивались

И били крыльями, какъ птицы. Грудь мою
Сжималъ пустыни страхъ. Вдругъ вижу, на краю

Обрыва горь стоитъ почтенный странникъ, рѣзко
Рисуясь статуей на небѣ, полною блеска.

Я, радостно узрѣвъ живое существо,
Какъ младшій старшаго привѣтствовалъ его.

Онъ поднялъ голову, какъ будто съ неохотой
Прощаясь съ думою и тяжкою заботой.

«Куда стремишься ты?» спросилъ онъ. И въ отвѣтъ:
«Ищу я истины, иду туда, гдѣ свѣтъ».

Онъ на слова мои такъ горько улыбнулся,
Что я потушилъ взоръ и духомъ содрогнулся.

Но тотчасъ прежній видъ спокойствія принявъ,
Онъ молвилъ кротко мнѣ: «да, юноша, ты правъ.

«Иди за мной. Тебѣ я славный путь открою.»
Сказавъ, онъ до меня дотронулся рукою,

И полетѣли мы въ пространствѣ голубомъ,
Какъ два орла летятъ, не двигая крыломъ.

Воздушный сей полетъ мнѣ не казался страннымъ.
Долъ скрылся. Мѣсяцъ всплылъ надъ облакомъ туманнымъ,

Какъ будто снѣжную мятель въ немъ серебра,
И духъ мой весель былъ. Когда жъ зажглась заря,

Обширный увидалъ я городъ. Въ немъ, какъ ленты,
Шли уллицы. Кругомъ дворцы и монументы,

И башни, и мосты. Народъ вездѣ кишилъ,
Какъ въ муравейникѣ, и къ площади валилъ,

Гдѣ цѣльные быки на вертелехъ вращались,
Пылали маяки и знамена качались.

И сталъ я различать, спускаясь, звукъ трубы,
И стоишь, и вой, и крикъ, и частый трескъ пальбы.

У городскихъ воротъ спустились мы на землю,
И я едва успѣлъ опомниться, какъ внемлю,

Что по полю па, настъ толпа людей валитъ,
Какъ туча черная, и дико голоситъ.

Какъ пухъ во облакѣ поднятой вихремъ пыли,
Помчался съ ними я. Они въ крови всѣ были,

И я гляжу — на мнѣ одежды не мои!
Я тронулъ ихъ рукой — смотрю, рука въ крови;

Я крикнуть къ спутнику хотѣлъ, но вижу: краснымъ
Онъ машетъ колпакомъ и голосомъ ужаснымъ

Передъ толпой вопить, какъ звѣрь свирѣпъ, космать....
«То онъ ли?» думалъ я и страхомъ былъ объять.

Но онъ, схвативъ меня рукой — «бѣснуйся съ ними!
«Кричи! сказалъ, и — прочь съ сомнѣнными пустыми!»

Вбѣжали въ городъ мы. Дома одни горятъ,
Другіе грудю дымящейся лежатъ;

Повсюду битвы слѣдъ. Размощены дороги,
Объ мертвыхъ, что ни шагъ, то путаются ноги.

Тамъ съ шпагою въ рукѣ, патрицій молодой,
Лежитъ упавъ навзничъ съ разбитой головой.

Тамъ женщина: съ одеждъ струею кровь лѣтеть,
А на груди ея живой ребенокъ бьется;

За горло двое тамъ схватясь, разинувъ зѣвъ,
Валялись мертвые, въ борьбѣ окостенѣвъ.

Тамъ груды цѣлыя, и мы чрезъ нихъ неслись
И выбѣжали вдругъ на площадь, гдѣ стеклись

Несмѣтныя толпы и точно ждали насъ
Вокругъ большихъ костровъ, крича и веселясь.

И начали кидать въ костеръ сокровищъ груды.
Со звономъ ломали хрустальные сосуды.

Церковной утвари расплавленный металлъ
Съ костра горящими ручьями ниспадалъ.

На куклу вздѣвъ вѣнецъ и царскіе доспѣхи,
Ее повергли въ огонь при сатанинскомъ смѣхѣ.

«Воспой ихъ торжество!» мой спутникъ мнѣ вопилъ,
Но новый шумъ меня сильнѣй того смутилъ.

Я вижу — женщину везутъ на колесницѣ,
И честь ей воздаютъ, какъ слѣдуетъ царицѣ.

То полная была, румяная жена.
Чело въ вѣникѣ изъ розъ, до чреслъ обнажена,

На клики и почетъ, что чернь ей расточала,
Ругательствомъ она и смѣхомъ отвѣчала.

Вокругъ танцовщицы шли, бубнами стуча,
Жрецы, и трубачи, и вѣстники, крича:

«Раздайтесь! се Любви богиня, Мать-Природа!»
Какъ змѣй ползеть въ нору, вся вереница хода

По лѣстницѣ во храмъ ушла. И я толпой
Туда же вдвинуть былъ. Тутъ духъ смутился мой

Инымъ позорищемъ. Весь храмъ сіялъ огнями.
Отъ верху до низу, какъ въ циркѣ, ступенями,

Шелъ помостъ, какъ цвѣтникъ, толпой мужей и женъ
Пестрѣя. Посреди былъ идолъ водружень —

Сатиръ, при хохотѣ вакханки богомерзкой,
Срывающій покровъ съ весталки лапой дерзкой.

У ногъ кумпра сонмъ жрецовъ стѣной стоялъ.
И въ пламенныхъ рѣчахъ собранью возглашалъ:

«Возрадуйте! конецъ насильству и работѣ:
«Мы міръ преобразить грядемъ во имя плоти!»

Въ отвѣтъ, при стукѣ чашъ, при кликахъ торжества,
Вокругъ раздался взрывъ хуленій божества,

И съ наглостью мужи и жены предъ собраньемъ
Являли свой восторгъ безстыднымъ лобызаньемъ.

Мой спутникъ тихо мнѣ: «сегодня конченъ бой.
«За власть на утро же подыметъ другой.

«Покуда — твой чередъ. Мгновеніе приспѣло,
«И слава — твой удѣлъ, лишь что скажу я, — дѣлай!»

Сказавъ, явился онъ въ кругу жрецовъ другихъ
Какъ ихъ верховный жрецъ въ одеждахъ дорогихъ.

Предъ голосомъ его ихъ крики были малы.
Такъ предъ рыканьемъ льва смолкаютъ вдругъ шакалы,

И хоръ болотныхъ жабъ, и крики птицъ ночныхъ,
И всякій звукъ въ степи замретъ на краткій мигъ.

Ругаясь надъ трудомъ, надъ трономъ, надъ святыней,
Онъ черпъ превозносилъ и, призывая пылъ

Ее къ великому свободы торжеству
И наглымъ образомъ уподобляя льву,

Который, цѣпь разбивъ и надышавшись волей,
Отъ гнѣва отдыхать улегся на престолѣ,

Воззвалъ ко мнѣ: «пѣвецъ! вотъ наше божество!
(На идолъ указавъ) «воспой же намъ его!»

И подавъ съ высоты мнѣ золотую лиру,
Но любострастному въ лицо взглянувъ сатиру,

Негодованія не могъ я превозмочь
И лиру срамную отбросилъ гнѣвно прочь.

«Свобода, я вскричалъ, не пиръ, не рабство крови,
«А духа торжество и благодать любви!

«Отъ сердца пѣснь моя; а сердцемъ чуждъ я вамъ,
«И гимна не спю разнузданнымъ страстямъ!»

Мой спутникъ съ высоты меня окинулъ взоромъ,
И взоръ его блеснулъ, какъ молнія, укоромъ.

Но я, трепещущій, далеко былъ. Въ тотъ мигъ
Видѣнья чистыя моихъ пустынь родныхъ

И профиль матери, предъ образомъ стоящей,
Мелькнули предо мной.... Такъ путникъ, весь дрожащій,

Въ грозу, при молніи увидить предъ собой
Вдругъ церковь бѣлую средь темноты густой.

Но то былъ мигъ одинъ. По храму гулъ промчался.
И, точно громъ въ горахъ, ужасный крикъ раздался:

«Въ огонь его, въ огонь поборника цѣпей!»
И все задвигалось. Жрецы отъ алтарей,

Съ подмостокъ вся толпа, какъ лютыхъ тигровъ стая,
Рванулась на меня, все на пути ломая....

Я схваченъ, поднять былъ и, слыша дикій вой,
На звѣрскихъ лицахъ вокругъ конецъ читая свой,

Я бился, выскользнуть стараясь на свободу,
Какъ угорь пойманный скользить и рвется въ воду

Изъ рукъ дѣтей, въ весну, шумливую гурьбой
Пришедшихъ на расплѣсъ, оставленный рѣкой.

Но выбившись изъ силъ, уже я помню смутно,
Что съ хохотомъ слился народа ревъ безпутный,

И я надъ бездною туманною стою,
И подлѣ путникъ мой, личину снявъ свою,

Какъ прежде важенъ, тихъ, и съ кротостью благою
«Прощай, мнѣ говорить, мы встрѣтимся съ тобою.

«Но помни: океанъ, бушуя, плъ со дна
«Подъемлетъ, но потомъ уляжется волна,

«И берега цвѣтутъ отъ брошеннаго пла.»
Значенье этихъ словъ тогда мнѣ тайной было.

Отъ ужаса едва сознаніе храня,
Я смутно понималъ, что вождь мой спасъ меня.

И онъ исчезъ. И тутъ отъ скорби и смятенья
Я сталъ переходить въ холодное забвенье.

Лишь чувствовалъ, что мракъ вокругъ меня густѣлъ,
Сырой, ужасный мракъ.... и я летѣлъ, летѣлъ....

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Когда заблудшійся въ ночи, въ лѣсу густомъ,
Вдругъ слышитъ шопотъ струй и, слухомъ лишь ведомъ,

Приходитъ къ озеру, и вдругъ, на влагѣ сиящей,
Увидитъ — огонекъ плыветъ къ нему дрожащій;

Понявъ, что то ладьи вдоль берега кружатъ,
Что раковъ ловятъ тамъ иль сонныхъ щукъ багрятъ,

Онъ мыслить, что спасенъ отъ голода и звѣря:
И дышитъ радостно, въ свое спасенье вѣря,

Такъ жизни свѣтъ въ душѣ я снова ощутилъ.
Еще безъ голоса, но очи ужь открылъ,

И приходя въ себя, былъ радъ, что сердце билось,
И все понятнѣе кругомъ мнѣ становилось.

На лѣстницѣ дворца лежу я недвижимъ
Въ иномъ ужь городѣ. Патруль прошелъ. Но имъ

Я не замѣченъ былъ. Заря межъ тѣмъ вставала,
И блѣдная лазурь на небѣ оживала.

Я всталъ и въ путь пошелъ. Все тихо. Ни собакъ,
Ни запоздавшихъ по улицамъ гулякъ.

Вотъ зданье — все темно, но ужь надъ нимъ зарею
Сіяла статуя, держа вѣсы рукою.

Тамъ первые лучи занскрился вдругъ
На буквахъ золотыхъ. Прочелъ я: «Храмъ Наукъ.»

Я дальше. Вотъ чертогъ. Ужь оконъ верхній ярусъ
Горитъ какъ жаръ. Лѣсъ мачтъ, кой-гдѣ алѣвнѣй парусъ,

Меркурій и Нептунъ мнѣ дали разумѣть,
Что то торговли храмъ. Успѣлъ лишь оглядѣть

Его, какъ пантеонъ узрѣлъ я величавый
«Гражданскихъ доблестей и дѣлъ воинской славы.»

На солнцѣ онъ ужь весь сіялъ. Къ нему пути
Уставлены людьми, литыми изъ мѣди.

Съ гранитной лѣстницы, опершись о перила,
Смотрѣлъ я внизъ — и духъ мой радость окрылила.

Столбъ солнечныхъ лучей забрызгалъ по рѣкѣ;
Съ церковей понесся звонъ. Вблизи и вдалекѣ

Задвигался народъ; суда пошли, обозы...
«О, вотъ счастливый край!» воскликнулъ я сквозь слезы.

Тутъ двинулись полки, литаврами гремя.
Народъ въ какой-то храмъ бѣжалъ. За нимъ и я.

«Алтарь отечества» прочелъ я у фронтона.
Войска туда несли развитыя знамена.

Явился царь. Какъ левъ спокоенъ былъ онъ, тихъ;
Какъ солнцу онъ сіялъ средь подданныхъ своихъ,

Среди сподвижниковъ цвѣтущихъ и маститыхъ,
Широкой лентою черезъ плечо повитыхъ.

Съ явленіемъ его въ строю блестящихъ ротъ
Раздался звучный кликъ, и шапки снялъ народъ.

Мнѣ въ душу ясный ликъ царя запалъ глубоко,
И я для сей страны сталъ гимнъ слагать высокой.

Попарно ужь стихи рождались въ головѣ;
Виднѣлась бездна риѳъ, какъ по лугу, въ травѣ

Блестящіе цвѣты, и ими прихотливо
Сталъ мысль я убирать и стихъ ловить счастливой,

Какъ праздникъ кончился, и говора полна,
Отъ храма хлынула народная волна.

Я съ нею двинулся. Но духъ мой умиленный
Смущенъ картиною неожиданною мгновенно.

.....
.....
.....
.....

Вотъ городъ кончился, вотъ поле вокругъ глухое,
А все въ ушахъ «бѣги!» звенѣло роковое.

«Бѣги!» по скоро я упалъ, изнеможенъ,
Вцѣпяся въ спутника, но гнѣвно рвался онъ....

Такъ утопающій товарища хватаетъ,
Который самъ терять ужь силы начинаетъ,

И въ ужасѣ презрѣвъ несчастнаго мольбу,
Въ богопротивную вступаеть съ нимъ борьбу....

Но мигъ — и вырвался вожатый мой и скрылся...
Широкій горизонтъ вокругъ мракомъ обложился...

Въ тупомъ безмыслии глядѣлъ я, какъ исчезъ
Послѣдній лоскутокъ лазуревыхъ небесъ,

И показалось мнѣ, что Богъ во глубь эфира
Уходитъ, отвратя лицо свое отъ міра,

А сумрачный Князь Тьмы, съ тиарой на челѣ,
Побѣдно шествуетъ владыкой по землѣ,

И съ нимъ его сыны, какъ псовъ голодныхъ своры,
Трибуны и жрецы, клеветники и воры....

И вотъ ужь съ грохотомъ тяжелыхъ колесницъ
Все ближе визгъ и вой.... я пагъ на землю ницъ,

Слова младенческихъ молитвъ припомнить тщиля,
И только «Отче нашъ» сказалъ и — пробудился.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ тѣхъ поръ прошли года.... Обмануть вѣрой страстной,
Я въ жизни изнемогъ.... Сбылся мой сонъ ужасный!...

Повсюду пламеннымъ мечтамъ моимъ въ отвѣтъ,
Въ судьбахъ народовъ я читалъ: «надежды нѣтъ!»

Съ презрѣнiемъ въ душѣ къ бессилью человѣка,
Всѣ боли раздѣливъ обманутаго вѣка,

Равно я поражалъ насмѣшкою своею
И вѣру стариковъ, и страстный пылъ дѣтей.

Сомнѣнье стало мнѣ и гордостью, и мукой,
И имъ кичился я надъ чернью близорукой.

Лишь тотъ, кто слышалъ разъ, какъ падая стучитъ
Земля о хладный гробъ, гдѣ трупъ любезный скрытъ,

Пойметъ, какъ тяжело душѣ, въ порывѣ къ благу,
Съ горячей вѣрою терять на жизнь отвагу;

Пойметъ, какъ тяжело, стуча рукою въ грудь,
Въ отчаяннiи стонать: «все тщетно! конченъ путь!»

«Нѣтъ! съ жизнью нѣчего мнѣ больше лицемѣрить,
«Въ ней нѣчего любить, и нѣ во что въ ней вѣрить!»

Болящею душой въ забвеньи потопуть
Хотѣлось мнѣ и вотъ, опять я вышелъ въ путь....

Дохнуть мнѣ воздухомъ пустынныхъ мѣстъ хотѣлось,
Гдѣ сладко нѣкогда мнѣ думалось и пѣлось....

Я шелъ — и каждый мигъ яснѣй мнѣ образъ былъ,
Какимъ я тотъ же путь когда то проходилъ.

Тотъ образъ точно шелъ теперь со мною рядомъ,
Какъ мальчикъ съ старцемъ, то допрашивая взглядомъ

Иль словомъ старика, то мчась за мотылькомъ,
То лепеча съ собой, Богъ вѣдаетъ о чемъ.

И, душу умилилъ, мнѣ спутникъ мой незримый,
Святымъ повѣденье и вѣрою водимый.

Вонъ церковь вдалекѣ — и онъ свернулъ съ пути
Туда вечернія молитвы принести;

Колодезь — тамъ стоитъ крестьянка молодая,
Толпяся овцы вокругъ, у поила ожидая, —

Онъ дѣву мысленно Ревскою зоветъ.
Тамъ жатва; трудъ кипитъ, сверкаетъ серишь, и воть —

Изъ книги Руон стихъ, какъ рожь, благоуханный,
Твердитъ опъ, запахомъ колосевъ обаянный...

И воть на рубежѣ лѣсовъ и горъ родныхъ
Благословенный сонъ коснулся вѣждъ монахъ.

Мнѣ снилось: сквозь туманъ лицу я все дорогу.
Но воть густая мгла рѣдѣетъ по немногу;

Долина чудная открылась предо мной;
Сады цвѣтутъ вдоль горъ, алѣющихъ зарей;

Озера розовымъ вдали сіяютъ блескомъ,
И воды пѣжатъ слухъ, какъ арфы, звучнымъ плескомъ.

Прохладный вѣтерокъ на голову и грудь
Порхнулъ мнѣ, и едва я имъ успѣлъдохнуть,

Какъ вижу — предо мной та Муза, что слетала
Ко мнѣ въ тѣ дни, какъ мать намъ Библію читала,

И та же у нея звучала пѣснь въ устахъ,
И въ этой пѣснѣ все, какъ въ утреннихъ лучахъ

Дышало свѣжестью — святыхъ сердца грѣзы,
Молитвой тихою исторгнутыя слезы,

И счастья, и добра высокій идеаль....
И, слушая ее, я тихо зарыдалъ.

Она жь мнѣ ласково: «мечтатель одинокій!
«Какъ смертный, какъ слѣпецъ свершилъ ты путь далекій!

«Изъ жизни міра ты единый видѣлъ мигъ:
«Его не обнялъ ты и смысла не проникъ!

«Послѣдуй же туда, гдѣ смертныхъ судъ смокаетъ.»
И вотъ — Небесная мнѣ руку простираетъ,

И какъ двѣ горлицы, теряясь въ лучахъ
Златаго утра, мы помчались въ небесахъ.

Въ странахъ заоблачныхъ полетъ нашъ удержала
Она и молча внизъ рукой мнѣ указала.

Святая на землѣ царила тишина.
Я жадно узнавалъ, гдѣ городъ, гдѣ страна,

Въ которыхъ я бывалъ, гдѣ тщетно тратилъ силы,
Гдѣ лучшихъ сверстниковъ оплакивалъ могилы....

Но — чудо! города, которые кляня
Въ слезахъ отчаянья навѣкъ покинулъ я,

Въ которыхъ, думалъ я, все гибнетъ безъ возврата
Отъ беззаконія, слѣпотства и разврата —

Блстаютъ и цвѣтутъ! на всемъ печать труда!
Какъ чайки къ нимъ плывутъ крылатыя суда....

Вонъ слышны молотовъ удары, вздохи машинъ,
И рогъ пастушескій, и пѣснь съ луговъ и пашень,

И, изумленіемъ проникнуть, я спросилъ:
«Какой же это міръ? откуда столько силъ?

«Вотъ край. Онъ сдавленъ зломъ, но рвется жизнь отсюда,
«Какъ сочная трава сквозь каменную груду.

«А это что?... Смотри: тамъ люди строятъ храмъ....
«Ужель то зодчій ихъ?... Да, точно!... то онъ самъ!...

«Его я видѣлъ разъ.... онъ былъ тогда ужасенъ!...
«Какъ онъ задумался! Какъ силенъ! Какъ прекрасенъ!...»

Она жь: «На время духъ пылливый умири.
«Я трепещу сама. Всѣ силы собери,

«Какъ бы готовяся на подвигъ чрезвычайный....
«Я подыму покровъ теперь съ великой тайны.»

И вотъ — клубясь съ земли промчался ошшамъ.
Какъ въ арфѣ струнный гулъ, слышалоса намъ,

Что звуки носятся по горнему чертогу.
И Муза: «То летять мольбы народовъ къ Богу!

«Внимай!» И трепеща, въ мольбахъ земныхъ племень,
Услышалъ я слова: «Отець! Ты совершенъ —

«Да будемъ, яко Ты, и мы всѣ совершенны!»
Тутъ точно съ глазъ моихъ покровъ совлекся тлѣнный,

Но Муза мнѣ: «молись отъ сердца полноты!
«Предъ челоуѣчествомъ глубоко грѣшенъ ты.

«Знай, къ свѣту жизнь его стремится шагомъ твердымъ.
«Въ ней страсти розныя звучать однимъ аккордомъ,

«И слышитъ полноту и мощь его лишь Богъ.
«Мысль не проходитъ миръ безъ жертвы и тревогъ,

«И зло въ рукѣ Творца есть жезлъ вождя желѣзный,
«Вамъ указующій на пропасти и бездны.

«Ты челоуѣчества таинственный удѣлъ
«Лишь жизнью смертнаго измѣрить захотѣлъ....

«Нѣтъ, поколѣнья въ немъ, событія и люди,
«Какъ цвѣтъ одинъ, какъ мысль, какъ вздохъ могучей груди!

«Идетъ оно впередъ, безмолвно какъ судьба,
«Ступаетъ на цвѣты, ступаетъ на гроба,

«Упадшихъ жертвъ въ средѣ своей не замѣчая,
«То руша, то твори и каждый мигъ мужая....

«Безумецъ, подыми въ веселіи чело!

«Въ самомъ въ немъ сила есть врачующая зло:

«Тамъ — грянетъ вдругъ она торжественнымъ ударомъ

«Войной и ужасомъ, и кровью, и пожаромъ;

«Здѣсь — всходитъ, какъ заря, въ предъизбранныхъ мужахъ

«Нерѣдко съ царскою порфирой на плечахъ....

«Ты плачешь.... То слеза любви и умиленья!...

«Но вижу я въ тебѣ еще одно сомнѣнье.

«Какъ созерцаемъ звѣздъ, ты мыслию одной

«О человѣчествѣ подавленъ и съ тоской

«Ты мыслишь: что же ты въ безгранномъ этомъ морѣ?

«Былинка, прахъ, ничто? что трудъ твой? слезы, горе?

«Изъ малыхъ капель слить могучій океанъ:

«Такъ съ человѣчествомъ, о смертный, ты сліянь!

«Ты — часть его, ты — лучъ единаго свѣтила!

«Твой жребій съ нимъ одинъ, въ тебѣ одна съ нимъ сила!

«Стремися лучшимъ быть, трудись, иди впередъ —

«И вѣруй: чистый трудъ во благо всѣхъ плетъ....

«И ты, пѣвецъ, — блаженъ блаженъ, что зналъ страданья!

«Ты утвердишь на нихъ души своей созданья!

«Терновый путь ведетъ пѣвца до высоты,

«Откуда ясенъ міръ — ея достигнулъ ты,

«И пусть изъ царства зорь, изъ міра благовоній,

«И вѣчной юности, и свѣта, и гармоній,

«На землю падаетъ святая пѣснь твоя,

«Какъ въ знойный день роса, свѣжащая поля,

«Какъ лучшей жизни вѣсть, какъ пѣнье вольной птицы

«Мелькнувшей узнику въ отверстіи темницы.

«Блаженствомъ чистыхъ слезъ смягчивъ сердца людей,

«Та пѣснь ихъ возродитъ для новыхъ, лучшихъ дней....»

О рѣчи чудныя!... и я впивалъ ихъ жадно,
Какъ нива въ засуху впиваетъ дождь отраднѣй....

Мой жребій просіялъ. Мгновенно новый свѣтъ
Мнѣ разомъ озарилъ событѣя многихъ лѣтъ....

Какъ шумъ незримыхъ водъ, въ грядущемъ, въ то мгновенье
Почуялъ я тоску и радость вдохновенья....

И полнъ восторга, въ путь я снова поднялся....
И вотъ — они шумятъ, родимые лѣса!

Вотъ старыхъ липъ верхи, и вотъ, меня встрѣчая,
Визжитъ домашнѣй песь.... Вотъ домъ, вотъ мастерская,

И у треножника сидитъ сѣдой старикъ;
И пишетъ, прослезясь, Скорбящей Дѣвы ликъ.

Знакомымъ голосомъ встревоженъ, кисть бросаетъ....
Вотъ съ воплемъ мать бѣжитъ, смѣется и рыдаетъ,

И къ сердцу жметъ меня, и шепчетъ въ тишинѣ:
«На горе ты рожденъ.... но тѣмъ и милъ ты мнѣ!»

Корветъ «Балнъ»

1856—1858.

А. Майковъ.

КОРМИЛИЦА.

ОЧЕРКЪ.

(посв. сестрѣ С.)

I.

Въ началѣ января 18... года мнѣ минуло пять лѣтъ. Мы жили тогда въ городѣ.

Очень живо помню я свою дѣтскую. Это была небольшая комната о трехъ маленькихъ и невысокихъ окнахъ, выходившихъ на дворъ. Свѣтло бывало здѣсь только по утрамъ въ солнечные дни. У одной стѣны стояла моя кроватка съ высокими, какъ у ящика, стѣнками; у противоположной стѣны, на двухъ большихъ сундукахъ, поставленныхъ рядомъ и покрытыхъ старымъ ковромъ, спала моя нянюшка Фіона. Худая, малорослая, немножко косая и добрая-предобрая, няня моя была вдова нашего повара Никиты. Ходила она по городскому, въ платьяхъ — всегда въ темненькихъ, съ платкомъ на головѣ. У Фіоны была доченька Лиза, годами двумя старше меня, хорошенькая, обстриженная въ кружокъ, съ глубокимъ рубцомъ на лбу. Она часто играла со мной. Самымъ любопытнымъ для меня предметомъ въ дѣтской былъ небольшой сундучекъ няни съ висячимъ гремучимъ замкомъ. Я очень любилъ смотрѣть, когда она отпирала его и шарилъ въ немъ. Ничего не хранилось въ сундучкѣ хорошаго, но занимала меня его разборка. На крышкѣ были налѣплены клейстеромъ и жеванымъ хлѣбомъ разныя картинки: пор-

треть какого-то генерала въ шляпѣ съ перомъ и десятка два изображеній румяныхъ барынь съ букетами въ рукахъ и въ токахъ въ родѣ круглыхъ пироговъ—съ конфетъ и съ синихъ помадныхъ банокъ. Поверхъ генерала былъ наклеенъ гербъ съ Московскихъ вѣдомостей. Съ правой стороны была въ сундукѣ узенькая перегородочка съ особенной крышечкой. Тутъ хранились у няни всѣ мелочи: куски черного воску, ножницы, обгрызки сахару, подсолнечныя семечки въ бумажкѣ, свернутой трубочкою, мѣдный наперстокъ, деревянный игольникъ, клубочки нитокъ на птичьихъ горлышкахъ, насыпанныхъ горохомъ.... Я любилъ побрякивать этими клубочками. На днѣ ящика, подъ разнымъ ситцевымъ и холщевымъ тряпьемъ, лежалъ коричневый шелковый мѣшечекъ, въ которомъ няня берегла всѣ свои деньги. Иногда она вынимала его и пересчитывала серебряную мелочь и мѣдные гроши; были у нея и двѣ синія ассигнаціи, завернутыя въ клочокъ исписанной, затасканной бумажки. Случалось, Фіона брала изъ кошелька своего полтинникъ или другую серебряную монету, показывала мнѣ и говорила: «А вотъ и твой полтинникъ! Помнишь? что маменька-то пожаловала тебѣ, чтобы далъ мнѣ на именные».

Особенно была мнѣ мила моя дѣтская, когда въ ея маленькія окна глядѣло радостное утреннее солнце. Если, проснувшись, я видѣлъ, что день ясный, солнечный, мнѣ было веселѣе вставать и вовсе не хотѣлось пѣжиться. Только раза два, бывало, закроюсь съ головой стеганымъ одѣяломъ и воображаю себѣ, что вотъ это ночь. Мѣста въ одѣялѣ, съ которыхъ сбилась вата, просвѣчивали, и я представлялъ ихъ себѣ звѣздами. Потомъ начну понемножку пропускать свѣтъ подъ одѣяло, и звѣзды начнутъ меркнуть; а какъ открою все лицо, такъ значитъ солнце взошло.

Нѣкоторое время меня очень смущала полоумная нищая Васюха, которая являлась почти каждое утро подъ окнами дѣтской, стучала въ окно своею длинной палкой и грубымъ басомъ кричала: «Копѣчку, Христа ради!» я громко взвизгивалъ, начиналъ дрожать всѣмъ тѣломъ и пряталъ голову подъ подушку. Отецъ велѣлъ гонять Васюху, чтобы не пугала ребенка; но за ней никакъ не могли углядѣть, и она

продолжала наводить тѣнь на ясныя солнечныя утра моего младенчества. Понятно, что я никогда не могъ отъ страха разсмотрѣть ее хорошенько; но она мнѣ представляется до сихъ поръ очень живо: долговязал, тощяя, вся оборванная, грязная, глаза разбѣгаются, космы пыльныхъ волосъ нависли на лобъ и на щеки, руки длинныя, костлявыя, за спиной большой мѣшокъ. Однажды няня вздумала прогнать ее, и насилу спаслась отъ ея палки. Потомъ Васюха вдругъ перестала ходить, и нянюшка рассказала мнѣ, что она взбѣсилась, стала кусаться, какъ волкъ, и ее посадили на цѣпь. Послѣ этого извѣстія нельзя уже было, когда я начиналъ упрямиться и плакать, стращать меня, что отдадутъ плаксу Васюхѣ, и она унесетъ меня въ своемъ мѣшкѣ. Фіона выдумала тогда какого-то мужика съ бородой и съ желѣзными зубами, котораго называла Шарабаркой. «Плачь еще, плачь! говорила она: отдамъ тебя Шарабаркѣ на желѣзные зубы!»

Представляя восходъ солнца своимъ одѣяломъ, я вижу, бывало, что няня принесла уже ярко блестящій, круглый мѣдный тазъ и умывальникъ и вынимаетъ изъ комода бѣлое полотенце съ красными концами. Пора вставать! Я весь дрожу отъ холода, когда няня умываетъ меня, вытираетъ, одѣваетъ и потомъ чешетъ слегка намоченные волосы мои бѣлымъ частымъ гребнемъ. Вотъ, наконецъ, я и совсѣмъ снарядился: на мнѣ голубая шерстяная рубашка, обшитая по краямъ золотымъ шнуручкомъ, подпоясанная тканымъ пояскомъ съ молитвой, и красныя сафьянныя сапожки. «Ну, иди къ тетушкѣ!»

Комната тетушки, рядомъ съ дѣтской, такая теплая, такая уютная! Тетушка Катерина Михайловна была родная сестра моего отца, старая дѣвица; ходила всегда въ бѣломъ чепцѣ съ узенькимъ кружевомъ, въ бѣломъ воротничкѣ, въ черномъ платьѣ, въ темной шали; на рукѣ мотался у нея бисерный четырехугольный мѣшокъ съ платкомъ и табакеркой. Тетушка была нехороша собой, и я почти всегда плакалъ, если кто-нибудь изъ домашнихъ или изъ постороннихъ говорилъ, что я похожъ на Катерину Михайловну. Когда я входилъ къ ней поутру, она заставляла меня мо-

лится предъ большимъ кіотомъ, въ которомъ стояло много «Божьяго благословенія». На вѣнчикахъ иконъ висѣли, на шелковыхъ ленточкахъ, стразовые и кипарисные крестики, круглыя финифтяныя образочки съ русскихъ мощей и, какъ теперь помню, одинъ костяной образокъ, въ видѣ сердечка, съ гроба Господня. Образокъ этотъ принесла тетушкѣ изъ Іерусалима одна старушка-паломница и рассказывала, что одинъ разъ въ годъ, на Святое Крещенье, приходитъ къ Іордану олень-единорогъ, какихъ на свѣтѣ ужъ нѣтъ, опускаетъ голову въ воды іорданскія, оставляетъ потомъ на пескѣ свой рогъ, и вотъ изъ этого-то рога сдѣланъ образочекъ. Эта же старушка, которая, по возвращеніи отъ святыхъ мѣстъ, поступила въ монастырь и ходила часто къ тетушкѣ монашенкой, подарила мнѣ поясокъ съ вытканными на немъ словами: «Господи, на Тя уповахомъ». На треугольномъ шкапчикѣ, служившемъ подиорой кіоту, стояла у тетушки хрустальная неугасимая лампадка, а по бокамъ ея крестъ изъ илецкой соли и такой же подсвѣчникъ, къ которому тетушка прилѣпляла восковыя свѣчки. За стеклами кіота, около иконъ, лежали сухія просвиры, кусочки пестраго артуса, бархатная шапочка съ мощей Святителя Митрофанія, прошлогоднее красное пасхальное яичко и стоялъ графинчикъ со святой водой; изъ-за средней иконы выглядывали концы пушистой вербы. Въ шкапчикѣ лежали у тетушки ея книги и нѣсколько фунтовъ церковныхъ свѣчъ въ бумажкѣ. Въ комнатѣ былъ всегда пріятный запахъ воска.

Я зналъ всего двѣ молитвы: «Богородице Дѣво, радуйся» и «Отче нашъ». Тетушка внимательно слѣдила за мной, когда я читалъ ихъ, останавливала меня, чтобы я не торопился, учила креститься, хорошенько. Окончивъ молитвы, я читалъ: «Господи помилуй папеньку, маменьку, тетушку, няню, меня грѣшнаго раба твоего и всѣхъ православныхъ христіанъ», потомъ клалъ три земные поклона и подходилъ здороваться къ тетушкѣ. Тетушка давала мнѣ цѣловать свою руку, на которой, помню, было черненькое колечко съ мощей великомученицы Варвары, цѣловала меня и, обдернувъ на мнѣ рубашку, посылала здороваться съ отцемъ и матерью.

Молодую и хорошенькую мать мою заставлялъ я въ столовой, за чайнымъ столомъ, передъ самоваромъ, въ бѣломъ утреннемъ капотѣ. Нянька стояла уже у стола, держась за спинку моего высокаго стула, съ моимъ фартучкомъ въ рукахъ. Отецъ, высокій, съ черными бакенбардами и небольшою лысиной, сидѣлъ у стола или ходилъ по комнатѣ. Я здоровался съ матерью и съ отцомъ. Отецъ, цѣлуя меня, обыкновенно спрашивалъ: колется ли у него борода? Иногда онъ сажалъ меня къ себѣ на плечо и проходилъ назадъ и впередъ по всѣмъ комнатамъ, пока мать наливала мнѣ чай въ круглую китайскую чашку, подаренную мнѣ тетужкой на именины. Усѣвшись за столъ, я дѣлалъ густую тюрю изъ хлѣба и выкладывалъ ее изъ чашки на блюдечко высокой кучей. Этой тюрѣ у меня было особенное названіе. У отца была какая-то дача, называвшаяся Горой-Маной; часто слышалъ я это имя въ разговорахъ его съ прикащикомъ, и прозвалъ свою хлѣбную тюрю Гора-Мана.

Послѣ чая мнѣ давали побѣгать по комнатамъ. Вообще, изъ всего нашего дома я хорошо помню только свою дѣтскую да тетужкинъ уголокъ; остальные комнаты какъ-то не сохранились у меня въ памяти. Знаю только, что въ гостиной, между двухъ изразцовыхъ печей, стоялъ большой диванъ изъ карельской березы, да въ спальнѣ матери было старинное грюмо. Одинъ темный сукъ въ деревѣ дивана, окруженный тонкими жилками, былъ похожъ на кошачью морду. Это очень меня занимало, такъ же, какъ и два деревянные позолоченные лебедя по бокамъ зеркала, внизу. Вниюсь, я много способствовалъ, чтобы позолота ихъ скорѣе облупилась.

Набѣгавшись, я приходилъ къ тетужкѣ, и она сажала меня на скамеечку у своихъ ногъ и заставляла учить азбукку. «А— арбузь, бе— бесѣдка, ве— ведро....» читала я, пока не начинала разбирать меня, зѣвота. «Ну, поди поиграй!» говорила мнѣ тогда тетужка.

До игрушекъ я былъ не охотникъ, и рѣдко бралъ въ руки купленныхъ мнѣ на ярмаркѣ оловянныхъ солдатиковъ и палитаго свинцомъ ваньку-встаньку съ уморительной рожей.

Самымъ лучшимъ удовольствіемъ было для меня разсматривать картинки въ книгахъ. Чаще всего выпрашивалъ я

у тетушки большіе кіевскіе Святцы съ изображеніями святыхъ. И не умѣя читать, я зналъ по имени многихъ изъ этихъ уравненныхъ добродѣтелью царей и юродивыхъ, военовъ и монаховъ. Любилъ я также, чтобы тетушка мнѣ рассказывала что-нибудь объ нихъ. Она охотно соглашалась на мои просьбы, и не разъ слышалъ я отъ нея исторію Екатерины великомученицы, ея 'ангела, и Алексѣя Человѣка Божія. Я чрезвычайно живо воображалъ себѣ маленькій клевушокъ, въ которомъ жилъ нищимъ Алексѣй Человѣкъ Божій около дома отца своего и пытался тутъ, не узнаваемый родителями, ихъ подаяніемъ. Часто прерывалъ я подобные рассказы своими теплыми слезами.

Такимъ образомъ большую часть дня, за исключеніемъ часа прогулки по двору съ Фіоной, проводилъ я съ тетушкой, въ ея комнатѣ. Отецъ по утрамъ бывалъ на службѣ и возвращался только къ самому обѣду. Послѣ обѣда и онъ, и мать отдыхали. Вечеромъ они или сами бывали въ гостяхъ, или у насъ были гости и играли на нѣсколькихъ столахъ въ вистъ и въ бостонъ. Мать часто ласкала меня, но никогда не занималась мною такъ, какъ тетушка. Она сидѣла съ работой у себя въ спальнѣ, и когда я приходилъ къ ней, всегда брала меня на колѣни и нѣжно цѣловала.

Почему-то болѣе другихъ памятно мнѣ тѣ вечера, когда мы съ тетушкой оставались одни дома. Съ этими вечерами связана у меня память о большей части рассказовъ тетушки. Насмотрѣвшись картинокъ, послушавшись святыхъ исторій, я наконецъ начиналъ зѣвать: меня кормили манной кашей, заставляли молиться и укладывали въ постель. Полусонный крестилъ я всѣ четыре стороны и цѣловалъ золотой свой крестикъ. Няня зажигала между-тѣмъ ночникъ.

Порой, словно во снѣ, мнѣ слышался ночью шелестъ шелкового платья около моей постельки, я чувствовалъ легкое прикосновеніе мягкихъ локоновъ къ моей щецкѣ, и на лбу моемъ тихій поцѣлуй матери.

II.

Меня не мало удивляла работа, за которую я сталъ видѣть мать и тетушку.

Я приставаѣлъ къ тетушкѣ съ вопросами, что выйдеть изъ этихъ длинныхъ и широкихъ тесемокъ, что она вяжетъ изъ бѣлой бумаги; но она отвѣчала только: «выйдетъ что-нибудь.»

Матери я говорилъ, что крохотныя рубашечки, которыя она шьетъ, будутъ мнѣ не въ пору.

— Да это я не тебѣ шью, отвѣчала мать.

— Кому же?

— Одному маленькому-маленькому ребеночку.

— Какому?

— Ты не знаешь.

— А гдѣ онъ?

— Теперь его у насъ нѣтъ, а скоро будетъ.

— Когда? Завтра?

— Нѣтъ.

— Послѣ-завтра?

— Нѣтъ, и не послѣ-завтра; а скоро.

— Онъ какой, мама?

— Маленькій-премаленькій... вотъ этакенкій... и ходить еще не умѣеть.

— А ползать умѣеть?

— Нѣтъ, и ползать не умѣеть.... Вотъ этакенкій.

И мать показывала, какой это будетъ крошечный ребенокъ.

Я съ нетерпѣнiемъ ждалъ прибытiя этого гостя, о которомъ такъ заботились, что заранѣе шли на него съ утра до вечера.

Однажды вечеромъ, когда я сидѣлъ у тетушки въ комнатѣ и разбиралъ по обыкновенiю Святцы, вошла Фiона съ извѣстiемъ, что изъ деревни мужики прiѣхали.

Тетушка спросила:

— А Марина прiѣхала?

— Прiѣхала, отвѣчала Фiона. Сейчасъ сюда прiдетъ.... дѣвочку свою кормить.

— Съ собой привезла?

— Какже, сударыня: жалко вѣдь.

Я спросилъ тетушку:

— Какая это Марина?

— Баба изъ деревни, отвѣчала мнѣ тетушка: — она здѣсь жить будетъ — у тебя въ дѣтской.

Это меня и удивило, и огорчило: мнѣ вообразилось, что Марина явилась на смѣну Фіонѣ, къ которой я такъ привыкъ.

— А какъ же няня-то? сказала я чуть не со слезами на глазахъ.

— И няня тамъ же останется.

— А гдѣ она спать будетъ — Марина-то?

— Ей кровать поставятъ.

— Лучше бы нянѣ кровать! возразилъ я съ нѣкоторой досадой, а та бы на сундукахъ спала.

— Няня ужъ такъ привыкла, отвѣчала тетушка.

— Да зачѣмъ же мнѣ еще другую? допрашивалъ я.

— Нужно, отвѣчала тетушка коротко и неясно.

Посмотримъ, что это за Марина! Признаюсь, я вовсе не радъ былъ новой жилищѣ въ дѣтской; а главное, боялся, не старая ли это брюзга какая.

Съ какимъ любопытствомъ кинулся я въ спальню матери. какъ узналъ, что туда пришла Марина! Къ великому изумленію моему, это была вовсе не старуха; напротивъ — молодая и очень красивая женщина, высокаго роста. Говорила она тихо и кротко — не похожа была на ворчунью.

Скоро могъ я познакомиться съ нею поближе: Марина пришла въ дѣтскую. Тутъ она сѣла къ Фіонѣ на сундукъ, и онѣ принялись разговаривать. Меня Марина приласкала — погладила по головѣ, разобрала мнѣ волосы и поцѣловала въ темячко. Я сталъ около и молча разсматривалъ ее. Она мнѣ очень понравилась: я еще никогда, казалось, не видалъ такихъ хорошенькихъ между крестьянскими бабами. Какіе были у нея добрые глаза! какія свѣжія и румяныя щеки! какіе бѣлые зубы! мнѣ было жаль, что она такъ бѣдно одѣта: рубашка толстая, синій полусушковый сарафанъ въ заплаткахъ.

Марина долго рассказывала нянюшкѣ разныя деревенскія новости. Наконецъ она встала, чтобы пойти къ своей дѣвочкѣ.

— Да принеси ее сюда! сказала нянюшка: — вѣдь она смирная у тебя никакъ? не кричитъ?

— Смирная, Фіонушка. И все была смирная, а теперь и совсѣмъ не крикнетъ никогда.... словно чувствуетъ, что съ матерью пришлось расставаться.

Марина ушла; а я тотчасъ приступилъ къ нянѣ съ разспросами.

- Куда же, няня, дѣнуть эту дѣвочку?
- Назадъ въ деревню отвезуть.
- А у кого она тамъ жить будетъ?
- У отца да у бабушки.
- Да какъ же поѣдетъ-то? Вѣдь она маленькая.
- Съ бабушкой: бабушка тоже пріѣхала.
- Сюда она не придетъ?
- Кто?
- Бабушка-то.
- Придѣтъ, придѣтъ....
- А какъ дѣвочку-то зовутъ, няня?
- Соломонидкой.

Марина долго не возвращалась. Я успѣлъ поужинать и попрощаться со всѣми; но раздѣться и лечь въ постель не соглашался, потому что мнѣ очень хотѣлось взглянуть на Маринину дочку.

Наконецъ пришла Марина — въ полушубкѣ, надѣтомъ на одну руку: въ полѣ его была завернута Соломонидка. Марина скинула полушубокъ и доставила мнѣ возможность посмотреть на свое дитя; впрочемъ, я все какъ-то сторонился, словно боялся, что дѣвочка меня укуситъ. Половина лба и уши ея были спрятаны подъ шапочкой изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ треугольничковъ; рубашенка была потоньше, чѣмъ у самой Марины, но грязная такая.

Дѣвочка сидѣла смиренно на рукахъ матери, хотя большіе глаза ея смотрѣли робко; но когда Марина поднесла ее ко мнѣ и сказала: «А вонъ баринъ малецкій! Смотри-ка!» Соломонидка задрожала, захныкала и стала отворачиваться.

Я замѣтилъ при этомъ, что у нея очень широкій ротъ.

— Ну, не надо! не надо! уговаривала Марина. Гляди-ка: бусенки-то! бусенки-то!

И она стала передергивать у себя на шеѣ стеклярусный борокъ.

Дѣвочка не унималась.

— Ну, постой, покормлю, сказала Марина, разстегивая дутую мѣдную пуговку своей рубашки: — спать хочеть, прибавила она въ видѣ объясненія.

Нянюшка рѣшила, что и миѣ пора въ постель.

Я нарочно положилъ подушку повыше, чтобы стѣнки кровати не мѣшали миѣ продолжать мои наблюденія надъ Мариной. Она сѣла на сундукъ, дала грудь дочекѣ и тихо запѣла; потомъ стала мѣрно качивать ребенка, все напѣвая также тихо свою заунывную пѣсню. Я уснулъ вѣрно въ одно время съ Соломонидкой.

III.

На слѣдующій день познакомился я и съ бабушкой дѣвочки. Это была маленькая сморщенная старушка, веселаго нрава. Она меня называла «баринушкой» и то и дѣло брала цѣловать мою руку. Тетушка меня научила всегда отнимать руку, когда у меня ее просили дворовые или крестьяне; но съ Купріяновной я не могъ сладить. Веселость ея составляла совершенную противоположность съ расположеніемъ Марины: Марина была все грустна и молчалива. У нихъ были и споры изъ-за этого.

— Чего ты носъ-то повѣсила? говорила старуха: — словно на-вѣкъ расстаешься! Господа добрые — жить будетъ ладно.

— Добрые-то добрые, отвѣчала Марина: — а все не свой домъ.

— Во-отъ! возражала Купріяновна: — больно, небось, далеко отъ дому-то? Нѣтъ-нѣтъ, и мужъ пріѣдетъ, и я. И ребятъ станемъ привозить: одинъ разъ одного, другой разъ другаго.

Марина на возраженія эти только печально качала головой.

У меня сердце надорвалось, когда, дня черезъ два, Купріяновна собралась въ деревню, и Маринѣ пришлось прощаться со своей доченькой. Она въ послѣдній разъ покормила ее своею грудью, вся обливаясь слезами. Дѣвочка потомъ заснула, и сошную взяла ее на руки бабушка; а Марина начала всхлипывать и причитать: «Дитятко ты мое милос! сиротинка моя горькая! на кого я тебя покинула?» Съ такими причитаньями провожала она Соломонидку до сапей. Я смотрѣлъ въ окно. Лошадь была уже заложена; вокругъ ходилъ, похло-

пывая рукавицами, Евстигней, братъ Марины, молодой паренъ съ русой бородкой. Купріяновна усѣлась въ санѣ. Марина бросилась цѣловать своего ребенка съ такимъ громкимъ плачемъ, что я могъ слышать его сквозь двойныя оконницы. Вѣрно этотъ плачь разбудилъ дѣвочку, потому что я видѣлъ какъ бабушка дала ей въ ротъ рожокъ съ соской. Евстигней торопилъ бабъ, чтобы прощались скорѣе. Марина обнялась и поцѣловалась съ мужемъ. Онъ сѣлъ на облучокъ, снялъ шапку, перекрестился и дернулъ возжами. Сани двинулись. Марина побѣжала за ними.

— Какъ плачетъ-то, бѣдная! замѣтила нянюшка: — словно хоронитъ дѣтище.

Только въ этотъ вечеръ окончательно поселилась въ дѣтской Марина. На другой день я увидалъ ее уже въ новомъ ситцевомъ сарафанѣ, въ тонкой бѣлой рубашкѣ, съ шелковымъ платкомъ на головѣ. Она стала еще красивѣе въ нарядѣ; только глаза у нея все были красны отъ частыхъ слезъ. Я сталъ разспрашивать ее, о чемъ она такъ горюетъ.

— Развѣ въ деревнѣ лучше, чѣмъ здѣсь?

— Нѣтъ, родимый, отвѣчала Марина: — хуже въ деревнѣ.... Избушки тамъ маленькія, улицы узкія, храмовъ Божіихъ нѣту.

— А вѣдь тебѣ хочется туда?

— Хочется, голубчикъ.

— Отчего же?

— У меня тамъ дѣточки, милый, одни одиныхоньки — словно сироточки. Вонъ у тебя мама твоя съ тобой, а у нихъ нѣту.

— Они какіе?

— Махонькіе.... Вотъ Соломонидку ты видѣлъ; а то еще есть дѣвочка да мальчикъ: дѣвочка-то съ тебя, а мальчикъ годкомъ помоложе.

— Они что дѣлаютъ?

— Что дѣлать-то, голубчикъ? Играютъ.

— У нихъ игрушекъ много?

— Какія игрушки! Вѣдь мы не господа: неначто игрушки-то покупать. Вотъ Миколкѣ отецъ разъ съ базару дудочку привезъ — только и игрушекъ.

— Это какая-же дудочка, Марина?

— Такъ, дудочка.... утка глиняная, а въ ней дырочка: въ дырочку-то дунешь — она и пискнетъ.

Я немедленно присталъ къ Фіонѣ, чтобы она, какъ хочеть, достала мнѣ такую утку. Нянюшка въ первый же разъ, какъ пошла изъ дому, купила мнѣ дудку и я безъ жалости къ чужимъ ушамъ, принялся упражняться на ней.

— А какъ они еще играютъ? спрашивалъ я Марину про ея дѣтей.

— Лѣтомъ-то по двору бѣгаютъ — въ лошадки, а то въ горѣлышки.... Извѣстно, играютъ.

— А зимой?

— Зимой больше въ избѣ все.... На полатяхъ валяются, въ камешки какіе играютъ, али въ пуговки.

Всякая мелочь возбуждала мое любопытство, и я требовалъ во всемъ объясненія Марины. Скажи мнѣ, и что такое полати, и какъ это въ избѣ все, и сколько окошекъ, и сколько дверей. Мнѣ еще не случалось выѣзжать изъ городу, и по рассказамъ Марины, воображеніе мое создало какую-то сказочную деревню. Избушка Марины, клевушокъ Алексѣя Человѣка Божія, хатка лисы изъ няниныхъ сказокъ — все это какъ-то странно смѣшалось, и изъ всего этого составилъ одинъ образъ. Подробно спросилъ я Марину о деревенскихъ занятіяхъ, о томъ, что она дѣлаетъ, и мою сказочную избушку населилъ сказочною жизнью. Между прочимъ, Марина сказывала мнѣ, что ея изба съ краю деревни, что около деревни есть роща березовая, гдѣ лѣтомъ много грибовъ, а зимой волки воютъ, и что волки рѣжутъ и таскаютъ въ лѣсъ жеребятъ и телятъ.

И вотъ вообразилъ мнѣ темный и страшный лѣсъ. Деревья стоятъ точно огромные люди съ длинными руками, стоятъ и шепчутся. Къ нѣкоторымъ деревьямъ приткнуты избушки. Въ избушкахъ темно-темно; въ крошечныя оконца только рука проходитъ, а головы просунуть и не думай — непременно увязнетъ. Стѣны черныя: тропешь пальцемъ — на пальцѣ сажа. А полъ какой грязный! Это теленокъ патталъ своими копытами.... Толчется, мычитъ, толкаетъ маленькихъ ребятъ — и Миколку съ дудкой, и Соломо-

нидку въ ситцевомъ чепчикѣ, и другую дѣвочку.... И все-то: «му-му-му!» Тутъ и куры бродятъ и кудахчуть. Съ потолка каплетъ — точь-въ-точь какъ у насъ въ банѣ. Ай! теленокъ хочетъ забодать Соломонидку! Дѣвочка завела глаза подъ лобъ, закатилась — заплакала, и ротъ у нея до самыхъ ушей. А бабушка Купріяновна и не посмотритъ: загородила половицу избушки своею скамейкой и прялкой, щиплетъ-себѣ мочку да кружить веретенцо. Рядомъ умѣстился и мужъ Марины, большой мужикъ, въ полушубкѣ, плечи широкія, борода черная, голосъ грубый.... Чуть-ли и зубы у него не желѣзные, какъ у Шарабарки!... Чуть-ли не самъ онъ и Шарабарка!... И вдругъ завылъ въ лѣсу волкъ: «у! у!». Все ближе, ближе. Въ избушкѣ стало еще темнѣе; дѣти жмутся къ бабушкѣ, прячутся на полати; куры съ крикомъ взлетаютъ до потолка; изъ-за печки выскочила кошка, засверкала глазами, замыкала — хочетъ съѣсть курочекъ; теленокъ мычить, мечется изъ угла въ уголь и бьетъ по полу ногами какъ деревяшками.... А волкъ: «у! у! у!»

При одной мысли обо всемъ этомъ, становилось мнѣ страшно, и я отъ всей души желалъ уступить бѣднымъ жильцамъ избушки свою дѣтскую.

Мало-по-малу я проникался глубокою жалостью и теплою любовью къ Маринѣ. Разказы ея зароняли добрыя сѣмена въ дѣтское сердце.

IV.

Я только-что проснулся, и мнѣ очень хотѣлось понѣжиться въ постели, когда вошла въ дѣтскую нянюшка Фіона и стала горопить меня вставать.

— Скорѣе, екорѣе! говорила она: — братца тебѣ Богъ дасть. Вставай, да пойдѣмъ къ маменькѣ!

Тутъ явилась и Лиэа съ улыбающимся лицомъ. Она юлила около меня и только и толковала:

— Блятець-то маленькій, малесенькій! Халесенькій блятець-то, маленькій!

Рубецъ у нея на лбу свѣтился, какъ масломъ вымазанный.

Кажется, никогда не вскакивалъ я, не умывался и не одѣвался такъ поспѣшно; даже помолился наскоро, потому что

тетушки, противъ обыкновенія, не было въ ея комнатѣ, и стремглавъ побѣжалъ въ спальню.

— Тише, тише топай! остановила меня въ дверяхъ тетушка: — маменька нездорова.

Я не подошелъ ни къ матери, лежавшей на постели подъ бѣлымъ, обшитымъ кружевами, покрываломъ, подъ бѣлымъ пологомъ, спускавшимся съ потолка широкими, пышными складками, ни къ отцу, стоявшему у изголовья; не поздоровался даже съ тетушкой, а прямо бросился къ Маринѣ, которая держала новорожденнаго въ розовомъ атласномъ одѣялѣ.

— Покажи, Марина, покажи! присталъ я къ ней.

И она наклонилась и развернула темнаго одѣяло.

Глядя на сморщеннаго, краснаго малютку съ плотно закрытыми глазами, съ голой головкой, я вдругъ вспомнилъ мѣщанина, который часто приносилъ намъ продавать дичь и между прочимъ, мерзлыхъ зайцевъ. Съ безпримѣрнымъ простодушіемъ воскликнулъ я:

— Маринна! онъ заяцъ?

Этотъ вопросъ произвелъ всеобщій смѣхъ; даже мать моя, какъ ни была слаба, весело улыбалась.

Мнѣ объяснили, что маленькій братецъ озябъ теперь, и оттого такой красный; но потомъ, какъ согрѣется, будетъ совсѣмъ молодецъ.

Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ, я потребовалъ другаго.

— Откуда онъ взялся?

— Ворона на хвостѣ принесла, отвѣчала Марина.

— Какая ворона?

— Такая, какъ вошь летаютъ.

Съ этого времени всякій разъ, когда случалось мнѣ увидать изъ окна летящую надъ бѣлымъ снѣгомъ крякливую, черную ворону, внимательно разсматривалъ я, не несетъ-ли она кому-нибудь на хвостѣ такого же маленькаго братца, какого принесла мнѣ.

Въ тотъ день тетушка, заставляя меня вечеромъ молиться, сдѣлала прибавленіе къ моей молитвѣ.

— Теперь у тебя братецъ есть, сказала она: — ты ужъ вотъ какъ молишь: «Господи помилуй папеньку, маменьку, тетушку, братца, няню и меня, младенца Твоего!»

— А кормилицу?

— Ну, и кормилицу.

Я сталъ молиться и о Маринѣ.

V.

Малютку назвали Алексѣемъ. Въ дѣтской моей поставили ему качалку. Тутъ только я понялъ, для чего поселилась у насъ Марина.

Съ большимъ огорченіемъ смотрѣлъ я, какъ ребенокъ замѣтно страдалъ въ первое время: онъ громко кричалъ, и изгибался порою, какъ въ судорогахъ. И вдобавокъ его еще связывали такъ странно этими длинными и широкими тесьмами, что тетушка приготовила къ его прибытію. Хоть Марина и утѣшала меня, что это необходимо, что «братца целенають, чтобы у него ножки были применькія» — все же няѣ было его очень жаль.

Помню, большія были заботы у Маринны и у Фіоны о головкѣ Лели.

— Что это, матушки мои, головка-то у него какъ долго не держится?

Большой, далеко выдавшійся, затылокъ перекачивалъ ее назадъ.

— Вотъ, не поправили! говорила Марина: — затылокъ-то ковшичкомъ.

— Съ барышкомъ это головка-то, возражала Фіона: — уминца, знать, будетъ.

Наконецъ стала головка держаться у Лели, глаза не мигали такъ часто, кончились и страданія нерваго развитія. Ребенку кричали: «а-гу!» и онъ улыбался.

Первая улыбка его была важнымъ событіемъ.

— Фіонушка! Фіонушка! звала Марина: — гляди-ка! усмѣхается.

Фіона отправилась съ извѣстіемъ къ тетушкѣ. Тетушка тотчасъ же пришла въ дѣтскую убѣдиться въ справедливости извѣстія; убѣдилась — и приказала нести младенца къ матери. Ждали не дождались, скоро ли возвратится отъ должности отецъ, чтобы сообщить ему радость. Только и слышно было въ этотъ день что «а-гу!» да «а-гу!»

Марина съ такой любовью, такъ горячо, такъ полно, всею душой отдавалась заботамъ о своемъ питомцѣ, какъ будто онъ ея собственный, у нея подъ сердцемъ бился.

Разъ я спросилъ ее:

— Ужь тебѣ Соломонидку не жалко?

— Теперь не такъ жалко, какъ прежде, отвѣчала она.

Иногда, однакожь, я сомнѣвался въ истинѣ этого признанья, когда Марина запѣвала грустную пѣсню надъ колыбелью Лели.... Если ей не жаль своей дочки, такъ отчего же заунывна ея пѣсня?

Я не зналъ еще, что такъ поютъ все эти люди, которыхъ великіе міра зовутъ простыми (какъ будто это не лучшее имя!), все эти кроткіе, которымъ обѣтовано наследовать землю, труждающіеся и обремененные, которымъ говоритъ Христосъ: «Я упокою васъ....» Годы невѣдѣнія! И вся громада человѣческой жизни не оглашается ли такими же звуками плача и скорби? Вырываясь безсознательно изъ груди младенца-народа, не рвутся ли они съ еще большею силой — силой сознанія изъ души прометеевъ искусства и тапталовъ науки? Не стоятъ ли они глухимъ стономъ надъ этою политой потомъ, слезами и кровью землей?... Годы невѣдѣнія! Не проникла ль уже святая грусть и во все существо ребенка, чтобы воспитать его душу на суровую битву жизни?

Слушалъ я и слушалъ пѣсни Марины, и сердце у меня ныло, какъ еще не ныло никогда, даже при рассказахъ тетюшки, и словно изъ тумана какого возникала передо мною странная картина.

Кормилица пѣла:

«На горѣ, горѣ
Татарье стоятъ....»

И представлялась мнѣ гора — высокая, крутая, сѣрая; отъ нея вѣяло на меня страхомъ и холодомъ. На горѣ толпа злыхъ людей, буйная и шумная толпа. Все въ остроконечныхъ шапкахъ, въ пестрыхъ халатахъ съ алыми кушаками, и за кушаками топоры, а въ рукахъ длинныя копья.... Глаза черные, сердитые, на выкатѣ; бѣлые зубы оскалились подъ черными усами....

«Татарье стоятъ:
Они дѣль дѣлятъ.
Что кому да что
Доставалоя:
Доставалая
Зятю тещенька.»

Марина звала Купріяновну тещей, — и миѣ воображалась бабушка Соломоидки, какъ ее тащатъ за обѣ руки и бранятъ и бьютъ злые Татары. Старуха то хочеть у нихъ вырваться, то вопить и молить ихъ; но понапрасно.... Свадился платокъ у нея съ головы; растрепались ея сѣдые косицы.

«Велить тещѣ зять
Дѣлатъ три дѣла:
Какъ одно дѣло —
Шолковъ поясъ шесть....»

Я вспомнилъ о своемъ пояскѣ съ молитвой. «Это вѣрно такой же былъ, только безъ молитвы: вѣдь Татары басурмапы.»

«А друго дѣло —
Лебедей пасти....»

Бѣлое стадо, шумящее широкими крыльями, заслоняло отъ меня и гору, и Татаръ, и старуху-полоняночку.

«А третье дѣло —
Дитя качать;
Дитя качать,
Убаюкивати....»

И кормилица качала колыбельку Лели, и все исчезало передо мной, и я видѣлъ только Марину, грустно пошкшную, слезно поющую:

«Баю-баю,
Мое дитятко,
Баю-баю,
Мое милое!
Ты по матушкѣ
Милъ внученочекъ.
А по батюшкѣ
Золъ татарченокъ.»

И слезы текли у меня по щекамъ, и странная дума какая-то беспокоила меня.... Отчего это она поеть: «золъ татарченокъ?» Вѣдь она баюкаетъ Лелю, брата моего, такого же русскаго, какъ я, какъ она; вѣдь у него на шейкѣ и крестъ

внестъ.... «Золь татарченкокъ....» «Золь татарченкокъ» долженъ быть похожъ на Соломонидку въ ситцевомъ чепчикѣ.... Но Марина и сама плачетъ, кажется?... Да, плачетъ.... О комъ же ей плакать, какъ не о маленькой дочкѣ?... Кто же тотъ «золь татарченкокъ?»

Тайно примѣняя къ себѣ слова старинной пѣсни, обливалась слезами Марина, и плакалъ я, не понимая ихъ горькаго смысла.

VI.

Съ каждымъ днемъ больше и больше привыкалъ я къ кормилицѣ, крѣпче и крѣпче любилъ ее; она стала въ сердцѣ моемъ наряду съ матерью и тетушкой: къ Фіонѣ я никогда не питалъ такого сильнаго чувства. И Марина со своей стороны очень любила меня. Просилъ ли я ее рассказать мнѣ что-нибудь, она никогда не отказывалась, хотѣлось ли мнѣ послушать ея пѣсни, она пѣла. Я подчасъ ощущалъ даже что-то въ родѣ гордости, что у братишки моего такая кормилица. Бывало, когда она надѣнетъ нарядный сарафанъ, альій штофный, обшитый золотымъ позументомъ, или голубой, тоже шелковый, съ вытканными по немъ серебряными цвѣтами, да повяжетъ голову парчевою кичкой, — всѣ засматриваются на нее; такая красавица! Мнѣ иногда становилось и на то досадно, зачѣмъ у нея не такія блестящія серьги, какъ у матери, и зачѣмъ у нея на шеѣ просто лантарный борокъ, а не жемчужное ожерелье съ большимъ ихотомъ, осьпаннымъ алмазами.

Бабушка Купріяновна не исполнила обѣщанія своего привозить по временамъ на свиданье съ Мариной ея ребятишекъ. Не видя родныхъ дѣтей, она съ большимъ увлеченіемъ отдавалась привязанности къ своему молочному сынку. Сколько нѣжныхъ именъ было у нея для Лели!... «Ахъ ты, мой сладкій! радостный ты мой! желанный! сердце мое!»

Леля сначала часто кричалъ и плакалъ; но потомъ мало-по-малу сталъ уговоняться: поуниѣлъ и похорошѣлъ. Нельзя было не любоваться имъ; мать безпокоилъ только затылокъ малютки, и объ немъ, помню, часто была рѣчь. Мнѣ не стужать передать, какъ постепенно и едва замѣтно развивался ребенокъ: какъ онъ сначала ко всему тянулся, но ни-

чего не могъ взять крѣпко стиснутымъ кулачкомъ, какъ потомъ все бралъ и все ронялъ, какъ наконецъ научился держать каждую вещь такъ крѣпко что насилу можно было взять ее у него изъ рукъ, какъ тютюшкали его разными прибаутками, какъ онъ началъ говорить «баба» и понимать, что значить «тпруа» и «бай.» Мнѣ особенно памятенъ Леля въ ту пору, какъ онъ сталъ уже понятливымъ мальчикомъ.

Бывало, только-что проснется поутру, крикнетъ потихоньку: «а—а!» Распахнуть пологъ его постельки; а онъ сидитъ въ бѣлой рубашечкѣ, хлопаетъ рученками и улыбается.

Что ни день, выдумывалъ онъ что-нибудь новое; все онъ усвоивалъ, все повторялъ.

Его спрашивали:

— Скажи, батюшка, какъ пѣтушокъ кричитъ?

И онъ кричалъ:

— Ки-ки!

— А лошадка какъ?

— И-го-го!

— А коровка?

— Му!

— А собачка?

— Тяфъ! тяфъ!

— А киска?

— Мя-я!

Только когда былъ не въ духѣ, перемѣшивалъ Леля эти звуки и на вопросъ о лошадкѣ, кричалъ коровкой, а на вопросъ о собачкѣ, — пѣтушкомъ.

— А какъ тетя табачокъ нюхаетъ.

Леля складывалъ крошечныя пальчики и теръ себѣ подъ носомъ.

— А какъ мужички поютъ?

Онъ прикладывалъ руку къ щекѣ и мычалъ что-то.

— А какъ умныя дѣточки сидятъ?

Онъ скрещивалъ руки.

— А дурачки?

Онъ начиналъ кричать и размахивать рученками.

Сталъ и ползать Леля, и «дыбочки стоять». Тутъ была съ нимъ возня по цѣлымъ днямъ.

— Встань на ножки! встань на ножки!

И ребенокъ подымался. У всѣхъ при этомъ замирало сердце.

— Стань къ нему поближе, Марина! поближе! вскрикивали и мать и тетушка: — какъ бы не упалъ.

А Лея улыбался и глядѣлъ на всѣхъ такими веселыми глазенками, какъ будто хотѣлъ сказать: «Посмотрите, какой я молодецъ».

VII.

Прошла весна, прошла осень; и другая зима готовилась уже уступить мѣсто новой веснѣ, когда рѣшили отнять Лелю отъ груди. Испекли лепешечку на молокѣ кормилицы, и половину дали съѣсть ей, а половину ребенку, чтобы не тосковалъ.

Это былъ для всѣхъ темный день. Мать съ утра все о томъ только и говорила, не отложить ли исполненіе своего рѣшенія. «Скоро будетъ у него еще зубокъ рѣзаться.» Отецъ утѣшалъ ее и говорилъ: «Полно, мой другъ! всего какихъ-нибудь два дня». Съ утра былъ ребенокъ на рукахъ Фіоны, и его не вносили въ дѣтскую.

За то я не выходилъ оттуда, печально глядя на сборы Марины. Она укладывала свои новыя тонкія рубашки и нарядныя сарафаны къ себѣ въ сундучокъ, въ которомъ не было такого разнообразія, какъ въ няиномъ сундукѣ.

— Тебѣ насъ не жалко? спрашивалъ я.

— Когда же не жалко! отвѣчала Марина со слезами на глазахъ. — Поди ко мнѣ! дай, я тебѣ глазокъ поцѣлую!

— Дай другой!

Нерѣдко Фіона подходила съ плачущимъ Лелей къ дверямъ дѣтской. Марина пряталась тогда за дверь. Нянюшка показывала Лелѣ дѣтскую и говорила:

— Видишь? Тю-тю! никого нѣту.

Ребенокъ кричалъ во весь голосъ, перегибался дугой назадъ, и сжималъ кулачки съ видомъ отчаянія.... Впервые слышалась скорбь въ его плачѣ.

Когда Фіона опять удалялась, Марина, обтирая глаза платкомъ, лепетала:

— Болѣзненный мой! все сердечушко надорвалъ.

Въ обѣдъ пріѣхала Купріяновна и привезла Соломонидку. Дѣвочка не узнала матери и долго не шла къ ней. Она выросла и крѣпко уже стояла на ногахъ. Бабушка Купріяновна, казалось, стала еще бойче и веселѣе прежняго. Она пристала къ Маринѣ: покажи да покажи сарафаны! И она должна была опять выкладывать все изъ своего сундучка. Купріяновна одобрительно чмокала губами, и довольная улыбка не сходила съ ея лица. А я злился на нее въ душѣ.... «Чему рада?»

Лея послѣ долгаго плача заснула. Тетушка принесла въ дѣтскую чашку съ молокомъ для малютки, когда проснется, и велѣла Маринѣ уйти въ избу, чтобы и на глаза потомъ не попадаться Лелѣ.

Весь вечеръ ходилъ я какъ въ воду опущенный.

— У тебя знать головка болитъ? спрашивала меня Фіона.

— Да, отвѣчалъ я.

— Такъ пора тебѣ спать.

И меня уложили.

— А когда Марина поѣдетъ? спросилъ я няню уже въ постели.

— Завтра чѣмъ-свѣтъ.... ты еще спать будешь.

— Да какъ же.... началъ-было я, захлебываясь слезами.

— Она придетъ сейчасъ попрощаться съ тобой.

И пришла Марина.

Она распахнула пологъ Лелиной кровати и, долго всхлипывая, глядѣла на спящаго малютку; потомъ перекрестила его, опустила пологъ и подошла ко мнѣ.

— Прощай, мой родной! сказала она, наклоняясь надо мною, и слеза ея капнула мнѣ на щеку.

Я крѣпко обхватилъ ей шею руками и не могъ слова сказать отъ рыданій.

— Полно, мой сердечный!

Она отняла мои руки, поцѣловала меня въ губы и въ лобъ, тихо сказала: «Ну, почивай! Господь надъ тобой!» и неслышными шагами вышла изъ комнаты.

Я сироталъ лицо въ подушку и еще долго плакалъ. Казалось, часть сердца отрывалась у меня, чтобы слѣдовать за Мариной въ темную среду вѣчныхъ заботъ и нескончае-

мага труда, въ которую она возвращалась. Благодатная тоска! бессознательно указывала она на святой долгъ жизни... «Сотворите ли что единому отъ слухъ братій Моихъ меньшихъ, Миѣ сотворите!»

VIII.

Вчера ласточка залетѣла ко миѣ въ окно. «Къ покойнику», подумалъ я, и вечеромъ узналъ о смерти Марины.

— Помолись за нее, касатка, своею безгрѣшной, чистой иѣсенкой! Можетъ быть ты гостила у нея подъ кровлей и клевала зернушки, орошенная ею потомъ.

Мих. Михайловъ.

УТРАТА.

Когда предчувствіемъ разлуки
 Миѣ грустно голосъ вашъ звучалъ,
 Когда смѣясь я ваши руки
 Въ моихъ рукахъ отогрѣвалъ,
 Когда дорога яркой далью
 Меня манила изъ глуши,
 Я вашей тайною печалью
 Гордился въ глубинѣ души.

Передъ непризнанной любовью
 Я веселъ былъ въ прощальный часъ,
 Но, — Боже мой! съ какою болью
 Въ душѣ очнулся я безъ васъ!
 Какими тягостными снами
 Томить, смущая мой покой,
 Все недосказанное вами,
 И недослушанное мной!

Напрасно голосъ вашъ привѣтный
 Звучалъ мнѣ какъ призывный звонъ
 Изъ-за пучины — путь завѣтный
 Мнѣ къ вамъ навѣки прегражденъ —
 Забудь же сердце образъ блѣдный,
 Мелькнувшій въ памяти твоей
 И вновь у жизни чувствомъ бѣдной
 Ищи подобья' прежнихъ дней!

Я. И. Меленскій.

МОЛИТВА.

Отче нашъ! сына моленью внемли!
 Все проникающую,
 Все созидающую,
 Братскую дай намъ любовь на земли.

Сыне, распятый во имя любви,
 Ожесточаемое,
 Оскудѣваемое,
 Сердце ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ святой! правды источникъ живей!
 Силы дай страждущему,
 Разуму жаждущему
 Ты вожделенные тайны открой.

Боже! спаси ты отъ всякихъ цѣпей
 Душу проснувшуюся,
 И ужаснувшуюся,
 Мрака и зла и неправды людей.

Вставшихъ на гласъ твой услыши мольбу,
 И цѣпенѣющую,
 Въ лѣни коснѣющую
 Жизнь разбуди на святую борьбу.

Я. И. Меленскій.

ЗНАЧЕНІЕ ПАРИЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

„Воспитатель, а не пушка съ-
временемъ будетъ посредникомъ
человѣческихъ судебъ.“

Лордъ Бругамъ.

«Франція потеряла свои нравы,» говорятъ одинъ изъ со-
временныхъ ея авторитетовъ. «Когда я выражаюсь, продол-
жаетъ онъ, что Франція утратила свои нравы, я разумѣю,
что она перестала вѣрять своимъ принципамъ. Она не имѣетъ
больше ни умственного, ни нравственного сознанія; она даже
не понимаетъ, что такое *нравы*.»

«Подъ вліяніемъ тлетворнаго сомнѣнія, французская нрав-
ственность поражена въ самомъ источникѣ. Все бито съ
толку; разрушеніе полное. Никакой мысли о справедливо-
сти, никакого уваженія къ свободѣ, ни одной прочной связи
между согражданами. Нѣтъ ни одного учрежденія, которое
бы чтли, ни одного начала крѣпкаго и святаго. Нѣтъ вла-
сти ни въ мірѣ духовномъ, ни свѣтскомъ; повсюду овладѣтъ
душей невѣжественный и пошлый эгоизмъ. Наша клятва по-
теряла значеніе; наше слово не имѣетъ вѣса. Съ уничто-
женіемъ нравственного смысла, кажется, самый инстинктъ
самосохраненія угасъ. Общее направленіе увлечено эмпиризмъ;
биржевая аристократія сосетъ общественное благо-
состояніе; средний классъ дряхлѣетъ среди тупой апатіи;
низшее сословіе прозябаетъ среди бѣдности и лицемѣрныхъ
утѣшеній. Женщина съ лихорадочной дрожью упивается рос-
кошью и мотовствомъ; юношество безстыдное; младенчество
слабое; наконецъ духовенство, жаждущее мести, безъ вѣры

въ себя, едва шевелить общественное безмолвіе. Вотъ профиль нашего вѣка! Съ какимъ ужасомъ Руйэ-Коларъ, взглянувъ на нашъ позоръ, повторилъ бы нѣкогда сказанныя имъ слова: *La société est en poussière*.

И надъ хаосомъ этой жизни, среди развалинъ прошедшаго и тревожныхъ предчувствій будущаго, отсюду раздаются мрачныя пророчества надъ прекрасной страной въ мірѣ. Одни предсказываютъ ей ту трагическую кончину, среди которой такъ мучительно разлагался древній Римъ; другіе, среди вялаго безсилія, равнодушно смотрятъ на роковое стеченіе обстоятельствъ, предоставивъ капризамъ судьбы править ходомъ корабля, потерявшаго пристань.

Но цѣтъ пророка въ отечествѣ. Отмѣривать, по теоріи, дни народу, преждевременно хоронить его или бесплодно плакать надъ его изнеможеніемъ такъ же недостойно серьезнаго мыслителя, какъ закрывать пустоцвѣтомъ хвалебныхъ панегириковъ его недостатки. Человѣкъ слишкомъ дорого кушилъ вѣру въ прогрессъ, чтобъ такъ легко отступиться отъ нея; въ самомъ отчаяніи и холодномъ сомнѣніи есть признаки новой жизни, ожидающей своего проявленія. Исторія даетъ много подобныхъ примѣровъ: когда, повидимому, все падаетъ, гнѣтъ и разрушается, изъ этого пепла незамѣтно восходитъ другая жизнь, тайна возрожденія народовъ — одинъ изъ величайшихъ актовъ провидѣнія. Кто могъ подумать въ половинѣ XV вѣка, что Европа такъ скоро расчлѣняется съ средними вѣками и такъ блистательно обновитъ свою исторію? Кто могъ предвидѣть наканунѣ 1789 года, что Франція такъ близко стоитъ передъ лицомъ ужасной революціи и, въ нѣсколько дней, такъ далеко оставитъ за собою прошедшее? Нашъ вѣкъ, по превосходству, вѣкъ реакцій, крутыхъ поворотовъ назадъ и постоянныхъ стремленій впередъ. Въ немъ рѣзко отдѣлились двѣ параллельныя жизни: жизнь наружная, оффиціальная, со всѣми условіями своей охраны, и жизнь внутренняя, затаенная въ массахъ, не успѣвшая развиться, но полная надеждъ и мощи. Первая давно присвоила себѣ характеръ санкціи, основанной на преданіяхъ; у нея есть много защиты; другая только возникаетъ и не имѣетъ дной обороны, кромѣ мысли и благородно-смѣлаго

слова. Эти двѣ жизни, подобно вѣсамъ, находятся въ обратномъ колебаніи: возвышеніе одной есть необходимое пониженіе другой. Отсюда происходитъ противорѣчіе въ нравственныхъ явленіяхъ настоящей эпохи, разрывъ между міромъ идей и фактовъ, борьба духа съ матеріальными преградами, измѣна убѣжденіямъ, позоръ перебѣжчиковъ отъ одного знамени къ другому и всеобщая тоска, — глубокая дума о чемъ-то далекомъ. «Современное общество», говоритъ А. Таквинъ, «испытываетъ болѣзненный припадокъ, источникомъ котораго служатъ два обстоятельства; одно — чисто-нравственное: въ умахъ совершается дѣятельность, не имѣющая исхода, присутствуетъ энергія, лишняя пищи и питающая общество, за неизмѣимъ другой добычи. Другое обстоятельство чисто-матеріальное: стѣсненіе ремесленныхъ сословій, у которыхъ нѣтъ ни работы, ни хлѣба; развращеніе ихъ начинается среди нищеты и оканчивается въ тюрьмѣ.» Это второй профиль нашего вѣка... При такомъ порядкѣ вещей реакціи неизбѣжны.

Въ девятнадцатомъ столѣтіи, конечно, ни одна страна не испытала ихъ въ такой мѣрѣ, какъ Франція. Въ теченіе полувѣка она прошла сквозь огонь двадцати-четырехъ гражданскихъ войнъ, видѣла поля Аустерлица и Ватерлоо, возвышеніе и паденіе колоссальной имперіи, созданной рукой гениальнаго солдата, перемѣну трехъ династій, іюльскіе и февральскіе дни, отозвавшіеся въ сердца всей Европы; однимъ словомъ, она начала радикальной республикой, продолжала мирной конституціонной монархіей и заключила новой имперіей. И при каждомъ волканическомъ взрывѣ она безъ пощады жертвовала жизнью и кровью своихъ лучшихъ дѣтей. Если бъ все эти потрясенія, до дна возмутившія ее, были даже логическимъ развитіемъ прогресса, и тогда они не могли пройти безъ глубокихъ слѣдовъ въ народномъ быту. Вліяніе ихъ прежде всего отразилось на политическихъ убѣжденіяхъ. Въ одномъ и томъ же обществѣ, въ одно и то же время встрѣчаются люди и цѣлыя поколѣнія самаго непримиримаго образа мыслей. Одинъ живетъ и дѣйствуетъ по убѣжденіямъ девяностыхъ годовъ, не желая отказать отъ ихъ богатаго наслѣдства; другой получилъ вос-

штани въ школѣ Наполеона I, и доселѣ мечтаетъ успѣхомъ счастливыхъ побѣдъ и національной славы; третій служилъ Бурбонамъ и, возвратившись съ ними въ Парижъ, послѣ долгаго изгнанія, поклялся не признавать кромѣ ихъ ни чьей власти на землѣ; четвертый выросъ подъ эгонистическимъ правленіемъ Людовика Филиппа и неизмѣнно полюбилъ Орлеанскую фамилію, — и такъ до безконечности. Эта разнохарактерная смѣсь мнѣній, чувствъ и направленій отнюдь не мѣшала бы общественному единству, если бъ Французъ, подобно Англичанину, умѣлъ ставить государство выше своихъ личныхъ расчетовъ, если бъ онъ заблаговременно разработалъ въ себѣ хоть сотую долю британской способности къ *Self-government*. Безъ развитія индивидуальной воли и самостоятельной личности, онъ способенъ творить чудеса подъ вліяніемъ энтузіазма и массой, но какъ отдѣльное существо, онъ равняется, въ серьезныхъ предпріятіяхъ, нулю. Поэтому, въ эпохи кризисовъ, послѣ минутнаго увлеченія, онъ всегда искалъ, какъ единственнаго спасенія, диктатуры, и чѣмъ крѣпче сжимала его посторонняя рука, тѣмъ онъ искреннѣе цѣловалъ ее... Отсюда, между прочимъ, вытекаетъ нетерпимость его къ чужимъ мнѣніямъ, поклоненіе авторитету, хладнокровіе къ истинно-народнымъ интересамъ и поразительное отсутствіе политическаго такта въ государственныхъ людяхъ Франціи. Кто губитъ первую имперію и поднимаетъ изъ праха бурбонскій престолъ? Великій сановникъ, Талейрапъ, олицетвореніе придворной интриги и личной ненависти къ сенскому герою. Кто опрокидываетъ тронъ Людовика-Филиппа? Гизо, странное соединеніе гордости съ саркастическимъ презрѣніемъ къ людямъ, человекъ, «который, по выраженію Прудона, очень низко нагнбался, когда говорилъ съ трибуны о королѣ, и вытягивался во весь ростъ, когда отвѣчалъ націи.» Кто становится въ головѣ временнаго правительства въ 1848 году? Одинъ изъ самыхъ невинныхъ, современныхъ поэтовъ, Ламартинь, «у котораго сердце италіянское, а душа французская», какъ онъ самъ недавно сказалъ о себѣ. Съ французскимъ мозгомъ и италіянскимъ сердцемъ трудно было вести путемъ здраваго разсудка тридцать шесть милліоновъ народа, ввѣрившаго свою участь

шести представителямъ. И что особенно замѣчательно, чѣмъ ближе мы подходимъ къ послѣдней развязкѣ, тѣмъ меньше видимъ прозорливости, энергіи и уваженія къ нравственнымъ правиламъ въ «вождяхъ перваго народа». Какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, все отдано на произволь случая.

«Эта нація не имѣетъ началъ», сказалъ Веллингтонъ въ 1815 году. Черезъ сорокъ лѣтъ, сами Французы увѣрились въ этой горькой истинѣ; они единодушно пришли къ одному убѣжденію, что не горсть образованныхъ людей, противопоставленная сотнямъ тысячъ обскурантовъ, а воспитаніе массъ, рѣшительный перевѣсъ свѣта надъ тьмой, необходимы для благотворныхъ и зрѣлыхъ реформъ. И это справедливо. Ни лезвіемъ меча, ни блескомъ слова, ни звукомъ пропаганды ничего нельзя сдѣлать тамъ, гдѣ нѣтъ внутренняго сознанія. До тѣхъ поръ, пока народъ не выработалъ результатовъ для своего перерожденія, не приготовилъ себя путемъ строгаго опыта и постепеннаго развитія, всѣ попытки его сбросить съ себя ветхую жизнь остаются безуспѣшны. Франція не одинъ разъ оправдала на себѣ эту государственную проблему. Ея внутренніе перевороты, всегда отмѣченные общечеловѣческимъ характеромъ, гораздо больше принесли пользы Бельгіи и Швейцаріи, чѣмъ ей самой. И это понятно: тамъ они находили положительную почву, заранѣе воздѣланную для принятія новыхъ общественныхъ элементовъ, а здѣсь, большей частью, разрѣшались праздными мечтами, за неимѣніемъ точки опоры. Другой отрицательный примѣръ представляетъ намъ исторія католической церкви. Пламя инквизиціи было брошено въ одно время (при Карлѣ V) и при одинаковыхъ обстоятельствахъ въ Испанію и Нидерланды. Въ первой странѣ оно быстро разлилось по всему полуострову, безъ всякаго сопротивленія со стороны народа, великій инквизиторъ былъ первымъ лицомъ послѣ монарха; сожженіе еретика на площади облечено было въ форму торжественнаго церемоніала и служило любимымъ праздникомъ для суевѣрной толпы. Иначе было въ Нидерландахъ. Счастливый ихъ обитатель XVI вѣка, развитый неизмѣримо выше Испанца и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, не могъ подчиниться жестокому мѣ-

рагъ религіознаго преслѣдованія. Ауто-да-фе встрѣтило здѣсь всеобщую оппозицію и, не смотря на всѣ усилія хитраго деспотизма, не привилось къ народному духу: «оно осталось, во выраженію Прескотта, больнымъ наростомъ на здоровомъ деревѣ». Испанія расточила и погубила себя инквизиціей; Нидерланды тѣмъ же орудіемъ возвратили свою независимость.

Такъ, историческіе опыты ясно убѣждаютъ насъ въ томъ, что для истиннаго прогресса народной жизни необходимы не однѣ великія истины, но и способность принять ихъ. Эту способность можно назвать народными *правами*, разумѣя подъ этимъ словомъ все, что составляетъ нравственную физиономію извѣстной страны и эпохи. Но въ развитіи народныхъ правовъ, нѣтъ сомнѣній, играетъ главную роль общественное воспитаніе, то есть, сумма тѣхъ общепринятыхъ понятій, которыя обращаются въ кругу народа. Лучшимъ проводникомъ ихъ служатъ молодыя поколѣнія и должна быть школа. Мы говоримъ должна быть, потому-что на самомъ дѣлѣ она далеко не отвѣчаетъ современнымъ условіямъ вѣка, и вездѣ расходится съ практическимъ направленіемъ общества. Въ то время, когда цивилизація съ каждымъ днемъ вызываетъ новыя потребности, силы и дѣятельность, школа, съ небольшимъ исключеніемъ, остается на средневѣковыхъ положеніяхъ. Нравственность, которой она учитъ, заключается въ мертвой буквѣ, принимаемой на вѣру; свободное и искреннее убѣжденіе, единственно полезное юношескому сердцу, замѣняется рутинной страха, суровой дисциплиной плп лестию; отъ воспитанника требуютъ безусловнаго повиновенія тому, противъ чего постоянно возмущаются его природныя инстинкты. «Вы не должны разсуждать, повторяетъ педагогъ; ваше дѣло исполнять мои приказанія.» Методы преподаванія ограничены формамп, напередъ и произвольно предписанными и наставнику и питомцу; истинное развитіе умственныхъ способностей заколдовано предразсудкомъ пли приписано на жертву постороннимъ цѣлямъ. Наконецъ большая часть учебныхъ заведеній закрыты, то есть, обращены въ фабрики жалкихъ идіотовъ. Эти рассадники гражданскаго преступничества отрываютъ дѣтей отъ семейства, отъ матери и

образуютъ пзъ нихъ какое-то особенное сословіе, похожее на скитъ, съ своимъ собственнымъ уставомъ. Мальчпкъ, переходя отъ семьи подъ холодный, нерѣдко грубый надзоръ паемной власти, естественно привыкаетъ къ стѣсненію и насилію; онъ никогда не будетъ уважать права, если его такъ рано обрекли быть свидѣтелемъ и участникомъ школьнаго рабства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ теряетъ здѣсь навсегда личный характеръ и волю, безъ которыхъ можно быть слугой, чиновникомъ, матросомъ, но не человѣкомъ. Еще сокрушительнѣй дѣйствуютъ педагогическіе пріюты на дѣвушекъ. Замѣчено, что онѣ хуже развиваются здѣсь даже въ физическомъ отношеніи, и если выходятъ отсюда безъ чахотки, то, по крайней мѣрѣ, съ полнымъ отвращеніемъ къ ученію. Послѣ этого неудивительно, если для дѣтей садъ, поле составляютъ предметъ наслажденія, а школа равняется душной темницѣ; балаганный фигляръ увлекаетъ ихъ любопытство и воображеніе, а учитель кажется чудовищемъ, тираномъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, природа человѣческая такъ зла, что ей суждено ошибаться въ самыхъ простыхъ вещахъ. Положимъ, что дѣти заблуждаются, какъ же мы согласимъ ежедневныя противорѣчія между ученымъ и практическимъ бытомъ? Примѣровъ вокругъ насъ много. Вотъ юноша, который на университетской скамьѣ горѣлъ самыми чистыми желаніями; едва поклонувъ ее, какъ изъ него является грязный взяточникъ, баринъ въ своей деревнѣ и раболѣпный слуга въ городѣ, въ передней своего начальника. Возьмемъ немного повыше: отчего иной профессоръ, столь щедрый на моральные уроки съ кафедръ, за порогомъ аудиторіи превзойдетъ могикана образомъ своихъ дѣйствій? Надо быть слишкомъ ничтожнымъ существомъ, чтобъ мѣнять мнѣнія вмѣстѣ съ мундиромъ, но ихъ мѣняютъ, и дилемма становится ясной: или общество ведетъ насъ другой дорогой, чѣмъ школа, или наука не даетъ солиднаго развитія. Кто наблюдалъ за своимъ воспитаніемъ, тотъ знаетъ, что есть періодъ въ нашемъ образованіи, когда истина такъ глубоко проникаетъ насъ, что мы невольно преклоняемся передъ ней. За предѣломъ этого развитія человѣкъ не въ состояніи уничтожиться до порока, какъ бы его ни нагибали къ тому виѣш-

нія обстоятельства. Его умъ, его воля нераздѣльны съ его жизнью, и еслибъ общество потребовало отъ него покорности своему разврату, онъ будетъ отвѣчать, какъ древній стоикъ: «ты можешь отнять у меня домъ, свободу, жизнь, но не возьмешь у меня моего убѣжденія». Если такое развитіе возможно въ нѣкоторыхъ личностяхъ, конечно очень рѣдкихъ, то почему же оно не передается большинству? Потому, что на такую нравственную высоту современный человѣкъ восходитъ послѣ необыкновенныхъ усилій, съ величайшимъ трудомъ; и этотъ трудъ вовсе не зависитъ отъ того, чтобъ мы были неспособны поднять его въ пятнадцать или пятьдесятъ лѣтъ, при тѣхъ или другихъ общественныхъ условіяхъ; нѣтъ, онъ дѣлается намъ не подъ силу вслѣдствіе вѣчнаго нашего врага — невѣжества; школа, въ настоящемъ своемъ устройствѣ, не столько облегчаетъ его, сколько обременяетъ своими собственными препятствіями. Единственная ея заслуга состоитъ въ томъ, что она учитъ насъ читать книги и раздаетъ дипломы на разныя званія. Какъ бы то ни было, но общественное воспитаніе составляетъ главный органъ въ развитіи народныхъ правовъ и, слѣдовательно, прогресса. Съ него должно начинаться всякое разумное преобразование; къ нему должны стремиться всѣ усилія законодателя, желающаго дѣйствовать не угрозой на совѣсть человѣка, а убѣжденіемъ; въ немъ, и только въ немъ, надо искать залоговъ гражданской силы и доброй воли, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ поколѣній. «Дайте намъ хорошо воспитанное юношество, и мы создадимъ вамъ новое общество», говорили другъ за другомъ Бэконъ въ Англіи, Лейбницъ въ Германіи, Фенелонъ и Ж. Ж. Руссо во Франціи.

Мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о французскомъ образованіи. Чтобы составить о немъ болѣе точное понятіе, надо ознакомиться съ Парижскимъ университетомъ, потому что онъ всегда стоялъ на первомъ планѣ французскихъ учебныхъ заведеній, долго управлялъ ими на правахъ монополіи и доселѣ сохранилъ надъ ними огромное вліяніе. Исторія его имѣетъ тотъ особенный интересъ, что она представляетъ много типическихъ сторонъ обще-европейской цивилизаціи

среднихъ вѣковъ; духъ ученія Парижскаго университета прицесенъ во всѣ концы западнаго міра; наконецъ, онъ былъ центромъ развитія схоластической философіи, пять вѣковъ державшей человѣческой умъ въ оковахъ. Джордани Бруно справедливо замѣтилъ, что «стагирскій философъ гораздо больше принялъ отъ парижскаго университета, чѣмъ могъ дать ему». (Nauréau. De la philosophie scolastique, t. 1, p. 99).

Ни одинъ европейскій университетъ не имѣлъ такого славнаго назначенія, не пользовался такими обширными правами, какъ Парижскій, но ни одинъ и не злоупотребилъ ими въ такой мѣрѣ, какъ онъ.

Французская школа обязана своимъ происхожденіемъ генію Карла Великаго и его учителя Алкуина. Любознательный король, кромѣ личнаго уваженія къ образованію, хотѣлъ употребить его орудіемъ своей власти. Онъ нашелъ въ Алкуинѣ достойнаго и ревностнаго исполнителя своихъ плановъ. Знаменитый ученикъ Беда, призванный въ Галлію изъ Йорка, организовалъ «ученныя братства» въ Турѣ, Парижѣ и при дворѣ Карла. Послѣдняя школа, названная *Палатинской*, находилась подъ непосредственнымъ руководствомъ Алкуина. Изъ нея вышло первое поколѣніе образованныхъ юношей и наставниковъ.

Преподаваніе въ школахъ, разумѣется, было направлено исключительно къ релігіозной цѣли; такъ, грамматика изучалась для объясненія текста и перевода св. книгъ; музыка заключалась въ церковномъ пѣніи; риторика и діалектика служили для диспутовъ съ еретиками. Это было началомъ схоластики.

Ученіе, при всей его бѣдности и односторонности, скоро однакожь заявило свою несомнѣнную пользу. Папа Евгений II предписалъ буллою распространять школы и учителей. Изобрѣтатель пытки холодной водой, конечно, не предвидѣлъ, что свѣтъ, которому онъ покровительствовалъ, современемъ потушить священную лампу Ватикана.

По смерти Алкуина, дѣло, такъ удачно начатое, продолжалъ другой представитель средневѣковаго знанія, Жанъ-Скотъ (Эригенъ), «Спиноза девятаго вѣка», какъ называетъ его Кретье (Histoire de l'université de Paris, par Crevier, t. I, p. 220).

Съ него, съ этого благороднаго Ирландца и борца за свои ученныя убѣжденія, начинается рядъ мучениковъ науки, которыхъ сначала преслѣдовалъ духовный, а потомъ свѣтскій деспотизмъ. Папа Николай I обвинилъ его въ ереси и приговорилъ къ изгнанію изъ Франціи. Но семя, брошенное имъ на свѣжую почву, привилось. Черезъ двѣсти лѣтъ оно приноситъ роскошный плодъ подъ рукою Абельяра.

Абельяръ принадлежитъ къ числу тѣхъ замѣчательныхъ личностей, на которыхъ съ любовью останавливается взоръ изслѣдователя среднихъ вѣковъ. Судьба окружила жизнь этого смѣлаго мыслителя всеѣмъ, что вызываетъ къ себѣ уваженіе современниковъ и сочувствіе потомства: его трагическая любовь, его гоненія и несчастія бросаютъ тройной лучъ безсмертія на его имя. Абельяръ, выступивъ на поприще умственной дѣятельности, засталъ двѣ философскія школы, которыя раздѣляли область схоластическаго ученія: школу *реалистовъ* и *номиналистовъ*. Замѣтимъ, что зародышъ этихъ двухъ, діаметрально-противоположныхъ направленій скрывался въ александрійской школѣ, въ которой слились все древнеклассическія системы, подъ вліяніемъ восточнаго преданія. Какимъ образомъ эти разнородные элементы сплывались въ одно тѣло и послужили основой христіанскаго міра, — это задача, доселѣ не разъясненная наукой, составляетъ единственное явленіе въ литературной исторіи. Впрочемъ греческая философія не вдругъ уступила новымъ понятіямъ, занесеннымъ въ Александрію съ береговъ Гангеса и Иордана; она триста лѣтъ боролась съ потокомъ чуждыхъ ей вѣрованій, часто наносила имъ смертные удары, и только тогда пала, когда, съ одной стороны, изсякли все жизненные ея силы, съ другой побѣда креста падъ язычествомъ охватила все общество. Дѣло въ томъ, что эту побѣду приготовилъ тотъ же Римъ, который хотѣлъ съ помощью казней и палачей задушить ее въ самомъ развитіи. Умы, недовольные дѣйствительностію, съ надорванными усиліями отрѣшиться отъ нея, бросались подъ защиту идеализма, доведеннаго Платономъ до мистическаго созерцанія. Соединеніе отвлеченныхъ идей Греціи съ суевѣріями Востока породили неоплатоническую школу, которую Платонъ возвелъ въ систематическое

знаніе. Главное назначеніе этой школы состояло въ томъ, чтобы одушевить мертвую религію и замиравшую цивилизацію. Символь идеи, аскетическое мышленіе, смѣшанное съ поэтическимъ экстазомъ, громадная эклектическая эрудиція, лишенная творческихъ силъ, смѣнили свѣтлую и живую дѣятельность древняго генія, какъ сумерки смѣняютъ ясный день. Не смотря, однакожь, на это сліяніе разнородныхъ ученій, мы всегда различаемъ ихъ въ произведеніяхъ александрійцевъ и ихъ послѣдователей: это двѣ параллельныя рѣки въ одномъ руслѣ, различныя по теченію и цвѣту водъ. Отсюда вытекаетъ дуализмъ среднихъ вѣковъ, вѣчная и непримиримая война философскихъ началъ. Съ одной стороны господствуетъ положительный догматъ и строгое подчиненіе разума откровенію, съ другой — стремленіе къ свободной мысли и пламенное желаніе защитить ее отъ притѣсненій. Реализмъ и номинализмъ, собственно, были выраженіемъ этихъ противоположныхъ направленій. Первый утверждалъ, что «разумъ постигаетъ только то, что существуетъ въ природѣ; дѣйствительность вещей совершенно тождественна понятіямъ нашего ума»; иначе говоря, умъ человѣческой — магическое зеркало, на которомъ природа отражаетъ свои виѣшнія формы съ дагеротипической вѣрностью. Очевидно, реализмъ исчезалъ въ облакахъ пантеизма и уничтожалъ личность индивидуальнаго существа: это самое безотрадное изъ философскихъ ученій по своимъ послѣдствіямъ. Иначе рассуждалъ номинализмъ: онъ допускалъ опытъ и анализъ, какъ единственное средство истиннаго знанія, то есть: «хотѣлъ дать свинцовыя крылья человѣческой мысли», по выраженію Бэкона. Реалисты принимали идеи, съ голоса Платона, за самостоятельныя существа (*ἄρτα*); номиналисты, слѣдуя Аристотелю, считали ихъ фантомами.

Такъ Платонъ и въ особенности Аристотель является верховнымъ диктаторомъ схоластики: они снова раздѣляютъ философію на два враждебныхъ стана, которые часто переходили отъ ученой полемики къ доносамъ, ябедѣ и клеветѣ другъ на друга. Впрочемъ, ни тотъ, ни другой изъ этихъ мыслителей не былъ понятъ; оригинальныя сочиненія ихъ едва были извѣстны, а переводы и коментарія больше запу-

ывали, чѣмъ объясняли дѣло. Платонъ былъ принятъ средними вѣками изъ рукъ александрійской школы, которая измѣнила его во многомъ, такъ точно, какъ Аристотель былъ взятъ отъ Арабовъ, въ многотомныхъ толкованіяхъ Аверроэса. Вслѣдствіе этого, между прочимъ, схоластика пустая и безтолковая по содержанію, исключительно занималась формой. Ея неуклюжій и тяжелый языкъ, приемы и метода составляютъ отличительный ея характеръ. Только этимъ можно объяснить ничтожность ея шумныхъ диспутовъ: рогоборцы (Cognificiens), готовы были поднять бурю нескончаемыхъ споровъ, изъ-за самыхъ мелочныхъ вопросовъ, надъ которыми теперь умное дитя не можетъ не улыбаться.

Въ такомъ состояніи Абельяръ засталъ умственное движеніе своей эпохи. Какъ ученикъ Росцеллина, главнаго вожда номиналистовъ, онъ сначала слѣдовалъ своему учителю; потомъ отдѣлился отъ него, избралъ свой собственный независимый путь. Онъ видѣлъ крайности двухъ несогласныхъ ученій, достигшихъ въ это время полного разгара въ полемикѣ, и рѣшился разрушить или ослабить ихъ; для этого онъ употребилъ способъ взаимнаго доказательства, т. е., реализмомъ опровергалъ номинализмъ и обратно. Собственная его система, названная Кузеномъ *) *концептуализмомъ*, стремилась примирить опытъ съ отвлеченной идеей и опредѣлить психологическую связь между внѣшними предметами и внутренней дѣятельностью нашего духа. Къ сожалѣнію, онъ не развилъ своей системы, потому что на половинѣ дороги былъ остановленъ. Кромѣ силы и оригинальности мышленія, Абельяръ обладалъ необыкновеннымъ даромъ діалектики; онъ положилъ начало скептицизму, столь благотворному въ эпоху фанатическаго ослѣпленія. Въ этомъ отношеніи, по замѣчанію Горео, «онъ заставляетъ предчувствовать Канта» (De la philos. scolast. par Haugéau, t. I). Но главная заслуга Абельяра заключается въ его изустномъ преподаваніи; мы не знаемъ въ средніе вѣка ни одного наставника, который бы съ такимъ рѣдкимъ успѣхомъ дѣйствовалъ на каѳедрѣ. Гдѣ бы онъ ни

*) В. Кузену первому принадлежитъ честь открытія манускриптовъ Абельяра и критической оцѣнки ихъ (Philosophie scolastique, par Cousin. 1840).

преподавалъ: въ городѣ, или въ пустынѣ, вездѣ окружали его многочисленные слушатели. Первая школа основана имъ близъ Парижа, на Сэнъ-Жерменской горѣ, съ которой онъ господствовалъ надъ современными умами; но послѣ известной катастрофы, разлучившей его съ Элоизой, онъ оставилъ столицу и уединился въ Сэнъ-Денискій монастырь. Распущенная и невѣжественная братія, съ которой трудно было ужиться челоуѣку и богѣ хладнокровному, чѣмъ Абельяръ, скоро принудила его искать защиты въ пріорствѣ Месонсель, на землѣ графа Шампанскаго. Здѣсь снова Абельяръ, по просьбѣ своихъ учениковъ, открываетъ философскіе уроки, на которые, говорятъ, собралось до трехъ тысячъ юношей (Abélard, par Régnisat. 1845, t. I, p. 104). Онъ разлученъ былъ съ учениками, пламенно его любившими, Суассонскимъ соборомъ, осудившимъ его, какъ еретика. Вслѣдствіе столь капитальнаго обвиненія, онъ былъ отведенъ плѣнникомъ въ Сэнъ-Медарское аббатство. Оскорбленный въ самыхъ дорогихъ убѣжденіяхъ, униженный врагами до безсильнаго ропота, до безнадежныхъ слезъ, Абельяръ тосковалъ, плакалъ и упалъ духомъ. Но страданія его еще только начинались. Не поладивъ съ Сэнъ-Медарскими монахами, которые, какъ змѣи, обвинили его завистью и лицемеріемъ, онъ убѣжалъ изъ монастыря, гдѣ грозили ему плетью, подъ покровительство своего стараго заступника, графа Шампани. Между тѣмъ слава гениальнаго учителя и философа прошла по всей Франціи и даже за предѣлами ея. Онъ обратилъ на себя вниманіе короля и его друга, аббата Сугерія. Благодаря имъ, Абельяръ получилъ разрѣшеніе и свободу. Желая закрыть себя отъ новыхъ ударовъ, онъ рѣшился вести совершенно отшельническую жизнь въ пустынѣ Ножана, на сѣверномъ берегу Сены. Здѣсь онъ устроилъ небольшую ораторію, подъ именемъ Пираклэ, и снова явился въ кругу своихъ слушателей. Со всѣхъ сторонъ стекались ученики къ Абельяру. Бѣдное и уединенное мѣстечко въ одинъ годъ обогатилось добровольными приношеніями. Новый успѣхъ, новая зависть и гоненія. На этотъ разъ врагомъ Абельяра является челоуѣкъ мощный, съ репутаціей святаго мужа и съ непреклоннымъ характеромъ. Это былъ Сэнъ-Бернаръ. Кто видѣлъ

его портретъ въ Версальскихъ галереяхъ, тотъ, конечно, никогда не забудеть этой постной, прозрачно-блѣдной фигуры, подъ которой, какъ подъ вулканическимъ пепломъ, скрытно горѣли сильныя, заморенныя страсти. Чтобы обезоружить Сэнъ-Бернара, Абеляръ удаляется въ монастырь Сэнъ-Жильда, призванный занять въ немъ мѣсто игумна. Монастырь лежалъ на скалѣ, у самыхъ водъ Атлантическаго океана. Дикая, холодная и туманная природа навѣяла чувство глубокой грусти на поэтическую душу Абеяра; его письма къ Элоизѣ отзываются скорбной меланхолей. Къ этому присоединились новые происки монаховъ; недовольные строгимъ поведеніемъ Абеяра, его ѣдкой критикой надъ ихъ развращенными нравами, они раздражали, огорчали и покушались на самую его жизнь. Онъ переселился на другой конецъ Франціи, въ Бретань, но и здѣсь не дали ему покоя. Его призвали къ новому суду, собравшемуся въ Савсѣ, подъ предсѣдательствомъ самаго короля и Сэнъ-Бернара. Дѣло опять шло о ереси. Судьи даже не выслушали обвиненнаго, который долженъ былъ безмолвно принять ихъ приговоръ. Есть случаи такого несправедія, когда ему какъ будто совѣстно или страшно встрѣчаться лицомъ къ лицу съ самой жертвой. Абеляръ былъ осужденъ. Иннокентій II приказалъ сожечь его книги въ Римѣ; школа его была закрыта навсегда, и Абеляръ не имѣлъ болѣе пріюта въ отечествѣ. Беранже, защитникъ его, пишетъ: «Лисицы имѣютъ свои норы, птицы небесныя свои гнѣзда, а Петръ не знаетъ, гдѣ преклонить голову.» (Abélard, Rémusat. t. I, p. 236). Такимъ образомъ кончилась карьера гениальнаго человѣка. Онъ умеръ въ 1142 году.

Мы остановились на этой личности дольше, чѣмъ слѣдовало намъ, потому что мы не можемъ безъ сочувствія проходить мимо могилъ, на которыхъ лежитъ двойной вѣнецъ славы науки и страданій за нея. При томъ Абеляръ служить доказательствомъ, какимъ неизмѣримымъ разстояніемъ иногда отдѣляется бодрая мысль отъ окружающаго дѣйствительнаго міра, и какой твердости, какихъ усилій она требуетъ отъ своего поборника, чтобы проникнуть въ массы. Абеляръ по уму стоялъ выше толпы, и его преслѣдовала зависть; его

правое слово, его живая идея увлекали за собой тысячи людей безпристрастныхъ, покорныхъ одной истинѣ; и наперекоръ этому общему влеченію, его лишаютъ кафедръ, заставляютъ молчать, поражаютъ проклятіемъ.... Съ побѣдой надъ Абеяромъ, реалисты и враги всякаго нововведенія одержали побѣду надъ всей школой номиналистовъ. Впродолженіе двухъ вѣковъ она не смѣла поднять голоса среди повсемѣстнаго насилія и невѣжества. Вскорѣ затѣмъ Суассонскій соборъ запретилъ чтеніе произведеній Аристотеля и осудилъ ихъ на сожженіе, какъ источникъ ересей (*Histoire et critique de la révolution Cartésienne par Boullier*, p. 3—10). Процессъ былъ проигранъ не однимъ Абеяромъ, но вмѣстѣ съ нимъ всѣмъ человѣчествомъ. Впрочемъ, идеи не умираютъ въ тюрьмѣ и не горятъ на кострѣ; запавшія въ душу народа, онѣ живутъ вѣчно, и невидимо переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому. Не смотря на пораженіе, Абеяръ остался побѣдителемъ — это лучшая его апотеоза. Ученіе его пробудило любознательность въ слушателяхъ, проникло въ среду ихъ, и именно съ этого времени Парижская школа дѣлается центромъ умственнаго движенія средневѣковой Европы. «Отъ Сэнъ-Женевьевы до Нотръ-Дамъ, по всѣмъ улицамъ, на обоихъ берегахъ Сены и на мостахъ, болѣе или менѣе извѣстные профессора открыли свободное преподаваніе и приглашали, какъ мірянъ, такъ и духовныхъ, приходитъ слушать ихъ.... Когда на послѣднихъ границахъ Британніи, въ отдаленныхъ странахъ Калабріи, Испаніи, Германіи и Польши, молодой церковникъ обнаруживалъ наклонность къ высшему ученію и общалъ своимъ начальникамъ хорошаго логика, его тотчасъ посылали въ Парижъ. Онъ отправлялся одинъ, пѣшкомъ, переходя черезъ рѣки, горы, подъ защитой военныхъ людей и даже разбойниковъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на дорогѣ. Монастырская кровля давала ему ночлегъ, хуторъ закрывалъ его отъ полуденнаго жара и чтобы быть ласково принятымъ, стоило только объявить имя школьника.... Школьникъ вездѣ и всегда имѣлъ право убѣжища.» (*Philos. scolast. Haugéau*, t. I, p. 22—34). Очевидно, любознательность юношества была необыкновенная, если мы вспомнимъ, что въ это время не всѣ цари и сановники умѣли читать и писать.

Отсутствіе библіотекъ, рѣдкость манускриптовъ, покупаемыхъ на вѣсь золота, недостатокъ учителей—все это вмѣстѣ должно было увеличить вліяніе школы, помимо которой не было никакихъ источниковъ образованія.

При такихъ условіяхъ является парижскій Университетъ. Ему была приготовлена обширная и ревностная аудиторія, у него были способные наставники, онъ принялъ заранѣе обработанныя философскія системы, наконецъ онъ приступаетъ къ дѣлу, при всеобщемъ ожиданіи прогресса, когда крестовые походы разбудили Европу отъ тяжелаго сна. Посмотримъ, какъ онъ воспользовался всѣмъ этимъ, какъ онъ отвѣчалъ надеждамъ своей эпохи?

Извѣстный живописецъ Гро нарисовалъ въ куполѣ Сэнъ-Женевьевскаго Пантеона знаменитую картину, въ которой Карлъ представленъ основателемъ Университета. Кисть художника, обманутая историкомъ Дюбулэ, утвердила этотъ ложный фактъ въ народномъ мнѣніи.

Первые слѣды парижскаго университета теряются въ свободномъ преподаваніи наукъ, которое, какъ мы видѣли, существовало во Франціи въ половинѣ XII вѣка. По мѣрѣ того, какъ церковь стягивала къ себѣ умственные интересы Западной Европы, университетъ, мало-по-малу, отдѣлялся отъ общаго состава учебныхъ заведеній, присвоивая себѣ свои собственныя права. Папы скоро замѣтили въ немъ своего помощника, и потому старались увеличить его нравственное значеніе. Королевская власть, отчасти по набожности, отчасти изъ угожденія намѣстникамъ Св. Петра, дарила его своими привилегіями. Въ 1200 году, мы встрѣчаемъ первое постановленіе, которымъ Филиппъ Августъ, по случаю кровопролитной драки, случившейся между студентами и мѣщанами, предоставилъ ученому сословію право собственнаго суда. Это было основаніемъ той будущей организаціи, вслѣдствіе которой университетъ образовалъ особенную корпорацію въ государствѣ, отдѣльную отъ народа и отъ правительства. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ освобожденъ былъ отъ общественныхъ податей. Черезъ три года, съ позволенія Папы, университетъ назначилъ себѣ Синдика, повѣреннаго по своимъ дѣламъ, ходатая передъ свѣтскимъ трибуналомъ, посредника

между своимъ сословіемъ и обществомъ. Около 1220 года, Иннокентій III скрѣпилъ статуты университета своимъ авторитетомъ, и тѣмъ окончательно упрочилъ за нимъ мѣсто особеннаго гражданскаго общества. Съ этихъ поръ и до первыхъ дней революціи девяностыхъ годовъ, университетъ. ничего не теряя изъ своихъ прежнихъ преимуществъ, постоянно приобрѣталъ новыя, такъ что къ концу XV вѣка онъ захватилъ все общественное образованіе Франціи. Безъ его инициативы невозможно было открыть ни королевскаго училища, ни частной школы. Онъ разсылалъ своихъ адентовъ въ провинціи, на вселенскіе соборы, продавалъ дипломы на ученые степени, принималъ участіе во всѣхъ государственныхъ реформахъ, пользовался правомъ отлученія отъ церкви и, во имя науки, могъ безусловно вязать и разрѣшать совѣсть народа (Hist. de l' Université de Paris, par Crevier, t. 1, p. 50—105) Ясно, что парижскій Университетъ, съ перваго же шага, сталъ въ самое ложное положеніе. Сложившись въ касту, подобно стаду египетскихъ жрецовъ, онъ разрывалъ навсегда всякую живую связь съ народною жизнью, свободному развитію которой всегда противорѣчитъ духъ корпорацій, въ какомъ бы видѣ она ни выражалась. Съ той минуты, когда Сорбона *) отдѣлила свои личные интересы отъ общественныхъ, нравственныя цѣли были для нея потеряны. Она тратила все свое вниманіе на расширеніе матеріальныхъ выгодъ, потому что съ ними соединялась ея сила, ея благоденствіе. Удовлетворивъ первой необходимости, она восходила выше, ограждала себя со стороны честолюбія, потворствовала эгоизму, и, если встрѣчала препятствія, употребляла хитрость или насиліе. Таковъ законъ всѣхъ партій, какъ бы ни было благородно ихъ первоначальное назначеніе. Притомъ, въ средніе вѣка, среди всеобщихъ злоупотребленій и животной жизни, каждая корпорація старалась какъ можно больше присвоить себѣ власти, и отъ угнѣтен-

*) Сорбона была основана въ 1253 году Роберомъ Сорбономъ, исповѣдникомъ Лудовика Св., съ цѣлью — облегчить бѣднымъ студентамъ доступъ къ полученію докторской степени. Впослѣдствіи ея лучшей теологической факультетъ соединился съ общимъ составомъ университета, который съ этого времени сталъ называться Сорбоной.

наго перейти, въ свою очередь, къ угнетателю. Это мы видимъ на монашескихъ орденахъ, которые начинали христіанскимъ смиреніемъ и оканчивали возмутительнымъ самоуправствомъ. Кто могъ вообразить, что Лойола, полубольной испанскій дворянинъ, подъ такимъ невпнимымъ предложомъ выведетъ на свѣтъ такое сильное и зловѣщее братство, какъ іезунты — эту раздающую боль новой исторіи. Парижскій университетъ подпалъ той же участи... Отстранившись отъ народа своимъ исключительнымъ, коллегіальнымъ устройствомъ, онъ лишился довѣрія и уваженія въ его глазахъ, потомъ сдѣлался для него предметомъ отвращенія. Между студентомъ и городскимъ жителемъ не было ничего общаго; первый отличался отъ второго костюмомъ, разговоромъ и поведеніемъ; Сорбонистъ, въ своемъ длинномъ платьѣ, съ тяжелыми сандалями на ногахъ, съ поднятымъ капюшономъ сзади и остроугольной шапкой на головѣ, походилъ на «соломенное чучело» между живыхъ существъ, какъ выразился Дюлоне. Притомъ, за отсутствіемъ всякаго нравственнаго воспитанія, которое сообщается не палкой, а убѣжденіемъ, студенты вели себя въ школы чрезвычайно дурно. Разсыпаясь шайками по городу, они заводили споры, по привычкѣ къ теологическимъ диспутамъ и среди открытаго дня безнаказанно совершали разбои. Столкновенія ихъ съ мирными гражданами почти всегда оканчивались самыми отвратительными сценами. Мы отчасти знаемъ это по Кіевскимъ бурсамъ XVII вѣка. Латинскій кварталъ, который досель не износилъ свой старыи типъ, былъ чѣмъ-то въ родѣ зачумленнаго карантинна, къ которому боялась подойти честная женщина и безоружный буржуа. Поэтому народъ, въ которомъ антипатія къ студентамъ обратилась въ какое-то наследственное чувство, при всѣхъ внутреннихъ смутахъ, становился противъ Сорбоны. Такъ въ исходѣ XIV вѣка, пѣкто Обріо преслѣдовалъ буйныхъ школьничковъ, загонялъ ихъ въ подвалы и за то, по настоянію университета, былъ осужденъ на вѣчное заключеніе въ тюрьмѣ. Черезъ годъ вспыхнулъ мятежъ, и народъ, освободивъ Обріо, избралъ его своимъ вождемъ. Съ своей стороны Сорбона жестоко мстила городу за оскор-

блеіе своего привилегированнаго сословія. Въ 1304 году, студентъ духовнаго званія, Пьеръ ле-Барбье, сознавшись въ убійствѣ, былъ схваченъ Парижскимъ превотомъ, осужденъ и повѣшенъ. Этотъ актъ, столь справедливой въ современномъ юридическомъ смыслѣ, возбудилъ всеобщее негодованіе въ университетѣ. Ректоръ тотъ-часъ же закрылъ класы; на другой день, въ соборѣ Сэнъ-Бартеlemi, собралось духовенство, вооружилось крестами, хоругвями, святой водой и отправилось къ дому превота. Осыпавъ градомъ каменной ворота и окна, оно произнесло слѣдующее заклинаніе: «выходи, выходи, проклятый сатана; возврати честь своей матери, святой церкви, которую ты оскорбилъ въ ея привилегіяхъ; если ты не раскаешься въ своемъ преступленіи, да пожретъ тебя бездна вмѣстѣ съ Дафаномъ и Авирономъ». Это заклинаніе, какъ обыкновенно, сопровождалось отлученіемъ виновнаго отъ церкви. Этого мало; духовенство, не зная мѣры своему гнѣву, потребовало смерти превота. Король принужденъ былъ вступить въ переговоры, желая спасти своего чиновника. Дѣло было улажено такъ: превотъ лишенъ былъ мѣста, долженъ былъ идти пѣшкомъ въ Авиньонъ просить прощенія у Папы, торжественно, съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ, босикомъ, извиниться передъ университетомъ, поцѣловать повѣшеннаго студента въ уста и проводить его до могилы. Послѣ такого комическаго обряда, Сорбона снова открыла свои аудиторіи. Подобными примѣрами лѣтописи университетскія очень богаты. (Hist. de Paris. Dulaure. Art. Sorbonne.) Они открываютъ картину варварства, тѣмъ болѣе печальнаго, что имъ руководить своекорыстное суевѣріе, во имя Неба.....

Съ тѣмъ же произволомъ университетъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ свѣтской власти. Короли, принимая корону, подтверждали неприкосновенность его матеріальныхъ и нравственныхъ прерогативъ, и часто искали его благоволенія, особенно когда онъ дѣйствовалъ заодно съ парламентомъ. Конечно, для такой неравной борьбы надо было имѣть много силы: эта сила университета заключалась въ его религіозномъ характерѣ и въ фанатическомъ настроеніи умовъ. Какъ «помазанный сынъ» Папы, одинъ изъ его вѣрныхъ апостоловъ,

онъ гордо смотрѣлъ въ лицо монарха, который цѣловалъ туфлю римскаго владыки. Притомъ въ рукахъ Сорбона было острое орудіе — церковная трибуна, которой она располагала безусловно. Ея проповѣдь, за неимѣніемъ другихъ органовъ общественнаго мнѣнія, была единственнымъ будильникомъ народныхъ умовъ и вотъ Король склонился передъ евангельской истиной, которую невѣжество легко могло перетолковать въ свою пользу; и если онъ разнорѣчилъ въ своихъ мнѣніяхъ съ докторами Сорбона, они дерзко преслѣдовали его своимъ словомъ. Такъ, противъ Генриха III они употребляли самыя оскорбительныя выраженія. Король жаловался парламенту; парламентъ протестовалъ, но напрасно. Въ 1589 году, совѣтъ *шестнадцати* сдѣлалъ запросъ Сорбонѣ: имѣютъ ли право Французы объявить войну Королю для обороны католической вѣры? Теологическій факультетъ, то есть восемь или десять пиваришекъ, по словамъ Лепираля, освободили всѣхъ подданныхъ отъ присяги Генриху Валуа, исключили его имя изъ церковныхъ молитвъ и провозгласили, что нисколько не противно совѣсти поднять оружіе противъ «ненавистнаго тирана». Еще больше озлобленія Сорбона обнаружила къ одному изъ самыхъ народныхъ властителей, къ Генриху IV. Университетъ не хотѣлъ признавать его Королемъ даже въ такомъ случаѣ, когда онъ обратится въ Католицизмъ. И дѣйствительно, когда онъ отступилъ отъ Протестантскаго догмата, Сорбона объявила обращеніе его комедіей. (Hist. de Paris. Dulaure. Sorb.) Точно также Сорбона противилась парламенту, когда онъ покушался на ограниченіе ея правъ или не уважалъ ея диктаторскихъ требованій. Обыкновенной угрозой ея, въ этомъ случаѣ, было закрытіе школъ, проповѣди и переселеніе изъ Парижа въ другое государство и это повторялось верѣдко.

Ришелье, поднявъ неограниченную монархію на развалинахъ феодальной власти, нанесъ первый ударъ независимости университета. Онъ благоволилъ Сорбонѣ, какъ своему сотруднику, подарилъ ей великолѣпную капеллу, награждалъ ея докторовъ, пользовался ихъ совѣтами, но держалъ ихъ, вмѣстѣ съ другими сословіями, въ полной покорности своему

деспотизму. Послѣ незабвеннаго Кардинала, государство было слишкомъ крѣпко и достаточно образовано, чтобъ бояться старыхъ привидѣній. Когда Лудовикъ XIV вошелъ въ парламентъ, съ хлыстикомъ въ рукѣ, и произнесъ: «L'état c'est moi,» Франція вѣжливо поклонилась, и Сорбона надолго замолчала....

Если парижскій Университетъ гордо и непріязненно стоялъ передъ народомъ и часто передъ королями, то совсѣмъ иначе онъ велъ себя передъ Папой. Папа былъ для него верховнымъ судьей; онъ одинъ могъ отлучать его отъ церкви, что равнялось нравственной смерти; онъ одинъ разрѣшалъ его споры съ верховной властью, онъ всегда могъ защитить его отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Университетъ скоро оцѣнилъ свою зависимость отъ Ватикана; и потому унижался до происковъ, чтобъ сохранить его расположеніе къ себѣ. Онъ льстилъ римскимъ легатамъ, посылалъ своихъ депутатовъ въ Римъ, чутко прислушивался къ его пожеланіямъ, внимательно изучалъ характеръ каждаго владыки, какъ куртизанъ изучалъ волю своего новаго повелителя. За такое усердіе, Папы платили щедрой монетой. Благодареніямъ ихъ, расточаемымъ на Сорбону, не было конца. Вотъ какъ, напримѣръ, Григорій IX отстаивалъ Университетъ въ одну изъ самыхъ критическихъ его минутъ. Въ началѣ XIII вѣка, во время карнавала, студенты, не заплативъ денегъ содержателю пивной лавки, были избиты жителями Марсельскаго предмѣстья. Не желая остаться въ долгу, они на другой день отправились гурьбой къ мѣсту своего побойща, атаковали лавку, разлили вино, перебили посуду, и, разбѣжавшись по городу, изранили многихъ женщинъ и дѣтей, ничѣмъ невиноватыхъ въ этомъ дѣлѣ. Весь Парижъ возмутился. Легатъ, Парижскій епископъ и превогъ, съ согласія Короля, послали отрядъ войска наказать буйныхъ студентовъ. Они были жестоко побиты. Наставники и ученики, оскорбленные въ своемъ достоинствѣ, покинули Парижъ и разсѣялись по разнымъ городамъ. Папа, узнавъ о закрытіи школы, принялъ ея сторону; онъ писалъ королю и королевѣ въ ея пользу; отвѣтомъ медлили. Между тѣмъ члены университета отпра-

вели къ Папѣ двухъ повѣренныхъ съ жалобой. Григорій IX, выслушавъ ихъ, грянулъ рядомъ буллъ и потребовалъ немедленнаго и блистательнаго удовлетворенія обиженной «матери наукъ». Противники ея смирились; университетъ былъ оправданъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Папа подтвердилъ его старыя привилегіи, далъ новыя, устроилъ внутреннюю его полицію, распредѣлилъ время занятій, вакацій, раздѣлилъ на факультеты и, что всего важнѣе, уполномочилъ своимъ позволеніемъ расходиться и впередъ, въ случаѣ обиды или притѣсненія со стороны свѣтскаго начальства. Вскорѣ за тѣмъ, Иннокентій III освободилъ его совершенно отъ юрисдикціи парижской церкви и ея епископа. Съ этой поры, университетъ призналъ надъ собой одну верховную волю Папы. Впрочемъ, когда положеніе Сорбонны было упрочено, когда она взяла все, что можно было взять отъ Римскихъ намѣстниковъ, она сдѣлалась менѣе уступчивой. Такъ, на констанскомъ соборѣ одинъ изъ ея представителей, Герсонъ прямо высказалъ, что «авторитетъ собора выше авторитета Папы». Въ томъ же году, парижскій Университетъ объявилъ себя открытымъ непріателемъ преемника Петра; онъ ободрилъ письмами Базельскую конклаву противиться Папѣ, выражаясь на его счетъ не совсѣмъ ласково. Чѣмъ дальше шла реформа и чѣмъ больше ударовъ принимала римская тіара, тѣмъ меньше Сорбона уважала ее.

Теперь посмотримъ, въ какой мѣрѣ парижскій Университетъ содѣйствовалъ общему образованію Франціи. Замѣтимъ напередъ, что передъ нимъ лежали два пути, — одинъ велъ къ прогрессу народной жизни, съ помощію истиннаго просвѣщенія; — другой къ омраченію ея, со всѣми его послѣдствіями, нищетой, рабствомъ и упадкомъ всѣхъ правственныхъ силъ. Эти два направленія, столь противоположныя между собой, шли рядомъ по всѣмъ среднимъ вѣткамъ; вы чувствуете ихъ въ политикѣ, наукѣ; религіи, во всѣхъ проявленіяхъ народнаго быта. Само собой разумѣется, что большинство голосовъ и матеріальная сила перевѣшивали на сторону послѣдняго; при всемъ томъ, въ этомъ полуживомъ трупѣ біеніе жизненнаго пульса, какъ онъ ни былъ слабъ, никогда не прекращалось. Иначе Гуссъ и Галилей,

Бэконъ и Декартъ не явились бы такъ рано. Они были послѣднимъ словомъ отжившей эпохи и предвѣстниками новой. Мы видѣли, что передъ самымъ основаніемъ парижскаго Университета, ясно обозначивался расколъ въ будущихъ судьбахъ науки и человѣчества. Вопросъ единственно состоялъ въ томъ, къ какому направленію примкнуть и въ какой степени его можно оправдать? Относительно послѣдняго пункта, университетъ находился при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Онъ воспитывалъ молодья поколѣнія, еще не успѣвшія очерствѣть среди предразсудковъ; онъ собиралъ въ свои аудиторіи юношей со всѣхъ сторонъ Европы; у него былъ огромный авторитетъ, хорошія финансовыя средства, у него были образованные люди. Послѣ этого оставалось только дѣйствовать на благо народовъ.

И за всѣмъ тѣмъ университетъ отвернулся отъ прогресса. Это мало. «Онъ старался, говоритъ Дюлоръ, остановить ходъ цивилизаціи и загасить возникавшій свѣтъ». (11. стр. 236...). Неудивительно; по самому устройству, какъ замѣчено выше, онъ не былъ способенъ выполнить своего благороднаго призванія. Не трудно доказать, что и по самому духу ученія онъ былъ далекъ отъ великихъ цѣлей.

Учебный курсъ университета въ продолженіе среднихъ вѣковъ дѣлился на четыре факультета — теологическій, философскій, правъ и искусствъ. Послѣдніе два не имѣли почти никакого значенія. Юриспруденція была ограничена преподаваніемъ одного каноническаго права; гражданскіе же законы были запрещены, въ 1220 году, Папой Гоноріемъ III за тѣмъ, какъ онъ сказалъ въ буллѣ, чтобъ воспитанники больше занимались богословіемъ. И только Людовикъ XIV, декретомъ отъ 1679 года, возстановилъ эту кафедру, столь важную для среднихъ вѣковъ, когда судья — практикъ, не робѣя, произносилъ самые жестокіе приговоры, по внутреню желудка, какъ замѣтилъ Беккарія. Что же касается до искусствъ (*les arts liberaux*), къ нимъ относились словесныя науки, грамматика, риторика и элементарная логика. Въ послѣдствіи діалектика, старшая изъ наукъ, вытѣснила краснорѣчіе, которое докторы считали врожденнымъ даромъ человѣка, и потому думали, что изучать его безпо-

лезно. Въмѣстѣ съ риторикой было отмѣнено чтеніе древнихъ писателей. Впрочемъ, къ концу XIV вѣка, она опять вводится университетомъ. Извѣстно, что Квинтиліанъ былъ единственнымъ образцомъ и учителемъ риторовъ. Онъ доселѣ не потерялъ рутиннаго значенія для Франціи: мы встрѣчаемъ его, къ крайнему нашему удивленію, въ программѣ одного изъ лучшихъ заведеній — нормальной школы. Первенствующимъ факультетомъ былъ, безъ сомнѣнія, теологическій, въ которомъ, собственно, сосредоточивалась вся ученость среднихъ вѣковъ. Аудиторія его была самая многочисленная: молодой человекъ, желавшій занять выгодное общественное положеніе, шелъ въ духовное званіе, какъ самое прибыточное; здѣсь ожидало его богатство, почести, спокойная, чтобъ не сказать лѣнивая, жизнь, и верхомъ его мечтаній была кардинальская шапка. Кромѣ того, теологія находила примѣненіе во всѣхъ главныхъ случаяхъ житейскаго быта; на основаніи ея предпринимались войны, производился судъ, искоренялась ересь; короче, во имя ея человекъ боялся своего прошедшаго, скорбѣлъ о настоящемъ и трепеталъ за будущее. Преподаваніе этой науки въ парижскомъ Университетѣ было болѣе схоластическимъ, чѣмъ гдѣ либо. Сначала оно состояло изъ отрывочныхъ компиляцій и сокращеній, изъ буквальнаго толкованія библіи и св. отцовъ. Поднять новый вопросъ, дозволить себѣ сомнѣніе было невозможно. Во время Абельяра границы этого ученія были раздвинуты шире. Авторъ книги *Opus sclarum* ввелъ въ свое преподаваніе проблематическую методу, то есть, объясненіе текста *pro* и *contra*, но его метода была осуждена. Ее смѣнилъ строгій силлогизмъ — самый ржавый винтъ въ механизмѣ схоластики. Эта безопасная форма доказательствъ довела теологовъ до самыхъ негѣпныхъ результатовъ; она обезобразила ихъ языкъ, и безъ того бѣдный ясными понятіями и заковала мысль въ такія узкія рамы, что всякая новая идея, выходявшая изъ обыкновеннаго круга вѣрованій, казалась бунтомъ, покушеніемъ на жизнь всего человѣчества. Отсюда возникъ тотъ неподвижный квіетизмъ, въ которомъ, какъ въ стоячемъ болотѣ, все замирало и разрушалось. Если же теологъ покидалъ эту дикую почву,

онъ запутывался въ бесполезныхъ тонкостяхъ; за неимѣніемъ живаго духа, работалъ надъ словами и фразами, ломалъ и перетолковывалъ ихъ на разные лады и, послѣ всѣхъ трудовъ и фоліантовъ, оканчивалъ ничѣмъ. Бэконъ замѣтилъ, что истинной религіи въ средніе вѣка не существовало. Это справедливо; теологія искажила ея простой и общедоступный смыслъ; она обратила ее въ праздную игру школы, назвавъ ей свои собственные умствованія, какъ плодъ келейнаго грубаго воображенія. А между тѣмъ, подъ предлогомъ чистоты ученія, наполняли темницы отступниками, уничтожали на кострахъ гениальныхъ людей, предпринимали альбигойскіе походы, праздновали варфоломеевскія ночи. Надо отдать справедливость человѣческому уму, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что противъ схоластическаго преподаванія теологіи постоянно возставали болѣе здоровые умы. Такъ, Жерсонъ въ концѣ XIV вѣка рѣзко обвинялъ методу богословскаго ученія, съ одной стороны за его метафизическую пустоту, съ другой за его діалектическія мелочи (*De reformatione theologiae*). Но реформа коснулась только нѣкоторыхъ частныхъ, общее же направленіе осталось въ прежнемъ видѣ.

Еще безплоднѣй было преподаваніе философіи, которая замыкалась въ одной діалектикѣ. Органонъ Аристотеля былъ единственнымъ руководствомъ, дозволеннымъ въ школахъ. Его метафизика и натуральная исторія находились подъ опалой католицизма. Всѣ вопросы схоластической философіи вертѣлись около разсужденія о *родахъ* и *видахъ*. Кто желаетъ подробно ознакомиться съ этимъ ученіемъ, впрочемъ въ высшей степени сухимъ и педантическимъ, тому рекомендуемъ прекрасный трудъ Горео. (*Histoire de la philosophie scolastique*, par Nauréau. 2 v. 1850). Торжествомъ средневѣковой діалектики были диспуты. Предметомъ ихъ служили, большей частью, теологическія тѣмы. Эти ученія состязанія имѣли дурное вліяніе на характеръ народа; они разжигали нетерпимость мнѣній, и безъ того слишкомъ вредную. Привычка спорить о предметахъ часто опасныхъ, говоритъ Дювернэ, не мало содѣйствовала распространенію въ націи строптиваго духа, который, замедляя воцареніе

истины, столько разъ возмущала общественное спокойствіе; онъ же вызвалъ множество заблужденій, для искорененія которыхъ неловкая и варварская полтика сочла себя въ правѣ ставить висѣлицы, рыть подземелья и изъ самаго кроткаго народа образовала племя каннибаловъ». (Hist. de la Sorbonne II т. р. 44 — 45. par Duvernet). И надо признаться, что первыми каннибалами были сановитые наставники Сорбоны, тѣ «ученые колпаки», надъ которыми такъ удачно глумился Вольтеръ. Соединяя съ фанатизмомъ науки презрѣніе къ дѣйствительной жизни, съ непопѣрымъ чванствомъ совершенную дикость, они самымъ образомъ жизни разоблачали ложь своего ученія. Даже теперь, безъ сердечнаго трепета, нельзя представить себѣ той жестокости, съ которой они гнали своихъ противниковъ.

Такъ парижскій Университетъ, вмѣсто того, чтобы быть другомъ и вождемъ прогресса, явился однимъ изъ самыхъ суровыхъ враговъ, на всѣхъ стезяхъ его развитія. «Надо ослѣплять народъ, чтобы обманывать его» — вотъ девизъ шестисотлѣтней дѣятельности Сорбоны. Мы не говоримъ, что она вездѣ поступала съ сознаниемъ; но разъ увлеченная ложными началами, она осталась вѣрна имъ навсегда.

Прежде всего вражда сія выразилась въ отношеніи къ самому просвѣщенію, котораго она была всемірнымъ представителемъ, если вспомнимъ, что изъ двадцати тысячъ студентовъ ея (при Генрихѣ II) третья часть была иностранцевъ. Сорбона преслѣдовала книгопечатаніе, прежде чѣмъ приняла его; она запрещала переводить священныя книги на языкъ народный; стѣсняла философію, когда она перешла изъ ея аудиторіи въ самое общество; жгла сочиненія, которыя теперъ составляютъ національную славу Франціи; она выгнала Декарта изъ отечества, и онъ умеръ на чужой землѣ; да и кто изъ гениальныхъ писателей, истинныхъ друзей человѣчества, не былъ ея жертвой и мученикомъ? Она мѣшала каждому благотворному нововведенію; на ея совѣсти лежатъ кровавая память французской инквизиціи; одного этого пятна нельзя смыть никакими заслугами, если бъ они и оказались. И ни въ чемъ Сорбона не выказала такой непріязни прогрессу, какъ въ угнетеніи свободы совѣсти,

этого краеугольного камня всякой цивилизации, всякого разумного общества. После Испании, религиозная реформа нигдѣ не встрѣтила такого вѣроломства, иезуитизма въ своемъ гоненіи, какъ во Франціи. Университетъ прямо или косвенно участвовалъ во всѣхъ потрясающихъ драмахъ этихъ безчеловѣчныхъ бойнь, гдѣ тысячи людей, за различіе мнѣній, шли, подобно стадамъ, подъ топоръ палача. Правда, Сорбона сперва сама помогала появленію протестантизма; на констанскомъ и базельскомъ соборахъ она не щадила папскихъ злоупотребленій; но здѣсь дѣло шло только объ улучшеніи нравственной жизни духовенства и объ ограниченіи власти Римской іерархіи: иго ея чувствовала на себѣ сама Сорбона. Когда же народы потребовали болѣе полной независимости своихъ религиозныхъ убѣжденій, университетъ измѣнилъ тактику; изъ преобразователя обратился въ консерватора. Онъ началъ осужденіемъ Лютера, который впрочемъ глубоко презиралъ своихъ судей. Францискъ I учредилъ въ парламентѣ инквизиціонную комиссію, подъ названіемъ «огненной палаты,» докторы Сорборы были главными ея членами. Казни «еретиковъ» были повседневымъ зрѣлищемъ; одно неосторожное слово губило отца со всѣмъ его семействомъ, отнимало сына у матери, разлучало брата съ сестрой. Имя Гугенота сдѣлалось предметомъ народнаго ужаса. Осужденные подвергались самымъ свирѣпымъ истязаніямъ; прежде чѣмъ выводили ихъ изъ тюрьмы для выслушанія приговора, имъ отрѣзывали языкъ, чтобы они не бросили мимоходомъ слово ереси народу. Извѣстно, чего стоили Франціи избіенія послѣ амбуазскаго заговора, кровопролитіе Васси и ночь св. Варфоломея, и во всѣхъ этихъ случаяхъ Сорбона участвовала и совѣтомъ и дѣломъ. Она сравнила съ землей портъ-ройяльскій монастырь, въ которомъ воспитывались Леметръ и Расинъ; она перевозносила Людовика XIV за его нантскій эдиктъ; въ ея конференціяхъ составились тѣ уголовные законы, по которымъ Вольтеръ, Дидро и многіе другіе были лишены должнаго погребенія, и тысячи семействъ не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ.

Невѣротерпимость составляетъ самую черную страницу

въ исторіи Сорбоны. И мы нисколько не преувеличимъ истины, если скажемъ, что все это было слѣдствіемъ средне-вѣковой схоластики. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему могло привести ученіе, котораго отличительными чертами были 1, отсутствіе умственного развитія и 2, отчужденіе отъ всѣхъ практическихъ цѣлей общества.

Капитальнымъ недостаткомъ парижскаго университета, какъ и всѣхъ средне-вѣковыхъ школъ, была односторонность ученія. Естественныя науки были гонимы вмѣстѣ съ магіей; чтеніе древнихъ писателей; преподаваніе математическихъ наукъ сводилось къ одной Арифметикѣ и первымъ проблемамъ Геометріи; логика изучалась по категоріямъ Аристотеля; для философскихъ разсужденій были свои непрелѣзные формы, свои избитыя задачи; наконецъ студенты обязаны были употреблять латинскій говоръ, что уничтожало инстинкты ихъ материнскаго языка. И надъ всѣмъ этимъ тяготѣлъ авторитетъ доктрины: «такъ сказалъ божественный Аристотель», а дальше этого умъ человѣческій не смѣлъ идти. Отъ воспитанника требовалась не самостоятельная работа мысли, а запоминаніе цитатъ, текстовъ и безусловная вѣра тому, что сказано тѣмъ или другимъ учителемъ. Вслѣдствіе этой методы, изъ всѣхъ способностей души развивалась одна память, это огромное лукошко всякаго стараго хлама. Нельзя не изумляться, какой богатый запасъ эрудиціи былъ въ головахъ нѣкоторыхъ схоластиковъ, но эти головы походили на темный чуланъ съ книгами, изъ которыхъ хозяинъ не сумѣлъ сдѣлать никакого употребленія. При томъ самое устройство школъ сырыхъ и задыхлыхъ, варварское обращеніе съ юношами, недостатокъ книгъ, все это противорѣчило нормальному развитію умственныхъ силъ. Потому, не удивительно, если по выходѣ изъ школы надо было стараться забыть все, что было усвоено тамъ, а начать свое воспитаніе вновь. Декартъ именно такъ поступилъ. Въ разговорѣ о методѣ (*Discours de la méthode*) онъ рассказываетъ намъ, что на семнадцатомъ году возраста, когда онъ взвѣсилъ мѣру своихъ знаній, покраснѣлъ за свое невѣжество, и рѣшился перевоспитать себя. Необыкновенное терпѣніе побѣдило школьныя привычки и

предразсудки; сомнѣніе и зоркость ума привели его къ великимъ открытіямъ. Конечно, не одинъ Декартъ чувствовалъ на себѣ эти учебныя кандалы, но многіе ли могли послѣдовать за нимъ? Бэконъ также вынесъ изъ школы полное отвращеніе къ ней; сама же схоластика вооружила его противъ себя.

Такое ученіе не могло имѣть ничего общаго съ практической жизнью. Оно не обрабатывало ни воли, ни нравственнаго чувства, ни даже здраваго смысла. Между тѣмъ, что дѣлалось въ школѣ, и тѣмъ, что происходило за стѣнами ея, лежала непроходимая бездна. Студентъ, пробывшій десять или двѣнадцать лучшихъ своихъ лѣтъ подъ схоластической ферулой, какъ свекла подъ прессомъ, становился страннымъ особнякомъ въ обществѣ. Школа удаляла его отъ наблюденій дѣйствительнаго міра, и въ замѣнъ этого ничего не давала ему. Знанія своего онъ не могъ примѣнить къ самымъ обыкновеннымъ вещамъ. Оттого, между прочимъ, средніе вѣка были такъ бѣдны изобрѣтеніями, оттого наука не имѣла довѣрія въ глазахъ народа. Умный отецъ посылалъ своего сына въ университетъ не за тѣмъ, чтобы онъ надѣялся видѣть его дѣйствительно образованнымъ, нѣтъ, а за тѣмъ, чтобы исполнить форму, расквитаться съ общепринятымъ обычаемъ. И его сынъ возвращался домой тѣмъ педантомъ, котораго обезсмертилъ Мольеръ въ своихъ комедіяхъ. Тартюфы XVII вѣка были порожденіемъ Сорбонны.

Въ такомъ состояніи парижскій университетъ не могъ оставаться долго. Когда станокъ Гутенберга уничтожилъ монополію науки, открылъ ей двери въ самое общество, когда образованіе сдѣлалось возможнымъ внѣ школы, и реформація потрясла цѣпи умственнаго міра, Сорбона вдругъ падаетъ. Движеніе впередъ для нея было трудно, отступленіе назадъ невозможно. Потому со временъ Жерсона постоянно подаются проекты для преобразования ея. Мы остановимъ вниманіе читателя на одной реформѣ, какъ болѣе радикальной и поучительной. Эта реформа была предпринята, въ половинѣ XVI вѣка, Рамусомъ или Рамэ.

Рамэ вышелъ изъ послѣднихъ рядовъ народа; онъ былъ слугою Наварской коллегіи, изъ милости допущенный къ

урокамъ профессоровъ, потомъ самъ профессоръ, то жалуемый, то гонимый, то изгоняемый, то призываемый, всегда преслѣдуемый подозрѣніемъ, повсюду окруженный врагами, онъ наконецъ погибаетъ въ варфоломеевскую ночь, какъ протестантъ, и какъ защитникъ Платона.

Рамэ былъ старшимъ наставникомъ прельской школы и преподавателемъ во французской коллегіи, только-что основанной королемъ. Огромная зала этой коллегіи всегда была полна слушателей, когда Рамэ читалъ свои уроки. «Послѣ Абеяра, говоритъ Виддингтонъ, никогда не видѣли столь блистательнаго и выдержаннаго успѣха» (Ramus, par Waddington. 107.). Даровитый профессоръ занималъ кафедру по факультету искусствъ. Одаренный реформаціонными способностями, одушевленный благородными инстинктами своей эпохи, онъ рѣшился, говоритъ его біографъ, «освободить умъ человѣческій отъ ига Аристотеля и отъ схоластической тьмы, упростить изученіе наукъ, популяризировать ихъ, излагая на языкѣ пародномъ, позирить во Франціи занятіе математикой, освятить свободу мысли благороднымъ и полезнымъ напрямомъ, указать наконецъ философіи ея настоящей путь, предприсавъ ей наблюденіе человѣческой природы». (Ramus, par Waddington p. 399.) Изученіе Платона и собственные его опыты убѣждали Рамэ, что корень зла лежалъ въ схоластицѣ; поэтому онъ направилъ первый ударъ противъ Аристотеля и его перстолкованной логики. Но что значило въ эту пору возстать противъ Аристотеля? Значило объявить себя врагомъ среднихъ вѣковъ, всего ученаго сословія Европы, отдѣлиться отъ всѣхъ системъ, одному бороться съ тьмой всевозможныхъ тартюфовъ науки. Рамэ понималъ всю важность своего предпріятія. «Такъ какъ для пользы истины, писалъ онъ, мы завели борьбу съ софистами, то есть, врагами истины, то не только трудамъ и всѣмъ опасностямъ мы подвергаемъ себя, чтобъ до послѣдняго камня разрушить эти вертепы лжецовъ, но еслибъ было нужно, мы готовы принять неустрашимую и славную смерть». Пророчество его сбылось. Еще на двадцать первомъ году жизни, по случаю университетскаго диспута, онъ представилъ разсужденіе, въ которомъ хотѣлъ доказать, что «со-

чиненія Аристотеля подложны и что все, чему онъ учитъ — вздоръ.» Эта смѣлая и слишкомъ рѣзкая выходка молодого студента привела въ замѣшательство его наставниковъ. Дѣло было замято, но Рамэ не останавливаясь. Въ 1543 году вышли въ свѣтъ два лучшія его сочиненія (*Institutiones dialecticae* и *Animadversiones in dialecticam Aristotelis*), въ которыхъ онъ дальше развилъ свои прежнія положенія. Неумолимая критика схоластики разбудила Сорбону: доктора гвалтомъ поднялись противъ автора. Не только во Франціи, но и по ту сторону Альпъ и Пиреней явились противники Рамэ. Полемика приняла такой серьезный характеръ, что король счелъ нужнымъ нарядить особенную комиссію изъ пяти человекъ для рѣшенія ученаго спора; составленъ былъ протоколъ, по которому «покровитель наукъ» Францискъ I обвинилъ Рамуса и заставилъ его замолчать. Университетъ былъ недоволенъ рѣшеніемъ; онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, сослать на галеры бунтовщика. За всѣмъ тѣмъ, Сорбонисты неистово возрадовались своей побѣдѣ, «какъ будто, замѣчаетъ Паскъе, былъ завосванъ большой городъ»; вездѣ были прибиты афиши на латинскомъ и французскомъ языкахъ, для всеобщаго свѣдѣнія о пораженіи Рамэ; въ коллегіяхъ выставили его сочиненія на показъ и покрыли его оскорбительными насмѣшками; одинъ фанатикъ, если не ошибаемся, Данесъ, сжегъ обвиненныя книги передъ камбрейской школой, и человекъ, котораго имя съ уваженіемъ теперь произносятъ образованный Французъ, былъ окликанъ врагомъ религіи и общественнаго спокойствія. При всемъ томъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Рамэ выигралъ свой процессъ; его поддержало своей горячей симпатіей молодое поколѣніе и помогли вышнія обстоятельства. Аристотель невозвратно упалъ въ общественномъ мнѣніи. И этому паденію особенно содѣйствовалъ Платонъ; изученіе греческаго языка, начатое въ Италіи, и знакомство съ философіей ученика Сократа, перенесенной изъ Константинополя *) въ великолѣпные сады Косьмы Медициса, нако-

*) Платонъ почти повсе не былъ извѣстенъ въ средніе вѣка на Западѣ; напротивъ на Востокѣ, въ византійской имперіи, онъ господствовалъ въ на-

нецъ общее настроеніе умовъ, жаждавшихъ живаго знанія, все это вмѣстѣ подорвало кредитъ перипатетика и его школы.

Такъ Сорбона встрѣтила одну изъ самыхъ благотворныхъ реформъ. Впослѣдствіи, съ тѣмъ же непостижимымъ упорствомъ, она старалась забить всѣ щели, чрезъ которыя проходилъ въ нее новый свѣтъ. Чрезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ Рамэ, она выхлопотала у парламента государственный декретъ, по которому, подъ угрозой смертной казни, было запрещено дотрогиваться до Аристотеля. (Idem p. 54.) Но законъ — пустой звукъ, если онъ идетъ наперекоръ потребностей народнаго духа. Авторитетъ Сорбоны — съ каждымъ днемъ больше и больше ослабѣвалъ, и голосъ ея часто вопіялъ въ пустынѣ.

Метода Рамэ была принята другими учебными заведеніями, которыя въ это время быстро распространялись и существовали независимо отъ университета. Иезуиты, уволенные папой Юліемъ III отъ университетскаго надзора, сбросили свои тенеты изъ клермонской коллегіи по всей Франціи. Они употребили ученіе орудіемъ своей пропаганды, и потому не щадили никакихъ средствъ для привлеченія юношества; дѣйствуя на его фантазію и чувство, они нравились своимъ питомцамъ, которые охотно сосали медленный ядъ подъ розовой оболочкой. Въ то же время начала дѣйствовать Французская коллегія; она первая ввела методу Рамэ, и тому была обязана своимъ превосходствомъ надъ Сорбонной, которая остается за ней и до настоящей минуты.

Послѣ Рамэ и до конца прошлаго вѣка мы видимъ рядъ новыхъ попытокъ преобразовать ученіе парижскаго университета. Такъ, при Генрихѣ IV изданъ былъ особенный регламентъ, по которому введено было преподаваніе древнихъ классиковъ: Гомера, Гесіода, Пиндара, Платона и Демосоеца; при Роллапѣ, который былъ двадцать лѣтъ ректоромъ Сорбоны и подъ руководствомъ котораго учился нашъ «пінта» Тредьяковскій, былъ данъ толчекъ историческимъ наукамъ;

укѣ. Этой чертой, между прочимъ, опредѣляется различіе умственныхъ направленій того и другаго міра. Вліяніе Платона отразилось и на древней Русской литературѣ, для которой этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ.

въ 1712 году потребовали для университета *національнаго образованія*, которое бы отвѣчало условіямъ народной жизни. Ролланъ (Rolland) доказывалъ необходимость специальныхъ заведеній, морскихъ, коммерческихъ и ремесленныхъ школъ и равномернаго образованія во всѣхъ классахъ и сословіяхъ. Но всѣ эти улучшенія и попытки или не осуществились или были такъ слабы, что самый духъ ученія остался неприкосновеннымъ. Впрочемъ это обыкновенный удѣлъ полумѣръ и частныхъ измѣненій, когда учебное заведеніе поставлено на ложномъ основаніи; сколько ни украшай и какъ ни перестройвай больницу, безъ лекарствъ и хорошихъ медиковъ она отсылаетъ прямо на кладбище....

Мы именно пришли къ кладбищу старой Франціи. Ураганъ революціи унесъ съ собою Сорбону и вмѣстѣ съ ней двадцать два другихъ Французскихъ университета. Отсюда начинается новый періодъ въ исторіи общественнаго образованія Франціи.

Эпоха девяностыхъ годовъ открыла доступъ обществу мнѣнію, и потому была богата и дѣятелями и идеями. Среди радикальнаго перелома въ государственномъ организмѣ, вопросъ о воспитаніи не могъ остаться незатронутымъ; онъ обратилъ на себя особенное вниманіе гораздо раньше,*) но съ 1790 года онъ получаетъ оффиціальное значеніе. Со всѣмъ сторонъ раздались голоса въ его пользу. Первый и самый полный прозекъ, который обнималъ реформу отъ инстинктивныхъ школъ и до Французскаго института, былъ представленъ Талейраномъ. Будущій дипломатъ предлагалъ отдѣлнить гражданское образованіе отъ католической церкви и дать стройное развитіе всѣмъ силамъ человѣка-физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ. Вслѣдъ за Талейраномъ, Кондорсе предложилъ законодательному собранію новый планъ. Авторъ «Картины прогресса ума человѣческаго» (*Tableau des progrès de l'esprit humain*) вооружался

*) Изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи, конфискація ихъ имѣній и закрытіе школъ, ими основанныхъ, составляетъ важную пережѣну въ исторіи Французскаго образованія, не только въ Парижскомъ Университетѣ, но вообще въ учебныхъ заведеніяхъ Франціи. (*Etudes sur l'instruction secondaire. Par Gasc.*)

противъ бесполезнаго и слишкомъ долгаго изученія древнихъ языковъ, совѣтовалъ замѣнить ихъ иностранными и вообще предметами, болѣе полезными въ жизни. Впослѣдствіи эта теорія возбудила жаркіе споры въ педагогикѣ, и перешла въ знаменитую полемику романтиковъ съ классиками. Конвентъ потребовалъ отъ родителей спартацкой жертвы — воспитывать дѣтей до двѣнадцатилѣтняго возраста вмѣстѣ и на счетъ республики. Наконецъ Дону организовалъ національный институтъ, подалъ мнѣніе объ основаніи высшихъ школъ и защищалъ не только свободу домашнаго и общественнаго воспитанія, но и свободу методъ. «Въ искусствѣ развивать умственныя способности, говорилъ онъ, есть бездна неуловимыхъ тайнъ, такихъ подробностей, которыя нельзя подвести ни подъ какія опредѣленныя правила. Притомъ нѣтъ надобности стѣснять частную дѣятельность опытныхъ преподавателей.»

Извѣстно, что отличительнымъ характеромъ этой эпохи было преобладаніе теоріи надъ практикой. Умы, раздраженные философіей XVIII вѣка, создали воображаемый міръ, которому они хотѣли дать, въ нѣсколько дней, дѣйствительную жизнь; но дѣйствительность не приняла его, и многіе замыслы, не смотря на свое прекрасное начало, остались праздыми мечтами. Этотъ фактъ отразился и въ реформахъ воспитанія. Когда возникли центральныя школы, по одной въ каждомъ департаментѣ, математическія науки были поставлены на первомъ мѣстѣ въ преподаваніи; исторія была исключена, какъ масса предразсудковъ, вредныхъ юношеству; вознагражденіе учителей было увеличено, такъ что профессоръ центральной школы долженъ былъ получать наравнѣ съ управителемъ департамента; но когда дѣло дошло до осуществленія этого плана, онъ встрѣтилъ такъ много непобѣдимыхъ препятствій, что самъ собой рухнулъ. И послѣ всѣхъ бурь и разрушеній, сохранили свое существованіе только два заведенія, основанныя среди самаго разгара революціи — политехническая и нормальная школы.

Главная цѣль первой состояла въ томъ, чтобъ «образовать инженеровъ всѣхъ родовъ и возстановить преподаваніе

точныхъ наукъ», которыя прекратились вслѣдствіе общественныхъ бѣдствій. Эта школа блистательно начала свою карьеру. Стеченіе рѣдкихъ талантовъ на ея каедрѣхъ, братскій союзъ учениковъ, доселѣ вѣрныхъ своимъ преданіямъ, возвелъ ея на степень образцоваго заведенія. Послѣ люневильскаго мира (въ 1801 г.), она была предметомъ общаго любопытства для иностранцевъ. Къ сожалѣнію, Наполеонъ скоро измѣнилъ ея устройство; въ 1804 году, онъ обратилъ ее въ военную и казарменную школу. Заведеніе надолго упало; въ немъ форма замѣнила духъ. За всѣмъ тѣмъ, оно оказало существенныя заслуги математическимъ наукамъ Франціи и разработкѣ ученыхъ методъ. (Hist. de l'école polytechn. par Fourcy.)

Еще блистательнѣй начала свою дѣятельность нормальная школа, получившая значеніе высшаго педагогическаго института. Пять сотъ воспитанниковъ, самыхъ способныхъ и испытанныхъ, были собраны въ нее со всѣхъ концовъ республики. Аудиторія ея была прославлена профессорами Лагранжемъ, Лапласомъ, Воллесомъ, Бертолемъ и Гира, которыми французская наука остается признательной до настоящей минуты. Впослѣдствіи, нормальная школа, заурядъ съ другими учрежденіями, ослабла и въ 1824 году была закрыта однимъ аббатомъ, возведеннымъ, за погашеніе французскаго образованія, въ званіе министра народнаго просвѣщенія. (Tableau histor. de l'instruction secondaire en France, par Kilian, p. 163.) Открытая вновь, она окончательно сложилась во время министерства Вильмэна, который далъ ей полное административное и учебное устройство. Такимъ образомъ она доселѣ сохранила свое педагогическое назначеніе, приготовляя наставниковъ по всѣмъ факультетамъ парижскаго университета. Курсъ ея дѣлится на два главные отдѣла — литературный (des lettres) и чисто-ученый (des sciences,)*) восходя постепенно отъ общихъ знаній къ строго спеціальнымъ. Эта спеціальность распределена слѣдующимъ образомъ: въ первомъ или низшемъ классѣ, (каждый огра-

*) Въ первомъ преподается литература, исторія и философія; во второмъ — математическія, физическія и естественныя науки.

ичивается однимъ годомъ) воспитанники проходятъ, въ болѣе обширномъ объемѣ то, что они изучали въ школахъ втораго разряда, равныхъ нашимъ гимназіямъ. Въ слѣдующемъ классѣ преподается философія и литература въ историческомъ ихъ развитіи; древняя исторія смѣняется исторіей среднихъ и новыхъ временъ. Наконецъ третій годъ посвященъ однимъ спеціальнымъ предметамъ. Доселѣ ученики слѣдовали вмѣстѣ; теперь, сообразно своему призванію и успѣхамъ, они раздѣляются на двѣ группы, — одни идутъ по отдѣленію наукъ, другіе — по отдѣленію литературы. Профессоры, при изложеніи своихъ системъ, особенное вниманіе обращаютъ на методу и критическую оцѣнку знанія, воспитывая будущихъ себѣ преемниковъ.

Въ 1855 году, по декрету министра народнаго просвѣщенія, въ нормальной школѣ прибавлено два высшіе класса, предназначенныхъ, какъ говорится въ этомъ оффиціалномъ документѣ, «для образованія докторовъ литературы (*es lettres*) и наукъ (*es sciences*). Студенты избираются изъ того же самого заведенія, и ихъ можетъ быть не болѣе двѣнадцати. (*Réglement. 1855. §§ 1 и 6*).

Если разсматривать нормальную школу въ современномъ ея состояніи, она далеко не достигаетъ своего главнаго назначенія. Какъ единственное педагогическое учрежденіе Франціи, она даетъ ежегодно только двѣнадцать воспитанниковъ для занятія профессорскихъ кафедръ. Этого слишкомъ недостаточно для восьмидесяти тысячъ учащагося юношества. Конечно университетъ отчасти восполняетъ этотъ недостатокъ; но онъ не занимается педагогикой, и слѣдовательно отклоняетъ отъ себя всякую отвѣтственность въ приготовленіи способныхъ наставниковъ. Его дѣло учить, но не воспитывать. Послѣ этого понятно, почему въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, тамъ, гдѣ должны быть особенно опытные преподаватели, теперь большей частью находятся церковники, которымъ учительская карьера служитъ временнымъ переходомъ къ полученію приходскихъ должностей. Кромѣ того, самый составъ ученія нормальной школы поражаетъ насъ своей нескладницей. Такъ, напримеръ, при вступительномъ экзаменѣ требуется отъ уче-

ника, чтобы онъ написалъ латинскіе стихи въ присутствіи самой комиссіи. Писать стихи по заказу — это значитъ молиться Богу по приказанію. Притомъ, греческому и латинскому языку опредѣлены четыре часа въ недѣлю, а своему родному — одинъ; такъ, что бакалавръ литературы очень часто выходитъ изъ заведенія, не умѣя правильно писать по-французски. Наконецъ замѣтимъ, что нормальная, какъ и политическая школы — закрытыя, что, по выраженію Брума, равняется желѣзнымъ клѣткамъ съ ручными попугаями. Въ закрытой школѣ, если угодно, можно получить кой-какое научное образованіе, но никогда воспитанія; его дастъ только мать и общество; а безъ воспитанія самый мудрый педагогъ — не больше, какъ ловкій репетиторъ чужихъ мыслей и затверженныхъ страницъ.

Есть, впрочемъ, двѣ хорошія стороны въ нормальной школѣ, которыя уцѣлѣли отъ ея прошлыхъ лучшихъ дней. Такъ какъ иностранные языки не преподаются въ ней, то ученикамъ дана свобода собираться, въ досужное время, въ общій кружокъ и, подъ руководствомъ одного изъ своихъ товарищей, заниматься этими языками. Это пріучаетъ юношей къ самостоятельному труду и развиваетъ ихъ волю. Затѣмъ, воспитанникамъ предоставлено право, съ позволенія министра, предпринимать заграничныя путешествія для изслѣдованія и разработки избранныхъ ими тѣмъ. (Réglement. 1855. § 14). Но гдѣ зло превѣшиваетъ добро, тамъ хорошая сторона остается недѣйствительной.... Пошлите Платона въ нормальную школу, онъ не уживется здѣсь и одного дня; поставьте на его мѣсто городского сержанта, онъ непременно дослужится до пенсіи.

Мы коснулись этихъ двухъ заведеній, потому что они тѣсно связываются съ университетомъ. Нормальная школа — правая рука его. Возвратимся назадъ.

Съ паденіемъ центральныхъ школъ, консульское правленіе приступило къ новой реформѣ общественнаго воспитанія, сосредоточивъ особенное вниманіе на среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (*les écoles secondaires*), которыя и по-сую пору живутъ подъ вліяніемъ этихъ постановленій. Въ 1802 году, 1 мая, былъ изданъ законъ, по которому возникли 46

лицеевъ, 378 коммунальныхъ и 361 частная школа, — всего 785 заведеній второго разряда. Высшее управленіе надъ ними было ввѣрено тремъ генеральнымъ инспекторамъ. Главными предметами лицейскаго ученія были латинскій языкъ и математика. Изящная литература, воспитавшая Францію XVIII вѣка, была отодвинута на задній планъ; исторія и философія были совершенно отмѣнены. Мысль перваго консула, котораго только четыре года отдѣляли отъ императорской короны, ясно проглядывала въ этомъ планѣ. Ему нужны были прежде всего солдаты, а потомъ граждане.... Такимъ образомъ, по волѣ Наполеона; народное образованіе приняло строго — военный характеръ. «Въ лицейхъ, говорить Гаскъ, учили нравственности подъ барабанъ». (*Etudes sur l'instr. second., par Gasc. p. 36*). Въ основу ея, однакожь, авторъ «Конкордата» положилъ католическую религію, и снова допустилъ духовенство къ участию въ общественномъ воспитаніи.

Покореніе, образованное въ духѣ этихъ одностороннихъ школъ, всего меньше дало Франціи замѣчательныхъ людей, которыми былъ такъ богатъ періодъ консульства. Геніальный вождь собиралъ побѣдные лавры съ помощію питомцевъ Ж. Ж. Руссо и Даламбера, а выданъ былъ врагамъ его собственными учениками. Такова участь государственныхъ эгоистовъ!

Съ восшествіемъ на престоль, первой мыслью Наполеона было учрежденіе университета, который упалъ съ старой монархіей и поднялся съ новой имперіей. Собирая народныя силы въ одинъ центръ верховной власти, императоръ рѣшился возратить университету его прежнее значеніе. Въ 1806 году, государственный совѣтъ, въ которомъ присутствовалъ самъ Наполеонъ, двумя параграфами опредѣлилъ цѣль и направленіе будущаго учрежденія. Декреты отъ 1808 — 1811 года окончательно устроили его. Университетъ образовалъ обширное и независимое сословіе, послѣ государства и церкви самое сильное, въ рукахъ котораго сосредоточились всѣ отдѣльныя отрасли общественнаго образованія и воспитанія. Ему же былъ ввѣренъ высшій контроль надъ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ всѣхъ

учебныхъ заведеній; безъ предварительнаго дозволенія его нельзя было открыть ни одной школы; онъ назначалъ поставщиковъ и инспекторовъ, раздавалъ ученныя степени и награды, наблюдалъ за частными пансіонами, однимъ словомъ, безусловно распоряжался головой и сердцемъ Франціи. Такъ свобода воспитанія, дорого купленная предъидущей эпохой, исчезла. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ систему университетской администраціи закрадывается финансовое злоупотребленіе, которое со временемъ достигло колоссальныхъ размѣровъ и въ тридцатыхъ годахъ вызвало противъ себя негодованіе всей страны. Злоупотребленіе состояло въ установленіи денежной пошлины, которую получалъ университетъ отъ содержателей частныхъ школъ за право открытія ихъ, отъ воспитанниковъ за право образованія ихъ. (Les lois relatives à l'université. 1806 — 1811). Вся тяжесть этихъ произвольныхъ налоговъ, разумѣется, пала на бѣдныя сословія, которымъ особенно было необходимо просвѣщеніе, потому что для богача и аристократа оно составляетъ рѣскошь, для земледѣльца и ремесленника честный насущный кусокъ хлѣба. «Университетскій монополь, писалъ Гаскь въ 1844 году, поражаетъ всѣ учебныя заведенія и семейства; онъ душитъ всякое благородное соревнованіе подъ эгоистической и хищной рукой, которая достаетъ даже книгопечатаніе и книжную торговлю. Нарушая самыя святыя законы справедливости, онъ отнимаетъ всякое средство къ усовершенствованію у посредственныхъ состояній, образуя аристократію — денежную, прикрывая это имя пышнымъ названіемъ «аристократіи умственной».

Такимъ образомъ наполеоновскій университетъ сдѣлался въ одно и то же время учрежденіемъ деспотическимъ и продажнымъ. Его монополь не только загородилъ дорогу многимъ талантамъ, но онъ развратилъ сословіе самихъ профессоровъ. Желая извлечь большую выгоду изъ продажи дипломовъ, они обезпечивали свой годовой доходъ снисходительностью и потворствомъ на экзаменахъ, и тѣмъ обратили Сорбоду въ мастерскую докторскихъ и бакалаврскихъ пергаментовъ.

Чтобы явиться въ полномъ прежнемъ видѣ, съ фізіоно-

міей XV вѣка, университету не доставало одного — духовно-католическаго контроля. Реставрація не замедлила сравнять его съ старой Сорбоной и въ этомъ отношеніи.

За отреченіемъ Наполеона и завоеваніемъ Паризжа союзными войсками, настаетъ государственная реакція — эпоха колебаній, жалкихъ полумѣръ, страха, соединеннаго съ подозрѣніемъ и подозрѣнія, нечуждаго подлости. Общественное образованіе подпало общей участи. Доселѣ оно было орудіемъ военнаго деспотизма, теперь становится органомъ католической партіи.

Реформа началась уничтоженіемъ лицеевъ, обращенныхъ въ «королевскія коллегіи»; учрежденіемъ семнадцати новыхъ мѣстныхъ университетовъ, подчиненныхъ епископамъ; семинаріи освобождены отъ гражданской власти, нисшія школы отданы подъ непосредственный надзоръ духовныхъ лицъ, наконецъ высшее управленіе народнымъ образованіемъ ввѣрено аббату Фрайсину (Fraussinous), впоследствии епископу Гермополису. Фрайсину, іезуитъ въ душѣ, ловкій куртизанъ по наружности, человекъ, для котораго политика Макіавелли была бы слишкомъ слабымъ выраженіемъ вѣроломства, заподозрилъ науку, какъ врага вѣры. Онъ желалъ дать Франціи чисто-религіозное воспитаніе; съ этой цѣлью онъ уничтожилъ «нормальную школу», которую считалъ гнѣздомъ вреднаго либерализма, присоединилъ совѣтъ епископовъ къ университету, для наблюденія за направленіемъ учебныхъ заведеній, и возстановилъ прежнюю цензуру для литературы. Эта реформа уронила Францію въ ея собственномъ мнѣніи; въ десять лѣтъ, не больше, она отступила назадъ цѣлымъ вѣкомъ. Въ воспитаніи насталъ произволъ необузданный; многіе достойные профессора лишились кафедръ; ихъ замѣнили церковники, не имѣвшіе даже обыкновенныхъ ученыхъ степеней; 1500 ланкастерскихъ училищъ (взаимнаго обученія), обязанныя своимъ развитіемъ частной предпримчивости, исчезли; іезуиты снова разсыпали по Франціи свои школы и миссіи; молодое поколѣніе съ жадностью искало однихъ чиновническихъ мѣстъ, забывъ серьезные интересы жизни. Система обскурантизма такъ далеко простиралась, что королевскому совѣту былъ представленъ проектъ,

въ силу котораго требовали: 1) высшаго образованія для однихъ аристократовъ, подъ руководствомъ церкви и 2) совершеннаго невѣжества низшихъ сословій. Франція стояла недалеко отъ того нравственнаго убійства, которымъ Австрійцы поразили Ломбардію въ наше время. (*Les lois relat. à l'univ. 1818 — 1828. Tableau hist. de l'instr. secon. par Kilian. p.80 — 119.*)

Но къ какимъ результатамъ привела эта реформа? Июльскіе дни 1830 года отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Когда Карлъ X плылъ къ берегамъ Англій, а Людовикъ Филиппъ всходилъ на ступени пошатнувшагося трона, Франція ввела новую конституцію, съ новой хартой.

Съ переменой правленія, естественно, должна была измѣниться и система общественнаго воспитанія. Трибуна, журналистика, народный голосъ и даже церковная кафедра возстали противъ старой учебной системы. Ее немедленно вырвали изъ рукъ католическаго духовенства и передали свѣтской власти королевскаго совѣта, въ которомъ засѣдали первые умы Франціи — Кювье и Тенаръ. Преобразование началось возстановленіемъ «нормальной школы», введеніемъ философскихъ и историческихъ наукъ, въ преподаваніи первыхъ латинскій языкъ замѣненъ французскимъ, и объявленіемъ свободы ученія.

Замѣтимъ, что господствующимъ направленіемъ въ литературѣ этого времени была школа Сэнъ-Симона. Возбудивъ социальныя вопросы о собственности, трудѣ и отношеніи работника къ обществу, она обратила общее вниманіе на средніе и низшіе классы, воспитаніе которыхъ сдѣлалось главной задачей. Политическая экономія поставила аксіомой ту истину, что «увеличеніе народнаго богатства всегда идетъ въ прямомъ отношеніи съ развитіемъ умственныхъ силъ народа». Между тѣмъ, недостатокъ элементарнаго образованія среди ремесленныхъ сословій былъ такъ ощутителенъ, что ему приписывали всѣ несчастія государственныхъ кризисовъ. Въслѣдствіе того, дальнѣйшія реформы направлены были преимущественно къ распространенію и улучшенію народныхъ школъ.

Въ исторіи Французской монархіи не было ни одной

эпохи, столь благопріятной народному воспитанію, какъ правленіе Лудовика-Филиппа, если смотрѣть на него со стороны ви́шнихъ фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое рѣдкое стеченіе блестящихъ талантовъ на поприщѣ умственной дѣятельности. Отъ 1832—1848 года, министрами общественнаго образованія являются знаменитые ученые, писатели, извѣстные всей Европѣ: Гизо, Сальванди, Вильмэнъ, Кузенъ и снова Сальванди. Кто могъ подумать, что они обманутъ надежды народа, изъ среды котораго они вышли? Кто могъ сомнѣваться въ ихъ способности править дѣломъ, на которое они, кажется, были призваны природой, испытанной любовью къ наукѣ, всѣми нравственными инстинктами души. И между тѣмъ, если сдѣлаемъ нѣкоторое исключеніе въ пользу Сальванди, дѣятельность послѣднихъ равняется немногимъ больше, чѣмъ нулю. Гизо (1832—1837), совѣтуя королю употребить трудъ какъ самую прочную узду для народа, считалъ образованіе его не нужнымъ, и въ тоже время, по какому-то странному софизму, хотѣлъ привести его «въ гармонію съ прогрессомъ современнаго общества.» Онъ поступилъ въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ эгоистъ. Потому всѣ его предположенія относительно организаціи низшихъ школъ и университетскаго ученія носятъ характеръ двойственности и противорѣчій (*Projet de loi sur l'instr. publ. 1853. февр.*). Неужели авторъ «Цивилизаціи Европы» могъ искренно думать, что невѣжество массъ можетъ быть когда либо полезно обществу? Не оно ли парализировало лучшія стремленія предыдущихъ вѣковъ! Не оно ли было источникомъ бѣдствій той страны, которая швейцарскому выходцу дала имя, славу и богатство? Неужели нужно было сдѣлаться министромъ вялаго короля, чтобъ измѣнить самымъ задушевнымъ убѣжденіямъ. Но Гизо былъ понятъ, и, конечно, никто и не подалъ такъ близко въ общественномъ мнѣніи, какъ онъ. Вильмэнъ (1839—1840) отличался столько же безпечностью, сколько недалекостью въ своей высокой обязанности. Все, что онъ могъ сдѣлать въ продолженіе одного года, — измѣнить нѣкоторые курсы, разграничить отдѣлы наукъ, выразить особенную симпатію къ классическому образованію, которое онъ полагалъ существенной формой національнаго воспитанія, и пере-

шесть «Нормальную школу» изъ одной улицы въ другую. Министерство его назвали *министерствомъ фразъ*; это названіе можно примѣнить и ко всей ученой дѣятельности Вильмэна. Изъ рукъ его былъ принятъ портфель В. Кузэномъ. Воспитанникъ нѣмецкаго университета, ученикъ Гегеля, изучавшій различныя системы воспитанія въ Германіи и Бельгіи, оказался рѣшительнымъ противникомъ прогресса. Въ палатѣ перовъ онъ защищалъ университетъ, оправдывалъ его монополию и старыя ошпбки, называлъ Сорбону образомъ всей Франціи. Какъ профессоръ философіи, онъ хотѣлъ навязать свою эклектическую систему всеѣмъ коллегіямъ и увеличить курсъ ея въ университетѣ. Извѣстно, что эта философія, фантазмагорія всевозможныхъ ученій, перепутала послѣднія здравыя понятія въ юношескихъ головахъ. Кузэнъ былъ вдвойнѣ побѣжденъ и временемъ и критикой. Какъ ученый и какъ министръ, онъ никогда не поднимался выше чужихъ мнѣній (*Défense de l'univers. et de la philos. par Cousin, 1845*). Гораздо полезнѣй и оригинальнѣй была дѣятельность Сальванди (1837—1839). Ему обязано народное образованіе изученіемъ повѣйшихъ языковъ, которые доселѣ находились въ крайнемъ пренебреженіи, болѣе равномернымъ распредѣленіемъ казенныхъ суммъ между коллегіями, устройствомъ конкурсовъ, щедрой наградой даровитыхъ воспитанниковъ и личнымъ его покровительствомъ молодымъ талантамъ; а главное — горячей и благородной защитой свободы воспитанія (*Tableau histor. de l'inst. second, par Kilian. Min. de Salv.*)

Впрочемъ, во всеѣхъ этихъ преобразованіяхъ, университетъ былъ обойденъ. До его коренныхъ основъ не коснулся ни духъ времени, ни общественныя реформы. Не смотря на вопіющій протестъ, онъ удержалъ за собой привилегіи монополии до 1849 года; ихъ не уничтожили ни харта, ни послѣдующія министерства. Франція пріобрѣла, говоритъ французскій педагогъ, независимость промышленности, независимость книгопечатанія, независимость индивидуальную, свободу религіозную, но главную основную свободу общественнаго образованія забыла, — забыла первую національную свободу.... Она давно чувствовалась во Франціи, она составляетъ естественное и необходимое слѣдствіе всеѣхъ про-

чихъ политическихъ и религиозныхъ реформъ (*Etudes hist. et crit. sur l'instr. second, par Gasc. p. 411*).

Между тѣмъ, какъ духъ университетскаго ученія въ продолженіе сорока лѣтъ противился всѣмъ нововведеніемъ, или, справедливѣе сказать, отстаивалъ свою рутину изъ корыстныхъ расчетовъ, преподаваніе его было обременяемо различными формами, большей частью мелочными и безплодными; такъ, вводили новые приемы экзаменовъ, перемѣщали факультеты, сокращали или увеличивали курсы, предписывали методы, руководства и программы. Мы не говоримъ, чтобъ все это было бесполезно; напротивъ, чѣмъ подробнѣй опредѣляется учебная дѣятельность, тѣмъ правнлнѣй она идетъ; но заниматья формой исключительно и упускать изъ виду главныя и существенныя части заведенія — это значитъ не преобразовывать, а запутывать дѣло. Представьте себѣ умную мать, которая воспитываетъ своихъ дѣтей: она не составляетъ программъ, не назначаетъ курсовъ и уроковъ, а вліяніе ея на дѣтяхъ замѣтно во всемъ; ея взглядъ, слово, движеніе — все переходитъ въ нравственное существо дитяти, потому что между имъ и его матерью есть внутренняя связь, сила ума и воли. Въ образованіи, какъ въ религіи, всякое насліе, всякое стѣсненіе, ведетъ къ лицемерію и лжи. Въ этомъ убѣждаютъ насъ ежеминутныя педагогическіе опыты: самой плохой наставникъ, обыкновенно, бываетъ тотъ, который привязывается ко всѣмъ мелочамъ въ своемъ питомцѣ, и самый бездарный питомецъ тотъ, кто съ ослинымъ терпѣніемъ все это переноситъ. Парижскій Университетъ всегда обвиняли въ двухъ недостаткахъ: — въ однообразіи ученія его, не отвѣчающаго новымъ потребностямъ времени. Если студентъ не избираетъ медицинскаго или юридическаго факультета, онъ не выноситъ почти никакихъ познаній, приложимыхъ къ жизни. Въ этомъ, между прочимъ, скрывается зародышь празднаго пролетаріата. Другой недостатокъ, какъ слѣдствіе его долговременнаго монополя, меркантильный духъ профессоровъ, которые часто смотрятъ на кафедру, какъ на болѣе или менѣе выгодную аренду.

Въ такомъ видѣ, университетъ по слѣдамъ новой Имперіи

вошелъ въ общую систему министерства народнаго просвѣщенія. Правда, его освободили отъ постыднаго сбора налоговъ съ ума человѣческаго, но ему не дали новой жизни.

Мы застали его въ самомъ жалкомъ состояніи. Аудиторія, то есть, слушатели по прежнему любознательны. Въ этомъ случаѣ нельзя обвинять французское юношество; съ энтузіазмомъ, съ слезами на глазахъ, оно встрѣчаетъ всякую благородную мысль профессора; оно ободряетъ его труды полнымъ сочувствіемъ и громкими рукоплесканіями. Старикъ, отроки, женщины, люди всѣхъ состояній спѣшатъ въ залу хорошаго преподавателя. И объявите сегодня, что Мишлэ или Кине взойдетъ на кафедру Сорбонны, весь латинскій кварталъ соберется у дверей аудиторіи. Къ сожалѣнію, мы не видимъ теперь истинно даровитыхъ профессоровъ; они отказались отъ своихъ должностей изъ уваженія къ своему достоинству или удалены отъ нихъ, подъ разными предлогами. Молодые же преемники ихъ или стѣснены предупредительными условіями или, за неимѣніемъ солидныхъ знаній, ищутъ популярности на счетъ вѣшняго лоска, обращая аудиторію въ театръ пустыхъ звуковъ. Рядомъ съ ними стоятъ уцѣлѣвшіе старики, для которыхъ наука — жалованье, лекція — ремесло. Ихъ никто или рѣдко кто посѣщаетъ, но они продолжаютъ читать — по привычкѣ.

Парижскій Университетъ имѣетъ одно драгоценное качество — публичность ученія. Двери его, подобно храму, отворены всѣмъ безъ всякаго различія и ограниченія, но публичное ученіе, во всякомъ случаѣ благотѣльное, обладаетъ дѣйствительною силой только тогда, когда наставникъ дорожитъ честью науки и, образу общественное мнѣніе, самъ первый принимаетъ его судъ. Для успѣховъ этого ученія необходимъ и превосходный профессоръ и развитая публика; иначе одинъ будетъ лгать, а другой — его повторять.

Въ настоящемъ общественномъ образованіи Франціи, насколько это можно разсмотрѣть сквозь замаску официальныхъ документовъ, происходитъ поворотъ къ временамъ реставраціи. Число безграмотныхъ юношей въ послѣднее время увеличилось; воспитаніе въ женскихъ заведеніяхъ поч-

ти все перешло въ руки монахинь; питомицы Іезуитовъ готовятъ будущихъ матерей и женъ. Недавно Араскій епископъ предлагалъ не принимать въ школы дѣтей различныхъ вѣроисповѣданій (Presse 1866, 8 авг.), точно такъ, какъ въ «Нормальной школѣ» иногда отказываютъ юношамъ, не способнымъ служить въ строю. Вездѣ снова барабанъ сзываетъ въ классы, на молитву и ко сну. Снова Іезуитъ, во имя религіи, гонитъ свободу совѣсти и омрачаетъ мысль. Все это особенно прискорбно видѣть въ странѣ, измученной тяжкими опытами, въ Парижѣ, гдѣ есть женщина, но нѣтъ матери, гдѣ шестилѣтнихъ малютокъ отсылаютъ въ пансіоны, чтобъ избавиться отъ нихъ ради баловъ и визитовъ, гдѣ нравственные интересы подавлены грубо — матеріальной жизнью, гдѣ человѣкъ за рѣшеткой биржи не находитъ для себя ни вѣры, ни надеждъ, ни радости, ни горя.

Если эта система воспитанія продолжится двадцать лѣтъ, пройдетъ по двумъ поколѣніямъ, мы совершенно согласны съ тѣмъ, что Франція очутится въ положеніи Ирландіи и Испаніи: она не будетъ имѣть ни мыслителей, ни гражданъ. И что послѣдуетъ за тѣмъ?... Нѣтъ пророка въ отечествѣ, — заключимъ мы тѣмъ же, чѣмъ начали нашу статью.

Парижъ. 1868. 20 мая.

Г. Благосвѣтловъ.

И Т А Л І Я .

Италія! ты сердцу солгала.
 Какъ долго я въ душѣ тебя лелѣялъ;
 Но не такой мечта тебя нашла,
 И не роднымъ мнѣ воздухъ твой повѣялъ.

Въ твоихъ степяхъ любимый образъ мой
 Не могъ, опять воскреснувши, не вырость,
 Сынъ сѣвера, люблю я шумъ лѣсной
 И зелени растительную сырость.

Твоихъ сыновъ паденье и позоръ
И нищету увидя, содрогаюсь,
Но иногда, суровый приговоръ
Забывъ, опять съ тобою примиряюсь.

Въ углахъ садовъ и старческихъ руинъ
Нерѣдко жаръ я чувствую мгновенный,
И слушаю — и кажется одинъ
Я слышу гимнъ свиллы вдохновенной

Въ подобный мигъ чужія небеса
Невѣдомой мнѣ въ душу вѣютъ силой,
И я люблю, увядшая краса,
Твой долгій взоръ надменный и унылый.

И ящеричъ мелькающихъ кругомъ,
И нѣгу ихъ на нестерпимомъ зноѣ,
И страстнаго кумира подъ плющемъ
Раскидистымъ увѣчье вѣковое.

А. Фетъ.

Н А О З Е Р Ъ.

(Изъ Гете).

И силу въ грудь и свѣжесть въ кровь
Дыханьемъ вольнымъ лью.
Какъ сладко, мать природа, вновь
Упасть на грудь твою.

Волна ладью въ размѣръ весла
Качаетъ и несетъ,
И вышнихъ горъ сырая мгла
На встрѣчу мнѣ плыветъ.

Взоръ, мой взоръ! зачѣмъ склоняться!
Или сны златые снятся!
Прочь ты, сонъ, хоть золотой! —
Здѣсь любовь и жизнь со мной.

На волнѣ сверкаютъ
Тысячи звѣздъ сотрясенныхъ,
Въ дымномъ небѣ таютъ
Призраки горъ отдаленныхъ,

Вѣтерокъ струится
Надъ равниною водъ,
И въ заливъ глядится
Дозрѣвающій плодъ.

А. Фетъ.

ПИСЬМА ГОГОЛЯ КЪ ПРОКОПОВИЧУ.

Публика отчасти уже знакома съ нѣкоторыми изъ этихъ писемъ по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ статьяхъ: г. Анненкова — «Воспоминанія о Гоголѣ» (Библиотека для Чтенія, 1857, № 11) и моей — «Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю» (Современникъ, 1858, № 2). Здѣсь эта въ высшей степени интересная переписка помѣщается вполнѣ. Не говоря уже о томъ, что она содержитъ въ себѣ ключъ къ уразумѣнью многихъ жизненныхъ подробностей, не выговоренныхъ Гоголемъ передъ другими, и потому драгоцѣнныхъ, какъ матеріалъ для будущихъ его біографовъ, — она бросаетъ новый свѣтъ на нѣкоторыя стороны его житейскихъ отношеній къ старымъ друзьямъ и товарищамъ прошедшей молодости, и выставляетъ эти отношенія въ самомъ отрадномъ свѣтѣ. Печатаю эти письма, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о покойномъ Прокоповичѣ, для

уясненія отношеній его къ Гоголю. Не смотря на свою несомнѣнную даровитость, онъ никогда не пользовался извѣстностью въ публикѣ, какъ поэтъ, тогда какъ въ тѣсномъ кружкѣ его друзей-литераторовъ, въ главѣ которыхъ стоялъ Гоголь, въ немъ читали талантливаго писателя и постоянно сѣтовали на то, что онъ печаталъ мало и неохотно. Но если публика мало знаетъ поэта Прокоповича, то хорошо знаетъ Прокоповича — друга Гоголя, имѣвшаго на автора «Ревизора» и «Тараса Бульбы» сильное и благотворное вліяніе, до 1843 года, когда Гоголь, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, въ разбирательство которыхъ входитъ здѣсь не мѣсто, охладѣлъ къ своимъ старымъ друзьямъ, и нашелъ новыхъ въ князѣ Л—ѣ, графѣ В—ѣ, отцѣ Матвѣѣ, Ш—ой, В—ѣ и другихъ. Гоголь и Прокоповичъ были товарищи по Гимназій Высшихъ Наукъ Князя Безбородко (нынѣ Лицей). Здѣсь они сблизились и всю жизнь оставались друзьями. Ни о комъ Гоголь не отзывался впоследствии съ такимъ братскимъ чувствомъ, какъ объ этотъ товарищѣ его первыхъ игръ и свидѣтелѣ первыхъ усилій проложить себѣ дорогу въ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ никто не зналъ такъ Гоголя-юноши, какъ Прокоповичъ. Замѣчательно, что Гоголь, находясь въ постоянной перепискѣ съ Прокоповичемъ, вдругъ пересталъ писать къ нему, послѣ своего несчастнаго *кравственнаго перерожденія*. И молчаніе это продолжалось вплоть до 1847 года, то есть до страшнаго переворота въ его жизни, послѣдовавшаго за неуспѣхомъ выданной имъ книги, когда измученная душа его снова ощутила потребность подѣлиться своими печальми съ другою любящей и преданной ему душою.

Всѣхъ писемъ Гоголя къ Прокоповичу — 33. Они занимаютъ пространство времени безъ малаго въ *девятнадцатилѣтіе* (съ 8-го іюля 1832 по 29-е марта 1851 года), писаны мелкимъ почеркомъ на бумагѣ разнаго достоинства и всевозможныхъ цвѣтовъ и форматовъ, начиная съ обыкновеннаго почтоваго листа и кончая клочкомъ сѣрой бумаги. Многія изъ нихъ сильно пострадали.

Подлинная переписка приобрѣтена была, по смерти Прокоповича, у его семейства графомъ Г. А. Купшелевымъ-Безбородко и, вмѣстѣ съ многими другими автографами Гоголя,

привесена имъ въ даръ Лицею князя Безбородко, какъ заведенію, воспитавшему знаменитаго автора «Мертвыхъ Душ».

Николай Гербель.

I.

Юля 8. Уѣздн. городокъ Подольскъ, 30 версть отъ Москвы (1832) (1).

Я думаю, ты уже слышалъ отъ Божко (2), что путь мой не слишкомъ былъ благополученъ. Въ Москвѣ я заболѣлъ и остался, и пробылъ полторы недѣли, въ чемъ, впрочемъ, не раскаиваюсь. За все я былъ вознагражденъ. Теперь я выѣхалъ и дожидаюсь на первой уже станціи лошадей, — дожидаюсь часовъ шесть, но и здѣсь видна providentia, и за это я долженъ благодарить судьбу. Можетъ быть, сѣмена падутъ не на каменную и бесплодную землю. Послушай (объ этомъ я хотѣлъ писать къ тебѣ изъ Москвы, но не успѣлъ) — я ѣду прямо на Полтаву, слѣдовательно не увижу Нѣжина. Ты долженъ... я тебя заклинаю всѣмъ (впрочемъ, ты самъ же и слово даже далъ) — немедленно пріѣхать съ братомъ ко мнѣ въ деревню *Васильевку*, въ простонародьи завоюю Яновщина. Что тебѣ въ Нѣжинѣ? Какія нибудь любовныя застарѣлыя дѣлишки? Но стыдно мужу, закаленному уже опытомъ, прошедшему всѣ мытарства, ребячиться такимъ образомъ. Пріѣзжай, если тебѣ я сколько нибудь дорогъ, потому что отъ твоего пріѣзда здоровье мое непременно поправится. Жизнь мы проведемъ самымъ эстетическимъ образомъ: спать будемъ въ волю, ѣсть тоже будемъ очень много; а главное, — что варварскій носъ твой, лишенный всякаго обонянія, прошибетъ запахъ настоящей деревни. Еще долженъ тебѣ сказать, что въ этомъ же мѣ-

(1) На этомъ письмѣ, какъ почти на всѣхъ письмахъ Гоголя, не выставлено года. Сверху, рукою Прокоповича, написано карандашомъ: *очень раннее, но не помню года*. Я выставилъ 1832 годъ на томъ основаніи, что въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. V, стр. 157) помѣщено подъ этимъ годомъ письмо къ М. П. Погодину, также изъ г. Подольска и притомъ отъ того же числа и мѣсяца, гдѣ авторъ жалуется на то, что онъ сидитъ на станціи и дожидается лошадей, какъ и въ письмѣ къ Прокоповичу.

(2) Андрей Андреевичъ Божко — школьный товарищъ Гоголя.

Прим. Н. Гербеля.

сяцѣ прибѣдетъ, если уже не прибылъ, Данилевскій (3) съ Кавказа. Нѣтъ, ты будешь совершенный лошадиный пометъ, если все это не подѣйствуетъ на твою вялую душу.....

Вотъ тебѣ маршрутъ: изъ Нѣжина въ Прилуки, изъ Прилукъ въ Пирятинъ, изъ Пирятина въ Лубны, изъ Лубенъ въ Миргородъ, изъ Миргорода на село Устивицу въ мѣстечко Ярески, а изъ Яресекъ всякій укажитъ тебѣ дорогу на Каменецкій мостъ въ деревню Васплевку или Яновщину. Прощай. Исполни то, что тебѣ слѣдуетъ исполнить.

Твой Гоголь.

II.

Май 24. Полтава (1835).

Пишу къ тебѣ изъ дому. Спужу дома на перепутьи около недѣли уже, не зная куда лучше ѣхать — на Кавказъ, или въ Крымъ, гдѣ нынѣ славятся минеральныя грязи и купальни въ морѣ. Изъ Москвы никакъ не могъ писать: было страшно захопотаиъ и при всемъ томъ многихъ не видѣлъ. Твоя піеса за день до моего пріѣзда только получена и еще до сихъ поръ не была въ рукахъ Совѣта. Я поручилъ Погоди (пу) сей же часъ увѣдомить тебя, и далъ ему твой адрессъ. Получилъ ли ты отъ него отзывъ, или нѣтъ? Ну, что слышно у васъ въ Петербургѣ, и что тамъ дѣлается теперь? Мнѣ кажется, какъ будто я уже годъ его не видѣлъ. Да, пожалуста, — я къ тебѣ съ просьбою: сдѣлай милость ступай на мою квартиру и адрессуйся къ Матренѣ, чтобы она тебѣ дозволила входъ къ книгамъ и возьми тамъ «Исторію Англіи» Абата де Тоараса, на русскомъ, одинъ томъ, содержащій 1 и 2 части (онъ въ кожанномъ переплетѣ)—и пришли мнѣ, пожалуста, какъ можно его поскорѣе. Крайняя въ немъ нужда. Если же, пожалуй, такъ, какъ нибудь, не отыщется, то возьми у Смирдина и пришли мнѣ немедленно. Еще: сходи

(3) Александръ Семеновичъ Данилевскій — товарищъ Гоголи и Прокоповича по Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко; нынѣ директоръ Училища Полтавской Губерніи. Онъ находился въ постоянной перепискѣ съ Гоголемъ (см. «Сочиненія и Письма Гоголя», т. V и VI) и былъ, вмѣстѣ съ Прокоповичемъ, лучшимъ его другомъ.

Прим. П. Гербеля.

къ Росини и купи у него три термометра (2 для комнаты, и одинъ долженствующій быть на дворѣ) обыкновенныхъ, простыхъ, которые я у него бралъ по три рубли каждый, и того составитъ 9 рублей. Переложн ихъ хлопчатую бумагою въ деревянномъ ящикѣ и пришли мнѣ вмѣстѣ съ книгою. Всѣ издержки съ благодарностью возвращу. Или — нѣтъ: два термометра ты можешь снять съ крючковъ у меня въ комнату; только одинъ, стало быть, тебѣ пужно купить. Обнимаю и цѣлую тебя и прощаюсь да скорого времени. Напиши, пожалуйста, что дѣлаешь и что такое писатоночки (?) и какъ (4) Ге, Гусь, Гюго. и проч. и проч.

Твой Гоголь.

Адресъ мой: въ Полтаву, а оттуда въ д. Васильевку.

III.

Женева, 27 сентября (1836).

Что вы дѣлаете мои краснотоночки (?). Не грѣхъ ли вамъ не писать ко мнѣ, а я по тебѣ соскучалъ страшно. Пожалуйста пиши. Пишетъ ли къ тебѣ Данилевскій? Я три мѣсяца, какъ разстался съ нимъ и не получаю отъ него ни строчки и не знаю даже гдѣ онъ теперь. Увѣдоми меня и пришли его адресъ, если имѣешь. Здоровы ли вы всѣ? какъ живете? Меня очень обрадуешь хотя письменнымъ рассказомъ, а я не знаю, что я напишу. Мнѣ кажется здѣсь нѣтъ ничего такого, чтобы удивило васъ. Можетъ быть, если бы это путешествіе мое предпринялъ я годами шестью ранѣе, можетъ быть я бы тогда болѣе нашель для меня новаго. Мои чувства были тогда живѣе и мое описаніе, можетъ быть, было бы тогда интереснѣе для васъ. Но теперь только ледяные богатыри Альпъ, да старыя готическія церкви меня поразили. Они только заставили меня подумать, что еще есть что-то новое для меня. Но можетъ быть я и къ нимъ привыкну.

(4) Точки означаютъ мѣста, которыхъ нельзя было разобрать.

Прим. И. Гербеля.

Увы! мы приближаемся къ тѣмъ лѣтамъ, когда наши мысли и чувства поворачиваютъ къ старому, къ прежнему, а не къ будущему. Какъ быть! но прекрасно старое. Когда когда-нибудь мы соберемся вмѣстѣ — и вспомнимъ и Нѣжинъ, и Петербургъ, и молодость. Весела и грустна будетъ наша пирушка.... Что, какъ идутъ учительскія дѣла твои? Нахватали ли ты новыхъ часовъ, или нѣтъ — и думаешь дать тягу изъ Петербурга? Теперь я, какъ подумалъ хорошенько, не знаю, хорошо ли будетъ для тебя его оставить. Въ Петербургѣ все можно сдѣлать, все подъ рукою: не нравится служба — перемѣни и бери другую. Притомъ, какъ бы то ни было, — ближе къ людямъ, ближе къ міру литературному и крещеному. Въ провинціи этого нельзя сдѣлать. Захочешь писатючки (?) — есть типографія и книгопродавцы, все передъ глазами. Я ужь и не говорю о многихъ другихъ удобствахъ и о томъ, что жаль оставить Петербургъ. И для меня теперь Петербургъ остался чѣмъ то такимъ пріятнымъ. Впрочемъ, какъ требуютъ твои выгоды. Во всякомъ случаѣ, извѣсти меня подробнѣйшимъ образомъ о всѣхъ своихъ планахъ, намѣреніяхъ и распоряженіяхъ. Письма адресуй ко мнѣ на *Лозану*; подписывай внизу: *reste restante*. Что тебѣ сказать о Швейцаріи. Все виды да виды, такіе(е), что мнѣ уже отъ нихъ наконецъ станвится тошно, и если бы мнѣ попалось теперь наше подлое и плоское русское мѣстоположеніе, съ бревенчатою избою и сѣринькимъ небомъ, то я бы въ состояніи имъ восхищаться, какъ новымъ. Я не пишу тебѣ о всѣхъ городахъ и земляхъ, которые я проѣхалъ, во первыхъ потому, что о половинѣ ихъ писалъ къ тебѣ Данилевскій, котораго перо и взглядъ можетъ быть живѣе моихъ, а во вторыхъ потому, что право нечего объ нихъ писать. Изъ всѣхъ воспоминаній моихъ осталось только воспоминаніе о безконечныхъ обѣдахъ, которыми преслѣдуетъ меня обжорливая Европа, и то потому, что ихъ хранить желудокъ а не голова. Охъ, мнѣ эти обѣды! Проклятое обыкновеніе! Я ѣмъ черезъ одно блюдо, по капли, но чувствую въ своемъ желудкѣ страшную дрянь. Какъ будто бы кто загналъ туда цѣлый табунъ рогатой скотины. Жалѣю очень, что не взялъ водъ. На слѣдующую

весну, или—бишь—лѣто перечищу его всего начисто. Европа поражаетъ съ перваго разу, когда въѣдешь въ ворота, въ первый городъ. Живописные домики, котор(ые) то подъ ногами, то надъ головою, синія горы, развѣсис(тыя) липы, плещь, устилающій, вмѣстѣ съ виноградо(мъ), стѣны и ограды — все это хорошо, и нравится, и ново, потому что все пространство Руси нашей не имѣетъ этого, но послѣ, какъ увидишь далѣе тоже да тоже, привыкнешь и позабудешь, что это хорошо. Изъ городовъ нѣмецкихъ, послѣ Гамбурга, лучше другихъ — Франкфуртъ. Это городокъ-щеголь. Прелестнѣйшій садъ окружаетъ весь городъ и служить ему стѣною. Говорятъ въ немъ жить весело, особенно зимою; но я имѣю антипатію къ жидовскимъ городамъ. Вселѣе всѣхъ другихъ, въ продолженіи лѣта, Баденъ-Баденъ. Это — дача всей Европы. Изъ Парижа, изъ Англии, изъ Испаніи, изъ Петербурга наѣзжаетъ сюда народъ на лѣто вовсе не для того, чтобы лѣчиться, но чтобы сколько нибудь веселѣе провести время. Его мѣстоположеніе такъ картинно, что можно только кистью а не перомъ нацарапать. Городъ между горами, раскинутъ на уступѣ одной изъ нихъ. Магазины, театръ, зала для баловъ — все въ саду, все вмѣстѣ. Я прожилъ почти мѣсяцъ въ Баденѣ довольно весело, потому что встрѣтилъ много знакомыхъ. Города Швейцаріи мало для меня были занимательны. Ни Базель, ни Бернъ, ни Лозана не поразили. Женева лучше и огромнѣе ихъ, и остановила меня тѣмъ, что (въ ней) есть что-то столично-европейское. Почти каждый домъ облѣпленъ афишами и объявленіями) о книгахъ, печатанными въ Парижѣ, на желтой бумагѣ, буквами страшной величины: каждая буква больше Данченка. Ощутительна близость къ Франціи. Женева надъ самымъ Женевскимъ озеромъ, которое почти какъ море. Боковыя кулсы занимаютъ съ одной стороны сине-фіолетовыя горы Савойскія, а изъ за нихъ Монбланъ вытыкаетъ снѣжную свою вершинну; съ другой стороны — синія цѣпь горъ, называемыхъ Юра, которыя принадлежатъ Франціи. Въ Женевѣ я прожилъ больше мѣсяца, но наконецъ не стало мочи отъ здѣшняго глупаго климата. Вѣтры здѣсь грозятъ Петербургскихъ. Совершенный Тобольскъ. Буду теперь въ маленькій

городокъ Веве, который находится на этомъ же озерѣ, недалеко отъ извѣстнаго тебѣ замка Шиліона. Тамъ климатъ совершенно другой, потому что съ сѣвера заслоняетъ гора. Сегодня поутру посѣтилъ я старика Волтера: былъ въ Фернеѣ. Старикъ хорошо жилъ. Къ нему идетъ длинная, прекрасная аллея: въ три ряда каштаны. Домъ въ два этажа изъ сѣренькаго камня, еще довольно крѣпокъ. Я. (5) въ его залъ, гдѣ онъ обѣдалъ и принималъ; все въ томъ же порядкѣ, тѣ же картины висятъ. Изъ залы дверь въ его спальню, которая была вмѣстѣ и кабинетомъ его. На стѣнѣ портреты всѣхъ его пріятелей: Дидеро, Фридриха, Екатерины. Постель. одѣяло старинное кисейное, едва держится, и мнѣ такъ и представлялось, что вотъ-вотъ отворятъ дверь и войдетъ старикъ въ знакомомъ парикѣ, съ отстегнутымъ бантомъ, какъ старый Крамида и спроситъ: что вамъ угодно? Садъ очень хорошъ и великъ. Старикъ зналъ, какъ его сдѣлать. Нѣсколько аллей сплелись въ непроницаемый сводъ, искусно простриженный, другія вьются не регулярно, и во всю длину одной стороны сада сдѣлана стѣна изъ подстриженныхъ деревьевъ въ видѣ аркадъ, и сквозь эти арки видна внизу другая аллея въ лѣсъ, и вдали виднѣтъ Монбланъ. Я вздохнулъ и нацарапалъ русскими буквами мое имя, самъ не отдавши себѣ отчета для чего.

Получилъ ли ты письмо Данилевскаго, писанное изъ Гамбурга, при которомъ была моя приписочка. Помнишь ли ты мою просьбу насчетъ портрета и насчетъ аккуратнаго сбереженія оставленныхъ мною тебѣ рукописныхъ книгъ и бумагъ. Пиши ко мнѣ, пожалуста пиши почаще. Ты знаешь, какъ много значитъ здѣсь получить русское письмо, да притомъ еще отъ тебя. Кланяйся всѣмъ нашимъ отъ меня: Жюлю (6), Паценку (7) и проч. и если у нихъ руки еще

(5) Точки означаютъ прожженные или непрочитанныя мѣста.

(6) Такъ называлъ Гоголь Павла Васильевича Анненкова (издателя «Сочиненій Пушкина»). «Надо сказать», говоритъ г. Анненковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Гоголѣ» (Библи. для Чтен. 1858, N 2, отд. II, стр. 121), «что около 1832 года, когда я впервые познакомился съ Гоголемъ, онъ далъ всѣмъ своимъ товарищамъ по Нѣжинскому Лицею и ихъ пріятелямъ прозвища, украсивъ ихъ именами знаменитыхъ французскихъ писателей, которыми тогда восхи-

держатся, то пусть напишутъ сколько достанетъ терпѣнія. Не забудь адресовать письма въ *Лозану*. Прощайте мол. Обнимаю васъ.

Марья Никифоровна поклонъ.

IV.

Парижъ. 25 январь 1837.

Я давно не писалъ къ тебѣ. Я хотѣлъ получить прежде твое письмо, о которомъ я зналъ, что оно лежитъ въ *Лозанѣ*, и которое пришло ко мнѣ довольно поздно. Прежде всего нужно тебя поздравить съ новымъ годомъ. Желая одного, чтобы онъ былъ плодороднѣе для тебя прочихъ; чтобы ты наконецъ припаялся за дѣло. Тебѣ нужно испытать горькое и пріятное нашего ремесла. Жизнь твоя не полна: ты теперь долженъ иногда чувствовать пустоту ея. Пора, братъ, пора! Вотъ тебѣ и желаніе мое и упрекъ вмѣстѣ. Изъ письма Данилевскаго ты, я думаю, уже узналъ о моемъ пребываніи здѣсь. Я попалъ въ Парижъ почти нечаянно. Въ *Италіи* холера, въ *Швейцаріи* холодно. На меня напала хандра, да притомъ и докторъ требовалъ для моей болѣзни перемѣны мѣста. Я получилъ письмо отъ Данилевскаго, что онъ скучаетъ въ Парижѣ, и рѣшился ѣхать раздѣлить его скуку. Парижъ городъ хорош(ій) для того, кто именно ѣдетъ для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для такихъ людей, какъ мы съ тобою, — не думаю, развѣ нужно склнуть съ каждаго изъ насъ по 8 лѣтъ. Къ удобствамъ здѣшнимъ приглядишься, тѣмъ болѣе, что ихъ болѣе нежели сколько нужно; люди легки, а природы, въ которой всегда находишь ресурсъ и утѣшеніе, когда все пріѣтся, — нѣтъ: и такъ нѣтъ того, что бы могло привязать къ нему мою жизнь. Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической, не можетъ понравиться такимъ счастливымъ празднымъ, какъ мы съ тобою. Здѣсь все политп-

щался весь Петербургъ.... Не знаю почему я получилъ титулъ *Жюль-Жазена*, подъ которымъ и состоялъ до конца.

(7) Иванъ Григорьевичъ Пащенко (нынѣ покойникъ), товарищъ Гоголя и Прокоповича по Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. Служилъ въ Министерствѣ Юстиціи.

Прим. Н. Гербеля.

ка, въ каждомъ переулкѣ и переулочкѣ Библиотека съ журналами. Остановишься на улицѣ чистить сапоги, тебѣ суютъ въ руки журналъ; въ н..... даютъ журналъ. Обѣ дѣлахъ Испаніи больше всякой хлопочеть, нежели о своихъ собственныхъ. Только въ одну жизнь театральную я иногда вступаю: итальянская опера здѣсь чудная! Гризи, Тамбурини, Рубини, Лаблашъ — это такая четверня, что даже странно, что они собрались вмѣстѣ. На свѣтѣ большею частію бываетъ такъ, что одна вещь находится въ одномъ углу, а другая, которой бы слѣдовало быть возлѣ нее, въ другомъ. Не приведи Богъ принести сюда Пашенка. Бѣда была бы нашимъ ушамъ. Онъ бы напѣвалъ, я думаю, ежедневно и ежеминутно. Я былъ не такъ давно въ Théâtre Français, гдѣ торжествовали день рожденія Мольера. Давали его піэсы «Тартюфъ» и «Мнимый Больной». Обѣ были очень хорошо играны, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ играютъ они у насъ. Каждый годъ Théâtre Français торжествуетъ день рожденія Мольера. Въ этомъ было что-то трогательное. По окончаніи піэсы подняли занавѣсъ: явился бюстъ Мольера. Всѣ актеры этого театра попарно подъ музыку подходили вѣнчать бюстъ. Куча вѣнковъ вознеслась на головѣ его. Меня обняло какое-то странное чувство. Слышитъ ли онъ, и гдѣ онъ слышитъ это? Видѣлъ въ трехъ піэсахъ M-elle Mars. Ей 60 лѣтъ. Въ одной піэсѣ играла она 18-лѣтнюю дѣвцу. Немножко смѣшно было сначала, но потомъ въ другихъ дѣйствіяхъ, когда дѣвица становится замужней женщиной, ей прощаешь лишніе годы. Голосъ ея до сихъ поръ гармоническій и, зажмуривши глаза, можно вообразить живо предъ собою 18-лѣтнюю. Все просто, живо; очищенная натура въ мѣстахъ патетическихъ; слова исходятъ прямо изъ глубоко-тронутой души; ничего дикаго, ни одной фальшивой или искусственной ноты. На русскомъ нашемъ театрѣ далеко недостаетъ до Mars. Актеровъ много, очень много хорошихъ. На каждомъ театрѣ есть два или три своихъ корифея. Видѣлъ наследника Тальмы — Ligier. Средняго росту, пожилыхъ лѣтъ человекъ, бѣгаетъ по сценѣ довольно свободно, какъ дома, не складываетъ рукъ крестомъ и не глядитъ изъ за плеча. Піэсъ, гдѣ герой является идеаломъ физическихъ силъ,

онъ, какъ кажется, избѣгаетъ. Я его не видѣлъ, по крайней мѣрѣ никогда ни въ старыхъ трагедіяхъ, ни въ новыхъ драмахъ, гдѣ герои сильно страдаютъ и много бѣснуются. Игралъ онъ Людовика XI въ піесѣ Делавиня и, кажется, врядь-ли Делавиню такъ написать, какъ Ligier игралъ. Онъ былъ даже смѣшенъ—до такой степени хорошъ. Король, раскорякающійся очень коварно и плутовски и между тѣмъ дающій всему этому видъ необходимости, имъ же самимъ наложенной, былъ очень занимателенъ для зрителя. Въ піесахъ Мольера старики, дяди, опекуны и отцы играютъ очень хорошо, плуты-слуги тоже прекрасно. Если бы собрать, съ каждаго изъ здѣшнихъ театровъ, по три первыхъ персонажа, то можно бы такимъ образомъ обставить піесу, какъ только можетъ себѣ составить идею одинъ комикъ или трагикъ. Театры всѣ устроены прекрасно. Они не имѣютъ великолѣпныхъ наружныхъ фасадовъ, но внутри все какъ слѣдуетъ. Отъ перваго до послѣдняго слова слышно и видно всѣмъ. Балеты становятся съ такою роскошью, какъ въ сказкахъ; особливо костюмы необыкновенно хороши, съ страшною историческою точностію. Сколько прежде французы глядѣли мало на духъ вѣка, столько теперь приглядываются на мелочи; само собою, что при этомъ ускользаетъ много крупнаго. Золота, атласу и бархату на сценѣ много. Какъ у насъ одѣваются на сценѣ первыя танцовщицы, такъ здѣсь всѣ до одной фигурантки. Далеко — Г..... до Петрова дня, хотя ему и значительно помогаетъ въ украшеніи декораций Федоръ Андреевичъ. Тальони — воздухъ! Воздушнѣе еще ничего не бывало на сценѣ. Впрочемъ здѣсь около десяти есть такихъ танцовщицъ, или солистокъ, передъ которыми Пейсаръ — Пашенко. Скажи Ж.....: какъ право не совѣстно ему жить съ мамзель Жоржъ. Вѣдь ей 67 лѣтъ. Да притомъ видно, что она только красотой своей брала. Игра ея очень монотонна и часто напыщена. Впрочемъ, говорятъ, что ее нужно видѣть въ старыхъ трагедіяхъ, которыхъ однакожь не играютъ вовсе на томъ театрѣ, гдѣ она теперь находится. Играетъ она въ театрѣ Porte St. Martin, гдѣ играютъ только однѣ новыя драмы и мелодрамы, и гдѣ зрители шумятъ больше, нежели на всѣхъ другихъ театрахъ. Всякой

почти разъ въ партерѣ произойдетъ какая-нибудь комедія или даже и водевиль, если у зрителей хорошъ голосъ. Тогда актеры дѣлаются зрителями: сначала слушаютъ, а потомъ уходятъ со сцены, занавѣсъ опускается, музыка начинаеть играть и пїесу начинаютъ снова. Народъ очень любитъ драмы и особенно партія республиканская. Это народъ сумрачный, аплодируетъ рѣдко. Прочіе ходятъ, въ особенности среднее сословіе, въ театръ Variété, или въ театръ Палерояля (лучшіе водевильные театры). Знать, какъ бываетъ всегда, корчить меломановъ и ходить въ Итальянскую или въ Большую оперу (на французскомъ діалектѣ), гдѣ конопатятъ до сихъ поръ еще «Гугенотовъ» и «Роберта», ударяя въ мѣдные горшки и тазы сколько есть духу; или иногда въ Орѣга Comique (французскую оперу). Но Богъ съ ними, со всѣми этими операми, водевилями и комедіями! Поговоримъ теперь о тебѣ. Что ты подѣливаешь теперь? Тамъ же ли ты, гдѣ и прежде, на той ли самой квартирѣ? Такъ же ли походишь по комнатѣ съ трубочкою, въ томъ ли самомъ халатѣ, нѣсколько поизношенномъ, какъ бываетъ у всѣхъ порядочныхъ людей? Ты ничего мнѣ не пишешь объ этомъ. Можетъ быть, ты квартиру свою перемѣнилъ и письмо мое долго будетъ таскаться изъ дома въ домъ, а можетъ быть не попадетъ даже въ руки къ тебѣ. Это, признаюсь, было бы мнѣ страшно неприятно. Я все имѣю надежду на скорый твой отвѣтъ, который для меня теперь почти такое же заключаетъ въ себѣ наслажденіе, какъ чтеніе прекрасной поэмы. Душенька, пиши ко мнѣ! Ты долженъ это дѣлать чаще моего потому, что твое письмо доставляетъ мнѣ теперь больше удовольствія, нежели мое тебѣ. Тоци ваши петербургскія литературныя новости. Да скажи, пожалуста, съ какой стати пишете вы всѣ про «Ревизора»? Въ твоёмъ письмѣ и въ письмѣ Пашенка, которое вчера получилъ Данилевскій, говорится, что «Ревизора» играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч.... и что бы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія? Я право ни какъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ я на «Ревизора» — плевать, а во-вторыхъ — къ чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу,

это ложь: я вижу черезъ каждыя три дни русскія газеты. Не хотите ли вы изъ этого сдѣлать что-то въ родѣ побрякушки и тѣшить меня ею, какъ ребенка? И ты!... Стыдно тебѣ! — ты предполагалъ во мнѣ столько мелочнаго честолюбія! Если и было во мнѣ что нибудь такое, что могло показаться, легко меня знавшему, тщеславіемъ, то его уже нѣтъ. Пространства, которыя раздѣляютъ меня съ тобою, поглотили *все* тѣ, за что поэтъ слышитъ упреки во глубинѣ души своей. Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараняхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ, въ теченіи долгаго времени, ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова — я бы благодарилъ судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сдѣлалъ я, до сихъ поръ, ничего) знакома душѣ неподдѣльнаго поэта. А современная слава не стоитъ копейки. Но ты долженъ узнать её. Ты долженъ начать съ нее непремѣнно, вкуспить и горькіе и сладкіе плоды, покамѣстъ безотчетныя лирическія чувства объемлютъ душу, и не истребовалъ тебя на судъ твой внутренній грозный судья. Мощь голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ тобою двойную силу и власть, я заклинаю тебя стряхнуть лѣнь. Не принимайся за большое дѣло: примись сначала за малое; пиши повѣсти, все, что угодно, но только пиши непремѣнно, рядись на всѣ журналы, помѣщай и бери деньги. У тебя есть языкъ, но (онъ) еще не разболтался. Годъ или два употреби непремѣнно, чтобы расписаться, и тогда... нечего говорить: ты самъ узнаешь и постигнешь тогда свое назначеніе и рѣшишь — за что и какъ нужно взяться. Кстати о литературныхъ новостяхъ. Они однакожь не тощи. Гдѣ выберется у насъ полугодіе, въ теченіе котораго явились бы разомъ двѣ такія вещи, каковы «Полководецъ» и «Капитанская Дочь». Видана ли была гдѣ нубудь такая прелесть! Я радъ, что «Капитанская Дочь» произвела всеобщій эффектъ. Даже Иванъ Григорьевичъ (8) пишетъ, что чудная вещь. Ко-

(8) Пашченко.

Прим. Н. Гербеля.

гда эта музыкальная душа признала ея достоинство, то что же, я думаю, говорят прочіе. Что ты ничего не пишешь обстоятельнѣй о тѣхъ литературныхъ новостяхъ, которыя хотя и не такъ сильно выглядываютъ, но дороги намъ потому, что творцы ихъ или кумовья, или другіе близкіе намъ родственники, напримѣръ: Кукольникъ (9), Базили (10). Ты очень легко упомянулъ о «Художественной Газетѣ». Можно бы даже привести отрывочекъ. Это было бы пріятно. Также о «Босфорѣ»... Нѣтъ ли тамъ еще какого-нибудь реверанса? Не дурно также бы упомянуть нѣсколько и объ ихъ частной жизни, о новыхъ подвигахъ ихъ на пользу отечества, а также и на собственную пользу, которая, безъ сомнѣнія, ни въ какомъ случаѣ не забывается. Въ какомъ салонѣ видѣнъ теперь Базили, и какую имѣетъ моральную «физиономію»? А другой Базили — съ кистью, вмѣсто пера, художникъ Мокрицкій? (11) Это тоже лицо не бездѣльное. Обо всемъ этомъ непремѣнно нужно говорить; все это родственники, которые будутъ интересовать насъ въ продолженіе всей нашей жизни. Второстепенныя лица въ этомъ романѣ также необходимы, и потому, отъ времени до времени, непремѣнно нужно будетъ говорить о философѣ Данченкѣ и объ меньшихъ братцахъ. Само-собою, что сюда должны войти и кумовья, какъ-то: Жюль, Комаровъ и всѣ, которыхъ мы близко и коротко знаемъ. Всѣмъ имъ поклонъ мой. Жюля особенно попроси, чтобы написалъ ко мнѣ. Ему есть о чемъ писать. Вѣрно въ канцеляріи случился какой-нибудь анекдотъ. Если дѣйствующія лица выше надворныхъ совѣтниковъ, то, пожалуй, онъ можетъ поставить вымышленныя названія, или господинъ N.N. Скажи ему, что если онъ меня сколько-ни-

(9) Несторъ Васильевичъ Кукольникъ — известный писатель. Товарищъ Гоголя по Лицею.

(10) Константинъ Михайловичъ Базили, авторъ «Очерковъ Константинополя», «Архипелага и Греціи», «Босфора» и другихъ сочиненій, приобрѣтшихъ заслуженную извѣстность; также школьный товарищъ Гоголя. Нынѣ полномочный императорскій комиссаръ въ Княжествахъ Валахіи и Молдавіи.

(11) Апположъ Ивановичъ Мокрицкій, также школьный товарищъ Гоголя. Нынѣ академикъ Императорской Академіи Художествъ и преподаватель въ Училищѣ Живописи и Ваянія Московскаго Художественнаго Общества.

Прим. Н. Гербеля.

будь любить, пусть непременно напишетъ тоже повѣсть, напечатаетъ и пришлетъ мнѣ. Я читалъ одну изъ старыхъ его повѣстей, которая длинна и растянута, но въ ней много есть такого, что говоритъ, что вторая будетъ лучше, а третья еще лучше. Извѣсти меня, что это такое «Литературныя Прибавленія», которыя издаетъ Краевскій и о которыхъ пишетъ Пащенко? и отъ чего мое бѣдное имя туда заѣхало? или ему суждено валяться, какъ векселю несостоявшагося банкрота, отъ котораго хотя не ждуть никакой пользы, но не раздражаютъ его потому только, что когда-то онъ стоялъ денегъ. Впрочемъ мнѣ это неприятно; и только въ нашемъ литературномъ мѣрѣ могутъ случаться такія самоуправства. Я не желалъ бы, очень не желалъ, чтобы мое имя упоминалось въ печати. Прощай, душа моя! Не забывай же, пиши ко мнѣ. Ты еще можешь одинъ разъ писать ко мнѣ въ Парижъ потому, что я не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ ѣду въ Италию. Мой усердный поклонъ Марьѣ Никифоровнѣ. Здоровъ ли сынъ твой Николай — мой имѣвшійся быть крестникъ? о чемъ я безпрестано сожалею. И что такое онъ теперь болтаетъ? И есть ли какое приумноженіе въ семействѣ; а если есть, то что такое Богъ послалъ, сына или дочь? и какъ идутъ дѣла корпусныя твои? что дѣлаетъ Кушакевичъ, Стефанъ и прочіе? и гдѣ ты теперь разглагольствуешь? Все то, что кажется тебѣ не занимательно, все то занимательно для меня, особливо если оно касается тебя. Да что дѣлаетъ Лукашевичъ? Уѣхалъ ли онъ за границу, или нѣтъ? и если не уѣхалъ, то почему? что дѣлаетъ онъ теперь? Пожалуста, передай ему мой поклонъ и скажи ему, что я надѣюсь съ нимъ увидѣться. Получили (ли) вы куплеты: *Да здравствуетъ лѣвская бурса!* (12), которые Данилевскій послалъ въ письмѣ:

(12) Стихотвореніе это найдено въ бумагахъ покойнаго Прокоповича, подлѣ слѣдующимъ заглавіемъ:

Неоконченныя стихи Гоголя и Данилевскаго, присланныя изъ Парижа.

Да здравствуетъ лѣвская бурса!

Северюгинъ а), Бѣлевичъ б) и Урсо с),

-
- а) Учитель музыки и танцованія въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.
 б) Старшій профессоръ политическихъ наукъ, того же заведенія.
 с) Учитель фехтованья (тамъ же).

Отд. I.

7

къ Пашценку. Увѣдоми, часто ли ты видишься съ Плетневымъ и кто теперь у него бываетъ? о чемъ говорятъ? Кланяйся ему и скажи, что деньги получены мною съ невѣроятною исправностію.

Студенты перваго курса,
И прочіе курсы всѣ также!
Безъ нихъ обойтись какже?
Не всѣ они теперь въ Петербургѣ:
Въ каретѣ въ Стамбулѣ уѣхалъ одинъ d), другой въ Оренбургѣ;
А тѣ же e), что прочіихъ здоровьемъ пожиже,
Все лѣто водами лечились, а зиму проводятъ въ Парижѣ;
Женились одни — и въ сладкомъ дремлютъ покоѣ;
Учители въ корпусѣ двое f);
Извѣстный лгунышка бумаги въ Юстиціи пишетъ g). —
Чортъ его кольшетъ!
Артистовъ, поэтовъ межъ нихъ есть довольно,
Читаешь — сердцу становится больно.
А тѣ, что въ гусарахъ — не храбраго люди десятку —
Коней объѣзжаютъ въ манежѣ, гнутъ короля и десятку... h)

- d) К. М. Базили.
e) Сами сочинители.
f) Покойный Прокоповичъ и братъ его Василій Яковлевичъ, нынѣ также покойникъ.
g) Покойный И. Г. П.—о, въ честь котораго и написано приводимое здѣсь стихотвореніе.
h) Эти шуточные стихи, нарочно написанные безъ мѣры, я провѣрилъ по письму А. С. Данилевскаго къ покойному Прокоповичу и Пашценку (отъ 5-го декабря 1836 года, изъ Парижа), и потому за вѣрность ихъ ручаюсь. Кстати помѣщаю здѣсь отрывокъ изъ этого письма, касающійся сочиненія помннутыхъ стиховъ. Вотъ онъ: «Вчера, едва мы, я и Гоголь, сѣли за чайный столикъ, какъ явился нашъ *rotier* (человѣкъ весьма интересный: отставной воинъ и карлистъ) и положилъ письмо на столъ, съ надписью на мое имя. Окончивъ чай, и закуривъ сигару, я расположился въ креслахъ; Гоголь сталъ позади меня. «Распечатавъ письмо, я вытащилъ во-первыхъ твои каракули, а потомъ листокъ съ красивымъ почеркомъ Ивана Григорьевича (Пашценко). Да, мой милый Николай, ты нехотя, предаваясь воспоминаніямъ, написалъ нѣчто въ родѣ элегій, глубокой, траурной элегій въ прозѣ, нѣчто, имѣющее для меня образъ осенняго, желтаго листа, изъ котораго, будь я поэтъ, выкроилъ бы двадцать элегій по формѣ. Ты, Иванъ Григорьевичъ, написалъ не элегію — скорѣе что-то въ родѣ куплетовъ; по крайней мѣрѣ письмо твое навело насъ на куплеты еще весьма неоконченные, плохіе покажься, но обѣщающіе впереди много. Вотъ ихъ начало: (слѣдуютъ стихи). Можетъ быть, мы продолжали бы куплеты еще и далѣе, но сегодня пріѣхалъ Симановскій (ихъ товарищъ по Лицею), и вдохновеніе, какъ робкая птица, улетѣло.»

Прим. Н. Гербеля.

Адрессъ мой: Place de la bourse. 12. Пиши фамилію мою правильноѣ, иначе проѣхаютъ на почтѣ недоразумѣнія. Пиши просто, какъ произносится: Gogol.

V.

Марта 30. Римъ (1837).

Я не дождался письма твоего. Не знаю когда получу его изъ Парижа (если оно только было писано и послано). Мнѣ очень скучно безъ твоего письма. Ты давно не писалъ ко мнѣ. Да притомъ, кажется, ты всего только одинъ разъ и писалъ ко мнѣ. Отъ вашихъ хладныхъ береговъ такія грустныя несутся вѣсти. Великаго не стало. Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши ко мнѣ, Бога ради! Напомниай мнѣ чаще, что еще не все умерло для меня на Руси, которая уже начинаетъ казаться могилою, безжалостно похитившею все, что есть драгоценнаго для сердца. Ты знаешь и чувствуешь великость моей утраты. Что ты дѣлаешь теперь? Я ничего не знаю, а мнѣ хотѣлось бы все знать, даже, какъ ты скучаешь. Зайди къ Плетневу и узнай, послалъ ли онъ ко мнѣ деньги, о которыхъ я писалъ къ нему изъ Рима? Если посланы, то — когда и на имя какого банкира они адресованы? Я въ нихъ нуждаюсь. Что тебѣ сказать объ Италіи. Она прекрасна. Она менѣ поразить съ перваго раза нежели послѣ. Только осматриваясь болѣе и болѣе видишь и чувствуешь ея тайную прелесть. Въ небѣ и облакахъ видѣнъ какой-то серебряный блескъ. Солнечный свѣтъ далѣе объемлетъ горизонтъ. А ночи?... прекрасны. Звѣзды блещутъ сильнѣе нежели у насъ и по виду кажутся больше нашихъ, какъ планеты. А воздухъ! — онъ такъ чистъ, что дальніе предметы кажутся близкими. О туманѣ и неслышно. Я бы болѣе упивался ею, еслибы былъ совершенно здоровъ; но чувствую хворость въ самой благородной части тѣла — въ желудкѣ. Онъ, бестія, почти неваритъ вовсе и запоры такіе упорныя, что никакъ не знаю что дѣлать. Все надѣла(ль) гадкій парижскій климатъ, который, не смотря что не имѣетъ зимы, но ничѣмъ не лучше петербургскаго. Ничего не хочу больше писать потому, что ожидаю ежеминутно твоего письма изъ Парижа, которое ты вѣрно писалъ, и на которое

7*

миѣ хочется отвѣчать; но ты, пожалуйста, напиши миѣ отвѣтъ на это поскорѣе, хотя не много, хотя столько строкъ, сколько придетъ въ твою лѣнливую память. Цѣлую тебя безсчетно. Мой адрессъ: Roma, via di Ssidoro, casa Giovanni, Massuci 17. (Vicino alla piazza banbierini). Данилевскій обѣщался недѣлю послѣ меня быть въ Римъ, но до сихъ поръ его не вижу.

P. S. Впрочемъ адрессуй лучше въ Poste restante, потому что, можетъ быть, случится къ тому времени перемѣнить квартиру.

VI.

Римъ. Юля 3. (1837).

Наконецъ я дождался отъ тебя письма; хотя коротенькое, но спасибо и за это. Славу Богу, ты здоровъ, моя радость. Не скучай и не негодуй на пространство, которое насъ раздѣляетъ. Конечно, лучше лежать вмѣстѣ на диванчикѣ твоей постоянной квартиру у Б. Врангеля, — ты въ халатѣ, съ трубочкой, я — въ старомъ сертукѣ, и толковать о всякомъ вздорѣ. Признаюсь, часто, когда вспомню Ваньку, тащащаго меня на тряскихъ дрожкахъ въ Свѣчной переулокъ, то очень бы хотѣлось миѣ въ Петербургъ. Но чтожь дѣлать? Будемъ покорны нашей судьбѣ. Я тебя такъ живо вижу; ты, вѣрно, тоже воображаешь часто меня передъ собою. Притомъ мы любимъ другъ въ другѣ то, что не обнимается чувствами виѣшними. И такъ, да будетъ между нами Римъ близокъ отъ Петербурга. Данилевскій теперь тоже здѣсь. Онъ думаетъ на зиму возвратиться въ Петербургъ, и расскажетъ тебѣ все. Да, кстати, чтобы не позабыть: пожалуйста, выбрани хорошенько Пашенка за эту достойную его догадку, что мы поссорились, и потому ѣздимъ не вмѣстѣ. Что мы не ѣздимъ всегда вмѣстѣ, это зависить, кромѣ того, что иногда пріятно разлучиться для того, чтобы скоро увидѣться, — это зависить отъ разности въ образѣ возрѣнія, которою разнообразно исполнены наши людскіе умы. Полковникъ больше человекъ современный, воспитанный на современной литературѣ и жизни; я больше люблю старое. Его тянетъ въ Парижъ, меня гнететъ въ Римъ. Но,

порыскавши, мы всегда сходимся, и приготовляемъ такимъ-образомъ другъ для друга запасъ для разговоровъ. Я бы хотѣлъ съ тобою теперь поговорить о Римѣ; но это такое бездонное море, что не знаешь, откуда, съ котораго конца пачать, и о чемъ говорить. Я живу скоро три мѣсяца, всякой день смотрю что-нибудь новое; и все еще бездна остается смотрѣть. Тутъ только узнаешь, что такое искусство. (А природа? Она — италіанская красавица, больше я ни съ чѣмъ не могу ея сравнить, — италіанская пейзажка, смуглая, сверкающая, съ черными, большими-большими глазами, въ платьѣ алаго, нестерпимаго для глазъ цвѣта, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, покрывалѣ.) Тутъ только можно узнать, что такое Рафаэль, котораго имя привыкли мы произносить, и который для насъ, небывшихъ здѣсь, существо идеальное и мнѣ высокоаго искусства. Но къ чему говорить и толковать объ этомъ?

«Другъ попечительный, больнаго
Въ дремотѣ сладкой не тревожь!»

сказалъ, кажется, гдѣ-то Баратынскій; впрочемъ, этотъ же самый стихъ можно иногда обратить и ко мнѣ. Я теперь намѣренъ тебя прежде всего навьючить страшнымъ множествомъ порученій, которыя всѣ ты долженъ выполнить. Первое и самое главное, узнай отъ Плетнева, или попроси, чтобы Плетневъ узналъ, получилъ ли Жуковскій мое письмо, и какой имѣло успѣхъ письмо мое къ Государю. Отъ него зависить моя судьба. Потомъ мелкое дѣло. Весь ли вексель Смирдина послалъ ко мнѣ Плетневъ, или нѣтъ? Мнѣ кажется, что онъ былъ на тысячу двѣсти. Впрочемъ, можетъ быть, что я и ошибаюсь; если же есть остатокъ, то скажи ему, что я просилъ его назначить эти деньги для сестеръ, поручивши ихъ въ Институтѣ какой-нибудь дамѣ. Я думаю, что у нихъ не заплачено ни за музыку (sic) нпчего. 3-е, у него же, Плетнева, узнай, получилъ ли онъ отъ Жуковскаго что-нибудь, что мнѣ слѣдовало отъ Государыни за поднесеніе экземпляра моей комедіи. Жуковскій мнѣ сказалъ передъ выѣздомъ, чтобы я не имѣлъ объ этомъ никакого сомнѣнія, что онъ и по отъѣздѣ моемъ будетъ стараться. Это все, что нужно узнать отъ Плетнева. И такъ, три вещи. Те-

перь — нужно тебѣ всѣ рукописныя мои книги, которыя находятся въ моей библиотекѣ въ связкахъ, сложить въ ящикъ, запаковать, и отправить ко мнѣ. Мнѣ очень нужны они, и безъ нихъ я, какъ безъ рукъ. Тамъ у меня выписки и матеріалы всего. Теперь же принимаюсь не на шутку за важное дѣло. Сдѣлать это вотъ какимъ образомъ: узнать, какой изъ иностранныхъ кораблей идетъ прямо въ Ливорно, адресоваться къ капитану его, и заплатить за доставку деньги, которыхъ придется немного, потому-что перевозка очень не дорога. Но во всякомъ случаѣ, что бы ни потребовали, нужно заплатить, потому-что мнѣ нужны эти книги и тетради. На выюкѣ, выставивши мое имя, адресовать на имя нашего Консула въ Ливорно, съ просьбою тутъ же, на выюкѣ, чтобы оно дождалось (sic) у него моего приѣзда въ Ливорно. 2-е, пришли вышедшую первую книжку «Современника» на этотъ годъ. Его можешь взять у Плетнева; присоедини къ этому «Ундину» и еще если вышло что-нибудь замѣчательнаго. Это можеть взять у Смирдина, на мое имя. Пусть поставитъ его (sic) на мой счетъ. Послать же это ты можешь вотъ какимъ образомъ: завернуть книгу въ пакетъ, одинъ или два-три, какъ хочешь, и надписать: въ Вѣну, въ русское посольство, Г. Г., а оттуда въ Римъ, на имя К. нашего *chargé d'affaires* въ Римѣ, и больше ничего; но подъ этимъ верхнимъ конвертомъ долженъ быть другой конвертъ на мое имя, и больше ничего. Эти пакеты ты долженъ отдать въ канцелярію Иностранной Коллегіи, прося ихъ отправить къ К. прямо, что книги-де слѣдуютъ ему, не платя за это ничего. И будетъ сдѣлано. И такъ, вотъ тебѣ порученія. Смотри же, пожалуйста, не забудь. Ты имѣешь обыкновеніе въ письмѣ твоемъ не отвѣчать ни слова на мои запросы, такъ, какъ бы ихъ совершенно не было. Но теперь, пожалуйста, какъ будешь писать ко мнѣ, держи передъ своими глазами мое письмо, и отвѣчай на каждый пунктъ. Прежде всего узнай отъ Плетнева на счетъ письма къ Государю, а потомъ все прочее. Право, даже досадно, какъ ты мало объявляешь о себѣ. Хоть бы строчку о томъ, что пишешь, что читаешь; даже ничего о томъ, въ какіе корпуса ходишь. Ей, пора тебѣ. Берись за перо; не то будетъ поздно.

Пиши повѣсточки или стишоночки, если стишоночки, то пришли ихъ въ твоёмъ письмѣ кусочками. На меня пришла теперь особенная жажда читать твои стихи. Послѣ итальянскихъ звуковъ, послѣ Тасса и Данта, духъ (?) жаждетъ послушать русскаго. Да еще одно: чтобы не позабыть тебѣ. Пожалуста, побывай въ Институтѣ. Навѣдайся къ моимъ сестрамъ, къ которымъ влагаю при этомъ письмо, и узнай, не нуждаются ли они въ чемъ, и отъ нихъ возьми письмо ко мнѣ. Если они въ чемъ имѣютъ нужду истинную, и у нихъ не хватить денегъ, то купи на свои; я тебѣ все возвращу при первомъ удобномъ случаѣ. Если ты можешь побывать у нихъ въ каждыя двѣ недѣли по разу, то этимъ обяжешь меня. Они, бѣдненькія, я думаю, скучаютъ. Если бы ты постарался достать себѣ мѣсто въ этомъ Институтѣ, то бы это было очень хорошо. Еще: узнай, гдѣ теперь Демидовъ, Павелъ Николаевичъ. Его домъ въ Большой Миліонной. Еще: хотя ты въ первый разъ и не отвѣчалъ, и во второй тоже, но я еще спрошу, гдѣ Лукашевичъ, Платонъ Якимовичъ, уѣхалъ ли онъ, или нѣтъ, за границу? Теперь, кажется, совершенно всѣ запросы. На тѣ, которые нужнѣе, отвѣчай скорѣе; на другіе же распишись только, что приняты, — чтобы я не думалъ, что они капули мимо ушей. Прощай, мой жизненочекъ. Цѣлую тебя миліонъ миліоновъ разъ. Ты старый, вѣрный спутникъ отъ незапамятной юности. Будь здоровъ и весель мыслью, что хотя немногочуденъ кругъ нашъ, состоящій можетъ быть изъ трехъ (13) только лицъ; но тѣсна связь его, и будетъ продолжаться даже тогда, когда даже ни одного изъ насъ не будетъ на свѣтѣ. Прощай до слѣдующаго письма.

Притиска съ боку. Другое письмо, которое при семъ прилагается, постарайся отдать лично М. Мелентевой, классной дамѣ въ Институтѣ. Она очень добрая и ми(лая).

VII.

Бадень - Бадень. Юль (21) 9 (1837).

Къ тебѣ съ просьбой! съ убѣдительною просьбой! Возьми изъ Банка полторы тысячи и пришли ихъ мнѣ. Черезъ пол-

(13) Гоголь, Прокоповичъ и Данилевскій.

Прим. Н. Гербала.

года надѣюсь тебѣ непременно возвратить ихъ. Я посылаю въ началѣ слѣдующаго года печатать мою крупную вещь, которая, думаю, вознаградитъ мои труды и заботы о ней. Пришли, пожалуста, скорѣе; я совсѣмъ прожился. Я думалъ, что я успѣю гораздо раньше окончить мое сочиненіе, не тутъ-то было. Я сижу теперь на водахъ, лѣчусь. Взавши деньги, ты отправься тотчасъ къ Штиглицу, въ контору его, что на Англійской набережной и скажи ему, чтобы векселя были доставлены во Франкфуртъ на имя Русскаго Посольства, съ извѣщеніемъ, чтобы тотчасъ же были доставлены мнѣ. Объ этомъ ты, между прочемъ, мнѣ самъ дай знать, чрезъ *poste restante*, во Франкфуртъ. Получилъ ли ты письмо мое изъ Рима? Въ немъ были, между прочимъ, два письма въ Институтъ. Если ты ихъ не отдавалъ туда, то и не отдавай. Пусть останутся у тебя. Прощай. Спѣшу кончить. Какое гадкое, какое ужасное время! Дождь, слякоть. Сердце мое тоскуеть по Римѣ и по моей Итали! И недождусь покамѣсть пройдетъ мѣсяць, который мнѣ нужно убить на здѣшнихъ водахъ.

Твой Гоголь.

VIII.

Женева. Сентября 19 (1837).

Я не получилъ отъ тебя ни какого отвѣта на письмо, писанное изъ Бадена. И опять повторяю тебѣ прежнюю просьбу. Если у тебя неслучится теперь 1500 рублей, а изъ Банка нельзя будетъ взять скоро, то продай мою бібліотеку. Кажется Одоевскій хотѣлъ у меня купить. Предложи ему. Она мнѣ стоила до 3000, но если можно за неѣ выручить половину, то слава Богу. Мнѣ бы нехотѣлось ее сбывать, хотя я и небуду имѣть случая ею пользоваться, но я знаю, что многія книги полезны тебѣ и мнѣ пріятно воображать, что ты роешься, вмѣсто меня, въ нихъ. Но я въ большой крайности. Я получилъ 1000 рублей отъ Плетнева назадъ тому двѣ недѣли; уплатилъ нѣкоторые долги и сдѣлалъ себѣ платѣе все (съ) изнова потому, что старое разлѣзлось въ куски — послѣдній продуктъ моей отчизны. Холера, опустошающая теперь Римъ, растроила теперь всѣ мои

планы и предположенія. Я уже такъ было устроился и распорядилъ дѣла свои, что могъ жить въ немъ, какъ у себѣ дома. Куда дешевле того, какъ жилъ въ Петербургѣ. Теперь я таскаюсь безпріютно. Въ Швейцаріи все вдвое дороже противъ римскаго. Къ тому же расположеніе моей болѣзни таково, что я немогу теперь забраться въ совершенную глушь и противъ воли долженъ искать развлечения: я боюсь инохондріи, которая гошится за мной по пятамъ. Смерть Пушкина, кажется, какъ будто отняла отъ всего на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать. Желудокъ мой гадокъ до невозможной степени и отказывается рѣшительно варить, хотя я ѣмъ теперь очень умѣренно.....
въ продолженіи всего дня чувствую, что на мозгъ мой, какъ будто бы надвинулся какой то колпакъ, который препятствуетъ мнѣ думать и туманить мои мысли. Воды мнѣ ничего не помогли, и я теперь вижу, что они ужасная дрянь; только чувствую себя хуже: легкость въ карманахъ и тяжесть въ желудкѣ. Мысль о тебѣ да о двухъ-трехъ дорогихъ для сердца душахъ, пребывающихъ въ Петербургѣ, иногда согрѣваетъ меня, но уже не такъ какъ прежде, отъ того, что я слишкомъ часто и неумѣренно предаюсь ей. Я отъ тебя давно не получалъ писемъ. Что ты подѣлываешь, жизнь и душа моя? Здоровъ? Весель? Работаешь? Пишешь? Читаешь? Напиши, пожалуйста. Ты такъ мало говоришь о себя. И нѣтъ ли у васъ какойнибудь скольконибудь радостной новости?

Узнай отъ Плетнева, правда ли это что говорятъ, что будто на слѣдующій годъ ѣдитъ Наслѣдникъ, а съ нимъ безъ сомнѣнія и Жуковскій, а можетъ быть и Плетневъ, въ Италію. Какъ бы я желалъ, чтобы это была правда. Я соскучилъ страшно безъ Рима. Тамъ только я былъ совершенно спокоенъ, здоровъ и могъ предаться моимъ занятіямъ. Мутно и туманно все кажется послѣ Италиі. Прежнія синія горы теперь кажутся сѣрыми, все пахнетъ сѣверомъ послѣ нее. И какъ вспомню, что я долженъ буду прожить мѣсяцъ, а можетъ быть и болѣе вдали отъ нее (холера по всѣмъ вѣроятіямъ не оставитъ Рима раньше мѣсяца), то, мнѣ кажется,

я заживо вижу передъ собою вѣчность. Прощай, моя жизнь! не забудь моей просьбы.

Когда добудешь деньги, то не медля, ту же минуту носи ихъ къ Штиглицу. Чтобы онъ взялъ изъ нихъ 600 франковъ и отослалъ въ *Rastatt*, что въ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ, къ тамошнему банкиру, который называется: François Simon Meyer, извѣстивши его, что это слѣдующія ему отъ меня занятыя у него деньги, а на остальные же деньги, 1000 франковъ, или около, чтобы Штиглицъ прислалъ мнѣ вексель въ Женеву. Адрессуй мнѣ въ *Poste restante* или въ мою квартиру: *Rue Croix d'or. N° 25. Au deuxième porte gauche, chez M-me Buestoz.*

IX.

(1837) 14 *).

Ну братъ, я рѣшительно ничего не могу понять изъ твоего молчанія. Живъ ли ты, здоровъ ли ты? Хоть бы слово на мое письмо, хоть бы строчку въ отвѣтъ! Не совѣстно ли тебѣ и не стыдно ли. Ты знаешь самъ очень хорошо, что я тебѣ и что ты мнѣ, и послѣ всего этого молчишь. Я писалъ къ тебѣ изъ Рима, изъ Франкфурта, изъ Бадена — хоть бы одно слово. Ради Бога, выведи меня скорѣе изъ неизвѣстности о себѣ. Пиши и адрессуй въ Римъ: *Strada Felice, N 126, ultimo piano.* Я тебя просилъ выслать мнѣ мои рукописи — всѣ совер(шенно), безъ исключенія. Пожалуйста не позабудь этого исполнить. Они мнѣ совершенно всѣ нужны, въ томъ числѣ, вмѣстѣ съ ними, есть и печатные экстракты изъ дѣлъ и докладныя записки, и малороспѣсни; все это перешли. Если достанешь еще какіе нибудь дѣла — попроси отъ меня Пащенко, Ивана Гр. Онъ можетъ похитить изъ своей юстиціи. Можетъ быть Анненковъ еще что нибудь досталъ? Все это запакуй вмѣстѣ и перешли мнѣ. А переслать вотъ какимъ образомъ: отнеси все это къ *M-g Pondis*, а гдѣ онъ живетъ, объ этомъ можно узнать у Шти-

(14) Письмо это не имѣетъ даты. Оно написано на лоскуткѣ почтовой бумаги самымъ мелкимъ почеркомъ, и было вложено въ письмо къ г. Плетневу, что видно изъ слѣдующаго письма Гоголя. Вверху стоитъ отмѣтка Прокоповича: 1837 г.

Прим. Н. Гербелл.

лица. Къ Pondis уже объ этомъ писано. Онъ отиравить ящикъ въ Ливорно къ тамошнему консулу. Спроси его — нужно ли ему въ Петербургѣ заплатить за пересылку, или на мѣстѣ? Если въ Петербургѣ, то пожалуста заплати ему за меня: это стоитъ бездѣлица. Я тебѣ все это возвращу при первомъ случаѣ. Я радъ, что у тебя не отнялъ денегъ, которыя можетъ быть тебѣ нужны самому и которыя я просилъ у тебя въ займы. Я получилъ отъ Государя (спасибо Ему) пять неожиданно и теперъ не нуждаюсь. Если что нибудь вышло по части Русской Исто(ріи), изданія Нестора, или Кіевской Лѣтописи, Ипатьевской, или Хлѣбниковскаго списка — пожалуста пришли. Если вышелъ переводъ Славянской Исторіи Шафарика, или что нибудь относя(щесея) Славянъ или Миѳол. Слав. Также какіе нибудь акты къ древней Русск. Исторіи, или хорошее изданіе Русскихъ пѣсенъ или Малоросс. пѣсенъ. Все это возьми у Смирдина. Пусть поставитъ на мой счетъ. Также, если есть что новое на счетъ раскольничьихъ сектъ. Если вышло Снегирева описаніе праздниковъ и обрядовъ — пришли. Или другаго какого нибудь. Да ради Бога пиши. Я къ тебѣ ничего не пишу — ни (о) моей жизни, ни трудахъ, потому что не увѣренъ, будешь ли ты и на это отвѣчать. Какъ получу — напишу.

X.

Римъ. Апрѣля 15. 1838.

Вообрази что я теперъ только получилъ письмо твое съ векселями, говорю — съ векселями, потому что въ это же самое время получилъ и отъ Симона Мейера твой вексель, ибо ему деньги уже давно мною уплочены. Причины всей этой путаницѣ тѣ, что Римское правительство вздумало сдѣлать разныя преобразованія почтѣ, которая, въ продолженіе холеры и прочихъ несчастныхъ обстоятель(ствъ), пришла въ весьма жалкое положеніе съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланы эти преобразован(ія). Пропало уже два письма, которыя я писалъ къ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, а ко мнѣ, я думаю множество, потому что я болѣе полугода рѣшительное, получ(алъ) писемъ. Твои же письма, вмѣстѣ съ векселями, были присланы къ здѣшнему банкиру Валентини, который теперъ

только меня извѣстили объ этомъ, хотя, я думаю, они у него лежали очень долго. Миѣ очень жаль, что я нанесъ тебѣ столько хлопотъ и безпокойствъ, мой добрый, мой милый... я хотѣлъ было сказать по старому — *красенькій*, да вспомнилъ, что мы оба уже устарѣли, и что, можетъ, твои педагогическія заботы извели твою краску, которую такъ пріятно было моему сердцу зрѣть на твоихъ щекахъ. Но все же въ именахъ, данныхъ во время нашей юности, есть сладость, отъ которой не хочется отказаться. И такъ миѣ очень было жаль нанести тебѣ заботы. Извѣщеніе твое, что ты долженъ былъ прибѣгнуть къ займу для того, чтобы доставить миѣ эту сумму, меня смутило. Миѣ представилось, что ты терпишь, или нуждаешься въ чемъ нибудь (изъ) за меня, и миѣ досадно, что письмо твое такъ долго не попало въ мои руки, и что я не могъ тебѣ выслать раньше этой суммы. По крайней мѣрѣ теперь ее пересылаю тебѣ черезъ Штиглица; 1660 франковъ, ты явившись къ нему, имѣешь получить. Получилъ ли ты мою маленькую записочку, которую я вложилъ въ письмо къ Плетневу и въ которой я просилъ тебя выслать миѣ всѣ мои рукописи и къ тому числу присокупить нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ книгъ, и «Современникъ» и прочее, что ты найдешь достойнымъ, которыя взять отъ имени моего у Смирдина съ тѣмъ, чтобы онъ поставилъ миѣ ихъ на счетъ, особенно книгъ относит. Ист. Славянской и Русской, русскихъ обрядо(въ), праздниковъ и раскольникыихъ сектъ, и попросить у Пащенко, Ивана Григорьевича, очень пріятнаго, полезнаго и хорошаго человѣка, чтобы онъ совершилъ небольшого роду похищеніе какихъ нибудь казусныхъ дѣлъ. Поклонись ему отъ меня по ниже и назови его помѣщикомъ, красавцемъ и всѣмъ, что есть для него пріятнаго. Все это, какъ я тебѣ говорилъ, ты препроводи къ М-г Pondis. Гдѣ живетъ этотъ Pondis ты узнаешь у Штиглица. Скажи ему только, чтобы онъ доставилъ въ Римъ, или на мое имя, или, еще лучше, на имя княгини Зинаиды Волконской. Еще, прилагаемое письмо отнеси, пожалуйста, сестрамъ въ Институтъ, и возьми отъ нихъ отвѣтъ, который перешли ко миѣ. Нѣкоторыя слова въ письмѣ твоёмъ меня смутили. Ты пишешь, что ты такъ занятъ своей

должностью и такое нашелъ въ ней забвенье всего, что даже мысль ни о чемъ другомъ не тревожить. Нѣтъ, изъ жалости не бросай такъ равнодушно этихъ лѣтъ. Они не возвратятся и никогда не возвратятся съ ними та дѣятельность воображенія, которую поднимають свѣжія силы молодости. Жизнь моя была бы самая поэтическая въ мірѣ, если бы не виѣшалась въ нее горсть самой негодной прозы, эта проза — мое гадкое здоровье. Жду съ нетерпѣніемъ лѣта. Зима была здѣсь чудная. Я ни одинъ разъ не топилъ въ комнатѣ, да и печи нѣтъ. Солнце — и дни безъ облака; но весна принесла и холодъ и дожди; а Римъ безъ солнца — вслѣпшая красавица. Былъ я на дняхъ на академическомъ собраніи по случаю построения города Рима Ромуломъ. Въ Римѣ есть что-то чудное. Когда я услышалъ произнесенный 2581-й годъ, душа во мнѣ невольно всшелохнулась. Недавно получилъ письмо отъ Данилевскаго изъ Парижа. Онъ все также бредитъ Парижемъ и мыслить о Гризп, но кажется ему бѣдному тамъ немного прискучилось. Я уже давно не видался съ нимъ и хотѣлъ бы поглядѣть (на него). Обними всѣхъ нашихъ, Пащенко особенно, хотя онъ на меня и сердится, кажется.....

Поклонись отъ меня Бѣлоусову, ежели увидишь его, и скажи ему, что мнѣ очень жаль, что не удалось съ нимъ увидаться въ Петербургѣ.

Что дѣлаетъ Жюль? и бываетъ ли кто у тебя? и какой день — среда или четвергъ, во время котораго исчезаетъ у тебя прозаическая мысль о завтра и ты предаешься весь себѣ (и кружку) своихъ товарищей? Поклонъ Марьѣ Никифоровнѣ и поцѣлуй сына Яна въ самый разумный лобъ за то, что произноситъ мое имя.

XI.

Римъ. Юля 2 (1838).

Не совѣстно ли тебѣ, мой милый, не писать ко мнѣ, позыбуть меня. Не совѣстно ли тебѣ лѣниться. А я о тебѣ думаю часто, всегда. И ни роскошь этихъ странъ, гдѣ я живу теперь, ни югъ, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ возмѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался союзъ нашъ

подъ аллеями липъ Нѣжинскаго сада, во второмъ музеѣ, на маленькой сценѣ нашего домашняго театра и крѣпился, стянутый стужей петербургскаго климата, чрезъ всѣ дни нашего пребыванія вмѣстѣ. Не совѣстно ли тебѣ! Ты мнѣ не написалъ даже отвѣта на письмо мое, пущенное къ тебѣ вмѣстѣ съ деньгами, которыя я возвратилъ тебѣ посредствомъ здѣшняго банкира Валентина къ вашему Штиглицу. Ты меня не извѣстилъ, получилъ ли ты деньги въ исправнос(ти). Теперь ты радъ: Данилевскій съ тобою. Ты вкусилъ минуту свиданія послѣ такой длинной разлуки. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами. Но я уже почти отказался отъ этой сладкой мысли. Пожалуста не забывайте меня. Отправилъ ли ты книги и рукописи чрезъ Pondis, какъ я къ тебѣ писалъ? Я ничего не получалъ, и не знаю, гдѣ и какъ мнѣ о нихъ освѣдомиться, не имѣя совершенно никакого объ этомъ отъ тебя извѣстiя. Извѣсти меня о своей жизни обстоятельно. Безъ сомнѣнiя ты уже учишь грамотѣ сына Яна, котораго ты несправедливо назвалъ Николаемъ и глядя на котораго всегда у меня рождалась досада и сожалѣнiе, что не я крестилъ его. И какого рода есть у тебя новыя прибавленiя? Прибавь сколько нибудь словъ о гостяхъ своихъ, о нашихъ старыхъ, которымъ всѣмъ по поклону, — Жюлю, Паценку и прочимъ. Пиши, пожалуста, пиши. Я не могу къ тебѣ писать много потому, что спѣшу. Данилевскій вѣрно ожидаетъ моего письма, которое ему нужно и которое ты ему вручишь. Черезъ три или четыре дня ѣду въ Неаполь, гдѣ пробуду полтора мѣсяца и потому до половины августа пиши ко мнѣ въ Неаполь. По истеченiи же этого срока — въ Римъ въ *poste restante*.

Доставь поклонъ мой Марьѣ Никифоровнѣ.

ХII.

Ноября 25 (1841, изъ Москвы).

Пишу къ тебѣ послѣ долгой болѣзни, которая было меня одолѣла и которой начало уже получилъ я въ Петербургѣ. Теперь, слава Богу, мнѣ гораздо лучше, хотя я исхудалъ сильно. Здоровъ ли ты? Напиши мнѣ слова два о себѣ. Я сильно безпокоился о тебѣ. Тутъ пронесли(сь) было слухи,

что въ Петербургѣ было что-то въ родѣ небольшого наводненія, и вода показала на Васильевскомъ Островѣ. Я боялся за твой домишко и за житье твое въ нижнемъ этажѣ. Увѣдомь меня, пожалуйста, не повредило ли у тебя чего? Дѣло мое, по причинѣ болѣзни, почти не начиналось. Теперь твѣ(ко) началась переписываться рукопись. Пришли, если готовы, мои манишки, да, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мои резинныя галюны, которыя я приказалъ Платошѣ взять въ дилижансѣ, но онъ и не дума(лъ) туда положить ихъ. Въ дилижансѣ все перерыли и не нашли ихъ. А такихъ галошъ я теперь ни гдѣ не могу достать.

Будь здоровъ! мужайся духомъ (будущность твоя будетъ хороша) и напиши мнѣ поскорѣе два слова. Прощай!

Твой Гоголь.

Адрессуй по прежнему въ Москву, на имя Погодина, въ Университетъ.

XIII.

(1842, изъ Москвы.)

Я не писалъ къ тебѣ, милый Николай, потому что не былъ въ силахъ, такъ усталъ отъ писемъ и всякихъ тревогъ душевныхъ и тѣлесныхъ и отъ болѣзни моей, которой привидки были теперь сильнѣе, нежели когда нибудь, что руки не поднимаются. Цѣлую тебя горячо и сильно нѣсколько разъ. Ты слышалъ, я думаю, уже обо всемъ. Навѣдайся къ Плетневу и узнай отъ него, что и какъ рукопись моя, и чтобы они мнѣ присылали ее какъ можно скорѣе, если дѣло сдѣлаю: и типографія и бумага ожидаютъ. Увѣдоми меня хотя строчкой. Ни кто ко мнѣ не пишетъ, или Бѣлинск(кій) не вѣрный человекъ и не передалъ имъ вовремя писемъ и тетради. Я писалъ къ нему и Одоевск(ому).

XIV.

Москва. Февраль 14 (1842).

Я получилъ твое увѣдомленіе, но такое же самое, назадъ тому полторы недѣли, я получилъ уже отъ Плетнева, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, было сказано, чтобы я готовился къ печати, что на дняхъ мнѣ пришлется рукопись; а между тѣмъ уже

двѣ недѣли прошло (а ея нѣтъ). Не затѣялась ли опять какая нибудь умная исторія? Пожалуйста, зайдя къ Плетневу и развѣдай. И попроси его, чтобы онъ былъ такъ добръ и заѣхалъ бы самъ къ Уварову 15) и князю Дондукову-Корсакову 16). Послѣдній былъ когда-то благосклоненъ ко мнѣ. Пусть онъ объяснитъ имъ, что все мое имущество, всѣ средства моего существованія) заключаются въ этомъ, что я прошу ихъ во имя справедливости и человѣчества, потому что я и безъ того уже много терпѣлъ и терплю, (что) меня слишкомъ истомили, измучили этой исторіей, и что я теряю много уже чрезъ однѣ проволочки, давно лишенный всякихъ необходимыхъ (средствъ существованія). Словомъ, пусть онъ объяснитъ имъ это. (Неужели) они будутъ такъ безчувственны.... Здоровье мое идетъ пополамъ: иногда лучше, иногда хуже. Но я упала крѣпко всѣми силами и, что всего хуже, не могу совсѣмъ работать. Чувствую, что мнѣ нужно быть подальше отъ всего житейскаго дразгу: онъ меня томить. Прощай. Цѣлую тебя.

Твой Г.

XV.

13 марта (1842, изъ Москвы).

Вотъ уже недѣля прошла со времени полученья твоего писъма и почти двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ оно тобою написано, а между тѣмъ я до сихъ поръ не получаю моей рукописи. Я не предчувствовалъ ни мало скорого разрѣшенія и, читая твое писъмо, я и не думалъ предаваться такой надеждѣ. Мнѣ было только нѣсколько жалко, что ты уже праздновалъ и простодушно предавался мысли, что все

(15) Въ первоначальномъ его видѣ, какъ онъ нынѣ напечатанъ въ «Сочиненіяхъ и Писъмахъ Гоголя» (т. VI, стр. 548), по доставленному мной списку, который я сдѣлалъ съ подлинной рукописи перваго тома «Мертвыхъ Душъ», подаренной самимъ Гоголемъ покойному Прокоповичу. Въ настоящее время поминутая рукопись, вмѣстѣ съ другими рукописями Гоголя, какъ-то: «Тараса Бульбы», «Портрета», (обѣ въ исправленномъ видѣ), «Игроковъ», «Тяжбы», «Лакейской» и «Театральнаго Разъѣзда», съ приобщеніемъ 32 писемъ Гоголя къ Прокоповичу, приобрѣтены Графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко у семейства Прокоповича, и принесены въ даръ Лицею Князя Безбородко, котораго онъ почетный попечитель.

(16) День именинъ Гоголя.

Прим. Н. Гербеля.

уже кончено, тогда какъ я чувствовалъ, что еще не все кончено. А время между прочимъ все уходитъ и становится невозможнымъ ея печатаніе. И такъ, ты видишь, что и въ Петербургѣ можетъ завариться путаница изъ простаго дѣла. Но что бы ни было — ничѣмъ я немогу смутиться и ни что не въ силѣ поколебать меня, и также далеко я отъ отчаянія, какъ далеко отъ радости. Узнай о причинѣ всего и увѣдомь меня. Въ «Москвитянинѣ» не повѣсть моя, а небольшой отрывокъ. Я велѣлъ набрать десятокъ экземпляровъ — и ты получишь свой отъ Плетнева. Это единственная вещь, которая у меня была годная для журнала. Погодину я долженъ былъ дать что нибудь, потому что онъ для меня много дѣлалъ. Плетневу я тоже долженъ, хотя досихъ-поръ еще не выполнилъ. Прощай. Обнимаю тебя. Перецѣлуй за меня жену и всѣхъ дѣтей своихъ. И будь здоровъ!

Твой Гоголь.

XVI.

Марта 25 (1842, изъ Москвы).

Не могу рѣшительно постичь, что сдѣлалось и что могло сдѣлать(ся) съ моей рукописью. Если бы (случилось) вновь какое препятствіе — объ этомъ дали бы мнѣ знать письмомъ. Ты бы первый, вѣроятно, увѣдомилъ меня; но вотъ уже почти мѣсяцъ отъ числа, въ которое было пущено твое послѣднее письмо... Уже четвертая недѣля поста къ концу: уже нѣтъ никакой возможности приступить къ печатанью. Боже, какая стран(ая), непостижимая судьба! И я сижу безъ всего, безъ всякихъ средствъ, и нѣтъ впереди тоже никакихъ средствъ, даже надежды. Что же съ нею сдѣлалось? Развѣ пронала на почтѣ? Ради Бога, не мучь меня хотя ты, и дай мнѣ какой нибудь отвѣтъ. Все оно будетъ лучше, чѣмъ совершенная неизвѣстность.

Твой Гоголь.

XVII.

Марта 30 (1842, изъ Москвы).

Послѣ полученія письма твоего, я недѣлю еще прождалъ, думая, не получу ли какъ нибудь увѣдомленія объ этомъ не-

изъяснимомъ для меня происшествiи, и наконецъ пишу къ тебѣ. Вотъ уже 30 марта, а рукописи все нѣтъ какъ (нѣтъ). Всякой день я посылаю развѣдывать на почту, и все безплодно. Что со мною дѣлають... такъ пусть ихъ Богъ за это простить. Тебѣ легко произноси(ть) подобное утѣшенiе: рукописи-де моей все равно хоть въ iюнѣ выдти: она равно разойдется. Она конечно разойдется больше, чѣмъ всякая иная книга. Но я беру расходъ ея не въ сравненiи съ другими книгами, а въ сравненiи, или въ отношенiи къ ней же самой. Выйди она зимой — мнѣ бы оставалось четыре, или пять мѣсяцевъ продажи, время, въ которое, по моему расчету, успѣло бы выпродаться все первое изданiе, и могло бы къ маю мѣсяцу накопиться денегъ сколько мнѣ нужно на дорогу. А теперь развѣ только къ зимѣ можетъ что нибудь набраться, да и это все должно пойти въ уплату прошедшаго времени. Потому что все же таки воздухомъ нельзя жить, и я долженъ теперь издерживать грядущiе прибитки. Притомъ, неужели ты до сихъ (поръ) не можешь понять всю разницу зимняго времени отъ лѣтняго. Какъ можно сказать: пора на такое-то сочиненiе не существуетъ. Пора существуетъ на все. Что такое-то сочиненiе разошлось много лѣтомъ, — это не говорить въ пользу твоего мнѣнiя; это значить только, что зимою разошло(сь) бы его вдвое болѣе. Подумай только, что размѣнъ мыслей, новостей и впечатлѣнiй у насъ производится только зимою. Зимой все соединяется въ общества въ городѣ. Все расходится быстро, все узнается всѣми до послѣдней мелкой сплетни. Лѣтомъ все гаснетъ и дремлетъ; сообщенiя людей исчезаютъ: одинъ на Кавказѣ, другой за границей, третiй зарылся въ деревенско(мъ) захолустѣ. Слухи движутся лѣниво, новости и вѣсти едва едва доносятся; шумъ и крики, способствующiе огласкѣ, умолкають (во)все. Сообщенiя нѣтъ; все разъеди(не)но. Какъ же ты хочешь, чтобы могли быть эти два противоположныя времени (года) равно благопрiятны расходу книги какой бы то ни было. Разница видна — и тебѣ пора это знать, потому что тебѣ предстоить дѣятельность по этой части, а какимъ образомъ и какъ, — мы объ этомъ поговоримъ серьезно. Но, клянусь, это непостижимо, что дѣлается

съ моею рукописью. Это во всѣхъ отношеніяхъ — чудеса, и всякой другой могъ бы давно сойти съ ума. Я самъ швлюсь, какъ у меня не переверотилось въ головѣ. Если бы я зналъ по крайней мѣрѣ, гдѣ она, въ какихъ рукахъ, все бы это было бы хотя сколько нибудь утѣшительнѣй. И ты самъ сказалъ такъ не ясно: Плетневъ велѣлъ сказать, что она отправлена въ среду на первой недѣлѣ поста, по какому образомъ, имъ ли самимъ, или отъ Ценсурнаго Комитета, и какъ отправлена, по почтѣ, или съ оказіей—ничего этого не сказалъ. Если выйдетъ какой нибудь случай, что я не успѣю извернуться въ обстоятельствахъ своихъ, то приготовь мнѣ около пяти тысячъ денегъ. Мы сдѣлаемся въ Петербургѣ. Ты въ октябрѣ всѣ ихъ получишь. Тамъ я тебѣ расскажу обстоятельно, какую обдѣлалъ я для тебя жизненную вѣрную дорогу. Не покупай дома и береги деньги: ты будешь получать двадцатый, если не тридцатый процентъ вѣрно.

XVIII.

9 Апрелья (1842, изъ Москвы).

Рукопись получена 5 апрѣля. Задержка произошла не на почтѣ,
 Передѣлалъ его
 и посылаю его къ Плетневу для передачи. Пожалуста навѣдайся къ нему и узнай. Больше всего для меня опасна проволочка. Рукопись начата печататься, и потому задержка мнѣ весьма повредить. Мнѣ страшно, что ты не получилъ экземпляра «Рима», тогда какъ Плетневъ прежде всего долженъ былъ доставить тебѣ, потому что ты виновникъ былъ того, что и другимъ досталось по экземпляру. Изъ за тебя я велѣлъ отпечатать пятнадцать брошюръ отдѣльно. Да что же ты меня не увѣдомишь и не расскажешь о слухахъ и толкахъ. Ты хотя и уединенно живешь, но все же до тебя доходить кое что. Теперь рукопись моя, вѣроятно, таскалась по рукамъ многихъ, стало быть о ней говорятъ. Я же страхъ люблю слышать всѣ толки, особенно женскіе толки и взгляды съ неблагоклонныхъ сторонъ. Они мнѣ теперь всѣ нужны до послѣдняго. Прощай, душа моя! Цѣлую тебя;

жду съ нетерпѣньемъ времени свиданья и встрѣчи, чтобъ о многомъ поговорить съ тобой.

Твой Гоголь.

XIX.

Апрѣля 15 (1842, изъ Москвы).

Что же ты замолчалъ? Теперь переписка завязалась между нами, и потому не должна уже прерываться никогда. Она обратилась въ дѣльную, а это ручательство за ея долговременность и аккуратность. Прежде всего: къ Плетневу о «Копѣйкинѣ». Я боюсь, что бы не затянулось... а безъ «Копѣйкина» я не могу и подумать выпустить рукопись.

.....
 Теперь второе: рукопись моя, безъ сомнѣнiя, уже побывала во многихъ рукахъ въ Петербургѣ, стало быть о ней посятся толки. Пожалуста развѣдай, какъ и что говорить о ней, и, если можно, перескажи мнѣ съ сохраненiемъ самой физиогномiи замѣчанiй. Это мнѣ очень нужно и полезно. Наконецъ, третье: навести тебя на движенiе и на дѣятельную работу могу только одинъ я, а какимъ образомъ, — объ этомъ поговоримъ при встрѣчѣ, и ты почувствуешь истину словъ моихъ. Печатанье мое шло бы успѣшно, но праздники помѣшаютъ въ продолженiи почти полторы недѣли. Нельзя никакими силами заставить здѣсь наборщиковъ работать. Прощай. Цѣлую тебя. Пиши и не лѣнись. Ты видишь, что теперь письма пишутся почти сами собою.

XX.

Москва. Мая 11 (1842).

Ты удивляешься, я думаю, что до сихъ поръ не выходятъ «Мертвыя Души». Всѣ дѣло задержалъ Н. Какой нелѣпый (пый) человекъ! Болѣе полутора мѣсяца онъ держитъ у себя листки «Копѣйкина» и хотъ бы увѣдомилъ меня однимъ словомъ, а между тѣмъ всѣ листы набраны уже недѣлю тому назадъ, и типографiя стоитъ, а время это мнѣ слишкомъ дорого. Но Богъ съ ними со всѣми! Вся эта исторiя есть пробный камень, на которомъ я долженъ испытать, въ какомъ отношенiи ко мнѣ находятся многiе люди.
 Не пишу

къ тебѣ ни о чемъ, потому (что) чрезъ недѣли двѣ буду, можетъ быть, самъ у тебя, и мы поговоримъ обо всемъ, и о дѣлѣ, отъ котораго, какъ самъ увидишь, много будетъ зависѣть твое положеніе и твоя дѣятельность. Я получилъ письмо отъ Бѣлин(скаго). Поблагодари его. Я не пишу къ нему потому, что минуты не имѣю времени, и потому что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ этомъ нужно потратовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой чрезъ Петербургъ. Прощай. Будь здоровъ, твердъ и крѣпокъ духомъ, и надѣйся на будущее, которое будетъ у тебя хорошо, если только ты вѣришь мнѣ, дружбѣ и мудрости, которая не даромъ дается человѣку.

Твой Гоголь.

XXI.

15 Мая (1842, изъ Москвы).

Благодарю тебя именно за то, что ты въ день 9 мая (17) написалъ письмо ко мнѣ. Это было движеніе сердечное; оно сквозитъ и слышно въ твоихъ строкахъ. Я хорошо провелъ день сей, и не можетъ быть иначе: съ каждымъ годомъ торжественнѣй и торжественнѣй онъ для меня становится. Нѣтъ нужды, что не сидятъ за пиромъ пировавшіе прежде: они присутствуютъ со мной неотразимо, и много присутствуетъ съ нами другихъ, дотошъ небывавшихъ на пирѣ. Ничтожна грусть твоя, которая на мгновеніе осѣнила тебя въ сей день; она была поддѣльная, ложная грусть: ибо ничего кромѣ просвѣтлѣнья мыслей и предчувствій чудснаго грядущаго, не долженъ заключать сей день для всѣхъ, близкихъ моему сердцу. Обманула тебя, какъ ребенка, мысль, что веселье твое уже смѣнилось весельемъ новаго поколѣнья. Веселье твое еще и не начиналось. Запечатлѣй же въ сердцѣ сіи слова: ты узнаешь и молодость, и крѣпкое, разумное мужество, и мудрую старость. Узнаешь ихъ прекрасно, постепенно, торжественно - спокойно, какъ, непостижимой Божьей властью, я чувствую отнынѣ всѣхъ ихъ разомъ въ моемъ сердцѣ. Девятаго же мая я получилъ письмо отъ Даннлевскаго. Оно

(17) День именинъ Гоголя.

Прим. Н. Гербеля.

меня утѣшило. Я за него спокоенъ. Три-четыре слова, посланные мною еще изъ Рима, низвели свѣжесть въ его душу. Я и не сомнѣвался въ томъ, чтобы не настало, наконецъ, для него время силы и дѣятельности. Онъ свѣтло и твердо стоитъ теперь на жизненной дорогѣ. Очередь твоя. Имѣй въ меня каплю вѣры, — и живящая сила отдѣлится въ твою душу. Я увижу тебя скоро, можетъ быть черезъ двѣ недѣли. Книга тоже выйдетъ къ тому времени; все почти готово. Прощай. До свиданья.

Твой Г.

Внизу приписка: О книгѣ можно объявить. Постарайся объ этомъ. Попроси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что нибудь о ней въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ея. Отправься также къ Сенковскому и попроси отъ меня помѣстить въ литератур(ныхъ) новостяхъ извѣстie, что скоро выйдетъ такая-то книга, такого-то, и больше ничего. Въ этомъ, кажется, никто изъ нихъ не имѣетъ право отказать. Я думаю всѣ экземпляры, назначенные въ Петербургъ, отправить къ тебѣ, — и потому ты объяви это заранѣе книгопродавцамъ, чтобы они говорили заранѣе сколько каждому нужно экземпляровъ. На комиссію я никогда не отдавалъ своихъ книгъ и потому ты можешь (объявить), что деньги они должны будутъ тебѣ внести въ минуту полученія книгъ, безъ чего они не будутъ имъ выданы. Прощай!

XXII.

Гастейнгъ. Июль 27 (15) (1842). 18).

Я къ тебѣ еще не посылалъ остальныхъ двухъ лоскутковъ, потому что многое нужно переправить, особливо въ «*Театральномъ развѣдѣ послѣ представленія новой пьесы*». Она написана сторяча, скоро послѣ представленія «Ревизора» и потому немножко не скромна въ отношеніи къ автору. Ее

(18) Подъ вліяніемъ занимавшей его мысли о близкомъ появленіи въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ» Гоголь задумалъ кстати выдать новое изданіе своихъ сочиненій, но уже въ Петербургѣ, и притомъ не лично, не подъ своимъ наблюдениемъ, потому что онъ хотѣлъ, по отпечатаньи своей поэмы, уѣхать за границу. Слѣдовательно, нужно было найти человѣка, кто бы и могъ и хотѣлъ взять на себя довольно сложную, хлопотливую, но всежѣ не блестящую и нисколько не вдохновенную работу — печатанья и изданія чужихъ сочиненій.

нужно сдѣлать нѣсколько идеальнѣй, т. е. чтобы ее примѣнить можно было ко всякой пѣсѣ, задирающей общественныя злоупотребленія, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее, какъ написанную по случаю «Ревизора».

При корректурѣ втораго тома, прошу тебя дѣйствовать какъ можно самоуправнѣй и полновластнѣй: въ «Тарасъ Бульба» много есть погрѣшностей писца. Онъ часто любитъ букву *и*; гдѣ она не у мѣста, тамъ ее выбрось; въ двухъ-трехъ мѣстахъ я замѣтилъ плохую грамматику и почти отсутствіе смысла. Пожалуйста, поправь вездѣ съ такою же свободою, какъ ты переправляешь тетради своихъ учениковъ. Если гдѣ частое повтореніе одного и того же оборота періодовъ, дай имъ другой, и никакъ не сомнѣвайся и не задумывайся, будетъ ли хорошо, — все будетъ хорошо. Да вотъ что самое глупое: въ нынѣшнемъ спискѣ слово: слышу, произнесенное Тарасомъ предъ казнью Остапа, замѣнено словомъ: чую. Нужно оставить по прежнему, т. е. *Батько, гдѣ ты?* Слышишь ли ты *это*? Слышу. Я упустилъ изъ виду, что къ этому слову уже привыкли читатели и потому будутъ недовольны переменною, хотя бы она была и лучше. Да, пожалуйста, попроси Бѣлинскаго отпечатать для меня особенно листки критики «Мертвыхъ Душъ», если она будетъ въ «Отечест. Запис.» на бумагѣ, если можно, потонѣе, чтобы можно было прислать мнѣ ее прямо въ письмѣ, и присылай мнѣ по листамъ, по мѣрѣ того какъ будетъ выходить. Еще: я совсѣмъ позабылъ, что «Ревизоръ» безъ конца. Писецъ не разобралъ примѣчаній объ нѣмой сценѣ и оставилъ чистое мѣсто. Вотъ конецъ:

(Слѣдуетъ заключительная сцена изъ «Ревизора».)

Всѣ эти слова, само собою разумѣется, надобно напечатать курсивомъ.

Гоголь не долго колебался. Кто, кромѣ Прокоповича, чья преданная и нелицебная дружба не знала предѣловъ, могъ согласиться на такое самоотверженіе? И вотъ Гоголь, въ концѣ мая 1842 года, приѣзжаетъ въ Петербургъ, видится съ Прокоповичемъ, уговариваетъ его принять на себя изданіе сочиненій его, и въ первыхъ числахъ іюня уѣзжаетъ за границу, — и вотъ между друзьями скоро возникаетъ *дальняя* переписка.

Прим. Н. Гербеля.

Еще къ статьѣ «Характеры и костюмы», которая предшествуетъ комедіи, нужно прибавить на концѣ слѣдующее: (Слѣдуетъ заключительный періодъ «Замѣчаній для господъ актеровъ».)

Прощай. Цѣлую тебя и обнимаю нѣсколько разъ. Пиши, хотя по нѣскольку строкъ, но пиши. Адресуй первое письмо въ Венецію, *Poste restante*, слѣдующія — въ Римъ. Въ Венеціи я пробуду до 1-хъ чиселъ сентября.

Твой Гоголь.

XXIII.

Гастейнъ, 10 сентяб. (29 августа) (1842).

Не получая отъ тебя никакого до сихъ поръ письма, я полагаю что дѣла наши идутъ безостановочно и въ подлежащемъ порядкѣ. Я немного замедлилъ отсылкою остальныхъ статей. Но нельзя было ни какъ, столько нужно было сдѣлать разныхъ поправокъ. Посылаемую нынѣ (піэсу) «Игроки» насилу собралъ. Черновые листы такъ были уже давно и не разборчиво написаны, что дали мнѣ работу страшную разбирать. Но болѣе всего хлопотъ было мнѣ съ остальною піэсою: «Театральный Разъѣздъ». Въ ней столько нужно было передѣлывать, что, клянусь, легче бы мнѣ написать двѣ новыхъ. Но она заключительная статья всего «Собранія Сочиненій» и потому очень важна и требовала тщательной отдѣлки. Я очень радъ, что не трогалъ ее въ Петербургѣ, и не спѣшилъ съ нею. Она была бы очень далека отъ значенія нынѣшняго. А это было бы совсѣмъ не хорошо. Переписка ея еще не кончена. Не сердись; ты не понимаешь, какъ трудно переписывать и стараться быть четкимъ въ такомъ мелкомъ штрифтѣ. Порядокъ статей послѣдняго тома ты, я думаю, (знаешь): «Ревизоръ», потомъ «Женидьба» и подъ нею написать въ скобкахъ: (писана въ 1833 году), потомъ, на одномъ бѣломъ листѣ: Драматическія отрывки и отдѣльныя сцены, съ 1832 по 1837 годъ, а на другомъ, вслѣдъ за нимъ: «Игроки», съ эпиграфомъ, потомъ всякая піэса съ своимъ заглавнымъ листомъ: «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба», «Лакейская», «Сцены изъ свѣтской жизни», «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи». Полу-

члѣ ли хвостъ «Ревизора», посланный мною три недѣли тому назадъ? Увѣдоми обо всемъ. Все лучше знать, чѣмъ не знать. И будь еще такъ добръ: вѣрно ходятъ какіе нибудь толки о «Мертв. Душахъ». Ради дружбы нашей, доведи ихъ до моего свѣдѣнія, каковы бы они ни были и отъ кого бы ни были. Мнѣ всѣ они равно нужны. Ты не можешь тебѣ представить, какъ они мнѣ нужны. Не дурно также означить изъ чьихъ устъ вышли они. Самому тебѣ, понятно, не удастся много ухмылять, но ты можешь поручить кое-кому изъ тѣхъ, которые болѣе обращаются съ людьми и бываютъ въ какомъ бы ни было свѣтѣ. Прощай! обнимаю тебя и цѣлую сильно. Адрессуй прямо въ Римъ (Poste restante). Черезъ двѣ недѣли я уже буду въ Римѣ. Будь здоровъ и да присутствуетъ въ твоемъ духѣ вѣчная свѣтлость! а, вслучаѣ недостатка ея, обратись мыслію ко мнѣ, и ты просвѣтлѣешь непременно, ибо души сообщаются и вѣра, живущая въ одной, переходитъ невидимо въ другую. Прощай.

Твой Гоголь.

(Слѣдуетъ окончаніе «Игроковъ».)

NB. Само собою разумѣется, что переписать все это нужно писцу по примѣру прочихъ, разгонисто и чотко, чтобы цензоръ могъ прочесть удобнѣе.

XXIV.

Римъ. Октября 22 (10) (1842).

(Болѣ)знь моя была причиною, что до сихъ поръ не выслалъ тебѣ (зак)лючительной піэсы, которую теперь посылаю. Едва справляюсь... (19) могъ кое-какъ переписать её. Хотя она все еще вовсе не въ томъ (видѣ въ) какомъ бы желалъ, и хотя многое слѣдовало бы выправить и (дополнить). Но такъ и быть. Авось либо простятъ и припишутъ времени... и молодости автора, какъ оно дѣйствительно и есть, ибо писана давно. (Если) мое замедленіе и молчаніе повергло тебя въ изумленіе и (недоумѣ)ніе, то, съ другой стороны, твое молчаніе мнѣ кажется также (непост)ижимо. Ну чтобы увѣ-

(19) Точки означаютъ оторванныя мѣста, которыхъ нельзя было замѣнить по смыслу, а скобки — слова, долженствовавшіе находиться тутъ, судя по смыслу фразы.

Прим. Н. Гербеля.

домить меня хотя одною строчкой, какъ идетъ дѣло и печатанье. Я послалъ тебѣ три письма и ни на одно (ни) строчки отвѣта. Въ одномъ письмѣ я тебѣ послалъ конецъ («Ре)визора», въ другомъ письмѣ «Игроковъ»; написалъ тебѣ порядокъ въ какомъ должно быть и слѣдовать одно за другимъ. Писалъ чтобы въ «Тарасѣ Бульбѣ» удержатъ по прежнему: слышу, вмѣсто — чую. Подъ комедіей «Женидьба» выставить годъ, въ который писано (1833). За нею особенный листъ съ титуломъ: Отдѣльныя сцены и драматическіе отрывки. (Съ 1832 по 1837 годъ). Потомъ такой порядокъ: «Игроки», «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба», «Лакейская», «Сцена изъ свѣтской жизни», «Театральный разъѣздъ». Всякая съ особымъ передовымъ листомъ. Сдѣлай милость, уведоми меня обо всемъ. Теперь, кажется, никакой нѣтъ ужъ помѣхи, а потому благословляю оканчивать печатанье, да и пускать книгу въ продажу. Если печатанье взяло много издерже(къ) и книга вышла толще нежели предполагалось, то можно пустить по 30 рублей. Первые экземпляры сей же часъ послать въ Москву: одинъ Шевыреву, другой Сергѣю Тимофѣевичу Аксакову, третій Хомякову, четвертый Погодину. Всѣ можно адресовать на имя Шевырева, съ просьбой, чтобы онъ поскорѣ вручилъ имъ. Въ Петерб(ур)гѣ первые экземпляры: гр. Вельегорскому (живетъ возлѣ Михайлов. Театра), Александрѣ Осиповиѣ Смирновой (на Мойкѣ, въ собственномъ домѣ, за Синимъ мостомъ, за домомъ Ам. компаніи), Плетневу, само по себѣ разумѣется, Вяземскому. Нужно распорядиться такъ, чтобы «Ревизоръ» и «Женидьба» отданы были вскорѣ послѣ отпечатанья въ театральную цензуру, чтобы не были тамъ задержаны долго, ибо нужно, что бы все это поспѣ(ло) къ бенефису Щепкина и Сосницкаго. Не дурно (буд)етъ тебѣ съѣздить потомъ (къ Сос)ницкому (и сказ)ать ему, что мое желанье таково, чтобы ихъ бенефисы пришлись (въ одинъ) день. Чтобы «Женидьба» была представлена въ одинъ день и въ (Москвѣ) и въ Петербургѣ. Что такимъ образомъ, какъ ему извѣстно, я хотѣлъ (и пре)жде. И потому, чтобы онъ съ своей стороны постарался тоже (о уст)раненіи всякаго рода препятствій. Если театральная цензура

детъ вычеркивать кое-какія выраженія, то обратись (къ Вельегорскому и скажи ему, что я очень просилъ его сказать цензору... слова два, особливо если цензоръ — Геденовъ, котораго Вельегорскій знаетъ... объ этомъ очень просилъ. На счетъ этого не дурно бѣ также (посовѣ)товаться съ К.....

..... Я напишу отъ себя письмецо къ Никитенкѣ, которому поклонись отъ меня (усердно. И, пожалуйста, сіюже минуту по полученіи этого письма увѣдоми (меня). Адрессуя мнѣ: Via Fèlice, N 126. З ріано. Будь здоровъ. Цѣлую тебя сто разъ. (Люби меня) по прежнему, люби такъ, какъ я тебя люблю. Бѣ слѣдующемъ письмѣ поговоримъ... обо всемъ, и о тебѣ и о мнѣ. Спѣшу отправить на почту. Перецѣлуй за меня всѣхъ.... Пожалуйста не замедли извѣщеніемъ обо всемъ. Кланяйся всѣмъ помнящимъ меня... Бѣлинскому, Комарову.

Твой Г.

XXV.

Римъ. Ноябрь 26 (14) (1842).

Вчера получилъ твое письмо. Благодарю тебя за него и за всѣ старанья и хлопоты. Ты, я думаю, уже давно получилъ «Разѣздъ». Онъ больше мѣсяца, какъ посланъ къ тебѣ. Насчетъ намѣренія твоего назвать «Свѣтскую сцену» просто «Отрывкомъ», я совершенно согласенъ, тѣмъ болѣе, что прежнее названіе было вставлено такъ только, въ ожиданіи другаго. Насчетъ разныхъ корсарствъ въ мои владѣнія, о которыхъ, признаюсь, мнѣ непріятнѣе всего было слышать, я пишу письмо къ Плетневу, чтобъ онъ переговорилъ лично съ Г..... обо всемъ этомъ. А между тѣмъ объяви всѣмъ и распространи слухъ, что я слишкомъ задѣтъ наглостью передѣльвателей и намѣренъ искать законнымъ порядкомъ на нихъ управы, что дескать сочиняю закатистую просьбу къ какому то важному лицу. Это нѣсколько утешитъ заблаговременно охотниковъ. Всѣ драматическія сцены, составляющія четвертую часть, принадлежатъ всѣ Щепкину. Это нужно разслать и распространить тоже, чтобы меня не беспокоили и не тревожили другіе актеры какимп нибудь

письмами и просьбами. На всякую просьбу Щепкина снисходи и постарайся, чтобъ сдѣлано было все, что онъ просить. Половина драматическихъ отрывковъ должна остаться ему для будущаго бенефиса въ будущемъ году, потому что для театра вѣроятно я ничего не произведу никогда. Не дурно распространить и сдѣлать предметомъ разговора, что ни въ одномъ образованномъ государствѣ не можетъ никакой антрепренеръ перетащить на сцену сочиненія, не спрося согласія автора, и что если авторъ найдетъ три строки, взятая цѣликомъ изъ его произведенія и не приведенныя въ смыслѣ цитаты, то имѣетъ право производить судебнымъ порядкомъ искъ.....

..... Этому постановленію нужно дать гласность и чтобъ о немъ всѣ говорили. Въ моемъ дѣлѣ больше значить общій голосъ чѣмъ частныя хлопоты. Ты это самъ поймешь.

Въ «Женидѣбѣ», я вспомнилъ, вкралась важная ошибка, сдѣланная отчасти писцомъ: Кочкаревъ говорить, что ему плевали нѣсколько разъ, тогда какъ онъ это говорить о другомъ. Эта бездѣлица можетъ дать ему совершенно другой характеръ. Монологъ этотъ долженъ начинаться вотъ какъ:

«Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ: плюнулъ въ самое лицо, ей Богу. «Вотъ тебѣ, говорить, твоя прибавка; отвяжись сатана!» и проч. и проч.

Если уже набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать. На заглавномъ листкѣ къ «Женидѣбѣ» вставлешь не весь титулъ. Должно вотъ какъ:

Женидѣба.

Совершенно невѣроятное событіе,
въ двухъ дѣйствіяхъ.

И потому прибавь это. Также въ «Игрокахъ» пропущено одно выраженіе, довольно значительное. Именно, когда Утѣшительный мечетъ банкъ и говорить: «На, нѣмецъ, возьми,

сѣшь свою семерку!» Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ прибавить: «Руте! рѣшительно руте! просто карта-фоска!» Эту фразу включи непременно. Она настоящая армейская и въ своемъ родѣ не безъ достоинства. Благодарю тебя за передачу коекакихъ мнѣній и сужденій о М. Д. («Мертвыхъ Дуцахъ»). Продолжай и впредь. Это будетъ мнѣ всегда лакомымъ подаркомъ. Цѣлую тебя отъ всей души и жду непременно письма.

Твой Г.

XXVI.

Марта 28 (16). Римъ. (1849). ●

Письмо твое и билетъ на 550 получилъ. Благодарю тебя много за все и въ теперешнюю минуту болѣе всего за письмо, какъ оно ни коротко и ни послѣшно. Я уже нѣсколько мѣсяцовъ безъ писемъ. Точно, какъ будто, вдругъ все сговорились не писать ко мнѣ. Ради Бога, не пропускай писать. Мнѣ не нужно длинныхъ писемъ. Пиши въ поныхъ, на скоро и никакъ не ожидай расположенія, или свободной минуты. Двухъ строкъ самыхъ пустыхъ мнѣ иногда бываетъ достаточно. Теперь, въ минуты моихъ трудовъ, скитанія по свѣту и всякихъ суровыхъ внутреннихъ воспитаній, мнѣ нужнѣй, чѣмъ когда либо, слова близкихъ душѣ моей, о чемъ бы они не были и какія бы не были, они равно мнѣ живительны. Поблагодари отъ души всѣхъ принимавшихъ участіе относительно дѣлъ моихъ, начиная съ добраго цензора моего Никитенка. Краевского и Бѣлинскаго поблагодари тоже много, и не забудь увѣдомить меня о толкахъ, какіе ходятъ во всякаго рода публичкахъ, касательно моихъ сочиненій. Прощай! Цѣлую и обнимаю тебя. Отвѣтъ на это письмо можешь адресовать мнѣ уже въ Гастейнъ, въ Тироль, гдѣ я буду (около) 1-хъ чиселъ мая, ибо въ апрѣлѣ, послѣднихъ чиселъ, подымусь изъ Рима. Обними за меня жену и дѣтей.

Твой Г.

На экземпляры не скупись и раздавай, если окажется нужно; по востребованію Плетнева или Шевырева отпускай сколько ни скажутъ.

XXVII.

Римъ 17 апрѣля (1848).

Въ прибавленіе къ письму моему, пущенному недѣлю назадъ, пишу другое болѣе дѣловое, потому, что тогда я не могъ писать о дѣлахъ, будучи внутренно разстроены болѣе моимъ болѣзненнымъ припадкомъ. Высылкою другихъ 500 франковъ повремени; впрочемъ ты, я думаю, и безъ того это сдѣлаешь, вникнувши, что по такимъ мѣлочамъ мнѣ не можетъ быть полезна присылка, кромѣ того, что хлопотлива съ обоихъ сторонъ. Шевыревъ, эта рѣдкая душа, онъ прислалъ мнѣ четыре тысячи изъ своихъ. Въ Москву дошли слухи, что я сижу уже болѣе шести мѣсяцевъ безъ копѣйки денегъ. Я, признаюсь, ихъ обманулъ: предъ выѣздомъ я сказалъ, что мнѣ деньги не нужны, что у тебя есть деньги и я возьму въ счетъ печатающих(ся) экземпляровъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы скорѣй какъ можно выплатилась хотя половина моихъ долговъ изъ продажи М. Д., и чтобы не брать оттуда для себя ни копѣйки до того времени. Тѣмъ болѣе, что я видѣлъ собственными глазами, какъ нуждались во многомъ великодушно ссудившіе меня. Не могу до сихъ (поръ) вспомнить безъ глубокаго душевнаго умиленія о той помощи и о тѣхъ нѣжныхъ участіяхъ, которые шли ко мнѣ всегда изъ Москвы. Петербургу просто нѣкогда подумать обо мнѣ. Кому, напрямѣрь, придетъ въ голову сдѣлать вопросъ: этотъ человѣкъ ни откуда не получаетъ ни копѣйки дохода, ничего не печатаетъ въ теченіе шести лѣтъ, — чѣмъ онъ живетъ въ это время, при разстроеномъ здоровьѣ, при частыхъ и необходимыхъ для него переѣздахъ изъ климата въ климатъ, изъ земли въ землю? Два раза я могъ бы просто умереть отъ нужды и голода и обо мнѣ составила бы, можетъ быть, довольно трогательная исторія, какъ о многихъ талантахъ оконченѣвшихъ во время окружавшихъ призраковъ славы и прочаго; но великодушные друзья мои умѣли проникнуть то, что можетъ только проникнуть одно нѣжное участіе, умѣли предложить мнѣ такимъ образомъ, чтобы я даже и подумать не могъ, что это съ ихъ стороны какое нибудь одолженіе, и сдѣлали это большею частію тѣ, которые меньше всего имѣли средствъ помочь. И такъ, если я тебѣ дорогъ

и душѣ твоей радостно, что я живу еще на свѣтѣ, то этимъ ты обязанъ имъ. Но это нѣсколько отдалило насъ отъ дѣла. И такъ—приступимъ къ нимъ. Ты, я думаю, очень удивляешься моею безпечности, что я до-сихъ-поръ тебѣ не даю никакой инструкціи относительно распредѣленія денегъ и прочаго. Но я былъ слишкомъ занятъ прежде всего скорѣйшимъ окончаніемъ и появленіемъ книгъ въ свѣтъ; и, признаюсь, вообще мнѣ тяжело хлопотать о моихъ дѣлахъ: это меня утомляетъ страхъ. Впрочемъ ты, какъ видно, тоже захлопочаешь. Ты не написалъ мнѣ даже въ письмѣ своемъ — выслалъ ли ты Шевыреву тысячу экземпляровъ, какъ я писалъ тебѣ. Эти экземпляры непременно тамъ нужны (чтобъ быть) подъ бокомъ, для уплаты остальныхъ долговъ моихъ и удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей матери и сестеръ моихъ, которыя находятся теперь не въ очень завидномъ состояніи. Такъ какъ уже мнѣ много приходилось терпѣть по причинѣ невысылокъ своевременныхъ денегъ. Это вещь слишкомъ для меня теперь серьезная и важная. Отъ этого у меня много пропадаетъ времени. Когда мнѣ нужно вдругъ сорваться съ мѣста и ѣхать въ другую землю, тогда это нужно сдѣлать вдругъ. Съ этимъ слишкомъ связана творческая моя способность, обновленіе, освѣженіе и та неизяснимая мнѣ самому потребность, неудовлетвореніе которой окапчивалось тяжкимъ состояніемъ и наконецъ просто моральною и физическою болѣзнию. И такъ, я рѣшился разъ навсегда устано(вить) постоянныя сроки (два раза въ годъ), къ которымъ непременно были бы деньги и дожидали бы меня въ городѣ и мѣсяцѣ, которыя, я назначу? До-сихъ-поръ Шевыревъ, какъ я вижу, точнѣй и аккуратнѣй всѣхъ. Для него нѣтъ задержекъ: не наберутся деньги, онъ займетъ, а къ сроку доставитъ. Я рѣшился расположить дѣло вотъ какъ: половина дѣла моихъ — въ Петербургѣ а половина — въ Москвѣ. Сроки: одинъ къ первому маю европейскаго стilia, другой къ 1-му октября европейскаго стilia. Нѣсколькими днями раньше лучше. Всякая половина состоитъ изъ трехъ тысячъ рублей. Деньги будутъ высылаемы тобою и Шевыревымъ. За два мѣсяца до срока, или за мѣсяць вы должны увѣдомлять другъ друга о томъ, накопилось ли достаточное

количество денегъ. Если Шевыревъ тебѣ напишетъ, что деньги есть и можетъ выслать онъ, тогда ты долженъ придержать ихъ для другихъ распределеній. А эти распределенія покажь воть какія: Жуковскому послать въ Дюсельдорфъ, въ число моего долга, 4-ре тысячи рублей. У Дашлевева спросить, заплатила(ли) ему маминька тѣ деньги, которыя онъ ей предложилъ? Если нѣтъ, то выслать ему немедленно. Эти деньги, я знаю, у него были послѣднія. Одна только великодушная душа его могла сдѣлать такой поступокъ и такъ жестоко лишиться себя. Если Шевыревъ напишетъ тебѣ, что онъ занялъ, или выслалъ свои, то естественно тогда накопленные деньги должны поступить въ уплату Шевыреву. Воть покажь тебѣ распоряженіе. Напиши пожалуста Шевыреву отчетъ по книгѣ и (обо) всемъ, относящемся къ этой части, чтобы они тебя не винили въ томъ, что я шесть мѣсяцевъ сидѣлъ безъ денегъ, въ чемъ ты не виноватъ ни сколько; но, такъ какъ самъ ты знаешь, на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей и охотниковъ сочинять всякіе слухи! А Москва отъ Петербурга далеко, то я почти увѣренъ, что есть уже какіе нибудь рассказы. А потому лучше всего, если ты въ немногихъ, отчетливыхъ словахъ представишь ему всю ясность дѣла. Затѣмъ, обнимая тебя всей силою любви и дружбы и всю твою семью отъ малыхъ до большихъ, поздравляю васъ всѣхъ съ праздникомъ и напоминаю тебѣ вновь о прежней просьбѣ моей — писать, хотя бы вовсе небыло о чемъ писать. Двухъ самыхъ ничтожныхъ строчекъ уже будетъ съ меня довольно. Еще разъ повторяю: для меня слишкомъ теперь значительны письма близкихъ душъ моей. Нельзя ли такъ завести, чтобы (писать) 1-го числа всякаго мѣсяца? Это число трудно забыть, потому (что вы) всѣ, сколько мнѣ помнится, въ этотъ день получаете казенное жалованье. Прощай. Отвѣтъ адресуй въ *Гастейнъ*, что въ Тироля. Поклонись и обними всѣхъ любящихъ меня.

XXVIII.

Римъ. 19 апрѣль. (1843).

Едва отправилъ я вчера къ тебѣ письмо, какъ получилъ твое, со вложеніемъ 300 р. серебр. Благодарю тебя не столь-

ко за присылку, сколько за готовность. Я уже уведомилъ тебя въ предыдущемъ письмѣ, что получилъ изъ Москвы деньги на франки безъ малаго 4000, а на рубли 3500. И потому ты сдѣлай запросъ Шевыреву — надобно ли тебѣ выслать имъ эту сумму изъ твоихъ экземп., или они надѣются уплатить ее изъ находящихся у нихъ экземпляровъ? объяснивши, имъ что у тебя предстоятъ уплаты Жуковскому и Данилевскому. Прежде всего, натурально, ты пополни себя, иначе будетъ безпорядокъ. Распоряженія твоя всё хороши. Относительно цѣны за книгу, какъ Плетневъ, такъ и ты, совершенно правы: болѣе 25 р. никакъ нельзя пустить, хотя Москва и подумаетъ, что дешево. Но лучше пусть покупатель похвалитъ за дешевизну, чѣмъ побранитъ за дороговизну. Пожалуста пришли мнѣ экземпляръ черезъ Моллера, вмѣстѣ съ листками критики бывшей въ Отечест. З., какъ на М. Д., такъ и на «Сочиненія»; и прикажи писцу непременно списать для меня критики Сенковского и Полеваго на то и на другое. Это мнѣ необходимо нужно. Присовокупи также къ этому «Статистику Россіи» Булгарина, въ 4 частяхъ, а если вышла и Географія его, то и Географію его. Все это Моллеръ не откажется взять, я знаю. Онъ мнѣ привезетъ это въ Дюсельдорфъ въ концѣ іюня или началѣ іюля. Да зайдѣ въ Топографическое наше Депо и купи для меня карту Россіи. У меня слишкомъ громоздка и неудобна къ тасканію, да и стара. Купи ихъ подклеенными и готовыми: Европейскую Россію особенно, а Азіятскую тоже особенно, разумѣется новѣйшія, какія есть, съ подробностями; но величиной, чтобы была не больше того, сколько нужно для покрытія двухъ ломберныхъ столовъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, даже меньше, словомъ, чтобы была емка. Азіятскую сколько можно по меньше. Прощай. Обнимаю тебя.

Не дурно бы послать одинъ экземпляръ моихъ сочиненій въ Харьковъ Преосвященному Инокентію, приложивши отъ себя записочку, что, по порученію моему, ты посылаешь ему экземпляръ.

XXIX.

Мюнхенъ. Мая 28 (1843).

Твое письмо меня еще болѣе удивило, чѣмъ, вѣроятно, удивило мое тебя. Откуда и кто распускаетъ всякіе слухи

обо мнѣ? Говорилъ ли я когда нибудь тебѣ, что буду самъ лѣтомъ въ Петербургѣ? или, что буду печатать 2 томъ въ этомъ году? и что значать твои слова: *не хочу тебя обижать подозрѣнiемъ въ лнности до такой степени, что будто ты не приотвилъ 2-го тома М. Д. къ печати?* Точно М. Д. блинъ, который можно вдругъ испечь. Загляни въ жизнеописанiе сколько нибудь знаменитаго автора или даже хотя замѣчательнаго. Что ему стоила большая обдуманная вещь, которой онъ отдалъ всего себя и сколько времени заняла? — Всю жизнь, ни больше, ни меньше. Гдѣ жъ ты видѣлъ, что бы произведшiй эпопею, произвелъ сверхъ того пять-шесть другихъ. Стыдно тебѣ быть такимъ ребенкомъ и не знать этого. Отъ меня менѣе всего можно требовать скорости тому, кто сколько нибудь меня знаетъ. Во-первыхъ уже потому, что я терпѣливѣе, склоненъ къ строгому обдумыванью и притомъ еще во многомъ терплю всякiя помѣшатель(ства) отъ всякихъ болѣзненныхъ припадковъ. М. Д. не только не приготовленъ 2-ой томъ къ печати, но даже и не написанъ, и раньше двухъ лѣтъ (если только мои силы будутъ постоянно свѣжи въ это время) не можетъ выдти въ свѣтъ. А что публика желаетъ и требуетъ 2-го тома — это не резонъ: публика можетъ быть умна и справедлива когда пмѣетъ уже въ рукахъ, что надобно разсудить и (надъ чѣмъ) поумничать; а въ желанiяхъ публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенною минутною потребностью. Да и почему знаетъ она, что такое будетъ во 2 томѣ? можетъ быть тѣ, о чемъ даже ей не слѣдуетъ и знать и читать въ теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для 2 тома. Тебѣ тоже слѣдуетъ подумать и то, что мои сочиненiя не должны играть роли журнальныхъ статей и что ими не нужно торопиться всякую мишуту, какъ только замѣчаешь, что у публики есть апетитъ. Они писаны долго, въ обдумыванiи многихъ изъ нихъ прошли годы, а потому неудобноли читателямъ моимъ тоже подумать о нихъ на досугѣ и всмотрѣться пристальнѣй. Умный резонъ: потому что въ продолженiи одного года я выдалъ вдругъ слишкомъ много, такъ подавай еще столько же. Чѣмъ же я виноватъ, что у публики глупа голова и что въ глазахъ ея я тоже самое, что Поль-де-Кокъ: Поль-де-Кокъ пишетъ

по роману въ годъ, такъ почему жъ и мнѣ тоже не написать; вѣдь это тоже моля романъ, а только для шутки названъ поэмою. Твои причины о пользѣ выхода 2 тома для прежнихъ, и для расхода успѣшнѣйшаго вообще моихъ сочиній справедливы совершенно, и все это мнѣ весьма знакомо. Но нужно предположить иногда и то, что я могу кое что знать еще съ моей стороны и что человѣкъ, который отошелъ отъ дѣлъ и сталъ въ сторонѣ, тоже что, на якорѣ, и дагѣ можетъ оглянуть море, чѣмъ тѣ, которые носятя среди его и заняты безпрестанной работой съ крутящимися вокругъ ихъ всякими волнами. По моимъ соображеніямъ сочиненія мои должны были туго идти, и объ этомъ я писалъ въ Москву еще за мѣсяць до выхода ихъ въ свѣтъ на ихъ предположеніе о большемъ ихъ успѣхѣ. Въ слѣдствіе этихъ же моихъ соображеній, я знаю тоже хорошо, что эти же сочиненія мои пойдутъ быстрѣе и быстрота ихъ расхода будетъ увеличиваться по мѣрѣ какъ будетъ исчерпываться изданіе, хотя это совершенно въ противность законамъ книжной торговли. Ты подумай между прочимъ и то, что еще не заговори(ли) журналы о нихъ серьезно. Еще не успѣла о нихъ явить(ся) ни одна дѣльная статья. А вотъ надосугѣ, когда имъ нечего будетъ дѣлать, они примутся за меня, и тогда только слухъ о нихъ обойдетъ всю Россію. Представь себѣ еще то, что половина Россіи увѣрена, что это больше ничего, какъ только собраніе всѣхъ сочиненій моихъ, уже напечатанныхъ и поваго между ними нѣтъ, или очень мало. О моихъ соображеніяхъ я уже не говорю. Это потребовало бы мѣста и времени, да и страхъ скучно. А ты, между прочимъ, выручаемыми деньгами прежде всего удовлетвори себя такъ, что бы я тебѣ ни копѣйки не былъ долженъ; а деньги свои приберегай. Въ предпріятіе ни въ какое не пускайся, но когда будетъ время — наблюдай лишь внимательно за ходомъ всего. Ты изумишься потомъ, сколько у насъ есть путей для изворотливаго ума обогатиться, принеся пользу и себѣ и другимъ. Но объ этомъ послѣ. А все таки хорошо, что ты набрался опыту и въ книжномъ дѣлѣ. Увѣдоми меня сколько ты выслалъ (экземпляровъ) Шевыреву, и сколько ихъ осталось у тебя, и всѣ ли они налицо, и гдѣ хранятся?

Шевыреву нужно будетъ высылать по всякому востребованію столько экземпляровъ сколько потребуютъ мои дѣла въ Москвѣ: уплата долговъ и всякихъ... Прощай. Будь здоровъ. Не забывай писать ко мнѣ и адресуй въ Дюссельдорфъ, poste restante. Съ нетерпѣніемъ жду Моллера, съ тѣмъ чтобы получить отъ него экземпляръ, который ты обѣщаль прислать мнѣ съ нимъ.

XXX.

Дюссельдорфъ. Сентября 24. (1843).

Книги я получилъ, посланныя съ Моллеромъ, за которыя благодарю тебя. Критики я прочелъ также всѣ съ большимъ аппетитомъ. Жаль только, что ты не исполнилъ вполнѣ моей просьбы и не прислалъ ихъ всѣхъ. Зачѣмъ ты не велѣлъ скорописцу списать критикъ Сенковскаго? Ихъ бы можно было уписистымъ почеркомъ вмѣстить на двухъ-трехъ листахъ почтовой бумаги и прислать прямо по почтѣ. Намъ слѣдуетъ все знать, что ни говорятъ о насъ, и не пренебрегать никакими мнѣніями, какія бы причины ихъ не внушали. Кто этого не дѣлаеть, тотъ просто глупъ и никогда ни будетъ умнымъ человѣкомъ. Мы люди вообще подлецы и не любимъ, или позабываемъ оглядываться на себя. Изданіе сочиненій моихъ вышло не въ томъ вполнѣ видѣ, какъ я думалъ, и виною, разумѣется, этому я, не распорядившись аккуратноѣ. Книги, я воображалъ, выйдутъ благородной толщины, а, вмѣсто того, онѣ такія тоненькія. Типографщикъ далъ мерзкую бумагу; она такъ топка, что сквозить, и цѣна 25 рублей даже кажется теперь большою, въ сравненіи съ маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли отъ неправильнаго оригинала и принадлежатъ писцу или даже мнѣ. Все, что отъ издателя — то хорошо, что отъ типографіи — то мерзко. Буквы тоже подлыя. Я виновать сильно во всемъ. Во-первыхъ, виновать тѣмъ — ввелъ тебя въ хлопоты, хотя тайный умыселъ мой былъ добрый. Мнѣ хотѣлось пробудить тебя изъ недвижности и придвинуть къ дѣятельности книжной; но вижу, что еще рано. Много еще всякихъ дразговъ, и до тѣхъ поръ, пока я не переѣду

совершенно на Русь, нельзя начинать многого. Самъ я теперь бѣгу отъ всякаго дѣла. Не хотѣлъ бы и слышать ни о чемъ, а между тѣмъ вижу, что никакъ нельзя увильнуть самому отъ того, чтобы не впутаться въ свои дѣла. Увѣдомь меня поскорѣе, въ короткихъ словахъ: 1-е — сколько продано экземпляровъ? 2-е — сколько послано въ Москву? 3-е — сколько осталось на лицѣ? Ты еще меня не увѣдомилъ до сихъ поръ. Отъ Шевырева я уже имѣю подробный отчетъ. Отъ тебя еще ни слова. Я также на тебя еще долженъ сердиться за то, что ты не сказалъ мнѣ прежде ни слова о типографіи и таялъ отъ меня долго. И потому ради Бога отвѣчай мнѣ поскорѣе. Раздѣлался ли ты совершенно съ типографіею, то-есть я разумѣю не о платежѣ твоими деньгами, а монни? и потомъ на всѣ три упомянутые запроса: 1) сколько продано экземпляровъ? 2) сколько послано въ Москву? и 3) сколько на лицо? Все это мнѣ нужно знать сильно, дабы распорядиться и предотвратить заранѣе все, то-есть предпринять другія мѣры въ случаѣ недостатка денегъ. Боюсь я сильно, что(бы) мнѣ не досталось бѣдствовать гдѣ нибудь на дорогѣ, тогда какъ я расположилъ сроки и соображаю во всемъ съ ними. Получаю я деньги, какъ я уже тебѣ писалъ, два раза въ годъ. Три тысячи мнѣ должны высылаться къ 1-му октября, а 3-къ 1 мая, и потому вы, за мѣсяцъ до срока, должны увѣдомить другъ друга, Шевыревъ тебя, а ты Шевырева, въ какомъ положеніи ваши дѣла и деньги. Шевыревъ написалъ мнѣ, что онъ уже увѣдомилъ тебя, но отъ тебя еще отвѣта не имѣеть. А между тѣмъ еще въ Москвѣ не уплачена часть долговъ моихъ, которая меня очень беспокоитъ. Отошли теперь же Шевыреву тысячу экземпляровъ въ Москву сверхъ высланныхъ прежде. Онъ съ ними сдѣлается, извернется и не потеряетъ копѣйки. Я не знаю въ точности никого ему равнаго. Съ «Мертвыми Душами» и съ посланными ему экземплярами отъ тебя онъ распорядился прекрасно и во всемъ до послѣдняго нуля прислалъ отчетъ. Теперь, сообразя всѣ мои грядущіе доходы, я вижу, что большое сдѣлалъ неблагоразуміе, затѣявъ изданіе въ Петербургѣ. Восемь тысячъ я потерялъ изъ собственнаго камана. Самъ отнял у себя. Напечатаніе тома «Мер-

твѣхъ Душъ» мнѣ стало 2 тысячи. Четыре подобныхъ тома составили бы 8 тысячъ, а въ Петербургѣ изданіе этихъ томовъ обошлось ровно вдвое больше. Обо всемъ этомъ я помышлялъ уже въ Петербургѣ и мнѣ хотѣлось перенести изданіе въ Москву, но манила скорость печати и желаніе видѣть прежде напечатанными въ собраніи тѣ пьесы, которымъ должно было играть на театрѣ. Причину сего отчасти ты поймешь и самъ; но все пошло на выворотъ. Какъ бы то ни было, но что случилось, то случилось, а что случилось, то вѣрно случилось для того, чтобы былъ человекъ умнѣе и узналъ бы кое-что, чего не зналъ. На меня не сердись за это бремя, можетъ быть тяжкое. Какъ бы ни тяжело оно было, и какъ бы ни потерпѣлъ ты чрезъ это, все будетъ вознаграждено. У меня все стоитъ въ счету, и какъ я ни бѣденъ теперь, какъ ни немогъ, но возмогу потомъ много такого, что кажется теперь совсѣмъ невозможно. Затѣмъ цалую тебя; исполни пунктуаль(но) всѣ мои просьбы до одной, какъ необходимый законъ, и прощай до слѣдующаго письма.

Твой Гоголь.

Адрессуй въ Дюсельдорфъ (Dusseldorf en Prusse, poste restante). Скорѣе, сколько возможно.

XXXI.

Неаполь. Апрѣля 28 (1847).

Давно уже я не писалъ къ тебѣ. Ты также давно не писалъ ко мнѣ. Если ты думаешь (особенно послѣ прочтенія моей книги (20), что я перемѣнился, или сталъ не тотъ, что былъ прежде, то скажу тебѣ, что я все тотъ же и почти тоже самое люблю, что любилъ въ юности моей, хотя и не открывалъ никому многихъ сокровенныхъ чувствъ; разница вся въ томъ, что теперь многое во мнѣ стало проще (по книгѣ не суди), и что я больше чѣмъ когда либо люблю старинныя мои связи и прежнихъ друзей моихъ, особенно тѣхъ, съ которыми отъ незабвеннаго Нѣжина началась моя дружба. А потому напиши мнѣ хоть нѣсколько словечекъ о себѣ: что ты теперь дѣлаешь? что приходятъ тебѣ на

(20) «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», которыя вышли въ свѣтъ въ началѣ 1847 года.

Прим. Н. Гербеля.

мысль? какъ тебѣ живется и какъ все, что составляетъ домашній кругъ твой и все что вокругъ тебя? Этимъ ты меня очень порадуешь, если тебѣ пріятно меня порадовать. Письмо адрессуй на имя Жуковскаго во Франкфуртъ. Отъ Данилевскаго я получилъ письмо, который также о тебѣ спрашиваетъ. Онъ также о тебѣ не знаетъ ничего. Увѣдоми меня также о всѣхъ изустныхъ толкахъ, какіе тебѣ случается слышать о моей книгѣ. Я бы очень желалъ знать, что говорятъ о ней разные чиновники средней руки, всѣхъ сортовъ учителя, равно какъ и люди намъ обоимъ съ тобой знакомые. Прощай! Болѣе не распространяюсь, потому что пишу на угадъ, незная попрежнему ли ты живешь въ 9 линіи и придетъ ли къ тебѣ въ руки письмо мое. Не попустишь и пиши по больше. Обнимаю тебя.

Твой Г.

- XXXII.

Д. Василевка 1848. Іюнь 20.

Увѣдоми меня хотя двумя словечками о себѣ, живъ ли ты, здоровъ и какъ идетъ твое (житье-) бытѣе. Я думалъ было пріѣхать на прямикъ въ Петербургъ, и потому не писалъ къ тебѣ, но дѣло поворотилось не такъ: мнѣ придется еще съ мѣсяцъ прожить въ деревнѣ, потомъ въ Москву. Въ концѣ августа только надѣюсь заглянуть въ Петербургъ. Я, славу Богу, кое какъ еще держусь на свѣтѣ, не смотря на болѣзни и холеры вокругъ, хотя и не такъ свѣжъ и бодръ, какъ во время путешествія по Востоку и даже во время дороги въ Россію. О прочемъ всемъ переговоримъ лично. Въ письмѣ не знаешь съ котораго конца начать. Передай мой задушевный поклонъ супругѣ и погладь по головкѣ дѣтокъ. Жду отклика нетерпѣливо.

Твой Н. Гоголь.

Между прочимъ просьба:

Подпишись за меня на журналъ Башуцкаго «Иллюстрацію» за текущій 1848 годъ, съ пересылкою въ Полтаву на имя Марьи Ивановны Гоголь. Первые нумера, вышедшіе доселѣ отъ 1-го января, до сего мѣсяца, чтобы высланы были всѣ разомъ, а прочіе исправно всякую недѣлю.

Мой адрессъ: въ Полтаву.

XXXIII.

Мартъ 29. Москва (1851) (21).

На твое письмо не отвѣчалъ, въ ожиданіи лучшаго расположенія духа. Съ новаго года напали на меня всякаго рода недуги. Все болѣю и болѣю: климатъ допекаетъ. Куда убѣжать отъ него, еще не знаю; пока не рѣшился ни на что. Радъ, что ты здоровъ и твое семейство также. По настоящему слѣдуетъ позабыть свою хандру, когда видишь, что друзья и близкіе еще, славу Богу, здравствуютъ. Впрочемъ, и то сказать: надобно знать честь. Мы съ тобой, славу Богу, перешли сорокъ лѣтъ, и во все это время ничего не знали кромѣ хорошаго, тогда какъ иныхъ вся жизнь одно страданіе. Да будетъ же прежде всего на устахъ нашихъ благодарность. Болѣзни приостановили мои занятія) «Мертвыми душам(и)», которы(я) пошли было хорошо. Можетъ быть болѣзнь, а можетъ быть и то, что какъ поглядишь, какіе глупые настаютъ читатели, какіе безтолковые цѣнители, какое отсутствіе вкуса... просто не поднимаются руки. Странное дѣло, хотъ и знаешь, что трудъ твой не для какого нибудь переходнаго современной минуты, а все таки современное нестройство отнимаетъ нужное для него спокойствіе. Увѣдоми меня о себѣ. Все же и въ твоей жизни, какъ дни ея повидимому ни похо(дятъ) одинъ на другой, случится что нибудь не ежедневное: или прочтется что нибудь, или услышится, или сама собой, какъ подарокъ съ неба, почувствуется такая минута, что хотѣлъ бы благодарить за нее долго, и быть вѣчно свѣжимъ и новымъ въ своей благодарности. Адрессуй по прежнему: въ домъ Талызина, на Никитскомъ бульварѣ. Супругу и дѣтокъ обними.

Твой весь Н. Гоголь.

(21) На этомъ письмѣ стоитъ отмѣтка Прокоповича: «последнее».

Прим. Н. Гербеля.

Графиня Монтэваль.

(Легенда.)

Стала зима.... зашумѣли дожди.... Въ Ардіэрской долинь
Мутный потокъ по наклонному руслу змѣей извивался,
Жадно глотая дорогой деревья, vorочая камни;
Съ высей окружныхъ за нимъ, какъ змѣята, сползали
Тонкія струи и въ злобѣ безсиьной шишѣли,
Твердыя перси гранита, одну за другой, уязвляя.
Городъ Божё былъ затопленъ; лачужки и ветхія зданья,
Словно въ испугѣ, къ подошвѣ обрыва скалистаго жались.
Вѣтеръ по улицѣ вылъ и шатался, какъ пестъ отоцалый;
Къ ночи сильнѣй холодало, а снѣжныя хлопки крутились,
Прялися въ сѣтку, спускалися бѣлой, сплошной занавѣской,
Такъ что и замка Божё, и скалы его не было видно....
Только кой-гдѣ просверкнетъ и погаснетъ, какъ искра, окошко.

Въ эту-то пору, въ декабрьскій, холодный и пасмурный вечеръ,
Съ поздней работы домой возвращался усталый могильщикъ.
Въ дверь постучался; — ему отворили.... Худая — худая
Дѣвочка лѣтъ девяти на порогѣ обитомъ стояла,
Слабый ночникъ закрывая отъ вѣтра продрогшей рукою,
— «Батюшка» вскрикнула, «ждали давно мы тебя, — не дождались.
Радость Господь посылаетъ намъ: маленькій братецъ родился....
Матушка крѣпко кричала, да бабушка съ ней.... не отходить....
Такъ-что мы обѣ съ утра не видали ни крошечки хлѣба....
Ты вѣдь принесть намъ, не правдами?.... Я голодна какъ котё-
вокъ....»

Молча-нахмуясь, ступилъ за порогъ своей двери могильщикъ....
 Молча-рыдая, склонился надъ бѣдной и дряхлой постелью,
 Молча-рыдая, крестилъ, цѣловалъ онъ и мать, и ребенка,
 Молча сѣлъ за-столъ.... На руку сама голова опустилась;
 Самп собой заропилъ въ ней неотвязныя думы.

Думалъ онъ:

«Господи! вотъ умерла и графиня Сусанна,
 Мать сердобольная спрыхъ и бѣдныхъ.... ее хоронили,
 Какъ подобаетъ графинѣ.... И графъ Монтэваль неутѣшенъ....
 Истинно горько.... И намъ, бѣднякамъ, помогли-бы навѣрно....
 Съ мертвой что взять?....»

И задумался накрѣпко бѣдный мо-
 гильщикъ....

Было надъ чѣмъ:

Монтэвали въ супружествѣ два года жили
 Такъ, что кругомъ себя Божьяго міра, глядя, не видали:
 Точно-какъ голубь съ голубкой гнѣздо потаенное виш....
 Но.... захворала графиня какимъ-то особымъ недугомъ:
 Прежде безсонница, слабость; по тѣлу какъ-будто мурашки;
 Послѣ за сердце хватило.... и вдругъ ее грянуло объ-поль....
 Графъ испугался.... Врачи, какъ грачи, налетѣли всею стаей....
 Стали усердно графиню лечить, но все чаще-и-чаще
 Обморокъ съ нею случался, и жаркая жизнь застывала
 Съ часу-на-часъ въ молодомъ и изнѣженномъ тѣлѣ....
 Ночью однажды она приподнявшись тревожно въ постелѣ,
 Крикнула: «дайте воды мнѣ, воды!» опрокинулась навзничъ,
 И.....
 Трехъ минутъ не прошло — какъ врачи изступленному графу
 Тщетно шептали: «Молитесь Господу, графъ: отстрадала!»
 Въ прежніе старые годы смотрѣли на смерть христіански:
 День похоронный въ тѣ годы, считался кануномъ воскреснымъ;
 Какъ подъ вѣнецъ убирали покойныхъ и въ гробы ихъ клали —
 Съ радостной мыслию встрѣтить ихъ на небѣ въ брачномъ нарядѣ.
 Вѣренъ былъ церкви и графъ: оградившись крестомъ живот-
 ворнымъ,
 Мощно сдвигъ онъ змію подсердечную, слезы и горе —
 Все позабыгъ для великаго часа святаго обряда,
 И приказалъ — совершать надъ усопшей обычныя требы....

Тѣло графини обмыли; одѣли въ богатое платье;
 Свѣжимъ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ бѣло-мраморный лобъ ей обвили;
 Перстни на пальцы надѣли, — всѣ лучшіе перстни покойной...
 Два дня спустя, по скалистой и узкой дорогѣ, изъ замка
 Поѣздъ печальный тянулся торжественно къ церкви Божейской:
 Тамъ, подъ церковными хорами, въ пращурномъ склепѣ семейномъ,
 Были должны упокоиться юной графини останки...
 Всѣ обыватели были на скорбной ея панихидѣ,
 И съ внѣшномъ кадила молитвы ихъ къ небу неслися,
 За упокой ея духа въ небесныхъ селеніяхъ съ миромъ....
 Вотъ литію ужъ пропѣли, и вотъ отошла панихида,
 Вотъ по ступенькамъ и гробъ незаклепанный сносятъ монахи,
 Вотъ онъ и скрылся... Тогда-то раздалось по церкви рыданье.
 Графъ зарыдалъ и шатнулся: сломилась желѣзная воля, —
 И на рукахъ домочадцы снесли его замертво въ замокъ.

— «Съ мертвой что взять?....» Думалъ Жакъ....

И неволью предъ нимъ появился
 Образъ усопшей графини, въ вѣнкѣ на челѣ поблѣднѣломъ,
 Въ платьѣ богатомъ.... На зѣмершихъ персяхъ скрещенныя руки
 Золотомъ, жемчугомъ, свѣтлыми камнями перстней сіяли...
 Всталъ онъ.... фонарь снялъ съ ржаваго гвоздика.... — «ждите!»
 промовилъ.

«Буду я скоро....» И вышелъ....

Ненастье и было ненастьемъ,
 Только ни снѣга, ни слякоти ѣдкой встревоженный Жакъ не
 замѣтилъ.

Грудь на распашку, безъ шапки, зажженный фонарь подъ полою,
 Словно горячечный, шелъ онъ къ собору старинному прямо....
 Встрѣчные граждане всѣ отъ него сторонились; по рынку,
 Словно чума, онъ прошелъ — испугались даже торговки:
 Такъ онъ былъ страшенъ и блѣденъ, и тайною мыслью встре-
 воженъ....

Думали: «знать не за добрымъ пришлось челоуѣку изъ дому
 Выйти, что вышелъ онъ къ ночи въ глухую ненастную пору.»
 Думали такъ, а кто вѣзрился: «Э! да вѣдь это могильщикъ....
 Имъ и Господь приказалъ полуночничать: видно, что церковь
 Надо ему отпереть — потому и торопится бѣдный....»

Темной и сонной, но чутко уснувшей каменной грудой
 На небѣ облачною еле-види́лась громада собора;
 Южныя двери сомкнулися въ дрѣмѣ.... Когдаже могильщикъ
 Къ нимъ подходилъ, показалось ему, будто крѣпкіе створы
 Медленно, словно покойника тяжкія вѣки, раскрылись,
 Будто ресницы моргаютъ и холодомъ на-сердце пашутъ,
 Будто глядитъ на него провалившійся глазъ изъ-за двери....

Скрипнули петли.... Пронесся подъ сводомъ глухой отголо-
 сокъ....

Звучными хорами Жакъ къ алтарю перешелъ торопливо;
 Сзади престола-свѣтильника, приподнялъ дверь онускную,
 И въ погребальныя склепы по лѣстницѣ узкой спустился.
 Было въ нихъ мрачно и сыро, и затхло, и вѣяло смертью;
 Кой-гдѣ туманною звѣздкой мерцала во мракѣ лампада;
 Справа и слѣва, стояли, надмѣнно красуясь гербами,
 Доблестныхъ графовъ, графинь, баронессъ и бароновъ гробницы:
 Лиліи, бердыши, копыя, шелома, мечи и знамена
 Вдоль по стѣнамъ, обомшившимся плѣсенью сѣрой, тянулись;
 На горностаевыхъ мантияхъ громко гласили девизы
 О пресловутыхъ дѣяннѣяхъ усопшихъ.... Изъ каждой гробницы
 Слышалось вѣщее слово евангеля: «*Во время оно....*»

Гробъ Монтэваль, по обряду, одѣтъ былъ парчевымъ по-
 кровомъ;

Подлѣ лежала плита положеннаго чернаго камня:
 Ею за утро останки усопшей графини Сусанны
 Были должны отдѣлиться на вѣки отъ дольнаго міра....
 Сдернулъ парчу золотую привычной рукою могильщикъ;
 Смѣло ножомъ отвинтилъ заколоченный гробъ и небрежно
 Сбросилъ тяжелую крышу на старыя плиты помоста,
 Такъ-что на трупъ покойницы вся пелена колыхнулась
 И лепестки у нея задрожали въ вѣнкѣ погребальномъ....
 Жакъ ничего не выдавъ, пелену торопливо откинулъ,
 И съ охладѣлой руки сталъ снимать драгоценныя перстни....
 А хорошо снарядилась въ гробъ молодая графиня,
 словно какъ вспрыснулась мертвой водой, и живой поджидала.
 Синяя тѣнь окружила потухшія синія очи;
 Синяя тѣнь между губъ горделивой улыбкой застыла;
 Кудри, какъ травка, спаленная лѣтней грозой, золотились;

Строго нахмурились брови, какъ будто на бой одиночный
Самую смерть вызывала съ презрѣньемъ графиня Сусанна.
Жакъ ничего не видалъ....

Не снимались упрямые перстни
Съ пальцевъ покойной графини.... И выступилъ потомъ холоднымъ
Ужасъ на блѣдномъ челѣ у могильщика....

Еслибъ не мысли

О захворавшей женѣ и о дѣтяхъ, навѣрно-бы кинулъ
Жакъ свой фонарь и свой ножъ, и бѣжалъ безъ оглядки изъ
склепа;

Но передъ нимъ ночникомъ изъ окошка моргала лачужка,
Гдѣ умирали отъ голода дѣти и мать ихъ больная....

«Нѣтъ, не погибнуть!» подумалъ онъ. «Что ей въ запястьяхъ и
перстняхъ?

Развѣ за золото-камни покойникамъ рай отворяютъ?
Память тебѣ вѣковѣчная.... Только прости мнѣ, графиня!
Жакъ не себя, а свою безпомощную семью спасаетъ!»
Крѣпко схватилъ ее за руку онъ.... И ему показалось,
Будто въ отвѣтъ ему руку легонько графиня пожала,
И содрогнулась въ немъ каждая жилка, и чуть онъ не вскрик-
нулъ....

Но — пролетѣло мгновенье — онъ снова взялъ мертвую руку,
Ножъ приловчилъ и глубоко надрѣзалъ всю кисть у покойной....
«Охъ, какъ мнѣ больно!» покойница крикнула....

Ножъ такъ и выпалъ

Изъ пораженной, какъ громомъ небеснымъ, руки святотатца....
Но оглянулся Господь милосердый на бѣднаго Жака,
На нищету и любовь, искусившую честное сердце:
Не обезумѣлъ несчастный могильщикъ отъ смертнаго страха,
Не завершилъ преступленьемъ кровавымъ проступка, а прямо
Бросился въ замокъ Божѣйскій....

Его неутѣшный владѣлецъ

Спать не ложился: въ молельнѣ, при свѣтѣ полночной лампы,
Онъ на колѣняхъ стоялъ и ломалъ себѣ руки, рыдая
Передъ Распятъемъ....

Могильщика еле пустили,

Какъ ни кричалъ и не клялся онъ всѣми святыми, что графа
Долженъ немедленно видѣть.

Давно уже за-полночь было,

И пѣтухи ужъ пропѣли, когда опустили для Жака
Цѣпи подземнаго моста....

Но какъ покаянно признался
 Жакъ въ своемъ умыслѣ графу, то знали Божѣйскія стѣны,
 Да развалились онѣ, поросли лопухомъ и крапивой
 И ничего не расскажутъ....

А старые люди слышали,
 Что ужь не въ склепѣ графиню нашли—на ступенькахъ алтарныхъ
 (Вѣрно, очнувшись, на свѣтъ фонаря, добралася до церкви).
 Что воспріемникомъ былъ отъ купели у Жакова сына
 Графъ Монтэваль, а графиня Сусанна лежала съ недѣлю,
 Или съ другую, да послѣ и встала на долгіе годы,
 И никогда своей милостью графской семьи умножавшейся Жака
 Не оставляла....

Должно-быть, Господь испытуетъ и смертью
 Только за тѣмъ, чтобы въ вѣчность увѣровалъ смертный....

Должно быть....

Божьи пути намъ невѣдомы....

А рассказали мы правду.

Л. Мей.

26 Янв. 1858 г.

РАЗСКАЗЪ ВДОВЫ.

Эта вдова была очень странная, молоденькая дама. — Я постоянно встрѣчалъ её въ траурѣ. Встрѣтиться съ ней было не трудно, потому что она не чуждалась общества; по гдѣ бы она ни была, какъ бы ярко ни горѣли свѣчи, какъ бы радостно ни звучали клавиши подъ пальцами заѣзжаго артиста, какъ бы горячо ни спорили при ней молодые люди, рѣдко измѣнялось выраженіе лица ея, тихо-грустное и глубоко-сосредоточенное. — У блондинокъ съ свѣтлыми глазами, и съ волосами мягкими какъ пухъ, никогда не видалъ я строгаго лица — а у ней лице было до такой степени честное, что казалось строгимъ; — лобъ у ней былъ не высокъ, не широкъ и не узокъ — это былъ очень стройный лобъ, съ выпуклостями надъ бровями, которыя едва замѣтно и отгѣпняли ихъ; голубыя жилки сквозили на вискахъ; на ея блѣдныхъ, античныхъ, губкахъ, какъ на устахъ Минервы изрѣдка появлялась горкая улыбка. Я любилъ наблюдать за ней издали: когда бывало въ сумерки, или гдѣ нибудь въ уголкѣ, сидитъ она одна и свѣситъ голову, я замѣчалъ, губы ея слегка шевелились; но — молплась она или бесѣдовала сама съ собой — Господь ея вѣдаетъ! Никогда не жаловалась она на скуку, и никому не навязывала своихъ воспоминаній. — Сначала пробовали ея разсѣять, потомъ оставила её въ покоѣ — у ней не было ни отца, ни матери, за то было безчисленное множество родныхъ, принадлежащихъ къ фамиліямъ Московскихъ аристократовъ. Одна изъ ея родственницъ, пожилая, разбитная, свѣтская дама, совѣтывала мнѣ повочиться за интересной вдовушкой. Я отвѣчалъ, что этого

никогда не будетъ; а между тѣмъ, признаюсь, давно уже не замѣтно для другихъ, за ней ухаживаль. Сначала мнѣ хотѣлось, какъ нибудь, чѣмъ нибудь размѣшнить ея — не удалось: галантерейный вздоръ ея не трогаль. Сталь я говорить о природѣ, объ искусствѣ, вообще о такихъ предметахъ, на которыхъ не трудно практиковаться въ краснорѣчїи, озадачивать своимъ, или чужимъ умомъ, увлекаться и увлекать. Она молча слушала меня, даже, смѣю сказать, вслушивалась въ мои слова; но становилась еще серьезнее, или закрываясь платкомъ, начинала зевать. Я усумнился въ ея умъ, и сталь рассчитывать исключительно на ся сердце.

Одно лѣто, вмѣстѣ съ тетушкой, съ дядюшкой и кузинами, пожилыми дѣвами, проводила она близъ Москвы, а именно, въ Сокольникахъ. Тамъ, въ тѣ блаженные дни моей юности, я часто бываль у нихъ. Дядя ея широколицый, лысый, приземистый старичекъ рѣдко былъ внѣ своего халата; страстно любилъ пѣвчихъ птицъ, держать соловьевъ; по утрамъ самъ чистилъ клѣтки и насыпаль кормъ; и такъ какъ на дворѣ была голубятня, то и голуби пользовались благосклонностїю его превосходительства (онъ былъ Дѣйствительный Статскїй въ отставкѣ) носилъ очки и когда глядѣль на клѣтку или слѣдилъ за полетомъ голубя, стояль раскрывши ротъ и заложа одну руку за пазуху. Облекаясь въ сюртукъ или фракъ, онъ украшался всѣми имѣющимися у него орденами, былъ гостепріимень, не читаль новыхъ книгъ, и любилъ толковать о политикѣ. Жена его была похожа на него до безобразія, также носила очки и также раскрывала ротъ, когда къ ней въ гостиную входили гости. Дочки были большія хозяйки или лучше сказать руководѣльницы что несколько не мѣшало имъ выѣзжать въ большой свѣтъ, любить цвѣты, читать Филарета и слыть богатыми невѣстами. Вся семья была необычайно строгихъ правилъ, набожная, простая и неперемонная. У ихъ племянницы, Марьи Игнатьевны (вдову звали Марьей Игнатьевной), была своя комната на верху, куда ни кто не входилъ не постучавшись сначала въ дверь. Я никогда не былъ въ ея комнатѣ, видѣль только лѣсенку на верхъ, да лампадку, которая всю ночь бывало свѣтилась въ ея маленькомъ окошечкѣ.

Однажды вечеромъ, около семи или осьми часовъ, я застава въ Марью Игнатьевну на томъ же мѣстѣ, гдѣ я всего чаще встрѣчалъ её одну, а именно, въ роцѣ, на скамейкѣ, не далеко отъ землянаго вала, изъ за котораго видна была крыша ея свѣтѣлки и уголь голубятни. По черному платью, бѣлымъ рукавчикамъ, блѣдному личику, я всегда издали узнавалъ её. На этотъ разъ я подошелъ къ ней не безъ сердечнаго трепета.

Я не мѣшаю вашимъ размышленьямъ, сказалъ я, какъ Донъ-Жуанъ, въ Каменномъ гостѣ Пушкина, или вамъ все равно быть въ обществѣ или безъ общества.

— Это правда, мнѣ все равно, отвѣчала она своимъ дѣтскимъ голосомъ.

— Знаете ли что мнѣ странно въ васъ, вы все о чемъ то думаете; а между тѣмъ, вы вовсе не разсѣянны — О! вы всегда слышите всё что говорятъ.

— А развѣ вы думали, что я глухая?

Нѣтъ.... я этого вовсе не думаю, хоть вы и не отвѣчали мнѣ на одинъ вопросъ.

— На какой?... А, да!... — и она задумалась.

— Помните? я спросилъ васъ....

Да.... вы спросили меня; буду ли я любить васъ, если вы меня полюбите.

Я покраснѣлъ какъ красная дѣвушка; я никакъ не ожидалъ отъ нея такого спокойнаго повторенія словъ моихъ; никакъ не воображалъ себѣ, чтобы она могла произнести ихъ безъ всякаго даже скрытаго волненія; даже румянца не выступило на щекахъ, даже ресницы не опустились; выраженіе лица ея осталося по прежнему спокойно задумчивымъ.

Меня всё бранять, сказала она, что я до сихъ поръ не скидаю чернаго платья; неужели вы думаете, что это я дѣлаю изъ кокетства?

— Нѣтъ.

— Ну, быть можетъ вы полагаете, — изъ экономіи чтобъ не шить лишнихъ платьевъ?

— Нѣтъ — я и этого вовсе не думаю.

Чтожь вы думаете?...

— Я хотѣлъ что-то сказать, но нашелъ это «что-то» неумѣстнымъ, и промолчалъ.

— Если я не скидаю траура, значить, помню того, по комъ я ношу его, значить я еще люблю. Пусть даже это будетъ тѣнь — призракъ — мечта.

Послѣднія слова произнесла она такъ, какъ будто я уже возражаю ей, не безъ раздраженія въ голосѣ; руки приподнялись, въ глазахъ пробѣжала искра.

— Вашъ призракъ, сказалъ я не безъ горечи, и не пойметъ васъ и не будетъ вамъ сочувствовать; а любить мечту — это даже преступленіе. Вправѣ ли вы такъ рано похоронить ваше сердце?

— Самъ себя никто не хоронитъ: хоронятъ другіе.

Отвѣтъ не глупъ, подумалъ я про себя, и заговорилъ, слегка дотронувшись до ея нѣжной и худой руки, ну такъ воскресните! встрепенитесь! оживите!

Она молчала. Я ждалъ....

— А какъ вы думаете, мужъ мой слышитъ теперь нашъ разговоръ или нѣтъ? спросила она, потупившись.

— Я увѣренъ что нѣтъ; отвѣчалъ я засмѣявшись. Мнѣ показалось въ эту минуту что она шутитъ.

А почему вы такъ увѣрены? спросила она посмотрѣвши мнѣ въ глаза съ вопрошающимъ недоумѣніемъ.

— Неужели вы не шутя думаете, что тѣнь или душа вашего мужа ревнуетъ къ вамъ. Оставьте живое живымъ....

— Я знаю, что онъ не ревнуетъ.... Я не этого хочу. Чего она, глупая, хочетъ? подумалъ я.

Думайте, что я глупа, продолжала она спокойно. Можете даже подумать, что я немножко помѣшана.

Меня ошеломила эта пронизательность, невольно пришло мнѣ въ голову замѣчаніе какого-то доктора, что сумасшедшіе отлѣчаются иногда необыкновенной пронизательностію.

— Когда мужъ мой былъ живъ, сказала Марья Игнатьевна, онъ ни чему и ни кому не вѣрилъ; я хочу чтобъ онъ хоть теперь чему нибудь да повѣрилъ. Понимаете?

— Не понимаю....

— Развѣ вы не знаете что....

— Что?

— Вы не вѣрите.... ну, хоть вертящимся столамъ?

— Что они вертятся, это я вижу, а отъ чего вертятся этого я еще не знаю. Когда нибудь узнаю, потому что въ этомъ нѣтъ ничего сверхъ-естественнаго, — ничего сверхъ-естественнаго и нѣтъ въ естествѣ, т. е. въ природѣ.

— Я и сама не вижу въ этомъ ничего сверхъ-естественнаго. Сообщеніе душъ, это вѣроятно въ законахъ природы, которой мы также не знаемъ....

— А! я и не-зналъ, что вы такой мистикъ?

— А вотъ видите, надо прежде узнать и уже потомъ любить, проговорила она съ живостью, положила указательный палецъ правой руки на ладонь лѣвой. Въ томъ-то наша и бѣда, что мы не зная, любимъ.

Помилуйте, сказалъ я, что жъ это за любовь, которая всё видитъ и всё знаетъ. Я могу любить васъ со всѣми слабостями и даже дурными сторонами вашего характера, тѣмъ болѣе что любовь не только не отталкиваетъ нѣкоторыхъ нашихъ странностей, а напротивъ, охотно уживается съ ними, любить ихъ прощать и проч. и проч.

Она задумалась....

Быть можетъ вы и правы, начала она медленно, какъ бы не рѣшаясь сознаться, что я правъ; разъ ужъ я была наказана такою любовью. Только мѣсяцъ была я замужемъ — мѣсяцъ страданій! и я готова не только простить, рада воротить этотъ страшный мѣсяцъ.... Я зналъ, что она была замужемъ не болѣе пяти недѣль.... но заинтересованный разговоромъ меланхолической вдовушки, мнѣ захотѣлось мало по малу заставить её рассказать мнѣ исторію любви своей. Женщины, рассказывая о давно потухшей страсти или о слезахъ, пролитыхъ ими надъ прахомъ ихъ возлюбленныхъ, такъ иногда странно настраиваютъ свою душу, что готовы полюбить вторично и именно того, кому онѣ все это рассказываютъ. Марья Игнатъевна была исключеніемъ; но вѣдь кто жъ это зналъ, что я наткнулся на исключеніе. Я началъ съ того, что воскликнулъ съ самымъ наивнымъ изумленіемъ.

— Неужели только мѣсяцъ!

— Да....

— Одинъ только медовый мѣсяцъ! Скажите, васъ принудили выдти замужъ или вы сами вышли?

Такими вопросами мало по малу я довелъ её до разсказа, который въ краткихъ словахъ и передаю вамъ, но врядъ ли передамъ вамъ эту мягкость ея голоса, эту живую непоследовательность рѣчи. Сначала она только отвѣчала мнѣ и то не совсѣмъ охотно, подъ конецъ говорила такъ, какъ будто меня тутъ вовсе не было, говорила, глядя на красныя вечернія облака, которыя сквозили, въ глубину темной сосновой рощи, которая съ каждымъ часомъ становилась гуще и безлюднѣе. Признаюсь вамъ, я никогда не думалъ, чтобъ женщина, въ здоровомъ умѣ, могла что либо разсказывать, забывая слушателя.

Такъ говорила она между прочимъ:

«По принужденію? — нѣтъ! Я не могла выдти по принужденію. Меня любили, баловали, глядѣли на меня какъ на родную дочь. Ахъ какъ меня баловали! — Я сама захотѣла — и меня послушались. Моего жениха никто не зналъ, онъ свалился какъ съ неба; родные, у которыхъ я жила, конечно старались, прежде чѣмъ дали слово, узнать что это за человѣкъ; но въ Москвѣ его также никто не зналъ. Все послѣднее время онъ былъ за границей, учился и разъѣзжалъ. Онъ былъ далеко не бѣденъ, у него было даже порядочное состояніе и большія связи въ тѣхъ кружкахъ, куда мы очень рѣдко ѣздили. Графиня К. была его теткой. Богачи Инаковы были также ему сродни. Онъ готовился быть профессоромъ, но былъ человѣкомъ свѣтскимъ, велъ разсѣянную жизнь, такую, знаете, какую ведутъ артисты. Одна наша знакомая была съ нимъ очень дружна и приходила въ восторгъ отъ его заграничныхъ писемъ. Кузень мой, Саша Л ъ, былъ также отъ него безъ ума; онъ-то и ввелъ его въ нашъ патріархальный кругъ. Когда онъ былъ у насъ въ первый разъ... не знаю, что и сказать вамъ! это было наканунѣ глѣтняго Никола — мы тогда жили на Арбатѣ — онъ пріѣхалъ къ намъ послѣ всенощной; я ничего не знала и спокойно разливала чай въ сосѣдней комнатѣ; въ гостиной были гости — я услышала новый, незнакомый въ нашемъ домѣ, голосъ, и сама не знаю.... чего я испугалась, сердце мое такъ заби-

лась, такъ сильно забилось! Я отвернула кранъ самовара и стала вслушиваться. Переполнила чайникъ и чуть не обварила себѣ пальцевъ. Потомъ я вошла въ гостиную, присѣла и отошла въ уголокъ. Петя подозвалъ меня и упросилъ меня сѣсть къ нимъ поближе. Въ голосѣ гостя была какая-то дивно пѣвучая струна, отъ которой все лице мое горѣло. Я почувствовала неловкость.... мнѣ и уйти хотѣлось и хотѣлось остаться. Всѣ съ жадностью слушали его, такъ говорилъ онъ умно, такъ былъ остеръ и милъ, блѣдное, истомленное лице его казалось мнѣ самымъ живымъ лицомъ изъ тысячи лицъ, которыя я видѣла, и улыбка у него была волшебная, и блескъ его темныхъ глазъ казался такимъ золотымъ, такимъ добрымъ и ласковымъ! Онъ сталъ чаще ѣздить къ намъ, и я скоро съ нимъ познакомилась. Сначала я дичилась. Мнѣ казалось, что онъ смѣется надъ мной. Думала, Боже мой!—все меня обманываетъ, все, и его голосъ обманываетъ, и слова, и каждый взглядъ!... Я не только никого не любила, я даже не понимала романовъ, гдѣ описывались страсти; въ домѣ шутя звали меня монашенкой; у меня была мечта въ какой нибудь пустынѣ кончить мою молодость. Какъ же это такъ могло случиться, что я влюбилась. Мы, разговаривая, постепенно и незамѣтно признавались другъ другу. Онъ сталъ склонять меня на тайное свиданіе въ саду... я пришла въ ужасъ; помню, отошла отъ него къ дверямъ, остановилась на порогѣ и отрицательно покачала головой. Всю ночь, однакожь, снилось мнѣ, что я иду къ нему въ садъ.... нѣсколько разъ просыпалась и опять засыпала, и опять мнѣ чудилось, что я иду къ нему.... На другой день вечеромъ я узнала, что онъ у дяди просилъ руки моей. О, какъ глубока, какъ искренна была моя радость! Всѣ узнали, что я влюблена, и повѣсили голову. Домашнимъ стало жаль со мной растаться; стариковъ пугала неизвѣстность. Хотѣли на цѣлый годъ отсрочить свадьбу. Но Алтаевъ не хотѣлъ ни денегъ, ни приданаго, это всѣмъ понравилось, всѣхъ убѣдило — и недѣли черезъ три рѣшили: быть нашей свадьбѣ. Странны казались мнѣ иногда слова моего милаго; но тогда я мало вникала въ ихъ значеніе: такъ, разъ говорилъ онъ: не могу надивиться живучести моего сердца; от-

куда вдругъ — опять — любовь! Я люблю васъ глубоко и свято, и боюсь — эта свадьба, эта брачная жизнь помѣшаетъ мнѣ любить васъ.... Я приписывала это той невольной застѣнчивости, въ которой мужчины рѣдко признаются. Къ браку я готовилась какъ къ великому таинству; онъ былъ грустенъ и мраченъ наканунѣ свадьбы. Ну вотъ, господа, говорилъ онъ своимъ старымъ товарищамъ: «я я, какъ отравленный Сократъ, приношу жертву Ескулапу.» Въ церкви, когда кончилось вѣнчаніе, подошла къ нему съ поздравленіемъ крестная мать его, какая-то очень пожилая сутуловатая дама съ сѣдыми пуклями. Надѣюсь, мой милый, сказала она, ты теперь не станешь дѣлать глупостей. — Охъ! да, отвѣчалъ онъ, держа меня за руку, это моя послѣдняя, самая непростительная глупость! Я съ испугомъ взглянула ему въ лице. Но онъ былъ веселъ, шутилъ, острилъ, смѣялся, и я успокоилась. Я все до мельчайшихъ подробностей помню, что было въ этотъ вечеръ, какъ мы пріѣхали на его квартиру, какъ пили шампанское и съ какими лицами мои старики прощались со мной въ передней, какъ потомъ Александръ, женихъ мой, часу въ десятомъ, куда-то уѣхалъ съ шаферомъ. Я осталась одна съ Лизаветой, съ женой нашего дворецкаго; она должна была раздѣть меня.... Новость комнатъ, убранство спальни, все это меня и радовало и пугало и волновало.... Я переодѣлась, сняла съ головы подвѣнечные бѣлые цвѣты, сѣла въ кресла, складывала охолодѣвшіе пальцы, разсматривала вѣнчальное кольцо мое, какъ бы недоумѣвая точно ли я замужемъ, не сонъ ли это, и какъ это могло случиться? Ждала его, боялась что онъ пріѣдетъ, и опять ждала. Пришла полночь, я дремала отъ усталости, просыпалась въ испугѣ, вставала и съ лихорадкой въ сердцѣ, ходила по комнатѣ. Лизавета отворяла дверь, дивилась, ахала, куда пропалъ женихъ мой, даже начинала бранить его.... уговаривала меня лечь спать, а я Христомъ Богомъ умоляла ее оставить меня въ покоѣ. Около двухъ часовъ по полуночи, я вздрогнула; прогремѣлъ экипажъ и раздался звонокъ. Веселый, во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, вошелъ онъ въ спальню. Ахъ Мари! сказалъ онъ, цѣлуя меня, какъ тебѣ не грѣхъ безпокоиться и ожидать меня.... поступай всегда такъ, какъ ты поступала и прежде.

— Прежде мнѣ некого было ждать, отвѣчала я.

А я, вообрази, вздумалъ играть на бильярдѣ и заигрался. Признаюсь вамъ, я вспыхнула и надула губы... Какъ! думала я, въ такой день играть до двухъ часовъ ночи на бильярдѣ, забыть невѣсту, все забыть! О, еслибъ онъ вздумалъ оправдываться, я бы расплакалась... но славу Богу онъ даже и не извинился. Я только хотѣла сказать ему: «не вы ли сказали въ церкви, что бракъ—это ваша послѣдняя глупость,—зачѣмъ же вы ихъ продолжаете дѣлать? но у меня и на это неостало духу;» я только закрыла лице обѣими руками, и потомъ, когда онъ отвелъ ихъ, посмотрѣла на него съ упрекомъ, онъ понялъ взглядъ мой и сталъ мнѣ говорить о безконечности, объ искренности и глубинѣ любви своей. О! какъ чудно сладко звучалъ его голосъ. Я всему повѣрила и все забыла, мы сидѣли почти до разсвѣта; мои пальцы блуждали въ завиткахъ волосъ его, когда ко мнѣ на грудь склонялъ онъ свою темно-курчавую голову. Былъ уже день, когда онъ заснулъ у себя въ кабинетѣ, на диванѣ, утащивши съ кровати одну подушку. Я также спала крѣпко и невозмутимо и встала очень поздно. Въ это утро пріѣзжалъ ко мнѣ дядя мой съ подаркомъ; глупая Лизавета въ снѣгахъ рассказала ему все. Игратъ на бильярдѣ, въ такую ночь, показалось старику превосходящимъ мѣру всякаго вѣроятія. Мужъ мой вдругъ представился воображенію его негодяемъ, мерзавцемъ первой степени; какъ убитый воротился онъ въ семью свою. Погубили мы нашу Машу, сказалъ онъ. Въ этотъ же день, послѣ обѣда, утирая потъ, онъ подступилъ къ мужу моему съ легкимъ выговоромъ, его ободрило уже и то обстоятельство, что мужъ мой за семейнымъ столомъ не напился пьянъ, былъ со всѣми любезенъ, словомъ, велъ себя какъ всегда.

Александръ нахмурился и отвѣчалъ: А! это мое дѣло! не осудите и не осудимы будете!—Бѣдный дядя совершенно сконфузился; но, тотъ вдругъ захохоталъ, дружески положилъ ему на плечо руки, и сказалъ: а помните, милый Иванъ Петровичъ, вы рассказывали, какъ вы однажды, съ какой-то барыней, до трехъ часовъ ночи въ дурачки играли, А?...

Да вѣдь это не первую же ночь?

А чѣмъ первая хуже или лучше десятой!

Эхъ, молодое поколѣніе! сказалъ старикъ усмѣхаясь и отошелъ, шевеля на лбу своемъ, не совсѣмъ еще довольными морщинами.

Къ вечеру и дядя и тетя были о мужѣ моемъ опять самага високаго мнѣнія; а онъ весь вечеръ пресерьезно надъ ними тѣшилъ, браня неопытную молодежь, и куря оиміамъ осторожной и благоразумной старости. О! кто зналъ моего Александра, тотъ зналъ и то, что многіе люди въ рукахъ его были воскъ, изъ котораго онъ лѣпилъ все что ему угодно. Не отъ того ли всѣ искали его дружбы, даже тѣ, которые не могли его терпѣть и бранили его за глаза.... Доктора въ особенности его любили. А за что?... Богъ его знаетъ! Странно,—если лекарь поспорить съ лекаремъ, того и гляди что побранятся или возненавидятъ другъ друга на смерть, а онъ, бывало, и спорить и горячиться и —ничего! или всѣ эти лекаря знали, что ему не долго жить. Бѣдный, бѣдный мой Александръ!...

Прошелъ одинъ безпокойный день, пришла ночь. Рано утромъ, когда загорѣлась заря и засвѣтились узорныя гардины въ окнахъ, я проснулась и отвела рукой пологъ, чтобъ еще посмотреть на него при свѣтѣ ранняго утра. Боже мой! какъ я испугалась;—я хотѣла закричать и не могла; дыханіе сперлось въ груди моей. Возлѣ меня, на подушкахъ лежалъ мертвецъ да.... совсѣмъ мертвецъ. Неживая блѣдность покрывала лице его; черными полукружіями лежали длинныя ресницы на двухъ потемнѣвшихъ впадинахъ. Я ухватилась за его руку; рука показалась мнѣ холодною! Я вскочила какъ безумная, я хотѣла кричать на весь домъ; надѣвала туфли и искала колокольчика.... Потомъ я бросилась къ нему, приподняла его голову, и громко, съ подавленнымъ крикомъ стала звать его. Онъ проснулся, развелъ руки и спросилъ меня, что съ тобой, Мари? Я долго не могла придти въ себя, долго еще сердце мое волновалось и я тяжело дышала: Что съ тобою, Александръ? ты боленъ?—Нѣтъ. —Отъ чего же это?—Что? я не чувствую себя ни хуже ни лучше, а ты спала?—Да, я спала.—Я не хотѣла пугать его; онъ припалъ къ моему плечу и опять заснулъ; я опять опустила занавѣсъ. Онъ спалъ, но я уже не могла заснуть; когда я закрывала глаза

мнѣ все мерещилось мертвое выраженіе лица его. Я смутно поняла, я угадала женскимъ сердцемъ, какъ много онъ жилъ, какъ много страдалъ и наслаждался, какъ много прожито, и какъ мало осталось на долю моего бѣднаго сердца. Что-то подсказывало мнѣ, что ему не долго жить. Блѣдная, шатаясь, встала я съ постели часу въ десятомъ утра; по мостовой уже стучали экипажи. Сѣла я за туалетный столикъ, и не помню, видѣла ли я на этотъ разъ въ зеркалъ свое лице, когда дѣвушка убирала мои волосы. Потомъ вдругъ пріѣхали ко мнѣ кузины съ великолѣпными букетами. Чудныя были розы — гдѣ вы теперь!... Помню, мы принялись раставлять ихъ въ моей уборной. Совѣстно признаться, я была не очень рада гостямъ моимъ, хоть я и цѣловала ихъ, хоть они и не мѣшали мнѣ одѣваться; когда они уѣхали, я накинула на плеча мантилью, надѣла лучшія браслеты и вошла въ кабинетъ Александра. Онъ читалъ какую-то книгу; мы поздоровались; щура глаза, онъ спросилъ: о чемъ мы такъ смѣялись? Я, хотѣла поцѣловать его, бросилась къ нему на шею и горько заплакала. Долго я рыдала; горячія слезы, какъ ручьи заливали грудь его. Съ участіемъ, съ изумленіемъ, почти съ испугомъ, онъ сталъ спрашивать: что значуть эти слезы? я не могла открыть того, что какъ свинецъ легло мнѣ на сердце; нѣтъ, нѣтъ, не могла! это было бы свыше силъ моихъ, да и что я могла бы сказать ему. Внутренній голосъ развѣ говоритъ тѣмъ языкомъ, который всѣмъ понятенъ? Слезы мои приписалъ онъ разстройству нервъ; я скоро поддавалась обаянію его ласкающаго голоса. Онъ, — да, онъ былъ увлекателенъ въ минуты искренней глубокой нѣжности; къ чувствамъ его всегда почти примѣшивалась какая-то поэтическая мысль или грусть, хоть это и недолго продолжалось: онъ вспыхивалъ и потухалъ. Первые дни прошли, и я была довольно счастлива. Мы переѣхали на дачу; наняли большую избу, около Волинкова, убрали ее со вкусомъ и такъ были рады воздуху, солнцу, зелени и нашей широкой деревянной терассѣ, выходящей на небольшой лужокъ, покрытый кусточками.

Ну вотъ, мы такъ и зажили на вольномъ воздухѣ! И кажется все было такъ хорошо! — Я давно хотѣлъ уединиться, говорилъ мой бѣдный мужъ, надоѣли мнѣ эти родственники,...

надоѣли обѣды, надоѣли просвирни, московскіе умники и восторженныя литераторши! Неужели здѣсь ктонибудь найдеть меня?» И вотъ, мужъ мой принялся курить, читать и писать свою «исторію Венеціи». Но видѣо уединеніе, слишкомъ долгое, было не въ его характерѣ. Поѣхалъ онъ въ Москву и привезъ къ себѣ на вечеръ съ полдюжины пріятелей. Ночью, при лунномъ свѣтѣ, затѣялась сженка; пили и громко смѣялись. Половина гостей ночевали въ сѣнномъ сараѣ. Такъ скоро узнали всѣ, гдѣ мы живемъ и стали навѣщать насъ. Помню, какой-то Дусовъ, преуморительный! пѣшкомъ, безъ перчатокъ, приходилъ къ намъ обѣдать. Это былъ маленькій, общипанный молодой человекъ, съ измятой шляпой, въ форменномъ фракѣ и коротенькихъ брюкахъ. Онъ былъ очень бѣденъ и очень уменъ; память у него была большая. Александръ любилъ его за цинизмъ откровенности. Дусовъ часто заливалъ себѣ за галстухъ и едва держался на службѣ; помню, какъ самъ онъ рассказывалъ про себя, какъ нашли его ночью на улицѣ и подняли, какъ потомъ онъ очнулся утромъ за рѣшеткой, въ полицейскомъ домѣ, какъ его оттуда съ какой-то пьяной бабой повели къ допросу передъ зеркало, какъ хотѣли привязать его на веревочку и отвести домой какъ собаченку, какъ онъ умиловитивилъ пристава, и какое тотъ ему прочелъ родительское наставленіе... Все это рассказывалъ онъ безъ всякой желчи, какъ о самомъ пріятномъ событіи въ жизни. Помню, какъ я его стыдила и какъ онъ пилъ хересь за мое здоровье. Знакомые мужа моего были всѣ большіе чудаки и всякой по своему за мной ухаживалъ. Такъ прошли первые дни. О, кто воротить мнѣ эти дни безмолвныхъ, но жгучихъ радостей и тайныхъ тревогъ! Были минуты, когда я была такъ несчастна, такъ глубоко взволнована, какъ будто туманъ колыхался вокругъ меня, а въ этомъ туманѣ выли дикіе звѣри. Клянусь, я не слыхала отъ мужа ни одного рѣзкаго слова, и клянусь, я предпочла бы брань и даже побои.... лишь бы.... Я... знаете, я не понимала ни его, ни тѣхъ, кто приходилъ къ нему; а мнѣ хотѣлось понимать.... Разговоры ихъ были слишкомъ для меня мудреные; случалось издали слышать мнѣ и такія восклицанія: «добродѣтельная женщина! Что можетъ

быть хуже добродѣтельной женщины?» Я не умѣла спорить; но помню, что и я спорила. Мужъ далъ мнѣ, *pour la bonne bouche*, читать романъ «Лукреція Флоріани». Онъ защищалъ эту жалкую женщину; я сердилась, нападала и на него и на Лукрецію. Такъ прошло дней восемь, десять, быть можетъ больше, быть можетъ меньше; я дней не считала, замѣчала только, какъ эти дни сгоняли свѣтъ и улыбку съ лица моего мужа. Онъ, кажется, постоянно внутренно сердился на то, что женатъ, хотя можетъ быть и горячо любилъ меня. Люди, говорилъ онъ, сами налагаютъ на себя цѣпи; кто ихъ не чувствуетъ, тотъ ихъ и не носитъ, онъ старался ихъ не чувствовать, онъ хотѣлъ глядѣть на меня только какъ на свою возлюбленную.

Я хорошо бы сдѣлала, еслибъ съумѣла не казаться женой его; но я его не понимала; онъ былъ страненъ, я была молода.

Разъ, утромъ послѣ завтрака, легъ онъ на диванъ и ко мнѣ на колѣни положилъ свою голову; я, вотъ этими руками, поддерживала эту драгоценную, эту милую для меня ношу! Онъ обернулъ ко мнѣ скучное лицо. Я хотѣла наклониться чтобъ поцѣловать его, но... онъ скрестилъ пальцы и сталъ читать плачевно протяжнымъ голосомъ!

И глаза ея все тѣ же,
 Что пріятно такъ глядѣли,
 И уста ея все тѣ же,
 Что любовью пламенѣли.

Ахъ! я ужъ и не помню этихъ проклятыхъ стиховъ...

Отъ чего жъ въ ея объятяхъ
 Мнѣ такъ нестерпимо скучно...

Такъ, кажется, онъ кончилъ—да... кажется такъ!... только я очень хорошо помню, что было слово *нестерпимо*.

Неужели онъ думалъ, что я не пойму, что въ эту минуту проходило по душѣ его. Давно ли такая любовь — и уже нестерпимо! Боже мой! я хотѣла встать и уйти... мнѣ стало жаль его, стало горько и больно за себя. Я только откинулась на спинку дивана и глубоко задумалась. Долго мы молчали, наконецъ я спросила: чьи это стихи?

— Гейне. Это мой переводъ; я когда-то, во дни юности, упражнялся въ поэзіи. А знаешь ты, что это за птица, Гейне?

— Нѣтъ, отвѣчала я, глядя въ окно.

— Жаль, слушай я еще прочту тебѣ:

И онъ по-нѣмецки прочиталъ нѣсколько стихотвореній, одно другаго тоскливѣе и тяжелѣе.

— Неужели, рѣшилась я спросить, ты... тебѣ скучно со мной?

— Не знаю, можетъ быть безъ тебя, мнѣ было бы еще скучнѣе.

— Если скучно, ступай отъ меня прочь, или пиши свою исторію.

— Если я и напишу ее, напечатать будетъ нельзя. Для кого жъ, моя милая, писать ее? Вѣдь не для того же, чтобъ твои будущія дѣти, изъ листовъ моей тетради вырѣзали себѣ лошадокъ.

Завязался длинный разговоръ...

Горячѣе и дольше чѣмъ когда нибудь, послѣ этого разговора, я, отходя ко сну, молилась Богу. Горѣла лампадка передъ благословеннымъ образомъ; я стояла на колѣняхъ. Какъ тѣнь, незамѣтно, вошелъ онъ въ комнату, раздѣлся и легъ. Я просила Бога продлить любовь его, научить меня, что дѣлать, чтобъ угодить ему.

Пока я молилась, облокотясь на подушку, онъ не сводилъ съ меня глазъ — онъ наблюдалъ за мной.

— Мари? сказалъ онъ наконецъ, о чемъ ты молишься?

И вотъ, сидя на постели, какъ бы размышляя самъ съ собой, худой и блѣдный, сталъ онъ говорить, говорить, говорить.... Впервые такія рѣчи коснулись ушей моихъ. Безсмысленно оглядѣла я комнату и встала. Нѣчто похожее на отчаяніе шевельнулось въ груди моей.

Когда я легла, долго не могла заснуть: огненная рука давила мозгъ мой. Онъ молчалъ. Моя лампадка горѣла тускло.

Добрый, простой, часто любезный, безъ выговоровъ, безъ упрековъ, онъ терзалъ меня; я страдала за него, за его сердце, за его душу, за все брѣнное существо его.

— Вѣрь, говорила я, что я буду вѣчно любить тебя, потому, что должна любить.

— Кто навязалъ на тебя такой долгъ? и что есть вѣчаго? Развѣ не можетъ случиться, что ты полюбишь другаго.

— Нѣтъ, — не можетъ.

— А если это случится.

— Никогда, сказала я вставая, никогда этого не можетъ случиться. Постой! неужели ты способенъ еще полюбить другую, больше, сильнѣе чѣмъ законную жену твою.

— Не сердись, законная жена! и не ревнуй къ будущему. Вѣдь я еще самъ не знаю, буду ли я любить кого нибудь, это только можетъ быть, а что можетъ быть, за то я не отвѣчаю.

— А кто же отвѣчаетъ? — Кто?

— Природа, которая такъ создала насъ, или—никто.

— Что же послѣ этого.... любовь.... и это кольцо.

— Все это ничего, проговорилъ онъ съ небрежной мимикой, не подозрѣвая, какой ударъ наноситъ онъ моему спокойствію; вся моя будущность предстала мнѣ въ видѣ хаоса безъ основанія, безъ цѣли, безъ утѣшенія, безъ надежды здѣсь, безъ надежды—тамъ. О! сколько разъ мнѣ хотѣлось плакать, хотѣлось увѣрить себя, что мужъ мой шутитъ. Безъ нарушенія наружнаго согласія, между нами завязалась тайная борьба, отъ которой, безсильная, я падала передъ нимъ, такимъ же беспильнымъ какъ и я, но спокойнымъ и увѣреннымъ въ своихъ непонятныхъ мнѣ теоріяхъ. Пустой звукъ дѣлалъ онъ изъ любви, хаосъ изъ жизни, — новая жизнь еще не создалась, говорилъ онъ, отъ того и мракъ и хаосъ.... Разъ вздумалъ онъ мнѣ пресерьезно доказывать, что я все не люблю его, что это просто магнетизмъ и электричество. Я уже и возражать перестала, мнѣ даже казалось, что я начинаю вѣрить всему, каждому его слову. Я уже готова была отказаться отъ всѣхъ, дорогихъ мнѣ убѣжденій, лишь бы сохранить любовь его. Что, кромѣ любви, могло быть между нами общаго! что иное могло на долго, шаб не навсегда, связать насъ? Какъ утопающая, я хваталась за каждую соломенку; то боялась слишкомъ отъ него

удалиться, то боялась излишнимъ усердіемъ надоѣсть ему. Видитъ Богъ, какіе страшные прожила я дни и ночи.

Когда онъ былъ не въ духѣ, хмурилъ брови или казался такимъ сердитымъ, я не могла быть веселой и стало быть ничѣмъ не могла развеселить его. Когда онъ былъ очень веселъ, ему хотѣлось шума, друзей, острова и разказовъ, можетъ быть и забавныхъ, но не всегда для меня пріятныхъ, и право, еслибъ была возможность, въ эти минуты, онъ нанималъ бы музыку. Однажды утромъ, я нашла его въ такой тревогѣ, что испугалась. Онъ сказалъ, что видѣлъ дурной сонъ, я ему не повѣрила, потому что дурнымъ снамъ, такъ же какъ и дурнымъ примѣтамъ, онъ не вѣрилъ. Онъ сказалъ что поѣдетъ въ Москву. Я сказала поѣзжай. Пошли узнать, нѣтъ ли порожняго извозчика. Я послала и черезъ полчаса привели намъ дрожки. Жди меня, моя милая, къ обѣду, сказалъ онъ и уѣхалъ, — зачѣмъ? я его не спросила, а самой себѣ я задавала этотъ вопросъ цѣлый день.... Къ обѣду (мы всегда обѣдали около четырехъ часовъ) явился Дусовъ. До шести часовъ, мы не сѣли за столъ. Дусовъ былъ голоденъ какъ собака; я напоила его кофе, за обѣдомъ я почти ничего не ѣла — мужъ не являлся; я не знала что съ нимъ, и стала вѣрить, что не къ добру былъ сонъ его. Какъ вы думаете, спросила я Дусова, отчего не ѣдетъ мужъ мой?

— А могутъ быть разныя причины, Марья Игнатьевна, отвѣчалъ онъ, согнувшись какъ котенокъ, и подъ столомъ потирая руки.

— Какія же причины?

— Да разныя бываютъ причины. Онъ могъ встрѣтиться съ предметомъ какойнибудь потухшей страсти и увлечься.

— Увлечься! чѣмъ? спросила я,

— Ну, чѣмъ? — воспоминаніемъ, конечно!

И онъ такъ засмѣялся, что въ эту минуту мнѣ хотѣлось прибить его.

— А можетъ быть и то, продолжалъ онъ, что пригласили его старые пріятели въ какойнибудь Троицкой или Печкинъ, закусить того — другаго, ну, совѣстно же отказываться.

— Ну-съ, а еще что можетъ быть? Все говорите.

— О, да мало ли что, Марья Игнатьевна, онъ могъ въ это время броситься въ Москву-рѣку, чтобъ спасти утопающаго и теперь, очень можетъ быть, сушитъ платъе передъ печкой у какой нибудь калашницы.

— Полноте, сказала я съ досадой, неужели, вы думаете, мужъ мой бросится спасать утопающихъ.

— А вы думаете, нѣтъ? — непременно бросится.

— Неправда, онъ ради меня побережетъ себя и не захочетъ потонуть, спасая Богъ знаетъ кого.

— Какъ, Богъ знаетъ кого! сказалъ онъ, — что вы? человѣкъ, хоть и свинья подъ часъ, а все таки человѣкъ.... Видите-съ, Марья Игнатьевна, мужъ-то вашъ добрѣе чѣмъ вы, для него всѣ люди суть люди, даже и я человѣкъ, а ужъ кажись, на что пьяница.

— Да, ... я желаю, чтобъ онъ былъ добрѣе.

— А не желаете, чтобъ онъ за брата душу свою поюжилъ.

— Послушайте, сказала я блѣднѣя, если съ мужемъ случилось несчастье и вы не хотите....

Я вдругъ вообразила, что Дусовъ хочетъ постепенно приготовить меня къ удару. Если бы онъ не расхохотался и не подавился бы вдобавокъ, я бъ упала въ обморокъ.

Онъ скомканнымъ платкомъ утеръ свое крошечное лице и проговорилъ наконецъ, что до сихъ поръ ни о какомъ несчастіи до него свѣдѣній не дошло.

— Вѣдь я и сама не рада, сказала я, вставая изъ-за стола, что меня такъ беспокоитъ его отсутствіе.

— Я это очень понимаю, сказалъ Дусовъ: я самъ нынче всталъ не въ духѣ и очень беспокоился; вчера потерялъ манишку, — думаю себѣ: ну, въ присутствіе, — куда ни шло, застегнусь, — а вотъ, какъ же я пойду обѣдать? — и проч.

Все это, всѣ эти разговоры я очень помню, потому что душой и сердцемъ принимала въ нихъ участіе. Я люблю также рыться въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ другіе любятъ читать рассказы. Изъ той атмосферы, которой я дышала до моего замужества, я вдругъ перешла въ другую жизнь, въ міръ такихъ словъ и поступковъ, къ которымъ

надо привыкать, чтобъ они не казались преувеличенно странными. Да простить мнѣ Богъ, если я ошибаюсь!... Вечеромъ, я и Дусовъ пошли къ часовнѣ, откуда видна была проселочная дорога изъ Москвы. Только что мы вышли, вдругъ, идетъ къ намъ на встрѣчу высокая, очень красивая дама. На ней была турецкая шаль, соломенная шляпка, голубыя перчатки, браслеты, и ужъ я не знаю, чего на ней не было. — Изъ подъ шляпки выбивались два густыхъ черныхъ локона, черные глаза щурились отъ солнца. Въ лучахъ вечера, она была блистательна. Не знаете ли, спросила она по французски, гдѣ живетъ Александръ Алтаевъ?

— Мой мужъ? вотъ гдѣ онъ живетъ, отвѣчала я, указывая пальцемъ на домикъ нашъ.

— Ахъ! вы жена его! я очень рада случаю съ вами познакомиться, проговорила она, осматривая меня съ ногъ до головы. Я давно знакома съ вашимъ мужемъ, онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ друзей моихъ. Могу ли я его теперь видѣть? и проч. и проч.

— Нѣтъ, его нѣтъ дома: отвѣчала я холодно.

— Когда же я могу.... продолжала она, смотря мнѣ прямо въ глаза.

— Онъ вѣрно всегда будетъ очень радъ васъ видѣть. Онъ теперь въ Москвѣ, говорила я, теряясь.

— Какъ вы любезны! сказала дама. Скажите ему.... что у него былъ одинъ старинный другъ, а именно Лизавета Сергѣевна Ф...., и скажите.... что я, — если только я не помѣшаю вамъ—на дняхъ же постараюсь увидать его, — простайте.

Она пошла своей дорогой, мы своей.

— Вы не знаете, спросила я Дусова, кто эта женщина. Онъ отозвался, что не знаетъ. Ея появленіе меня заинтриговало. Я не знала, какъ понять слова: «неизмѣнный другъ» въ устахъ посторонней женщины. Да и кто, думала я, смѣетъ быть неизмѣннымъ другомъ моего мужа, кромѣ жены.

Издали узнала я моего Александра, его сѣрое, лѣтнее пальто, его шляпу. — Издали, пока онъ ѣхалъ, стоя на дороге, я махала ему платкомъ. — Когда у часовни онъ сошелъ съ дрожекъ, я бросилась обнимать его. Клянусь, я была такъ

рада, такъ рада, что все забыла, даже забыла эту ненавистную Лизавету Ф. Онъ улыбался очень любезно; но... что говорить! Я почти убѣдилась, что онъ разлюбилъ меня. Молча шла я домой съ нимъ подь руку. Онъ уговаривалъ Дусова догнать извозчика и давалъ ему рубль на дорогу. Бѣдный Дусовъ не согласился взять рубля, хоть это ему и очень хотѣлось. Нѣтъ, говорилъ онъ, я люблю ночью пѣшкомъ ходить. — А кладбище? сказалъ мужъ. — А что мнѣ кладбище! сказалъ Дусовъ. — Если я умру, придешь ли ты ко мнѣ ночью на могилу, спросилъ мужъ. — Приду со штофомъ водки и напьюсь, отвѣчалъ Дусовъ. — Хорошо, сказалъ мужъ. Чтобъ прекратить этотъ разговоръ, я сказала Александру, что его искала какая-то женщина, Елизавета Ф. Неужели! Боже мой! Какая досада, что я не видалъ ее? Какъ я радъ, какъ я радъ, что она въ Москвѣ, началъ радоваться мужъ мой. Да, я видѣла, какъ онъ радовался и горько стало мнѣ, что, не видавшись цѣлый день, онъ не обрадовался женѣ своей. Дусовъ ушелъ въ Москву пѣшкомъ. Мы пришли домой часу въ девятомъ вечера. Въ рождѣ пѣли соловьи; мы при свѣтѣ мѣсяца сѣли на терассѣ слушать ихъ. Но не соловьиныя пѣсни звучали въ душѣ моей. По обыкновенію, умно и просто говорилъ онъ со мной до поздней ночи, говорилъ много о зданіи всей природы, о чудесахъ неба и земли, о безконечности вселенной, объ отдаленности звѣздъ... но что мнѣ было за дѣло до его ума: умъ его не грѣлъ меня; отъ него я чувствовала легкую дрожь, и только. Я говорила ему: да.... да.... ты правъ.... или молча глядѣла на звѣзды; а на глазахъ у меня были слезы. Помню я ночи, говорилъ Александръ слабѣющимъ голосомъ:—ночи на озерѣ Четырехъ кантоновъ; Лизавета Сергѣевна тогда была со мной, была моложе, а стало быть и лучше и чище сердцемъ. Мы плыли въ лодкѣ въ тѣни лѣсной, мрачной скалы и видѣли вдали огоньки и серебряныя, легкія облака надъ темной массой прибрежныхъ садовъ и проч. и проч. Помню, Лизавета Сергѣевна пѣла, такъ пѣла, какъ никогда не пѣла и проч. и проч.; я не могу вамъ передать тѣхъ картинъ, которыя, какъ будто на зло мнѣ, такъ ярко рисовались въ его памяти.... Тутъ онъ простодушно рассказалъ мнѣ исторію, всю

жизнь этой Лизаветы Сергѣевны. Она была нѣчто въ родѣ Лукреціи Флоріани.... И эта женщина, думала я, смѣетъ называться другомъ моего Александра!

— Она, сказала я, нерѣшительно, — она говоритъ, что ты одинъ изъ первыхъ друзей ея.

— Правда, сказалъ онъ, это правда! — О, это рѣдкая женщина! душа, какихъ немного.... Изъ тонкихъ и чуткихъ нервъ соткала ее природа. Я давно не видалъ ее. Очень можетъ быть, что и она ужъ взвизгиваетъ, а не поетъ. Я ее очень люблю и очень буду радъ ей.

— Ты ее очень любишь? спросила я, помолчавъ.

— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что очень, — произнесъ онъ, возвысивъ голосъ, и посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто вдругъ, разомъ отгадалъ мои мысли.

— Не пора ли спать, сказала я — и вышла.

Онъ остался на галереѣ (кажется, эту галерею я назвала террасой, но это была вовсе не терраса, а просто деревянный, широкій балконъ, съ двумя или тремя ступеньками внизъ.)

Опять горячо и долго молилась я въ спальнѣ, прежде чѣмъ легла и задула свѣчку, и опять не могла заснуть. Неровными шагами ходилъ по балкону мужъ мой. Я ждала — и слушала шаги его. Прошелъ часъ, прошло два и не знаю сколько прошло времени, я не могла спать, я все ждала его. Я хотѣла у самаго біенія сердца его дѣро-ситься тайны, любить онъ меня или ужъ не любить. Мое ожиданіе наконецъ перешло въ лихорадочное безнокойство, хоть я и слышала близко, подъ самымъ окномъ, шаги его. Я ошупью на спальномъ столикѣ нашла часы и подавила пружинку — прозвенѣло часъ и три четверти. Ахъ, какъ еще не поздно и какая длинная ночь!... Я тихо встала; въ темнотѣ, надѣла пеленаръ, нашла свои туфли, накинула на голову платокъ, тихонько отворила дверь, и вышла въ сѣни — вышла въ сѣни, и отворила другую дверь.... Что именно я хотѣла сказать ему, не помню; но мнѣ такъ хотѣлось что-то сказать ему — а его ужъ не было! Все было пусто и тихо въ мѣсячныхъ лучахъ. О, знаете ли вы, какое мученіе любить! Я бы дала полжизни, чтобъ въ эту ми-

нута онъ былъ со мной—а зачѣмъ? почему именно въ эту минуту! кто пойметъ, кто рѣшитъ капризы женскаго сердца!... Я облокотилась на деревянную рѣшетку; прохладный воздухъ не освѣжалъ меня; на сосѣдномъ дворѣ выла сабака; роса тускло бѣлилась на травѣ; роща выходила изъ какого-то мутнаго облака.... И онъ ушелъ въ такую сырую ночь, по такой мокрой травѣ, и такъ легко одѣтый! онъ, который на ночь такъ рѣдко забывалъ опускать окошки!... Куда же онъ ушелъ! зачѣмъ? неужели я такъ страшна, что онъ бѣжитъ отъ меня даже ночью. Ужь не Лизавета ли Ф . . . назначила ему въ эту ночь свиданіе! Мои фантазіи до того разыгрались, приходили въ голову такія грустныя мысли, что слезы сами собой текли по щекамъ. Я плакала и ждала—ждала и тихо плакала. Не раньше, какъ показалась бѣлая заря и зачиликали воробьи въ кустахъ, а туманъ потянулся къ небу, съ распухшими глазами я покинула балконъ и ничкомъ бросилась на мягкую постель. Наконецъ, Богъ послалъ мнѣ силы — я рѣшилась: пусть, думаю, онъ дѣлаетъ что хочетъ, не любитъ, скучаетъ или не вѣритъ мнѣ; я поклялась быть его женой и буду молча любить.... молча помогать ему, а когда умру—я была увѣрена, что умру скоро—такая боль была у меня въ груди—пусть онъ почувствуетъ, что ему недостаетъ кого-то и проч. и проч.

Утромъ часу въ девятомъ явился онъ домой; я была уже одѣта и сидѣла за самоваромъ. Гдѣ онъ былъ, я его не спросила. Я даже съ притворнымъ равнодушіемъ посмотрѣла на измятое, блѣдное лице его, безпорядокъ его волосъ, и спросила: не хочетъ ли онъ чаю.—Очень радъ, дай! сказалъ онъ и протянулъ мнѣ руку. — Перемѣни сапоги, они сыры, ты можешь простудиться.—Степанъ! закричалъ онъ человѣку, дай другіе сапоги, — и ушелъ въ свою комнату. Нависшись чаю, онъ вздумалъ раздѣться и лечь въ постель. Жаркій сонъ въ одну минуту охватилъ его — лице опять приняло такой изнеможенный, усталый видъ, что стало страшно. Я взяла его за руку и пощупала пульсъ—пульсъ бился сильно и неровно. Бѣдный, онъ не спалъ всю ночь, думала я. Что вздумалось ему вдругъ уйдти съ балкона и гдѣ онъ былъ? и зачѣмъ не приходилъ домой, если онъ недалеко

былъ. Неподвижно часа два или три сидѣла я въ креслахъ. День былъ сѣрый; тучи покрывали все небо. Былъ уже третій часъ, когда я оглянулась на постель; глаза его смотрѣли на меня; я испугалась ихъ выраженія: въ нихъ была и тоска, и любовь, и смерть, и я не знаю что. — Не хочешь ли ты чегонибудь, спросила я, не болѣнь ли ты, милый? — у тебя такія горячія руки. — Мари, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, ты ни разу не спросила меня, гдѣ я былъ ночью.

— Ахъ! кажется я забыла тебя спросить объ этомъ.

— Боже мой! какъ хитры самыя простыя женщины, сказалъ онъ съ досадой, вѣдь я знаю, тебя цѣлый день мучилъ этотъ вопросъ. Не правда ли?

— Ты знаешь все, зачѣмъ же ты спрашиваешь?

— Я очень радъ, что ты меня не спросила. Еслибъ ты стала меня спрашивать, я бы не сказалъ тебѣ.

— Какъ хочешь? Я не имѣю права.

— Я былъ въ Москвѣ.

— Въ Москвѣ?

— Да; и знаешь-ли что? Въ эту ночь у меня родился сынъ. Я ужасно усталъ и душой и тѣломъ.

Я такъ была поражена, что не могла бы встать, еслибъ вздумала встать; не могла бы говорить, еслибъ вздумала говорить. Думаю, что я страшно поблѣднѣла, потому что онъ хотѣлъ продолжать, но посмотрѣлъ на меня и остановился.

Мари, сказалъ онъ наконецъ, лежа на спинѣ и оглядывая потолокъ, неужели такія простыя, обыкновенныя вещи могутъ ужасать тебя!... Я отвѣчала, что меня ужасаетъ все безнравственное. — Стало быть я не могу тебя ужасать. Видишь, сказалъ онъ, мнѣ вдругъ въ эту ночь пришло въ голову, что тамъ въ городѣ, быть-можетъ, нужна моя забота, быть-можетъ даже помощь, и я, усталый, опять туда отправился. Мое сердце ни чему не покоряется, но я ему покоряюсь. Если оно ошиблось и вынудило меня сдѣлать тебя женой моей, какъ я ни боролся, а все-таки уступилъ ему.... Если я и виноватъ, то не передъ тобой, душа моя, Мари, а виноватъ передъ той женщиной, которая такъ страдала. Любить ее больше я не могу, но заботиться о

ней обязанъ до тѣхъ поръ, пока она мнѣ сама не скажетъ, что ей заботъ моихъ не нужно.

Я сказала на это, что презираю женщину, которая принимаетъ помощь отъ такого человѣка, который уже разлюбилъ ее.

Я пять мѣсяцевъ ее не видалъ, Мари; она очень хорошо знаетъ, что я ее разлюбилъ, знаетъ, что я женатъ; но ты не можешь себѣ представить, какъ она была рада, что я ее вспомнилъ, что я не забылъ ее, и право, она бы умерла въ эту ночь, еслибъ я не похлопоталъ отыскать ей доктора. — Не говори мнѣ ничего, ради Христа! силлася я сказать. Онъ закрылъ глаза и казался спящимъ. Я ожила только къ вечеру, когда мой мужъ, собравшись ѣхать въ Москву, сѣлъ на диванъ, въ ожиданіи извозчика. Я увидала, что онъ въ жару, что глаза его мутны, что онъ болѣтъ, совсѣмъ болѣтъ. Я все забыла, стала передъ нимъ на колѣни и упростила его не ѣхать въ городъ. Ты еще любишь меня? спросилъ онъ съ нѣжностію. О! я помню какъ онъ обнялъ мою шею, какъ онъ къ головѣ моей приложилъ свою горячую щеку, и остался. Всю ночь онъ былъ въ жару безъ памяти и бредилъ. Я послала за докторомъ. Докторъ З. сказалъ мнѣ, что это ничего, простуда, растройство нервовъ, и прописалъ лекарство, но видъ его былъ очень озабоченъ, когда онъ держалъ его за руку. Я почти что не спала всю ночь; утромъ головѣ его стало свѣжѣе. Онъ призвалъ Степана, спросилъ бумаги, пера и книгу, на колѣнахъ написалъ онъ какую-то записочку и велѣлъ отнести ее въ городъ по адресу. Я не спрашивала его, къ кому онъ такъ долго пишетъ, я только читала въ чертахъ лица его скорбь невыразимую. Когда Степанъ вышелъ изъ комнаты, я была уже въ сѣняхъ и сказала ему: сходи, пожалуйста, прежде чѣмъ поѣдешь въ городъ, и купи мнѣ кринку сливокъ, а записку дай мнѣ, а то ты ее потеряешь. Когда принесешь молоко, тогда я тебѣ отдамъ ее и ты получишь на извозчика. Оставшись одна я прочла адресъ; записка была адресована къ Елизаветѣ Сергѣевнѣ Ф. Какими судьбами мужъ мой узналъ ея адресъ и отъ кого? и, думала я, неужели въ прошедшую ночь онъ уже успѣлъ отыскать ее? Я откленила облатку, сердце мое сильно тре-

летало и билось, какъ будто я рѣшалась на великое преступленіе; записка была по-французски: я пробѣжала ее въ одну минуту и всѣ фразы мигомъ спутались въ головѣ моей. Милый другъ, Лизавета Сергѣевна, писалъ мужъ мой, на-дняхъ я умру. Этого я не говорю жепѣ моей, потому что она ребенокъ. Я такъ ее люблю, что боюсь тревожить ее прежде времени. Пожалуйста, когда меня не будетъ, навестите мать моего ребенка и проч. и проч.

Помню, что я, читая, ничего не помнила; дальше говорилось о какихъ-то деньгахъ, но что, какъ, почему и отчего? я не могла понять. Запечатавши записку облаткой того же цвѣта, я пошла сама на встрѣчу Степану, который сливокъ не нашель, дала ему денегъ, велѣла ему съ запиской ѣхать въ городъ, а обратно на дорогѣ непременно захватить того же доктора. Мужъ мой сидѣлъ на постелѣ, когда я вошла; голова его свѣсилась на грудь, курчавые волосы торчали. Я слышала какъ онъ два раза глухо повторилъ: безсмертіе! безсмертіе! Онъ былъ еще въ памяти; я боялась заплакать,—онъ бы догадался, что я прочла письмо его. Онъ позвалъ меня, но я убѣжала въ кухню, сѣла на лавку и стала всхлипывать. Нѣтъ! быть не можетъ, утѣшала я сама себя,—кто сказалъ, что онъ умретъ! какъ могъ онъ писать? И въ то же время, сама не знаю почему, внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что онъ правъ и что не обманывало меня мое предчувствіе. Стараясь быть бодрой и спокойной, я провела ужасный день. Ночь была еще ужаснѣе: Александръ все время разговаривалъ съ какимъ-то невидимымъ старикомъ и спрашивалъ меня: Мари! слышишь-ли ты, что онъ говоритъ? онъ увѣряетъ меня, что моя душа явится къ тебѣ когда я умру. Мари! ради Бога ты его не слушай! Такъ бредилъ онъ. Была уже глубокая полночь, когда вдругъ отворилась дверь и — вошла....

— Марья Игнатьевна! а Марья Игнатьевна! гдѣ вы? послышался въ пяти шагахъ отъ насъ пискливый голосъ горничной. Меня послали за вами, ждуть васъ давно.

— Марья Игнатьевна, какъ бы очнувшись отъ своего разказа, вдругъ замолчала. А! сказала она, меня ждуть, ну жели такъ поздно!

— Да ужь десятый часъ, ужь всѣ и пріѣхали давно отъ всенощной и ужь чай давно.

— Я сейчасъ иду, торопливо отвѣчала бѣдная вдова и встала. Ахъ! какъ этотъ разговоръ утомилъ меня! Какъ это вышло, что я такъ подробно рассказала вамъ медовый мой мѣсяцъ. Вотъ, говорятъ, стоитъ начать. Я увлеклась. Богъ мнѣ далъ большую память....

— Проводите меня и, если хотите, зайдите къ намъ.

Мнѣ досадно было, что эта глупая горничная помѣшала мнѣ дослушать конецъ разсказа Марьи Игнатьевны. Когда я велъ ее подъ руку, я пытался возобновить его. — Кто же это, спросилъ я, вошелъ къ вамъ въ полночь?

— Прошу васъ не возвращаться къ моему разсказу ни теперь, ни послѣ, я не должна была бы вамъ и того говорить.

— Почему же?

— Если бъ однажды.... вы однимъ вашимъ сужденіемъ не напомнили мнѣ моего Александра, я бы вѣрила вамъ больше чѣмъ.... чѣмъ теперь вамъ вѣрю. Я его такъ любила, такъ любила!... Я теперь не могу такъ любить безъ вѣры.... не могу любить.... Вы не хотите зайти къ намъ? и не заходите. Теперь ужь поздно и вѣроятно всѣ устали....

Я поцѣловалъ у ней ручку и воротился домой совершенно поглощенный разсказомъ Марьи Игнатьевны, хоть въ немъ и нѣтъ ничего особенно интереснаго. Я думалъ, но.... о чемъ я думалъ — зачѣмъ вамъ знать.

• — •.

САБИНА.

Надъ міромъ царствовала Неронъ,
И шумный дворъ его шатался,
Когда въ раздумьи мрачномъ онъ
Въ своемъ дворцѣ уединялся.
Тамъ, сочинялъ ли онъ стихи,
Иль новыхъ ужасовъ затѣи —
Но мѣрно слышались шаги
Его вдоль узкой галереи.
Какъ передъ бурей затихалъ
Въ подобный часъ дворецъ просторный
И каждый молча ожидалъ
Судьбы, склоняя взоръ покорной.
Шумѣлъ лишь Римъ. — Въ пяти шагахъ
Граждане въ праздничной одеждѣ,
Позабывая вѣщій страхъ,
Кричатъ пронзительнѣй чѣмъ прежде.
Все льститъ ихъ взорамъ и ушамъ,
Все пища для страстей мгновенныхъ:
Тамъ торжество и новый храмъ,
Здѣсь судъ царей поработенныхъ.
Народъ шумитъ. Давно привыкъ
Онъ къ торжеству своей гордыни,
Онъ всѣмъ народамъ шлетъ владыкъ
И въ Римъ увозитъ ихъ святыни.
Какъ прежде, плѣнные цари
Влачатъ по Форуму оковы,
И рядомъ стапн олтари
И Озириса и Еговы.
Минутнымъ жаромъ увлеченъ
Всегда кипучій духъ народа,

Сегодня богъ ему Неронъ,
 А завтра богъ ему свобода,
 Онъ также рвался и кричалъ,
 Иль также отступалъ нѣмѣя,
 Когда у статуи Помпея
 Брутъ окровавилъ свой кинжалъ.

I.

Давно собрали виноградъ,
 Сѣрѣй туманъ на Апеннинахъ,
 И въ Римъ, пестрѣя на долинахъ,
 Тибура жители спѣшатъ.
 Лишь юный Мундъ не ѣдетъ въ Римъ,
 Его столица не плѣняетъ
 И онъ на все друзьямъ своимъ
 Однимъ молчаньемъ отвѣчаетъ.
 Какъ быстро лѣто передъ нимъ
 Крылатые промчали Оры,
 Какимъ сияньемъ голубымъ
 Все время покрывались горы,
 Какъ сельскій бытъ онъ полюбилъ,
 Забывъ о купленномъ весельи,
 И въ этомъ замкнутомъ ущельи
 Элизій полный находилъ.
 По цѣлымъ онъ сидѣлъ ночамъ,
 Кидая взоры за ограду
 Пока заря свою лампаду,
 Вознесетъ къ Тибурскимъ высотамъ,
 И какъ оltарь любви живой
 За дымомъ скроется долина
 Бытъ можетъ снова въ садикъ свой
 Пройдетъ надменная Сабина.
 Не подымая глазъ своихъ,
 Пройдетъ въ величїи суровомъ,
 Но онъ любви крылатымъ словомъ
 Ее смутитъ хотя на мигъ,
 Иль безъ свидѣтелей опять
 Ее принудитъ онъ отвѣтить,
 Чтобъ только взоръ блестящїй встрѣтитъ

Или насмѣшку услыхать.
 Онъ зналъ давно, что ни чему
 Не внемлетъ строгая Сабина,
 Что равнодушіе къ нему
 Хранитъ супруга Сатурнина.
 Недавно прибылъ Сатурнинъ
 Изъ знойной Сиріи съ женою;
 Тамъ долго, полный властелинъ,
 Богатой правилъ онъ странюю.
 Сабина властью красоты
 И саномъ мужнинымъ хранима,
 Смотрѣть привыкла съ высоты
 На юныхъ вѣтренниковъ Рима.
 Коней, гетеръ, ночныхъ пировъ,
 Она въ душѣ имъ не прощала,
 И въ тайнѣ на однихъ боговъ
 Порывы сердца обращала.
 Какъ чистъ молитвы ейміамъ!
 Какъ гаситъ онъ огонь преступной!
 Сабина покидала храмъ
 Подобно Герѣ недоступной.
 Когда же Мундъ, пробравшись въ садъ,
 Ее смущалъ любви привѣтомъ,
 Живой упрекъ и гордый взглядъ
 Бывали дерзкому отвѣтомъ.
 Но въ Мундѣ блескъ ея очей
 Лишь распалъ любви желанья,
 Онъ тосковалъ, не спалъ ночей
 И жаждалъ новаго свиданья.
 Сегодня Мундъ стоитъ одинъ,
 Глядя въ раздумьи на долину,
 Вчера уѣхалъ Сатурнинъ
 И въ Римъ увезъ свою Сабину.
 «Что дѣлать? часто Мундъ твердитъ,
 Бесплодно дни промчались лѣта!»
 «Что дѣлать» эхо говоритъ
 Сто разъ, и не даетъ отвѣта.
 А тамъ, врываясь въ нѣдра скалъ,
 Какъ бы живой упрекъ безсилью,
 Кипучій Аніо ропталъ,
 И разсыпался тонкой пылью,

Да разгоняя горный дымъ,
 Какъ и вчера передъ разлукой,
 И пынь Фебъ золотоукой
 Три кинулъ радуги надъ нимъ.

II.

Сабина въ Римѣ. Но и тамъ
 Живетъ по прежнему Сабина
 Въ дому лелѣтъ Сатурнина
 И въ храмахъ жертвуетъ богамъ
 Молиться чуждымъ какъ своимъ,
 Обучена чужой странюю,
 Она и въ Римѣ жертвы пмъ
 Несетъ съ покорною душою,
 И въ дѣлѣ вѣры и добра,
 Послушна сладостнымъ влеченьямъ,
 Она проводитъ вечера
 Жрецовъ внимая поученьямъ.
 Но чаще всѣхъ съ недавнихъ поръ
 Къ ней жрецъ Анубиса приходитъ,
 Заводитъ жаркій разговоръ
 И зоркихъ глазъ съ нея не сводитъ.
 Награду темную сузить
 И сердца слушаетъ тревогу.
 Влечетъ къ таинственному богу
 И наконецъ ей говоритъ:
 Не даромъ ты у алтарей
 Съ мольбами жертвы приносила,
 Сабина! вѣрой ты своей
 И жизнью небу угодила
 Твои молитвы сочтены,
 Но никогда непосвѣщенный
 Не приподыметъ пелены
 На ликъ Изиды опущенной
 Мужайся: — шагъ еще и ты
 Войдешь въ блаженные чертоги,
 Гдѣ блескомъ вѣчной красоты
 Сіяютъ праведные боги,
 Тебя я въ тайну посвѣщу,

Но вѣчной истины ревнитель
 Я самъ Анубиса служитель
 О ней повѣдать трепещу,
 Богамъ отъ юности служилъ
 Я и молился ежечастно,
 Но никогда такъ громогласно,
 Со мною богъ не говорилъ.
 Вчера, стою у олтаря,
 И вдругъ оракулъ мнѣ вѣщаетъ,
 Что страстью пламенной горя,
 Тебя Анубисъ избираетъ.
 Всю ночь очей я не смыкалъ,
 Молясь въ смятеніи великомъ,
 И пологъ брачный разостлалъ
 Передъ Анубисовымъ ликомъ.
 А нынѣ самъ почтить готовъ
 Тебя колѣнопреклоненъемъ:
 Внимать велѣнію боговъ
 Намъ подобаетъ со смиренъемъ.
 Сегодня съ вечера луна
 Не озираетъ стогновъ Рима,
 Ты какъ богиня убрана
 Ко храму приходи незрима.
 Служанокъ бойся пробудить,
 Пусть дремлетъ мужъ твой утомленный;
 Чтобы не могъ непосвѣщенный
 Тебя и взоромъ осквернить.
 Тебя я на ступеняхъ жду;
 Иди, давай мнѣ руку смѣло....
 Придешь ли, новая Семела,
 Во храмъ Анубиса? — «Приду».

III.

Давно звѣздами ночь блеститъ
 Смолкаетъ шумная столица,
 Порой лишь громко колесница
 Веселыхъ юношей промчитъ.
 Одна подъ сѣнію ночной
 Сабина бережно ступаетъ,

За нею сладкою струей
 Спрійскій нардь благоухаетъ.
 Какъ долго прождала она,
 Чтобъ сонъ низшелъ на Сатурнина!
 Пора! сейчасъ блеснетъ луна
 Надъ темной грудой Эскилина,
 Нѣтъ, этой позднею порой
 Никто не могъ ея замѣтить.
 Лишь только бѣ оргіи ночной
 Да яркихъ факеловъ не встрѣтитъ!
 Какой-то духъ ее несетъ,
 Неотразимо п упрямо
 Все дальше. — Вотъ она у храма
 И жрецъ ей руку подаетъ.
 «Молчи, мнѣ все повѣдалъ богъ:
 Ты опоздала поневолѣ,
 Вступи одна черезъ порогъ,
 Анубисъ ждетъ — не медли болѣ».
 Какъ мавзолей безмолвенъ храмъ.
 Лишь ходитъ облакомъ куренье,
 И ногъ ея прикосновенье
 Звучитъ по мраморнымъ плитамъ,
 Кумировъ глазъ не различаетъ,
 Повсюду мракъ. — Едва, едва
 Небесъ полночныхъ сплыва
 Средпну храма озаряетъ.
 О ночь блаженства п тревогъ!
 Сомнѣньемъ слабый духъ мятется:
 Какое тѣло приметъ богъ,
 Въ какой онъ образъ облечется?
 Но вотъ луна лучемъ своимъ
 Посеребрила изваянья,
 Сильнѣй заволновался дымъ
 И облака благоуханья,
 Шагн! такъ точно! — различилъ
 Ихъ слухъ Сабини безпокойный
 И кто-то трепетный п стройный
 Ее въ объятя заключилъ.
 Благоуханьемъ окружень,
 Незримый сердцу онъ дороже,
 О! что за чудный, страстный сонъ

И храмъ и дымъ и это ложе!
 Какъ будто нѣтъ уже земли,
 Она исчезла закрываясь,
 И въ лунномъ свѣтѣ развиваясь,
 Ихъ въ небѣ тучи понесли,
 Сильнѣе свѣтъ дрожить въ очахъ,
 Сильнѣе аромат разлился
 И ликъ Анубиса въ лучахъ,
 Улыбкой Мунда озарился.

Угрюмъ, безмолвенъ Сатурнинъ,
 Онъ промолчалъ передъ закономъ;
 Но не повѣдалъ ли одинъ
 Онъ грустной тайны предъ Нерономъ.
 Старикъ испытанный въ бояхъ,
 Какъ мальчикъ, не былъ малодушенъ,
 Но храмъ Анубиса во прахъ
 По волѣ Цезаря разрушенъ.
 Толпа ругалась надъ жрецомъ,
 Онъ брошенъ львамъ на растерзанье
 И долго, долго Мундъ потомъ
 Вдали влечилъ свое изгнанье.

А. Фетъ.

Похороны.

(Изъ Рюккерта).

Какъ се любили!
 Какъ похоронили!
 Вѣтерокъ надъ гробомъ
 Проносился стономъ;
 Майскій колокольчикъ
 Вторилъ грустнымъ звономъ.
 Съ яркими свѣчами
 Свѣтляки летѣли,
 И на нихъ ревниво
 Звѣздочки глядѣли.

Въ черноѣмъ одѣяньѣ
 Ночь, поникши взоромъ,
 Тихо шла съ тѣнями,
 Молчаливымъ хромомъ.

Много слезъ уронитъ
 Утро молодое;
 Освятитъ могилу
 Солнце золотое.

Какъ ее любили!
 Какъ похоронили!

Мих. Михайловъ.

ГАЗЕЛЬ ДЖЕЛАЛЕДИНА РУМИ.

Я — дикій виноградъ; мнѣ яворомъ ты будь,
 Чтобъ могъ своей лозой я стань твоей обогнуть!

Я — плющъ; мнѣ кедромъ будь, подъ бурями созрѣлымъ,
 Чтобъ слабой зеленью ко праху мнѣ не лнуть!

Я — птица робкая; ты мнѣ крыломъ будь смѣлымъ,
 Чтобъ могъ я въ синевѣ твоихъ небесъ тонуть!

Я — утомленный конь; будь шпорой мнѣ колючей,
 Да быстро къ цѣли мчусь, куда твой ляжетъ путь!

Я — черная гряда; въ ней розой будь пахучей,
 Чтобъ корни дикихъ травъ ей не сушили грудь!

Я — сумрачный востокъ; взойди надъ темной бездною
 Ты солнцемъ пламеннымъ — туманы распахнуть!

Я — ночь безлунная; о! будь ей ризой звѣздной,
 Чтобы, отринувъ страхъ, я могъ вольнѣй вздохнуть!

Мих. Михайловъ.

ХАНДРА.

На старѣй онъ диванъ ничкомъ
 Ложился, протянувши ноги,
 И говорилъ, дыша съ трудомъ,
 Такіе монологи!

—
 «Какая жизнь! о Боже мой!
 Какіе страшные пигмеи!
 Добро-бъ глупцы — добро-бъ злодѣи
 Неотразимою враждой
 Меня терзали, — нѣтъ, съ глупцами
 Я бъ тратить словъ не сталъ, съ врагами,
 Я бъ вышелъ на открытый бой.
 Кто безкорыстно правдѣ служить,
 Кто за себя стоитъ — не тужить.
 Но какъ бороться съ пустотой
 Полу-слѣпой, полу-глухой,
 Которая мутитъ и кружитъ! —
 Бороться — радъ-бы — силы нѣтъ.
 Подъ тяжестью бесплодныхъ лѣтъ,
 Изнылъ мой духъ, увяла радость,
 И весь я сталъ ни то, ни сѣ,
 И жизнь подчасъ такая гадость,
 Что не глядѣлъ бы на нее!
 Я только вздоръ одинъ предвижу,
 Какая-то галиматья
 Выходитъ изъ того, что я
 Вседневно слышу или вижу!
 Не только нѣкого любить,
 Мнѣ даже нѣкого сердить,
 Мнѣ даже глупо ненавидѣть!
 Я точно личность — безъ лица.
 Такого даже нѣтъ глупца,
 Кто бъ захотѣлъ меня обидѣть!
 Я вѣчно ною отъ занозъ,
 А разомъ вспыхнуть не умѣю,
 Когда я плачу — стыдно слезъ,
 Когда смѣюсь — за смѣхъ краснѣю,
 Какая жизнь! какой хаосъ!...

Я. П.

К Р И Т И К А.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ РОССИИ СОЧ. С. СОЛОВЬЕВА.

І.

Исторія Россіи г. Соловьева доведена теперь до вступленія на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова — слѣдовательно представляетъ уже отдѣлъ, нѣкоторымъ образомъ, законченный и замкнутый, цѣлость, о которой можно уже произнести судъ, въ которой выразился уже съ достаточною полнотою и ясностью историческія воззрѣнія и основныя начала почтеннаго автора. Нѣсколько лѣтъ сряду появлявшіеся одинъ за другимъ томы этого важнаго труда возбуждали споры ученыхъ и многообразныя толки читателей — ибо къ чести нашего времени, особенно послѣдняго десятилѣтія, мы должны засвидѣтельствовать то утѣшительное явленіе, что книги, содержащія важнаго, требующія чтенія внимательнаго и мыслящаго — къ какой бы области человѣческаго вѣдѣнія онѣ ни относились, приобрѣтали обширный кругъ читателей, будили болѣе или менѣе дѣльные вопросы и вслѣдствіе этого расходились съ необычайною быстротою... О нихъ составлялись мнѣнія не только въ кружкахъ ученыхъ знатоковъ дѣла — но во всей читающей массѣ — и мнѣнія эти, болѣе или менѣе вѣрныя, во всякомъ случаѣ свидѣтельствовали о томъ, какъ незамѣтно и неожиданно быстро шагнуло впередъ умственное развитіе общества, какъ идея видимо перестала быть отвлеченнымъ, а перешла въ плоть и кровь.

Въ особенности это можно замѣтить въ отношеніи къ трудамъ историческимъ, можетъ быть потому, что исторія стоитъ нѣкоторымъ образомъ на грани между наукою и художествомъ, что въ лучшихъ своихъ выраженіяхъ прямо переходитъ въ область послѣдняго. Она требуетъ не одного ума, не одного дара критической проницательности — но живаго таланта, чисто художнической способности видѣть въ минувшемъ жизнь и передавать ее съ ея запахомъ и цвѣтомъ. Критическія изслѣдованія, хотя бы на нихъ лежала печать Шлецеровской гениальности, не составляютъ исторіи а только готовятъ ее. Или, разрушая первоначальную форму ея, способствуютъ къ появленію новой. Такъ труды Шлецеровъ, Болтинныхъ и другихъ изслѣдователей разбили Татищевскія и Щербатовскія формы нашей исторіи и подготовили художественную Карамзинскую картину. Такъ въ продолженіе 25 или 30 лѣтъ мы ничего иного не дѣлали, какъ разбивали Карамзинскую форму — и покамѣстъ все-таки не создали новой, которая имѣла бы полноту и цѣльность.

Ясно, что эта разрушительная работа была въ высочайшей степени необходима. Съ каждымъ днемъ открывались новыя или, по крайней мѣрѣ, прежде мало доступныя источники исторической жизни, измѣнялись вслѣдствіе этого точки зрѣнія на самую сущность и нравственную физиономію народа, поелику эта сущность и физиономія обозначались яснѣе и рѣзче въ памятникахъ и слѣдахъ историческаго процесса. вмѣстѣ съ этимъ росло и пониманіе исторіи вообще, уяснялось разумѣніе ея прежде совершенно таинственныхъ законовъ, — мысль стремилась уяснить законы въ видимой случайности событій и, гордая своими торжествами, можетъ быть слишкомъ увлеклась приложеніемъ логики къ явленіямъ жизни. То въ типахъ и расахъ, то въ постепенномъ и постоянномъ развитіи отвлеченнаго и общаго существа человечества искала она себѣ опоръ и, во всякомъ случаѣ, сильно дѣйствовала на мыслящихъ читателей своими искаженіями.

Карамзинъ былъ чуждъ этихъ искаженій, какъ была чужда ихъ вся его эпоха. Великія, но еще неопредѣленныя идеи Гердера прошли мимо его, его не коснувшись. Народности,

которыхъ чутье было въ такой степени дано великому германскому мыслителю, сливались для Карамзина, ученика французской образованности, въ совершенно тусклые образы — и въ чертахъ нравственной физиономіи своего народа, искалъ онъ не личныхъ чертъ, а общихъ классическихъ, по которымъ уже прошелъ уровень ложно-античнаго взгляда. Все это такъ — все это имѣемъ уже мы право сказать, сохраняя глубокое уваженіе къ безсмертному въ исторіи нашей мужу — все это нисколько даже не ново. Ревностнѣйшіе изъ его послѣдователей, вооружавшіеся нѣкогда съ яростью за малѣйшую замѣтку противъ кумира ихъ, стали невольно служить новымъ идеямъ, проводить новыя воззрѣнія, искали личныхъ, народныхъ чертъ. Всѣ же — послѣдователи и противники дѣлали въ сущности одно дѣло, разбивали классическую форму — всѣ, съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ огромною или только наскоро нахватанною ученостью — дѣлали честное и хорошее дѣло, — всѣ, отъ скептиковъ, часто дѣтскими возраженіями заподозривавшихъ бытіе Новагорода, до Полеваго, которому много должно быть прощено за то, что онъ первый вздумалъ писать исторію народа, и до Погодина — историческими отрывками и сценами въ лицахъ, пытавшася свести съ ходуль классическіе образы и передать свое простое пониманіе ихъ дружинъ и дѣйствій. Обо всѣхъ этихъ борцахъ можно сказать извѣстныя слова, которыми Ламартинъ кончаетъ одно изъ своихъ историческихъ сочиненій: «Всѣмъ имъ расчищена дорога новому пониманію дѣла».

Я имѣлъ честь въ одной чисто-эстетической статьѣ выразить свое мнѣніе или, лучше сказать, свое вѣрованіе, что за отвлеченные, головные вопросы нельзя бороться всею полнотою силъ, что, подъ отвлеченными вопросами науки, часто сокрыты плоть и кровъ наши. Нигдѣ, можетъ быть, это вѣрованіе, по крайней мѣрѣ для насъ Русскихъ, такъ не подтверждается, какъ на вопросахъ нашей исторіи. Въ вышеозначенную борьбу вносилось, на примѣръ, столько страстного увлеченія, столько энергіи со стороны борцовъ мысли, что это увлеченіе и эта энергія указываютъ на чрезвычайно глубокіе источники. Стоитъ только припомнить яростную, по тону даже въ высшей степени неприличную статью, которой

разразился Московскій Вѣстникъ при появленіи исторіи Полеваго, — странныя и до какого-то цинизма наглыя статьи, такъ называемаго скептическаго направленія, — Донкихотское посвященіе Полевымъ труда своего Нибуру, чтобы понять, какъ недешево доставались борцамъ ихъ отчаянныя вылазки. Всюду, вездѣ стремились они разъяснить свое пониманіе народной фізіономіи: съ этими цѣлями Полевой, въ блестящую пору своей дѣятельности, писалъ свои историческіе романы и повѣсти. Эти попытки, какъ и его исторія, были съ его стороны стремленіемъ исправить то, что, было, по его мнѣнію, неправильно понято, какъ напримѣръ личность Дмитрія Шемяки, и вообще протестомъ противъ неправильнаго пониманія чертъ народной фізіономіи. Погодинъ также писалъ драмы и повѣсти — а отчаянное невѣріе въ исторію скептиковъ было чувство столь глубокое, что оно же, только уже не въ дѣтскихъ формахъ своихъ, явилось въ школѣ такъ называемаго родоваго быта. Скольکو разубѣжденій, разочарованій и ипогда пламенныхъ вѣрованій посажено во всю эту, пынѣ многими забытую, полемику. — Скольکو до сихъ поръ еще не угомонилось, можетъ-быть, ненавистей; но только съ ограниченностью воззрѣнія можно бросить въ эти ненависти камень, ибо онѣ не были личныя.

«Исторія есть священная книга народа, главная, необходимая», — такъ начинается пашъ Карамзинъ свое предисловіе, — мудро ли, что за пониманіе и толкованіе этой книги люди борятся; мудро ли, что они вносятъ въ эту борьбу и надежды свои, и порою свое горькое отчаяніе?...

Въ сущности говоря, два воззрѣнія раздѣляли и раздѣляютъ постоянно нашихъ историковъ. Они ярко выставились въ послѣднее время въ *родъ* и *общинѣ*, какъ послѣднихъ выраженій существенныхъ противорѣчій; можетъ быть еще и эти формулы недовольно ясны, можетъ быть *централизація* и *племенные начала* выразить точнѣе смыслъ ученой борьбы. На языкѣ прежней полемики это былъ споръ о Варягахъ-Славяпахъ и Варягахъ-Норманнахъ, — нѣсколько ближе къ нашимъ временамъ, — споръ послѣдователей Карамзина съ скептиками. Въ сущности всѣ эти споры — одно и то же, и несколько не прекратились. Завтра, постѣ-

завтра можетъ явиться новый Венелинъ, новый Морошкинъ и снова подниметь вопросъ о славянизмѣ Варяговъ, равно какъ возможно и появленіе новаго Каченовскаго. Дѣло тутъ въ вѣрѣ въ Славянизмъ, какъ въ самобытно развивающійся и способный къ развитію элементъ, или въ невѣрїи въ него, въ томъ отчаяніи, которое чисто отрицательныя стороны славянскаго духа поселяютъ въ ученыхъ, требующихъ отъ этого совершенно новаго духа тѣхъ же формъ и типовъ, какія даны развитіемъ духа германскаго.

Въ послѣднее время начало едва, впрочемъ, замѣтно показываться еще новое направленіе. Среднее ли оно и припрямляющее, или враждебное тому и другому — мы еще не знаемъ, ибо оно недостаточно обозначилось. Оно ни германское, ни славянское, — но исключительно великорусское. Оно породило въ послѣднія времена жаркій споръ Максимовича и Погодина и заявило на первый разъ гипотезу столь блестящую, что никакія филологическія возраженія не могутъ отнять у нея силы и дѣйствія на массу читателей. Предполагая, что тѣ изъ читателей, которые не интересуются современными вопросами русской исторіи, не станутъ и читать нашей статьи, ибо она вся по необходимости должна состоять изъ намековъ, — или иначе разрослась бы въ обширное изслѣдованіе, — я не распространяюсь на счетъ этой гипотезы объ исключительномъ обладаніи великорусскаго элемента и великорусской рѣчи въ древней нашей исторіи. Во всякомъ случаѣ и эта, до гениальности смѣлая гипотеза не простой ученый вопросъ, а плоть и кровь. Въ ней сказалось цѣлое, еще невыразившееся, еще носящееся въ воздухѣ направленіе, которое только въ великорусскомъ племени видитъ положительныя стороны славянскаго духа, крѣпкіе задатки общественнаго развитія и наибольшее отсутствіе противуобщественныхъ элементовъ. Есть многіе мыслители, которые, приведенные въ отчаяніе отрицательными сторонами славянскаго духа, готовы даже считать, впрочемъ, безъ доказательствъ, великорусское племя какимъ-то особеннымъ, даже вовсе не славянскимъ племенемъ. Пока выражается это мнѣніе еще въ видѣ прони, легкой шутки, во и для него найдутся вѣроятно ученые поборники.

Таковъ *statu quo* направлений, или уже рѣзко обозначившихся, или еще сокрытыхъ въ будущемъ. Имѣя цѣлю въ статьѣ нашей только свидѣтельствовать факты, мы не хотимъ и не должны стать на сторону того, другаго или третьяго. Мы масса, читатели и съ точки ихъ зрѣнія будемъ смотрѣть на явленіе. Въ этомъ только и будетъ заключаться значеніе нашей статьи.

II.

Особенное свойство формулы, *родоваго* и *общиннаго* быта — то, что эта формула, какъ болѣе определенная, есть уже полная теорія, съ которой, какъ съ готовымъ даннымъ, мы приступаемъ къ явленіямъ жизни, ради которой мы не щадимъ нисколько ни самыхъ явленій, ни своего къ нимъ простаго, первоначальнаго, непосредственнаго отношенія. Это общее положеніе тотчасъ же будетъ осязательно-понятно для читателей, если мы укажемъ, напримѣръ, на отношеніе хоть къ личности Ивана Грознаго нашей эпохи, въ сравненіи съ отношеніемъ эпохи Карамзинской или ей предшествовавшей, на различіе сочувствій къ судьбѣ Новагорода Карамзина и Соловьева, и т. п. Мы хотимъ сказать однимъ словомъ, что теоріи нашего времени гораздо болѣе деспотически распоряжаются съ историческими событіями, нежели классическіе идеалы, существовавшіе въ душѣ Карамзина. Подъ влияніемъ нѣкотораго фатализма, къ которому приведена была мысль наблюденіями надъ необходимостью историческихъ явленій, мы постоянно насилуемъ свое чувство, приносимъ его въ жертву общей преемственной связи событій. *Родовики* или *общинники* (позволяемъ себѣ употребить эти ходячія въ публикѣ названія ученыхъ партій), мы всѣ одинаково виноваты въ этомъ грѣхѣ, если можно назвать грѣхомъ желаніе постигнуть тайны жизненныхъ процессовъ, и съ вершины ихъ смотрѣть на всѣ частности.

Этимъ деспотизмомъ теоріи проникнуть и трудъ г. Соловьева, какъ произведеніе нашей эпохи. Во все продолженіе восьми доселѣ напечатанныхъ томовъ, мы постоянно имѣемъ дѣло съ теоріею, постоянно съ нею встрѣчаемся, нигдѣ не видимъ свободнаго отношенія автора къ предмету. Въ этомъ

заключается и сила сочиненія и причина его огромнаго успѣха, — въ этомъ же и его слабость и причины ожесточенныхъ на него нападеній.

Ибо нападенія на трудъ г. Соловьева часто носили и доселѣ носятъ характеръ ожесточенія — и это мы считаемъ долгомъ заявить прежде всего, не смотря на разногласіе наше во многомъ съ почтеннымъ историкомъ Россіи. Не говоримъ о тѣхъ изъ противниковъ г. Соловьева, которые оспаривали названіе исторіи у его труда, — дѣйствительно представляющаго собою какую-то постоянную диссертацию; не говоримъ и о тѣхъ, которые его толкованіе историческихъ фактовъ опровергали своимъ толкованіемъ, — но о тѣхъ, которые вовсе не хотятъ придавать значенія его труду, не хотятъ видѣть того все-таки огромнаго шага, который сдѣлашъ здѣсь наукою исторіи русской, желаютъ представить этотъ трудъ чѣмъ-то совершенно бесплоднымъ. Они вѣроятно и эти строки, внушенныя единственно чувствомъ справедливости, сочтутъ пристрастными; но если пора отдать честь стремленіямъ Полеваго, если пора перестать ребячески считать дерзкими попытки, отыскать инныя формы, кромѣ формъ Карамзинскихъ, то будетъ ли послѣдовательно отказать въ сочувствіи и глубокомъ уваженіи сочиненію, въ которомъ сведены въ цѣлость и совокупность современныя стремленія къ объясненію нашего быта, — хотя бы самыя объясненія расходились съ нашими.

Прежде всего — новый историкъ Россіи — человекъ съ дѣйствительнымъ, историческимъ, т. е. художественнымъ талантомъ, хотя этотъ замѣчательный талантъ принесенъ имъ въ жертву его служенію теоріямъ, и по этому самому обнаруживается не въ цѣлости, а разбросался въ яркихъ частностяхъ. Изложеніе г. Соловьева, какъ постоянно что-либо доказывающее, что-либо адвокатски защищающее, или прокурорски-обвиняющее, часто небрежно, запутано, сбивчиво, и постоянно имѣя въ виду внѣшнія цѣли, не носятъ на себѣ печати художественной стройности и спокойствія; но, можетъ-быть, по этому самому производитъ сильное впечатлѣніе. Надобно сказать и то, что лишенное желаній внѣшняго драматизма и стремленій къ эффекту, это изложеніе дѣйствуетъ

на читателя своимъ простымъ и суровымъ тономъ, необыкновенно сильно вездѣ, гдѣ авторъ менѣе заботится о доказательствахъ своихъ мнѣній: не поддѣлываясь подъ лѣтописъ, но часто сплошь и па-скоро (особенно въ VIII томѣ, во второй его половинѣ) переводя лѣтописи и граматы, оно внушаетъ какое-то довѣріе... Говоря о таковыхъ же качествахъ изложенія Татищевского и даже Щербатовскаго, нельзя говорить много о талантѣ этихъ писателей: они и взрѣніемъ и языкомъ были очень не далеки отъ эпохъ, ими описываемыхъ; но въ г. Соловьевѣ — совершенно свободный выборъ такого тона свидѣлствуетъ о талантѣ несомнѣнномъ. Прибавьте къ этому, что простота тона не переходитъ у него въ грубость и неопрятную обрывчатость: тамъ даже, гдѣ Самозванецъ, напримѣръ, «даетъ» у него «въ зубы» оскорбившему его Поляку — вы не поражаетесь этимъ выраженіемъ — явный признакъ, что авторъ поставилъ его не для эффекта, не съ претензіями на особенную народность.

Но самая блестящая сторона таланта нашего историка въ томъ художническомъ чутьѣ личностей, мѣстностей, народностей, которое проглядываетъ у него въ безчисленномъ множествѣ частныхъ. За нимъ навсегда останется та заслуга, что онъ сумѣлъ первый вѣрными, характеристическими, прямо изъ лѣтописи вырванными чертами, — иногда однимъ какимъ-либо живымъ и мѣткимъ эпитетомъ обозначить множество личностей, до него представлявшихся намъ необычайно смутно и тускло, — и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ его такъ называемый удѣльный періодъ, не смотря на то, что спутаннѣе и сбивчивѣе развитія ткани событій, именно этаго отдѣла его исторіи, трудно себѣ что-либо представить. Пусть многія изъ личностей этой, можетъ-быть, самой блестящей эпохи нашей до-петровской исторіи, представлены въ ложномъ свѣтѣ, нѣкоторыя (какъ, напримѣръ, Константинъ Всеволодовичъ) намѣренно обойдены; нѣкоторымъ (какъ Ростиславу Мстиславичу) не воздано подобающей чести, живыя черты Мономаха, Олега, Изяслава Мстиславича, дяди Юрья Андрея Боголюбскаго, Мстиславовъ — остаются несомнѣнными заслугами нашего историка. Простое и глубокое пониманіе отношеній Московскихъ князей къ Татарамъ, ихъ усо-

бищъ, столь отличныхъ отъ усобищъ князей первой эпохи, простота, съ которою переданы домашнія ихъ отношенія (исторія, напримѣръ, за поясъ Софьи Витолдовны съ сыновьями Юрія Дмитрича) — все это уже не качества диссертациі, а качества истиннаго историческаго сочиненія.

Наконецъ, проникательность историческая является у г. Соловьева въ полномъ блескѣ тамъ, гдѣ его покидаютъ любимыя его теоріи. Съ самой яркой стороны проникательность эта является въ разсказѣ о дѣлѣ убіенія царевича Дмитрія и въ объясненіи интригъ, создавшихъ перваго самозванца. Вообще исторія междоусобія самый полный и сравнительно художественно отдѣланный эпизодъ его труда, хотя, можетъ-быть, и здѣсь теоретическая ненависть къ тому, что называетъ онъ противупобщественными началами, завлекаетъ его слишкомъ далеко. Истинный историкъ, — употребимъ здѣсь народное выраженіе — умѣя говорить противъ волка, долженъ умѣть говорить и по волку.

Мы старались схватить въ общемъ очеркѣ существенныя достоинства и существенныя недостатки г. Соловьева. Достоинства явнымъ образомъ заключаются въ значительной степени таланта: недостатки всѣ происходятъ отъ подчиненія таланта теоріи.

Нигдѣ такъ сильно не выказывается это подчиненіе, какъ въ исторіи Новагорода, а, между-тѣмъ, таковымъ подчиненіемъ г. Соловьевъ началъ свою научно-историческую дѣятельность, ибо читателямъ, вѣроятно, извѣстно, что первое сочиненіе, познакомившее съ нимъ публику, была его магистерская диссертациія: «объ отношеніяхъ Новагорода къ великимъ князьямъ», сочиненіе блестящее, полное опять-таки яркоподмѣченныхъ частныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ общемъ своемъ содержаніи, проникнутое насквозь историческимъ фатализмомъ. Здѣсь впервые завязалась у него борьба съ тѣмъ, что онъ называетъ противупобщественными началами, и этой враждѣ жертвуется имъ съ фаталистическимъ крикомъ: *Vae victis!* его предметъ.

Попущеніе божіе смѣшивается съ соизволеніемъ.

То страшно трагическое, что было въ судьбѣ Новагорода, поставленнаго въ необходимость пасть передъ Москвою

за отсутствіемъ опоръ, понято г. Соловьевымъ удивительно: всѣ фазисы неминуемой катастрофы — паденіе стараго наряда, старой Руси, потомъ паденіе Твери и наконецъ совершешное обособленіе Новагорода представлены имъ превосходно, но заключительные выводы столь же случайны, какъ случайно было паденіе стараго наряда. И вотъ, тамъ, гдѣ Карамзинъ глубоко сочувствуетъ, г. Соловьевъ — враждуетъ. За симъ теорія идетъ уже безтрепетно и послѣдовательно. Въ слѣдующей же за тѣмъ книгѣ, въ своей докторской диссертаци: «Объ отношеніяхъ князей между собою», г. Соловьевъ приносить въ жертву теоріи — все то доблестное и, какъ пышный цвѣтъ, распускавшееся, что было въ дотатарской Руси, князей, охранниковъ стараго наряда, городовую и общинную жизнь, столь сильную, что она и въ новыхъ пригородахъ отзывалась началами старыхъ городовъ. Мѣшаетъ ему Монгольскій періодъ и — Монгольскій періодъ не существуетъ по маповенію теоріи. Вся земля русская представляется историку съ точки его теоріи, въ состояніи какого-то кочеванія и броженія: одно духовенство является сплывающимъ цементомъ; — проще сказать, одна общая, централизующая идея существуетъ для него: все народное, мѣстное, личное отходитъ въ область звѣрскихъ, противупообщественныхъ элементовъ; все, отъ мнѣнческихъ предашій до земскихъ отношеній, отъ элементовъ здорово и могуче развивавшихся въ XII вѣкѣ до элементовъ болѣзненно и напряженно отпрыгнувшихъ въ началѣ XVI вѣка.

Печальная теорія и еще болѣе печальная жертва, приписываемая историку теоріи! Мрачная картина, на которой Татары должны были бы играть самую благодѣтельную роль, еслибъ вліянія ихъ не отвергла теорія, не смотря на свою беспощадную послѣдовательность. Вѣроятно, она и отвергла ихъ только во избѣжаніе соблазна.

Что же это за теорія, обливающая мрачнымъ колоритомъ всю жизнь старой Руси? Ее такъ долго звали *родовою* или теоріею *родоваго быта*, что намъ бы слѣдовало не запутывая дѣла, продолжать называть ее такъ же; но намъ кажется, что именно это неправильное названіе путаетъ очень простое дѣло, что послѣдніе отпрыски этой теоріи въ даровитыхъ

статьяхъ г. Чячерина — раздвинули границы вопроса далеко за предѣлы старой формулы.

Формула должна назваться иначе по весьма многимъ причинамъ.

III.

Мы уже назвали съ самаго начала нашей статьи новую формулу формулой *централизации* — но совершенно понятною станетъ она для читателей только тогда, когда выведется изъ дѣлаго обзора историческаго труда г. Соловьева, къ которому мы теперь и приступаемъ.

Полагая, что тѣмъ изъ читателей, которые будутъ читать нашу статью, совершенно извѣстно сочиненіе, о которомъ идетъ дѣло, мы не позволимъ себѣ большихъ изъ онаго выписокъ, а будемъ ограничиваться болѣе указаніями.

Въ самомъ предисловіи довольно ясно высказаны основныя идеи автора: онъ начинается съ того, что совершенно отвергаетъ такъ называемый Норманскій періодъ — т. е. вліяніе общественнаго быта Нормановъ на бытъ Славянскій, — между тѣмъ, говоритъ о борьбѣ съ новыми правительственными началами быта, который онъ называетъ родовымъ или племеннымъ. Этому родовому, племенному быту онъ приписываетъ такую силу, что онъ будто бы дѣйствовалъ въ свою очередь на измѣнившія его начала, до того что семья Рюриковичей подверглась вліянію родовыхъ отношеній. Завязавшіяся и установившіяся родовыя отношенія, въ свою очередь могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси — стало бытъ дѣйствуютъ уже, такъ сказать, вторично, — дѣйствуютъ на то, изъ чего они произошли. Явно, что вся эта путаница взаимодѣйствія происходитъ отъ несчастнаго слова: родовыя начала, а самый узелъ путаницы находится въ старомъ неразрѣшимомъ вопросѣ призванія Варяговъ. Г. Соловьевъ тутъ же и притомъ съ удивительною ясностью видитъ всю огромную разницу отношеній князей перваго, до-татарскаго наряда къ общественному быту съ отношеніями къ нему князей послѣдтатарскаго наряда — видитъ такъ же какъ узелъ послѣдующихъ сѣверо-восточныхъ отношеній — отношеній обособленія удѣловъ и *примысловъ* къ нимъ, отношеній князей —

вотчинниковъ, — въ послѣдующемъ изложеніи своемъ, онъ слѣдитъ внимательно кровавую борьбу, завязывающуюся между старымъ нарядомъ и новыми вотчинными отношеніями, борьбу, которой предѣлъ полагаетъ битва на Калкѣ, гдѣ по Божію попущенію гибнетъ все доблестное стараго наряда — послѣ чего сей послѣдній, лишенный всякихъ опоръ, продолжаетъ свое бытіе въ одномъ только трагически-бессоюзномъ Новѣгородѣ великомъ — по ему непремѣнно хочется, чтобы старый нарядъ погибъ по силѣ необходимости, лежавшей въ немъ самомъ — и вотъ почему отвергается монгольскій періодъ — на основаніи того только, что Татары жили вдалекѣ. Снявши разомъ тяжкое бремя Татарскаго ига — гораздо рѣшительнѣе чѣмъ Дмитрій Донской Куликовскою битвою — историкъ весьма легко и удобно обращаетъ потомъ всѣ начала стараго наряда въ начала противуобщественныя, мѣшающія общественному развитію — и на этомъ основаніи казнитъ ихъ до самаго междуцарствія включительно. Дѣло совершенно ясное и запутывать его несостоятельной теоріей родовыхъ отношеній нечего — да ужъ и не лучше ли будетъ слово *родовой бытъ*, какъ мы увидимъ впоследствии, передать на сторону противоположную, на сторону Варяговъ. Дѣло тутъ не въ родовыхъ отношеніяхъ, а въ силѣ централизующей, которая борется съ силами еще живыми, личными, мѣстными, племенными. Г. К. Алексаковъ въ одной блестящей статьѣ, напечатанной въ третьемъ Московскомъ Сборникѣ, доказалъ ясно, какъ дважды два — четыре, что соединеніе словъ *бытъ семейный* и *бытъ родовой* есть чистый nonsens, что гдѣ семья, тамъ о *родѣ*, рѣчи бытъ не можетъ, что *родъ* есть gens, кланъ — явленіе, господствующее большею частію въ странахъ сжатыхъ горами, однимъ словомъ — прибавляемъ отъ себя — допотопная кристаллизація. Но едва ли же не такой nonsens есть соединеніе словъ *бытъ родовой* и *бытъ племенной* — и это только на первый разъ покажется парадоксомъ. Если племя есть дѣйствительно племя, т. е. будущая народность, извѣстная краска въ общей картинѣ мірозданія, извѣстный живой типъ съ живою же, т. е. способной къ выраженію, измѣненію (въ своихъ разумѣтся пачалахъ), къ развитію физиономіей — то

родовой, однообразный бытъ не можетъ остаться въ немъ на долго, ибо живое не можетъ остаться допотопнымъ мастадономъ. Родовой бытъ въ такихъ племенахъ есть нѣчто совершенно донсторическое, нѣчто такое, что не уловишь даже какъ опредѣленный моментъ въ исторіи — а гдѣ онъ существуетъ, тамъ онъ представляетъ явленіе застывшее, окаменѣлое, и такое племя годится не въ жизнь а въ кунсткамеру. Бытъ племенной есть просто бытъ стихій однородныхъ, но разнообразныхъ. Каждая изъ нихъ хочетъ довести свою краску свою особенность до извѣстной степени густоты и яркости, выставляетъ ее, смотря по силамъ ей даннымъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ — до тѣхъ поръ, пока время, столкновения, сліянія не образуютъ для разнообразнаго, но однороднаго — извѣстнаго центра общей жизни. Вопросъ въ томъ только — самъ ли собою образовался этотъ центръ, т. е. родился изъ переброженія стихій или наложенъ извнѣ. Если онъ *внутренно* образовался — то всѣ стихіи уцѣлѣли и каждая получила опредѣленное мѣсто, и если не краску, то извѣстный отливъ въ общей картинѣ. Если онъ положенъ извнѣ, то укореняется не иначе какъ насильственно, съ кровавою борьбою, въ которой впрочемъ стихіи какъ нѣчто живое, вѣчное, только придавливаются, а не уничтожаются и рано или поздно отпрыгаются въ новыхъ формахъ — и разумѣется отпрыгаются болѣзненно, напряженно, какъ то было, наприжѣрь, въ нашемъ междуцарствіи.

Г. Соловьеву, повторяемъ, хочется во что бы то ни стало все стихійное, племенное представить только съ одной его стороны, со стороны отпора общественному развитію. Дѣйствительно у стихійнаго есть своего рода консервативность — но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно не допускало сліяній естественныхъ. Историкъ нашъ съ какой-то любовью останавливается на разныхъ лѣтописныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ запечатлѣлись племенные вражды — и надобно отдать ему справедливость, онъ первый выставилъ на видъ эти густыя краски вообще строгаго изложенія лѣтописцевъ (прозвища Володимерцевъ, Новгородцевъ, Рязанцевъ — «людища аки чуднища» и проч.), но онъ не видитъ того только, что, отмѣченный такимъ образомъ характеръ того или другаго

племенн можетъ бытъ на практикѣ повѣряемъ еще доселѣ, стало бытъ уцѣлѣлъ, могъ и долженъ былъ уцѣлѣть какъ особенность типа — что стихійное вовсе еще не уничтожилось.

Была мнута, когда все это, до сихъ поръ еще старой задержавшеюся жизнью живущее стихійное — развивалось само изъ себя — мучительными, но блестящими борьбами выработывало изъ себя и для себя свой центръ. Эта минута есть XII вѣкъ и начало XIII; — 1224 годъ полагаетъ по волѣ судьбы предѣлъ этому раннему развитію. Татарская туча заволакиваетъ небосклонъ — и все живое кладется подъ спудъ. Великое, дѣйствительно великое дѣло начинается совершаться на Сѣверо-Востокѣ собирателями земли русской, дѣло съ одной стороны отрицательное, съ другой стороны хранительное. Уничтожая песвоевременныя проявленія того, что по волѣ судьбы стало сокрыто подъ спудомъ, они, сплачивая землю русскую, берегутъ ее же особенную физиономію со всѣми многоразличными отливами. Потому — что и они сами, эти сѣверо-восточные собиратели, заступившіе мѣсто придѣпровскихъ охранниковъ и нарядниковъ — созданы тою же самою землею — только роль ихъ перемѣнилась. Нѣкогда они въ лицѣ Андрея и Всеволода — выдѣлялись сами изъ общаго — потомъ они же въ лицѣ трехъ Ивановъ сплачиваютъ новое общее, новый нарядъ и естественно борются съ остатками стараго общаго, стараго наряда. Старый нарядъ падаетъ въ этой борьбѣ — потому что у него не осталось никакихъ опоръ, но изъ этаго не слѣдуетъ, чтобы въ немъ не было живыхъ началъ, чтобы онъ былъ неспособенъ жить. Новому наряду помогаетъ внѣшняя сила — отношеніе къ Татарамъ. — Ихъ-то именно, эти отношенія, новый историкъ Россіи желалъ бы совершенно забыть — хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, по высокой даровитости, мастерски умѣетъ изображать ихъ — а между тѣмъ на всѣ его отрицанія монгольскаго періода — есть возраженіе весьма простое. Куликовская битва первый шагъ освобожденія — одна, въ числѣ весьма немногихъ событій уцѣлѣла въ памяти народа, перешла въ сказаніе, и доселѣ крещеная Русь читаетъ это сказаніе, наравнѣ съ благочестивыми книгами. Память народа

о бордахъ свидѣтельствуемъ о важности борьбы. Солоно досталась русской землѣ Татары да Литва, до того солоно, что доселѣ только пхъ она и помнитъ изъ всего своего стараго прожитаго. Оши-то и перервали связь ея съ ея до-татарской жизнью, укоротили память русскаго человѣка. Но забывши имена — русская земля не забыла того, чего имена были представителями — и доселѣ еще чуетъ она свое сердце, свою жизнь въ старомъ сказаніи, въ пѣснѣхъ и сказкѣхъ и доселѣ еще живетъ тою же самою жизнію XII вѣка.

Есть глубокознаменательный фактъ въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ. — Это книга смпреннаго инока горы Аѳонской отца Парвенія. Ее прочла вся Русь отъ мала до велика — а странствованіе инока XIX вѣка ничѣмъ не разнится отъ хожденія Данила, игумена XII столѣтія. Есть еще фактъ столько же знаменательный — что нѣкоторые литературныя произведенія послѣдняго десятилѣтія стали намъ пояснять типы стародавней жизни, стали для нея ключемъ разумѣнія.

Вотъ этого-то типоваго единства и не хочетъ постоянно видѣть нашъ историкъ, увлеченный своею теоріей — хотя, еще разъ повторимъ, владѣетъ всѣмъ чутьемъ таланта на пониманіе и даже порою на художественное представленіе частностей типоваго.

IV.

Въ исторіи до-петровской Руси — два момента въ особенности важны, какъ выраженіе всего *типоваго* въ ея жизни, всего кореннаго въ ея стремленіяхъ. Эти моменты — XII вѣкъ съ одной стороны и эпоха междоцарствія съ другой. Различіе между этими моментами, какъ мы уже сказали такое, какъ между здоровымъ и больнымъ, напряженнымъ развитіемъ — сходство въ томъ, что только въ эти два момента *типовое* и *коренное* являются во всей полнотѣ своихъ чертъ, отстаивая ихъ борьбою, отстаивая нарядъ, обороняя его.

Въ старинѣ нашей — той глубокой старинѣ, связь съ которою разорвала для насъ татарщина и къ которой близкое отношеніе мы должны уже возстановлять изученіемъ — есть два типа, въ которыхъ охранное, оборонительное на-

чало окружено великолѣпнѣйшею поэзіею для всякаго, кто умѣетъ чувствовать поэзію.

Я говорю о Владимірѣ Мономахѣ и о Мстиславѣ Мстиславичѣ Торопецкомѣ, Новгородскомѣ, Галицкомѣ.

Володимеръ Мономахъ — это статуя еще стоящая на крѣпкомѣ, не подрытомѣ пьедесталѣ — спокойный, величественный и именно спокойствіемъ величественный, первый слуга *земскихъ* началъ, кореннаго наряда еще не нарушеннаго ничѣмъ внѣшнимъ и *проходическимъ*, еще считаемаго за то, что есть и что должно быть, такаго наряда, кромѣ котораго еще ничего нѣтъ. Мономахъ — охранникъ наряда, судья-миротворецъ забывающій для земскаго порядка свои личные интересы. Онъ весь цѣльный, какъ бы литой и вмѣстѣ съ тѣмъ живой стоитъ передъ нами въ простодушномъ разсказѣ лѣтописца. Вотъ онъ когда «вложи» ему «Богъ» въ сердце и нача глаголати брату его Святополку, понужая его на поганья на весну». — Князья «срѣтостася на Долобьскѣ и сѣдоша въ единомѣ шатрѣ»; ибо Святополкъ, по имени все-таки великій князь, весьма справедливо, на основаніи общихъ началъ, сказалъ ему «да быхомъ ся сняли и о томъ подумали съ дружиною.» И вотъ: «бывшую молчанью (какая это тонкая, живая и притомъ совершенно великорусская черта въ лѣтописи!) рече Володимеръ: брате, ты еси старѣй, почни глаголати, како быхомъ промыслили о Руськой земли.» Только тогда начинаетъ онъ говорить, онъ — охранникъ всякаго порядка внѣшняго и внутренняго, когда Святополкъ самъ уступаетъ ему первое слово; «брате, ты почни!» Помните ли вы хорошо рѣчь кошеваго въ Тарасѣ Бульбѣ, рѣчь въ которой великій поэтъ Малороссіи совмѣстилъ все существенно-хохлацкое, что носилъ онъ, можетъ быть, внутри самого себя, носилъ часто смѣясь, издѣваясь, казня, и что можетъ быть стояло всегда между нимъ и понимаемъ великорусскаго быта. Помните этотъ хитрый пріемъ говорить повидимому противъ дѣла и между тѣмъ возбуждать къ дѣлу; — помните эту раздвоенность въ натурѣ, способность быть и сознавать себя на *радъ* инымъ чѣмъ въ походѣ, раздвоенность, которою обусловлено самое юрество запорожскаго лыцарства — способность видѣть впереди одну

дѣль, а къ средствамъ относиться совершенно равнодушно, совершенно сверху... Ничего подобнаго не представляетъ въ эту минуту ни натура Володимира, ни рѣчь. Его отпѣкиваніе начать рѣчь — не есть искусственное, *дѣланное* смиреніе кошеваго а простое уваженіе къ порядку. Въ его рѣчи есть тоже своего рода ловкій приѣмъ, но вовсе не скрытый, а совершенно прямой и дѣйствующій на убѣжденіе прямымъ дѣломъ. «Како я хочю молвити — говорить онъ—а на мя хотять молвити твоя дружина и моя ркуще; «хощете погубити смерды и ролью смердомъ? но се дивно «ми брате, еже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не «помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орати «лошадью тою и приѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣ- «люю и поиметъ лошадь ту — и жону его и дѣти его и гум- «но его зазжетъ, — то о семъ чему не мыслите?» (Кіевская лѣт. 6619 годъ).

Есть нѣчто совершенно эпическое, совершенно ваятельное, въ этомъ величавомъ и вмѣстѣ простомъ образѣ—хотя сей часъ мы слышали его живую рѣчь, до того живую что и въ голову не придетъ, да и придти не можетъ, чтобъ она была *дѣланная*, сочиненная лѣтописцемъ, т. е. въ голову не придетъ, чтобы жизненный взглядъ и выраженіе лѣтописца раздвоились съ жизненнымъ взглядомъ и выраженіемъ его героя.

Это эпическое еще осязательнѣе въ разсказѣ о битвѣ у Клязьмы сына Володимира, Мстислава съ Олегомъ, когда «вдасть Мстиславъ стягъ Володимеръ Половчину, именемъ, «Кунуй» «вдавъ ему пѣшыцѣ и постави и на правомъ кри- «лѣ и заведѣ Кунуй пѣшыцѣ *наля стягъ Володимеръ и узрь «Олегъ стягъ Володимеръ и убося и ушедъ нападе на нь и на «вою его»* (Суд. 6604 л.), вѣроятно читатели такъ же могутъ почувствовать, что есть эпическаго въ этомъ стягѣ, въ этой тѣни великаго нарядника носящейся надъ битвою.

Этотъ какъ бы изваянный образъ не теряетъ своего спокойнаго величія отъ того, что въ завѣщаніи своемъ герой смиренно повѣствуетъ о своихъ подвигахъ, о своей службѣ землѣ, за которую «утерь онъ много пота» и въ эту минуту, когда онъ пишетъ завѣщаніе, стоитъ онъ на высокомъ под-

ножи, на которомъ не всякій стоять можетъ. То — минута великой скорби и великаго смиренія передъ врагомъ, нанесшимъ скорбь.

Но вопросъ и вопросъ весьма естественный: что если бы Мономахъ поставленъ былъ не въ эту эпоху, а въ эпоху своихъ внуковъ отъ сына Юрья? Статуя охранника и нарядника должна была бы сойти съ величаваго подножія и ринуться въ битву съ тѣмъ, что подрываетъ или сокрушаетъ это подножіе стараго наряда. Приходитъ время, когда не только «судить по праву и рядить по ряду» надобно, но отстаивать судъ и рядъ по старинѣ противъ новаго Суздальско-Володимірскаго суда и ряда? Что сдѣлалъ бы Володиміръ Мономахъ, если бы Святополкъ, напимѣръ, прислалъ къ нему такого же посла и съ такими же рѣчами, какого посла, и съ какими рѣчами прислалъ къ Ростиславичамъ, старшей вѣтви его внуковъ, Андрей Суздальскій, младшій его внукъ? То же, что сдѣлали Ростиславичи, т. е. велѣлъ бы: «Андреева посла емъше постричи голову передъ собою «и бороду», какъ они же, какъ Мстиславъ Ростиславичъ отецъ удалаго Мстислава, выучившагося у отца, «отъ унести не уполошится никого же, но токмо Бога единаго блюстися» — сказалъ бы; «идите къ князю своему и рди ему; мы тя «до сихъ мѣсть, акы отца имѣли по любви — а еже еси съ «сякими рѣчами прислалъ, не акы къ князю, но акы къ «подручнику и просту чловѣку, и что умыслилъ еси а «то дѣй, а Богъ за всѣхъ.»

И вотъ такая-то статуя, сошедшая съ пьедестала и ринувшаяся или лучше сказать ринутая въ вѣчную битву за нарядъ, за свое подножіе — послѣдній самый великій изъ Мстиславичей, старыхъ охранниковъ, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой Торопецкій, Новгородскій, Галицкій. Отецъ его кратковременнымъ, но яркимъ свѣтиломъ пронесся по русской землѣ, кротость и любовь наслѣдовавшій отъ отца Ростислава, стягъ и мечъ отъ прадѣда Мономаха, почившій въ Новѣгородѣ великомъ, гдѣ немного князей почили, но, которые почили, такъ ужъ тѣ были совѣмъ по Новугороду — послѣднему и главному подножію стараго идеала жизни, суда и ряда....

Никто изъ историковъ нашихъ не изобразилъ блестящей участи Мстислава Удалага такими широкими и смѣлыми чертами, какъ Погодинъ въ своей небольшой, по количеству страницъ, статьѣ о немъ: онъ указалъ глубоко на то трагическое, что есть въ противоположности этой, полной славныхъ, честныхъ подвиговъ жизни, съ безславнымъ, безвѣстнымъ концемъ посреди крамоль и каверзъ галицкаго боярства. Новгородское вѣче, значеніе нарядника и охранника земли русской, постоянная охрана наряда этой земли—столь любимой Мстиславомъ, что даже и тамъ, гдѣ онъ былъ совершенно на мѣстѣ, такъ сказать въ истинномъ своемъ центрѣ, въ Новгородѣ — не могъ онъ усидѣть покойно и говаривалъ: «суть ми орудія въ Руси» т. е. мое дѣло настоящее, мое настоящее значеніе тамъ — и потомъ далекій Галичъ, все болѣе и болѣе отторгавшійся отъ русскаго единства — куда пошелъ онъ тоже за своимъ дѣломъ, пошелъ поддержать и возстановить нарядъ — и который растлилъ можетъ быть его мужественную, самоотверженную природу — и какъ бы въ кару за это растлѣніе — несчастіе битвы на Калкѣ, гдѣ внѣшняя, чуждая сила лишила старыи нарядъ всѣхъ его средствъ, всей обороны, гдѣ погибла Русь, т. е. Кіевскій нарядъ въ лицѣ всего своего доблестнаго: несчастіе еще болѣе горькое — быть вынужденнымъ бѣжать съ поля этой битвы и сознавать что самъ онъ виноватъ въ ея неудачѣ и наконецъ, самое горькое несчастіе доживать свой вѣкъ въ далекомъ захолустьи, и утративши значеніе охранника и нарядника праваго дѣла, ослабѣтъ духомъ и тѣломъ. Да! это участь трагическая, но трагизмъ здѣсь не въ фатализмѣ, къ которому — (да простить здѣсь учителю одному изъ своихъ учениковъ) — приходитъ Погодинъ, размышляя о Мстиславѣ и — весьма недавно размышляя о Новгородѣ, — трагическое здѣсь въ самой личности Мстислава и въ винѣ этой личности.

Время переѣнилось. Другой идеалъ, другой нарядъ поднялся съ сѣверо-востока. Но сказать, что идеалъ или нарядъ Суздальскій былъ правъ, а идеалъ Кіевскій виноватъ, значить вдаваться въ историческій фатализмъ, въ которомъ — по странной игрѣ судьбы — сталкиваются и г. Соловьевъ и

Погодинъ. Но, милостивые государи, (позволяю себѣ обратиться съ одною рѣчью и къ глубоко уважаемому мною наставнику и къ старому другу молодости, обратиться не какъ спеціалистъ, а какъ критикъ т. е. какъ представитель мнѣнія известной части публики) — вы все забываете 1224 годъ и битву на Калкѣ, скосившую лучшій цвѣтъ стараго наряда, вы забываете о Руси, вызженной потомъ полчищами Батгя, о перерванности развитія, о попущеніи Божіемъ. Сказать что Мстиславъ Мстиславичъ боролся за *неправо* — значитъ свалить все трагическое его судьбы на тотъ нарядъ, котораго онъ былъ послѣдней великой личностью и забывать что великій нарядникъ Липецкой битвы, отправившись въ Галичь для возстановленія наряда, т. е. идеала общественнаго — нравственно упалъ тамъ, растлился и занялся исключительно интересами личными.

Позволю себѣ гипотезу, — психологически впрочемъ вѣрную, что сверхестественныя силы нужно имѣть для того, чтобы послѣ долгой, даже успѣшной борьбы съ чѣмъ либо *живымъ*, т. е. имѣющимъ силы жить и бороться, — не принять въ себя нѣкоторымъ образомъ соковъ того, съ чѣмъ борешься. Мстиславу въ Галичь предательски улыбнулась Суздальская мысль обособленія и усиленія въ замкнутомъ міру. Но, ни Мстиславъ не былъ Андреемъ, ни растлѣнный Поляками, Венграми и боярами Галичь не походилъ на дѣвственную почву сѣверо-восточной стороны. Сыщъ страстнаго и прямаго Мстислава, внука того Ростислава, который способенъ былъ преимущественно на героизмъ самопожертвованія, который безъ боя «уступилъ дядѣ старѣйшему» какъ только тотъ изъявилъ притязанія на Кіевъ, — Мстиславъ Мстиславичъ былъ слишкомъ чистъ, чтобы, имѣя въ виду цѣль, не разбирать средствъ. И — по вѣчной ироніи судьбы — излишняя душевная чистота и излишняя душевная сила, потерявшія свои опоры: вѣру въ нарядъ и самоотверженіе ради его — обратились въ слабость, растлились. Вотъ что трагично въ участи Мстислава, а вовсе не то, что онъ былъ защитникомъ устарѣлаго и долженствовавшего пасть наряда. Дѣло въ томъ, что *попущеніемъ*, а не *соизволеніемъ* Божіимъ погибъ нарядъ, которому честно слу-

жилъ нѣкогда доблестный князь. Но, попущеніемъ *собственными*, одолѣвши неправду на Липецкой битвѣ, онъ принялъ въ себя нѣсколько капель ея, для него ядовитаго напитка. Въ Галичѣ уже не тотъ Мстиславъ, которому «суть орудія въ Руси.»

Оно признаться и трудно было удержаться на той нравственной высотѣ, на которой является намъ онъ, трикраты проносящійся съ топоромъ своимъ по рядамъ враговъ, на Липецкой битвѣ. Все, что есть поэтическаго и великаго въ образѣ нашихъ богатырей, въ образѣ прадѣда его Мономаха, въ образѣ честнаго и самоотверженнаго дѣда его Ростислава — все сливается въ немъ въ эту торжественную мнугу его жизни.

Въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, что всѣ геронческія черты Мстиславова образа уцѣлѣли для насъ преимущественно въ лѣтописяхъ Новгородскихъ. Эпопея о немъ — ибо это именно есть эпопея — разсѣяна преимущественно въ I-й и IV-й (въ сей послѣдней — липецкая битва) Новгородскихъ лѣтописяхъ. Лѣтопись Кіевская знаетъ его хорошо, только съ слабыхъ, съ Галицкихъ его сторонъ. Суздальская сухо и бѣгло говоритъ, что «окаянный врагъ діаволь вложи нѣкую *котору* злу межн князи, сыны «Всеволожи...» и бишася у Юрьева и одолѣ Костянтинъ.» Есть даже какое-то какъ будто намѣренное умолчаніе о всѣхъ тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ съ блестящей стороны является Мстиславъ Мстиславичъ и какъ будто намѣренное же упоминаніе о неудачахъ его. По Суздальской лѣтописи, мы бы только и знали о Мстиславѣ Мстиславичѣ, что онъ, напримѣръ, *затворился* въ Торопцѣ отъ Всеволода Чермнаго и потомъ «не мога терпѣти въ градѣ, цѣлова къ нему (Всеволоду) крестъ на его воли;» что въ лѣто 6717 зимою «великій князь Всеволодъ посла сыны своя Костянтина съ братьею его па Мстислава Мстиславича на Торжекъ Мстиславъ же слышавъ, еже идетъ нань рать изиде изъ Торжку Новугороду и оттуда иде въ Торопецъ, въ «свою волость» — что, (между прочими событіями лѣта 6724) «того же лѣта Новгородци *выгнаша* отъ себѣ Мстислава Мстиславича и Ярослава Всеволодовича приведоша къ се-

«бѣ на столѣ.» И — ни слова о событіяхъ 1206 года, ни слова объ участи Мстислава Мстиславича какъ нарядника въ дѣлѣ между Константиномъ Всеволодовичемъ и его братьями.

Въ Новгородскихъ же лѣтописяхъ, напротивъ, о неудачахъ Мстислава ни помину, о размолвкахъ его съ Новымъ городомъ упоминается вскользь: подъ лѣтомъ же 6724 (по 1-й Новг. подъ 6723) какъ будто съ желаніемъ скрыть что-то, — сказано: «Поиде князь Мстиславъ *по своей воли* Къеву и «створи вѣще на Ярославли дворѣ и рече Новгородьцемъ: «суть ми орудія въ Руси *а вы волиши въ князехъ.*»

Что же это значить? Значить просто что *нарядъ* разный стоитъ передъ мыслью лѣтописца Суздальскаго и передъ мыслью лѣтописцевъ Новгородскихъ. Извѣстіе Володимира Мономаха одинаково лѣпится и южными и суздальскими и новгородскими писателями — только послѣдними вкратцѣ, болѣе какъ статуя отца Мстислава Великаго, который «заложилъ Новгородъ болѣе перваго». Нарядъ еще одинъ, стало быть и представленіе о нарядникѣ одно, цѣльное, не разбитое.

А Мстиславъ Мстиславичъ уже борецъ за одинъ нарядъ противъ другаго наряда. Еще объ отцѣ его, обрившемъ голову и бороду Андрееву послу, уцѣлѣло героическое представленіе, да и то не въ сѣверовосточной лѣтописи; а въ Кіевской: подъ этими годами еще несравненно менѣе сглажена память о томъ нарядѣ, во имя котораго онъ дѣйствовалъ или, лучше сказать, не такъ еще ярко вызначился, не отделился къ формы, черты новаго наряда. Но отъ лѣта 6682 до лѣта 6724, много воды утекло.

На крови Андрея, на крови мученика выросъ новый нарядъ, сталъ *правдой*, которую отстаивали «мезинніи Володимерцы» въ дѣлѣ со старѣйшими городами, — сложился въ цѣльный, законченный образъ Всеволода Георгіевича, въ типъ любезный Володимерцамъ, противный Новгородцамъ, но столь же русскій, какъ и типъ прежній, рожденный только уже другими, чисто великорусскими стихіями славянскаго духа.

Трагическое въ образѣ Мстислава, это то, что онъ — Владиміръ Мономахъ, которому остается рядить только въ

Новгородъ и который все по старому думается что нарядъ одинъ и что «суть» ему «орудія въ Русь» когда Русь уже распалась на Владиміръ и Новгородъ..... Такъ какъ никакая жизнь не умираетъ, не давши отъ себя возможныхъ отпрысковъ, а старый нарядъ вовсе и не собирался даже умирать — то ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что въ семьѣ Всеволода Владимірскаго есть Константинъ, въ которомъ олицетворяется противленіе новому въ тѣхъ самыхъ стихіяхъ, изъ которыхъ новое сложилось, Константинъ съ его любовью къ книжному ученію и вмѣстѣ къ старымъ городамъ, къ наряду старому, чтимому имъ религіозно, — Константинъ, *судья* Новгородскій — высокое, чистое и какъ все слишкомъ чистое — кратковременное существованіе — несправедливость къ которому г. Соловьева, какъ будто обходящаго его, слишкомъ очевидна — и еще болѣе дѣлается очевидною, если читатели знакомы съ превосходной статьей объ этомъ князѣ г. И. Д. Бѣляева.

По старинной и вѣчной ироніи судьбы, новый нарядъ пошелъ отъ человѣка, который всю жизнь свою добивался чести былъ нарядникомъ стараго наряда и всю жизнь свою плакался, что ему и его дѣтямъ «нѣтъ» части въ русской землѣ» отъ Юрья Владиміровича Долгорукаго!...

По той же самой причинѣ, Юрій Владиміровичъ основалъ или, лучше, *открылъ* Москву, послѣдній и самый прочный окладъ того образа, который новый нарядъ искалъ утвердить въ Суздали, Владимірѣ, Боголюбвѣ.

V.

Цѣльный типъ личности Владиміра Мономаха распадается въ сыновьяхъ его и внукахъ. Въ числѣ этихъ распаденій и отпаденій является одно лице, полное глубоко-комическаго содержанія. Это — вѣчный *дядя* Вячеславъ, именно вѣчный *дядя*, на котораго наконецъ возложили честь «яко на стрія старѣйшаго» племянники Изяславъ Мстиславичъ и Ростиславъ Мстиславичъ, который какъ Половчинъ бѣгаетъ по русской землѣ, посидитъ то тамъ, то сямъ и нигдѣ усидѣться не можетъ, потому что въ княжескомъ дѣлѣ видитъ онъ только вѣшнюю его сторону: пированье съ дру-

жиною и удобства жизни — лице, котораго сущность выражена юмористически народомъ извѣстнымъ присловіемъ о Титѣ (Тить, ступай молотить! Животъ болитъ. — Тить ступай кашу ѣсть — гдѣ моя большая-то ложка?) — забывающій всегда о дѣлѣ и долгѣ наряда, но напоминающій всегда самъ и твердо помнящій основныя положенія наряда, великій князь только по имени, но чрезвычайно довольный великимъ княженіемъ: въ сущности весьма добродушный и даже способный къ сознанию своего нравственнаго ничтожества, при смерти доблестнаго племянника. Это комическое лице носить однако въ себѣ стихіи, которыя создаютъ потомъ могучій, грозный и величественный типъ Андрея. Исканіе удобствъ княжеской жизни вырастаетъ въ сознательную мысль обособленія. Разъединеніе съ общими интересами южной Руси воспитывается въ возвышенной природѣ Андрея не своекорыстіемъ, а негодованіемъ на дѣйствія отца Юрія, готоваго добывать часть въ Русь себѣ и своимъ дѣтямъ всякими средствами, честными и нечестными. Андрей съ презрѣніемъ отворачивается отъ этихъ интересовъ, съ дѣтства развѣнчанныхъ для него мелочностью обстановки, съ презрѣніемъ отдаетъ Кіевъ кому попало, впервые взявши вѣнчанный городъ на копье и уединяется туда, гдѣ дышать ему свободно, на сѣверо-востокъ. Но и здѣсь познаетъ онъ подъ конецъ, что старый нарядъ есть еще нѣчто живое, всюду раснутившее свои корни и гибнетъ героическою жертвою обособленія. Послѣ его смерти, «мезиніи Володимерци» въ борьбѣ съ старыми Ростовцами, въ сущности выговариваютъ только себѣ право на равное участіе въ общемъ, т. е. пока еще старомъ нарядѣ, но помимо воли и желанія, строятъ подножіе новому Андреевскому наряду.

На подножіе твердо становится новая статуя — Всеволодъ Георгіевичъ, прадѣдъ Калиты и Ивана III, типъ вотчинника, типъ такъ же точно рожденный изъ утробы народной сущности какъ и типъ нарядника Мономаха, типъ пріобрѣтателя, государственнаго промышленника, типъ сѣверо-восточный, поволжскій — болѣе выдержанный, чѣмъ порывистый, хоть и не менѣе перваго страстный, иногда и

благодушный, но благодушный съ умомъ и расчетомъ, а не безразсечно великодушный, какъ Мстиславъ Мстиславичъ въ Галичѣ съ Судиславомъ (Кіевск. лѣт. 6727.).

Но этотъ новый типъ, покаместъ еще оставимъ въ сторонѣ. Я коснулся его только для того, чтобы пояснить типъ Мстислава Мстиславича, и дабы сказать съ другой стороны, что какъ тотъ, такъ и другой типъ равно созданы соками народной жизни и стало быть оба равно имѣютъ право и на сочувствіе и на безпристрастный судъ. По неисповѣдимымъ судьбамъ промысла, типъ Мстислава заслоняется на время сѣверо-восточнымъ типомъ — но возстаетъ впоследствии во всей красотѣ и трагическомъ величіи въ лицѣ Рязанца Липунова — сдавая потомъ мѣсто третьему типу — выборнаго отъ всея земли посадскаго челоувѣка Козьмы Минина.

Какъ раздвоился типъ греческой жизни на Одиссея и Ахилла, такъ съ давнихъ поръ раздвоился нашъ народный типъ. Онъ раздвоенъ уже въ первоначальныхъ сказаніяхъ, въ богатырскихъ сказкахъ и только насильственно можно сливать этотъ типъ въ одинъ и отрицать двойственность. Должно принять какъ равно живыя стихіи — и Добрыню Никитича и Алешу Поповича съ Чурилой Пленковичемъ. Въ въ этихъ типахъ, съ самаго появленія ихъ въ простыхъ и нѣсколько грубоватыхъ изображеніяхъ, замѣтно уже много сметки и того юмора, который составляетъ часто, выкупающую сторону русскаго челоувѣка въ отношеніи ко многимъ темнымъ его сторонамъ. Типъ же Ильи Муромца, которымъ однимъ хотятъ многіе замѣнить два этихъ разнородныхъ жизненныхъ типа, — есть уже исключительное, героическое, уже не просто народное а просвѣтленное христіанствомъ — хотя и правда то, что можетъ быть ни чье народное не представляетъ стихійныхъ началъ, столь доступныхъ просвѣтленію или лучше сказать ни чье народное не представляетъ такой мягкости, такого отсутствія темныхъ стихійныхъ началъ, противоборствующихъ просвѣтленію, такого отсутствія гордости, жесткости, злопамятности, порывистой страстности. Это отсутствіе только въ своемъ просвѣтленіи становится смпреніемъ, незлобіемъ, великодушіемъ, само-

отверженіемъ — но предоставленное самому себѣ, становится чисто отрицательнымъ свойствомъ, можетъ перейти въ постыдное равнодушіе, «тлетворную» ложь, хамство Фамусова и добродушно смиренное взяточничество Юсова, въ китайскій застой, мертвящую лѣнь, постыдную и унижающую человѣка запущенность жизни. Грань отдѣляющая степень этихъ отрицательныхъ свойствъ, на которой они — пороки отъ степени, на которой они просвѣтляются въ добродѣтели, т. е. на которой они очищаютъ въ насъ поле всему доброду, такъ мало рѣзка, что въ нашихъ душевныхъ отношеніяхъ къ ней, нужна великая осмотрительность. Съ другой стороны, жизнь этихъ отрицательныхъ свойствъ нашей природы такъ сильна и крѣпка, что вѣчно въ насъ сказывается, то отпоромъ, то сочувствіемъ, то наконецъ нашимъ критическимъ чувствомъ, ибо эти же отрицательныя, т. е. умѣряющія все жесткое, начала, борются въ нашей душѣ со всѣмъ рѣзкимъ, смѣются надъ нимъ въ насъ самихъ и въ другихъ народахъ, порождаютъ недоуверіе и иронію, сѣдаютъ какъ ржавчина все фальшиво-героическое.

По закону рефлексіи и вслѣдствіе борьбы, начала эти сами должны сосредоточиться, въ героическій типъ. И такое сосредоточеніе, точно такъ же какъ и все, встрѣчается въ общемъ узлѣ нашей исторіи, въ XII вѣкѣ, завершается въ смиренно-героическомъ образѣ Ростислава Мстиславича, внука Владиміра Мономаха.

Все героическое этого типа заключается въ сознаніи законности, въ уступкѣ ей, въ томъ, что онъ, по благодушію врожденному и по влеченію сердца «взложи честь на стрія старѣйшаго» когда братъ его Изяславъ сдѣлалъ это только вышужденный обстоятельствами, — да въ его возвышенной и тихо-покорной кончинѣ, точно такой же, какъ кончины многихъ безвѣстныхъ героев Севастополя и Кавказа, которыя открылъ для свѣта въ наше время графъ Л. Толстой.

Все то, что въ образѣ Мономаха есть кроткаго, миротворящаго, благодушнаго, исключительно сосредоточилось въ этомъ его внукѣ, когда, напротивъ, все исключительно энергическое пошло въ наслѣдство Изяславу. Но это благополу-

ніе, этотъ миротворящій характеръ переходили часто у Ростислава въ ту распущенность добродушія, совершенно нашу русскую, которая символически выражается въ народномъ сказочномъ образѣ царя Додона — лица любезнаго и вмѣстѣ комическаго. Покорность и смиреніе — существенныя стороны этаго типа, суть, повторяю опять, свойства только отрицательныя, только отсутствіе *буйства* силъ и жесткой гордости застоя. Ростиславъ стоитъ на срединѣ между буйствомъ дяди Юрія и жесткой гордостью Изяслава.

Типъ Юрія есть первый трагическій отсадокъ буйныхъ недовольныхъ, кочующихъ, промышленяющихъ или промышленныхъ силъ стараго типа, цѣльнаго въ изваяніи Мономаха, а въ борьбѣ, въ драмѣ жизни разложившагося на двѣ стихіи; первый трагическій, ибо комическая несообразность, зародышная неуклюжесть этихъ стихій отразилась въ фигурѣ дяди Вячеслава.

По духу трагической ироніи жизни, Юрій Владиміровичъ, весь, по даннымъ природы, сѣверо-восточный человекъ, родоначальникъ князей промышленителей, основатель новаго будущаго (Москва), строитель сѣвера (Галичь) есть родоначальникъ, основатель и промышленитель совершенно безсознательный. Цѣлую жизнь, онъ, не имѣя ни доблестей, ни прямоты, ни безкорыстія, образующихъ идеаль князя нарядника, а обладая, напротивъ, совершенно другими свойствами, годными для образованія другаго идеала, — бьется изъ того, чтобы быть верховнымъ нарядникомъ, — всю жизнь плачется на то, что ему и его дѣтямъ «нѣтъ части въ Руси» и наконецъ достигаетъ цѣли. Ростиславъ — (положимъ, что уступчивость его объясняется обстоятельствами, опасностью имѣть двухъ враговъ, вмѣсто одного Изяслава Давидовича, — но вѣдь Изяславъ Мстиславичъ не уступилъ бы такъ скоро, тѣмъ болѣе, что Кіевляне предвидѣли рать съ Юріемъ а Изяслава Давидовича впустили только по необходимости) Ростиславъ сказалъ дядѣ Юрью: «клаплютися, стрый ми еси, яко отецъ» Юрій «благодаря Бога вниде въ Кіевъ.» Все, кажется, сдѣлалось какъ слѣдуетъ. Въ лицѣ его восторжествовало начало стараго наряда: всѣ формы стараго наряда соблюдены «п выйде противу ему множество народа

«сѣде на столѣ отецъ своихъ и дѣдъ и прія съ радостью вся земля руская.» И стать онъ *представлять* Мономаха, отца своего: раздавать волости дѣтямъ или тѣмъ, кому онъ сталъ «въ отца мѣсто» — да уже въ немъ - то самомъ не живетъ болѣе духъ Владиміра Мономаха; въ немъ уже расчетливость заступила мѣсто доблести, (дѣло Ивана Ростиславича Берладника) своекорыстіе — мѣсто служенія наряду. Съ нимъ уже пришло въ Кіевъ новое Суздальское начало, и, когда онъ умираетъ («пшвъ у Петрила») то «много зла створися въ тѣ день: разграбиша дворъ его красный и другый дворъ его за Дигпромъ разграбиша, его же зваше «тѣ самъ раемъ и Васильковъ дворъ сына его разграбиша «въ городѣ: избивахуть Суждальци по городомъ и по селомъ и товаръ ихъ грабаче» (Кіевск. л.). Въ высшей степени замѣчательно опять, что Суздальская (Лавр.) глѣтопись умалчиваетъ объ этихъ событіяхъ.

Кіевскому наряду дядя Юрій былъ гораздо болѣе *не ко двору*, чѣмъ дядя Вячеславъ.

Юрій есть лице совершенно прощеское, т. е. двойственное. Съ одной стороны всѣ черты новаго, сѣверо-восточнаго, промышленяющаго типа, съ другой — упорная борьба за старое... Поразительное и какое-то таинственное сходство имѣетъ этотъ дядя Юрій съ другимъ дядею же Юріемъ, сыномъ Московскаго Мономаха Дмитрія Ивановича Донскаго, съ этимъ Юрьемъ Дмитричемъ дальняго сѣвера, т. е. Костромы и Галича (а Галичъ — созданье стараго дяди Юрія!) отыскивающимъ такъ же упорно Москвы, какъ старый Юрій отыскивалъ Кіева, торжествующимъ какъ сей же и такъ же мало соотвѣтствующимъ идеалу Московскаго вотчпинника, какъ мало соотвѣтствовалъ Юрій Долгорукій идеалу Кіевскаго нарядника.

Я съ намѣреніемъ остановился на типѣ дяди Юрія, ибо самого Ростислава нельзя объяснить, не объяснивши Юрья, на котораго онъ «взложилъ честь», какъ «на стрія старѣйшаго».

Уступчивость передъ всѣмъ, что законно, покорность всему, что идеально-право, будетъ ли это дядя Вячеславъ, т. е. чистая пошлость жизни, будетъ ли это дядя Юрій, будетъ ли

это, наконецъ, смерть: покорность, т. е. исполненіе долга безропотное, смиренное, — вотъ характеристическая черта этого образа, черта, которая, въ торжественную минуту смерти, возвышается до героическаго, но которой все значеніе не въ ней самой, а въ томъ, чему она служитъ.

На этой смерти и послѣднихъ дняхъ Ростислава, трогательно и высоко-поэтически изображенныхъ въ «Кіевской Лѣтописи», я позволяю себѣ особенно остановиться, потому-что эти двѣ страницы лѣтописи — ключъ къ разумѣнію сущности того *эпическаго* и *героическаго*, что есть въ этомъ типѣ.

Не думая нисколько о художественности постройки, лѣтописецъ въ этомъ описаніи, лѣта отъ созданія міра 6676, является великимъ художникомъ.

Благодушный нарядникъ земли, нарядникъ по всему уже праву, какъ имъ самимъ такъ и всѣми сознаваемому «посла къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ вси мѣ съ «вкупитися у себе съ всеми полкъ». И вотъ, въ послѣдній разъ, торжественно, около послѣдняго законнаго, послѣдняго всѣми чтимаго «въ отца мѣсто», послѣдняго достойнаго сана Великаго Нарядника, собираются всѣ Мономаховичи, всѣ — даже поколѣнія Юрьева (кромѣ, разумѣется, Андрея, въ которомъ растетъ мысль новаго наряда) «и приде Мьстиславъ изъ Володимира, Ярославъ, братъ его, изъ Лучьска, Ярополкъ изъ Бужьска, Володимиръ Андреевичъ, Володимиръ Мьстиславичъ, Глѣбъ Гюргевичъ, Рюрикъ, Давыдъ, Мьстиславъ, Глѣбъ Городеньскій, Иванъ Юрьевичъ сынъ и Галицкая помочъ и стояша у Канева долого время... и отстоуль возвратишася въ свояси». Въ послѣдній разъ образъ стараго Мономаха возстаетъ въ своей цѣльности, и, художество ли то лѣтописи или высшее художество самыхъ событій, въ послѣдній разъ исправляетъ всѣ обязанности охранника противъ Половцевъ, на которыхъ, подъ крылья его, подъ великій стягъ Мономаховъ, собрались орлята — нарядника и судьи праведнаго, судьи, котораго слушаетъ и Новгородъ, ибо онъ «рядитъ по ряду и судитъ судъ правый». Все въ этомъ разсказѣ носитъ типическій характеръ: пиръ съ Олегомъ Черниговскимъ, поднесеніе даровъ, встрѣча въ Смоленскѣ внуками, сыномъ Романомъ, епископомъ, «и мало

не весь градъ изыде противу ему», — отношенія къ Новгородцамъ, которые клянутся разлучиться съ княземъ только смертью (а смерть-то такъ близка!), желаніе князя лечь въ Кіевъ и, вставка о прежнемъ желаніи его, постричься, «еда приде ему вѣсть изъ Чернигова о Святослави смерти Ольговича, «о любви его къ чернѣцамъ и братьи и объ увѣщаніи ему игумена Поликарпа, наконецъ повѣствованіе о смиренной кончинѣ... Повторяю опять: художество ли это лѣтописи или высшее художество событій — но всѣ идеальныя черты охранника и нарядника совокупились въ образѣ Ростислава¹, въ эту торжественнѣйшую минуту его жизни, — но увы! торжественнѣйшая минута есть въ то же время и смерть. Достоинъ замѣчанія то обстоятельство, что всѣ подробности торжественнаго шествія послѣдняго, всѣми признаваемого Кіевскаго нарядника и судьи (ибо вскорѣ за сѣмъ Кіевъ впервые взять на копье и развѣчанъ), а равно и его смерти, подробности, въ которыхъ, не смотря на быстроту прохожденія ихъ передъ читателемъ, не опущена ни единая черта изъ идеала стараго наряда, въ которыхъ то слышится, что «было пированье почестный пиръ», то отзывается семейное начало, то звучать завѣтныя слова договоровъ Новагорода Великаго съ князьями, — и клятва Новгородцевъ: «оли съ нимъ смертью разлучити», вѣющая чѣмъ-то грустно проницескимъ, ибо смерть у князя за плечами, въ которыхъ, наконецъ, къ типу народному присоединяется образъ еще болѣе возвышенный и просвѣтленный жаждою пустыни, завры печерской, — всѣ эти подробности, записанныя лѣтописью стараго наряда, лѣтописью кіевской, не существуютъ въ лѣтописи новаго наряда, въ суздальской. Только уже въ Московской лѣтописи, въ которой, стерты всѣ старыя сочувствія и всѣ старыя вражды, — Ростиславу Мстиславичу возвращенъ его типическій ликъ, хотя значительно потускнѣвшій и поблѣднѣвшій отъ сокращеній.

Ростиславъ, это типъ простаго, чисто-отрпцательными, но до просвѣтленія возвысившимися свойствами обладающаго человѣка, типъ высокаго смиренія и покорности наряду, умиляющій душу и сіяющій тѣмъ слезами, которыя одинаково сохранили, какъ существенно-типическое, и Кіевская и Мос-

ковская летопись: «И бѣ видѣти слезы его, лежащи на скра-
нью его, яко женчюжная зерна свѣтлая; и тако отирая сле-
зы убрुцемъ успе». Но этотъ типъ — не Мономахъ, не
борецъ за коренныя, народныя начала. Этотъ типъ есть
идеально-правый и свѣтлый только тогда, когда нѣтъ героя,
нѣтъ Мономаха, когда онъ одинъ между гордыми и свое-
корыстными бойцами. Вотъ въ чемъ его правота, въ чемъ
его значеніе. Придавать ему большее, значить идти слиш-
комъ далеко.

Изложеніемъ нашего собственнаго взгляда на одинъ изъ
двухъ главныхъ узловъ нашей исторіи, мы старались —
удачно ль, нѣтъ ли, судить, конечно, не намъ, указать — на
важность *типоваго*, вѣчнаго, кореннаго въ нашей исторіи.
Связи съ этимъ типовымъ и кореннымъ, никогда, конечно,
внутренне непрерывавшіяся, но на время, какъ-будто засло-
ненныя, въ послѣднее время стали выступать съ удивитель-
ною яркостью и свѣжестью. Этому содѣйствовали, какъ тру-
ды ученые и историческіе, такъ и русское искусство. По-
годить въ статьѣ своей, напечатанной въ Атенеѣ, — уже
замѣтилъ глубокомысленно это явленіе. Многое въ старой
нашей жизни уже пояснили намъ — и «семейная хроника» и
«книга странника Пароенія», и «драмы Островскаго», и даже
«очерки Толстаго», какъ мы уже замѣтили. Еще больше,
нѣтъ сомнѣнія, уяснится для насъ наше прошедшее и преем-
ственная связь его коренныхъ типовъ съ типами нашего вре-
мени, не смотря на все внѣшнее ихъ между собою различіе.

Вотъ этой-то вѣры въ преемственное единство кореннаго
и типоваго, недостаетъ новому историку Россіи, чтобы быть
историкомъ-художникомъ, — отъ недостатка ея происходятъ
всѣ другіе недостатки его труда, ощутительные въ особен-
ности въ разсказѣ о двухъ узлахъ нашей старой жизни.
Не смотря на весь талантъ и на все чутье таланта нашего
историка, — онъ, смотря на все съ точки своей теоріи, не
можетъ войти душою въ строй событій. У него нѣтъ, од-
нимъ словомъ, той вѣры въ жизнь своего народа, за кото-
рую читатель прощаетъ, напримѣръ, Мишле, его Донкихот-
скія уклоненія, — Августину Тьерри — его фатализмъ.

VI.

Искусственныя, сочиненныя, теоретическія сочувствія, которыми историкъ нашъ замѣнилъ для себя вѣру въ живыя, народныя начала жизни, — сводятся всѣ къ одному знаменателю, къ тому, что мы съ самаго начала обозначили подъ именемъ *централизаціи*.

Намъ слѣдуетъ прослѣдить жертвы, которыя авторъ разсматриваемаго нами труда приносить своему цдлу, — что и будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣглымъ обзоромъ всего сочиненія. Позволимъ себѣ повторить опять, что мы пишемъ не спеціальную, ученую, а чисто-критическую статью, болѣе съ художественной, чѣмъ съ научной точки зрѣнія видимъ въ произведеніи нѣчто живое, плоть и кровь имѣющее, — и, стало быть, всѣмъ, болѣе или менѣе, принадлежащее.

Прежде всего первая глава — «о природѣ русской государственной области и ея вліянія на исторію», поражаетъ не только тѣмъ фатализмомъ, которымъ она проникнута — но явною непослѣдовательностью фатализма. Такъ много значенія придавать географическимъ очертаніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало придавать значенія племеннымъ различіямъ, можно только съ условною, заранѣе поставленною теоріею. Кромѣ того, отъ всей главы вѣдетъ однимъ ученымъ, однимъ кабинетнымъ созерцаіемъ, — она писана по картѣ, безъ истиннаго и живаго знанія мѣстностей и ихъ существенныхъ отличій, — слишкомъ видно, что авторъ мало знакомъ на дѣлѣ съ мѣстностями своего отечества; иначе онъ сумѣлъ бы оживить, расцвѣтить свою картину и тогда — выводы его во многомъ, вѣроятно, лишились бы своей рѣзкости, потеряли бы сухой характеръ системы, на нихъ лежащій. Позволимъ себѣ одну выписку изъ заключенія этой главы. «Природа страны», говоритъ авторъ, «имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, которое она оказываетъ на характеръ народный. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической, но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Прп-

рода, болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и не легкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣд-
 сяго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность
 «не порывиста, не постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ,
 «неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народо-
 «населеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени спо-
 «собно положить среди себя крѣпкія основы государствен-
 «наго быта, подчинить своему вліянію племена съ характе-
 «ромъ противоположнымъ. Съ другой стороны роскошная,
 «щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ
 «развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ ис-
 «кусствамъ, къ поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что мо-
 «жетъ существенно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ на-
 «родѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ
 «стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ, въ та-
 «комъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ сооб-
 «щества мужчинъ. Но среди природы, относительно не бо-
 «гатой, однообразной и потому не веселой; въ климатѣ, от-
 «носительно суровомъ, среди народа, постоянно дѣятельнаго,
 «занятаго, практическаго, — чувство изящнаго не можетъ
 «развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ ха-
 «рактеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе
 «къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству,
 «къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія
 «матеріальнѣе, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ постороннихъ
 «вліяній дѣйствуетъ на исключеніе женщинъ изъ общества
 «мужчинъ, что, разумѣется, приводитъ въ свою очередь еще
 «къ большей суровости нравовъ. Все сказанное прилагается
 «въ известной мѣрѣ къ историческому различію въ характерѣ
 «южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси.»

Во всѣхъ этихъ общихъ мѣстахъ Гегелевской истори-
 ческой философіи — много дѣйствительно вѣрнаго, завоеван-
 наго человѣческимъ мышленіемъ — но завоеванное въ свою
 очередь подвергается завоеваніямъ и остается только въ из-
 вѣстной мѣрѣ и степени. Это рабское подчиненіе человѣ-
 ческаго духа географическимъ очертаніямъ было бы возмож-
 но только тогда, когда бы въ расахъ человѣческихъ не ле-
 жало великой силы, предназначенной къ торжеству надъ ма-

териальными условіями. Примѣръ Англіи, выработавшей изъ себя самой великое искусство, великую общественную жизнь — не только госвдарственную, но общественную, съ высокимъ положеніемъ женщины, съ веселою жизнію этой «old England» «старой Англіи», жизнію столь могучей что она отринула отъ себя даже и сильный пуританизмъ какъ исключительный элементъ — всегда какъ фактъ вопіющій представляется противъ фаталистическихъ выводовъ. Съ другой стороны — примѣръ Индіи, давшей, правда, нѣкогда великіе задатки искусства, но никогда не выработавшей общности — такъ же вопіеть противъ благопріятствованія роскошной природы человѣческому развитію.

Но это, положимъ, дѣло еще спорное, дѣло системъ — историкъ нашъ Гегелистъ, рецензентъ его Шеллингистъ (если Шеллингизмъ можно назвать системою). Но что совершенно не спорно, такъ это то — что въ особенности исторію Россіи надобно начинать съ опредѣленія племенъ, а не съ опредѣленія географическихъ очертаній. Мы не лопари и не финны, мы не родились въ этомъ суровомъ климатѣ, родина наша на Дунаѣ. Племя страстное, сильное, по тайной волѣ провидѣнія послано работать въ эту дикую мѣстность, въ борьбѣ и работѣ сказать міру свое слово. Можно сказать что лучшіе соки славянства, лучшія зерна его отсѣвались все дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Явно, что авторъ своимъ общими мѣстами хочеть что-то доказать — что общія мѣста имѣють характеръ чисто *аллегорическій*. А что именно онъ хочеть доказать — догадаться не трудно, зная его теорію: 1) Неразвитіе и не возможность развитія въ сѣверномъ племени общности изъ него самого, ибо климатъ *безъ другихъ постороннихъ вліяній* исключаетъ и общность и женщину. Надъ *другими посторонними вліяніями* естественно должно разумѣть Татаръ. 2) Бѣольшую даровитость въ отношеніи къ искусству, общности и проч. племени южнаго передъ племенемъ сѣвернымъ. То и другое положеніе равномерно принадлежать къ числу идоложертвенныхъ требъ, приносимыхъ теоріи — то и другое равно обличаютъ кабинетное пониманіе племенъ. Общность жизни, широта ея — подъ вліяніемъ обстоя-

тельство совершенно внѣшнихъ часто переходящая края—развиты были и суть на сѣверѣ и сѣверовостокѣ Руси и на поволжѣ гораздо болѣе, чѣмъ на югѣ. Женщина доросла до политическаго даже значенія — единственный фактъ всей Русской исторіи — въ одномъ только Новѣгородѣ, который ужь вовсе не Италія по климату. Поэзія и искусство вообще.... но мы всегда готовы сказать съ покойнымъ Надеждинымъ: «гдѣ жизнь тамъ и поэзія». Народная *растительная* поэзія сѣвера и поволжья даже шире поэзіи придибровья. Даровитости сѣвернаго племени нисколько не препятствуетъ его практичность—а кто имѣетъ хотя смутное понятіе объ особенностяхъ жизни въ сселеніяхъ Архангельской губерніи и въ богатыхъ фабричныхъ селеніяхъ поволжья — этихъ истинныхъ остаткахъ нашихъ старыхъ городовъ — тотъ вѣроятно признаетъ въ нихъ зародыши обществѣнности несравненно болѣе широкой, чѣмъ обществѣнность придибровья: въ старыхъ и вѣчно новыхъ пѣсняхъ этой стороны, къ сожалѣнію весьма мало знакомыхъ нашему историку, женщина является лицомъ часто даже слишкомъ свободнымъ — и только на сѣверѣ родились хороводы. Это различіе въ характерѣ пѣсни сѣверянина и южанина, т. е. различіе въ племенномъ характерѣ вообще — глубоко и поэтически понималъ покойный Венелингъ, котораго великое сердце равною любовью обнимало всѣ славянскія народности и всякой давало цѣну.

Да не подумаетъ почтенный авторъ исторіи Россіи, чтобы мы вовсе хотѣли отвергнуть вліяніе природы на племенное развитіе. Мы защищаемъ только *свободу* челоѣческаго духа, его силу, энергію. Мы хотѣли бы, чтобы историкъ Россіи прежде всего опредѣлялъ намъ черты различныхъ народностей славянскихъ, различныхъ подраздѣленій или вѣтвей нашей русской народности — опредѣлялъ однимъ словомъ *дѣятелей* этого огромнаго географическаго пространства, а подчиненность климату оставилъ бы на долю финновъ и лопарей.

Глубже и вмѣстѣ проще смотритъ на это дѣло другой почтенный изслѣдователь нашей древности И. Д. Бѣляевъ, въ различныхъ статьяхъ своихъ, которыя пожалуй такъ же

могутъ быть названы исторіею Россіи, какъ и главы исторіи г. Соловьева. Увлекаясь часто въ сторону, не обладая сжатостію изложенія, не имѣя тона и къ сожалѣнію не заботясь о немъ, съ выводами совершенно вѣрными ставя часто выводы, можетъ быть и справедливые, но невольно поражающіе своей странностію — авторъ статей: «Русская земля до прибытія Варяговъ» «Призваніе Рюрика» «Объ отношеніяхъ князей придиѣпровья къ городамъ» «о городахъ старой Руси» и т. д. имѣетъ то высокое достоинство, что при всей своей огромной начитанности — онъ смотритъ на русскую исторію и жизнь не съ одной кабинетной точки зрѣнія и не гнетъ русскаго развитія ни подъ какую теорію. Отъ этого, его изслѣдованія — богатая руда для будущаго и о нихъ нельзя не упомянуть, какъ только начнешь говорить о *земль и племена*.

Теорія ведетъ г. Соловьева по картѣ Россіи, отъ пункта къ пункту и только недостатокъ послѣдовательности препятствуетъ ему отмѣтить самый послѣдній централизационный пунктъ. Во всемъ томъ что онъ говоритъ о различныхъ мѣстностяхъ Россіи, мы слышимъ только книгу: ни одна изъ нихъ не заклеяна какимъ нибудь живымъ словомъ, какимъ онъ умѣетъ иногда отмѣчать личности.

Здѣсь мѣсто высказать и то наше мнѣніе, что историкъ, кромѣ таланта, въ г. Соловьевѣ очень яркаго, кромѣ трудолюбія — въ немъ по всей видимости гигантскаго, кромѣ учености, въ историкѣ нашемъ тоже несомнѣнной — нуженъ еще воздухъ жизни, биеніе пульса, въ одинъ тактъ съ пульсомъ народнаго быта и народнаго развитія. Когда тотъ же Мишле, о коемъ мы уже упоминали — но да не подумають чтобы мы считали его идеаломъ историка — говорить о различныхъ народностяхъ, изъ конхъ спланивалось національное единство Франціи, мы слышимъ живыя отмѣтки, видимъ цвѣта, чувствуемъ свѣжій запахъ жизни. Нашъ русскій историкъ-художникъ, идеаль разумѣется, долженъ соединить въ себѣ гений Карамзина, критику и трудъ Погодина, сердце и чутье Венелина, опытъ Ходаковскаго и всю глубокую начитанность Бѣллева.

VII.

Глава вторая и третья посвящена историкомъ всему тому что школа, къ которой принадлежит онъ привыкла звать *доисторическимъ*, т. е. быту и судьбѣ 1) народовъ, населявшихъ нынѣшнюю русскую государственную область до *яствемлага* появленія въ ней племень Славянскихъ и 2) Славянъ и другихъ племень, вошедшихъ въ составъ русскаго государства до половины IX вѣка. Шаткость приѣма обличается здѣсь съ перваго разу; но въ этомъ случаѣ должно сказать правду, виновать не самъ историкъ, а вся наша эпоха по отношенію къ этому вопросу. По пути, который гениально чужая Венелинымъ, который смѣло и прочно проложилъ Шафарикъ своимъ колоссальнымъ сочиненіемъ — по этому пути пошли весьма не многіе — да и тѣ, которые пошли, не обладали тѣмъ критическимъ духомъ, который выручаетъ всю смѣлость соображеній и наведеній Шафарика: развѣ только на сочиненіе Черткова можно указать въ этомъ случаѣ какъ на попытку подвинуть дальше розысканія Шафарика. Для того чтобы двинуть этотъ вопросъ далѣе, чтобы сломить вѣковое невѣріе, разбить множество предубѣжденій — нужно имѣть не одну ученость и начитанность Шафарика, но умъ и талантъ его. Въ настоящую минуту — *lis sub judice est* т. е. дѣло представляетъ вопросъ еще спорный: — завоеванія, сдѣланныя Шафарикомъ, ни болѣе, ни менѣе какъ на мѣтки граней и требуютъ еще слѣпой вѣры а не перешли въ спокойное владѣніе. Не упрекая поэтому Историка нашего въ томъ, что онъ не подвинулъ этого вопроса, сознавая всю трудность его положенія сравнительно съ Карамзинымъ, для котораго существовали извѣстные, всѣми признанные грани, мы можемъ упрекнуть его только въ томъ, что онъ безпристрастіемъ считаетъ колебаніе, что мы не слышимъ въ его рѣчи *сердечныхъ* его убѣжденій, что онъ искусственно и слишкомъ замѣтно пробирается между двумя подводными камнями, иногда даже не совсѣмъ добросовѣстно, иногда забывая логическія завоеванія критики Шафарика «Мы не можемъ, — говоритъ онъ на примѣръ, — позволить себѣ «даваться въ вопросы о происхожденіи Скивовъ, Сарма-

«товъ и другихъ сосѣднихъ имъ народовъ, не имѣя достаточнаго количества данныхъ къ извѣстіяхъ древнихъ писателей: чѣмъ ближе народы къ первоначальному быту, тѣмъ «сходнѣе другъ съ другомъ въ обычаяхъ, нравахъ, понятіяхъ; отсюда легкость, съ какою можно всякой младенствующій народъ, по некоторымъ чертамъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, причислить къ какому угодно племени. Нѣсколько словъ, оставшихся намъ отъ языка этого народа, не могутъ ввести также къ твердымъ выводамъ.» (Отъ чего же не могутъ, когда слова эти такія, какія приводитъ Шафарикъ и ведутъ къ такимъ неотразимымъ, какъ у Шафарика, послыкамъ и заключеніямъ?) «для выраженія нѣкоторыхъ предметовъ у всѣхъ племенъ найдутся общіе звуки» (а для выраженія другихъ найдутся разные?) Что нибудь одно — спрашиваете вы невольно — вѣрить или не вѣрить авторъ во первыхъ въ значеніе труда Шафарика и во вторыхъ, главнымъ образомъ — въ неотразимость филологическихъ выводовъ въ отношеніи къ историческимъ даннымъ? — и отвѣта на вашъ вопросъ вы изъ его изложенія не получите. У него въ этомъ случаѣ нѣтъ живыхъ основъ, а замѣняются таковыя опять-таки искусственными началами системы, фразами о тождествѣ *младенствующи*хъ народовъ, теорією развитія, не признающею организма живымъ, отдѣльнымъ организмомъ до минуты его соприкосновенія съ другими отдѣльными организмами, скрадывающею очень ловко тотъ моментъ міровой и народной жизни — когда племя какъ особенное, какъ назвавшее *своего* Бога *своимъ* именемъ — вышло изъ чрева матери, изъ безразличнаго доисторическаго единства.

Но шаткость и колебаніе, столь ощутительныя въ отношеніи къ этому моменту — становятся уже совершенно неизвинительными въ отношеніи къ второму, къ быту племенъ Славянскихъ подъ собственными ихъ именами и прозваніями. Прежде всего, авторъ и здѣсь бьется главнымъ образомъ въ какое-либо *живое* вѣрованіе, и причины такой боязни могутъ быть пояснены только тѣми крайностями, въ которыя впадаютъ иногда люди вѣрующіе. — И. Д. Бѣляевъ, о почтенныхъ изслѣдованіяхъ котораго мы уже упоминали, наивно напимѣръ готовъ доказывать и доказы-

ваетъ, что Руссы торговавшіе на каспійскомъ морѣ, о которыхъ свидѣлствуютъ восточные историки, были не только Славяне и притомъ *наши* Славяне, въ чемъ всякой, вѣроятно, готовъ съ нимъ согласиться, но что они были именно *Съверяне*; это, можетъ быть, и правда, но возбуждаетъ невольное недоверіе въ читателѣ — а отъ этого недоверія пропадаютъ сила и дѣйствіе многихъ глубокихъ и совершенно *живыхъ* замѣтокъ о нравахъ и обычаяхъ племенъ славянскихъ, множество идей, поразительно вѣрныхъ и важныхъ, какъ идея, напримѣръ, о колонизаціи сѣверо-востока Новгородскими ушкуйниками, т. е. идея о Новгородскомъ происхожденіи великорусскаго племени.

Но историкъ нашъ не только боится впаденія въ излишнюю довѣрчивость, — онъ — и вотъ въ чемъ главнѣйшій его недостатокъ — продолжаетъ смотрѣть и на второй моментъ жизни Славянства, какъ на моментъ *доисторическій*; онъ не видитъ, да и видѣть не хочетъ, что *черты* этого, по его мнѣнію доисторическаго момента, суть черты фizioномическія, — они ему не дороги: онъ снѣшить помимо язычества, преданій и проч. къ одной извѣстной цѣли: къ сложенію *государственнаго* тѣла. Народное у него явно только переходный моментъ: онъ имъ не дорожитъ онъ видитъ всюду только дѣйствіе силъ высшихъ, извнѣ пришедшихъ — *государства*, съ одной стороны торжествующаго надъ тѣмъ, что названо имъ *родовымъ* бытомъ и съ другой стороны *церкви*, уничтожающей всѣ слѣды язычества, по его мнѣнію даже и безслѣднаго.

Теорія *родоваго* быта явно требуетъ перевода на другой языкъ, переходитъ въ дилемму *централизаціи* и *племеннаго* начала. Слишкомъ благоразумный и осторожный для того, чтобы впасть въ крайности, наученный уже яростнѣйшими изъ своихъ послѣдователей сколь смѣшны могутъ быть крайности теоріи родоваго быта, нашъ историкъ, одинъ изъ отцовъ этой теоріи и здѣсь уже хромаетъ нѣсколько на обѣ ноги. Онъ понимаетъ, что отвлеченное понятіе о родѣ вообще, о *gens* или *кланѣ*, не прилагается никакъ къ славянскому быту, и хотъ говорить, что предки наши не знали *семьи* (?) но опять же-заетъ проплывать между Сциллою и Харибдою. Плаваніе это

столь назидательно, что мы опять позволяем себѣ довольно длинную выписку.

«Существуютъ — говоритъ нашъ историкъ — различные взгляды на родовой бытъ. (То-то и дѣло, что нѣтъ: на *родовой* бытъ можетъ быть одинъ только взглядъ а на бытъ *родовой и семейный* — точно разные.) «Одни представляютъ его въ «идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, «напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе «родственныхъ отношеній правительственными, при чемъ при- «водятъ въ примѣръ семью Римскую и Германскую, гдѣ отецъ «имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. «Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родоваго бы- «ста идилически, *нельзя забыть о первоначальномъ, младенче- «скомъ состояніи народа*, котораго страсти мало чѣмъ обуз- «дываются; не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ «народовъ родств. енные отношенія не исключаютъ вражды, что «вражда между родичами считается самою сильною, что ро- «довой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ не «опредѣленность, случайности. Но, съ другой стороны, мы «не можемъ раздѣлять и противоположнаго взгляда: правда, «что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и пра- «витель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти; *но не знаемъ, «въ правъ ли мы будемъ допустить* совершенное подавленіе «родственныхъ отношеній правительственными, особенно при «отсутствіи всякихъ опредѣленій?» (Нѣтъ ужъ! отъ чего же не допустить, если бытъ точно былъ родовой?) «*не имѣемъ «ли мы права предположить*, что родственныя отношенія, въ «свою очередь, смягчали отношенія правительственныя?» Род- «ственныя? — стало быть уже не родовыя? стало быть у Сла- «вянъ были иныя отношенія кромѣ родовыхъ, а авторъ объя- «вилъ прежде всего, что у Славянъ не было семьи! — вотъ къ чему ведетъ идолослуженіе теоріи!!) «*Какимъ образомъ «осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту са- «момъ грубомъ?* (Читатели согласятся, что этотъ вопросъ уже просто наивенъ со стороны теоретика, именно осудив-

шаго ихъ на такое бездѣйствіе!) «Владиміръ имѣетъ право «казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ; но входитъ малютка сынъ «и мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный «вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отноше- «нія правительственными; но въ томъ, какъ выражались са- «мыя родственныя отношенія?...»

Останавливаемся на минуточку. Во всемъ этомъ много- глаголаніи не очевидно ли желаніе какъ нибудь половчѣе вы- путаться изъ теоріи неприменимаго къ славянству родова- го быта и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать слово, — ибо въ за- ключеніе, какъ мы сей часъ увидимъ, кромѣ слова ничего уже и не остается. Родовой бытъ все смягчается и смяг- чается авторомъ до полного сглаженія:

«Мы не должны — продолжаетъ онъ — только по сво- «имъ христіанскимъ понятіямъ судить въ поступкахъ языче- «скихъ грубыхъ народовъ; такъ напримѣръ отецъ въ семьѣ «Германской и Литовской осуждалъ на гибель новорожден- «ныхъ дѣтей, если семья была уже многочисленна, или, если «новорожденные были слабы, увѣчны; но такое поведеніе «отцовъ, приводящее насъ въ ужасъ, проистекало у языч- «никовъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, «а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми; (что-то мудрено настоящее *jus vitae et necis* объяснить род- «ственнымъ состраданіемъ!) «язычники смотрѣли на жизнь «человѣка съ чисто матеріальной стороны; при господствѣ «физической силы человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ «несчастливымъ и отнять жизнь у такого существа считалось «подвигомъ состраданія; доказательствомъ тому служить обя- «занность дѣтей у Германцевъ и Литовцевъ, убивать сво- «ихъ престарѣлыхъ, лишенныхъ силъ родителей. (Все это «есть толкъ не о настоящемъ, родовомъ *jus vitae et necis*). Эти «обычаи велись преимущественно у племенъ воинственныхъ, «которые не терпѣли среди себя людей лишнихъ, слабыхъ и «увѣчныхъ, не могшихъ оказывать помощи на войнѣ, защи- «щать родичей, мстить ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ «странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смер- «ти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у

«народа относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ; такъ не острѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ Славянъ: «лѣтописецъ, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ обычаяхъ; даже «у Славянъ Померанскихъ, которые по воинственному характеру своему и по сосѣдству съ племенами Германскими и Литовскими, являются болѣе похожими на послѣднихъ, да же и у этихъ Славянъ съ престарѣлыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чѣмъ у Литовцевъ и Германцевъ. (А какъ именно обходились по свидѣтельству Гельмольда, автору угодно было отнести только въ примѣчанія.) *«Вообще же должно остерегаться дѣлать точныя опредѣленія первоначальному, родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.»*

Что же осталось послѣ всего этого отъ родовыхъ отношеній у племенъ славянскихъ? Да ровно уже ничего, кромѣ семейнаго, которое отвергается у Славянъ нашимъ историкомъ.

Ясно, что испуганный самъ послѣдствіями, выведенными изъ брошеннаго имъ въ публику слова: *родовыя* отношенія, слишкомъ добросовѣстный чтобы быть послѣдовательнымъ и признать общество въ состояніи родоваго быта до времени Петра Великаго, — одинъ изъ родителей теоріи путается здѣсь передъ публикой въ различныхъ уступкахъ.

Ясно, что дѣло идетъ не о *родѣ*, и не о *племенѣ*, а просто о противоположности началъ племенныхъ извнѣ пришедшимъ началамъ централизационнымъ. Вѣдь ужъ если толковать о началахъ родоваго быта, по которымъ старшій братъ заступаетъ мѣсто отца для младшихъ, равно какъ и дядя для племянниковъ, — то родовыя отношенія надобно приписать Варягамъ а не Славянамъ, — а чисто славянскою является борьба старшихъ племянниковъ съ младшими дядями, — борьба, на сценѣ которой стоятъ почти всегда старые города!

Племенные, т. е. народныя начала быта до того враждебны идеямъ автора, до того являются у него переходнымъ моментомъ, что онъ съ удивительною быстротою и легкостью скользитъ по всему до-христіанскому быту славянства. Для него какъ будто не существуетъ тотъ глубоко-

знаменательный фактъ, что свѣтъ ученія Христова совершенно иными путями распространялся въ славянскихъ земляхъ, чѣмъ на западѣ. Конечно мы имѣли великое счастье получить этотъ свѣтъ съ востока, въ чистомъ его отраженіи, — конечно и церковь восточная по самому духу ученія дѣйствовала на жизнь иными мѣрами, нежели церковь западная, не разрушая мечемъ и огнемъ, не поливая кровью — но скорость принятія христіанства, но мирное слияніе его со многимъ невиннымъ, что было въ язычествѣ, существованіе многихъ языческихъ обычаевъ, хотя уже утратившихъ свой языческій смыслъ до позднѣйшихъ временъ — все это указываетъ на особенный характеръ нашего язычества и на особенный же характеръ славянскаго племени. Этого явления нельзя приписать одной только слабости или неясности, затерянности языческихъ представленій: извѣстная степень силы ихъ свидѣлствуется многими доселѣ еще уцѣлѣвшими, хотя и утратившими смыслъ обрядами. Наши читатели, вѣроятно, знакомы съ замѣчательными сочиненіями И. М. Снегирева по этой части, и для подтвержденія мысли нашей мы должны сослаться только на нихъ — ибо дальнѣйшія изслѣдованія по этой части, приводившія г., Афанасьева и иныхъ къ богамъ кочерги и ухвата, были порожденіемъ слова: *родовой бытъ* и неудачнымъ приложеніемъ нѣмецкой мифологіи Гримма (да и той дурно понятой) къ славянству. Для г. Соловьева труды Снегирева существуютъ только по столько, по сколько они могутъ служить подтвержденіемъ его *родовыхъ* мечтаній. Язычество славянское представляется ему въ двухъ формахъ 1) какъ поклоненіе стихіямъ и 2) какъ поклоненіе геніямъ и душамъ усопшихъ. Что касается до первой формы, — то не было еще *родовой* мифологіи, которая обоготворила бы стихіи, а во *второй* обоготворялись *силы*: стало быть, по общему закону логическому и въ растерянныхъ, разбросанныхъ слѣдахъ *родовой* мифологіи должно отыскивать того же. Что же касается до второй формы, то выводы о поклоненіи геніямъ и душамъ умершихъ необыкновенно натянуты и у г. Соловьева, и у его послѣдователей — хотя имѣютъ и извѣстную степень правдивости.

Дѣло въ томъ, что коренное наше язычество, уцѣлѣвшее въ разбросанныхъ членахъ, въ какихъ-то смутныхъ и темныхъ божествахъ Ярилы, Костромы и т. д. — закрыто отъ насъ язычествомъ официальнымъ, — язычествомъ, богамъ котораго поставлены были кумпры передъ самымъ введеніемъ христіанства. О нихъ, какъ официальныхъ, записалъ лѣтописецъ — а настоящіе разсѣялись по предаіямъ, пѣснямъ, сказкамъ, праздникамъ, закрылись въ нихъ и даже, можетъ быть, уцѣлѣли въ темныхъ и странныхъ образахъ. Съ другой стороны *суевѣрія* не должны быть никогда смѣшиваемы съ *миѡми*; а къ сожалѣнію только *суевѣрія* остались намъ отъ нашего язычества — и можетъ быть уже въ эпоху введенія христіанства отъ долгаго язычества оставались въ жизни только суевѣрія. Миѡы утратили уже свое грозное значеніе, принесенныя издалека, изъ первобытной родины племени: обряды служенія перешли въ чисто-народныя игрища и только вѣяніе суевѣрія уцѣлѣло въ какомъ-то странномъ фантастическомъ мірѣ, до сихъ поръ еще окружающемъ наши села и деревни, до сихъ поръ еще вѣющимъ надъ колыбелью cadaго русскаго человѣка.

Вотъ причина, по которой церковь, почти даже и убѣжденіемъ не боролась, или очень мало боролась, съ этимъ, совершенно безвреднымъ міромъ. Этотъ міръ язычества пересталъ быть *религиознымъ* и перешелъ въ пѣчто племенное, народное, физиологическое. Больше еще, мудрая Восточная церковь на *слѣдахъ* язычества строила свое зданіе, терпѣла невинныя языческіе обряды въ соединеніи съ празднистами. Слѣды всего этого уцѣлѣли доселѣ въ жизни народа и — образовали для царства духа такую твердую и прочную подкладку, которой тщетно стали бы мы искать на Западѣ. Отрицательныя свойства славянства, очищающія путь духовному просвѣтленію, должны были отразиться и въ самомъ славянскомъ язычествѣ.

Г. Соловьевъ мало обратилъ вниманіе на различіе цвѣта нашего языческаго міра отъ цвѣта міра финскаго — и здѣсь опять мы должны припомнить читателямъ изслѣдованія И. Д. Бѣляева, который эту разницу представляетъ осязательно и показываетъ ясно, что все противоборство

христіанству шло съ финскаго сѣвера, со стороны черныхъ, крылатыхъ и хвостатыхъ боговъ, сидящихъ въ безднѣ.

Въ своей враждѣ къ племеннымъ началамъ, авторъ исторіи Россіи такъ мало останавливается на ихъ проявленіяхъ въ пѣсняхъ, сказкахъ и мірѣ преданій, что невольно заподозриваешь самое знакомство историка со всѣми этими проявленіями, но крайней мѣрѣ знакомство живое, не книжное. Между тѣмъ, въ изслѣдованіяхъ о первоначальномъ нашемъ бытѣ, они самые важные источники и опять несть въ этомъ случаѣ чутью, хотя не всегда осторожному. И. Д. Бѣляева, который смѣло чертитъ типъ Новгородскаго ушкуйника по Васкѣ Буслаеву и Акудину Акудиновичу. Разумѣется, съ этими источниками надобно обращаться въ высочайшей степени осмотрительно и, главное — безпристрастно, не брать ихъ въ услуженіе никакой заранѣе задашней теоріи. Возсоздавать по сказкамъ, преданіямъ, пѣснямъ, отжившимъ или еще доселѣ живущимъ бытѣ нашего племени — и можно и должно — но ужь надобно брать во всей полнотѣ ихъ народное созерцаніе — а до сихъ поръ такъ еще не дѣлалось. Г. Соловьевъ, напрімѣръ, беретъ изъ міра преданій, обрядовъ, пѣсень и проч. только то, что доказываетъ неразвитость, грубость, переходность быта; а г. Филиповъ съ другой стороны чертитъ цѣлую теорію на жизненномъ взглядѣ одной пѣсни, взглядѣ, по справедливости сказать, совершенно лжюмъ во множествѣ другихъ пѣсень. Г. Соловьеву хочется сказать и доказать, что все наше народное само по себѣ грубо: г. Филиповъ хочетъ увѣрить публику, что наше народное созерцаніе тождественно съ совершенно просвѣтленнымъ, и оба кладутъ народное на Прокрустово ложе, урѣзывая его по своему произволению. Оба воззрѣнія совершаютъ такимъ образомъ идольскую потребу теоріи.

VIII.

Мы не ищемъ специально-критической статьи о трудѣ г. Соловьева — и потому не будемъ входить въ подробный разборъ каждой части этого труда. Наша точка зрѣнія есть художественная въ томъ смыслѣ художественнаго, который придается этому слову критикою, названною нами

критикой органической въ статьѣ: «О современной критикѣ искусства». Для насъ достаточно указать на главный существенный порокъ «Исторіи Россіи» и прослѣдить вліяніе этого порока на различныя части замѣчательнаго сочиненія г. Соловьева. То, что мы преслѣдуемъ — какъ уже видятъ конечно читатели — есть деспотизмъ теоріи, деспотизмъ заранѣе поставленныхъ и потому самому несостоятельныхъ началъ.

Исторія XII вѣка первая подверглась этому пагубному вліянію — и между тѣмъ въ этомъ же отдѣлѣ является впервые съ блистательной стороны талантъ историка. Въ первый разъ по лѣтописи и большею частію въ тонѣ лѣтописи очеркиваются здѣсь великіе образы Мономаха, Мстислава Великаго, Изяслава Мстиславича, Юрія Долгорукаго — и въ особенности Андрея Юрьевича, въ особенности потому, что историкъ глубоко сочувствуетъ стремленіямъ этой, уже сѣверно-восточной личности — съ удивительною цѣльностью и жизненностью, и стало быть художественностью и притомъ совершенно соотвѣтствующими предмету трагическими чертами обрисовываетъ онъ этотъ обособляющійся образъ. Къ сожалѣнію нельзя того же сказать о типѣ Всеволода Георгиевича; не смотря на то, что типъ этотъ въ лѣтописяхъ полнѣе и цѣльнѣе — и виною неполноты изображенія, кажется намъ, было здѣсь то исключительное кабинетное воззрѣніе, которымъ руководится авторъ, мало знакомый съ живою жизнью народа и живыми типами. Всеволодъ есть первый полный очеркъ сѣверовосточнаго вотчинника со всѣми далеко уже не величавыми, а чисто промышленными сторонами, со всею ловкостью ума, которому суждено впоследствии, въ его преемникахъ и въ лицѣ бояръ московскаго государства ловить рыбу въ мутной водѣ удѣльщины и татарскаго ига. Натура сѣверная, т. е. соединеніе величайшей страстности съ невозмутимымъ и ни передъ чѣмъ не останавливающимся хладнокровіемъ, тонкой расчетливости и притворства съ страшною широтою природы въ добрѣ и злѣ, благодушія, но не такого, какое сгубило Мстислава Мстиславича въ Галичѣ, а благодушія, происходящаго отъ широты же умственнаго захвата съ неумолною мститель-

ностию, натура котораго явится потомъ и Георгіемъ Даниловичемъ и Димитріемъ Донскимъ — двумя рѣзкими отраженіями ея двойственной сущности!

Великая ошибка историка въ представленіи этого сѣверовосточнаго типа, смѣнившаго типъ Новгородскій, или что то же, Кіевскій въ томъ, что онъ хочетъ смотрѣть на него какъ на продолженіе того же самаго типа, что онъ не понимаетъ единства великорусскаго начала въ сторонахъ, впоследствии между собою борющихся, не слѣдитъ одинаковости фзіологическихъ чертъ въ борцахъ. Старый типъ гибнетъ въ послѣднихъ Тверскихъ князьяхъ и отторгается отъ Московскаго единства въ бытіи Новагорода, и эта то борьба есть по истинѣ трагическая. Великое сердце Карамзина ей глубоко сочувствовало: теорія заставляетъ г. Соловьева видѣть въ ней одну только борьбу противообщественныхъ стихій съ стихіями общественными. А дѣло тутъ проще: это — стихія инаго общества, застигнутаго въ располхъ въ своемъ развитіи татарскимъ нашествіемъ. Пора намъ, помня подвиги нашихъ московскихъ предковъ съ любовью и почтеніемъ, съ одинаковыми же любовью и почтеніемъ отнестись и къ тому слою, который лежитъ подъ слоємъ ихъ жизни. Г. Соловьевъ искусственно проводитъ связь между этими стихіями и тѣми, которыя въ Московскомъ государствѣ гибнутъ въ послѣднихъ Московскихъ удѣльныхъ при Иванѣ III, безобразно бушуютъ въ правленіе Елены и малолѣтство Ивана IV, казнятся грознымъ вѣнценосцемъ и поднимаютъ сто головъ своихъ въ междуцарствіи. Связь тутъ только внѣшняя о внутренней связи, родственной больше между борющимися стихіями сѣверовосточнаго типа: бояре-хранители государства въ малолѣтство Димитрія, — бояре, ловкіе стряпчіе Московскаго дѣла передъ ханами въ началѣ княженія Василья Темнаго, бояре, сваливающіе вины свои при Иванѣ на прирожденное имъ якобы *тупоуміе* и *слабоуміе* — все это только стороны сѣверовосточнаго типа — стороны образовавшіяся подъ влияніемъ татарщины, непризнаваемой г. Соловьевымъ, — изворотливость и кривоудшіе, соединенныя съ какимъ-то юморомъ въ Еришѣ Ершовичѣ — этомъ народномъ представленіи сѣверовосточнаго

типа съ одной его комической стороны — и вмѣстѣ съ тѣмъ неборимая страстность въ достиженіи цѣлей — черты совершенно сѣверовосточныя, ничего общаго не имѣющія съ чертами Новгородско-Кіевскаго типа. На сѣверовостоки старій типъ, сначала столь живой, что онъ живетъ даже въ пригородахъ, даже въ «Мезиннѣхъ» Володимерцахъ, — блистательно, но на краткій срокъ сіяющей въ лицѣ Константина Всеволодовича, — остался безъ опоръ и палъ окончательно въ княженіе Донскаго. Мѣсто его заступилъ новый и въ новомъ тоже началось необходимое разложеніе двухъ его сторонъ. Въ Иванѣ Грозномъ сливаются всецѣло, но болѣзненно напряженно обѣ стороны — страстность и софистическій юморъ, столь ясно видимый въ его посланіяхъ. Между тѣмъ у г. Соловьева самъ Иванъ Грозный, не смотря на замѣчательнѣйшую даровитость въ его изображеніи, мало виденъ съ своихъ юмористическихъ сторонъ и слишкомъ оправданъ въ своихъ трагическихъ.

Общая односторонность пониманія отразилась у историка нашего и въ исторіи междуцарствія. Отдавши полную честь его огромнымъ заслугамъ въ глубокомъ обьислѣдованіи пружинъ этой эпохи, мы имѣемъ право замѣтить, что и здѣсь теорія о борьбѣ противообщественныхъ стихій повредила полнотѣ изображенія. Мы не видимъ личностей, чертъ, типовъ, или видимъ ихъ столько же мало, какъ и въ драматическомъ представленіи этого момента въ сочиненіи г. К. Аксакова. Какъ ученому историкъ, такъ и ученому драматургу равномѣрно повредили въ этомъ отношеніи теоріи, а между тѣмъ какъ тотъ, такъ и другой сдѣлали огромный шагъ въ пониманіи эпохи, которая составляетъ второй главный узелъ нашего народнаго развитія. Одинъ увлекся своимъ пристрастіемъ къ централизаци, другой своею глубокою и пламенною любовью къ *коренному* народному. Личности, типы исчезли для того и другаго и — страннымъ образомъ — явились гораздо полнѣе въ сухой по изложенію, весьма необширной, но исполненной удивительно вѣрныхъ намековъ диссертаци г. Павлова.

Аполлонъ Григорьевъ.

ТЫСЯЧА ДУШЪ.

Романъ въ четырехъ частяхъ Алексѣя Писемскаго.
С. ПЕТЕРБУРГЪ 1858. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. *)

Художественная критика, еще недавно игравшая столь важную роль въ нашей литературѣ, почти совсѣмъ замолкла въ послѣднее время. Изрѣдка, и то робко, возвыситъ она свой голосъ, чтобы напомнить слишкомъ уже разгулявшимся, подъ покровомъ гласности, смѣльчакамъ, что произведенія, принимающія извѣстную, изящно-литературную форму, должны удовлетворять весьма многимъ и строгимъ требованіямъ, что одной горячности, и нѣкотораго, относительно благороднаго образа мыслей еще недостаточно для того, чтобы

(*) Открывая въ нашемъ журналѣ мѣсто различнымъ художественнымъ и научнымъ воззрѣніямъ, лишь бы только эти воззрѣнія не расходились съ нашими въ главныхъ и коренныхъ началахъ, мы съ удовольствіемъ печатаемъ статью московскаго критика, хотя во многомъ съ нею не согласны. Мы надѣемся, по возможности полно, высказать нашъ взглядъ на значеніе, какъ вообще таланта г. Писемскаго, такъ и его послѣдняго произведенія въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала. Покажемъ же ограничимся только замѣткою, что: 1) раздѣляя съ г. Эдельсономъ его оцѣнку превосходныхъ частныхъ романа и даже упрекая его за то, что онъ указалъ только на немногія, мы вовсе не видимъ въ цѣлости постройки той гармоніи, которую видитъ въ ней рецензентъ и находимъ, напротивъ, въ этой постройкѣ нѣкоторую сухость и искусственность; 2) что въ лицѣ Калиновича мы не можемъ признавать героя нашего времени; 3) наконецъ, что чувствуя, какъ и авторъ статьи, всѣ преимущества произведеній чисто художественныхъ передъ произведеніями литературы обличительной, мы не упрекаемъ ни обличительной, ни натуральной школы въ томъ, что какъ та, такъ и другая нападали на идею, а не на лица, въ сословіи чиновничества, а считаемъ такое ихъ стремленіе чисто историческою необходимостью.

Ред.

сдѣлаться учителемъ народа, что, наконецъ сама цивилизація вправѣ ожидать отъ поэтическихъ произведеній чего нибудь болѣе вѣчнаго нежели обличеніе мелкихъ злоупотребленій и чиновничьихъ плутней.

Такое молчаніе художественной критики объясняется, конечно, отчасти бѣдностью нашей поэтической дѣятельности въ послѣднее время; но главная причина его и поблажки безпрестаннымъ злоупотребленіямъ поэтическихъ формъ заключается, по нашему мнѣнію, въ ложной мысли, будто теперь, когда возникло въ литературѣ столько важныхъ общественныхъ вопросовъ, когда всѣ умы заняты великими, совершающимися реформами, какъ чисто поэтическая дѣятельность, такъ и серьезная художественная критика сдѣлались несовременными. Конечно, если понимать подъ чисто поэтическою дѣятельностію посланія къ ней, къ лунѣ, или натянутыя описанія тонкихъ и цвѣтотныхъ ощущеній, а подъ художественною критикою педантическія примѣненія сухой нормы къ каждому роду произведеній, то время той и другой давно прошло безвозвратно. Но, сколько извѣстно, истинная поэтическая дѣятельность никогда не остается чуждою *важнѣйшимъ* вопросамъ вѣка и общества и, если мы не ошибаемся сильно, истинно поэтическіе дѣятели суть всегда передовые люди, конечно не въ специальныхъ вопросахъ и нуждахъ общественныхъ, но по крайней мѣрѣ въ общемъ дѣлѣ цивилизаціи. Съ своей стороны настоящая художественная критика далеко не ограничивается разборомъ достоинствъ или недостатковъ формы, а старается извлечь изъ художественнаго произведенія все, что сознательно, или даже бессознательно вложилъ въ него авторъ; старается добраться до всего его міросозерцанія, и все это вмѣстѣ, съ возбужденными по этому случаю вопросами, дѣлаетъ прямымъ и сознательнымъ достояніемъ публики. И такъ помощь художественной критики дѣлу цивилизаціи также несомнѣнна.

Новый романъ г. Писемскаго — «Тысяча душъ,» рѣзко отличаясь своимъ чисто художественными достоинствами отъ массы произведеній, наводнившихъ въ послѣднее время нашу литературу, представляетъ въ то же время прекрасный образецъ того важнаго общественнаго значенія, какое мо-

жетъ и должно имѣть поэтическое произведеніе, не отрекаясь отъ своего истиннаго и прямаго призванія.

Художественная критика наша, безъ сомнѣнія, воспользуется его появленіемъ, чтобы заявить снова свои права въ литературѣ и возстановить, по возможности, упавшій въ глазахъ большинства, авторитетъ поэзи. Съ своей стороны мы считаемъ долгомъ отнестись къ новому роману не вскользь и не съ высока, но серьезно, какъ къ дѣлу, имѣющему высокій интересъ для всякаго образованнаго человѣка. Дѣло въ томъ, что новый романъ г. Писемскаго стоитъ серьезнаго разбора, какъ по задачѣ, такъ и по исполненію. Авторъ, очевидно, хотѣлъ схватить и выразить въ немъ одну изъ сильнѣйшихъ современныхъ болѣзней общества и въ то же время, при помощи искусно задуманной интриги, умѣлъ съ рѣдкимъ мастерствомъ показать намъ съ своей точки зрѣнія, почти всѣ слонъ русскаго общества. Однимъ словомъ, въ новомъ романѣ г. Писемскаго мы имѣемъ дѣло съ ясно выразившимся міросозерцаніемъ и въ то же время съ яркою поэтическою картиною разныхъ сторонъ русской жизни. Но считаемъ нужнымъ напомнить предварительно читателямъ въ краткихъ словахъ самую интригу романа.

Въ уѣздный городъ Энс—къ, на мѣсто старика штатнаго зрителя, Годнева, опредѣляется кандидатъ московскаго университета — Калиновичъ. Новый зритель оказывается съ разу человѣкомъ иного покроя, чѣмъ — добродушный образчикъ лучшихъ людей стараго вѣка — Годневъ. На первыхъ же шагахъ вы узнаете въ немъ энергическаго представителя того молодого чиновничьяго поколѣнія, которому суждено смѣнить отжившее поколѣніе взяточниковъ. Однимъ словомъ Калиновичъ, несмотря на нѣкоторыя чисто личные черты характера, есть лице вполне типическое и это обстоятельство съ разу придаетъ роману широкое общественное значеніе, такъ какъ все, относящееся къ Калиновичу, можно примѣнять до извѣстной степени и къ цѣлому молодому поколѣнію, котораго онъ служитъ представителемъ. У старика Годнева есть взрослая дочь Настенька, дѣвушка умная, добрая и энергическая, но которой все воспитаніе ограничилось чтеніемъ романовъ и журнальныхъ статей 40-выхъ

годовъ, что все, конечно, много способствовало ея умственному и нравственному развитію, но не дало ей нисколько знанія жизни и людей. Сближеніе между молодыми людьми вождствіе добродушія старика Годнева, отсутствія въ городѣ всякаго другаго общества и, наконецъ, сочувствія Настеньки къ рѣзкому и благородному образу мыслей молодого кандидата, произошло весьма скоро. Любовь эта не замедлила перейти въ близкую связь, которая, со стороны Настеньки, была слѣдствіемъ безавѣтной вѣры въ любимаго человѣка, со стороны Калиновича слѣдствіемъ необдуманнаго увлеченія и самозабвенія въ пылу первой страсти. Скоро однако въ немъ проснулись съ новою силой его истинные инстинкты. Сперва литературный успѣхъ, потомъ сближеніе съ домами богатой генеральши Шеваловой и семействомъ блестящаго князя Ивана, мало по малу открыло предъ нимъ болѣе широкую перспективу жизни, нежели простое семейное счастье среди полубѣдности, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, съ полуобразованной и вовсе уже не блестящей женой. Поставленный въ необходимость выбирать одно изъ двухъ пли сдѣлать низкій поступокъ, покинувъ оболыщенную и еще любимую дѣвушку, пли отказаться навсегда отъ честолюбивыхъ замысловъ и всѣхъ наслажденій, какими манила его широкая перспектива жизни, Калиновичъ не выдержалъ этой борьбы и рѣшился, хотя съ жестокими мученіями совѣсти, принести въ жертву Настеньку. Подъ пустымъ предлогомъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе въ Энс—къ.

Петербургъ не побаловалъ Калиновича. На первыхъ же порахъ разсѣялись здѣсь его честолюбивыя мечты объ авторской славѣ и возможности жить литературой; служба также не далась ему безъ связей и протекціи. Измученный, больной, безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ вспомнилъ съ тоскою о когда-то дававшемся ему, хотя тихомъ и немного пошломъ счастьи съ Настенькой и написалъ къ ней письмо искреннее и горячее. Не думая ни минуты, Настенька заложила имѣніе, покинула больнаго отца, обманувъ его, и явилась къ Калиновичу въ Петербургъ. Снова наступили для Калиновича минуты счастья и отъ него самого зависѣло сдѣлать это

счастіе прочнымъ. Но честолюбивая, гордая натура его опять не могла помириться на этомъ тихомъ счастіи. Ему нужно было блеску, роскоши, власти... Но здѣсь мы должны воротиться нѣсколько назадъ. У генеральши Шеваловой, жившей въ Энс—кѣ, была дочь Полина, дѣвушка уродливая, болѣзненная, но умная и богатая. Скучая въ уѣздномъ городѣ, лишенная, по скупости своей матери, всѣхъ развлеченій, не видя другаго средства выдти изъ подъ тяжелой опеки, кромѣ замужества, она обратила свое вниманіе на Калиновича, какъ на единственно приличнаго въ городѣ жениха и даже полюбила его. Князь Иванъ, близкій родственникъ Полины и повѣренный всѣхъ ея тайнъ, еще въ Энс—кѣ намекалъ Калиновичу на возможность брака съ Полиной и на всю блестящую сторону этого брака. Калиновичъ съ негодованіемъ отвергъ тогда эту постыдную сдѣлку — жизнь еще раскидывалась передъ нимъ блестящею перспективой, тяжелый проступокъ передъ Настенькой еще лежалъ всею свѣжею болью на его душѣ. Теперь въ Петербургѣ, разочарованный во всѣхъ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ, и въ то же время съ усиленною, подъ вліяніемъ блестящей столичной жизни, жаждою почестей и богатства, онъ вспомнилъ о нѣкогда открывавшейся ему блестящей перспективѣ и рѣшился окончательно пожертвовать Настенькой и собой для блестящей карьеры. При помощи того же князя Ивана, продавшаго ему теперь за деньги свое посредничество, онъ вновь сблизился съ Полиной, которая, лишившись матери, владѣла тысячью душъ и огромнымъ богатствомъ. Дѣло, само собой разумѣется, кончилось бракомъ. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что такое глубокое правственное паденіе обошлось не дешево Калиновичу. Онъ вытерпѣлъ желчную горячку, рѣшаясь на этотъ противный бракъ, покидая еще разъ, все ему принесшую въ жертву, Настеньку — но все-таки не отступилъ назадъ передъ блестящею карьерой.

Какъ будто по волшебству — всѣ до сихъ поръ недоступные пути открылись передъ Калиновичемъ. Аристократическія знакомства, связи, блестящая служба, все принеслось ему мгновенно, какъ подобающая дань богатству. Въ короткое время онъ такъ подвинулся по службѣ, что былъ

назначенъ вице-губернаторомъ въ ту самую губернію, гдѣ мы застали его штатнымъ смотрителемъ въ началѣ романа.

До сихъ поръ мы видѣли Калиновича по большой части съ его темныхъ сторонъ. Много тяжелыхъ и безчестныхъ жертвъ принесъ онъ, пролагая себѣ путь въ жизни. Но достигнувъ вершины, добившись богатства и почета, онъ не успокоился, не облѣнился, не предался сибаритству, какъ сдѣлали бы многіе другіе. Здѣсь-то, напротивъ, и началась его настоящая, благородная дѣятельность, здѣсь-то открылась въ немъ другая, лучшая сторона его природы, сторона, вызывающая невольное сочувствіе и отчасти оправдывающая тѣ неумолкаемыя честолюбивыя стремленія, которымъ онъ принесъ такъ много въ жертву. Немедленно по прибытіи на мѣсто службы, Калиновичъ вступаетъ въ открытую и непримиримую вражду со всѣми служебными злоупотребленіями. Честно и неутомимо, одинокій, среди враждебныхъ ему лицъ, борется онъ съ безчисленными плутнями. — Пока связи его въ Петербургѣ сильны и крѣпки, все идетъ счастливо. Противники новаго вице-губернатора падаютъ одинъ за другимъ. Уже губернаторъ смѣненъ за противузаконныя дѣйствія и Калиновичъ назначенъ на его мѣсто. Но вдругъ обстоятельства переменяются. Калиновичъ ловитъ, между прочимъ, князя Ивана съ фальшивымъ документомъ и сажаетъ его въ острогъ. Идетъ слѣдствіе. Весь городъ за князя. Полина, еще до замужества бывшая въ связи съ нимъ и не нашедшая, конечно, ничего, кромѣ горя и оскорбленій въ своемъ бракѣ съ Калиновичемъ, теперь вдругъ возвращается къ своей старой привязанности и тайно отъ мужа уѣзжаетъ въ Петербургъ хлопотать о своемъ бывшемъ любовникѣ. Деньгами и связями она скоро достигаетъ своей цѣли. Калиновичъ отставленъ отъ должности съ преданіемъ суду, князь Иванъ освобожденъ. Въ эту горькую минуту Настенька, уже актриса, опять является ангеломъ-утѣшителемъ Калиновича и они уже не расстаются болѣе. Полина вскорѣ умираетъ и Калиновичъ женится на Настенькѣ.

Мы рассказали, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе новаго романа г. Писемскаго. Но это сухое извлеченіе не дастъ, разумѣется, почти никакого понятія о самомъ романѣ.

Въ истинно-художественномъ произведеніи главное дѣло самое изложеніе, тѣ мелкія подробности, психологическія и другія, которыми всякое событіе, всякой переломъ въ жизни героя доводится до той степени ясности и осязательности, что представляется какъ бы совершающпмся передъ глазами въ дѣйствительности, что мы какъ бы сами на себѣ испытываемъ ту силу вещей, которая заставляетъ героя погнуться въ ту или другую сторону и направляетъ ходъ его судьбы. Въ этомъ отношеніи все въ романѣ г. Писемскаго дышетъ поразительною правдой. Съ другой стороны, въ нашемъ краткомъ изложеніи содержанія романа мы вовсе не имѣли возможности коснуться той широкой и мастерской картины Русской жизни, которая составляетъ какъ бы обстановку главному герою, но въ сущности есть сама одна изъ главныхъ задачъ и вмѣстѣ достоинствъ романа, ибо даетъ намъ ясный и твердо выработанный взглядъ автора на множество сторонъ общественной жизни нашего отечества. Мы не можемъ удержаться, чтобы не выставить нѣсколько подробнѣе на видъ эту сторону романа г. Писемскаго.

Еще очень многіе у насъ думаютъ, что мастерское изображеніе жизненныхъ подробностей не важность въ литературномъ произведеніи, что главное дѣло здѣсь въ мысли, которая собственно и подлежитъ критикѣ, т. е. одобренію или порицанію, а житейскія картины подсказываются просто памятью и не могутъ быть поставлены въ большую заслугу автору. Но во-первыхъ—житейскія подробности обыкновенно изобрѣтаются авторомъ, а не списываются съ дѣйствительности, во-вторыхъ—даже въ дѣйствительности, каждое явленіе можетъ быть видимо подъ весьма различными углами зрѣнія, которые зависятъ отъ нравственнаго, умственнаго, личнаго и др. настроеній зрителя. Въ художественномъ произведеніи, гдѣ все изобрѣтено помощію общей игры всѣхъ душевныхъ силъ автора, въ каждой жизненной картинѣ сказывается, разумѣется, весь авторъ. Кромѣ того, необходимо отличать такія черты, которыя приходятъ на память автору лишь мимоходомъ, какъ яркая и картинная подробность, подсказанная воображеніемъ, отъ такихъ, которыя создаются умышленно и сознательно и составляютъ

прямую задачу автора. Романъ г. Писемскаго полонъ именно такихъ подробностей, обстановка въ немъ не случайная или безцвѣтная, но столько же, какъ и сама интрига, назначенная разъяснить намъ его міросозерцаніе. Оттого-то считаемъ мы себя обязанными остановиться на нихъ со вниманіемъ.

Въ самомъ началѣ романа рисуется передъ нами мирная картина отжившаго, стараго быта въ уѣздномъ городѣ, съ его хорошими и дурными сторонами. Къ удовольствію нашему г. Писемскій не принадлежитъ къ числу непримиримыхъ враговъ всего прошлаго, къ тѣмъ живописцамъ, на палитрѣ которыхъ нѣтъ свѣтлыхъ красокъ для стараго. Не обнаруживая нисколько стремленій къ возвращенію отжившаго, онъ счумѣлъ однако найти въ немъ, не прибавя ни одного штриха изъ новой жизни, такую свѣтлую и отрадную личность, какъ старикъ Годневъ, при воспоминаніи о которомъ слезы умиленія невольно навертываются на глаза и какъ-то спокойнѣе становится за Русскаго человѣка. Мы не можемъ достаточно благодарить г. Писемскаго за созданіе этого лица или правильнѣе за тѣ прекрасныя побужденія, которыя руководили его при этомъ созданіи. Свѣтлою и почти одинокою личностію стоитъ этотъ старикъ Годневъ, среди сотенъ изверговъ, плутовъ и т. п., которыми старается наполнить наша современная литература всю прошлую жизнь Россіи.

Подробности любви Калиновича и Настеньки, это столкновеніе двухъ сильныхъ характеровъ, въ которомъ на долю бѣльшей любви и самоотрѣченія достаются всѣ жертвы, всѣ эти мелкіе раздоры и примиренія любовниковъ, самая особенность этой любви, съ разу тяжелой и полной непріятностей для обоихъ влюбленныхъ—все это дышетъ поразительной правдой. Ни одной фальшивой, закрашивающей тѣни не пустилъ авторъ на картину этой любви и отъ того-то такъ сильно дѣйствуетъ она на читателя, такія ясныя чувства антипатіи или симпатіи возбуждаютъ въ насъ участвующіе въ ней лица.

А жизнь князя Ивана въ деревнѣ. Сельскій праздникъ, на которомъ разыгрывается какая-то комедія съ собранны-

ми на дворѣ крестьянами, между тѣмъ какъ въ самомъ семействѣ князя идетъ своя маленькая драма. Неужели это просто картина, подсказанная Писемскому его знаніемъ жизни? Неужели вы не видите, что это картина съ толкованіемъ и притомъ самымъ яснымъ, которое, конечно, г. Писемскій, какъ настоящій художникъ, не выразилъ прямо словами, но которое отъ того еще, можетъ быть, сильнѣе запечатлѣвается въ душѣ читателя.

А домъ генеральши, этотъ гробъ повалѣнный, гдѣ все прилично и важно съ наружи и гдѣ внутри одинъ развратъ, скаредность, нечеловѣческія отношенія! Пропускаемъ дорожныя впечатлѣнія Калиновича, типической вѣрности которыхъ нельзя однако не подивиться, — все какъ будто давно знакомо вамъ: и этотъ спутникъ купецъ, упорно смотрящій вдаль и даже тотъ порядокъ, въ какомъ смѣняются ящики, представляя различные типы этого сословія, — пропускаемъ и желѣзную дорогу, съ характеристическими встрѣчами, и переносимся прямо въ Петербургъ. Каждый шагъ въ жизни Калиновича доставляетъ здѣсь автору случай представить съ своей точки зрѣнія ту или другую сторону общественнаго быта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ даже прямо влагаетъ свои мысли въ уста дѣйствующихъ лицъ. Таковы разсужденія Бѣлавина въ театрѣ о сценическомъ искусствѣ, его же разсужденія о романтизмѣ. Нельзя не согласиться, что воображеніе автора во всѣхъ этихъ описаніяхъ сильно и правильно. Русская дѣйствительность, во всѣхъ выведенныхъ въ романѣ подробностяхъ, отразилась въ немъ съ поразительною точностію и вѣрностію. Впрочемъ, это совсѣмъ не новость для насъ въ талантѣ г. Писемскаго. Уже было замѣчено и прежде однимъ критикомъ, что г. Писемскому можно вѣрить во всемъ, что онъ рассказываетъ. Дѣйствительно, его представленія о жизни не капризны, не носятъ на себѣ слѣда напередъ заданной мысли, онъ, наконецъ, не принадлежитъ къ тѣмъ узкимъ сатирикамъ, которые умышленно лгутъ на жизнь, превращая поэзію въ ораторское искусство. Прочитавъ романъ г. Писемскаго вы можете быть увѣрены, что дѣйствительно узнали жизнь съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ успѣлъ показать вамъ ее. Вы

можете смѣло дѣлать выводы на основаніи полученныхъ отъ него данныхъ.

Какъ на образчики мастерскихъ и полныхъ правды картинъ изъ Петербургской жизни Калиновича, мы можемъ указать на знакомство его съ редакторомъ журнала, на представленіе его директору департамента, наконецъ, на Петербургскій балъ, который служитъ только удобнымъ и благовиднымъ поводомъ для интригъ всякаго рода.

Мы переходимъ теперь едва ли не къ самой блестящей части романа, къ служебной дѣятельности Калиновича въ званіи вице-губернатора и потомъ исправляющаго должность губернатора въ губернскомъ городѣ. Сколько мы помнимъ, въ литературѣ нашей еще не было примѣра, чтобы настоящая служебная дѣятельность, энергическая борьба дѣйствительнаго, а не вымышленнаго чиновника съ административными злоупотребленіями, была представлена съ такою правдою, съ такимъ знаніемъ дѣла, наконецъ, съ такимъ истиннымъ драматизмомъ, какъ въ романѣ г. Писемскаго. До сихъ поръ писатели наши относились къ чиновничьему міру двоякимъ образомъ: или презрительно, представляя все это сословіе въ самомъ мрачномъ и грязномъ видѣ, собирая ходячіе издавна анекдоты о различныхъ чиновничьихъ плутняхъ и облекая эти анекдоты въ первую попавшуюся литературную форму, или выдумывали какихъ-то идеально-бесцвѣтныхъ героевъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ дѣйствительнымъ потребностямъ времени и жизни. И то и другое направленіе, кажется, порядочно уже надоѣло дѣловой части русской публики. Г. Писемскій первый взялся за дѣло съ его серьезной, положительной стороны. Въ своемъ Калиновичѣ онъ представилъ намъ не идеальнаго чиновника и не пасквиль на чиновниковъ, но чиновника настоящаго, котораго благороднымъ стремленіямъ на этомъ полѣ дѣятельности, самой даже горячности его, вы не можете не сочувствовать, какого бы мнѣнія ни были о немъ, какъ о человѣкѣ. Конечно, опытность и знаніе дѣла много помогли г. Писемскому въ исполненіи этой трудной задачи, но главное здѣсь безъ сомнѣнія вѣрный, практически-разумный взглядъ автора на жизнь, который, по нашему мнѣнію, со-

ставляетъ сущность всего его міросозерцанія и котораго недостаетъ весьма многимъ изъ нашихъ писателей.

Большая часть нашихъ современныхъ сатириковъ, повидному, совсѣмъ забываетъ, что чиновничество у насъ въ Россіи нельзя истребить или замѣнить чѣмъ нибудь другимъ, что это есть сословіе все-таки необходимое и полезное, въ отношеніи къ которому, какъ ни много въ немъ застарѣлыхъ золъ, литература не имѣетъ права ограничиваться однимъ порицаніемъ; увлеченные своимъ, конечно, благороднымъ негодованіемъ противъ различныхъ административныхъ злоупотребленій, упоенные свѣжимъ воздухомъ гласности, наши современные сатирики дошли наконецъ до того, что можно подумать, будто они во всемъ чиновничествѣ видятъ какое-то зло, требующее не измѣненій и исправленій, — съ чѣмъ, конечно, согласится всякой, — но совершеннаго искорененія. Вступаясь за чиновниковъ, мы, конечно, не думаемъ нисколько отстаивать какія бы то ни было злоупотребленія; но согласитесь, что странно же положеніе цѣлаго сословія, въ которомъ, безъ сомнѣнія, есть люди честные и благонамѣренные, которое продолжаетъ жить и дѣйствовать въ полной силѣ, безъ котораго даже нельзя обойтись и которое, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, встрѣчаетъ со стороны литературы одиѣ насмѣшки и оскорбленія и ни одного слова сочувствія къ лучшимъ стремленіямъ, живущимъ же хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Мы не говоримъ о жалкихъ попыткахъ вывести въ литературѣ и на сценѣ идеальныхъ чиновниковъ, которые осуждены уже строгимъ судомъ. Не такъ должно относиться къ этому дѣлу истинное творчество, если уже коснется его по своей задачѣ. Выразить положительно эти лучшія стремленія, выставить ихъ въ живомъ лицѣ на полную драматизма борьбу съ мракомъ и зломъ, привлечь на ихъ сторону всеобщее разумное сочувствіе, — вотъ художественная задача, которую г. Писемскій нашель гораздо болѣе достойною и своего таланта и самаго предмета, нежели простое порицаніе различныхъ, уже всѣмъ извѣстныхъ, злоупотребленій. Нѣтъ, кажется, надобности объяснять какое важное начало успѣлъ положить авторъ счастливымъ исполненіемъ своей задачи. Во всѣхъ литературахъ поло-

жительно нравственныя черты господствуютъ въ общей массѣ изящно литературныхъ произведеній. Всякой, въ какомъ бы положеніи, на какой бы ступени общественной ни находился, встрѣчаетъ тамъ въ литературѣ поддержку и указанія, видитъ, что благородной борьбѣ, имъ предпринимаемой, тяжелому подъ часъ исполненію долга, сочувствовали лучшіе умы, какъ представители высшихъ стремленій цѣлаго народа. Мы, напротивъ, прячемъ, какъ будто со стыдомъ, всѣ наши горячія, идеальныя стремленія и какъ нарочно, сваливаемъ въ изящную литературу все грязное и нечистое, что удастся подмѣтнуть въ обществѣ, благо это дѣло легкое и безошибочное.

Мы очень хорошо знаемъ, что идеалы во многихъ европейскихъ литературахъ доведены уже во многомъ до страшнѣйшей національной узости или до приторной сладости и, сохрани насъ Боже, рекомендовать нашимъ писателямъ погоню за такими идеалами. Но пора же наконецъ нѣсколько прочистить литературную атмосферу и дать въ ней хоть немного простора тѣмъ задушевнымъ мечтамъ русскаго человѣка, тѣмъ благороднымъ порывамъ, тѣмъ святымъ помысламъ, безъ которыхъ не можетъ же жить цѣлый народъ и которыя всѣ мы держимъ, конечно, для своего домашняго употребленія, но тщательно скрываемъ отъ печатнаго оглашенія, какъ будто всѣ мы присягнули быть въ литературѣ обличителями и ничѣмъ болѣе.

Но обратимся къ роману г. Писемскаго. Не можемъ удержаться, оставляя изложеніе его подробностей, чтобы не указать на одно изъ лучшихъ мѣстъ его, именно свиданіе Калиновича съ Настенькой въ театрѣ и потомъ у ней на квартирѣ. Передъ кѣмъ изъ читавшихъ романъ не стоитъ, какъ живая, вся сцена представленія «ненависти къ людямъ или раскаянія», въ которой истинный смыслъ каждаго произнесеннаго актрисой слова понятенъ вполнѣ только двумъ лицамъ, а между тѣмъ даже и безъ этого особаго смысла вся губернская публика плачетъ на взрыдъ подъ обаятельной силой сценической правды. Что же должны были чувствовать Калиновичъ и Настенька? Въ ту минуту, когда губернаторъ, сдерживая всю силу чувства, пробирается по

немногу къ Настенькѣ на сцену и имѣеть еще силы сказать нѣсколько комплиментовъ содержателю театра и какой-то попавшейся актрисѣ, онъ истинный герой, не вымышленный, конечно, не средневѣковой, по настоящій герой нашего вѣка, котораго внутреннимъ движеніямъ вы не можете не почувствовать, которому въ эту минуту вы готовы простить многое, если не все. Поболѣе намъ такихъ драматическихъ сценъ изъ дѣйствительной современной жизни, поболѣе такихъ положеній, дышащихъ всею жизненною правдою и изящная литература наша станетъ не однимъ дѣломъ роскоши или забавы, какъ теперь, но насущною, душевною потребностію каждаго; въ ней будетъ находить каждый знакомыя страданія, знакомую борьбу, однимъ словомъ, весь свой внутренній душевный міръ. Публичное, страшное, хотя и никому изъ театральной публики непонятное объясненіе между Калиновичемъ и Настенькой уже сдѣлано въ театрѣ. Не удивительно, что послѣдовавшее за тѣмъ свиданіе ихъ на квартирѣ Настеньки, полно тихаго счастья, помрачаемаго по временамъ лишь трудными губернаторскими заботами и ревнивымъ движеніемъ Калиновича. Не удивительно, что они видятся, какъ будто послѣ недолгой, случайной разлуки, что они умѣютъ цѣнить счастье, посланное имъ, наконецъ, послѣ долгихъ страданій и труднаго житейскаго опыта и, какъ люди искушенные уже, не стараются смутить его горькими объясненіями. Но и здѣсь опять-таки, въ эти минуты полного взаимнаго счастья, авторъ не забывается ни на минуту и вы ясно чувствуете всю бездну, отдѣляющую высокій характеръ Настеньки отъ вѣчно недовѣрчиваго, себялюбиваго и желчнаго Калиновича. Вся эта сцена есть образчикъ высокаго мастерства автора.

Вообще все, что касается подробностей и картинъ русскаго быта въ различныхъ слояхъ общества, мы находимъ безукоризненнымъ въ повомъ романѣ г. Писемскаго. Художественный талантъ его въ описаніяхъ и изображеніяхъ явился здѣсь въ полномъ блескѣ и силѣ. Все кажется списаннымъ съ натуры, даже когда-то лично видѣннымъ или испытаннымъ: сила впечатлѣній, производимая нѣкоторыми его описаніями, доходитъ до очарованія; такова, напримѣръ,

всенощная въ монастырѣ, во 2-й части. Точка зрѣнія его на всѣ описываемыя явленія благородная и современная. Болѣе, кажется, нечего сказать въ похвалу быто-описательному роману.

Переходимъ теперь къ внутреннему содержанію романа, къ той нравственной и общественной задачѣ, которую ставить и разрѣшаетъ въ немъ авторъ, къ тѣмъ внутреннимъ побужденіямъ, которыя вызвали на свѣтъ романъ именно такого содержанія.

Нельзя не сочувствовать почтенному автору въ удачномъ выборѣ основной страсти, двигающей всѣми пружинами романа. Дѣйствительно страсть къ деньгамъ, къ комфорту, къ значенію и блестящему положенію въ свѣтѣ стала давно уже у насъ господствующею страстію, которую, какъ закулисный двигатель, легко усмотрѣть за всѣми почти поступками и стремленіями. Времена грубыхъ порывовъ, необузданной воли, бѣшеныхъ страстей и тому подобныхъ остатковъ суровой старины, давно миновались и подобныя явленія крайне рѣдко, и то развѣ въ низшихъ классахъ, завязываютъ теперь въ дѣйствительной жизни драму. Внѣшній, приличный лоскъ давно уже покрылъ верхніе слои нашего общества. На видъ мы цивилизованные европейцы; но за то подъ этимъ поверхностнымъ лоскомъ тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ, подъ новою формою, тѣ же грубые, лишь прикрываемые приличіемъ, инстинкты. Страсть къ деньгамъ, къ чинамъ, къ отличіямъ, какими бы путями ни пришлось достигнуть ихъ, вотъ новыя формы старой грубости нравовъ.

И такъ г. Писемскій попалъ дѣйствительно въ больное мѣсто русскаго общества: герой его страдаетъ вполне современною болѣзнію. Но въ Калиновичѣ живетъ и другое начало: онъ также олицетворяетъ въ себѣ другую лучшую сторону нашей цивилизаціи; однимъ словомъ, онъ энергичскій представитель честнаго поколѣнія чиновниковъ, выступающаго теперь на смѣну и на борьбу съ добродушнымъ и невѣжественнымъ взяточничествомъ, казнокрадствомъ и т. п. Почему авторъ счелъ за нужное соединить въ своемъ героѣ эти два противоположныя начала, это понятно. Задача его была изобразить не героя добродѣтели, но современнаго человѣка, со

всѣмъ его достоинствами и недостатками. Къ сожалѣнію нельзя не согласиться, что въ своемъ изображеніи авторъ остался вѣренъ истинѣ. Таково именно теперь молодое поколѣніе, выступающее на сцѣну стараго. Этимъ мы, конечно, не хотимъ сказать, чтобы каждый, принадлежащій къ молодому, служащему поколѣнію способенъ былъ сдѣлать все то, что сдѣлалъ дурнаго Калиновичъ въ своей жизни. Но это уже случайныя обстоятельства, выдуманная авторомъ для лучшаго разъясненія своей мысли; родовыя же черты Калиновича, безъ сомнѣнія, общи всему поколѣнію. Начиная съ холоднаго и гордаго обращенія съ подчиненными, на которыхъ Калиновичъ смотритъ, какъ на людей другой породы—мы узнаемъ въ немъ все знакомыя, безпрестанно встрѣчаемыя въ жизни черты: тщеславіе, раздражительное въ высшей степени самолюбіе, сухость сердца, презрѣніе ко всякому увлеченію, вѣчную натянутость отношеній, исключительное служеніе матеріальнымъ благамъ жизни, суетную гордость новымъ благороднымъ началами, хотя бы они не успѣли еще выдержать ни какого жизненнаго искуса. Такія именно черты, выѣстъ съ пробужденіемъ общественной чести и благонамѣренности выработались у насъ пока, взамѣну цѣльной и круглой старої жизни. Состояніе, очевидно, переходное.

Искушенія, представляющіяся въ жизни Калиновичу, также не выдуманы авторомъ. Общество, какимъ справедливо его изобразилъ г. Писемскій, въ которомъ господствуетъ исключительное развитіе страшныхъ эгоистическихъ инстинктовъ, въ которомъ почти нѣтъ поддержки и сочувствія дарованіямъ и энергіи, разумѣется, не можетъ ничего дать молодому человѣку кромѣ искушенія.

Если справедливо такое изображеніе новаго поколѣнія и современнаго ему общества, то безъ сомнѣнія Калиновичъ есть истинный герой нашего времени. Онъ послѣдовательнѣе, по крайней мѣрѣ, въ развитіи лежащихъ въ немъ началъ добра и зла, онъ энергичнѣе, нежели тысячи людей, готовыхъ на все для составленія себѣ карьеры, и, которые, по робости и недостатку характера, дѣлаютъ весь вѣкъ лишь мелкія подлости и ничего хорошаго. Большая часть молодыхъ людей нашего времени смотрятъ именно такъ, какъ

Калиновичъ на свою первую, неразумную, какъ говорятъ, или правильнѣе нерасчетливую любовь, но у немногихъ достаетъ силы раздѣлаться такъ рѣшительно, съ такими страданіями, прямо взявъ на свою душу тяжелый грѣхъ, какъ сдѣлалъ Калиновичъ; почти всѣ видятъ въ бракѣ лишь выгодную партію, но не у многихъ достанетъ духу рѣшиться на такой бракъ и именно при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ сдѣлалъ это Калиновичъ. Но если Калиновичъ рѣшительнѣе во злѣ, нежели большая часть людей его поколѣнія, онъ рѣшительнѣе ихъ и въ добрѣ. Какъ въ первой половинѣ своей жизни онъ не ограничился, какъ многіе, замазываніемъ своихъ проступковъ, легкими сдѣлками съ жизнью и совѣстью, которыя всегда потомъ отзываются тяжело въ жизни; но прямо и смѣло, глядя въ лице всей тяжести проступка, бралъ его на свою совѣсть; такъ точно потомъ, понавъ въ свою настоящую сферу, достигнувъ твердо поставленной себѣ цѣли въ жизни, явившись важнымъ общественнымъ дѣятелемъ, онъ не вступилъ ни въ какія сдѣлки съ совѣстью и жизнью; но всего себя безраздѣльно отдалъ борьбѣ со зломъ и, наконецъ, палъ въ этой борьбѣ, не одолевъ всей, возставшей на него, силы зла.

Съ этой точки зрѣнія мы совершенно понимаемъ и оправдываемъ очевидное сочувствіе автора къ своему герою. Признавъ за Калиновичемъ нѣкоторыя, и довольно сильныя, права на наше сочувствіе, мы, конечно, не станемъ осуждать г. Писемскаго и за тѣ художественныя уловки, которыми онъ старался возбудить въ насъ это сочувствіе. Мы даже не совѣмъ справедливо назвали уловками всѣ средства, употребленныя авторомъ для этой цѣли. Одни изъ нихъ совершенно законны, безъ нихъ романъ не имѣлъ бы художественной правды и интереса. Они всегда употреблялись и будутъ употребляться въ поэзіи, они составляютъ даже одно изъ сильнѣйшихъ ея орудій. Мы разумѣемъ здѣсь тотъ глубокій анализъ человѣческаго сердца и съ другой стороны то яркое, ослепительное изображеніе гнетущей силы вещей, которыя призываетъ на помощь г. Писемскій при всякомъ паденіи своего героя и которыми ослабляетъ всякой разъ возникающее въ насъ негодованіе противъ его дурнаго

поступка. Именно эти художественные приемы и дѣлаютъ изъ Калиновича не отвлеченнаго злодѣя, по брата нашего, человѣка, которому мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ отказать въ сочувствіи. Но есть въ романѣ г. Писемскаго одна дѣйствительная уловка въ пользу своего героя, которая по тому самому сдѣлалась тотчасъ же и художественною ошибкою, ярко отличающеюся отъ общей правды всего остальнаго.

Желая полнѣе и яснѣе выразить свой взглядъ на дѣло, авторъ вывелъ въ рендантѣ въ Калиновичу и Бѣлавина, богача, аристократа по рожденію, человѣка съ свѣтлымъ и образованнымъ умомъ, съ тонкимъ художественнымъ тактомъ, но въ то же время нѣсколько лѣниваго, не принимающаго живаго и дѣятельнаго участія въ добрѣ и злѣ, которыя борются въ дѣйствительности, человѣка, наконецъ, который сохранилъ свою нравственную чистоту, пожалуй потому, что не жилъ полною жизнью, не боролся, не страдалъ, не пробивалъ себѣ пути, но все-таки сохранилъ эту чистоту и эту чертою рѣзко отличается отъ Калиновича. Ограничась авторъ этимъ изображеніемъ Бѣлавина, прибавь, пожалуй, къ этому нѣкоторую лѣность и сухость сердца, заставившую его испугаться любви Настеньки, какъ тяжелой обязанности, налагаемой на свою свободную жизнь,—мысль автора была бы вполне ясна. Эта побочная личность Бѣлавина помогла бы автору привлечь еще нѣкоторую долю сочувствія на труженическую, полную борьбы и страданій, благородно заключенную дѣятельность Калиновича, но въ то же время художественная правда была бы соблюдена и нравственное чувство читателя направлено авторомъ совершенно правильно. Но по какому-то странному капризу, г. Писемскій вдругъ вздумалъ замарать Бѣлавина, выдумавъ про него двѣ грязныя черты, совсѣмъ къ нему не идущія, и забывъ, что Бѣлавинъ не живое лицо, а его же собственное художественное созданіе, распорядиться которымъ по произволу авторъ самъ неволенъ, давъ ему однажды твердыя очертанія; г. Писемскій не удовольствовался, однимъ словомъ, тѣми нравственными впечатлѣніями, какія должно было произвесть художественное изложеніе дѣла; онъ вздумалъ

распорядиться мнѣніемъ и впечатлѣніемъ читателя и впалъ въ двойную ошибку. Къ счастью, это единственный серьезный упрекъ, который мы можемъ и должны сдѣлать почтенному автору.

Съ сожалѣніемъ расстаемся мы съ прекраснымъ романомъ г. Писемскаго, составляющимъ, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ лучшихъ украшеній нашей изящной литературы въ истекшемъ году. Важное художественное общественное значеніе этого романа будетъ, безъ сомнѣнія, оцѣнено всею образованною русскою публикою. Мы лично не можемъ не поблагодарить почтеннаго автора за то, что въ своемъ романѣ онъ остался вѣренъ лучшимъ литературнымъ предашямъ, которыя, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе забываются у насъ, подъ влияніемъ дѣловаго, но уже слишкомъ промышленнаго направленія.

Е. Эдельсонъ.

Москва

1858 г. декабря 5.

СТИХОТВОРЕНІЯ МЯ.

«Написать два, три, четыре превосходныхъ стихотворенія уже значить быть поэтомъ», съ рѣшительнымъ видомъ говорилъ мнѣ когда-то одинъ изъ числа такихъ пріятелей, въ умѣ которыхъ я никогда не сомнѣвался. Онъ самъ когда-то стихи писалъ, и я помню, одно изъ его стихотвореній было такъ хорошо, до такой степени звучно, стройно, горячо и художественно, что я не шутя сравнивалъ его съ однимъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина. Еслибы оно когда-нибудь, гдѣ-нибудь, случайно было напечатано, я увѣренъ, оно попало-бы въ сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи г. Щербины. Г. Щербина, замѣчали мнѣ нѣкоторые, многихъ еще упустилъ изъ виду, составляя сборникъ свой; а между тѣмъ около шестидесяти имѣтъ

красуются на его страницахъ! — Кто не изумится, а главное, кто повѣритъ, чтобы на русской почвѣ, въ одинъ вѣкъ, поднялось, созрѣло и просіяло шестьдесятъ поэтовъ! Какой народъ въ мірѣ можетъ превзойти насъ, если это правда!... Но Щербина сборникъ свой и не называетъ собраніемъ лучшихъ произведеній русскихъ поэтовъ; онъ просто говоритъ: произведеній *русской поэзіи*, и не ошибается. И «Отоманская пѣсня» Вельмана — и «Машенька» Коренева — и «Гондольеръ» Ө. Кони, носятъ на себѣ печать неподдѣльной поэзіи. Въ этомъ даже и публика не сомнѣвается; но отчего же она первая засмѣется вамъ въ глаза, если вы вздумаете увѣрять ее, что у насъ на святой Руси шестьдесятъ поэтовъ. Не отъ того ли, что написать истинно-поэтическое стихотвореніе и быть истиннымъ поэтомъ далеко не одно и то же.

Поэзія всѣмъ доступна. Всѣмъ понятно и всѣхъ увлекаетъ истинное, вдохновенное творчество, потому что это творчество есть общее достояніе всѣхъ и каждого, есть одно изъ такихъ же положительныхъ свойствъ души человѣческой, какъ умъ, совѣсть, воображеніе, чувство и проч. и проч.

Юность въ особенности богата поэтическими минутами: кто овладѣлъ механизмомъ стиха, тому, конечно, можетъ быть и удастся поймать одну изъ такихъ свѣтлыхъ минутъ и создать нешутя поэтическое стихотвореніе. За этой старой истиной слѣдуетъ другая, не менѣе старая истина, а именно та, что поэтовъ и творцовъ немного. Чтобъ творить, надо обладать творчествомъ почти въ такой же степени, въ какой избранные, обладая любовью, раздавали нищимъ все свое состояніе. Только такая степень вѣры и любви творила чудеса, вызывая людей на необычайные подвиги, и только такая степень творчества создаетъ чудеса искусства. Человѣкъ, въ которомъ не осталось ни единой капли любви, ни единой искры творчества, не поклонится ни единому поэту, пройдетъ равнодушно передъ созданиемъ искусства и не повѣритъ всему тому, что будутъ говорить ему о ихъ глубокомъ значеніи. Такъ, увлекаться поэтомъ значитъ носить въ себѣ хоть тысячную долю того же творчества, хоть и бесплоднаго, по своему крайнему безсилію.

Степени творчества такъ же безконечны, какъ безконечны степени ума. У кого его нѣтъ? — Даже и тотъ имъ обладаетъ, кого мы всѣ называемъ дуракомъ набитымъ; мы называемъ его такъ потому только, что не съ разу видимъ умъ его, что это первая, самая низкая его ступень, та ступень, на которой стоятъ толпы людей и на которую иной ребенокъ шести лѣтъ уже заноситъ ногу, потому наконецъ, что видали мы и постоянно видимъ умъ человѣческій восходящимъ на такую высокую ступень, что и въ тысячу лѣтъ мы не можемъ отойти отъ него на такое пространство, чтобы высота его скрылась за горизонтъ и перестала свѣтить намъ.

Часто случается, что и не дальняго ума человѣкъ можетъ иногда подать умный совѣтъ, сказать или сдѣлать умное замѣчаніе. Вотъ почему иногда и не поэтъ можетъ написать поэтическое стихотвореніе.

Потому мало истинныхъ поэтовъ, что трудно творчеству стать свойствомъ преобладающимъ. То умъ его пересилитъ и, подчинивъ его своей логикѣ, перехитритъ или охладитъ его, то житейскія нужды, борьба съ людьми и свѣтомъ, проза жизни покачнуть его, прежде чѣмъ оно успѣло пустить глубокіе корни въ душѣ человѣческой, то лѣнь, то безхарактерность или слабость воли не дадутъ ему созрѣть, то недостатокъ памяти или недостатокъ ума, какъ слишкомъ ничтожное количество ему необходимой почвы заставитъ его поневолѣ бесплодно увянуть раньше времени. Удивительное, математически рассчитанное соотношеніе всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ въ человѣкѣ должно быть для того, чтобы твердо укоренялось и росло въ немъ творчество; чуть чего нибудь больше или меньше чѣмъ слѣдуетъ, и творчество исчезаетъ, конечно въ томъ только смыслѣ исчезаетъ, что перестаетъ быть силою производительной. Вотъ почему поэтовъ такъ же мало, какъ мало великихъ мыслителей, великихъ полководцевъ и проч.; но, замѣтятъ мнѣ, великихъ, такъ, — ну, а просто поэтовъ, т. е. не великихъ, отъ чего же ихъ не можетъ быть многое множество? а развѣ много просто мыслителей, т. е. философовъ, даже и не великихъ? развѣ много полководцевъ, даже не великихъ? Мнѣ на это скажутъ: для того, чтобы быть

даже просто замѣчательнымъ полководцемъ, нужна война; а война не часто бываетъ. Ну, а чтобы быть поэтомъ, нужна не только другая война, но и побѣды, а именно побѣды разумныхъ началъ общества надъ его темными или злыми началами, что также бываетъ не часто.

Кромѣ этого еще скажу вамъ, если мы допустили степени ума и творчества, почему не допустить намъ степени того, что мы называемъ великимъ. «Я признаю великимъ того челоуѣка,» говоритъ Эмерсонъ, одинъ изъ Американскихъ мыслителей, «чья мысль способна обитать въ такихъ сферахъ, до которыхъ другіе добираются не безъ труда и не безъ усилій, которымъ стоитъ только глаза открыть, чтобы увидѣть вещи въ ихъ настоящемъ, истинномъ свѣтѣ и проч.» Если это хоть сколько нибудь справедливо, спрашиваю: какой поэтъ не обладалъ этими двумя качествами, если только онъ былъ поэтъ дѣйствительный, и нужно ли ему непременно быть всемірнымъ гениемъ, чтобы быть великимъ? Нѣтъ! если слова Эмерсона справедливы, то каждый поэтъ, на какой бы степени творчества онъ ни стоялъ, долженъ быть великъ, т. е. по идеямъ своимъ стоять тамъ, куда другіе съ трудомъ добираются, и видѣть все въ истинномъ свѣтѣ, все, отъ едва замѣтнаго ощущенія въ душѣ до самой сильной страсти, отъ легчайшаго дуновенія ночи до страшныхъ бурь и урагановъ. Безъ этихъ двухъ качествъ великаго, я такъ же не могу вообразить себѣ поэта, какъ не могу вообразить себѣ красавицу безъ красоты; безъ этихъ качествъ въ челоуѣкѣ я никакъ не пойму, почему вокругъ него собираются поклонники, почему толпа слушаетъ его сначала съ завистию, потомъ съ благоговѣніемъ, почему наконецъ, всякій поэтъ, если только онъ поэтъ, есть *учитель взрослыхъ*.

Всѣ споры, поднятые нашими журналами о томъ, должно ли искусство быть орудіемъ въ рукахъ поэта, для того, чтобы биться имъ во имя тѣхъ или другихъ общественныхъ началъ, или оно само себѣ цѣль и внѣшней цѣли имѣть не можетъ? Вопросъ этотъ еще не совсѣмъ рѣшенъ нашими журналами, еще каждый остался при своемъ убѣжденіи; уже жлого ума и чернилъ пошло на доказательство того и другаго, а между тѣмъ никто не замѣчаетъ, что существованіе

истинной поэзии не зависитъ отъ рѣшенія тѣхъ или другихъ о ней вопросовъ, точно такъ же, какъ явленія природы не зависятъ отъ спора ученыхъ. Того порабощенія искусства теоріямъ, о которомъ такъ горячо и съ такимъ благороднымъ негодованіемъ писалъ Г-нъ Аршерумовъ, по нашему мнѣнію, никогда и не было. Если эта теорія не совратила съ пути ни Фета, ни Майкова, ни Тютчева, повѣрьте, надъ великимъ и многостороннимъ поэтическимъ талантомъ всѣ эти теоріи прошли бы еще незамѣтнѣе. Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что поэтъ, какъ существо свободно-разумное, можетъ, если захочетъ, поставить для себя ту или другую цѣль, казнить порокъ, хлестать взяточниковъ, быть непремѣнно выразителемъ общественныхъ стремленій, органомъ той или другой партіи и проч.; но — если онъ и не захочетъ всего этого, не найдя въ свойствѣ таланта своего такой гибкой способности подчиняться времени или чужимъ теоріямъ, онъ все-таки не перестанетъ быть поэтомъ, обладая талантомъ, точно такъ же, какъ женщина не перестанетъ быть красавицей, не утративши красоты своей. Поэзія есть истина въ красотѣ и красота въ истинѣ; но не всякая истина поэтична и не всякая красота истинна.

Желая вымолвить наше сильное мнѣніе о стихотвореніяхъ г-на Мея, мы приступаемъ къ разбору ихъ, невольно становясь на высоту убѣжденій, только что нами высказанныхъ. Мы приступаемъ къ нимъ съ однимъ вопросомъ: поэтъ ли г-нъ Мей въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ мы его понимаемъ? т. е. можетъ ли онъ быть моимъ и вашимъ учителемъ; на такой ли высотѣ стоитъ его мысль, чтобы мы сознательно или бессознательно, признали поэтическую личность его стоящую на одной изъ ступеней великаго? Чтобы рѣшить такой вопросъ честно и добросовѣстно, что должны мы сдѣлать? просить самого автора помочь намъ понять его, и если онъ поэтъ, какая его особенность, какой характеръ, какой голосъ, какова поступь?

Незнакомыхъ мы не только не сажаемъ съ собой за нашъ семейный столъ, мы имъ даже не кланяемся; какъ же станемъ мы кланяться, и подъ нашъ домашній, семейный кровъ приглашать поэта, если мы не знаемъ его въ лице. Чтобы

узнать его, конечно надо познакомиться; а кто жъ пной можетъ насъ и познакомить съ нимъ, какъ не его же Муза, проще сказать, его произведенія. Мы отъ роду не видали Гейне, а образъ его намъ знакомъ; мы даже привыкли къ нему; узнаемъ его по звуку голоса, и намъ легко съ нимъ, какъ съ старымъ, неизмѣннымъ, хотъ и желчнымъ другомъ; мы никогда и въ глаза не видали Полежаева, даже его портрета ни разу не имѣли въ рукахъ; но знаемъ, что это за лице, подходитъ съ довѣріемъ къ его душевнымъ ранамъ, и намъ тяжело за него и больно, какъ будто родной братъ погибаетъ... Его давно уже нѣтъ, а образъ его носится, хотъ онъ и не былъ поэтомъ великимъ или гениемъ.

Не только такіе лирическіе поэты какъ Байронъ, Гете и Шиллеръ, но и второстепенные поэты, поднимающіеся не слишкомъ высоко въ область истинно-великаго, имѣли и имѣютъ свою нравственную фізіономію. Ни Веневитиновъ, какъ Гамлетъ, надъ могилой гадающій о тайнахъ жизни, ни Кольцовъ, какъ простая русская душа, почуявшая Божій свѣтъ, да съ тоски по немъ и затапущая пѣсню, не лишены этой нравственной фізіономіи. То же можемъ мы сказать и о Некрасовѣ. Всѣ они поэтическія личности, т. е. образы, ясно мелькающіе сквозь призму ими созданныхъ, живыхъ, поэтическихъ образовъ. У всѣхъ у нихъ, отъ великаго до малаго, одно: истина въ красотѣ и красота въ истинѣ. Поэзія такихъ людей увлекаетъ насъ какъ красота и поучаетъ насъ какъ истина. И такъ, чтобы ближе познакомиться съ личностію г-на Мей, какъ поэта, перечитавши всѣ его стихотворенія, мы обратились къ тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ говоритъ онъ отъ себя, отъ своего лица, стало быть къ такимъ стихотвореніямъ, гдѣ лирическое сливается съ личнымъ, съ образомъ нравственныхъ убѣжденій, душевныхъ страстей, затаенныхъ стремленій и проч., и не мало были изумлены мы малымъ количествомъ именно такого рода стихотвореній; ихъ не болѣе осьми, тогда какъ всѣхъ стихотвореній около семидесяти. Мало, слишкомъ мало средствъ или матеріаловъ даетъ намъ г-нъ Мей, чтобы узнать его, какъ лирика, чтобы познакомиться съ его поэтической личностію. Конечно, количество еще ничего не значитъ, осьми стихотво-

реній Полежаева, или Лермонтова, или Некрасова уже достаточно, чтобы намъ узнать ихъ направленіе, звукъ и силу ихъ голоса.

По нѣсколько разъ перечли мы эти личныя (чисто субъективныя) стихотворенія г-на Мея и пришли наконецъ къ тому, что изъ нихъ нельзя извлечь о лицѣ автора никакого цѣльнаго понятія; что авторъ, какъ лирическій поэтъ, не даетъ намъ никакого образа, никакой опредѣленной физиономіи, что нѣтъ ни одного стихотворенія, котораго бы звучный стихъ *ударилъ по сердцамъ съ невидимой силой*. Что этой силы нѣтъ ни въ мысли, ни въ чувствахъ и что наконецъ каждое стихотвореніе невольно вызываетъ насъ на споръ съ авторомъ, что было бы невозможно, если бы онъ былъ поэтъ, никто не вправѣ вѣрить намъ, если мы не докажемъ этого анализомъ хотя нѣкоторыхъ его стихотвореній. Когда мы читаемъ личныя (субъективныя) стихотворенія Пушкина, мы не только вѣримъ въ глубину его чувства, не только приходимъ въ восторгъ отъ его анализа, потому что анализъ такихъ стиховъ, какъ наприм. *«Я васъ люблю, любовь моя быть можетъ»* раскрываетъ намъ такую бездну разнородныхъ свойствъ истишной любви, что рассказать ихъ въ прозѣ, значитъ написать цѣлую статью психологическаго содержанія. Читая подобные стихи, мы не только увлекаемся красотой формы, но боимся за личность поэта; кажется, каждый моментъ, имъ выражаемый, есть или вѣрный рѣшительный шагъ въ его жизни, или такая потрясающая минута, отъ которой зависитъ вся будущая жизнь, и судьба, и дѣятельность; каждое стихотвореніе его кажется намъ выраженіемъ такой минуты, что въ жизни человѣческой она уже не можетъ, не въ силахъ повториться. Можетъ ли, напримѣръ, повториться минута, когда *она явилась* поэту, какъ *мимолетное видѣнье, какъ гений чистой красоты*? Можетъ ли повториться минута, когда его *«хладящія руки, ее старались удержатъ»*. Все это кажется намъ именно отъ той страшной силы чувства, которая лежитъ въ основѣ творчества. То же самое можемъ мы сказать о многихъ личныхъ, лирическихъ стихотвореніяхъ Полежаева, Лермонтова, Кольцова и Некрасова, и ничего подобнаго нельзя

сказать о личных стихотвореніяхъ г-на Мея. Не знаю — говорить онъ въ одномъ стихотвореніи :

Не знаю, отчего такъ грустно мнѣ при ней?
 Я не влюбленъ въ неѣ: кто любитъ, тотъ тоскуетъ,
 Онъ боленъ, изнуренъ любовію своею,
 Онъ день и ночь въ огнѣ — онъ плачетъ и ревнуетъ...
 Я не влюбленъ.... при ней бываетъ грустно мнѣ —
 И только.... Отчего — не знаю. Оттого ли,
 Что дума и у ней такой же просить воли,
 Что сердце и у ней въ такомъ жѣ дремлетъ снѣ?
 Нѣтъ отъ предчувствія, что нѣкогда напрасно,
 Но пылко мнѣ ее придется полюбить?
Богъ вѣсть! а полюбить я не хотѣлъ бы страстно.

Когда Лермонтовъ говорить: «мнѣ грустно оттого, что я тебя люблю», прочитавши все стихотвореніе, мы понимаемъ, отчего ему грустно. Здѣсь же причина темна и неизвѣстна самому автору, въ чемъ онъ самъ откровенно и сознается: *«не знаю, отчего такъ грустно мнѣ при ней»*. Еще непонятнѣе, чего онъ боится, почему не хочется ему полюбить, какая причина? Богъ вѣсть! И не странно ли? Непонятная боязнь любви — единственное чувство, которое проходитъ по всѣмъ его личнымъ стихотвореніямъ, — чувство, далеко не поэтическое, въ особенности, если истинность его не оправдывается горькимъ разочарованіемъ, но и этого оправданія не слышится въ стихахъ г-на Мея.

Въ стихотвореніи *Октавы* (на стр. 133) г-нъ Мей такъ же какъ будто боится, чтобы стихи его не приняли за *чистое любовное признаніе*; но нигдѣ эта боязнь любви не высказалась такъ звучно и громко, какъ въ стихотвореніи «*Бѣги ея!*» — Вотъ оно: будемъ его читать и останавливаться:

Бѣги ея, чего ты ждешь отъ ней?
 Участвія, сочувствія, быть можетъ?
 Зачѣмъ же мысль о ней тебя тревожить?
 Зачѣмъ съ нея не сводишь ты очей?

Зачѣмъ? понятно зачѣмъ, — онъ ждетъ участія, сочувствія. Вѣдь это не простое ухаживаніе потому, что мысль о ней его тревожить.

Любви ты ждешь, хоть самъ еще не любишь
 Неправда ли?....

Какъ! онъ еще не любить? Если такъ, стоитъ ли такой господинъ, который не любя ждетъ сочувствія и даже участія, стиховъ поэта — если только эти стихи въ устахъ его не дышутъ явнымъ негодованіемъ.

Но знаешь, можетъ быть
Тебѣ придется страстно полюбить —
Тогда себя погубишь ты — погубишь.

Это почему? — для людей сильныхъ сердцемъ даже и несчастная любовь приноситъ свою пользу. Что за бѣда пострадать! — Да и почему авторъ увѣренъ, что полюбить ее то же, что погибнуть.

Взгляни, какъ эта ручка холодна,
Какъ сжаты эти губы, что за горе
Искусно скрыто въ этомъ свѣтломъ взорѣ....
Ты видишь, какъ грустна она, блѣдна....
Бѣги ея: она любила страстно
И любить страстно — самое-себя
И, какъ Нарциссъ, терзается напрасно
И, какъ Нарциссъ, увянетъ, *все* любя.

Что значить это «*все любя*» это «*все*» послѣ того, какъ мы уже знаемъ — что она любитъ только себя? и почему Нарциссъ, *терзается напрасно*? Посмотрите хоть на картину Брюлова: Нарциссъ, наклонившійся надъ водой и любующійся отраженіемъ красоты своей. — Кто собой доволенъ, себя любить, и собой любитъ, тотъ меньше всѣхъ способенъ терзаться.

Не осуждай: давно, почти дитятей,
Она душой и мыслью стала жить;
Она искала родственныхъ объятій;
Хотѣлось ей кого нибудь любить....
Но не съ кѣмъ было сердцемъ породниться,
Но не съ кѣмъ было чувствомъ подѣлиться,
Но некому надежды передать,
Дѣвичьи сны и грезы рассказать.
И показалось ей, что нѣтъ на свѣтѣ
Любви — одно притворство; нѣтъ людей —
Все — дѣти, всё — безмысленныя дѣти,
Безъ сердца, безъ возвышенныхъ страстей.

И помяла она, что безъ привѣта
 Увянуть ей, какъ ландышу въ глуши,
 И что на голосъ пламенной души
 Ни отъ кого не будетъ ей отвѣта.

Боже мой! какая чудная, богатая дарами неба душа! Кого же и любить, если не подобныхъ женщинъ? естественно ли, понятно ли со стороны поэта, изъ одного предположенія, что она полюбитъ такую женщину, совѣтовать ему, бѣжать ей? Не отъ того ли и увяла она сердцемъ и не отъ того ли.

... Богу только вѣдомо, какъ ей
 Подъ часъ бывало тяжело и больно....
 И стала презирать она людей
 И вѣру въ нихъ утрачивать неволью,

Но какая же женщина не утратитъ вѣры въ людей, если даже и поэты будутъ давать эгонистическіе совѣты мушкетерамъ бѣжать любви!

Еще несправедливѣе, еще невозможнѣе показался намъ такой совѣтъ послѣ слѣдующихъ стиховъ:

Но съ каждымъ днемъ въ душѣ ея сильнѣй
 И доброты, и правой злобы битва....

Какъ! Еще продолжается борьба въ душѣ этой женщины! еще есть добро, которое борется со зломъ! Еще есть время спасти ее, полюбивъ ее глубоко и самоотверженно! но нѣтъ ей спасенія! авторъ говоритъ, заключая стихи свои:

Бѣги ея, но.... пожалѣй объ ней.

Спрашиваю, на сколько истины въ этомъ смѣшномъ, бесплодномъ сожалѣніи! и если это истина, есть ли въ ней красота? нѣтъ, это уродливая истина, принарядившаяся въ звучный и блестящій стихъ — вотъ почему мы и не видимъ въ ней поэзіи.

Такою же неопредѣленностію чувства отличается стихотвореніе: *«Когда ты склонялся надъ ролею»*. — Здѣсь авторъ не только груститъ отъ того, что ей весело; но ему жаль ее уже потому, что *ей будетъ весело*.

И быстро забываютъ руки,
 И звуковъ веселыя волны
 Полюются, мелодіи полны —
 Мнѣ жаль, что такъ веселы звуки.

Такъ, въ немногихъ личныхъ стихотвореніяхъ Мейя не нашли мы ни очарованія, ни разочарованія, ни любви, ни холода, ни тоски, ни радости, ни страстныхъ увлеченій, ни мудрыхъ совѣтовъ, никакого яснаго взгляда на жизнь, ничего такого, изъ чего бы сложился передъ нами тотъ образъ, который мы называемъ поэтическимъ образомъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ судей, которые съ пренебреженіемъ отворачиваются отъ такихъ стихотвореній, гдѣ главную роль играетъ любовь (чувство, по ихъ мнѣнію, далеко не современное); нѣтъ, мы съ такимъ же восторгомъ готовы привѣтствовать стихи «Къ ней» «Къ лунѣ» и проч., если только въ нихъ будетъ истинная поэзія. Насъ не испугаютъ эти вышедшія изъ моды, эти устарѣлыя заглавія; мы знаемъ—гдѣ есть поэзія, тамъ непременно таятся для насъ нѣчто новое, дышущее силой и свѣжестью; мы знаемъ, что поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ никогда не исчерпаетъ всей глубины этого безконечнаго чувства—любви, чувства, вѣчно для всѣхъ современнаго. Не въ томъ вопросъ: зачѣмъ поэтъ избираетъ любовь предметомъ своихъ вдохновеній, вопросъ въ томъ: любить ли онъ такъ, какъ немногіе способны любить, а главное, любить ли онъ совершенно по своему. Но, что такое любить по своему? Любить по своему, примѣняя слова эти къ творчеству, значитъ находить въ сердцѣ своемъ такія струны, которыя никѣмъ еще не были затронуты, находить въ любви такіе новые мотивы, отъ которыхъ стихотвореніе кажется вполне своеобразнымъ. Любить по своему, для поэта, значитъ любить сообразно съ характеромъ своей поэтической личности. Такъ ли, на примѣръ, Гете ожидаетъ свою возлюбленную, какъ ожидаетъ ее Шиллеръ? Такъ ли прощается и разстается Пушкинъ съ любимой имъ женщиной, какъ разстается Лермонтовъ? Еще рѣзче окажется разница этихъ особенностей, если мы будемъ сравнивать поэтовъ разныхъ историческихъ эпохъ, хотя эта разница нисколько не мѣшаетъ истинѣ. Петрарка такъ же истиненъ и понятенъ сердцу, какъ и Байронъ. Въ истинномъ поэтѣ, не только глубокія идеи или сильныя душевныя движенія, но и едва уловимыя ощущенія могутъ стать достойнымъ матеріаломъ для иску-

ства; ибо для него открыта та область, гдѣ все зародившееся въ тайникахъ души его претворяется въ «*перль созданія*». Но и для поэта, какъ бы великъ онъ ни былъ, такъ же какъ и у всѣхъ вообще смертныхъ, не всякое чувство и не всякая мысль претворяется въ чувство поэтическое или въ поэтическую мысль. Есть миллионъ душевныхъ побужденій, разнаго рода фантазій и даже нравственныхъ побужденій, которыя по природѣ своей, въ какіе бы стихи вы ихъ ни облекали, не способны подняться въ область истинной поэзіи; или они слишкомъ мелки, эгоистичны, или тяжелы, или, наконецъ, по самой сущности своей, до такой степени вялы, хрупки, гнилы или мягки, что не выдержатъ художественной отдѣлки, точно такъ же, какъ кирпичъ скорѣе изотрется, чѣмъ приметъ полировку, а гнилое дерево будетъ безпрестанно ломаться при тонкой рѣзной работѣ. Душа такой же матеріалъ для лирическаго поэта, какъ для скульптора мраморъ, и достоинство стиховъ его зависитъ на столько же отъ внѣшней отдѣлки, на сколько и отъ крѣпости матеріала. Такъ, еслибъ г-нъ Мей довелъ до *per plus ultra* совершенство формы въ стихотвореніи «Бѣги ея», содержаніе этого стихотворенія по прежнему осталось бы матеріаломъ неблагоприятнымъ, нестоющимъ труда; ибо его нѣтъ возможности перенести въ ту область, гдѣ истина становится красотой, а красота истиной, то есть въ область поэзіи. Что такое — отдѣлывать лирическое стихотвореніе, или, поправляя стихъ за стихомъ, доводить форму до возможнаго для нея изящества? Это, повѣрьте, ничто иное, какъ отдѣлывать и доводить до возможнаго въ человѣческой природѣ изящества, свое собственное, то или другое чувство; ибо чувство для поэта, какъ и всякій другой матеріалъ, нуждается въ отдѣлкѣ. Трудиться надъ стихомъ — для поэта то же, что трудиться надъ душой своей. Только согласившись съ этимъ, можно доказать и вліяніе поэзіи и понять, въ какомъ смыслѣ всякій истинный поэтъ есть учитель взрослыхъ.

Кто смотритъ на значеніе поэта и поэзіи иначе чѣмъ мы, тотъ, быть можетъ, и найдетъ нѣчто истинно поэтическое въ той части стихотвореній г-на Мей, съ которой мы приступили къ разбору ихъ. Кто же смотритъ на поэзію съ

нашей точки зрѣнія, тотъ, конечно, не упрекнетъ насъ въ несправедливости; ибо едва-ли лучше насъ, сквозь призму стихотвореній г-на Мея, разглядить образъ его поэтической личности. Но несправедливы были бы и мы, еслибъ только на этомъ порѣшили все дѣло; мы и теперь не взялись бы за перо, еслибъ принуждены были говорить только о томъ, о чемъ и говорить не стоитъ, т. е. еслибъ въ дарованіи г-на Мея не было другой, болѣе широкой и свѣтлой стороны. Г-нъ Мей не даромъ имѣетъ въ публикѣ и между журналистами поклонниковъ, уже потому нелицемѣрныхъ, что въ наше время въ литературномъ мірѣ едва ли возможно имѣть лицемѣрныхъ поклонниковъ. Все, что нужно для внѣшней отдѣлки стиха, все это есть у г-на Мея — и удивительное знаніе русскаго языка, и власть надъ нимъ; онъ лепитъ изъ него все, что хочетъ; рифмы ему ни по чемъ, самые трудные прихотливые размѣры удаются ему такъ, какъ рѣдко удаются они поэтамъ въ полномъ смыслѣ этого слова, — начитанность и изученіе поэтовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, даютъ ему огромное преимущество передъ массою нашихъ доморощенныхъ стихотворцевъ, — имъ же нѣсть числа. Г-нъ Мей не зарылъ въ землю своего половиннаго дарованія, — онъ бросился съ нимъ искать себѣ почвы, гдѣ бы то ни было, ибо инстинктивно понялъ, что этой почвы внутри его недостаетъ ему. Міръ славянскихъ и русскихъ пѣсень, преданія, священныя книги востока, Греческій парнасъ открыли широкую арену для его стихотворной дѣятельности — онъ подслушалъ мотивы и у русской пѣсни, и у израильскаго царя, и у греческой лиры, и какъ виртуозъ разыгралъ на эти мотивы блистательныя варіаціи — Руснацкія пѣсни, «Что это не слышно Наны голосочка», «У сосѣдки сынъ молодчикъ», «Моравскія пѣсни», — «Запѣвка», «Снаряжай скорѣй матушка родимая», «Колыбельная пѣсня», «Хозяинъ», «Подражаніе восточнымъ», «Храни поученія отцово» и, наконецъ, «Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ»; все это такія стихотворенія, которыя или вѣютъ на васъ всюю свѣжестію и простотой истинной поэзіи, или поражаютъ васъ огнемъ и блескомъ своей формы. Читая ихъ, досадуешь на одно только, что создала ихъ поэзія, а не поэтъ.

Стихотворенія «Отойди отъ меня сатана» и «Слѣпорожденный», несмотря на блескъ стиховъ своихъ, холодны. Это слишкомъ длинная варіація на такія краткія и простыя изложенія евангелія; они кажутся въ стихахъ настолько искусственны, что теряютъ свою цѣну, и, несмотря на роскошь описаній, душѣ говорятъ несравненно менѣе, чѣмъ первообразы. Или уже это общая участь всѣхъ подражаній или заимствованій, паче же всего заимствованій изъ книгъ священнаго писанія; эти заимствованія, чтобы казаться новыми, непремѣнно должны носить на себѣ печать поэтической личности, какъ носятъ ее «Еврейскія мелодіи» Байрона, стихотвореніе «Грѣшница» Полежаева, или стихотвореніе Пушкина: «Отцы пустынники и дѣвы непорочны». Этой печати нѣтъ у г-на Мея и мы не вправѣ даже за это упрекать его. Разбирая стихи его, мы имѣемъ только въ виду ознакомить нашихъ будущихъ читателей, паче же всего сотрудниковъ, съ нашимъ взглядомъ на поэзію вообще, и на поэта въ особенности. Такъ, напримѣръ, кто не согласится съ нами, что стройность цѣлаго, или гармонія всѣхъ частей, есть одно изъ условій всякаго созданія? Для поэта стихотвореніе то же, что для математика алгебраическая формула; въ немъ все должно быть строй и ничего не можетъ быть лишняго; что же именно даетъ этотъ строй? душа поэта, или его личность. Все внѣшнее, не пройдя сквозь огонь этой души, огонь, Прометеемъ у Зевеса похищенный, не смотря на самую изящнѣйшую отдѣлку, всегда будетъ казаться намъ чѣмъ-то внѣшнимъ, т. е. не живымъ для насъ; механизмъ работы будетъ видѣнъ и помѣшаетъ намъ наслаждаться произведеніемъ. Что можетъ быть лучше по отдѣлкѣ стиха, по гармоніи рифмы, по блеску картиць, какъ не эти два стихотворенія г-на Мея, изъ которыхъ одно «Юдифъ», другое «Цвѣты», и оба не оставляютъ по себѣ никакого глубокаго впечатлѣнія; каждая часть удивительна по стиху и картинамъ, но, увы! — слишкомъ широка и многорѣчива для идеи цѣлаго; и это цѣлое кажется маленькимъ туловищемъ съ руками и ногами гиганта. Не всякое эстетическое чувство примирится съ такою нестройностію. «Юдифъ» и «Цвѣты» были бы прекраснѣе,

если бы въ нихъ было меньше ненужныхъ красотъ. Для поэтической путки Нерона, засыпающаго цвѣтами гостей своихъ, мы увѣрены, Пушкинъ не нашелъ бы въ головѣ своей больше стиховъ, чѣмъ ихъ есть въ его Египетскихъ ночахъ — «Чертогъ сіялъ, гремѣли хоромъ»; Что, если бы въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, своимъ превосходнымъ стихомъ, рассказалъ намъ, что дѣлала Клеопатра утромъ, какъ она каталась въ золотой гондолѣ по Нилу, какъ, съ помощію смуглыхъ рабынь, наряжалась на пиръ и по какому случаю дала этотъ пиръ — что было бы? было бы то же, что Мей сдѣлалъ изъ своего разсказа «Цвѣты», т. е. были бы цвѣты поэзіи; но не цвѣтокъ, выросшій на почвѣ поэтической личности. Что такое и міросозерцаніе поэта, какъ не его взглядъ на природу, на людей, на самого себя, на все имъ видимое или угадываемое сердцемъ? Однимъ изъ качествъ его, сказали мы, есть ясность взгляда; въ чемъ же эта ясность? не въ томъ ли, что онъ видитъ истину въ бѣльшей наготѣ и въ лучшемъ свѣтѣ, нежели кто нибудь? Для поэта не всякая истина есть истина поэтическая, точно такъ же, какъ для историка не всякій фактъ, записанный въ лѣтописи, необходимъ для его исторіи; онъ выбираетъ изъ нихъ только тѣ, которые служатъ ему какъ проводники къ разузнанію той или другой эпохи, какъ краски для его исторической картины, или какъ такія данныя, которыя подтверждаютъ мысль его.

Въ мірѣ преданій каждый поэтъ избираетъ себѣ родное, и то, что годилось Мицкевичу, не будетъ годнымъ для Гете или для Байрона; но есть и такія повѣрья, которыя ни для кого годными и быть не могутъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прочтите стихотвореніе г-на Мея «Жницы». Когда читаешь его, больно, что г-нъ Мей, растративъ на него такъ много искусства, старался довести до совершенства отдѣлку формы, ради такого содержанія, которое ни отъ какой формы не покажется намъ истиной. Я совершенно увѣренъ, что преданіе о Жницѣ, умершей отъ того, что она серпомъ *ранила до крови пыльный столбъ вихря* — дѣйствительно существуетъ; но это преданіе скорѣй годится въ кунсткамеру, какъ нѣчто недозрѣлое и неосмысленное, чѣмъ въ студию художника.

Г-нъ Мей превосходный переводчикъ. Смѣло можемъ сказать, что его переводы, въ особенности съ нѣмецкаго, не уступаютъ подлинникамъ.

Одна только возможность и есть похвалить переводныя ~~свертыванія~~ еще сильнѣе, это сказать что многія изъ нихъ даже лучше подлинниковъ; но если бы мы даже и это сдѣлали, все-таки собраніе поэтическихъ переводовъ г-на Мея, не только не уничтожаетъ въ насъ составившагося и уже нами высказаннаго мнѣнія о его поэтической безличности, а, напротивъ, подтверждаетъ это мнѣніе. Для г-на Мея все равно, что бѣ ни переводить, лишь бы переводъ былъ хорошъ: онъ переводитъ, и Анакреона, и Шиллера и Славянскія пѣсни, и Виктора Гюго, и Мицкевича, и Беранже, и онъ переводитъ ихъ лучше многихъ знаменитыхъ его предшественниковъ; но ему все равно какого направленія поэтъ имъ переводимый, потому что у него самого нѣтъ никакого направленія. Еслибъ покойный Лермантовъ перевелъ «Ожиданіе» Шиллера — онъ бы озадачилъ насъ; если бѣ Курочкинъ сталъ переводить Гейне, мы бы сказали — какъ ему не грѣхъ измѣнять старику Беранже; Еслибъ Майковъ вздумалъ переводить Беранже — мы бы подумали, что Беранже вовсе не въ томъ его поэтѣ; и что бы ни перевелъ г-нъ Мей, мы несколько не удивлены; даже вопроса, зачѣмъ и почему онъ перевелъ то или другое, никому не придетъ въ голову. Всѣ поэты ему сродни; но у кого всѣ родные, у того-то именно и нѣтъ родныхъ. Вотъ почему и кажется намъ, что поэта роднаго по духу или направленію нѣтъ у г-на Мея да и быть не можетъ, до тѣхъ поръ, пока изъ цѣлой массы будущихъ его произведеній мы не познакомимся съ его поэтической личностью. Этой надежды мы себя не лишаемъ; смѣло будемъ печатать на страницахъ своего журнала тѣ изъ его стихотвореній, въ основѣ которыхъ — умышленно или неумышленно, ляжетъ истина, и добавляемъ, не историческая, не научная просто — поэтическая истина. Этимъ заключаемъ мы нашу статью и предваряемъ всѣхъ читателей таланта г-на Мея, что будемъ рады всякому въ его пользу дѣльному противъ насъ возраженію.

ЗАМѢТКИ ОБЪ АНГЛІЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Реальное направленіе, внесенное въ науку Бэкономъ, живетъ въ ней и крѣпнеть по мѣрѣ того, какъ быстрое время все далѣе и далѣе уноситъ его въ прошлое. Въ два съ половиною столѣтія, протекшія со времени появленія *Novum Organum*, умъ человѣческой сдѣлалъ такіе исполнскіе успѣхи, какихъ не предвидѣлъ ни самъ Бэконъ, ни самые смѣлые изъ его послѣдователей. Освобожденная отъ оковъ схоластицизма, наука, бывшая достояніемъ почти ничтожнаго меньшинства, занимавшаяся рѣшеніемъ вопросовъ, правда, запутанныхъ, но немѣвшихъ никакого отношенія къ жизни, парившая въ сферахъ надоблачныхъ, спускается на землю и избираетъ своимъ содержаніемъ вопросы жизни, наблюденіе и критику своими орудіями.

Но ни XVII вѣкъ, задача котораго состояла въ воспріятіи новыхъ идей, внесенныхъ Бэкономъ, ни XVIII, своей всеильной критикой подорвавшей основы тогдашняго общества, не осуществили и конечно не могли осуществить ожиданія великаго мыслителя въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ XIX. Обративъ свой критическій взглядъ на природу, умъ человѣческой нашелъ средства подчинить себѣ тѣ силы ея, которыя представлялись ему враждебными, и извлечь изъ нихъ несмѣтный сокровища. Безъ сомнѣнія, развитіе естественныхъ наукъ, выводы которыхъ клонятся не только къ постоянному *улучшенію быта человека*, какъ выражался Бэконъ, но и къ очищенію нашего ума отъ безчисленныхъ заблужденій, принятыхъ, такъ сказать, на слово и съ теченіемъ времени пріобрѣтшихъ видъ истины, не вмѣщаетъ въ себѣ всей задачи умственной дѣятельности человѣка. Остается еще одна область — самая жизнь, которая, какъ все въ мірѣ, совершается по неизмѣннымъ законамъ.

Раскрытие этихъ законовъ требуетъ столь же точныхъ наблюдений и столь же строгой критики, какъ раскрытіе законовъ, дѣйствующихъ въ мірѣ физическомъ. Но первая задача неизмѣримо труднѣе послѣдней, потому что здѣсь человѣкъ является и дѣйствователемъ и наблюдателемъ. Ему трудно стать внѣ самого себя, отрѣшиться отъ своихъ частныхъ интересовъ, выдѣлиться изъ среды, въ которой ему предназначено дѣйствовать; — оттого-то стремленія его на этомъ поприщѣ не увѣнчались еще такими успѣхами, которые могли бы удовлетворить его нравственныя требованія. Между тѣмъ жизнь течетъ и каждый новый фактъ въ ней задаетъ новый вопросъ. «Настоящее,» говоритъ Карлейль, «младшее дитя вѣчности, дитя и наследникъ всего прошедшаго, со всѣмъ его зломъ и добромъ, родитель всего будущаго, есть всегда новая эра для мыслящаго существа, и является съ новыми вопросами и значеніемъ: знать его и знать, что оно велитъ намъ дѣлать — въ этомъ заключается все, что всѣмъ намъ должно узнать». Но этотъ новый пришлецъ несетъ на себѣ черты своего родителя; зло и добро, перешедшее къ нему, накоплено прежде него; вопросы, которые онъ задаетъ, выработались въ прошломъ. Отсюда — высокое значеніе исторіи, знакомящей насъ съ нашимъ настоящимъ: она уясняетъ это настоящее прошлымъ и такимъ образомъ приближаетъ насъ къ открытію общихъ законовъ, управляющихъ теченіемъ нашей жизни и развитіемъ нашего духа.

Глубокое сознаніе такого значенія исторіи обнаруживается въ богатствѣ историческихъ изслѣдованій и въ томъ, что ей отдано одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду произведеній умственной дѣятельности человѣка.

Переходя собственно къ англійской литературѣ, мы можемъ сказать, что она вполне оправдываетъ наше замѣчаніе. Въ ней находимъ огромное богатство историческихъ изслѣдованій; ни одна почти эпоха, имѣвшая значеніе въ развитіи человѣчества, не оставлена безъ вниманія. Этому дѣлу посвящаютъ свои труды лучшіе люди Англии.

Съ 1848 года прошло уже десять лѣтъ. Событія, потрясавшія всю Европу, принадлежать уже исторіи; десять лѣтъ—кажется, слишкомъ достаточно, чтобы страсти, вызвавшія эти событія и вызванныя ими, могли, если не исчезнуть, то по крайней мѣрѣ утихнуть и уступить мѣсто спокойному, безпристрастному взгляду на недавнее прошлое. И дѣйствительно, сами политическіе дѣятели, участвовавшіе въ этихъ событіяхъ, являются теперь ихъ историками и критиками. И ни одна литература, быть можетъ, не обогатилась столькими капитальными изданіями, которыя для будущаго историка нашего времени должны послужить матеріалами, какъ англійская.

Во главѣ всѣхъ этихъ изданій, уясняющихъ событія 1848 и послѣдующихъ годовъ, безспорно, должно быть поставлено изданіе, подъ заглавіемъ *Correspondence respecting the Affairs of Italy, 1848 and 1849*, три части, представленныя англійскимъ министерствомъ обѣимъ палатамъ парламента; потомъ сочиненіе — *Non Intervention; N 1 of the Tracts of the Society of the Friends of Italy*, наконецъ *Memoirs of Orsini*. Чтобы познакомить читателя съ содержаніемъ и характеромъ этихъ изданій, мы ничего лучшаго не можемъ сдѣлать, какъ представить въ изложеніи статью Вестминстерскаго журнала, вызванную появленіемъ въ свѣтъ исчисленныхъ книгъ, бросающую яркій взглядъ на состояніе Италіи и ея стремленія въ время послѣдней революціи.

Когда возстаніе Венгерцевъ, благодаря участію Россіи, было подавлено Австріею, люди проникательные, знакомые съ положеніемъ дѣлъ послѣдней и ея отношеніями къ итальянскимъ владѣніямъ, предсказывали, что въ такую же борьбу она рано или поздно будетъ вовлечена Ломбардцами. Австрія въ Италіи представляетъ собою преобладаніе силы надъ правомъ. Папа въ Римѣ представляетъ непогрѣзительный нравственный авторитетъ, поддерживаемый политикою Англій, которая, въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, обливаясь кровью, объявила полную неограниченную свободу религіи.

«Но Англія, «пишетъ одинъ изъ защитниковъ Италіи,» этого не понимаетъ: она не понимаетъ, что этотъ крикъ, выр-

вавилійся изъ сердцакаждаго италинца въ виду Ватикана, былъ возвышенный, патетическій крикъ—требованіе свободы совѣсти; она не чувствовала, что борьба въ Римѣ должна была разсѣчь Гордіевъ узелъ нравственной зависимости, которой она въ теченіе столь долгаго времени противопоставляла свои библейскія общества, свои христіанскіе и евангельскіе союзы, и что здѣсь, еслибъ она подала братскую помощь, открылось бы величественное поприще для духа человѣческаго. Она не понимала, что одно слово уваженія къ свободѣ духа, противопоставленное нерѣшительной политикѣ Франціи, было бы достаточно, чтобы дать Италиі новую жизнь».

«Но если Англія не понимала религіозной стороны вопроса, она, равно какъ и остальная Европа, еще менѣе понимала его политическую сторону. Италианскій вопросъ никогда, нигдѣ не былъ представленъ весь въ совершенномъ единствѣ. Журналы прошлаго десятилѣтія полны разсужденіями о Сицилійскомъ вопросѣ, о вопросѣ Австрійско-Ломбардскомъ, о религіозномъ, Сардинскомъ и другихъ частныхъ вопросахъ; но нигдѣ не было замѣчено то, что обнимаетъ всѣ эти вопросы и дѣлаетъ изъ нихъ одинъ общій италианскій вопросъ. Поименованныя изданія и десятилѣтняя давность событій даютъ возможность бросить общій взглядъ на этотъ вопросъ.

«Италианскій вопросъ есть вопросъ національности и совмѣщаетъ въ себѣ долгъ каждаго народа, ибо, по нашему мнѣнію, каждый народъ долженъ дорожить своею независимостію, защищать свою національную жизнь.

Что же такое національность?

«Нація есть большее или меньшее число людей, соединенныхъ въ одно органическое цѣлое такими особенностями, какъ раса, языкъ, фізіономія, историческія преданія, характеръ умственныхъ способностей и наклонностей. Такимъ образомъ *Русскіе* составляютъ націю — потому что представляютъ общество людей, связанныхъ извѣстнымъ числомъ особенностей, выражающихся въ ихъ имени — *Русскій*. Такъ точно *Французы*, *Англичане*, *Испанцы* составляютъ отдѣльныя націи: съ каждымъ изъ этихъ именъ связывается понятіе

о характеристических отличіяхъ, самой природой впечатлен-ныхъ въ типѣ каждой изъ этихъ породъ. Провидѣніе, кажется, опредѣлило, чтобы общія цѣли міра достигались средствами, свойственными каждой націи въ отдѣльности, дѣятельностію каждой изъ нихъ, сообразно своему характеру. Отсюда вытекаетъ глубокое значеніе національности». Такъ опредѣляется національность въ первомъ № Non-Intervention.

«Между тѣмъ политика Европы, основанная на Вѣнскомъ трактатѣ 1815 года, стремящаяся вслѣдствіе того къ сохраненію равновѣсія Европы, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, постоянно противорѣчитъ этому простому и здравому опредѣленію. Важнѣйшая ошибка, сдѣланная дипломатами, составлявшими этотъ трактатъ, заключается въ томъ, что не были приняты въ соображеніе ни географическое положеніе народовъ, ни различіе ихъ въ вѣрѣ, въ обычаяхъ, языкѣ, историческихъ преданіяхъ. Конгрессъ поставилъ себѣ задачей осуществить идею политическаго равновѣсія, и, раздѣляя территоріи на мелкія части, не заботился о нравственныхъ потребностяхъ милліоновъ людей.

И неудивительно. Европа, изнуренная, истощенная продолжительною и непрерывною войною, жаждала мира во чтобы то ни стало, и кабинеты заключили трактатъ, которымъ надѣялись упрочить миръ и предупредить возвышеніе господствующихъ династій. Дѣйствительный и вѣчный миръ можно было бы заключить только въ томъ случаѣ, еслибъ его условіями были приняты жизненные интересы націй и ихъ развитіе.

Эта мысль о неосновательности и ошибочности Вѣнскаго трактата высказывается не въ первый разъ. Въ этомъ же самомъ Вестминстерскомъ обзорѣніи, въ 1852 году, была помѣщена статья о настоящемъ положеніи и будущности Европы, гдѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующія строки:

«Возьмите карту Европы. Изучите ея географическое строеніе, рассмотрите направленіе рѣкъ и горъ, и симметрическое расположеніе ея частей. Сравните результаты, выведенные вами изъ этого изученія, съ дѣйствительнымъ расpredѣленіемъ главнѣйшихъ народовъ, обитающихъ на нашемъ

континентѣ... Потомъ разсмотрите политическую карту Европы, утвержденную Вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года. Въ контрастѣ, который необходимо бросится вамъ въ глаза, вы найдете совершенно точное объясненіе нашей дипломатіи. Въ немъ кроется тайна заговоровъ и возмущеній, которые она старается подавить; въ немъ кроется будущая судьба Европы»...

«Трактатъ 1815 года былъ тягостенъ для всѣхъ народовъ Европы; но ни чьи интересы, именно тѣ священные національные интересы, не пострадали такъ много, какъ интересы Италіи. Вся Ломбардія съ Венеціей (почти четвертая часть народонаселенія Италіи) была отдѣлена къ Австріи; остальная часть полуострова раздѣлена на мелкія владѣнія: Неаполь и Сицилія отданы славной династіи испанскихъ Бурбоновъ, такъ достойно представляемой королемъ Фердинандомъ II; Тоскана — Эрцгерцогу Фердинанду Австрійскому; восстановлено герцогство Моденское и отдано также австрійскому принцу — Фердинанду ди Лорена; герцогства Парма, Пiacенція и Гуасталла — императрицѣ Маріи Луизѣ; Равенна, Болонья и Феррара, вмѣстѣ съ Анконой, Беневенто и Понте-Корво возвращены папѣ.

«Не говоря уже о интересахъ народныхъ, въ этомъ раздѣленіи страны не видно даже обыкновенной идеи пользы, потому что оно уничтожаетъ возможность торговли, возможность защиты предѣловъ. Такимъ образомъ Тосканцу, желающему достигнуть границы своей территоріи, необходимо было пройти герцогство Лукку; жителю Модены, чтобъ переѣхать въ Массу или Каррару, составлявшія часть новаго герцогства, приходилось пересѣкать Тоскану; Кастильоне и Галликано, лежащія внутри Модены, принадлежали Луккѣ; Бенвенуто и Понте-Корво, принадлежащія папѣ, лежатъ въ королевствѣ Неаполитанскомъ. Пиемонтское королевство не получило возлѣжащаго острова Корсики, а Сардинію; за Сициліей оставлены незначительные острова: Лампедуза, Лимоза и Пантеллерія, лежащія у африканскаго берега, между тѣмъ какъ Мальта и Гозцо, которые по своему положенію должны были бы принадлежать Сициліи, отмежеваны Англіи. Единственное государство, сохранившее свои естественные

предѣлы — Ломбардо-Венеціанское, но и то принадлежить Австріи, которая никогда не забываетъ своихъ интересовъ. Пользуясь защитой Тичино и По, имѣя сосѣдями Модену и Парму, слабыя, зависимыя державы, Австріи, огражденной Альпами, нечего было бояться. За рѣкою По, въ Феррарѣ, занятой сильнымъ гарнизономъ, Австрія угрожаетъ Романіи; если бы она вздумала начать наступательныя дѣйствія, она безъ малѣйшаго труда проникла бы въ Тоскану; въ случаѣ оборонительныхъ дѣйствій, она могла бы укрѣпиться на По и Тичино, потомъ на Адда, Минціо, наконецъ на Адижѣ и всегда имѣла бы сильную оборонительную линію. Мы полагаемъ, что этотъ бѣглый очеркъ уже доказываетъ, что величайшимъ врагомъ италіянскаго единства и развитія есть Австрія. Вся Ломбардія и Тоскана, управляемая Австрійскимъ эрцгерцогомъ, находятся въ ея рукахъ; единственное укрѣпленное мѣсто въ герцогствѣ Пармскомъ — Пиаченца, въ силу трактата, занята австрійскимъ гарнизономъ, точно такъ же, какъ Болонья, Анкона и Феррара въ Папскихъ владѣніяхъ. Вслѣдствіе этого, вся Италія, исключая Неаполя и Сардинію, управляется Австріей.

«Но духъ прогресса, могущественнѣе всѣхъ дипломатическихъ распредѣленій». Наперекоръ всѣмъ политическимъ картамъ, Ломбардцы, Романцы, Тосканцы, Неаполитанцы и Сицилійцы чувствуютъ, что составляютъ нераздѣльную часть одного цѣлаго — Италіянскаго народа. Пророчества Данте, Петрарки, Макиавелли, они чувствуютъ, будутъ осуществлены, ибо идея, брошенная народнымъ поэтомъ, живетъ въ сердцахъ двадцати шести Италіянцевъ, страждущихъ подъ общимъ игомъ, которое еще болѣе ихъ сближаетъ. Они домогаются единства, и нѣтъ сомнѣнія, когда нибудь соединятся въ одно неразрывное цѣлое и всей своей тяжестью обрушатся на вѣсы Европы. Наполеонъ Великій понималъ стремленія народовъ и предвидѣлъ этотъ исходъ. На островѣ Св. Елены онъ писалъ: *«единство обычаевъ, языка, литературы рано или поздно должно возстановить тамъ единство правленія»* *).

Последніе перевороты въ Италіи не оставляютъ никако-

*) Memoires, vol. III.

го сомнѣнія во всеобщности одушевленія мыслию о единствѣ. Никакія мѣстныя средства, никакія частныя улучшенія или реформы не принесутъ никакой пользы, потому что народное движеніе вызвано идеею. Не понимая этой идеи, мы вообще воображаемъ, что Италія раздѣлена на множество различныхъ партій; но Италіяны знаютъ только двѣ партіи — партію дѣйствующую или *національную* и *умѣренную*. Изъ двухъ этихъ партій, въ которыхъ всѣ остальные мнѣнія сливаются, національная справедливо называется дѣйствующей партіей; она по преимуществу *народная* партія; между тѣмъ какъ умѣренная состоитъ изъ людей, сомнѣвающихся въ возможности достигнуть независимости собственными средствами и ожидающихъ ея отъ европейскихъ правительствъ; средства для достиженія этой цѣли — рядъ административныхъ реформъ и медленное, постепенное обезсиленіе враговъ.

Вообще думаютъ, что италіанская революція 1848 г. была отголоскомъ французскаго февральскаго переворота. Это мнѣніе совершенно безосновательно. Италіанская революція началась въ Сициліи еще въ 1847 году и волненіе задолго передъ тѣмъ приняло національный характеръ.

Народъ, въ разныхъ мѣстахъ полуострова, даже не подвластныхъ Австріи, явно обнаружилъ сознаніе, что Австрія самый опасный врагъ единства Италіи; народное одушевленіе всюду выражалось криками: *Guerra all' Austria!*

«Въ 1846 году въ Форли представлено было прошеніе папскому легату, заключающееся прямымъ объявленіемъ, что административныя злоупотребленія составляютъ второстепенный вопросъ для жителей провинцій; что Италіанскій вопросъ для нихъ важнѣе и что самый тяжелый грѣхъ папскаго кабинета состоитъ въ томъ, что онъ былъ вассаломъ Австріи.

«Въ Анконѣ, въ Папскихъ Владѣніяхъ, также въ 1846 году, послѣ папской амнистіи, народъ окружилъ домъ Австрійскаго агента, съ криками: *прочь иностранцевъ*.

«Въ ноябрѣ 1847 года, когда король посѣтилъ Геную, сорокъ тысячъ людей шли передъ нимъ съ отнятыми въ 1846

году отъ Австрійцевъ знаменами, выражая такимъ образомъ свое нерасположеніе къ Австріи.»

Та же идея обнаружилась въ Сицилійской революціи 1847 года. Сицилійцы, не искавшіе для себя ничего, кромѣ возстановленія конституціи 1812 года, прибавили къ идеѣ независимости и конституціи господствующую идею Италіянскаго единства. Въ это время мноою реформы и Италіянскаго союза былъ Пій IX. Да здравствуетъ конституція 1812 года! да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ Пій IX! — вотъ единственные крики, слышавшіеся по всему Неаполитанскому королевству въ 1847 году. Чтобъ заглушить эти крики, Фердинандъ усилилъ дѣятельность своей полиціи; тогда Сицилійцы прибѣгли къ заговорамъ. Въ первый разъ кровь была пролита въ Мессинѣ, 1-го сентября 1847 года, когда горсть храбрецовъ, презирая легионы королевскаго войска и грозную цитадель, рѣшилась силою осуществить свои надежды; но судьба покровительствовала Бурбонамъ. Народъ увидѣлъ необходимость усилить свои ряды, вступая второй разъ въ открытую борьбу. Послѣдовала новая демонстрація; прошенія въ Палермо; женщины кричали въ театрѣ: да здравствуетъ король и реформа! граждане записывались въ національную гвардію; но напрасно. На все это имъ отвѣчали презрѣніемъ. Наконецъ, въ исходѣ декабря, патріоты напечатали и прибили къ стѣнамъ свой *ультиматумъ*. Они просили короля снизойти къ уступкамъ, назначили срокъ до 12 января, послѣ котораго они вынуждены будутъ вытребовать эти уступки оружіемъ. Едва ли исторія представляетъ другой примѣръ подобнаго требованія.

Мы не станемъ входить въ подробности Сицилійской революціи; замѣтимъ только многозначительный фактъ, что народъ назвалъ свою наибольшую пушку *Піо IX*, въ честь челоуѣка, который, по его понятіямъ, былъ то, что одинъ изъ историковъ этого времени называетъ мноою реформы и Италіянскаго единства.

Предводители Сицилійскаго возстанія находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ начальниками революціонной партіи въ Тосканѣ, въ Римѣ и проч. и дали торжественный залогъ

будущаго единства ихъ отечества, 15 ноября 1847 года, при учрежденіи Consulta Римскаго государства. Сицилійцы, желая выразить свою симпатію къ своимъ Римскимъ братьямъ, получившимъ отъ папы обѣщаніе реформъ, предложили своимъ резидентамъ въ Римѣ участвовать въ торжественной процессіи Римскаго Consultari di stato. Точно также Римскія градскія власти и граждане отпраздновали 3 февраля, день, когда Фердинандъ даровалъ конституцію Сицилійцамъ. Въ этотъ день знамя, присланное изъ Неаполя, было вложено въ руку бронзовой статуи Марка Аврелія въ Капитолин.

Конечно Меттернихъ не могъ не понять значенія Итальянской демонстраціи даже въ это время. 2 августа 1847 года онъ писалъ къ графу Дитрихштейну:

«Возмутители помышляютъ о такомъ предпріятіи, которое не можетъ ограничиться предѣлами Папскихъ Владѣній или какого нибудь изъ государствъ, составляющихъ Итальянскій полуостровъ. Они стремятся къ тому, чтобы слить всѣ эти государства въ одно политическое цѣлое, или по крайней мѣрѣ, образовать конфедерацію независимыхъ государствъ, подчиненныхъ одной центральной верховной власти.»

Ломбардское возстаніе противъ Австріи, въ мартѣ 1848 года, было столь же единодушно. Извѣстіе о немъ было принято вездѣ съ энтузіазмомъ и оно-то въ дѣйствительности было сигналомъ къ возстанію во всѣхъ концахъ Италіи. «Генуэзскіе волонтеры,» «первые доказали непріятелю, что вся Италія связана съ Ломбардцами узами братства.»

Аберкромби доносилъ тогда лорду Пальмерстону, что «въ Генуѣ народъ требовалъ отъ губернатора города, чтобы въ Ломбардію послано было подкрѣпленіе, и получилъ обѣщаніе, что часть гарнизона будетъ отправлена туда.*)

При первомъ извѣстіи о возстаніи, въ Миланѣ собралось 2000 милиціи, въ Пизѣ вооружились студенты, во Флоренціи явилось не малое число волонтеровъ и милиціонеровъ; спустя нѣсколько дней великій герцогъ нашелся вынужденнымъ обѣщать войну съ Австріею.

Въ Римѣ народъ, милиція, карабинеры публично сорвали

*) Corresp. respecting the affairs of Italy; Part II.

Австрійскій гербъ съ дона посольства и на его мѣстѣ прибили надпись — домъ Италіянскаго сейма. *) Вдругъ появились толпы волонтеровъ; нѣкоторые были уже на дорогѣ въ Ломбардію, а къ концу марта — на берегахъ По 10,000 Римлянъ и 7000 Тосканцевъ, готовыхъ перейти рѣку въ Лаго Скура. Въ Неаполѣ народъ сжегъ Австрійское знамя, открылъ конскрипцію и даже король принужденъ былъ уступить общему энтузіазму.

Съ необыкновенною быстротою образовался Италіянскій легіонъ изъ работниковъ, находившихся въ Лондонѣ и въ Парижѣ и, подъ командою Антонелли, посѣпиль, къ своимъ соотечественникамъ и, не смотря на всѣ трудности пути, достигъ Ломбардіи. Море и Альпы были заняты непріателемъ. 1-го апрѣля въ Миланѣ открылась подписка на текущіе расходы временнаго правительства и 3 апрѣля собранная сумма доходила до 750,000 Австрійскихъ ливровъ; нашлись капиталисты, которые предложили правительству въ заемъ 20 милліоновъ франковъ безъ процентовъ по первому востребованію. Мужчины тѣснились въ ряды національной гвардіи и милиціи; женщины обнаруживали подобный же энтузіазмъ; онѣ приготавливали картечные картузы, собирали по домамъ подписку, ходили за ранеными. Энтузіазмъ Италіянцевъ равнялся унынію Австрійцевъ, которые отступали на всѣхъ пунктахъ и приходили въ смятеніе при первомъ натискѣ волонтеровъ. **) Италіянцы, находившіеся въ Австрійской службѣ дезертировали; цѣлые баталіоны, эскадроны переходили на сторону Италіянцевъ. Австрійскій фрегатъ, находившійся въ Неаполитанскомъ заливѣ и два военные брига, въ Адриатическомъ морѣ, подняли Италіянскій флагъ и предалися Венеціанской республикѣ. ***) Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ послѣ перваго возстанія въ Миланѣ, Австрія лишилась 35,000 человекъ, значительную часть которыхъ составляли Италіянцы, оставившіе Австрійскую службу.

*) Письмо Вилліама Питера къ сэру Д. Гамильтону тамъ же.

**) Письма Кемпбеля и Непира къ Пальмерстону; Part II.

***) Донесеніе Радецкаго Австр. прав. и письмо генеральнаго консула въ Неаполѣ Дуккина къ Пальмерстону; тамъ же.

Этихъ фактовъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что Италіянская революція была дѣломъ не какой-либо партіи, предводимой нѣсколькими горячими, буйными вольнодумцами, а дѣломъ цѣлаго народа Италіянскаго, возставшаго противъ иноземнаго владычества. Мы сказали также, что возстаніе это было единодушное и побѣдоносное. Какъ же случилось, что революція не достигла своей цѣли, что Австрія снова пріобрѣла вліяніе на Ломбардію и что Италія возвратилась къ прежнему состоянію или, быть можетъ, еще худшему? Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, обращаемся къ парламентской корреспонденціи, которая одна можетъ бросить свѣтъ на этотъ темный, запутанный вопросъ.

Сказано было, что въ Италіи существовали двѣ партіи, — національная и умѣренная. Теперь необходимо изложить стремленія и дѣйствія этихъ партій.

Пармія 1821 года была аристократическая и пала, потому что была исключительно аристократическая и стремилась къ цѣлямъ совершенно частнымъ. Пармія 1831 года была мѣщанская и также пала, потому что не трогала интересовъ народа. Движеніе 1848 года было, какъ показано выше, народное, было плодомъ идей, представляемыхъ національной партіей. Надобно читать списки убитыхъ въ Миланѣ, Венеціи, Бресціи, Болоньи, Римѣ и въ другихъ мѣстахъ, чтобы убѣдиться, что по крайней мѣрѣ девять десятыхъ людей, сражавшихся и погибшихъ въ 1848 году, принадлежали къ классу народа. Что же было причиною неуспѣха?

Умѣренная партія, какъ *partia*, существовала только со смерти братьевъ Бандіера, казненныхъ въ 1844 году. *)

*) Атилио и Эмиліо Бандіера происходили отъ благородной Венеціанской фамиліи. Отецъ ихъ былъ вице-адмираломъ Австріиской службы; но сыновья его не раздѣляли его политическихъ мнѣній, и хотя служили въ Австріискомъ флотѣ, но были совершенно преданы интересамъ Италіи. Въ 1842 году они вѣтнулись въ перенеску съ Маццани, а въ слѣдующемъ году участвовали въ начавшихся романскихъ возмущеніяхъ. Воморѣ однакожъ они принуждены были спасаться отъ Австріиской полиціи бѣгствомъ въ Корфу. Цѣль ихъ была склонить на свою сторону Австріискую армию и флотъ; открытіе этой тайны устранило правительство. Впрочемъ, вице-король Австріи Рейнеръ общалъ имъ прощенье, если они откажутся отъ этого намѣренія; они отвергли это предложеніе и объявили о себѣ въ газетахъ, призывая своихъ соотечественниковъ послѣдовать ихъ при-

Во время постоянныхъ волненій въ Романіи, произошло возмущеніе въ Рамини. Здѣсь впервые образовалась умѣренная партія, подняла *бѣлое* знамя (національное Италіянское знамя красное, бѣлое и зеленое) и издала свою программу. Программа эта была ничто иное, какъ искаженная нота, представленная папѣ въ 1831 году пятью первенствующими державами Европы; стремленія партіи ограничивались мѣстными административными реформами. Объявленіе это не имѣло впрочемъ особенной важности. Дѣйствительная умѣренная партія основалась въ Туринѣ, резиденціи короля, принца Альберта, населенной италіянскими аристократами, потерявшими всякое значеніе. Эта партія сгруппировалась вокругъ короля, и графъ Бальбо, одинъ изъ ея предводителей, напечаталъ книгу подъ заглавіемъ: *Надежды Италіи*, въ которой, выражая искреннее нерасположеніе къ Австріи, полуофициальнымъ тономъ объявлялъ намѣренія короля. Въ то же время между Пиемонтомъ и Австріею произошли небольшія несогласія по поводу вопроса о таможенныхъ и желѣзныхъ дорогахъ. Это подало поводъ Туринскимъ журналамъ напечатать нѣсколько статей, въ которыхъ говорилось и о національной враждѣ Италіянцевъ и Австрійцевъ. Статьи эти были разрѣшены самимъ королемъ; дозволеніе было испрошено умѣренными, и народъ принялъ ихъ какъ доказательство симпатіи короны къ его интересамъ. Надежды, такимъ образомъ возбужденныя, старательно поддерживались умѣренными; они еще болѣе раздували пламя, рассказывая безчисленные анекдоты, въ которыхъ обнаруживались желанія и цѣли правительства.

Планъ партіи состоялъ въ томъ, чтобы обратиться не къ италіянскому народу, а къ различнымъ италіянскимъ государямъ и, минуя возстаніе, начать медленное, постепенное, *умѣренное* движеніе сверху; пресѣчь тайные заговоры, къ

чѣру. Въ 1844 году, получивъ преувеличенное извѣстіе о возмущеніи въ Калабріи, они поспѣшили туда и высадились 16 іюля близъ устья рѣки Ністо съ двадцатью своими друзьями, но встрѣтились съ агентомъ Неаполитанской полиціи, который донесъ о нихъ правительству, и 25 іюля оба брата съ семью товарищами были казнены безъ суда. Переписка ихъ съ Мадрида была открыта Англійскимъ генеральнымъ почтдирикторомъ, сэромъ Джономъ Грагамомъ. Смерть Бандіера, по словамъ Орсини, произвела сильное волненіе въ Романіи.

которымъ прибѣгала національная партія, и лестью приобрѣсти отъ существовавшихъ тогда въ полной силѣ властей ограниченную свободу законной печати. Они были роялисты, желавшіе свободы въ такой мѣрѣ, въ какой она необходима для ограниченія власти короля и для того, чтобы высшій классъ могъ обнародывать свои мнѣнія и засѣдать въ конституціонномъ собраніи. Они намѣревались образовывать лигу изъ итальянскихъ государей, съ цѣлю поддерживать независимость ихъ государствъ и противодѣйствовать Австріи. Они не имѣли понятія о итальянскомъ единствѣ; они не довѣряли и не сочувствовали народу, не знали національнаго элемента, выработавшагося невидимо для ихъ близорукаго глаза, обращеннаго въ противную сторону. Они совершенно не были приготовлены къ ломбардской революціи, которая, какъ вы видѣли, была выраженіемъ неизвѣстнаго имъ народнаго элемента.

Планъ обращенія итальянскихъ государей на сторону хотя умѣренной, но все таки революціонной партіи, оказался неисполнимымъ, что впрочемъ составители легко могли предвидѣть; что же касается до союза «шести государей, изъ разныхъ династій, подчиненныхъ различнымъ вліяніямъ, недовѣряющихъ другъ другу и, что всего важнѣе, зависящихъ отъ Австріи,» то оно съ самаго начала казалось невозможнымъ.

Однакожь сами умѣренные не довѣряли монархическому началу и ласкались къ Карлу Альберту не потому, чтобы онъ доказалъ имъ свое искреннее нерасположеніе къ Австріи, а потому что въ его распоряженіи была армія, арсеналы и всѣ остальные военныя средства. Они говорили, а можетъ быть и вѣрили, что если принудить его сдѣлать первый шагъ, то онъ самъ сдѣлаетъ второй и третій. «Если вы измѣните вашимъ государямъ,» говорили они, «вы должны стать не съ ними, а противъ нихъ; народъ нашъ невѣжественъ, испорченъ, не приученъ къ оружію, равнодушенъ ко всему, безъ энергіи и рѣшимости; съ такимъ народомъ нечего думать о гражданской войнѣ, а подавно о республикѣ.» Между тѣмъ національной партіи, проповѣдывавшей ученіе взаимнаго содѣйствія, они шептали: «пре-

доставьте все времени; все должно имѣть свое время; мы выберемъ минуту и употребимъ въ дѣло людей, имѣющихъ армію и пушки.»

За партію умѣренныхъ осталось поле дѣйствій; въ это время къ нимъ присоединялись всѣ приходившіе въ ужасъ при мысли о необходимости жертвъ для осуществленія идеи народнаго единства и поддержанія народной войны; всѣ неизмѣнныя убѣжденія и равнодушныя къ дѣлу, которыхъ во всякой странѣ довольно. Вслѣдъ за тѣмъ явились памфлеты, въ газетахъ печатались статьи, провозглашающія эти мнѣнія; между государями дѣйствительно начало было устанавливаться нѣчто общее, не имѣвшее впрочемъ никакого значенія, когда амнистія, дарованная Пиемъ IX, и нѣкоторыя незначительныя административныя реформы привели въ экстазъ умѣренную партію. Аббать Джіоберти сталъ проповѣдывать, что единственное спасеніе Италіи — папство. Сочиненія Маццини, признаваемаго всѣми главою національной партіи, съ 1833 года поддерживавшей мнѣніе, что единственнымъ освободителемъ Италіи можетъ быть италіанскій народъ, — были публично сожжены въ его родномъ городѣ, гдѣ народъ, крайне возбужденный, кричалъ: нѣтъ для насъ другаго спасителя кромѣ папы!

Но Италіянцы ошиблись.

Папская реакція наступила такъ скоро и такъ неожиданно, что они, какъ предъ чудомъ, остановились предъ осуществленіемъ программы умѣренной партіи.

Она теперь торжествовала на всемъ полуостровѣ; всѣ труды, пожертвованія, все мученичество національной партіи было забыто; а умѣренные, опьяненные кажущимся успѣхомъ, только и мечтали о союзѣ государей, о федеративномъ союзѣ, который будетъ утвержденъ и благословенъ папой. Они вовсе не замѣчали, что весь ихъ успѣхъ состоялъ только въ томъ, что этимъ движеніемъ «снизу вверхъ» которое было выработано восемнадцатиденнымъ трудомъ національной партіи, среди всѣхъ этихъ успѣховъ партіи умѣренныхъ, народъ постоянно оставался вѣрепъ одной идеи — идеи національнаго единства и протстекающей отсюда

ненависти къ Австріи. Единственный крикъ, оглашавшій улицы Милана, Рима, Неаполя, было требованіе войны съ Австріею. Итальянскіе государи, казалось, отступились отъ своихъ подданныхъ и ничего не предпринимали. Національная партія еще не была истощена; въ то время, какъ другіе только говорили, они дѣйствовали — т. е. дѣйствительно изгоняли враговъ изъ своей территоріи. Газеты тотчасъ же объявили Карла Альберта «Мечемъ Италіи.» Они увидѣли, что если народъ будетъ во всей Италіи предоставленъ самому себѣ, какъ въ Миланѣ, то онъ скоро почувствуетъ свою силу, а вслѣдъ за тѣмъ пойметъ и свои права и тогда всѣ планы умѣренныхъ рушатся. Высказываемое здѣсь мнѣніе о дѣйствіяхъ и стремленіяхъ умѣренной партіи не есть теорія или предположеніе; напротивъ, оно основано на оффиціальныхъ документахъ. Меттернихъ совершенно ясно понималъ значеніе и цѣль итальянскаго движенія. Въ той же депешѣ, изъ которой было приведено нѣсколько словъ, онъ говоритъ: «Ни одинъ изъ итальянскихъ государей не понимаетъ идеи возмущенія;» и далѣе: «оно ведетъ къ провозглашенію республики.»

Миланская демонстрація, имѣвшая полный успѣхъ, кончилась 22 марта; побѣда осталась на сторонѣ республиканцевъ. Кэмпбелль, англійскій вице-консулъ въ Миланѣ, въ депешѣ къ лорду Пальмерстону, отъ 18 марта, описывая начало возстанія, говоритъ:

«Талпы народа, вооруженнаго охотничьими ружьями, мечами, рифлями, пистолетами, старыми алебардами, ходили по городу съ трехцвѣтными знаменами и трехцвѣтными кокардами на шляпахъ, провозглашая: Viva Pio! Viva l' Italia! Viva la Repubblica! (Сог. Р. II, р. 212.)

Начальниками демонстраціи были четыре человѣка, представители республиканской партіи, составлявшіе военный совѣтъ.

Извѣстіе о миланскомъ возстаніи получено было въ Туринѣ 19 марта и возбудило всеобщій энтузіазмъ въ народѣ. Разнесся слухъ, что движеніе имѣло чисто республиканскій характеръ, и Аберкромби писалъ къ лорду Пальмерстону, отъ 20 марта, что эти слухи имѣли вліяніе на дѣйствія Пи-

ементскаго министерства. Тотчасъ были разосланы изъ Турина приказанія пресѣчь путь волонтерамъ, спѣшившимъ изъ Генуи въ Миланъ и шестьдесятъ Ломбардцевъ были обезоружены въ Лаго-Маджоре.

20 до Турина достигло извѣстіе, что въ Ломбардіи было оказано противодѣйствіе партіи республиканской. Король, названный «Мечемъ Италіи,» не подавалъ помощи Ломбардцамъ; тогда народъ, возбужденный до послѣдней степени, собрался у дома министерства внутреннихъ дѣлъ и сталъ требовать оружія и помощи Ломбардцамъ. Но ихъ разогнали.

Миланцы послали къ королю графа Арезе просить содѣйствія. Король не далъ ему аудіенціи. 21, въ Туринѣ узнали, что инсургенты одолѣли. Тогда графу Мартини поручено было отправиться въ Миланъ и извѣстить тамошнее правительство и военный совѣтъ, что король готовъ послать подкрѣпленіе съ тѣмъ, чтобы Миланъ безусловно сдался ему. 23 республиканцы одержали рѣшительный перевѣсъ; Радецкій бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ битвы 4000 убитыхъ. Король видя опасность, подписалъ объявленіе войны съ Австріей; но въ тотъ же самый день, т. е. 23 марта, увѣрялъ Австрійскаго посланника въ Туринѣ, что *«желаетъ поддерживать его во всемъ, что можетъ упрочить дружескія отношенія и доброе согласіе, существовавшія между сосѣдними державами.»*

Слѣдующее письмо Сардинскаго министра Парето къ Аберкромби, отъ 23 марта, сообщенное имъ лорду Пальмерстону, совершенно уясняетъ дѣйствія короля.

«Господину Аберкромби извѣстна важность событій, совершившихся въ Ломбардіи: Миланъ возмущенъ и скоро будетъ совершенно во власти жителей, которые своею храбростію и твердостію превзошли войска его императорскаго величества; возмущеніе распространилось на всѣ сосѣдніе города и деревни; въ сущности *вся страна до самыхъ владѣній его величества короля Сардинскаго охвачена пламенемъ революціи*, чтб, какъ господинъ Аберкромби легко

*) Письмо Фикельмонта къ Дитрахштейну, 5 апрѣля Correspond. P. II. p. 825

можетъ понять, дѣйствуетъ на состояніе умовъ въ Сардинскомъ королевствѣ. Сочувствіе, возбужденное осадкою Милана, духъ національности, высказывающійся такъ рѣшительно несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя правительствами разныхъ государствъ, произвели такое волненіе, что съ минуты на минуту можно ожидать революціи, которая будетъ грозить престолу великою опасностію, и не возможно скрывать, что, послѣ переворота, совершившагося во Франціи, объявленіе республики въ Ломбардіи весьма близко. Изъ положительныхъ фактовъ извѣстно, что значительное число Швейцарцевъ содѣйствовали успѣху инсургентовъ въ Миланѣ. Если прибавить къ тому движеніе въ Моденѣ и Пармѣ, а также въ герцогствѣ Піаценціи, — надъ которымъ его величество король Сардинскій совершенно въ правѣ наблюдать, какъ надъ своею собственностію, долженствующею перейти къ нему по праву наслѣдства; если мы прибавимъ также, что въ Піемонтѣ народъ былъ крайне раздраженъ заключеніемъ трактата между его императорскимъ величествомъ и герцогами Пармскимъ, Моденскимъ и Піаценцскимъ — трактатъ, заключенный подъ предлогомъ покровительства этимъ маленькимъ государствамъ, въ сущности же сливающимъ ихъ съ Австрійской имперіею и распространяющій ея военныя границы отъ рѣки По, гдѣ онѣ должны были бы оканчиваться, до Средиземнаго моря, и разрушающій такимъ образомъ равновѣсіе между разными италіянскими державами; — то легко понять, что Піемонтъ находится въ такомъ положеніи, что лишь только достигнетъ туда извѣстіе о провозглашеніи республики въ Ломбардіи, и тамъ вспыхнетъ мятежь, который можетъ серьезно грозить престолу его величества короля Сардинскаго. При такомъ состояніи дѣлъ, король найдетъ справедливымъ, что ему необходимо принять мѣры, которыя, препятствуя настоящему Ломбардскому мятежу перейти въ республиканское движеніе, спасли бы Піемонтъ и остальную Италію отъ переворота, который необходимо послѣдуетъ, если въ Ломбардіи будетъ провозглашена республиканская форма правленія.» *)

*) Парето въ Аберкромби; Corresp. P. II, p. 185.

Аберкромби получилъ это письмо въ одиннадцать часовъ вечера 23 марта, а въ двѣнадцать отправился къ графу Бальбо, гдѣ услышалъ многія подробности. Онъ говоритъ, что графъ Бальбо и его товарищи,

«Судя по официальнымъ донесеніямъ, полученнымъ отъ директора полиціи, находятъ, что опасность, происходящая отъ ломбардскаго движенія, слишкомъ велика и близка, такъ что правительство не должно медлить содѣйствіемъ Ломбардцамъ, и полагаютъ, что дальнѣйшее противодѣйствіе волненію, возбужденному во всѣхъ владѣніяхъ короля сардинскаго, невозможно; вслѣдствіе чего они принуждены» и проч. *)

Маркизь Норменби, въ письмѣ къ лорду Пальмерстону отъ 28 марта, передаетъ свой разговоръ съ маркизомъ Бриноле, Сардинскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Посланникъ получилъ изъ Турина депешу, сообщающую слѣдующій фактъ: король отказалъ принять депутацію изъ Милана, прежде чѣмъ городъ не перейдетъ въ руки австрійцевъ; но вторая депутація объявила королю, что если онъ не пошлетъ покрѣпленія въ Ломбардію, то немедленно услышитъ объявленіе республики.

Аберкромби, въ депешѣ отъ 25, весьма подробно говоритъ о состояніи дѣлъ въ Пиемонтѣ, мирныхъ намѣреніяхъ короля и министерства, о ломбардскомъ возстаніи и о вліяніи народа, который угрожалъ начать возмущеніе въ Пиемонтѣ и, наперекоръ правительству, напасть на Австрійцевъ.

Депеша, посланная Туринскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ маркизу Риччи, сардинскому посланнику въ Вѣнѣ, содержитъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Есть причины думать, что въ Ломбардіи существуютъ многочисленныя политическія общества, которыя, вмѣстѣ съ близостію и участіемъ Швейцарцевъ, увеличиваютъ возможность провозглашенія республики. Такое событіе было бы весьма опаснымъ для Италіи, для нашего правительства, равно и для Савойской династіи. Необходимо было по этому принять быстрыя и рѣшительныя мѣры. Король и его правительство не колебались; они были глубоко убѣждены, что

*) Correspod. P. II. p. 184.

дѣйствовали для безопасности другихъ монархическихъ государствъ.»

Даже 30 апрѣля, то есть уже послѣ того, какъ война съ Австріею была объявлена, Парето опять говорилъ Аберкромби:

«Если бы Сардинское правительство не рѣшилось приказать Пиемонтской арміи перейти Тичино, то едва ли было бы возможно удержать Геную отъ возмущенія и отпаденія отъ владѣній его величества короля Сардинскаго.»

Ясно, что республиканское движеніе въ Италіи принудило Пиемонтскаго короля начать враждебныя дѣйствія противъ Австріи. Всякій можетъ легко сказать папередъ, чѣмъ такія военныя дѣйствія должны были окончиться. Начатыя неохотно, онѣ ведены были также неохотно. Бѣглый взглядъ на военныя ошибки, вытекавшія изъ ложнаго положенія короля и его отношеній къ Европейскимъ правительствамъ, объясняетъ неуспѣхъ италіанской революціи, начатой такъ рѣшительно.

Такъ какъ италіанское движеніе было существенно народное, то должно было произвести народную войну, какъ необходимое, логическое слѣдствіе. Такая война была начата въ Миланѣ; вся Италія отвѣчала единодушно взрывомъ. Даже пиемонтскіе министры, не смотря на то, что Мартини, какъ мы видѣли, первый предложилъ помощь, съ условіемъ, чтобы Миланъ сдался королю; не смѣли открыть плана династическаго возвышенія дома Савойскаго, которое они ожидали извлечь изъ этой борьбы. Между тѣмъ народъ и безъ чужой помощи одержалъ побѣду. Побужденія короля, по крайней мѣрѣ въ настоящее время остаются темными: или онъ въ самомъ дѣлѣ надѣялся приобрести корону сѣверной Италіи, которую умѣренныя обѣщали ему, и не приобрѣлъ ея единственно по слабости характера; или онъ съ самаго начала составилъ такой планъ военныхъ дѣйствій, которыя не могли привести ни къ какимъ важнымъ результатамъ;— вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ совершенно удовлетворительно. Въ прокламаціи 23 марта онъ объявилъ, что Пиемонтское войско «подаетъ Ломбардскому и Венціанскому народу такую помощь, какой всегда можетъ ожидать

братъ отъ брата, другъ отъ друга! и потомъ въ Лоди другою прокламаціей онъ объявлялъ, что сокращая военныя дѣйствія, «желаетъ возстановить въ Ломбардіи такую безопасность, какая необходима, чтобы граждане могли пользоваться совершенно покойно своими правами».

Временное правительство Милана, замѣнившее, послѣ бѣгства австрійцевъ, военный совѣтъ, было составлено изъ членовъ умѣренной партіи, мечтавшей о провозглашеніи Карла Алберта королемъ сѣверной Италіи. Нѣкоторые изъ нихъ были уже тайно приглашены къ королю и, почитая свое дѣло оконченнымъ, объявили политическій нейтралитетъ. Въ прокламаціи этой они говорили: «мы воздерживаемся отъ всякаго политическаго вопроса; мы торжественно и неоднократно объявляли, что послѣ борьбы нація сама должна будетъ рѣшить свою судьбу» *). 29-го они опять говорили народу: «Необходимо ждать, пока вся Италія будетъ свободна; когда всѣ будутъ свободны, всѣ будутъ говорить»; въ томъ же духѣ написанныя прокламаціи были разосланы въ Римъ, въ Геную, въ Венецію. Они даже учредили комиссію для разсмотрѣнія законовъ представительнаго правленія, объявляя, что составленіе національнаго собранія и свободные veto должны быть настоящимъ выраженіемъ правъ и силы народа и что только такое собраніе можетъ и должно рѣшить будущія судьбы италіянскаго народа. Это было принятіе программы національной партіи, программы, обнародованной еще 1833 году, въ журналѣ «La Giovine Italia». Эта партія, хотя предводители ея были республиканцы по убѣжденію, твердо и постоянно держалась началъ, высказанныхъ въ первой прокламаціи, и къ чести ихъ надо признать, что они искренно приняли и твердо держались ихъ теперь, не смотря на то, что могли объявить республику въ Миланѣ.

Умѣренные однакожь скоро уклонились отъ нейтралитета и открыто говорили о необходимости немедленнаго соединенія Ломбардіи съ Пиемонтскимъ королевствомъ. Они позволили себѣ унизиться до того, что прибили на стѣнахъ Ми-

*) См. р. II, р. 355.

лана объявленія, наполненныя клеветою на членовъ національной партіи, даже отвергли предложеніе волонтеровъ, желавшихъ продолжать войну съ Австріей, единственно потому, что они принадлежали къ національной партіи.

О слѣдствіяхъ этой односторонней и ограниченной политики, Кэмпбелль, англійскій вице-консуль, въ депешѣ къ лорду Пальмерстону говоритъ слѣдующее:

«До сихъ поръ между всѣми классами народа господствовало единство; но со времени вступленія его величества короля Сардинскаго въ Ломбардію начались несогласія: явились двѣ партіи; одна изъ нихъ, партія аристократическая, желаетъ соединенія Ломбардіи съ Пиемонтомъ, подъ управленіемъ короля Карла Альберта, другая, состоящая изъ средняго класса людей, стоитъ за республику».

Между тѣмъ король сдѣлалъ всевозможныя ошибки на военномъ полѣ и вмѣсто помощи возставшему населенію, подалъ помощь Австрійцамъ. Нѣсколько маневровъ было сдѣлано такъ неблагоразумно, что Ломбардцы могли заподозрѣть его въ измѣнѣ. Когда Карль Альбертъ вошелъ въ Ломбардію, всѣ силы, находившіяся въ распоряженіи Вальмодена и Радецкаго, состоявшія изъ гарнизоновъ, собранныхъ изъ разныхъ городовъ, простирались отъ 30,000 до 35,000*), но и они были въ весьма плохомъ состояніи и постоянно готовы къ бунту.

Важнѣйшіе стратегическіе пункты на италіанской границѣ — проходы въ Тирольскихъ Альпахъ, были заняты Ломбардскими волонтерами, подъ командою Арціони, Тамберга, Манара, тотчасъ послѣ осады Милана. Венеціанскіе инсургенты заняли Кадори и Фріули — гористыя части Венеціи и всѣ другіе военные пункты въ Альпахъ. Всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ военнымъ дѣломъ, было совершенно ясно, какъ долженъ былъ дѣйствовать король; планъ его дѣйствій изложенъ въ письмѣ Кэмпбелля къ Пальмерстону, отъ 5 апрѣля 1848 г.

*) Кэмпбелль къ Пальмерстону, *Cor. Part. II*, p. 318.

«Большая часть населенія Ломбардіи была приведена въ негодованіе тѣмъ, что фельдмаршалу Радецкому и генералу Вальмодену дозволили занять Верону и Мантую. По плану, составленному военнымъ совѣтомъ, генералъ Ла-Мармора, долженъ былъ, съ своей артиллеріей, легкой кавалеріею и корпусомъ волонтеровъ, напасть на Австрійцевъ, на пространствахъ отъ Лоди до Пиццидетона и Орзи Нуови — въ странѣ весьма удобной для дѣйствія иррегулярныхъ войскъ. Дороги въ этой странѣ узки, пересѣчены глубокими рвами, наполненными текучей водою. Препологалось, что генералъ Ла-Мармора, преслѣдуя Австрійцевъ на каждомъ шагу, долженъ принудить ихъ положить оружіе. Военный совѣтъ полагалъ также, что постоянная пушечная пальба ободритъ крестьянъ, которые испортятъ дороги, разрушатъ мосты и вмѣстѣ съ Швейцарцами и другими вооруженными людьми числомъ до 800, превратятъ въ крѣпость каждую деревушку и откроютъ огонь по австрійской артиллеріи, истощенной уже осадой Милана. При такихъ условіяхъ, Австрійская армія была бы совершенно во власти населенія Ломбардіи. Эта система военныхъ дѣйствій была предложена военнымъ совѣтомъ, но главнокомандующій Ломбардской арміи отвергъ ее. Народъ ропталъ на временное правительство, полагая, что оно старается охладить жаръ волонтеровъ, чтобы доставить королю случай одержать побѣду надъ Австрійцами. Но народъ ошибся и въ его величествѣ, потому что, не отрѣзавъ отступленія Австрійцамъ, онъ не далъ имъ сраженія прежде, чѣмъ они заняли Мантую и Верону *)».

Но даже послѣ этихъ ошибокъ, послѣ того, какъ Австрійцы вышли изъ четырехугольника, составляемаго крѣпостями Песчіерою, Вероною, Мантуею и Леньяго, положеніе ихъ было бы не безопасно, еслибъ король дѣйствительно велъ съ ними войну. Войска, однажды потерпѣвшія поражение, никогда не въ состояніи дѣйствовать рѣшительно безъ свѣжаго подкрѣпленія; это фактъ, признанный всѣми военными писателями. Подкрѣпленія къ австрійскимъ войскамъ могли пройти или чрезъ Альпійскіе проходы или чрезъ Триестъ.

*) Cor. Part, II, p.318, note.

Поэтому въ планѣ, составленномъ военнымъ совѣтомъ, предполагалось занять сильнымъ войскомъ проходы Тирольскіе и въ Венеціанскихъ Альпахъ, а по Триесту начать бомбардировку и взять его, во что бы то ни стало. Последнее легко могло быть исполнено Сардинской флотиліею, находившеюся въ Адриатическомъ морѣ; но враждебныя дѣйствія ея были предупреждены дипломатическими переговорами Короля съ Англіею, Баваріею и Пруссіею.

Но вмѣсто того, чтобы послать войска въ Альпы и помочь волонтерамъ совершенно овладѣть непріятельскими путями сообщенія, король расположился со всей своей арміею во фронтъ крѣпостей; онъ даже отозвалъ ихъ изъ Тироля, какъ бы намѣреваясь преобразовать ихъ въ Бресчю; а потомъ, въ слѣдствіе требованій германскаго союза, онъ не могъ отправить ихъ обратно въ Тироль. Многочисленные проходы въ Венеціанскихъ Альпахъ, были заняты только волонтерами. Венеція объявила себя республикой, въ слѣдствіе чего король, поднявшій оружіе противъ враговъ Ломбардіи, какъ братъ и другъ, считалъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ помогать республиканцамъ; между тѣмъ какъ противъ Триеста не было принято никакихъ мѣръ. Чтобы защитить Ломбардію отъ 3,500 австрійцевъ, остававшихся въ ея предѣлахъ, онъ долженъ былъ вооружить народонаселеніе, — чего онъ не рѣшился сдѣлать.

Волонтеры отозваны, Триестъ не бомбардируется, военные пути чрезъ Австрійскія горы очищены, армія остается безъ дѣла; между тѣмъ австрійское подкрѣпленіе спокойно проходитъ и занимаетъ Венеціанскую территорію. Национальная партія опять предлагаетъ королю *lever en masse* — ее отвергаютъ. Кастаньето, королевскій секретарь отвѣчаетъ, что «король не желаетъ оставить у себя въ тылу непріятельскую армію. Регулярныя силы Пиемонта, оставленные однѣ, слишкомъ неровны Австрійцамъ. Оставленные въ бездѣйствіи, при непомерной жарѣ и общемъ негодованіи народа, Сардинскія войска, упавъ духомъ, менѣе были способны къ военнымъ дѣйствіямъ, чѣмъ прежде. Король, понимая свое отчаянное положеніе, думалъ только о томъ, чтобъ получить дипломатическій документъ — который могъ

бы со временемъ пригодиться, о присоединеніи Ломбардіи къ Пиемонту. Умѣренные, понимавшіе непрочность настоящаго положенія и не предвидя въ будущемъ ничего вѣрнаго, устремились къ осуществленію своей мечты — монархическаго соединенія. Они объявили, что угрожаетъ важная опасность, что для защиты страны необходимы люди, деньги, военные и сѣстные припасы, что всего этого нѣтъ; но «Генуя пришлетъ миллионъ фунтовъ, Пиемонтъ тысячи солдатъ, и Ломбардія, не сдѣлавъ никакого усилія и самопожертвованія, будетъ свободна».

Вслѣдъ за тѣмъ Пиемонтское правительство издало программу, въ которой объявило, что Ломбардія должна «ожидать, пока вся Италия не будетъ свободна; когда всѣ будутъ свободны, всѣ будутъ говорить,» и обнародовало декретъ, которымъ предлагало собрать голоса отъ гражданъ относительно присоединенія Ломбардіи къ Пиемонту. При собираніи голосовъ употреблены были всѣ средства, чтобъ утвердительныхъ мнѣній было подано какъ можно больше; сотни именъ были написаны одною рукою; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, особенно въ Генуѣ и въ Пиемонтѣ священники отказывали въ причастіи нежелающимъ подписаться; несмотря на то въ провинціи Кремонѣ, имѣющей почти 200,000 жителей, подписались только трое; въ Павіи — девять; въ Валентинѣ — три; между тѣмъ какъ въ другихъ провинціяхъ число подписавшихся превосходило число жителей.

Нечего и говорить, что число подписавшихся было очень достаточно, чтобъ принять его за выраженіе желанія всей націи, а король дѣйствительно получилъ документъ о соединеніи Ломбардіи съ Пиемонтомъ, въ чемъ умѣренные видѣли спасеніе всей Италии. Послѣ того король послалъ въ Венецію экстраординарныхъ комиссаровъ — генерала Колли и Синьора Чибраріо — предложить Венеціанцамъ послѣдовать примѣру Миланцевъ и собрать мнѣнія о соединеніи Венеціи, Ломбардіи и Пиемонта. Венеціанское временное правительство, подозрѣвая, что республика была уже выдана Австріяцамъ королемъ, объявило себя 4 іюля «въ пользу соединенія города и провинціи съ Пиемонтомъ». Это была важная ошибка; но причиною ея было, какъ видно изъ письма гене-

ральнаго консула Даукинса къ Пальмерстону, стремленіе къ освобожденію всей Италіи.

Поведеніе короля объясняется слѣдующимъ письмомъ Аберкромби къ Лорду Пальмерстону изъ Турина 10 іюля.

«Сегодня утромъ мнѣ было сообщено письмо, писанное его величествомъ королемъ Сардинскимъ.

«Въ этомъ письмѣ, отъ 7 текущаго мѣсяца, его величество объявляетъ, что принялъ бы предложеніе назначить Адиръ (Адиръ отдѣляетъ Венецію отъ остальной Ломбардіи) восточной границей этой провинціи и присоединить къ ней герцогства Модену и Парму. Его величество замѣчаетъ далѣе, что если бы Австрія была склонна сдѣлать ему предложеніе о мирѣ на такихъ условіяхъ, то онъ нисколько не колеблясь, принялъ бы его. Его величество желалъ, чтобы его мнѣніе было сообщено мнѣ, по той причинѣ, что въ случаѣ приведенія въ исполненіе такого плана, я могъ бы быть посредникомъ.

«Его величество заключаетъ письмо выраженіемъ убѣжденія, что есть достаточныя причины, въ слѣдствіе которыхъ и палата и народъ признали бы миръ на такихъ условіяхъ, весьма благоразумнымъ и выгодными.»

Между тѣмъ Карлъ Альбертъ, два агента котораго вели дѣло о присоединеніи Венеціи, послалъ на помощь ей 2000 сардинскихъ войскъ, достигшіе только 27 іюля; а 6 августа, заключивъ съ Австріею перемиріе, издалъ прокламацію чрезъ своихъ комиссаровъ, что «соединеніе города и провинціи Венеціи принято палатою депутатовъ и Сенатомъ и утверждено его высочествомъ принцемъ лейтенантомъ отъ имени короля Сардинскаго. Другая прокламація, изданная комиссарами, положительно объявляетъ этотъ союзъ какъ начало освобожденія Италіи.

Въ отношеніи къ Милану поступлено было точно такъ же. Позволивъ Австрійцамъ усилиться, король потерпѣлъ всюду пораженіе и послѣ дѣла при Кустоца, когда сардинская армія принуждена была отступить къ Милану, даже умѣренные увидѣли свою ошибку. Въ отчаяніи, они обратились къ національной партіи, которую прежде оклеветали; Онъ видѣлъ, что единственное средство спасти городъ — сконцен-

трировать власть. Австрійцы двигались быстро, и отступление королевской арміи походило на бѣгство. Отъ членовъ временнаго правительства потребовали, чтобы они назвали гражданъ, которымъ возможно довѣрить власть; они избрали Рестелли, Маэстра и генерала Фанти. Эти три лица, пользовавшіяся популярностію, составили комитетъ обороны. Послѣдняя ихъ надежда была — поднять народъ и снова начать войну съ Австрією.

Они дѣйствовали съ удивительною быстротою и въ три дня болѣе сдѣлали, чѣмъ правительство въ три мѣсяца. Главнѣйшая забота ихъ состояла въ томъ, чтобы доставить гражданамъ средства защиты. Разумѣется, за оружіемъ и военными припасами дѣло не стало. Одушевленные энергическою дѣятельностію комитета, возбуждаемые національною партією, жители съ презрѣніемъ выражались о войнѣ Карла Альберта и о системѣ умѣренныхъ. Все было уже готово къ мужественной встрѣчѣ съ Австрійцами, когда получено было извѣстіе, что король съ 40,000 армією идетъ на защиту Милана. 3 Августа генералъ Оливверри, назначенный королевскимъ комиссаромъ, вмѣстѣ съ маркизами Монтецемола и Стригелли, прибылъ въ Миланъ. Въ силу будущаго соединенія провинцій, они приняли на себя исполнительную власть и изъ оконъ дворца объявили народу, что король, потерявшій уже Венеціанскую Ломбардію, желаетъ спасти Миланъ. Народъ въ прямомъ смыслѣ понялъ эти слова. Но нѣкоторые партизаны тотчасъ же оставили городъ и присоединились къ Гарибальди, который съ отрядомъ Римскихъ волонтеровъ все еще противодѣйствовалъ Австрійцамъ въ Бергамо.

На другой день Карлъ Альбертъ вступилъ въ Миланъ, объявилъ, что намѣренъ защищать городъ, приказалъ сечь всѣ зданія, которыя могли бы служить непріятелю; между тѣмъ перемиріе было уже подписано, и въ числѣ условій была сдача Милана. Въ тотъ же день онъ произнесъ присягу въ присутствіи депутатовъ національной гвардіи, что онъ самъ, его сыновья и его солдаты будутъ защищать Миланъ до послѣдней капли крови; а 5-го объявилъ сдачу Милана дѣломъ рѣшеннымъ.

Такимъ образомъ рушились надежды умѣренной партіи и всей Италіи.

Изъ этого бѣглаго очерка событій, основаннаго на официальныхъ документахъ, читатель могъ видѣть, что дѣло Италіи было проиграно единственно вслѣдствіе раздѣленія партій, изъ которыхъ одна мечтала, говорила, писала прокламаціи и, примѣшивая къ народному вопросу личные интересы, не имѣла силы дѣйствовать; другая, предавшая всей душой независимости Италіи, но обезсиленная происками и противодѣйствіемъ первой, должна была свернуть свое знамя, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

«Послѣ паденія Венеціи,» пишетъ Орсини въ своихъ мемуарахъ, «Италія была побѣждена. Такого-ли результата должно было ожидать отъ энтузіазма, такъ недавно одушевлявшаго каждаго гражданина Италіи?... Тамъ, гдѣ за семь лѣтъ предъ тѣмъ раздавалось ликование о независимости и каждый готовъ былъ пролить за нее кровь, тамъ водворилось прежнее владычество. Кто же былъ виною?»

Одна причина такого результата уже извѣстна читателю. «1849 годъ,» продолжаетъ Орсини, «доказалъ другую печальную, но несомнѣнную истину, что въ Италіи не было ни военнаго, ни политическаго генія, который бы одушевилъ народъ, влилъ въ него новую жизнь и поддержалъ въ трудной борьбѣ. Италіянскіе эмигранты принесли съ собою идеи, заимствованныя ими у иностранцевъ, во время долгой ссылки. Иные дѣйствовали изъ честолюбія; первую ихъ мыслію были они сами, а не отечество».... «Странно сказать,» прибавляетъ онъ, «въ то время, какъ вездѣ твердили объ единствѣ, три италіянскія провинціи управлялись тремя отдѣльными революціонными правительствами!»

Таковы общіе выводы, къ которымъ приводятъ изданія, упомянутыя выше.

Въ числѣ историческихъ матеріаловъ нашего столѣтія займетъ также не послѣднее мѣсто изданіе сэра Вилліама Нэпьера, подъ заглавіемъ: *The Life and Opinions of General sir Charles James Napier*. «Это», пишетъ издатель, «исторія чловѣка, который никогда не омрачалъ своей репутаціи никакимъ постыднымъ дѣломъ, который покорялъ отдаленные народы

своими достоинствами и управлялъ ими такъ, что они любили и уважали англійское владычество, котораго прежде боялись и проклинали. «Это», прибавляетъ одинъ англійскій критикъ, «исторія челоувѣка, соединявшаго въ себѣ качества героя, мужество воина съ чувствительностію женщины, жизнь котораго представляетъ соединеніе рыцарскихъ подвиговъ съ подвигами гражданина».

Чарльзъ Нэпиръ родился въ Витегаллѣ, въ 1782 году 10 августа и провелъ дѣтство въ Ирландіи, недалеко отъ Дублина. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ вступилъ на военное поприще и участвовалъ, вмѣстѣ съ 33 полкомъ, въ усмиреніи Ирландскаго возстанія 1798 года. Вскорѣ предъ нимъ открылось болѣе обширное поле дѣйствій: подъ командою сэра Джона Мура, онъ, въ качествѣ командира 50 полка, участвовалъ въ сраженіи при Корунна въ Испаніи, гдѣ былъ такъ тяжело раненъ, что товарищи оставили его умирать на полѣ битвы.

Но онъ не умеръ, а попалъ въ руки Сульта, который принялъ его ласково и по выздоровленіи отпустилъ въ Англию, на честное слово. Когда срокъ обязательства прошелъ, Нэпиръ опять поступилъ въ Британскую армію, находившуюся въ Испаніи, подъ командою лорда Веллингтона. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ и рѣдко выходилъ изъ нихъ безъ ранъ. Послѣ заключенія мира, правительство давало Чарльзу Нэпиру разныя порученія въ Европѣ и въ колоніяхъ. Въ 1816 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ Кефалоніи и вмѣстѣ съ Байрономъ, составилъ планъ освобожденія Греціи; Кефалонцы до настоящаго времени помнятъ его и называютъ отцемъ своей родины. Имя его сдѣлалось особенно славнымъ послѣ несчастной Афганистанской компаніи, когда онъ посланъ былъ въ Синдъ, съ цѣлію удержать въ спокойствіи тамошнія полудикія племена. Известно, что въ это время составлялся обширный заговоръ по всей сѣверо-западной границѣ Британскихъ владѣній въ Индіи. Цѣль этого заговора состояла въ томъ, чтобы выгнать изъ Индіи Англичанъ, потерпѣвшихъ нѣсколько поражений. Участвовали-ли въ этомъ заговорѣ Амиры Синдскіе—это вопросъ неразрѣшимый. Вслѣдствіе этого Нэпиръ по-

требовалъ заложниковъ, чтобы гарантировать миръ; но жители отказали въ исполненіи этого требованія; тогда Нэпиръ объявилъ войну, и, имѣя не болѣе 5000 войска, два раза разбилъ 30 или 40 тысячное войско Синдовъ. Лордъ Элленборугъ назначилъ его губернаторомъ покоренной страны, и здѣсь-то Нэпиръ обнаружилъ впервые свои блистательные таланты правителя. Шайки разбойниковъ, бродившія по странѣ, были истреблены; сожженіе вдовъ было уничтожено; устроена бдительная полиція, исправлены и вновь проведены дороги, пересмотрѣны законы и вся администрація преобразована до основанія. Сверхъ того Нэпиръ не забывалъ образованія народа и улучшенія общественнаго быта туземцевъ. Среди этихъ трудовъ, ему нерѣдко приходилось сталкиваться непріязненно съ индѣйскимъ правительствомъ, слѣдовавшимъ совершенно другимъ началамъ. Вскорѣ однакожъ, семейными обстоятельствами онъ вынужденъ былъ оставить Индію; но въ 1849 году, когда начиналась въ Индіи новая война, Нэпиру предложило правительство главное командованіе Британскою арміею; онъ колебался, не предвидя совершенно счастливаго исхода этой войны. При этомъ случаѣ, герцогъ Веллингтонъ произнесъ рѣчь, памятную всѣмъ Англичанамъ, начинавшуюся словами: «Если вы не пойдете, я долженъ буду идти туда». Довѣріе правительства, выражавшееся въ рѣчи Веллингтона, рѣшило всѣ его сомнѣнія. Черезъ сорокъ три дня, онъ былъ уже въ Бомбаѣ; но прибывъ туда, узналъ, что война уже окончена рѣшительнымъ сраженіемъ при Чилліанвалагѣ. Принявъ команду надъ войскомъ, онъ ограничился тогда улучшеніемъ быта и нравственности подчиненныхъ ему офицеровъ. Но несогласія съ Лордомъ Дальгузи, губернаторомъ Индіи, принудили его возвратиться въ Англію, гдѣ онъ жилъ уединенно до самой смерти. Въ послѣдній разъ онъ явился предъ публикою на похоронахъ Веллингтона, а въ слѣдующемъ году (1853) умеръ.

Таково поприще, пройденное этимъ замѣчательнымъ человекомъ, постоянно служившимъ истинѣ и прогрессу, увлекавшимся никогда мнѣніями партій; Чарльзъ Нэпиръ никогда не становился подъ знамена Тори или Вигговъ; но въ

то же время никогда не переставалъ быть человѣкомъ. Онъ внесъ благородный гуманизмъ въ администрацію и суды индѣйскіе, и полудикіе туземцы полюбили иноземное владычество, которое до того времени считали карой неба. Неудивительно, что правители рутинисты не были расположены къ нему — они видѣли въ немъ живой протестъ.

Въ письмахъ своихъ, адресованныхъ къ Веллингтону и другимъ особамъ, онъ нерѣдко обнаруживалъ недостатки англійской администраціи, жаловался на жестокость, несправедливость и презрѣніе къ побѣжденному народу, на неуваженіе къ его обычаямъ и религіознымъ убѣжденіямъ, большею частію совершенно безвреднымъ, и предсказывалъ взрывъ, который потрясъ владычество Британіи въ Индіи, подавленіе котораго стоитъ столькихъ усилій и жертвованій.

Съ этой точки зрѣнія, изданіе Вилліама Нэпира приобрѣтаетъ весьма важное значеніе; оно болѣе, чѣмъ многія спеціальныя сочиненія, объясняетъ положеніе Индіи и отношенія ея населенія къ правительству.

Вотъ важнѣйшія сочиненія, явившіяся въ Англии въ послѣдніе годы, служація матеріаломъ для исторіи нашего времени.

— Года четыре тому назадъ, вышелъ первый томъ сочиненія Чарльза Мериваля: *History of the Romans under the Empire*. Сочиненіе это, написанное блестящимъ, живописнымъ языкомъ, наполненное множествомъ подробностей, освѣщенныхъ разумной идеей, было весьма радушно встрѣчено публикой и вызвало многія похвалы критиковъ. Нынѣ явился VI томъ этого сочиненія, нисколько не уступающій въ достоинствѣ предшествующимъ.

Въ этомъ томѣ, обнимающемъ періодъ отъ Клавдія до Тита, авторъ представляетъ въ частностяхъ постепенное разрушеніе организма римской имперіи. Какъ Англичанинъ, онъ обратилъ большое вниманіе на походъ въ Британію, и описалъ какъ походъ, такъ и островъ съ большою подробностію. Конечно, видишь всѣхъ въ этомъ томѣ является личность Нерона, исторія котораго занимаетъ пять главъ изъ девяти, составляющихъ томъ, и имѣетъ огромный пси-

хологическій интересъ. Этому предмету авторъ посвятилъ много труда; искусство его въ выборѣ и группировкѣ подробностей, основательность въ критическомъ разборѣ свѣдѣтельствъ достойны полнаго уваженія.

Во вступительномъ очеркѣ, Мериваль бросаетъ взглядъ на методу образованія Римскаго аристократическаго юношества, и вводитъ васъ въ исключительную атріа, гдѣ Друзъ и Германикъ воспитывались подъ надзоромъ своихъ родителей и наставниковъ. Благородное римское юношество, благодаря потворству своихъ матушекъ, часто до семилѣтняго возраста не имѣло понятія объ азбукѣ. Съ дѣтства, молодого патриція нѣжили, откармливали, лелѣяли; роскошная одежда приучала его къ тщеславію; пуховая постель къ лѣни и нѣгѣ. О вкусѣ его заботились прежде чѣмъ о языкѣ; о чувствахъ — прежде чѣмъ о мысли; кухня была болѣе пріятной школой, чѣмъ классная комната; рѣчь его была сурова, хотя грамматически неправильна; сверхъ того были театры и цирки, и когда молодой патрицій проводилъ такимъ образомъ день, то, по замѣчанію Тацита, ему конечно негдѣ было взять времени для другихъ занятій. Въ отношеніи къ Нерону Мериваль приводитъ слова Стація:

«Будутъ-ли его патрицій вѣрны ему? Будетъ-ли народъ повиноваться ему? Кого онъ пошлетъ въ походъ на Евфратъ? Онъ не знаетъ и не думаетъ объ этомъ; онъ едва смѣетъ погнать своего коня; скипетръ кажется слишкомъ тяжелымъ для его руки; голова его еще недоросла, чтобы носить тіару».

Въ крови Нерона были дурныя наклонности, наслѣдованныя отъ отца и матери; но пороки его развились не вдругъ. Онъ имѣлъ наклонность къ нѣнию, игрѣ и танцамъ. Когда ему было семнадцать лѣтъ, народъ — съ грустнымъ чувствомъ, или быть можетъ съ усмѣшкой — замѣтилъ, что онъ не можетъ сказать рѣчи, — между тѣмъ какъ Цезарь явился въ Форумъ на двѣнадцатомъ году, Августъ на девятнадцатомъ. Лестъ являлась Нерону въ образѣ матери, нравственность — въ личнѣ наставника, Афродита — въ видѣ маленькой свободной жепщины, и всѣ они были къ его услугамъ.

«Недостатки Нерона постепенно пускали свои корни глубже и глубже; страсти разрастались въ пороки и приносили свои плоды — преступленія. Но это развитіе было медленное, постепенное и прикрывалось искуснымъ притворствомъ. Характеръ его былъ тайной придворной; о немъ шептались только при дворѣ. Высокія правила нравственности, которыя великій стоикъ натягивалъ въ своихъ высокопарныхъ проповѣдяхъ, научили его мудрому правилу, что онъ не долженъ быть худшимъ изъ худыхъ. Нельзя сомнѣваться, судя по общему характеру проповѣдей философа, что онъ покрывалъ значительную долю самодовольства; что Сенека, подобно многимъ проповѣдникамъ добродѣтели, оплакивая свою нравственную слабость въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, былъ убѣжденъ, что въ другихъ отношеніяхъ — именно, въ гнусныхъ порокахъ, дѣйствительно несвойственныхъ его природѣ, — онъ парилъ высоко надъ общимъ уровнемъ человѣчества. Я не сомнѣваюсь, что нравственность, преподаваемая имъ Нерону, заключалась главнымъ образомъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: *Будь въжливъ и умѣренъ; избѣгай жестокости; воздерживайся отъ кровопролитія.* Конечно, юному принцу, пользующемуся популярностью, окруженному льстецами, имѣющему всевозможныя средства разсѣяться, не трудно было съ излишкомъ вознаградить себя за эти усилія, безъ угрызеній совѣсти, наслаждаться, не вредя никому. Для этого не нужны были наставленія мудреца».

Безпристрастныя свидѣтельства Joserphus и Светонія представляютъ результаты этихъ наставленій — глубокій развратъ, звѣрство, животныя побужденія.

Празднество Ювеналии открываетъ другую сторону характера императора:

«Неронъ самъ былъ героемъ этого празднества. Когда онъ достигъ возмужалости, первый пухъ, появившійся на его щекахъ и подбородкѣ, былъ обрѣзанъ, положенъ въ золотой ящикъ и посвященъ Юпитеру Капитолійскому. Церемонія эта сопровождалась музыкой и торжествомъ; множество римлянъ, всѣхъ степеней и достоинствъ, было приглашено во дворецъ, какъ зрители; славнѣйшимъ гражданамъ были заплачены деньги, чтобы они явили свое искусство въ

танцахъ и въ пѣніи; важные сенаторы, статныя матроны коверкались, за деньги, какъ шуты и акробаты. Унизительныя роли, которыя Неронъ заставилъ играть благороднѣйшихъ изъ своихъ гражданъ, по замѣчанію Тацита, казалось, еще болѣе сгустили мракъ, висѣвшій надъ убійцей матери.» Далѣе историкъ описываетъ разведеніе публичнаго сада вокругъ Августова бассейна, на другой сторонѣ Тибра, гдѣ предлагался народу питье и говядина, и всякій прохожій могъ получить билетъ для входа. Отсюда порокъ распространялся повсюду въ самыхъ гнусныхъ видахъ. Это смѣшанное общество мужчинъ и женщинъ, различныхъ званій, развращало нравы общества болѣе, чѣмъ всякая другая причина, какую могли найти историки. Въ довершеніе всего, самъ Неронъ являлся на подмостки, съ лирой въ рукахъ, которую онъ въ уединеніи строилъ предъ началомъ представленія. Голосъ его былъ сильный, дыханіе короткое и все его искусство не могло выкупить этихъ недостатковъ. Но онъ не сознавалъ этого, такъ велико было его самообольщеніе. Не смотря на то, чтобы принудить ропотъ хулителей, возлѣ находились солдаты; во главѣ ихъ стоялъ Буррій, безстыдно аплодировавшій вѣнценосному актеру. Общество молодыхъ патриціевъ, называемыхъ Августани, должно было аплодировать и превозносить божественную красоту императора и его божественно — прекрасное пѣніе. Безъ сомнѣнія, стихи Сенеки чаще всего пѣлись въ такихъ случаяхъ. Но Неронъ и самъ былъ стихотворцемъ. Его права на поэтическія достоинства были, какъ легко себѣ представить, весьма слабы и онъ не довѣрялъ себѣ въ этомъ искусствѣ, такъ что его постоянно окружали рюмоплеты, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы облекать въ правильный и красивый стихъ мысли, задаваемые имъ императоромъ. «Вы можете легко замѣтить, въ произведеніяхъ Нерона», говоритъ Тацитъ, «способъ ихъ составленія; они состоятъ изъ стиховъ, не имѣющихъ единства ни въ стилѣ, ни въ содержаніи». Описаніе пожара есть одно изъ лучшихъ мѣстъ въ этомъ томѣ.

«Среди всѣхъ этихъ ужасовъ, Провидѣніе готовило Риму кару. Масса народа въ то время тѣснилась въ небольшихъ

деревянныхъ жилищахъ; вслѣдствіе этого часто случалось, что огонь истреблялъ цѣлыя улицы, цѣлыя кварталы и всѣ усилія ночной стражи, недостаточно бдительной и не имѣвшей нужныхъ средствъ, были совершенно бесполезны. Но величайшій изъ пожаровъ, опустошавшихъ Римъ, былъ 19 іюля 817 года, начавшійся на восточной сторонѣ цирка, занимавшаго долину между Палатинскимъ и Целинскимъ холмами. У наружныхъ стѣпъ этого зданія были навалены въ огромномъ количествѣ деревянные балки, и сюда примыкали магазины, наполненные преимущественно горючимъ матеріаломъ. Восточный вѣтеръ обратилъ пламя къ Палатинскому холму, откуда оно начало распространяться по двумъ направленіямъ, истребляя съ необыкновенною быстротою дома, не встрѣчая никакой преграды, до тѣхъ поръ, пока жаръ не усилился до того, что его не могъ выдержать даже кирпичъ. Циркъ былъ наполненъ отъ одного до другаго конца деревянными галереями, которыя горѣли какъ бумага. Разлившись по сосѣднимъ высотамъ, огонь истребилъ множество прекрасныхъ зданій на Палатинскомъ и Авентинскомъ холмахъ, и устремился къ нижней части города, къ Велабруму, Форуму и Беаріуму, гдѣ былъ наконецъ остановленъ рѣкою. Въ то же время другой потокъ, съ такою же яростію, рвался по Веліи и Эсквиліну, превращая въ развалины все что встрѣчалъ на пути, и достигъ до утесовъ, лежащихъ за садами Мецената. Среди этой потрясающей сцены, въ дыму, въ пламени, среди криковъ толпы, оглушительнаго шума, народъ замѣчалъ злодѣевъ, которые подбрасывали горящія головы въ дома; многіе изъ нихъ были схвачены народомъ и объявили, что дѣйствовали по приказанію. Такимъ образомъ въ народѣ посѣяно было страшное подозрѣніе, что правительство находилось въ союзѣ съ рабами и разбойниками».

Въ примѣръ знакомства автора съ умственною жизнью Римлянъ время имперіи, приведемъ очеркъ римской литературы и тогдашней системы изданій:

«Классъ читателей составляли сенаторы, патриціи и вообще свободные люди; есть весьма основательныя причины думать, что римскія публикаціи нерѣдко проникали въ дальшія про-

винци; по крайней мѣрѣ въ Лиздуніумѣ и другихъ главныхъ городахъ разныхъ провинцій, существовали правильные кабинеты для чтенія. Можно было бы сдѣлать довольно любопытное вычисленіе, которое доказало бы, что быстрота, съ какою увеличивалось число копій, не многимъ уступаетъ быстротѣ печатанія. Это, разумѣется, предполагаетъ огромное количество писцовъ; но въ Римѣ были рабы, постоянно занимавшіеся переписываніемъ и мало стойвшіе своимъ господамъ. Чрезвычайно низкая цѣна на книги въ Римѣ показываетъ, что работа была значительно легче, нежели мы привыкли думать. Римское общество, особенно высшіе круги, какъ въ столицѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ, распространяли мысли своихъ любимыхъ писателей съ быстротою невѣроятной, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Было бы, конечно, слишкомъ много, если бы мы назвали эту готовность образованныхъ Римлянъ употреблять свой языкъ и дощечки—любовію къ литературѣ и къ умственнымъ занятіямъ. Тогдашняя система образованія превратилась въ заучиваніе фактовъ, правилъ, общихъ положеній школъ и вовсе не имѣла въ виду образованія мысли. Приученный съ дѣтства замѣчать и подражать, римлянинъ умѣлъ сочинять стихи всѣхъ родовъ прежде, нежели въ немъ родилась какая нибудь идея, способная сдѣлаться ихъ содержаніемъ. Отсюда та легкость, съ которою многія дѣти сочиняли ораціи на разные пустыя тѣмы. Овидій, говоря о раннемъ развитіи своего таланта, приводитъ фактъ, что еще въ дѣтствѣ, мысли его самопроизвольно ложились въ стихи, и что фразы, которыми были исписаны дощечки, могли по своей связи казаться законченнымъ сочиненіемъ. Почти всякій порядочный римлянинъ велъ свой дневникъ или Ефемериды, имѣя коллекцію умныхъ или острыхъ словъ, перелагалъ въ стихи свои замѣчанія о людяхъ или предметахъ, собиралъ выписки изъ всего прочитаннаго. Это было собственно не литература, а списываніе на бѣло; это дѣло занимало множество пустыхъ головъ, отвлекало ихъ отъ дѣятельности мышленія. Эта литература, по преимуществу сладострастная, ограничивалась самыми тривіальными, пустыми тѣмами и не могла внушить ни самостоятельности, ни силы».

По приведеннымъ отрывкамъ можно заключить, что чтеніе исторіи Меряваля доставить много удовольствія и пользы. Въ этомъ же томѣ авторъ объявляетъ, что въ слѣдующихъ выпускахъ изложитъ, съ такими же точно подробностями, исторію первыхъ временъ христіанства, до взятія Іерусалима. На этомъ событіи, къ сожалѣнію, онъ намѣревается остановиться.

— *The Life of Mahomet and History of Islam to the Era of the Hegira. With Introductory Chapters of the original Sources for the Biography of Mahomet, and on the Pre-Islamite History of Arabia. By William Muir. Esq. Vo. I and II.*

Ни одинъ народъ, ни одна страна въ свѣтѣ не имѣетъ такихъ древнихъ и многочисленныхъ памятниковъ, какъ Аравія; но собрать ихъ въ одну полную, непрерывную исторію—это такая задача, предъ которой останавливались самыя смѣлые изслѣдователи. Мюръ разсмотрѣлъ критически основанія и результаты такихъ изслѣдованій. Въ сочиненіи своемъ, которое еще неокончено, онъ дошелъ до времени Геджира, оставивъ пребываніе Магомета въ Меднѣ для слѣдующихъ томовъ. Находясь на службѣ въ Бенгалѣ, Мюръ усердно занимался собираніемъ и критикой матеріаловъ для біографіи Магомета и, безъ всякаго сомнѣнія, трудъ его разсѣетъ множество заблужденій и неосновательныхъ выводовъ, повторяющихся постоянно во всѣхъ біографіяхъ Арабскаго пророка. Имѣя въ рукахъ рукописи Вакиди, Гишами, Табари и безчисленное множество свѣдѣній, добытыхъ изъ самыхъ надежныхъ источниковъ, онъ смѣло и самоувѣренно трактуетъ о предметѣ, затемненномъ небрежными компиляторами. На весьма важный вопросъ, какъ сохранился коранъ, онъ бросаетъ яркій свѣтъ, равно какъ и на преданія его послѣдователей, распускавшихъ чудесныя анекдоты, число которыхъ возросло до того, что почти не было дня въ жизни Магомета, не ознаменованнаго какимъ либо вымышленнымъ чудомъ.

«Характеръ этихъ преданій,» пишетъ онъ, «и необдуманность, съ какою употребляли имя Магомета для подтвержденія

всевозможныхъ нелѣпостей и наглой лжи, были таковы, что Бокари (Bokhâri), путешествовавшій изъ страны въ страну, собиравшій преданія и доискивавшійся ихъ источниковъ, послѣ многолѣтняго труда, пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что изъ 600,000 преданій, ходившихъ тогда въ народѣ, только 4000 были достовѣрны! И даже изъ этого числа европейскій критикъ, не колеблясь, принужденъ отвергнуть по крайней мѣрѣ половину. Другіе собиратели поступали подобнымъ же образомъ. Такъ Абу Даудъ (Abu Dâūd) изъ 500,000 преданій отвергъ 496,000 и, подобно Бокари, принялъ только 4000.»

Традиционное ученіе также совершенно измѣняетъ свой характеръ подъ перомъ Мюра, который доказываетъ, что многое, что вообще приписывали Магомету и на основаніи чего его обвиняли въ обманѣ, по всей вѣроятности, никогда не было высказываемо самимъ Магометомъ, хотя впрочемъ онъ не отвергаетъ положительно, что онъ не поддерживалъ мысли о его сношеніяхъ съ небесными силами. Если онъ смотрѣлъ на небо, преданіе слышало голосъ Габріеля, раздающійся между звѣздами; если вѣтеръ поднималъ песокъ въ стени, набожный глазъ его приверженцевъ видѣлъ полчища высшихъ существъ, спустившихся на землю и открывавшихъ путь къ побѣдѣ. Даже бѣжавшіе въ небѣ облака превращались у нихъ въ небесныхъ посланниковъ.

Этому общему желанію прославить Магомета должно приписать чудеса, которыми полны самыя древнія его біографіи. Чудеса эти такого рода: дерево, растущее въ значительномъ разстояніи отъ пророка, идетъ къ нему, взрывая землю, и потомъ возвращается на прежнее мѣсто; часто повторявшіяся попытки убить его разрушаются чудеснымъ образомъ; далѣе пророка заставляютъ предсказывать будущее, узнавать о происшествіяхъ, совершившихся въ мѣстахъ отдаленныхъ, и проч.; чаще всего повторяются чудеса, что Магометъ однимъ прикосновеніемъ заставлялъ исхудалую козу давать молоко, или изъ высохшаго фонтана извлекалъ воду. Эти рассказы мѣшаютъ точному пониманію смысла корана.

Въ примѣръ разногласія показаній приводимъ слѣдующее:

«Нѣкоторые свидѣтели утверждаютъ, что Магометъ красилъ волосы, говорятъ даже—чѣмъ; иные увѣряютъ, что не только были много разъ свидѣтелями этой операціи, но даже сохранили послѣ его смерти волосы, очевидно крашенные; другіе такъ же рѣшительно, на основаніи столь же неоспоримыхъ, очевидныхъ доказательствъ, увѣряютъ, что онъ никогда не красилъ волосъ, и не имѣлъ надобности, потому что у него было такъ мало волосъ, что ихъ можно было пересчитать.»

Одни утверждаютъ, что онъ носилъ серебряное кольцо; другіе — что это кольцо было желѣзное и высеребряное; одни видѣли его на правой рукѣ, другіе на лѣвой, третьи наконецъ говорятъ, что у пророка не было никакого кольца. Мюръ съ замѣчательнымъ искусствомъ и проникательностію отдѣляетъ вымыслы отъ достовѣрныхъ фактовъ. Обратимся теперь къ самому разсказу и приведемъ отрывокъ изъ самой отдаленной исторіи Аравіи.

«Номанъ V (Nomân) славенъ потому въ лѣтописяхъ Аравіи, что его царствованіе совпадаетъ съ началомъ возвышенія Ислама, и что онъ покровительствовалъ нѣсколькимъ поэтамъ, прославившимъ его имя. Но конецъ его жизни омраченъ безчестіемъ и несчастіемъ. Цендъ (Zeid), сынъ Ади, рѣшился отмстить за смерть отца, придумавъ для того столь же странный, какъ и вѣрный способъ. Въ яркихъ краскахъ описалъ онъ прелести арабскихъ женщинъ Персидскому королю, который тотчасъ же вознимѣлъ мысль, что нѣсколько прекрасныхъ родственницъ его вассала могутъ украсить его гаремъ. Послано посольство къ Номану; повелитель Гира пришелъ въ ужасъ отъ такого требованія и громко выразилъ удивленіе, что персидскій монархъ не можетъ удовлетвориться прекрасными *антилопами* своей родины. Выраженіе нѣсколько двусмысленное, и Номанъ былъ обвиненъ въ томъ, что оскорбилъ персидскихъ женщинъ, сравнивъ ихъ съ *коровами*. Гнѣвъ персидскаго владыки обрушился на невѣжливаго вассала и онъ изгналъ его изъ Гира. Пространствовалъ по Аравіи, тщетно отыскивая се-

бѣ союзниковъ, онъ былъ заключенъ въ темницу въ Гани, главномъ городѣ Бани Бакръ, а потомъ былъ выданъ персидскому королю, который въ насмѣшку приказалъ провести его между двумя рядами дѣвицъ, роскошно одѣтыхъ; каждая изъ нихъ обращалась къ нему съ вопросомъ: похожа ли она на персидскую корову. Онъ былъ опять брошенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ — кажется былъ убитъ. Такимъ образомъ пресѣклась Лакмитская династія, въ 605 году, царствовавшая въ теченіе 327 лѣтъ.»

Изложивъ свѣдѣнія о Меккѣ, мѣстѣ рожденія Магомета, и его дѣтство, онъ переходитъ къ его странствованіямъ, во время которыхъ онъ встрѣтился съ Кадиджей, милой вдовой сорока лѣтъ. О бракѣ его онъ рассказываетъ слѣдующее:

«Лишь только она узнала о согласіи Магомета жениться на ней, какъ послала къ нему или къ его дядѣ узнать, когда они могутъ встрѣтиться. Боясь не получить согласія отъ отца, она дала въ честь его пиръ и когда онъ было достаточно пьянъ, приказала убить корову и одѣла его въ свадебный нарядъ. Въ пьяномъ видѣ старикъ соединилъ свою дочь съ Магометомъ въ присутствіи его дяди Гамза. Придя въ себя, онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ и сталъ спрашивать, что значать — эта убитая корова, праздничный нарядъ. Ему отвѣчали, что платье это надѣлъ на него Магометъ, его зять. Это извѣстіе привело его въ сильное негодованіе и онъ объявилъ, что никогда не согласился бы выдать за такого ничтожнаго мальчишку свою дочь, руки которой искали великіе люди Курейша. Приближенные Магомета отвѣчали, что этотъ союзъ былъ заключенъ по желанію его дочери. Обѣ стороны обнажили мечи и вѣроятно послѣдовала бы кровопролитная борьба, еслибы не успокоили старика и не уговорили бы его помириться.»

Разсказъ, съ характеромъ котораго читатель могъ познаться по приведеннымъ отрывкамъ, обнимаетъ тридцать лѣтъ проповѣди Магомета въ Меккѣ, до переселенія его въ Медину. На этомъ авторъ останавливается и выражаетъ сомнѣніе, закончить ли свой трудъ. Конечно, было бы очень жаль, если бы Мюръ не продолжалъ своего сочиненія,

которое бросает яркій и совершенно новый свѣтъ на лица и на событія Арабской исторіи.

The History of the origin and Rise of the Republic of Venice, Газлитта уноситъ воображеніе читателя въ самыя отдаленныя времена среднихъ вѣковъ, заставляетъ быть свидѣтелемъ борьбы между полудикими племенами, на сѣверовостокѣ Апеннинскаго полуострова, возникновенія маленькаго государства, принужденнаго отстаивать свою независимость у Готовъ, Гуновъ, Вадаловъ, Геруловъ, окрѣпшаго мало-по-малу въ этой непрерывной борьбѣ и потомъ, подъ кровомъ благоразумнаго правленія, расширившаго свои предѣлы, торговлю, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличившаго и политическое значеніе. Историкъ еще не дошелъ до того періода, когда Венеціанская республика, овладѣвъ торговлей Средиземнаго моря, сдѣлалась грозой своихъ сосѣдей. Но въ вышедшихъ двухъ томахъ читатель уже замѣчаетъ зародышъ будущаго величія Венеціи.

Въ предисловіи къ своему труду, авторъ нечисляетъ множество оригинальныхъ памятниконъ, которыми онъ пользовался, какъ матеріаломъ. Эти памятники доставили ему много подробностей, но все таки были недостаточны, потому что исторія первыхъ дожей изложена въ формѣ ряда бѣглыхъ характеристикъ, въ которыхъ отмѣчаются важнѣйшія событія и перемѣны, совершившіяся въ самой республикѣ, во время ихъ правленія. Но рассказъ становится полнѣе и полнѣе по мѣрѣ того, какъ растетъ значеніе республики, такъ что исторія дожей изъ дома Санудо (X вѣкъ) ничего не оставляетъ желать.

Въ примѣръ можемъ привести характеристику и конецъ Пьетро Санудо IV.

«Въ теченіе первыхъ лѣтъ своего правленія, Пьетро могъ придти къ заключенію, что раскаяніе въ грѣхахъ юности, справедливость и честность могли бы изгладить изъ памяти народа все прошлое. Но маска, надѣтая дожемъ изъ политическихъ видовъ, упала при первомъ случаѣ, и Венеціанцы пожалѣли, что голосъ, раздававшійся въ защиту чудовища, раздавался не напрасно.

«По смерти Доменаго Санудо, епископа Торчельскаго, Сунодъ избралъ его преемникомъ Малло Дриаджи. Дождь, отъ котораго зависѣло окончательное утвержденіе этого избранія, не согласился на него, желая предоставить открывшееся мѣсто своему сыну Витали. Но онъ не ограничился простымъ отказомъ, который имѣлъ законное право произвести, а приказалъ схватить несчастнаго Дриаджи, лишить его зрѣнія и предать смерти, или заключить въ темницу, лишь бы только онъ не являлся предъ народомъ. Однакожь неудовольствіе народа, возбужденное этимъ жестокимъ поступкомъ, ограничилось ропотомъ, и когда въ 969 году открылось патриаршее мѣсто въ Градо, епископъ Торчельскій возведенъ былъ на патриаршій престолъ безъ всякаго затрудненія.»

«Вскорѣ послѣ того Піетро, воспользовавшись самымъ ничтожнымъ предлогомъ, развелся съ своей женою Джіованной и, умертвивъ ее въ аббатствѣ Св. Захарія, женился на *Гуальграда*, сестрѣ своего прежняго покровителя Гуго, маркиза Тосканскаго, за которой получилъ въ приданое около четырехъ сотъ фунтовъ серебра и имѣнія въ Одерцо, Феррарѣ, Тревизо и Адриа. Этотъ бракъ, который былъ бы важнымъ событіемъ въ жизни другаго человѣка, имѣлъ для Піетро весьма печальныя послѣдствія. Не много людей, одаренныхъ такимъ самообладаніемъ или такою счастливою организаціею, чтобы могли спокойно и благоразумно пользоваться дарами счастья, — и Піетро былъ не изъ числа такихъ людей. Бракъ этотъ доставилъ Піетро огромные доходы и многочисленную толпу рабовъ; такимъ образомъ онъ достигъ того, чего тщетно искалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и позволилъ себѣ обнаружить свою слабость къ великолѣбію и роскоши. Вскорѣ народъ сдѣлался свидѣтелемъ новаго порядка вещей, составлявшаго рѣшительный контрастъ съ суровою простотою, которую высоко цѣнили граждане республики, и которая была характеристическою чертою ихъ правленія. Сень Маркскій дворецъ и Ріальто приняли видъ герцогскаго двора; придворныхъ и тѣлохранителей Санудо — научили подражать во всемъ приближеннымъ Греческаго или Германскаго аутократа; роскошь, столь странная въ глазахъ республикан-

цевъ, соединялась съ деспотизмомъ, въ которомъ Пиетро превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Но Венеціанцы, по природѣ своей терпѣливые и спокойные даже подъ гнетомъ деспотизма, не только сносили высокомеріе и своенравіе дожа, но даже позволили ему замѣнить *Excusati*, бывшихъ въ теченіе 270 лѣтъ единственною стражею и приближенными дожей, наемниками, которыхъ Пиетро вызвалъ частію изъ своихъ имѣній, частію изъ Тосканы. Принятіе иноземцевъ въ Венеціанскую службу было дѣломъ, неслыханнымъ дотогѣ; и хотя въ присягѣ, произносимой дожемъ при избраніи, не упоминалось объ этомъ, однакожъ принятіе иноземныхъ войскъ въ столицѣ, безъ совѣта и разрѣшенія Арренго, превышало власть дожа и оскорбляло національность республиканцевъ. Въ тоже время были въ Венеціи лица—и не мало, считавшія это нововведеніе не столько злоупотребленіемъ, сколько благоразумною мѣрою предосторожности, и ожидали скорой развязки.

«Въ самомъ дѣлѣ, развязка была ближе, чѣмъ кто либо могъ ожидать. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ втораго брака Санудо, Феррарцы сдѣлали набѣгъ на его имѣнія, лежавшія недалеко отъ ихъ города; дожъ послалъ Венеціанское войско для возстановленія своихъ правъ; нападеніе было отбито, мало того, Венеціанцы взяли Феррару, разрушили цитадель и окрестности ея предали грабежу и огню. Второе подобное нападеніе было наказано разрушеніемъ Одерцо. Потери Венеціанцевъ были ничтожны и при другихъ обстоятельствахъ не имѣли бы никакихъ послѣдствій. Но состояніе умовъ въ республикѣ было таково, что малѣйшее раздраженіе могло возбудить общее негодованіе; одна капля крови, пролитая въ частномъ дѣлѣ, не касавшемся интересовъ республики, могла окончательно вывести изъ терпѣнія. Вслѣдствіе чего въ Венеціи повторились сцены, какими обыкновенно сопровождается насильственная перемѣна правленія.»

Въ вышедшихъ двухъ томахъ авторъ довелъ исторію Венеціи до 1289 года, до смерти Джіованни Дандоло, правленіе котораго замѣчательно продолжительною борьбою

съ Аквилею, заключеніемъ союза съ Папою и Карломъ Анжуйскимъ и наконецъ введеніемъ инквизиціи.

Въ заключеніе назовемъ еще нѣсколько монографій, которыми въ послѣднее время обогатилась англійская историческая литература. Между ними первое мѣсто принадлежитъ сборнику историко — критическихъ статей Де Квинси (De Quincey), одного изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ представителей современной англійской литературы. Имя его стало извѣстно англійской публикѣ въ 1822 году, когда появилось первое его сочиненіе *Confessions of an English opium Eater*, доставившее ему почетное мѣсто въ ряду современныхъ писателей. Съ тѣхъ поръ Де Квинси сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ *Blackwood's Magazin*, гдѣ помѣстилъ множество статей самого разнообразнаго содержанія. Потомъ онъ предпринялъ весьма оригинальное и любопытное изданіе: *Studies on secret Records, Personal and Historic With other Papers. — Essays sceptical and anti-sceptical on problems neglected or Misconceived*. Въ 1857 году онъ издалъ уже VII и VIII томы этихъ статей; между ними особенно любопытна статья объ Иудѣ Искаріотскомъ. Хотя другія статьи — о тайныхъ обществахъ, объ языческихъ оракулахъ — слишкомъ коротки и отрывочны, однакожъ одинъ изъ англійскихъ критиковъ замѣчаетъ, что «дѣло, предпринятое авторомъ, есть дѣло гиганта, и читатель извлечетъ великое удовольствіе и пользу изъ знакомства съ его трудами, обличающими въ немъ силу исполина.»

Достойна также вниманія монографія д'Израэли — *Lord George Bentinck, a Political Biography*. Джоржъ Бентинкъ засѣдалъ въ парламентѣ съ 1827 г. до 1848; въ это время въ парламентѣ поднято было множество весьма важныхъ вопросовъ, и въ рѣшеніи ихъ Бентинкъ принималъ живѣйшее участіе, и особенно въ вопросѣ о свободной торговлѣ, который, какъ извѣстно, долгое время волновалъ обѣ палаты парламента. Хотя въ послѣднемъ дѣлѣ онъ явился на сторонѣ оппозиціи и, вмѣстѣ съ своимъ біографомъ, защищалъ протекціонную систему, однакожъ эта защита упрочила за нимъ славу замѣчательнаго политическаго оратора. Сочиненіе

неніе д'Израэли, собственно говоря, есть критическій обзоръ парламентскихъ преній за двадцать одинъ годъ.

Два тома историческихъ и біографическихъ опытовъ Форстера знакомятъ читателя съ разными дѣятелями англійской исторіи, прославившимися на разныхъ поприщахъ. Но всего болѣе заслуживаетъ вниманія статья о долгомъ парламентѣ, основанная на документахъ, найденныхъ авторомъ въ Британскомъ музеумѣ, неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ этой любопытной эпохи и открывающихъ въ ней новыя стороны.

Вышедшіе недавно два тома сочиненія Карлейля, исторія Фридриха II — такое важное явленіе въ области исторической литературы, что говорить о немъ, въ бѣгломъ очеркѣ невозможно; мы надѣемся посвятить ему современемъ отдѣльную статью.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Народное чтение. Книжка первая, составленная А. Оболонскимъ и г. Щербачевымъ. Спбургъ. 1859. — in 12-о — 212 стран.

Съ чувствомъ истиннаго удовольствія открываемъ мы нашу библиографію извѣстіемъ объ изданіи, котораго и духу и цѣлямъ и выполненію можемъ горячо сочувствовать. Прекрасная мысль лежитъ въ основаніи этого сборника, который будетъ выходить по шести книжекъ въ годъ и котораго непопятная дешевизна (два рубля за все годовое изданіе) свидѣтельствуеть въ пользу того, что безкорыстное желаніе посылно служить великому дѣлу народнаго просвѣщенія, руководить издателей. Тѣмъ болѣе должно цѣнить такія стремленія, что на большое распространеніе сборника въ кругу тѣхъ читателей, для которыхъ онъ въ особенности предназначенъ, т. е. въ самомъ народѣ — надежды еще весьма шатки и непрочны. Говоримъ это не потому конечно, чтобы мы мало вѣрили въ стремленіе народа къ грамотности и просвѣщенію — но потому, что самъ народъ мало еще какъ то вѣрилъ доселѣ въ книги свѣтскаго содержанія и гражданской печати. Во всякомъ случаѣ, мы убѣждены, что современемъ оцѣнятся и прекрасныя намѣренія и добросовѣстное выполненіе намѣреній издателей. Одно желаніе позволяемъ мы себѣ высказать: желаніе, чтобы оффиціальная часть книжекъ была излагаема какъ можно проще, какъ можно ближе къ нормамъ народнаго пониманія, объясняема,

растолковываема и тѣмъ самымъ устраняла бы ложныя толкованія.

По прекрасному плану издателей, въ составъ книжекъ будутъ входить слѣдующіе отдѣлы: 1) *правительственныя распоряженія, прямо относящіяся до интересовъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій*, 2) *Изложеніе законовъ гражданскихъ, полицейскихъ и уголовныхъ, по тѣмъ отдѣламъ, которые ближе всего касаются крестьянскаго и мѣщанскаго быта* — и вотъ къ этимъ то именно отдѣламъ относится высказанное нами желаніе. Официальный — уже стройно образовавшийся, вполне опредѣлившійся языкъ — слишкомъ разъединился съ формами выраженія и пониманія народнаго: это — фактъ несомнѣнный и для народа необходимъ почти что переводъ на старыя, коренныя формы его пониманія, на вѣчно понятный ему языкъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича и новополученныхъ статей. Разумѣется, такого рода переводъ есть дѣло нелегкое и требующее живаго пониманія народной рѣчи, какъ оболочки народныхъ понятій, — но люди, взявшіеся за изданіе «Народнаго чтенія», по всей видимости, знаютъ народъ не по однимъ книгамъ, любятъ народъ просвѣщенною любовію и стало быть, могутъ стремиться къ разрѣшенію блистательною задачею слить просвѣщенные понятія съ совершенно народными формами, приблизить и свѣтъ образованія къ народу и народъ подвинуть къ свѣту образованія.

За этими двумя, конечно самыми важными отдѣлами, будутъ слѣдовать другіе, именно:

3) *Отечественная исторія и описаніе событій чисто народныхъ*. Такъ, въ первой же книжкѣ, мы съ наслажденіемъ читали по этой части первый рассказъ изъ русской исторіи даровитаго и знающаго народъ г. С. Максимова. Рассказъ продолжается до кончины Мономаха, — умно обходитъ всѣ сухости первоначальныхъ княженій, останавливаясь въ особенности на Владимірѣ, просвѣтителѣ древней Руси и на лицѣ Владиміра Мономаха. Жалѣемъ только, что авторъ слишкомъ кратокъ въ своемъ изложеніи, — и желали бы, что бы онъ точнѣе держался въ языкѣ и вообще формахъ на-

шихъ лѣтописей, на столько разумѣется, на сколько это возможно и нужно. Жалѣемъ также, что говоря о Владимірѣ Мономахѣ и приводя мѣста изъ его завѣщанія, авторъ не обратилъ вниманія на служеніе Мономаха земскому дѣлу.

4) *Жизнеописанія замѣчательныхъ по своимъ гражданскимъ доблестямъ и заслугамъ людей, вышедшихъ изъ простонародья.* Въ настоящей книжкѣ находимъ мы по этому отдѣлу біографію Слѣпушкина, — замѣчательную по ясному пониманію дѣла. Слѣпушкинъ выставленъ въ ней не какъ поэтъ—ибо таковымъ онъ и не былъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ поэты Кольцовъ, Цыгановъ, Никитинъ, — а какъ многосторонне-даровитый самородокъ, какъ честный гражданинъ и полезный дѣятель. Изъ стихотвореній его выбраны тѣ, которыя замѣчательны какъ выраженіе его яснаго, честнаго и прямого ума.

5) *Литературныя бесѣды и рассказы, очерки нравовъ и разныя легкія сатирическія статьи, соответствующія цѣли изданія.* Въ этомъ отдѣлѣ нашли мы перлъ: рассказъ «Надежа.» Такого мягкаго, артистическаго представленія простыхъ отношеній, такой нѣжности и прелести въ рисовкѣ — мы давно не встрѣчали въ рассказахъ изъ просто-народнаго быта... Рассказъ подписанъ: «Марко Вовчукъ» — но что-то женское есть въ пріемахъ автора, не смотря на глубину пониманія русской природы. По части очерковъ сатирическихъ — «рассказъ за чаемъ» хотя уже не чисто художественный, какъ «Надежа», а имѣющій цѣлю высказать народныя понятія о *знахарствѣ* — поражаетъ прямымъ, живымъ и вовсе не теоретическимъ отношеніемъ къ дѣлу, однимъ словомъ своею жизненною правдою.

6) *Стихотворенія какъ чисто народныя, такъ и написанныя въ простонародномъ духѣ.* И въ этомъ отдѣлѣ есть жемчужина — стихотвореніе г. Никитина, котораго талантъ мы вообще ставимъ очень высоко — и два неизданныхъ стихотворенія Цыганова.

7) *Бесѣды о природѣ вообще и о человѣкѣ въ особенности.* Здѣсь опять въ высшей степени замѣчательна статья г. Небольсина: «Кто человѣкъ, тому сродно все человѣческое».

замѣчательная своимъ истинно просвѣщеннымъ духомъ, соединеннымъ съ вѣрою въ народъ и съ любовію къ нему.

Таково содержаніе первой книжки. Какъ она, такъ вѣроятно и послѣдующія, могутъ подать поводъ къ большой критической статьѣ — но въ ожиданіи таковой, мы считали долгомъ краткою библиографическою замѣткою выразить все наше сочувствіе къ благородному и прекрасно начатому предпріятію.

II. ИСТОРИЯ РЯЗАНСКАГО КНЯЖЕСТВА, соч. Д. Иловайскаго. Москва. 1858. in 8° 329 стр.

Наша эпоха, по истинѣ, можетъ быть названа счастливою, по отношенію къ научному обработыванію русской исторіи. Множество памятниковъ, явившихся впервые на свѣтъ Божій, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе, пролили свѣтъ на такіе вопросы, которые до тѣхъ поръ представлялись въ видѣ смутномъ и не разрѣшенномъ; появленіе ихъ возбудило ученую дѣятельность — и такъ или иначе, болѣе или менѣе правильно, большая часть этихъ вопросовъ были обсужены и объяснены и, надобно надѣяться, будутъ еще обсуживаться и вызывать къ дѣятельности критическія способности стараго и молодаго поколѣнія нашихъ ученыхъ.

До сихъ поръ дѣятельность эта обращалась впрочемъ болѣе на вопросы общіе, касающіеся отношеній, проходящихъ болѣе или менѣе въ цѣлостномъ развитіи русской исторіи. Мѣстные отбѣнки этого развитія, мѣстныя особенности еще какъ будто бы не интересовали нашихъ изслѣдователей. Такое стремленіе къ разрѣшенію вопросовъ общихъ, въ высшей степени понятно при первомъ пробужденіи научно-историческаго сознанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и требуетъ необходимо пополненія. Общія элементы выразимѣются ясно и окончательно только тогда, когда объясненіемъ мѣстныхъ элементовъ уяснится и борьба, въ которой общіе возникли и причины ихъ возникновенія и причины сліянія мѣстныхъ элементовъ во едино или ихъ неприкосновенности.

Трудъ г-на Иловайскаго, о которомъ мы должны, къ сожалѣнію, ограничиться только библиографическими замѣтка-

ми, представляеть едва ли не первую попытку науки нашей въ разрѣшеніи вопросовъ о значеніи отдѣльныхъ, племенныхъ элементовъ въ нашемъ историческомъ развитіи, по крайней мѣрѣ первую удачную, первую достойную современнаго состоянія науки.

Г-нъ Иловайскій внесъ въ свое дѣло и глубокое изученіе источниковъ и добросовѣстность и историческое пониманіе — но, что всего дороже, — онъ внесъ въ него истинный талантъ и совершенно свободное отношеніе къ предмету. Онъ не распоряжается историческими данными, во имя званія данной себѣ теоретической задачи; напротивъ, имъ распоряжаются историческія данныя и этими данными опредѣляются его задачи.

Для того, чтобы хоть сколько нибудь доказать справедливость нашего мнѣнія, какъ о талантливости г-на Иловайскаго, такъ и объ отсутствіи въ немъ теоретическихъ увлеченій, — мы сдѣлаемъ краткій обзоръ всего его сочиненія.

Главнымъ источникомъ труда служили конечно русскія лѣтописи, преимущественно сѣверныя. Хотя извѣстія о Рязанскихъ событіяхъ въ нихъ вообще рѣдки — но вмѣстѣ ваятыя, составляютъ значительную массу фактовъ. Самую твердую опору для изслѣдованій, какъ говоритъ г-нъ Иловайскій, представляютъ договорныя и жалованныя грамоты, разсѣяныя въ изданіяхъ Археографической комиссіи и въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ. Иностранныхъ извѣстій о древне-рязанскомъ краѣ — очень мало; но замѣтимъ, что этимъ малымъ количествомъ, нашъ молодой изслѣдователь умѣлъ воспользоваться прекрасно.

Кромѣ этихъ главныхъ источниковъ, г-нъ Иловайскій упоминаеть обо всѣхъ трудахъ своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ исторіи Рязанскаго края, какъ-то: о сборникѣ Рязанскихъ достопамятностей, о сочиненіяхъ г-на Воздвиженскаго, о собраніи грамотъ и актовъ г-на Пискарева. «Излагая», говоритъ онъ, «исторію Рязанскаго княжества, я имѣлъ въ виду слѣдующее: во-первыхъ, привести въ извѣстность и дать единство фактамъ, до-сихъ-поръ разроз-

«ценнымъ и отрывочнымъ; во-вторыхъ, указать на самыя «важныя эпохи, которыя переживало княжество и въ-третьихъ, по возможности, проникнуть въ его внутренній бытъ. «Хотѣлось бы дать болѣе мѣста послѣдней, бытовой сторонѣ и остановиться на духовной жизни народа; но здѣсь историкъ встрѣчаетъ сильныя затрудненія, по крайней скудости источниковъ и отсутствію предварительныхъ изслѣдованій».

На нѣтъ — разумѣется, и суда нѣтъ; но для насъ чрезвычайно важно самое желаніе автора проникнуть въ эту бытовую жизнь Рязанскаго края — и мы можемъ вѣрить ему на слово относительно скудости источниковъ по этой части, ибо, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его книги, онъ знаетъ край не по однимъ только лѣтописямъ и вообще письменнымъ памятникамъ. Его яркія описанія мѣстностей, на которыя укажемъ мы въ своемъ мѣстѣ, свидѣлствуютъ о его близкомъ и живомъ знакомствѣ съ той страной, которой онъ взялся быть историкомъ, — а очерки личностей, съ желаніемъ возсоздать типически *рязанскія* черты, показываютъ, если еще не настоящее знаніе народа, то по крайней мѣрѣ попытки узнать его. Г-нъ Иловайскій, въ концѣ своего предисловія, справедливо замѣчаетъ, что *бытовая, внутренняя сторона невозможна для изображенія, пока не будутъ собраны и изданы въ значительномъ количествѣ мѣстныхъ преданія, пѣсни, повѣрья, остатки прежнихъ обычаевъ*. Не имѣя ни малѣйшаго права думать, чтобы онъ вовсе не былъ знакомъ именно съ этими, упоминаемыми имъ источниками, ни даже упрекать его въ томъ, что онъ мало ими воспользовался, ибо они дѣйствительно доселѣ еще не собраны и не изданы, а на нѣтъ — какъ уже сказано — и суда нѣтъ, — мы не можемъ однако не пожелать, чтобы въ дальнѣйшей своей дѣятельности по части исторіи Рязанскаго края, г. Иловайскій проникся какъ можно болѣе изученіемъ этой бытовой стороны, важность и значеніе которой онъ такъ ясно и хорошо понимаетъ. Мы увѣрены, что тогда исторія Рязанскаго княжества прямо уже обратится въ исторію Рязанскаго края и, безъ сомнѣнія, уже не окончится 1534 годомъ, т. е. смертію послѣдняго князя Ивана, а пой-

детъ до временъ междуцарствія, можетъ быть и далѣе. Въ сущности, главный и даже единственный порокъ труда г. Иловайскаго заключается въ томъ, что трудъ этотъ есть только исторія Рязанскаго княжества, тогда какъ вездѣ у автора проглядываетъ стремленіе писать исторію Рязани, какъ одного изъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась русская земля, и всюду чувствуется живая вѣра его въ самую, особенный цвѣтъ и особенную жизнь этого элемента.

Пока, разумѣется, надобно удовлетвориться тѣмъ, что авторъ намъ даетъ самъ, — тѣмъ болѣе, что и въ этой первой его попыткѣ выражаются стремленія, которымъ мы живо и глубоко сочувствуемъ, — встрѣчаются мысли, которыя, безъ малѣйшей лести, могутъ быть названы блестятельными; очерки, которыя обѣщаютъ въ будущемъ полныя картины.

Теперь переходимъ къ обзору самого сочиненія.

Глава первая заключаетъ въ себѣ обзорѣніе временъ до перваго обособленія Рязанскаго княжества при Ярославѣ Святославичѣ. Рѣчная область Оки въ первый разъ является въ исторіи съ обитателями Финскаго или Чудскаго племени. Авторъ, не безъ основаній, изъявляетъ желаніе, чтобы путемъ чисто историческихъ, или даже филологическихъ изслѣдованій, уяснилось для насъ поскорѣе значеніе этого загадочнаго племени Финновъ, — которыхъ жилища при началѣ русской исторіи, по мнѣнію автора, простирались гораздо далѣе къ юговостоку, нежели обыкновенно полагаютъ. Г. Иловайскій, согласно съ Френомъ и другими, считаетъ и Болгарь и Козарь — за вѣтви какого то стародавняго племени Аровъ и вообще Финновъ, а племя Мордву за остатки Аровъ; но не идетъ ли онъ можетъ быть уже слишкомъ далеко, отыскивая въ названіяхъ мѣсть уже не Рязанскихъ, а совершенно южныхъ, какъ напримѣръ, Кіевъ — слѣдовъ языка Арскаго?

Движеніемъ Радимичей и Вятичей, авторъ весьма справедливо не прекращаетъ исторіи Славянской колонизаціи по — Окскаго и вообще по — Волжскаго края. «Пусть этотъ край

на время ускользаетъ отъ вниманія русскихъ князей, — говоритъ онъ, — «но связь *главныхъ центровъ русской жизни* съ нимъ не прекращается, *«благодаря дѣлательному содѣйствію Новгородцевъ.»* Авторъ допускаетъ два колонизирующихъ движенія: Новгородское въ отношеніи къ сѣверо-востоку и по Волгѣ — и движеніе изъ югозападной Руси по Окѣ (Олегъ, Святославъ, Владиміръ) съ подчиненіемъ Вятичей Кіевскимъ князьямъ; верховья Оки входятъ въ составъ русскихъ владѣній — и, по дѣленію Ярославову, отходятъ, какъ и вся долина Оки, къ Черниговскому удѣлу и Любечскимъ сѣздомъ совершенно укрѣпляются за родомъ Святослава Ярославича. Подобная обширность владѣній одного рода, замѣчаетъ г. Иловайскій, нисколько не смущала остальныхъ князей. «Вся эта лѣсная глушь имѣла въ ихъ глазахъ очень мало цѣны». Святославичи долго не могутъ помириться съ угрюмою природою своихъ удѣловъ и обнаруживаютъ стремленіе къ завѣтному Приднѣпровью. Гориславичъ, какъ зоветъ г. Иловайскій, по слову о полку Игоревѣ — Олега Святославича, только вслѣдствіе Смоленской неудачи, оборотился на юговостокъ и пошелъ къ *Рязани*. Мѣсто *Рязань* какъ извѣстно, впервые упоминается по этому поводу въ лѣтописи — и авторъ останавливается здѣсь на происхожденіи какъ Рязани, такъ и другихъ славянскихъ городовъ. Правъ ли онъ или нѣтъ, давая въ этомъ случаѣ такое исключительное значеніе строительной дѣятельности князей, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ, онъ удивительно живо и отчетливо изображаетъ *рубленіе* городовъ, такъ, что многимъ изъ историковъ цѣлой Россіи пожелали бы мы такой живой и поэтически правдивой изобрѣтательности.

«Строительная дѣятельность», говоритъ онъ, «особенно усиливается со временъ Владиміра Святаго и Ярослава I. «Стукъ топора и смѣшанные человѣческіе голоса съ тѣхъ «поръ постоянно нарушаютъ спокойствіе дремучихъ лѣсовъ «на сѣверовостокѣ Россіи. Нѣсколько десятковъ домиковъ «съ землянымъ валомъ вокругъ показываются надъ рѣкою, «въ тѣни зеленыхъ рощъ, и путникъ, плывущій въ лодкѣ, «замѣчаетъ въ окрестностяхъ движеніе, а иногда различаетъ «остроконечную кровлю съ крестомъ, и слышитъ звонъ би-

«ла, призывающаго на молитву, въ мѣстахъ, гдѣ не задолго «передъ тѣмъ печально каркали вороны, бѣлки прыгали по «деревьямъ, торопливо пробѣгали лисицы и другіе звѣри, да «взрѣдко хрустѣли вѣтви подъ тяжелою лапою медвѣдя, или «изъ чащи показывалась непривлекательная фигура дикаря, «съ головы до ногъ закутаннаго въ звѣриныя шкуры».

Авторъ не рѣшаетъ, да и не могъ при недостаткѣ историческихъ данныхъ, разрѣшить положительно вопроса о времени основанія Рязани, но спрашивая, какимъ именно княземъ она основана, онъ приноситъ жертву своей гипотезѣ объ исключительно княжеской строительной дѣятельности. Да какими князьями основаны, не говоримъ уже Новгородъ и Кіевъ, а Любечъ, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, даже хотъ Кострома, даже Тверь — хотя и должно допустить вмѣстѣ съ Бѣляевымъ, что сія послѣдняя не была изстари центромъ племени Кривичей, а замѣнила только старыи центръ. Какъ основана самая Москва? вѣдь первое извѣстіе о ней говоритъ только, что въ ней *быль* Юрій Долгорукій, точно такъ же, какъ первое извѣстіе о Рязани говоритъ только, что къ ней пошелъ Гориславичъ.

Авторъ кончаетъ первую главу смертію Ярослава Святославича и настоящимъ обособленіемъ княжества Рязанскаго. «Съ Ярославомъ», говоритъ онъ, «оканчивается «тѣсная связь между княжествами Чернигово-Сѣверскимъ и «Муромо-Рязанскимъ. Еще вниманіе Ярослава обращено на «югъ; онъ дѣлаетъ усиліе, чтобы утвердиться въ Приднѣ-«провьѣ; но сыновья его уже не возобновляютъ никакихъ «притязаній на старшинство въ родѣ Святославичей и не «думаютъ покидать своихъ сѣверовосточныхъ волостей для «того, чтобы отыскивать невѣрныя земли на югѣ. Съ того «времени, среднее теченіе Оки все болѣе и болѣе выдѣляется «изъ общей системы удѣловъ и начинаетъ жить своею «собственною жизнію, *подобно княжеству Полоцкому и Галицкому.*»

Сравненіе обособленія Рязани съ обособленіемъ Полоцкаго и въ особенности Галицкаго княжества чрезвычайно вѣрно. Обособленіе Рязани, какъ особеннаго замкнутаго

міра, въ которомъ кромѣ началъ общихъ развитію всей Руси, развивалсь еще начала свои, мѣстныя, племенные — точно также, какъ и въ Галицкой землѣ, гдѣ развилось, на примѣръ, въ видѣ мѣстнаго явленія боярство, имѣло характеръ совершенно особенный, даже и въ послѣдующія времена, такъ что его нельзя сравнить ни съ невольнымъ и трагическимъ обособленіемъ Новгорода Великаго, ни съ таковымъ же Твери. Новгородъ и Тверь выстанвали общее, т. е. старый нарядъ; Рязань выстанвала и выстапвала больше ихъ свою замкнутость, особность. Г. Иловайскій, кажется понимаетъ это, какъ видно изъ всего послѣдующаго его изложенія — нигдѣ не высказываетъ этой мысли съ достаточною ясностію.

Глава вторая объемлетъ пространство отъ 1129 до 1237 года. Хотя она посвящена преимущественно описанію многочисленныхъ, и не всегда интереспыхъ войнъ, — но и здѣсь уловлены авторомъ весьма вѣрно черты борьбы Рязани съ Суздалью за самостоятельность, т. е. первый актъ, какъ онъ называетъ (и замѣтимъ, весьма справедливо, желая представить драму какъ драму) этой борьбы — борьбы Ростислава Ярославича съ Юріемъ Долгорукимъ и потомъ послѣдующіе моменты. Между тѣмъ, въ это время Славянская колонизація шла своимъ путемъ. «Посреди лѣсовъ и степей», — замѣчаетъ г. Иловайскій, «на крутыхъ берегахъ рѣкъ, являлись укрѣпленные пункты или такъ называемые «города, число которыхъ растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Въ географическомъ отношеніи, для юговосточной Руси «XII в. особенно важны походы Святослава Ольговича Сѣверскаго въ 1146 и 1147 годахъ. Темная зелень лѣсовъ, «скрывавшая до того времени отъ вниманія исторіи землю «Вятчпей и западную часть Рязанскаго княжества, проясняется; мы открываемъ здѣсь присутствіе довольно густаго населенія и многочисленные города, а именно Брянскъ, Кафачевъ, Козельскъ, Мценскъ, Тулу, Дѣдиславль, Колтескъ, «Пронскъ, Елецъ, Осетръ, Лобынскъ, Тѣшиловъ и Неринскъ.»

Авторъ замѣчаетъ при этомъ, что «построеніе новыхъ «городовъ конечно было дѣломъ князей, хотя лѣтописи рѣдко

«указываютъ намъ на эту сторону ихъ дѣятельности». А кому же намъ вѣрить какъ не лѣтописямъ?

Второй актъ борьбы съ Суздалью г. Иловайскій кончаетъ совершеннымъ подчиненіемъ Рязани Всеволоду Юрьевичу. Въ этомъ актѣ онъ уже начинаетъ выставлять особенныя Рязанскія стороны характеровъ князей и упрямый Глѣбъ Рязанскій, не смотря на сухость лѣтописныхъ извѣстій, получаетъ у него нѣкоторую опредѣленность, — какъ борьба его, такъ и причины его неудачъ объяснены по возможности полно. «Глѣбъ, говоритъ г. Иловайскій, съ успѣхомъ могъ вмѣшиваться въ дѣла сосѣдняго (Суздальскаго) княжества и даже быть для него грознымъ, но только до тѣхъ поръ, пока оно страдало отъ внутреннихъ безпорядковъ и усобицъ. Лишь только Михаилу и потомъ Всеволоду удавалось соединить Владимірцевъ, Суздальцевъ, Ростовцевъ и Переяславцевъ, борьба съ ними опять становилась не подъ силу Рязанскому князю. При томъ же, не отказывая Глѣбу въ дѣятельномъ, мужественномъ характерѣ, мы имѣемъ полное право обвинить его въ недостаткѣ «благоразумія и проницательности. Онъ не сумѣлъ оцѣнить ни Ростславичей, ни Юрьевичей, и, не рассчитавъ средствъ, довелъ борьбу до крайности.» Вотъ что значитъ не быть увлеченнымъ никакой теоріей въ исторической фатализмъ. По историческому фатализму вышло бы дѣло такъ, что Глѣбъ палъ, потому что *долженъ былъ* пасть, какъ вообще долженъ былъ всегда падать старыи нарядъ передъ новымъ Суздальскимъ нарядомъ! «За симъ оканчивая съ Глѣбомъ, г. Иловайскій замѣчаетъ: поколѣніе Рязанскихъ Ярославичей, по характеру своему, конечно стояло «ближе къ князьямъ южной Россіи, нежели къ своимъ съвернымъ сосѣдямъ; подобно первымъ, они предпочитали рѣшать споры судомъ Божиимъ и не придерживались осторожной расчетливой политики послѣднихъ.»

Мы не станемъ слѣдить за всѣми актами борьбы Рязани съ Суздалью, но замѣтимъ только проницательность и притомъ осторожную проницательность историка въ темномъ дѣлѣ епископа Порфирія Черниговскаго, осыпаннаго укора-

ми лѣтописи, — который явно виновать только тѣмъ, что не совѣтовалъ Рязанскимъ князьямъ принимать тяжкія условія, предложенныя имъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, и не можемъ не порадоваться отсутствію фаталистическихъ теорій, высказавшемуся какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ послѣдующемъ о дѣлѣ несчастныхъ Глѣбовичей.

Глава III посвящена внутреннему состоянію Рязанскаго княжества и начинается истинно прекраснымъ обзорѣніемъ природы рязанскаго края и обзорѣніемъ путей Славянской колонизаціи. Главное и самое естественное направленіе, которому подчинилось движеніе Рязанской колонизаціи, пошло вверхъ по Окѣ; она служила проводникомъ славянской гражданственности въ мещерскую глушь и была жизненною артеріею для цѣлаго края. Притомъ,—прибавляетъ г. Иловайскій — борьба между Рязанскимъ и сосѣднимъ Суздальскимъ княжествомъ началась уже съ конца XI ст., слѣдовательно, являлась насущная потребность оградить себя крѣпостями съ этой стороны. Правый берегъ Оки на всемъ протяженіи рязанской области господствуетъ надъ лѣвымъ, мѣстами онъ довольно высокъ, обрывистъ и въ прежнія времена представлялъ много удобныхъ пунктовъ для укрѣпленія. Дѣйствительно, въ концѣ XII и въ началѣ XIII в., мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ крѣпостей. Самыми очевидными слѣдами ихъ существованія служатъ остатки земляныхъ валовъ, кое гдѣ уцѣлѣвшіе по окраинамъ крутаго берега; другіе напоминаютъ о себѣ названіями селъ и деревень, каковы Городецъ, Городище, Городецкая и проч. Кромѣ главнаго направленія по Окѣ, г. Иловайскій слѣдитъ еще побочное по рѣкѣ Пронѣ и рассматриваетъ ядро рязанскаго княжества—подобіе треугольника, котораго вершина опиралась на городъ Рязань, а бока расходились по Окѣ и Пронѣ. За симъ авторъ переходитъ къ Муромскому удѣлу, опредѣляетъ значеніе сосѣдства Мордвы и Половцевъ, которое должно было непремѣнно задерживать внутреннее развитіе рязанскаго княжества и должно было положить своего рода печать на формы быта. Къ сожалѣнію, по скудости источниковъ и, можетъ быть еще по недостаточному проникновенію въ народный бытъ, прекрасная мысль о необходимости

такой печати осталась у автора только логическою посылкою, логически-вѣрною, но еще безсодержательною. Отчасти впрочемъ, — но и то въ видѣ намека, г. Иловайскій стремится уяснить значеніе извѣстныхъ словъ лѣтописи о характерѣ Рязанцевъ («мужи буи — людища Оки людища») анализомъ свойствъ славянскихъ и неславянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ народонаселенія края. Все это еще схемы — но и подобныя схемы суть уже заслуги. Можно надѣяться, что болѣе глубокое ознакомленіе автора съ народнымъ бытомъ наполнить со временемъ эти схемы живыми чертами. Изъ этихъ логически вѣрныхъ посылокъ, онъ выводитъ характеристику князей рязанскихъ и народа. «При всей своей жестокости, — замѣчаетъ онъ, «впрочемъ характеръ Рязанцевъ не былъ лишенъ другихъ, болѣе привлекательныхъ качествъ: таковы неукротимая отвага или склонность къ молодечеству и постоянная преданность своимъ князьямъ». Мы поставили бы здѣсь скорое постоянное стремленіе къ обособленію и къ князьямъ, какъ представителямъ этого обособленія. Авторъ не опускаетъ изъ виду и характера дружинниковъ. Болрское сословіе оказывало довольно сильное вліяніе на событія рязанскаго княжества. Это вліяніе, говоритъ онъ, особенно проглядываетъ въ усобицахъ, и во многихъ случаяхъ бросаетъ довольно невыгодный свѣтъ на самое сословіе. Онъ отмѣчаетъ неоднократное убійство тысяцкихъ, какъ явленіе, намекающее на что либо болѣе общее, нежели просто личная вражда.

Наконецъ, чтобы довершить картину края до Татарскаго нашествія взглядомъ на торговлю и торговыя сношенія края.

Глава IV отъ 1237 до 1350 г. Въ эпоху татарскаго нашествія, на долю рязанскаго края выпала первая страдательная роль—и страдательною ролюю опредѣляется вся послѣдующая судьба его. Земля Рязанская въ особенности сильно пострадала отъ татарскаго нашествія и память объ этомъ страданіи запечатлѣлась въ рязанскомъ сказаніи и нашествіи Батгя, которое, по мнѣнію автора, принадлежитъ

сочинителю сказанія о принесеніи Корсунской иконы. Г. Иловайскій превосходно воспользовался въ своемъ изложеніи татарскаго нашествія и лѣтописцами и сказаніемъ — насколько позволяла ему сжатость диссертаціи.

Въ особенности хорошо изображено авторомъ состояніе края послѣ татарскаго погрома.

«Если, говоритъ онъ — «обратиться къ внутреннему состоянію рязанскаго княжества въ первый вѣкъ Монгольскаго владычества, мы не можемъ представить утѣшительной картины. Княжество, насколько позволяютъ судить источники, плохо оправлялось отъ татарскаго погрома. Главвою причиною того было невыгодное географическое положеніе. «Надъ рязанскою землею, болѣе нежели надъ какою либо другою частію Россіи, тяготѣло варварское иго. Какая могла быть безопасность въ странѣ, немѣющей естественныхъ границъ и совершенно открытой съ юговостока, въ сосѣдствѣ съ варварами, которые не пропускали ни одного удобнаго случая пограбить русскіе города и селенія, а при отсутствіи безопасности, могло ли населеніе, въ особенности сельское, много заботиться объ улучшеніи своего хозяйства? Завидѣвъ густое облако пыли или отдаленное зарево пожара, народъ спѣшилъ собирать свои семейства и стада; захватывалъ то, что можно было унести съ собою, и, если успѣвалъ, спасался въ сосѣдніе лѣса; бѣдныя хижинны оставались на жертву огня, а необранная жатва исчезала подъ копытами татарскихъ коней. Жители поэтому искали болѣе безопасныхъ мѣстъ для поселенія и цѣлыми толпами уходили далѣе на сѣверъ, особенно въ Московскія владѣнія, сравнительно наслаждавшіяся гораздо большимъ спокойствіемъ. Хотя митрополиты грамматы упоминаютъ о городахъ по Хопру и Воронѣ, но источники нигдѣ не называютъ ихъ по имени и трудно себѣ представить, что это были за города и какъ велико было населеніе той страны, когда мѣста, гораздо ближайшія къ центру рязанскаго княжества, напр. берега верхняго Дона, въ концѣ XIV в. все еще представляли развалины и запустѣніе; въ самой срединѣ княжества до вто-

«рой половины XIV в. не встрѣчаемъ новыхъ городовъ. «Варварскій элементъ въ составѣ населенія до XIII в. еще болѣе усилился новыми толпами Половцевъ и Татаръ. При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, нельзя ожидать, чтобы смягчилась та суровость нравовъ, о которой мы говорили. Лѣтописи изображаютъ намъ Рязанцевъ XIV вѣка людьми свирѣпыми, гордыми и въ тоже время коварными и робкими. Несмотря на явное пристрастіе, въ этомъ изображеніи есть значительная доля правды; только въ трусости Рязанцевъ упрекать нѣтъ основанія, и пораженія, которыя они терпѣли иногда отъ Москвитянъ, скорѣе можно объяснять излишнею отвагою и плохимъ состояніемъ военнаго искусства, нежели робостью.»

Изъ этихъ причинъ выводитъ авторъ и заключая политику рязанскихъ князей, которая состояла, какъ можно вывести изъ его изложенія: 1) въ покорности ханамъ; немѣшавшей имъ однако расправляться оружіемъ съ толпами кочевниковъ, самовольно приходившихъ грабить ихъ волости, 2) въ охраненіи своей самостоятельности отъ Москвы — усиливавшемъ покорность ханамъ. Мѣшали же самостоятельности Рязани: 1) усиленіе Москвы и 2) распаденіе самого края на два удѣла (Рязанскій и Пронскій), равно желавшіе обособленія, — чѣмъ Московскіе князья, разумѣется пользовались.

«Трудно представить, — заканчиваетъ г. Иловайскій, — характеристику самой отличности рязанскихъ князей во второй половинѣ XIII в. и въ первой XIV; они появляются въ исторіи всегда мимоходомъ, большею частію по поводу своей кончины, а нѣкоторые извѣстны только по имени, такъ что не оставляютъ послѣ себя никакого опредѣленнаго образа. Только два лица нѣсколько выдѣляются изъ ряда 12 или 13 князей; съ одной стороны останавливаетъ наше вниманіе Романъ Ольговичъ, окруженный ореоломъ христіанскаго мученика; а съ другой, какъ противоположное явленіе, мрачная тѣнь *Коротопла*. Конечно убіеніе родственниковъ свидѣтельствуетъ о жестокомъ характерѣ князей и загрубѣлыхъ рязанскихъ нравахъ; надобно

«вспомнить однако, что подобные примѣры встрѣчались въ «тѣ времена не въ одной Рязани и не производили по виду «тому особенно сильнаго впечатлѣнія на народъ».

Глава V отъ 1350—1402 г. содержитъ въ себѣ княженіе Олега Ивановича и составляетъ самую блистательную сторону книги г. Иловайскаго. Княженіе Олега Ивановича является у него по справедливости кульминаціоннымъ пунктомъ исторіи рязанскаго края—а самъ Олегъ полнымъ и цѣльнымъ, если еще не художественно представляемымъ, то вѣрно характеризованнымъ и со всѣхъ сторонъ объясненнымъ типомъ. Можно сказать, что нашъ молодой ученый окончательно снялъ съ великаго мужа Рязани всѣ нелѣпыя обвиненія въ измѣнѣ — и притомъ не во имя теоріи, а во имя народнаго чувства. Онъ воспользовался здѣсь всѣмъ — и лѣтописями и грамматами и путешествіями для характеристики своего героя и его времени. Приводимъ общіе выводы его объ Олегѣ. Приводя отрывокъ изъ путешествія митрополита Пимена въ Царь-Градъ 1389 г., г. Иловайскій говоритъ :

«Въ этомъ описаніи, хотя объ Олегѣ Рязанскомъ говорится мимоходомъ, но его патріархальный образъ очень рельефно возвышается надъ всѣмъ окружающимъ. Онъ распоряжается какъ полновластный хозяинъ въ предѣлахъ своего княжества, окруженный дѣтьми и многочисленною дружиною; радушно угощаетъ почтенныхъ странниковъ; заботится объ ихъ удобствахъ и безопасности на всемъ пути.»

«Любя пиры и военную славу (авторъ приводитъ въ примѣчаніи отрывокъ изъ народной пѣсни о пирахъ Олега), Олегъ не былъ изъ числа тѣхъ безпечныхъ князей, которые большую часть правительственныхъ заботъ предоставляли намѣстникамъ и слугамъ и давали имъ въ обиду мирныхъ жителей. Объ этой дѣятельности какъ внутренняго устроителя и усерднаго защитника, краснорѣчивѣе всего говоритъ любовь и глубокое уваженіе, которыя рязанское населеніе сохранило къ памяти своего князя до самаго отдаленнаго потомства. Въ этомъ отношеніи, онъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ личностямъ, которыя отражаютъ въ

себѣ характеристическія черты извѣстной эпохи и извѣтнаго народа, *закрывая свою тѣню и предшественниковъ и преемниковъ*. Дѣйствительно, лице Олега вполне типично; въ немъ ярко обозначились главныя стороны рязанскаго характера, *эта смѣсь упрямства и безпокойной энергіи съ эгоистическою натурою*, качества, которыя у Олега смягчались многими талантами, гибкостію ума и стремленіями, не лишенными *нѣкоторой* величавости.»

«Весь періодъ самостоятельнаго княжества для Рязанцевъ сосредоточился въ одномъ Олегѣ; *больше они не помнят ни одного князя*. Съ этимъ именемъ связана большая часть остатковъ старины, разбросанные по долигѣ средней Оки и большая часть народныхъ преданій.»

Не знаемъ, на сколько это вѣрно, — но отъ многихъ Рязанцевъ слышали мы, что князь Олегъ — Гавріилъ чтился и даже чтится какъ мѣстный святой и что существуютъ еще иконныя его изображенія.

Глава VI посвящена послѣдней эпохѣ самостоятельности княженія. Авторъ доводитъ дѣло до самаго конца, розыскиваетъ до послѣднихъ слѣдовъ послѣдняго Рязанскаго князя Ивана Ивановича, по свѣдѣніямъ Литовской метрики. Онъ правъ, оканчивая этими свѣденіями исторію княжества, но вѣроятно самъ онъ знаетъ, что не здѣсь оканчивается исторія Рязанскаго элемента. Мы же съ своей стороны, въ правѣ ожидать отъ него впоследствии подробнаго, цѣльнаго труда.

Не останавливаясь на послѣдней главѣ, гдѣ собрано имъ все относящееся до внутренняго состоянія края — и которая основана на глубокомъ и добросовѣстномъ изученіи памятниковъ, а потому и взятая отдѣльно, потребовала бы подробнаго анализа, мы поздравимъ только ученую русскую литературу съ новымъ, истинно даровитымъ дѣятелемъ.

Не должно забывать и того обстоятельства, что разобранный нами трудъ есть диссертация и стало быть — все что есть въ немъ сухаго въ изложеніи, *казеннаго* въ слогѣ, *каведральнаго* въ пріемахъ, должно быть отнесено на счетъ

общаго свойства такого рода сочиненій; по этому-то, мы и не останавливались даже на такихъ недостаткахъ.

Г. Иловайскій взялъ эпиграфомъ своей книги слова Мпшле: *je dédie ce livre à mes maitres, à ceux qui vivent et à ceux qui ne sont plus.* *Почему-то*, когда рецензентъ прочтя книгу г. Иловайскаго, увидѣлъ на первой страницѣ его книги эти слова, ему особенно ярко нарисовались два образа. Нечего и говорить, что образъ изъ тѣхъ, *qui ne sont plus* — былъ Грановскій.

А. Григорьевъ.

СМѢСЬ.

ВЕЛИКІЙ ТРАГИКЪ.

РАЗКАЗЪ ИЗЪ КНИГИ: «ОДИССЕЯ О ПОСЛѢДНЕМЪ
РОМАНТИКЪ».

Въ мирномъ и славномъ городѣ Флоренскѣ, какъ зоветъ его Лихачевъ, посоль царя Алексѣя Михайловича къ Дуку Фердинандусу, — я жилъ въ одной изъ самыхъ темныхъ его улицъ.... или нѣтъ не улицъ. Улица, это — *via*, *via* на примѣръ *Ghibellina*, *via* Кальцайола — а я жилъ въ Борго, въ *Borgo Sant-Apostoli*, т. е. въ улицѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ улицъ, перерываемыхъ множествомъ узенькихъ, маленькыхъ, грязненькихъ *Кьяссо*, которыя были отдушинами Борго на Лунгарно, т. е. на набережную Арно. Отдушины эти — нельзя сказать чтобы отличались благовоиѣмъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ вы не встрѣтили бы ни разу обычной надписи: *Se il nome christiano portate* и т. д. Нельзя сказать также, чтобы *Кьяссо* отличались особеннымъ изяществомъ и роскошью. Изъ нихъ подъ вечеръ выскакиваютъ обыкновенно на Лунгарно или оборванные синьоры «съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ» и съ пригѣвомъ, дѣйствующимъ ужасно на человѣческія нервы — если только эти нервы не канаты или не укрѣплены какой нибудь крѣпко всаженой въ нихъ теоріей — хотя бы теоріей, на примѣръ, англійской о вредѣ безразличной помощи ближнимъ, или нашей доморощенной объ исключительной помощи соотечественникамъ. Но теорія, какъ известно, мастерски вьетъ изъ человѣческихъ нервовъ канаты, на которые ничто не дѣйствуетъ, даже болѣзненный, пожалуй

выученный, но лучше сказать вымученный тонъ стона синьоры въ отребіяхъ, преслѣдующей васъ своимъ *sono fame, signor, sono fame* отъ Понте-Веккіо до Понте делла Тринита и гораздо далѣе, нагло — но какъ то жалко-нагло цѣпляющейся вамъ за рукавъ, поспѣвающей за вами какъ бы вы ни ускоряли ваши шаги. Не могу также добросовѣстно сказать, чтобы къяссо были замѣчательны относительно цѣломудрія ихъ обитателей. *Pst, pst* — этотъ призывный кличъ слышится вамъ изъ оконъ почти во всякое время дня и ночи, и **право**, едва ли не болѣзненнѣй *Jo sono fame* дѣйствуетъ на васъ, особенно когда вы только что вышли изъ галлерей *Уффици* или шли изъ за Ольтр-Арно, изъ палаццо Питти, гдѣ женственная красота и чистота столь безконечно разнообразными идеалами наполняли вашу душу, такъ увѣрили васъ въ своемъ бытіи, такіе гармоническіе отвѣты дали на ваши вопросы.

А заднія окна моей комнаты какъ нарочно выходили на одинъ изъ такихъ къяссо — и я могъ всегда, когда только захочу, имѣть передъ глазами отрицательную повѣрку идеаловъ.

Быль апрѣль. Итальянская весна дышала всѣмъ, чѣмъ ей дано дышать — и цѣлыми стѣнами розъ по стѣнамъ садовъ въ городѣ и по дорогамъ за городомъ, и блестящей со всѣмъ молоденькой, разноотливистой зеленью въ Капинахъ, и цѣлыми роями ночныхъ свѣтляковъ въ травѣ, скачущихъ, летающихъ, кружащихся передъ вашими глазами какъ маленькіе огненные *эльфы*. Была весна... но впрочемъ что я говорю — была — лучше сказать стала весна, основательно утвердилась — потому что еще и прежде, въ концѣ февраля, въ началѣ марта — она вдругъ, неожиданно высовывала инымъ утромъ изъ за травки, изъ за листьевъ деревьевъ свою свѣтленькую кудрявую головку и вдругъ обдавала васъ жгучимъ пламеннымъ взглядомъ. Не шутя я помню совсѣмъ весенній, дышущій росой и свѣжестью вечеръ въ одинъ изъ первыхъ дней великаго поста и совсѣмъ весеннее сіяющее, обдающее жаромъ утро съ палящими лучами солнца, нагрѣвшими ожидавшую меня у Санъ Донатской церкви карету. И такъ весна стала....

Толковать о томъ, какое тревожное, немного страстное, не много тоскливое чувство развиваетъ въ душѣ сѣвернаго чело-вѣка весна — будетъ кажется совершенно излишне; — на тысячу ладовъ и всегда разнообразно пересказывали намъ объ этомъ странномъ чувствѣ наши поэты, особенно трое изъ нихъ. Лучше ихъ мнѣ не сказать — смѣшныя бы это были претензіи,

повторять ими сказанное, сводить въ новую мозаическую картинку подмѣченныя ими черты, уловленные ими оттѣнки, однимъ словомъ сочинять по печатнымъ источникамъ физиологію весеннихъ чувствъ.... это повело бы насъ Богъ знаетъ какъ далеко, въ цѣлую этуду, а таковой мнѣ писать въ настоящую минуту не хочется. Скажу вамъ только то, что самъ особенно почувствовалъ. Иногда мнѣ казалось, что либо наша весна лучше, либо мы сѣверные люди глубже чувствуемъ. А въ сущности ни то ни другое.... Наша весна приходитъ рѣзче, приходитъ съ тальми ручьями, возбуждаетъ больше ожиданій, сильнѣе раздражаетъ нервы, измѣняя радикально видъ природы, обращая ее изъ бѣлой въ зеленую, изъ сжатой и суровой въ растаявшую, распускающуюся, сильнѣе и тревожнѣе дышущую всѣми порами, послѣ долгаго усыпленія подъ снѣжнымъ саваномъ. Однимъ словомъ — вотъ и по неволѣ обратись къ любимымъ вѣстамъ — весной у насъ

Еще лежитъ бѣлѣясь средь полей
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ.

и отъ того то такимъ крикомъ радости, ликования привѣтствуемъ мы ее:

Весна идетъ! Весна идетъ!

и оттого то:

Какой-то странной жаждою
Невольно грудь полна
И надъ душою каждою
Проносится весна....

Да «май вылетаетъ къ намъ» изъ «царства вьюгъ и снѣга». Мы его цѣнимъ, мы цѣнимъ весну какъ гостя — а въ Италиі она вѣчный жилецъ, только притаивающійся на время. Весна въ Италиі какъ палунъ мальчикъ, котораго поставили въ уголъ: иѣтъ — иѣтъ — да вдругъ и выкинетъ онъ гримасу, въ которой проглянетъ самая безнадежная несправимость, самая неистовая жажда жизни. Зимой я часто дрогъ, благодаря безобразію каминновъ — ибо до печей итальянцы, по милой распущенности своей не дошли да и никогда не дойдутъ, не смотря на многократные опыты холодовъ до замерзанія маленькихъ ручьевъ: мужчины грѣются въ кофейныхъ — а женщины.... но зачѣмъ женщины копятъ себя проклятыми жаровнями? Кабы вы знали, какъ это неприятно, особенно принимая во вниманіе прирожденную неопрятность всякой спльоры и спльорины!!.. И такъ зимою бывало страшно холодно.... Выйдешь продроглый на Лунгарно, на солнце — лучи его сіяютъ по весеннему

и по неволѣ долой верхнее платье.... Сопесть съ Лунгарно, углубишься немного въ эти узкія улицы, съ ихъ мрачными и сырыми каменными комодами и сундуками, носящими названіе домовъ — и опять дрожишь до новаго пространства, до новаго просвѣта яркихъ, всегда весеннихъ лучей солнца.... Я помню, разъ въ самомъ разгарѣ зимы, вздумалось мнѣ ѣхать въ Сиенну; — только что вышелъ я за городскія ворота, на пространство между зданіемъ желѣзной дороги и *Кашинами*.... всякая зима исчезла у меня изъ глазъ и помысленій. На лѣво зеленъ *Кашинъ*, — толпы легкоодѣтыхъ женщинъ пѣшкомъ, экипажи съ дамами, которыя только изъ явнаго кокетства набросили на плеча опущенныя мѣхомъ или даже вовсе не опущенныя мантильи.... Солнце жжетъ — а это было въ концѣ января. Мои читатели, не бывавшіе въ Италіи, подумаютъ что я имъ сказки сказываю?... Не такъ ли?

Но мое путешествіе въ Сиенну обращаетъ меня къ предмету моего разказа.... Дѣло въ томъ, что съ начала апрѣля, я особенно хандрилъ — не только что вслѣдствіе вліянія весны на нервы, но потому еще, что былъ одинъ. Пріятель мой Иванъ Ивановичъ, тоже уѣхалъ въ Сиенну послѣ святой недѣли. Другой мой пріятель, несмотря на свое богатырское сложеніе, раскипъ до противности отъ тоски по отъѣздѣ любимаго предмета, и при каждомъ свиданіи терзалъ меня — Господи! что *любленіе* можетъ сдѣлать даже изъ умнаго и порядочнаго человѣка — маниловскими мечтами о мечтѣ семейныхъ радостей.... и замучилъ совсѣмъ, заставляя разъ по пяти при свиданіи аккомпанировать себѣ, когда онъ съ искреннимъ исповѣдствомъ пѣлъ что-то такое изъ оперъ Донидзетти, въ чемъ непрерывно звучали слова: «Vedi un Angelo, un angelo in Ciel'» — это что-то было коли хотите вещь прелестная, равно какъ и одна весенняя серенада, сочиненіе Флорентинскаго маэстро, аббата *Федерти* (аббаты тамъ нерѣдко композиторы весьма страстные, по старой памяти) — и пѣлъ все это мой другъ такъ хорошо, какъ поютъ соловьи въ весеннюю пору, но отъ повторенія все это приѣлось.... Я жаждалъ Ивана Ивановича съ его эксцентрическими движеніями, ѣдкой хандрой, «метеорскими выходками и тонкими замѣчаніями — даже съ его цинизмомъ, наконецъ съ его дпкими, противными *заулами*».

Я замѣтилъ вообще, что мы особенно жаждемъ того, что или скоро намъ дается или ужъ вовсе никогда не дается — такъ что наша жажда есть или простое чутье собаки на трюбли или

неугомонная работа червя, подтачивающаго и безъ того уже гнилое дерево,

Иванъ Ивановичъ дался мнѣ очень скоро — стало быть жажда моя была чутье пса.

Въ одинъ прекрасный день — употребляя это казенное выраженіе вовсе не въ казенномъ его смыслѣ, ибо день въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный, — отобѣдавши въ ближайшей отъ меня трагторіи delle antiche Carozze, я рѣшительно не зналъ что съ собою дѣлать до самаго вечера, когда я могъ идти къ одной, прелестной до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ и впечатлительной — вѣроятно до самой дряхлости женщины; — такіе экземпляры, надобно замѣтить, встрѣчаются только между сѣверными женщинами: да и туда какъ то противъ обыкновенія не маняло. Разговоръ нашъ съ нею принималъ всегда такое серьезное, почти суровое направленіе, такъ искренно касался глубокихъ вопросовъ души и жизни, что мнѣ не хотѣлось серьезнаго разговора — мной владѣли гнѣвъ и апатія, изъ которой можетъ вывести душу только новое впечатленіе, а ужъ никакимъ образомъ не анализъ. Правда — и честь за это женщинамъ вообще, честь глубинѣ и мягкости женской природы — мнѣ случалось выносить изъ бесѣды съ моей доброй соотечественницей чувство свѣтлое, примиряющее; — но въ самомъ свѣтломъ чувствѣ было что то унылое, какъ свѣтъ сумерекъ, что то похожее на затихшую боль, на усталое и готовое за что угодно ухватиться сомнѣніе. Такого впечатлѣнія я не хотѣлъ — да и во всякомъ случаѣ, его надобно было ожидать до вечера, а было еще только четыре часа. Идти въ монастырь Санъ Марко и отдаться всей душой великой религіозной поэмѣ фресковъ *Беато* Анджелико.... Для этого надобно было быть способнымъ хоть на минуту переселиться сердцемъ въ ея прологъ, въ страстное упоеніе страданія, съ которымъ его Доминикъ судорожно обнимаетъ Крестъ Распятаго, — а способность переселяться въ подобные міры

Лишь въ лучшія мгновенья

Бытія слетаетъ къ намъ....

какъ сказалъ нашъ Беато Анджелико, Жуковский.

....Когда я вошелъ въ свою комнату, куда рѣшился возвратиться на время, она, съ ея холоднымъ мраморомъ каминовъ оконъ и столовъ — въ Италіи ни почемъ вѣдь мраморъ; вы его часто встрѣтите тамъ, гдѣ ужъ никакъ не ожидаете — показалась мнѣ еще унылѣе, еще сѣрѣе, въ противоположности съ тѣмъ яркимъ весеннимъ свѣтомъ, который заливалъ полови-

ну площади del gran Duca. Безмысленно прислонился я къ окну и безмысленно сталъ глядѣть на мрачную и узкую улицу: явленія были всѣ извѣстныя: Santo padre съ кружкою и съ закрытымъ лицомъ, не много покачиваясь съ права на лѣво, тянулъ съ сильнымъ горловымъ акцентомъ однообразную *литанію* испрашивая подаванія бѣднымъ, — разнощикъ безжалостно-звонко, всей ужасной полнотою итальянскаго груднаго крика оралъ: «Carciofi, carciofi!» Проревѣлъ наконецъ трижды и осликъ подъ грузомъ какой то тяжести, прошли, громко разсуждая и размахивая руками трое тосканскихъ солдатъ — да какая то растрепанная синьора густыми контральтowymi нотами обругала — или какъ говорится у насъ Москвѣ, обложила куплетами, — засаженнаго и босаго на одну ногу мальчишку.... Во всѣхъ этихъ звукахъ было что то такое полное и сильное, что бываетъ подчасъ совершенно *непереносно* и для нашихъ сѣверныхъ нервовъ.... Мнѣ не разъ случалось чувствовать истинную злобу на разнощиковъ и торговцевъ Флоренціи, на какое то ужасное, звѣрское разбойничье выраженіе лицъ ихъ, при безпощадномъ сиповато-грудномъ крикѣ, — какъ въ другія минуты случалось цѣнить и любить эту силу, мощь, порывъ итальянской природы — разлитые всюду: въ человѣческомъ голосѣ, въ ревѣ осла, — въ стрекотаньи итальянскихъ кузнечиковъ, которые всегда мнѣ казались задатками итальянскихъ теноровъ, — ибо право у cadaго итальянскаго кузнечика бычачья грудь, *невыпущаюся* но сильнѣйшаго тенора Ремоджіо Бертолини, котораго слышалъ я цѣлый осенній сезонъ.... Но въ этотъ день я бы не вынесъ и Ремиджіо Бертолини и кузнечиковъ: тѣмъ не пріятнѣе дѣйствовали на меня звуки, несшіеся изъ улицы. Попробовалъ отойдти отъ окна и принятъся за чтеніе — какъ разъ оказалось, что дѣло не подходящее.... Глаза читали а душа была далеко — гдѣ именно — и сама она не знала съ точностью; а была далеко, въ какихъ то весеннихъ снахъ, въ тѣхъ легкихъ и прозрачныхъ снахъ отрочества, которыхъ невозможность такъ тяжела въ тридцать пять лѣтъ.... На часахъ пробило пять. Вошла синьора Линда съ кувшиномъ горячей воды per il thè, ибо я и въ Италіи сохранилъ привычку пить три раза въ день китайскій напитокъ, — отъ котораго итальянцы, если вы его имъ предложите, отказываются съ словами: Grazie, signore, non voglio purgar mi.... На этотъ разъ, я самъ отказался отъ чаю — ибо даже на меня выпущаюся, какъ москвичъ къ его употребленію, онъ сталъ сильно дѣйствовать весною, только

не въ томъ отношеніи, въ какомъ боятся его итальянцы... Въмѣсто того, чтобы пить чай, я вдругъ спросилъ синьору Линду: «*Carissima signora, dite mi — avete un amante*».

Линда, крошечное, добродушно-миленькое, хотя немножко рябинокое, и значительно неопрятное существо, ни мало не смутилась отъ моего вопроса и тотчасъ же отвѣчала съ самою наивною радостью — какъ будто бы выиграла въ тосканскую лоттерейку 300 шиллеровъ.

— *Si, signor!!*

Право — что-то такое дѣтски-радостное было въ этомъ отвѣтѣ, что..... Ну, да что тутъ говорить — мнѣ стало просто досадно.

Чтобъ дать однако какую нибудь приличную причину моему дикому вопросу, я досталъ нѣсколько паръ затасканныхъ перчатокъ «*per l'amante della signora*»

«*Signora*» ушла въ истинномъ восторгѣ — а я.. опять остался одинъ.

Наконецъ я рѣшился на крайнее, послѣднее, отчаянное средство — я пошелъ въ Кашины.

Вовсе не гиперболически называю я это крайнимъ, послѣднимъ, отчаяннымъ средствомъ. Большая часть моихъ читателей не знаютъ конечно, что такое Кашины. Кашины (*Cashine*) герцогскій загородный скотный дворъ, съ прекраснымъ паркомъ, съ прекрасными узенькими дорожками для пѣшеходовъ и съ широкими для экипажей. Тамъ присутствуетъ ежедневно вся фешенебельная Флоренція и даже вся не фешенебельная зимою отъ трехъ до шести часовъ, лѣтомъ отъ пяти до семи. Не фешенебельная гуляетъ по лѣсу и по берегу Арно.... Фешенебельная сосредоточивается на пьядцонѣ. Мѣсто прекрасное, нѣчто въ родѣ Берлинскаго Тиргартена, если вы его знаете и нашихъ Сокольниковъ, которые вы навѣрно знаете, только гораздо лучше Тиргартена и несравненно хуже Сокольниковъ. Во всякомъ случаѣ изъ этаго описанія Кашинъ, читатели никакъ не поймутъ, почему мнѣ такъ трудно было собраться въ Кашины. Все зависитъ изволите видѣть, отъ обстоятельствъ. Идя въ Кашины я имѣлъ два шанса: — или попасть на берегъ Арно и не минуемо встрѣтить добраго пріятеля, мечтающаго о мечтѣ семейныхъ радостей — или героически рѣшиться на *пьяццону*, на эту небольшую площадку, загроможденную стоящими экипажами, всегда одними и тѣми же — напоминающими всегда одни и тѣ же пошныя нитриги, *de secrets, que tout le monde connait*—кото-

рыя извѣстны потому, что сами интригующіе объ этомъ всѣмъ рассказываютъ. Чтобы понять все то омерзение, которое чувствовалъ я къ пьяццонѣ — надобно знать хотя не много, хоть по слуху — что такое Флоренція — не та Флоренція, которая раскидывается передъ вами своими сурово-стильными памятниками прошедшаго, которую полюбите вы искренне въ театрахъ, кофейняхъ и на узкихъ улицахъ, не смотря на все неистовство итальянскаго горла... Нѣтъ! а болотная, сонная, праздная, дѣлающая «ничего» «il far niente» (это со всѣмъ не то, что ничего не дѣлающая) погрязшая въ маленькихъ интригахъ и пошлыхъ сплетняхъ, не могущая жить и дышать безъ этихъ сплетенъ. Отнимите отъ Флоренціи ея вѣковѣчное прошедшее и въ настоящемъ поглубже лежащіе пласты ея населенія — и вы получите въ результатѣ губернской городъ Т*. или В*. или какой хотите. Пока вы — какъ со мною было цѣлыхъ полгода — видите и знаете только верхніе, снаружи лежащіе пласты жизни, вы готовы сказать, что жизнь здѣсь одряблѣла, размѣнялась на мелочь, на безконечную пошлость, однообразную, безличную какъ стертая монета. По этимъ наружи лежащимъ пластамъ жизни проходитъ именно наша губернская струя: съ одной стороны, всеобщая радость всякому маленькому скандалу — съ другой, добродушное правило: «кому какое дѣло что кума съ кумомъ сидѣла» — и этимъ коли вы хотите объясняется предпочтеніе Флоренціи другимъ городамъ Италіи всѣми празднопатающими лицами обоого пола изъ разныхъ иностранныхъ націй. Во Флоренціи — безграничная терпимость въ отношеніи ко всякимъ скандаламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчный толкъ о скандалахъ, интересы губернскихъ сплетенъ, стертость и пошлость мелочной, дрянью удовлетворяющейся жизни... Но объ этомъ когда нибудь послѣ. Теперь же сдѣлалъ я черную замѣтку потому, что мнѣ хотѣлось объяснить вамъ все мое отвращеніе къ пьяццонѣ, этому губернаторскому саду губернскаго города Флоренска.

А все таки изъ двухъ золъ, я предпочелъ идти на пьяццону.... Въ чужихъ мечтахъ есть что-то раздражающее, — что-то вызывающее на отрицаніе, всегда болѣе или менѣе крайнее, преувеличенное, стало быть всегда болѣе или менѣе ложное, за что послѣ упрекаешь самаго себя, какъ за нѣкоторую позировку. Человѣкъ такъ ужь устроенъ, что когда онъ становится въ близкое отношеніе къ другому человѣку, ему хочется всегда заставить ближняго быть зеркаломъ, въ которомъ онъ можетъ глядѣться, когда захочетъ и весьма рѣдко удается одержать

такую побѣду надъ самимъ собою, чтобы обратиться самому въ зеркало для ближняго. Я можетъ быть еще болѣе другихъ — говорю это безъ малѣйшей натяжки — способенъ быть зеркаломъ для чужой радости, чужаго горя и чужихъ интересовъ — но не надолго: отрицательное, или проще, не возвышеннымъ слогомъ говоря, самолюбивое начало беретъ верхъ и зеркало начинаетъ показывать довѣрчиво смотрящемуся ближнему на лице его, и гримасы лица. Хорошо это или дурно — право я не знаю. Въ былую пору, я назвалъ бы это критическимъ отношеніемъ къ личностямъ, да этимъ бы и порѣшилъ, какъ будто сказать дѣло: въ былую пору я сталъ бы даже увѣрять, что самъ готовъ вытергѣть въ отношеніи къ собственной особѣ то, что одинъ пріятель называетъ *продергиваніемъ* и въ чемъ онъ между прочимъ большой мастеръ — но говоря такъ, я бы только добросовѣстно надувалъ самага себя и другихъ.... Я зналъ цѣлый кружокъ, въ которомъ продергиваніе, критическое отношеніе другъ къ другу — было чисто догматомъ — и въ ту пору я искренно негодовалъ на одного весьма желчнаго и раздражительнаго господина, который говаривалъ, что ни одного ближняго не слѣдуетъ баловать до того, чтобы онъ когда угодно, могъ безнаказанно запускать лапы, часто довольно грязныя во внутренность *искренней* души. Кто былъ правѣе: кружокъ или желчный господинъ, для меня доселѣ осталось еще загадкою: знаю только, что въ самомъ кружкѣ каждый любилъ систему продергиванія только въ отношеніи къ другимъ и никакъ не могъ сохранить надлежащаго спокойствія, когда очередь доходила до его собственной особы: знаю съ другой стороны, что и въ правилѣ желчнаго господина отражалось оскорбленное самолюбіе, что это правило вело къ чистому самопоклоненію.

Впрочемъ, я весь обратился въ сомнѣніе — и вы, мои читатели — не слушайте меня, а поступайте по собственному сердцу. Если оно и жжетъ въ васъ, то жжетъ все-таки наивнѣе, добросовѣстнѣе чужаго правила.

Когда я дошелъ до пьядноны, обычная жизнь ея была въ полномъ разгарѣ, т. е. празднующіеся юноши и старцы (нѣкоторые изъ старцевъ пляшутъ во Флоренціи до 80 лѣтъ и съ большимъ успѣхомъ) слонялись между экипажами, передавая итальянскимъ синьорамъ и нашимъ русскимъ барынямъ обычныя шлетни; грекъ, капитанъ Россійской службы, сидя на скамьѣ подлѣ музыкантовъ, рассказывалъ подлѣ громъ музыки, въ сто-пятьдесятый разъ о давноизвѣстномъ карнавальномъ скандалѣ, не

щады репутаціи соотечественницъ; столѣтній шевалье, спящій за зваными обѣдами, потому что спать ночью мѣшаютъ ему стукающіе духи и ѣвщій, по сказаніямъ общества, человѣческое мясо на островахъ тихаго океана, таскалъ по пьяццонѣ свою длинную и худую какъ шесть особу; — англичанки съ неподвижною чинностью сидѣли въ коляскахъ — а за то одна изъ нашихъ львицъ хохотала безъ умолку съ пожилымъ, но красивымъ итальянцемъ, картинно опиравшимся правою рукою на ея коляску... однимъ словомъ явленія обычныя.

Вдругъ изъ за толпы, окружавшей музыкантовъ, которые играли изъ Верди что-то неумолимо — шумное — показался Иванъ Ивановичъ. Я такъ и бросился къ нему.

Хорошъ, нечего сказать — закричалъ я невольно, увлекшись нежданностью его появленія — хорошъ! Во Флоренціи — и глазъ не покажете.

Здравствуйте, отвѣчалъ онъ, прорываясь ко мнѣ и обѣими руками схватывая мою протянутую руку. Можете себѣ представить, продолжалъ онъ, — что я только что сейчасъ съ желѣзной дороги?

Какъ сейчасъ?

Такъ... Багажъ — впрочемъ багажъ мой какъ вы знаете, весьма не великъ, прибавилъ онъ съ добродушнѣйшею улыбкою — бросилъ въ Санъ - Донато у пріятеля, — а самъ помчался сюда, чтобы какъ нибудь добить полтора часа до театра.

До театра? Что вдругъ за страсть припала къ театру... Корради что ли вы не слышали? Онъ спалъ съ голосу: теноръ слабъ — basso profundo грубъ какъ дубина и тріо идетъ отвратительно. А примадонна — нѣмка. — Въ дуэтѣ Арнольдо и Матильди она и теноръ это двѣ незаманыхъ телѣги, которыя одна на другую наѣзжаютъ... Все это проговорилъ я скороговоркою и со всѣмъ увлеченіемъ злобной досады, потому что маканунѣ былъ жестоко обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ на счетъ Вильгельма Теля. Обѣщала «Пергола» въ этотъ сезонъ что нибудь путное и надула страшно. Во всю осень и зиму только и былъ хорошій оперный сезонъ отъ сентября до половины декабря, когда въ Перголѣ пѣли *Джованну ди Гузманъ* (мѣстное переименованіе Сицилійскихъ вечеренъ) да *Троватора* Альбертини и мужъ ея Бокарде, а въ Пальяно Ремиджіо Бартолини, безъ особеннаго искусства но съ могучествомъ свѣжаго голоса и дикою энергіею производилъ Рауля въ «*Anglicani*» (мѣстное же переименованіе Гугенотовъ)... Иванъ Ивановичъ зналъ все

это какъ и я же — и оттого-то стремленіе его къ театральному позорію показалось мнѣ по истинѣ изумительнымъ.

Но прежде всего, вы не знаете, мои почтенные читатели — кто такое Иванъ Ивановичъ. Скажу вамъ откровенно, что вы и мало узнаете о немъ и о его судьбахъ изъ сего перваго разсказа. Одиссея о немъ — весьма длинная одиссея. На первый разъ скажу вамъ, что Иванъ Ивановичъ одинъ изъ моихъ старыхъ университетскихъ товарищей, что въ былыя времена подавалъ, какъ говорится, «*блестящія надежды*» всему своему факультету и послѣдующую жизнь жестоко разочаровалъ благодушно — добѣрчивый и почтенный факультетъ въ его надеждахъ, — что вотъ уже года четыре какъ онъ шляется за границую, проживая маленькій капиталъ, который достался ему послѣ престарѣлой бабки. Мы съ Иваномъ Ивановичемъ живали нѣсколько разъ полосами общею жизнью — и вотъ въ городѣ Флоренскѣ выпала намъ опять такая общая полоса. Скажу вамъ еще, что Иванъ Ивановичъ — брюнетъ, и кромѣ знойно черныхъ, но какихъ-то усталыхъ глазъ, *особенныхъ* примѣтъ не имѣетъ: съ лица довольно худъ и худоба его еще поразительнѣе отъ его длинныхъ, висящихъ до плечъ волосъ, губы у него тонкія и блѣдныя, иногда странно судорожно подергивающіеся — и это самая рѣзкая особенность его фізіономіи. Что вамъ еще прибавить о немъ? Да... онъ отлично играетъ на гитарѣ, хоть никогда этимъ, какъ можетъ быть и ничѣмъ вообще, серьезно не занимался — и отъ него-то съ предпослѣдней полосы нашей общей съ нимъ жизни происходитъ моя несчастная страсть къ этому инструменту, очень не легко дающемуся, не смотря на всѣ мои труды и усилія, приводившія въ глубокое отчаяніе всѣхъ моихъ домашнихъ и всѣхъ Московскихъ друзей и по нынѣ, рано или поздно по постоянно успѣвающія приводить въ нѣкоторое остервенѣніе хозяевъ различныхъ квартиръ и отелей въ которыхъ случается мнѣ жить за границую. Есть безнадежныя страсти и они съ лѣтами безнадежно же укореняются. Выщипывать иногда тоны изъ непослушнаго инструмента стало для меня такой же необходимостью, какъ вышить утромъ стаканъ чаю — и вѣдь надобно правду сказать, что когда я говорю о безнадежности страсти своей, я дѣлаю уступку злымъ пріятелямъ и не менѣе злымъ хозяевамъ квартиръ и отелей. Надежда никогда не покидаетъ человѣка. Во всякомъ случаѣ, въ моей гитарной страсти виноватъ Иванъ Ивановичъ, виноваты эти полные, могучіе и вмѣстѣ мягкіе, унылые, какъ-то интимные звуки, которые

слышать я только отъ него и отъ Соколовскаго и которые какъ идеалъ звучатъ въ моихъ ухахъ, когда я выламываю свои пальцы. Одинъ изъ злыхъ пріятелей, изъ лютейшихъ и безжалостнѣйшихъ враговъ моей гитары, — въ минуту спекулятивнаго настроя, когда всякое безобразіе объясняется высшими принципами, понялъ это. «Господа, — сказалъ онъ, обращаясь къ другимъ пріятелямъ — они въ это время играли всѣ въ карты, а я, оставши играть и взявшись за лежавшую на диванѣ гитару, старался *выщипать* унылые и вмѣстѣ уносящіе тоны Венгерки.» — Господа, — сказалъ мой пріятель, — (вѣроятно ему пришли въ это время въ голову разные выводы изъ столь любимой имъ психологической системы Бенеке) — я понимаю, что онъ слышитъ въ этихъ тонахъ не то, что мы слышимъ, а совсѣмъ другое.»

Дѣйствительно — широкая и хватающая за душу, стонущая, поющая и горько-юмористическая Венгерка Ивана Ивановича, раздавалась въ это время въ моихъ ухахъ.

«Да намъ-то каково!... замѣтилъ на это другой пріятель. Всѣ захохотали, но замѣчаніе психолога все-таки было справедливо — и я до сихъ поръ, безъ надежды когда либо услышать вновь въ дѣйствительности могучій тонъ Ивана Ивановича, — слышу его «душевымъ ухомъ.» Почему же не быть и душевному уху, когда Гамлетъ видитъ отца въ «очахъ души» своей. Но довольно обо мнѣ и довольно объ Иванѣ Ивановичѣ — о немъ разумѣется довольно только на сей разъ.

Въ отвѣтъ на всю мою злобную выходку противъ флорентійской оперы, Иванъ Ивановичъ сказалъ только:

Гусь же вы однако!

Какъ гусь?

Такъ, какъ гуси бываютъ.... Вы толкуете мнѣ объ оперѣ, а я вамъ говорю о Сальвини.... И онъ взглянулъ при этомъ на столько съ торжествомъ, на сколько обычная, унылая усталость его взгляда допускала торжество.... А я вамъ говорю о первомъ трагикѣ Италиі, продолжалъ онъ съ жаромъ.... можетъ быть, добавилъ онъ еще съ большимъ жаромъ, о первомъ трагикѣ въ свѣтѣ.... Понимаете?

Нѣтъ, все-таки не понимаю — *ich bin eben so klug, wie ich vordem war*, какъ говорятъ нѣмцы.

Здѣсь вѣдь теперь въ Кокомеро играетъ драматическая труппа — не такъ ли?

Да.... только я въ Кокомеро не былъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы вмѣстѣ съ вами слышали импровизаторшу....

И когда мы ее такъ безжалостно съ вами отдѣлывали — помните? сказагь онъ смѣясь.

Мы съ вами... т. е. вы ее отдѣлывали, возразилъ я... Вотъ то-то и дѣло, Богъ васъ пойметъ Иванъ Ивановичъ — то вы все рѣжете анатомическимъ ножомъ, то вы чуть что не скачете отъ какого-то неизвѣстнаго господина Сальвини... Это у васъ капризы, нѣмецкая Laune, приливы....

Неизвѣстнаго.... проворчалъ сквозь зубы Иванъ Ивановичъ... И это говоритъ господинъ, продолжалъ онъ громко и сердитымъ тономъ, который имѣетъ претензію на самостоятельность взгляда, на неподогрѣтость — я вашимъ языкомъ говорю — чувства.... И во первыхъ это неправда. Сальвини игралъ въ Парижѣ и пропзвелъ тамъ фуроръ, а во вторыхъ и Мочаловъ былъ неизвѣстенъ въ Европѣ.

То дѣло другое — возразилъ я. Мы еще не Европа.

Да неуже ли вы думаете, что Итальянскій актеръ бываетъ извѣстенъ гдѣ нибудь кромѣ Италіи? Я говорю объ актерѣ, а не о цѣвцахъ.

Чувствую.... А Ристори?

Видѣли вы Ристори?

Нѣтъ не видалъ — но о ней много говорятъ.

И я не видалъ и я знаю тоже, что о ней много говорятъ. А знаете ли почему говорятъ и именно говорятъ во Франціи?... Потому, что во Франціи была Рашель — а такое необычайное явленіе какъ то требуетъ всегда сравненій и сличеній.... Я думаю, что еслибъ какая нибудь Эіопка пріѣхала въ Парижъ играть роли Рашели на эіопскомъ языкѣ — Французы и ее бы сравнивали съ Рашелью.... А кстати, — окончилъ Иванъ Ивановичъ.... Не совѣстно вамъ было написать ване стихотвореніе: «Рашель и правда?»

Да вы гдѣ и въ чемъ видѣли Сальвини, спросилъ я, не отвѣчая по мношмъ прищипнамъ на его вопросъ.

Иванъ Ивановичъ лукаво-мягко взглянулъ на меня и отвѣчалъ: въ Римѣ — и во всемъ, въ трагедіяхъ Альфіери и въ Отелло Шекспира... даже во французскихъ драмахъ ходилъ я его смотрѣть, какъ хаживали мы бывало смотрѣть Мочалова въ Скопинѣ Шуйскомъ и въ Уголино.... Но дѣло не въ томъ, гдѣ и въ чемъ я его видѣлъ. Еслибъ я даже его вовсе не видалъ, мое желаніе видѣть знаменитаго итальянскаго актера все-таки было бы понятнѣе вашего циническаго равнодушія.

Permesso signore... обратился къ нему запачканный и оборванный Итальянецъ въ рыжемъ пальто, изъ котораго, по общему стремленію итальянцевъ къ ихъ типическому костюму, онъ успѣлъ образовать эффектно накинутую на плеча мантилью. Слова его значили, что онъ желаетъ закурить сигару — и Иванъ Ивановичъ, молча протянулъ ему свою. *Grazia tanto!*... сказалъ Итальянецъ и оборотился къ музыкантамъ.

Однако пойдите — пора. Полчаса седьмого, — обратился ко мнѣ Иванъ Ивановичъ, взглянувъ на часы.

Вотъ какъ.... часы завелись! замѣтилъ я насмѣшливо. На долго ли?

Глушій, съ позволенія сказать, вопросъ, мой милѣйшій — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, нисколько не смущаясь — глушій, потому, что совершенно лишній.... Часы, это касса сбереженія ходячей монеты, до перваго востребованія... Однако пора, говорю я вамъ.

Мы пошли

Знаете ли, что въ вашемъ равнодушіи, началъ опять Иванъ Ивановичъ, только что мы вышли въ аллею, миновавши мизерную кофейную Кашиня, — много непослѣдовательности.... Вы вообще гораздо смѣлѣе пишете, т. е. говорите съ самимъ собою, нежели говорите съ другими.... Между этимъ равнодушіемъ и тѣмъ значеніемъ, которое придаете вы трагической струѣ въ человѣческой душѣ лежитъ цѣлая бездна. Послѣ того, что вы мнѣ читали, именно отъ васъ-то и надобно было ждать, что вы броситесь какъ угорѣлый на представленія Сальвини.... Въ сущности вы вѣдь ждете трагика, какъ нѣкотораго откровенія, какъ подтвержденія вашей внутренней вѣры....

Послушайте, отвѣчалъ я уже совершенно серьезнымъ тономъ.... То, что видѣлъ я здѣсь до сихъ поръ по этой части — и въ чемъ, какъ хотите, а долженъ все-таки выказаться тонъ итальянскаго трагизма — не могло мнѣ дать подтвержденія вѣры. Вспомните представленіе Медеи, неистовый крикъ и звѣрообразныя гримасы актрисы, позировки Язона.... все это я лучше хочу видѣть на площадяхъ, гдѣ продавецъ разныхъ медицинскихъ средствъ, размахивая руками, съ патетическимъ тономъ рассказываетъ толпѣ объ удивительной, чудесной силѣ своихъ товаровъ, — чѣмъ въ театрѣ. Итальянская трагедія — опера.... вотъ это дѣло другое. Помните, даже щедушная Альбертини обращалась въ трагическій образъ въ сценѣ возстанія въ первомъ актѣ Джованни ди Гузманъ — и помните, въ какомъ я

былъ восторгѣ. Вспомните притомъ, сколько разъ я добросовѣстнѣйшимъ образомъ обманывалъ себя въ своихъ исканіяхъ трагическаго!!.. Я вамъ рассказывалъ кажется, что увлеченный криками толпы, я не могъ устоять въ своемъ первомъ впечатлѣніи отъ игры одного молодого актера?

Нѣтъ, не рассказывали, отвѣчалъ Иванъ Ивяновичъ. Это очень любопытно.

Не знаю, любопытно или нѣтъ — но для меня самаго, это фактъ весьма важный и наводящій на размышленія... Явился разъ на сценѣ молодой дебютантъ. Я ходилъ его смотрѣть всякій разъ — и нѣсколько разъ сряду мнѣ все казалось одно и тоже, что природа не создала его трагикомъ. Голосъ у него былъ сильный и звонкій; того, что называется теплотой и что въ трагизмѣ гроша не стоитъ — было у него ужасно много, — рутинна уже въ него вѣблась — проникла во все: въ интонаціи, въ эффектныхъ заканчиванья монологовъ, въ движенія. А главное, главное что бѣсило меня — это была фizioномія, красивая, благодушная до телячьего благодушія — да еще преобладаніе сентиментальнаго тона — лучше сказать, у него только и былъ одинъ тонъ, тотъ тонъ, въ которомъ — заканчивалъ покойный Мочаловъ, первый актъ драмы «Смерть или честь, словами: о надежды человѣческія, что вы такое?..» Этого тона трагику мало — и не имъ былъ великъ Мочаловъ, т. е. пожалуй и имъ, но въ соединеніи съ другими тонами. Мнѣніе свое выражалъ я открыто. Юный трагикъ сердился — да и множество пріятелей стали на меня сердиться. Публика встрѣчала и провожала новаго любимца постоянными рукоплесканіями. Онъ переигралъ множество ролей, Мочаловскихъ и Каратыгинскихъ: — созданія, лица не было ни въ одной... но между тѣмъ *что-то* было, *что-то* онъ игралъ, игралъ искренно и нельзя было сказать что это нарочно, что это только игра. Нѣтъ — *какія-то* стороны лицъ, онъ игралъ *взаправду* и этимъ онъ былъ много выше другаго, опытнаго актера, который всѣ лица игралъ нарочно — хотя между ними обоими было много общаго въ сентиментальномъ тонѣ.... Вотъ это *что-то* его игры, соединенное съ нѣкоторою вѣрою въ общее увлеченіе и нѣкоторою трусостью собственнаго чувства — подъ конецъ увлекло меня — не надолго правда, но увлекло. Потомъ это *что-то* разумѣется всеімъ пріѣлось. Начали говорить, что онъ недобросовѣстно учитъ роли, что онъ надѣется только на средства своей груди... Можетъ быть и такъ, но кажется правѣе было мое первое впечатлѣніе. Онъ не

былъ рожденъ трагикомъ — и чтобы онъ ни дѣлалъ для ролей, онъ всегда *чувствовалъ* бы только одну ихъ сторону, а прочія выходили бы не живыя, а дѣланныя. Вотъ вамъ одинъ мой опытъ. Хотите другой?

Я васъ слушаю внимательно и принимаю ваши слова къ свѣдѣнью, — отвѣчалъ задумчиво мой пріятель.

Были вы въ Берлинѣ? спросилъ я.

Былъ — а что?

Кого вы тамъ видѣли изъ трагиковъ?

Дессуара или Дессойра — не знаю право какъ произносится его имя.

Ну и я его видѣлъ.... Въ Ричардѣ III видѣли?

Видѣлъ.

Ну что жъ?

Да то же что вы сказали о другомъ, только съ другой стороны. Онъ не поэтъ, а сочинитель: онъ *дѣлаетъ* роль....

И вѣдь удивительно искусно дѣлаетъ, перебилъ я.... Помните послѣднюю сцену перваго акта, сцену съ убійцами. Тутъ было сдѣлано — до *ужаса*.

Правду вамъ сказать, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ — онъ разочаровалъ меня только съ третьяго акта. Помните ли вы сцену съ Анною въ первомъ актѣ. Не смотря на общую форсировку нѣмецкой трагической дикціи, на общую же угловатость движеній — она была ведена такъ искусно, что только потомъ ужъ я догадался, что это искусственно. Потомъ костюмировка, историческая вѣрность образа, мастерство въ отдѣлкѣ частности!!.. Вліяніе перваго акта на меня было таково, что когда во второмъ онъ появился въ залу, куда привели умирающаго короля — его появленіе навело на меня ужасъ, смѣшанный съ отвращеніемъ.... Жаба какая то, випера....

Ну да.... перервалъ я опять. Почти такъ чувствовалъ я и почувствовалъ бы вѣроятно всякій, въ комъ любовь къ Шекспировскимъ трагическимъ образамъ готовится извѣстнаго рода душевную подкладку.... Но второй же актъ и положилъ предѣлъ всему, что можно *сдѣлать* — такъ что все дальнѣйшее обличило только сдѣланность предшествовавшаго.... Отъ цѣлаго представленія вы, вѣроятно, какъ и я же — чувствовали удивительное наслажденіе, но какое то холодное, совѣмъ ученое наслажденіе. Не только *Ричардъ* — всѣ актеры ужасно умно сочиняли свои роли: въ представленіи была гармонія, цѣлость....

И великолѣпная обстановка, перебилъ Иванъ Ивановичъ. Помните появленіе тѣней и ихъ совершенно незамѣтное исчезаніе?

Ну да — все это было отлично *сдѣлано*: я помню, что я могъ побѣдить даже свою прирожденную русскую насмѣшливость въ отношеніи къ напыщенности нѣмецкаго тона чтенія. Но *трагизмомъ* тутъ не пахло.

Да! тутъ трагизмомъ не пахло — вы правы, сказалъ Иванъ Ивановичъ. Я знаю, что уже подъ конецъ третьяго акта, я желалъ, чтобы исчезла эта великолѣпная и добросовѣстная постановка, вся эта исторически вѣрная поддѣлка костюма и наружности и даже привычекъ главнаго лица... чтобы все это зажѣнить хоть на минуту однимъ Мочаловскимъ звукомъ, однимъ волканическимъ порывомъ. Фуй,—какъ низко упалъ Дессуаръ въ сценѣ, гдѣ онъ велитъ трубами заглушить проклятія матери — и какъ ничего не выгорѣло изъ его эффектнаго молчанія по ея уходѣ... У васъ хорошо сохранились въ памяти Мочаловскія представленія Ричарда?

Мочаловскія минуты — да! а представленія, цѣлыя представленія довольно тускло. Я видѣлъ его въ Ричардѣ когда мнѣ было лѣтъ четырнадцать. Правда, что меня съ девяти лѣтъ началъ возить въ театръ — и что я видѣлъ Мочалова во всемъ, что ни игралъ онъ, отвѣчалъ я.

Ну-съ — я вѣдь тоже выросъ на Мочаловѣ, — началъ опять Иванъ Ивановичъ — только такъ, какъ я васъ годомъ старше — то и воспоминанія мои нѣсколько опредѣленнѣе. У меня передъ глазами — и безобразный, какой-то полиняло-бланжевый костюмъ Мочалова... припоминаете? и декораціи, которыя такъ же могли представлять Парижъ, Флоренцію, даже Пекинъ — какъ и Лондонъ; предо мною и несчастнѣйшій, выступающій гусинымъ шагомъ Боккингемъ или Буккингамъ, — съ твердѣйшимъ удареніемъ на букву *г* произошло это имя — и Клеренсъ, котораго видимо протрезвляли цѣлые сутки — вѣдь это все было уже давно, очень давно, во времена патріархальныя — и леди Анна такая, что лучше фигуры нельзя было бы желать для жены Гоголевскаго портнаго въ Шинели... И изъ за всего этого вырисовывается мрачная, зловѣщая фигура хромаго демона съ судорожными движеніями, съ огненными глазами.... Полиняло-бланжевый костюмъ исчезаетъ, мажорослая фигура растетъ въ исполнскій образъ какого-то змѣя, удава. Именно змѣя: онъ какъ змѣй-прельститель становился хоромъ съ Леди

Анною, онъ магнетизировалъ ее своимъ фосфорически ослѣпительнымъ взглядомъ и мелодическими тонами своего голоса....

Боже мой, что это былъ за голосъ, перебилъ я невольно.... Въ самой мелодичности было что-то энергическое, мужское: не было никогда противной, аффектированно-дѣтской сентиментальности, которая такъ несносна въ разныхъ *jeunes premiers*, не было даже и юношескаго.... Нѣтъ, это была мелодичность тоновъ все-таки густыхъ, тоновъ груднаго тенора, потрясающихъ своей вибраціей.... Ну какъ же вы, Иванъ Ивановичъ, послѣ этого сердитесь на меня, что я не бѣгу смотрѣть какъ угорьный на вашего Сальвини? То, что мы видали съ вами — неповторяемо.

А въ самомъ дѣлѣ, проговорилъ Иванъ Ивановичъ своимъ обычнымъ задумчивымъ тономъ — какія условія долженъ соединять въ себѣ трагикъ для того, чтобы можно было вѣрить въ трагизмъ!...

Разговоръ завлекъ насъ обоихъ такъ, что мы дошли ужъ до Понте della trinita и только тутъ замѣтили, что взяли самую дальнюю дорогу.

Иванъ Ивановичъ вынулъ опять часы, посмотрѣлъ на нихъ съ добродушнѣйшею ироніею, раскрылъ и взглянувши сказалъ: Эхъ! не опоздать бы!

А вы все-таки хотите? спросилъ я.

Да ужъ нельзя же, отвѣчалъ онъ.

Ну, такъ и быть — и я съ вами.

Мы опять пошли по направленію къ piazza del gran Duca.

Шли мы опять такъ же тихо и опять такъ же мало заботясь о томъ, что выбрали самую дальнюю дорогу къ театру Коккомеру.... Надобно вамъ сказать, что мы съ Иваномъ Ивановичемъ всѣ итальянскія названія площадей, улицъ, церквей и проч. склоняли по-русски: такъ Trinita склонялось у насъ Тринита, Триниты, Тринитѣ, Тринитою, о Тринитѣ — Иванъ Ивановичъ импровизировалъ даже разъ въ альбомѣ одной изъ милѣйшихъ соотечественницъ стихотвореніе, начинавшееся:

Когда пройду, я бывало *Гибеллину*

И выбравшись на площадь *Триниту*.

И такъ мы пошли къ театру del Cocomero, спѣша медленно и продолжая прерванный разговоръ.

Вы говорите — условія! началъ я.... Да вотъ что — и я остановился идти и остановилъ Ивана Ивановича за металлическую пуговицу его бархатнаго питжака.... Истинный трагикъ

такая же рѣдкость, какъ бѣлый негръ. Право.... Физиономія у трагика должна быть особенная, голосъ особенный и, *par dessus le marché* — душа особенная.

Но именно *par dessus le marché*, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ. Одной души трагической мало: надобно, чтобъ средства у нея были выразить себя....

А что такое трагическая душа, Иванъ Ивановичъ?

Богъ ее знаетъ, что она такое — отвѣчалъ онъ. Можетъ быть именно то, что вы называете вѣяніемъ....

Да — сказалъ я, почувствовавши себя на своей почвѣ.... Трагикъ какъ Мочаловъ есть именно какое-то вѣяніе, какое-то бурное дыханіе. Онъ былъ цѣлая эпоха — и стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ драматурговъ, которые для него писали роли. Онъ умѣлъ создавать высокопоэтическія лица изъ самаго жалкаго хлама: что ему ни давали, онъ — разумѣется, если былъ въ духѣ — на все налагалъ свою печать, печать внутренняго, душевнаго трагизма, печать романтическаго, обаятельнаго и всегда — зловѣщаго. Онъ не умѣлъ играть рыцарей доброты и великодушія.... Пошлый Мейнау Коцебу выросалъ у него въ лице, полное почти Байронской меланхоліи, той *mélancolie ardente*, которую надобно отличать отъ меланхоліи, переводимой на языкъ хохлацкаго жарта мехлюдіей....

А изъ Ляпунова-то въ «Скопинѣ Шуйскомъ», что онъ дѣлалъ? съ живостію перебилъ Иванъ Ивановичъ.... Онъ уловилъ единственную поэтическую струю этого дикаго господина — я говорю о Ляпуновѣ драмы, а не о великомъ историческомъ — Прокопѣ Петровичѣ Ляпуновѣ, — онъ поймалъ одну ноту и на ней основалъ свою роль. Эта нота — стихъ:

До смерти мучься.... мучься послѣ смерти!

Ну и вышелепоэтической образъ, о которомъ вѣроятно и не мечталось драмѣ, рассчитывавшей совсѣмъ на другіе эффекты.

То-то и дѣло, — перервалъ въ свою очередь я — Мочаловъ, играя всегда одно *вѣяніе* своей эпохи, бралъ одну *струю* и между тѣмъ игралъ не страсти человѣческія, а лица, съ полною ихъ личною жизнію. Какъ великій инстинктивный художникъ, онъ создавалъ портреты въ своей манерѣ, въ своемъ колоритѣ — и, переходя въ жизнь представляемаго лица, игралъ все-таки собственную душу — т. е. опять таки романтическое вѣяніе эпохи. Коли хотите, можно было критиковать каждое его созданіе — какъ объективное, даже самое лучшее, даже Гамлета. Вѣдь Гамлетъ, котораго онъ намъ давалъ, радикально расходился —

хоть бы напрімѣръ съ Гетевскимъ представленіемъ о Гамлетѣ. Уныло зловѣщее, что есть въ Гамлетѣ — явно пересиливало всё другія стороны характера, въ иныхъ порывахъ вредило даже идеѣ о безсиліи воли, которую мы привыкли соединять съ образомъ Гамлета....

То-то привыкли! — сквозь зубы сказалъ Иванъ Ивановичъ. Помните, у нѣкоторыхъ господъ — разумѣется у мальчишекъ литературныхъ — смѣлость приложенія этой идеи безсилія воли доходила до совершенно-московской хватки, до сопоставленія Гамлета съ Подколеснымъ.... Видѣли вы кстати, какъ разъ играли у насъ Шекспира по комментаріямъ и Гамлета по Гетевскому представленію, доведенному до московской ясности?

Я расхотался какъ съумасшедшій. Память нарисовала передо мной все это безобразіе — и Гамлета, сентиментальнаго до слабоумія, дѣтскаго до приторности, вѣрнаго до мелочности всему тому, что въ Шекспирѣ есть ветошь и тряпки, — до спущеннаго чулка и обнаженной колѣнки — и Офелію, которую доставали нарочно — искали видите чистѣйшей простоты и «непосредственности», — и которая мяукала какіе-то англійскіе народныя мотивы — а главное короля, прелестнаго короля, ходившаго и садившагося по комментаріямъ, толстаго, но съ постной физиономіей, три дня не кормленнаго *Santo-padre*....

Ну вотъ видите, сказалъ Иванъ Ивановичъ, когда я достаточно объяснилъ ему причину своего смѣха.... Вы еще одну прелестную подробность забыли: нѣсколько мальчишекъ, громко разсуждавшихъ въ фойе, о томъ, что въ первый разъ играютъ въ Гамлетѣ челоуѣка, — да положеніе публики, совершенно не знавшей какъ къ этому дѣлу отнестись.... Ну скажите же мнѣ, кто тутъ, въ этомъ до сентиментальности развѣнчанномъ Гамлетѣ, понималъ безсиліе воли и тому подобныя психологическія тонкости.... Да что ужъ Гамлетъ.... Тѣ, которые нерѣдко плакали отъ бывалой Офеліи — талантливой въ сценахъ безумія, хотя отвратительной дурнымъ тономъ до этихъ сценъ безумія, которымъ пѣсни ея были понятны въ музыкѣ инстинктивно-геніальнаго Варламова, — всё эти господа и госпожи находились въ совершенной конфузиі отъ постнаго представленія по комментаріямъ. Мальчишки кричали о невѣжественности публики.... а для кого же, я васъ спрашиваю, театръ существуетъ, какъ не для массы, не для публики?

Разумѣется — отвѣчалъ я — Мочаловъ - то тѣмъ былъ и великъ, что поэзія его созданій была, какъ вѣяніе эпохи, доступна

всѣмъ и каждому — однимъ тоньше, другимъ глубже, но всѣмъ. Эта страшная поэзія закружившая самага трагика, разбиившая Полежаева и нѣсколько другихъ даровитѣйшихъ натуръ, въ томъ числѣ поэта Иеронима Южнаго — эта поэзія имѣла разныя отраженія, въ разныхъ сферахъ общества. Одна изъ глубокихъ чертъ Любима Торцева Островскаго, это то, что онъ жертва Мачаловскаго вліянія: — еще рѣзче нашъ поэтъ выразилъ это въ лицѣ заколоченнаго въ голову до помѣшательства и помѣшавшагося на трагическомъ, Купидони Брускова....

Да-съ.... великій трагикъ есть цѣлая жизнь эпохи, перервалъ Иванъ Ивановичъ. И послѣ этого будутъ говорить, что вліяніе великаго актера мимоетное!

Вы сказали, жизнь.... Не вся жизнь, но жизнь въ ея напряженности, въ ея лихорадкѣ, въ ея, коли хотите — лиризмѣ, Мы были уже между тѣмъ на площади del gran Dusa.

Милостивые государи! Я васъ ничѣмъ не беспокоилъ изъ-за границы — ни разуженіями о вліяніи іезуитовъ и о борьбѣ съ ними Джоберти, — ни благоговѣніемъ къ волосамъ Лукреціи Боржіа, ни Дантомъ — ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ перекладывали изъ старыхъ гробовъ въ новыя множество Медичисовъ и лицомъ къ лицу встрѣтились съ нѣкоторыми изъ нихъ — и ни о чемъ я вамъ не рассказывалъ.... но въ настоящую минуту, только что помянулъ я площадь del gran Dusa — во мнѣ возродилось желаніе страшное сказать о ней нѣсколько словъ, съ полной впрочемъ увѣренностью, что, если вы се не видали, то мой восторгъ отъ нея не будетъ вамъ понятенъ, а если видѣли, то приходили въ восторгъ и безъ меня... А все-таки я даю себѣ волю. Потому что изящнѣе, величавѣй этой площади не найдется нигдѣ — изойдите, какъ говорится, всю вселенную.... потому что другаго Palazzo vecchio—этого удивительнаго сочетанія необычайной легкости съ самою жесткой суровостью, вы тщетно будете искать въ другихъ городахъ Италіи, а стало быть и въ цѣломъ мірѣ. А одинъ ли Palazzo vecchio.... Вонъ на право отъ него — я ставлю васъ на тотъ пунктъ, съ котораго мы съ Иваномъ Ивановичемъ шли въ этотъ вечеръ на площадь — вонъ на право отъ него громадная колоннада *Уффиции*, съ ея великолѣпнымъ заломъ безъ потолка, между двумя частями зданія, съ мраморно-неподвижными ликами великихъ мужей, столь обильной великими мужами Тосканы. Вонъ на право же изящное и опять сурово-изящное твореніе Орканьи — Лоджіа, гдѣ въ дурную погоду соби-

рались нѣкогда старшины флорентійскаго вѣча и гдѣ нынѣ — mutantur tempora — разыгрывается на Святой флорентійская томбола!... Вонъ на лѣво палаццо архитектуры Рафаэля — еще лѣвѣй широкая Кальцайола, Флорентійское Корсо, ведущее къ *Домо*, котораго гигантскій куполъ и прелестнѣйшая, вся въ инкрустаціяхъ, колокольня видѣется издали. А статуи?... Вѣдь эти статуи, выставленные на волю дождей и всякихъ стихій — вы посмотрите на нихъ.... Вся Лоджія Орканьи полна статуями — и между ними зелено-мѣдный Персей Бенвенуто Челлини и похищеніе Сабинокъ.... А вотъ между палаццо Веккіо и Уффиции могучее, хотя не довольно изящное созданіе Микель Анджело, его Давидъ, мечущій пращу, съ тупымъ взглядомъ, съ какою-то бессмысленною, неразумною силою во всемъ положеніи — а вонъ Нептунъ, а вонъ совсѣмъ на лѣво Косма Медичисъ на конѣ, работа Джованни да-Болонья. И во всемъ этомъ такое поразительное единство тона — такой одинаково почтенный, многовѣковъый, серьезный колоритъ разлитъ по всей пьядцѣ, что она представляетъ собою особый міръ, захватывающій васъ подъ свое вліяніе, разумѣется, если вы не путешествуете только для собиранія на мѣстахъ фотографическихъ видовъ и не мечтаете только о томъ, какъ вы будете ихъ показывать по вечерамъ въ семейномъ или даже не семейномъ кружкѣ.... Если вы способны переходить душою въ различные міры, вы часто будете ходить на пьядцу del gran Duca.... Днемъ ли, при яркомъ сіяніи солнца, ночью ли, когда мѣсячный свѣтъ сообщаетъ яркую бѣлизну нѣсколько *потемнѣвшимъ* статуямъ Лоджіи и освѣщаетъ какъ-то фантастически перспективу колонадъ Уффиции.... вы всегда будете поражены цѣлостью, единствомъ, даже замкнутостью этого особеннаго міра, — и когда вы увидите эту дивную пьядцу — чего я вамъ искренно, душевно желаю, въ интересахъ расширенія симпатій вашей души — вы поймете, почему я перервалъ всѣ разсужденія страницей объ одномъ изъ изящнѣйшихъ созданій великой многовѣковой жизни и человѣческаго генія.

Даже и въ этотъ разъ, мы съ Иваномъ Ивановичемъ, по нѣскольку разъ въ день видѣвшіе пьядцу, не могли удержаться отъ того, чтобы не замѣтить эффекта освѣщенія ея вечернимъ свѣтомъ. Замѣтилъ впрочемъ это не я, а онъ, потому что двѣ недѣли его не было во Флоренціи и стало быть его чувство зрѣнія было менѣе притуплено обычными пунктами.

Замѣчали ли вы, что если разговоръ двухъ лицъ прерванъ ка-

кимъ нибудь малоинтереснымъ вмѣшательствомъ третьяго ближняго, его возобновить еще можно, даже иногда довольно легко — душевный строй вашъ остался послѣ такимъ же, какимъ былъ до удара по немъ обухомъ любезнаго ближняго — ибо струны этого страннаго инструмента, называемаго человѣческой душою, чрезвычайно упруги; — но если разговоръ вашъ преуспѣвалъ душевнымъ впечатлѣніемъ, если на струны, необычайно чуткія, подѣйствовала струя инаго воздуха, то надобно быть нѣмцемъ, чтобы опять выкапывать со дна души старое впечатлѣніе, надобно положительно не вѣрить въ жизнь и ея намятія, а вѣрить только въ поставленный вопросъ и въ теорію, изъ *онаго* развивающуюся, — надобно имѣть душу-книжку.

Имѣть душу-книжку есть великое благо.... для науки и, спіэнтифическихъ споровъ, но знаете ли, что есть еще большее благо: имѣть душу коммодъ, со множествомъ ящичковъ, изъ которыхъ въ одинъ кладутся старыя тряпки, въ другой кухонные припасы, въ третій то, въ четвертый другое и наконецъ тамъ въ десятый, одинадцатый возвышенныя впечатлѣнія. Все это по востребованію вынимается, потомъ въ случаѣ нужды опять кладется на мѣсто и замѣняется другимъ. Я встрѣчалъ много такихъ душъ, какъ мужскихъ, такъ и дамскихъ. Послѣднія въ особенности чрезвычайно милы, когда устроены коммодами: *c'est très commode* — пошлый каламбуръ, коли хотите, но это въ самомъ дѣлѣ удобно и главное дѣло — душа-коммодъ ни къ чему не обязывается, потому что все въ ней совмѣстимо.

Такъ какъ ни я, ни мой безалабернѣйшій изъ смертныхъ пріятель — не имѣли счастья при рожденіи быть награждены душою-книжкой или душою-коммодомъ, то мы до самаго Кокомера — не пытались продолжать прерваннаго новыми впечатлѣніями.... Вечеръ былъ такъ хорошъ, Кальцойола такъ кипѣла жизнью, контраптовыя ноты груди итальянскихъ женщинъ, звучали такъ полно, попавшаяся намъ синьора Джузеппина, которую мы прозвали «золотою», послѣ поѣздки на церемонію въ Прато, ибо въ самомъ дѣлѣ безъ ея предводительства и наивно-дерзкой расторопности, мы ничего бы тамъ не увидали и въ добавокъ, не попавши на желѣзную дорогу — принуждены были бы ночевать можетъ быть *sur le pavé du bon Dieu*, — синьора Джузеппина такъ обольстительно завязала слегка шею легкой, ярко-красной шелковой косынкой, отъ чего ея черные огненные глаза получили еще болѣе пламенный отливъ.... что мы забыли обо всемъ, кромѣ полногласной, полногрудной, яркой, пе-

строй и простодушной жизни, насъ окружавшей. Мы дышали всѣми порами, мы впили въ себя эти чистыя, еще свѣжія, но уже сладострасно-упонительныя, густыя какъ влага настоящаго Орвиетто струи весенняго воздуха — мы шли отдаваясь какому то страннымъ снать, мѣняясь изрѣдка замѣчаніями на счетъ физиономій попадавшихся намъ женщинъ — и такъ достигли до площади собора, до piazza del Duomo.... Читатель или читательница.... вы уже блѣднѣете — не бойтесь: на сей разъ вамъ не грозитъ никакой опасности. Мы пройдемъ съ вами мимо Duomo, какъ прошли мимо, не обративши даже на него вниманія съ Иваномъ Ивановичемъ....

Миновавши café piccolo Helvetico — Иванъ Ивановичъ замѣтилъ только: что жъ? опять сюда зайдемъ послѣ театра.

Иванъ Ивановичъ!... сказалъ я тономъ упрека. И слово *опять*, употребленное Иваномъ Ивановичемъ и мой тонъ *упрека* объяснятся впоследствии.

Огромный *жестъ* былъ уже у театра Кокомеро когда мы подошли къ нему. Стало быть — надобно было lasciar ogni spenganza заплатить только *интрату* и найти хорошее мѣстечко въ партерѣ. Пришлось брать posto distinto. Надобно вамъ сказать — если вы этого не знаете, а впрочемъ, если и знаете, то не бѣда — что во Флоренціи платится въ театры за входъ, платится интрата. Если вы хотите имѣть нумерованное мѣсто въ первыхъ рядахъ, такъ называемое posto distinto — вы платите за него особенно. Никто почти, кромѣ особенныхъ, высокосторжественныхъ случаевъ, не беретъ этихъ отдѣльныхъ мѣсть. Берутъ, разумѣется, англичане, да нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ — да и то изъ послѣднихъ немногіе, ибо нашъ ужь, ежели раскутится, то беретъ ложу «одинъ въ четырехъ каретахъ поѣдетъ». На этотъ разъ, мы едва однако нашли и posti distinti. По всему видно было, что представление — высокосторжественное. Когда я съ трудомъ досталъ афишу — афишъ тамъ собственно и нѣтъ въ смыслѣ нашихъ и нѣмецкихъ, а есть огромными буквами напечатанныя театральныя объявленія, у меня невольный знобъ пробѣжалъ по составу. На афишѣ стояло: Otello, il moro di Venezia, tragedia di Guglielmo SK (sic!) akspearo — tradotta è ridotta per la scena da Cagnano....

Отелло! Шекспировскій Отелло! Отелло какъ бы онъ ни былъ tradotto è ridotto!

Театръ былъ биткомъ набитъ и притомъ набитъ не той

массой, которая обыкновенно наполняетъ «Церголу» или другіе оперные театры, которой совершенно все равно, чтобы ни представляли — ибо въ то время какъ примадонна поетъ свою лучшую арію, большая часть публики дѣлаетъ по ложа́мъ визиты своимъ знакомымъ. Въ театрѣ Кокомо — чисто-драматическомъ, пьесы не даются по нѣскольку недѣль сряду и на него не смотрятъ какъ на залу какаго нибудь Казино — притомъ же въ немъ и меньше откупныхъ ложъ, стало быть и меньше обычныхъ посѣтителей. Публика, наполнявшая его въ этотъ вечеръ, представляла смѣсь публики Церголовской съ тою живою, подвижною, волнующеюся массою, которую найдете вы во время карнавальнаго сезона во всѣхъ маленькихъ театрахъ, которая жарко и не чинясь сочувствуетъ успѣхамъ или плутнямъ своего *Стинтере.и.о.*, негодуетъ на артистовъ, представляющихъ его враговъ и преслѣдуетъ ихъ часто криками *o! scelerato...* Я обрадовался этой публикѣ, волновавшейся и жужжавшей какъ рой пчелъ и сядя на свое *posto distinto*, замѣтилъ о ея присутствіи Ивану Ивановичу.... До начала представленія оставалось еще четверть часа — и такъ какъ ложи Бенуара и бельэтажа по общепринятому въ большомъ свѣтѣ всѣхъ странъ порядку, наполняются только въ началѣ представленія — да и вообще-то эти два ряда ложъ перестали уже насъ съ нимъ интересовать, то мы съ нимъ и стали прислушиваться къ тому громкому и рѣзкому жужжанію, которое неумолкая раздавалось позади. Объ этомъ жужжаніи не можно составить себѣ и понятія, не бывши въ Италіи. Въ выраженіи чувствованій, даже самыхъ домашнихъ никто тутъ не церемонится. Говоръ въ театрахъ, особенно до начала представленія гораздо живѣе, чѣмъ въ кофейняхъ. Оно и понятно почему. Публика, платящая только *мтрату*, забирается пораньше большею частью цѣлыми компаніями, запасаящимся возами апельсиновъ, сушеныхъ фигъ, миндаля и грецкихъ орѣховъ. О милая простодушная и энергическая масса! какъ мы съ Иваномъ Ивановичемъ полюбили ее въ карнавальнѣй сезонъ, полюбили все въ ней отъ рѣзкихъ, нѣскольکو декорационныхъ очертаній ея фізіономій и картинной закладки итальянскаго плащика до ея простодушной грубости въ отношеніяхъ — грубости, въ которой право затаено больше взаимнаго уваженія людей другъ къ другу, чѣмъ въ гладкости Французовъ и чинной приторности Нѣмцевъ: — я говорю это на счетъ театральнаго массы и при томъ партерной. Она своимъ простодушіемъ напоминала намъ нашу массу райка — какъ и во-

обще многія черты типическаго, не стертаго итальянскаго характера напоминали намъ иногда черты славянскія.... Мы только выдержаннѣе или задержаннѣе, потому на видъ суровѣе, но внутренне мы страстны какъ южное племя: страстность наша не выдѣлалась въ типы, въ картинность движеній и опредѣленность порывовъ—и намъ же конечно отъ этого лучше:—передъ нами много впереди!...

Объ этомъ мы прежде уже успѣли наговориться вдоволь съ Иваномъ Ивановичемъ и потому въ эту минуту молчали, прислушиваясь только къ общему жужжанію — вслѣдствіе чего оно въ ближайшихъ позади насъ рядахъ, все болѣе и болѣе переходило для насъ въ явственный говоръ.... Женскіе голоса особенно сильно звенѣли въ этомъ говорѣ грудными нотами или ворковали тѣми горловыми звуками, которые даны только Итальянкамъ и Цыганкамъ.... Иванъ Ивановичъ не утерпѣлъ однако чтобы въ десятый можетъ быть разъ не указать мнѣ на дѣйствительно поразительное сходство женщинъ этихъ двухъ различныхъ племенъ. Для него, четверть жизни проведеннаго съ цыганскими хорами, знавшаго ихъ всѣ, отъ знаменитыхъ до хорова Марьиной роци и до дикихъ таборовъ, кочующихъ иногда около Москвы за Серпуховскою заставою, нарочно выучившагося говорить по цыгански до того, что онъ могъ безопасно ходить въ эти таборы и быть тамъ принимаемымъ какъ истинный «Романэ Чаво» — для него это была одна изъ любимыхъ тѣмъ разговоровъ.... Подходили ли мы съ нимъ въ *Уффичи* къ одной изъ картинъ Бассано, изображающей итальянское семейство за ужиномъ — онъ не могъ обойтись безъ того, чтобы не обратить моего вниманія на женщинъ съ мандолинами и въ особенности на дѣйствительно цыганскій типъ лица старухи и при этомъ случаѣ замѣчалъ, что у молодыхъ цыганокъ черты лица тоньше итальянскихъ — чисто декорационныхъ чертъ, теряющихъ много на близкомъ разстояніи — и что только старухи цыганки совсѣмъ похожи на старухъ итальянскихъ.... Бывали ли мы съ нимъ въ одномъ изъ оперныхъ театровъ — онъ доходилъ до того, что начиналъ уже звать труппу Перголы хоромъ Ивана Васильева, труппу Пальяно, хоромъ Петра Соколова, а маленькую труппу Боргоньизанти, гдѣ однако былъ удивительно даровитый и ловкій комикъ баритонъ, да прелестный и свѣжій, хотя еще не вышѣвшійся сопрано молоденькой примадонны — однимъ изъ безвѣстныхъ хоровъ Марьиной роци, откуда вербуются часто контраalto какой либо Стеши или Ма-

пи — козлика.... Сначала, разумѣется, мнѣ странно было слушать его парадоксы, потому я къ нимъ привыкъ и самъ, большой любитель племени Цыганъ и ихъ пѣнія, пересталъ оскорбляться сравненіемъ двухъ расъ съ истинно-прирожденною музыкальностью, хотя можетъ быть и неравною. Онъ и теперь не прочь былъ бы пуститься рыскать по одному изъ любимыхъ полей, тѣмъ болѣе, что домашнія тайны двухъ синьоръ, гдѣтъ уже довольно зрѣлыхъ и разсказъ ихъ о томъ какъ мужъ засталъ синьору Аннунціату съ синьоромъ Винченцо и что изъ сего воспослѣдовало, интересовалъ насъ довольно мало.... но раздался звонокъ къ поднятію занавѣса. Странно, что мы тутъ только замѣтили отсутствіе оркестра и нашу близость къ сценѣ. Какъ то, такъ и другое, намъ чрезвычайно понравилось. Къ Шекспировскому Отелло не шла бы ни Fieга polka, ни даже — да проститъ мнѣ великій итальянскій маэстро! — Россиніевская увертюра къ оперѣ: въ ней не слыжать Яго, какъ не слыжать его въ самой оперѣ. Передъ Шекспиромъ давайте либо Бетховенскую музыку, либо ужъ вовсе никакой не нужно!... По крайней мѣрѣ согласитесь, что ужъ polka Fieга вовсе не шла бы, тѣмъ болѣе, что публика не удержалась бы не подкрикнуть единодушно въ ея серединѣ оркестру — ибо это — polka съ крикомъ, полька ярмарки, какъ показываетъ самое ея названіе.

Занавѣсъ поднимался и къ сожалѣнію съ препятствіями — въ верху зацѣпился за что-то и партерная толпа дружно и навивно хохотала надъ его безплодными усиліями.

Какъ бы, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, — въ былую пору, въ *умозрительную* пору молодости мы съ вами негодовали на этотъ хотеть массы!

А вамъ и онъ нравится? спросилъ я, самъ уже впрочемъ свободный отъ *классическаго* негодованія.

Какъ все живое и простое, отвѣчалъ онъ. Я былъ разъ свидѣтелемъ въ Берлинѣ подобнаго же происшествія — и признаюсь я вамъ, не смотря на всѣ желанія, проникнутъ глубочайшимъ уваженіемъ къ невозмутимой серьезности Нѣмцовъ, приготовлявшихся *проштудировать* Гамлета — не могъ видѣть въ этомъ ничего, кромѣ отсутствія живой комической струи.

Да вѣдь вы сами больше трагикъ, чѣмъ комикъ по душѣ, Иванъ Ивановичъ?

Да вотъ, я трагикъ, какъ вы говорите и между тѣмъ.... но послѣ, т. е. слушайте!...

Прежде чѣмъ слушать, я хотѣлъ однако видѣть.

Декорации были просты, но дѣлалъ ихъ художникъ а не мастеровой, ибо они дышали Венеціей и ни одна черта не нарушала Венеціанскаго впечатлѣнія.... Сначала, слушая разговоръ Яго и Родриго, я желалъ только дознаться — поэтъ или мастеровой возвращалъ Отелло на почву Италіи: какъ только оказалось что поэтъ, т. е. такой человѣкъ, который чувствуетъ и передаетъ типъ лица, то я на этотъ счетъ совершенно успокоился....

Актеръ, игравшій Яго, былъ далеко не трагикъ — но съ перваго раза видно было что онъ человѣкъ умный. Ни злодѣйской выступки, ни насупленныхъ бровей.... ничего подобнаго. Это былъ просто человѣкъ лѣтъ тридцати, продувная итальянская бестія, съ постоянно юмористическимъ отгѣнкомъ въ обращеніи съ Родриго — этимъ загулявшимъ совсѣмъ синьоромъ, — готовый самъ загуливать съ нимъ, только конечно не на собственнй счетъ, шатавшійся съ нимъ по всѣмъ возможнымъ albergo, trattoriaмъ и темнымъ кьяссо, — an Ruffian — какъ зоветъ его Брабанціо. Когда онъ заговорилъ о мстительномъ чувствѣ своемъ къ Мавру, въ его рѣчахъ послышался самый искренній, но опять-таки нѣсколько не напряженно трагическій тонъ итальянской прирожденной вендетты — и это нѣсколько меня смутило. Когда-то я былъ убѣжденъ и даже писалъ о томъ, что у Яго нѣтъ *личнаго* мщенія къ Отелло, что поводы его мстить основаны съ одной стороны на дѣлѣ ничтожномъ, на повышеніи передъ нимъ Кассіо, да на подозрѣніи — чисто имъ самимъ выдуманномъ на счетъ того, что Мавръ осквернилъ его супружеское ложе, что Яго ненавидитъ Мавра инстинктивно, непосредственно, какъ все мелочное и низкое ненавидитъ все широкое и великое, что въ Яго есть начало змѣи, ехидны. Когда разъ я говорилъ объ этомъ съ Иваномъ Ивановичемъ, онъ расхохотался и назвалъ мою мысль нѣмецкимъ умозрѣніемъ и вдобавокъ еще оскорбленіемъ Шекспира, который ищетъ всегда для зла пружинъ, чисто человѣческихъ, а не демонскихъ — въ Ричардѣ уродства и безобразія соединенныхъ съ ужасною энергіею души: въ Макбетѣ величія, по истинѣ достойнаго перваго мѣста съ слабостью души, не могущей устоять противъ самолюбія и противъ внушеній жены, — въ Яго мельчайшей *чиновничьей* раздражительности, соединенной съ громаднымъ своей плутоватостью умомъ, сознающимъ свое превосходство въ дѣлѣ мошенничества, до артистическаго имъ воспи-

щенія... И вотъ итальянскій актеръ, не Богъ знаетъ какъ даровитый, но очень умный и играющій искренне какъ итальянецъ — выполнялъ передо мною не моего, а скорѣе Иванъ Ивановича Яго.... Представленіе становилось поучительнымъ. Оно и не могло быть впрочемъ иначе. Отелло возвращался на почву съ которой былъ взятъ, на ту грубую можетъ быть почву, но во всякомъ случаѣ коренную его почву, на которой выросъ его Giraldi Cintio въ своей новеллѣ *del capitano Moro chi prende per Mogliera una cittadina Venetiana et caet.* Яго рося не какъ трагикъ, а какъ умный актеръ съ каждымъ шагомъ въ разговорѣ съ Родриго. — умѣлъ ловко и жизненно выставить всѣ итальянскія стороны характера. Сцена съ Брабанціо — старикомъ, который только что сорвался какъ будто со стѣнъ галлерей портретовъ праотцевъ владѣльца одного изъ Итальянскихъ палаццо, прошла такъ же благополучно, т. е. въ нее можно было повѣрить какъ въ настоящее, совершившееся событіе....

Но вотъ перемена декораціи — и показался самъ Отелло. Громъ рукоплесканій привѣтствовалъ трагика.... Флоренція уже знала его — но еслибъ и не знала, то есть такія наружности и такіе *входы*, при которыхъ рукоплесканія совершенно понятны. Изящнѣе, величавѣе и стройнѣе наружности я еще не видывалъ — это было нѣчто среднее между исполнскимъ ростомъ Каратыгина и очень среднимъ Мочалова — на гриммированной по условіямъ роли физиономіи, ярко сверкали огненные глаза — и кромѣ того это была не безобразная физиономія Хамита — негра, а открытая благородно-спокойная и, не смотря на зрѣлый возрастъ, прекрасная, хотя бронзовая физиономія Симиита-Мавра. Въ поступи, въ движеніяхъ видна была исполненная сознанія достоинства простоты сына степей, соединенное съ образованностью средневѣковаго итальянскаго генерала. Костюмъ его былъ великолѣпенъ; — яркіе цвѣта Востока играли въ немъ значительную роль, но между тѣмъ это былъ не турокъ, не арабъ, а венеціанецъ, сохранившій только нѣкоторыя изъ привычекъ востока, въ манерѣ *одѣваться*.... Все это условія весьма важныя, ибо все это поясняетъ магическое обаяніе, которое произвелъ онъ на Дездемону.

Покажѣсть, только еще и можно было сказать о трагикѣ — да можетъ быть и хорошо было то, что только еще и сказать было можно. Такъ уже надоѣли мнѣ разные Отелло, появляющіеся съ громомъ и трескомъ, что на меня довольно сильно подѣйствовала простота Сальвини.... Въ разговорѣ его съ Яго,

съ Кассіо — было такое отсутствіе желанія напрашиваться на рукоплесканія, а въ разговорѣ съ Брабанціо, такая почтительная и достойнаго зрѣлаго человѣка вѣжливость къ оскорбленному имъ старику, — что цивилизованный уже Мавръ и многоиспытанный вождь являлся въ немъ очевидно и ярко...

Но вотъ и зала Сената, вотъ и почтенный старецъ, дожъ Венеціи, — все это настоящее, какъ зала сената, все это костюмированное сообразно эпохѣ, говорящее важно, степенно, но по человѣчески, двигающееся по сценѣ совершенно свободно и знающее свое мѣсто. А между тѣмъ, — никакой особенно роскошной обстановки тутъ не было — да и откуда бы очень небогатый театрикъ Кокомеро взялъ роскошную обстановку? были тутъ только итальянское художественное чутье, да итальянская почва. Однаго только не могъ я никакъ понять: какой добрый духъ внушилъ итальянцамъ играть Шекспира, такъ просто, имъ, ломающимъ трагедіи въ пьесахъ Альфьери — не могущимъ напечатать аффишки, безъ штуки въ родѣ *tragedia del immortale Alfieri*, или *comedia del immortale Goldoni*, не могущимъ продать зубнаго эликсира, безъ пластическихъ размахиваній руками и необузданнаго потока напыщенныхъ рѣчей?... Да — какой-то добрый духъ вмѣшивался видимо въ представленіе Отелло.... Только Дездемона не соотвѣтствовала Шекспировскому идеалу, потому что была чистая, кровная итальянка средней и южной Италіи, а не рыжая, или бѣлокурая венеціанка — она была слишкомъ пластична, слишкомъ рельефна, а не легка, граціозна и прозрачна, какъ всѣ Шекспировскія женщины, кромѣ Джульеты и безъ исключенія нервной и разбиваемой преступленіемъ Леди Макбетъ. Самый тонъ ея звучалъ излишнею страстностью и густотою контральтовыхъ нотъ, а въѣдъ Шекспиръ ясно говоритъ объ одномъ изъ своихъ поэтическихъ идеаловъ:

Голосъ

У ней былъ нѣжный, тихій и пріятный

— Вещь въ женщинѣ прелестная.

Нѣтъ-нѣтъ — какая была это Дездемона, «ліана обвившаяся около мощнаго дуба», (слова поэта, о другомъ его идеалѣ, который онъ поставилъ въ комичнѣе положеніе обвиваться плющемъ или ліаною вокругъ ослиной шеи). Въ такой энергической и итальянски-прямой передъ сенатомъ женщинѣ — во все не понятны ни ея послѣдующее легкомысліе чистоты, ни ея кошачьи пристаиванья къ Отелло — ни то сѣверно-меланхоличе-

ское, чѣмъ окруженъ ея образъ въ сценѣ пѣсни объ ивѣ и въ сценѣ смерти.

Я однако съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать знаменитаго объясненія передъ сенатомъ. Вотъ выступилъ и Отелло: странно—но онъ не произвелъ тутъ на меня впечатлѣнія — не смотря на всѣ удивительныя, то мелодическія, то металическія звуки его голоса.... Мнѣ все казалось и доселѣ еще я думаю, казалось вѣрно, — что *такъ* можно и пожалуй должно читать октавы Тасса, но не эту задушевную исповѣдь, представляющую собою одинъ изъ вѣнцовъ Шекспировскаго драматическаго лиризма, исповѣдь, въ которой все правда — и простота тона и обиліе восточныхъ метафоръ. Одно было хорошо, что Сальвини тутъ не ярился, какъ ярятыя другіе Отелло.... И мнѣ опять припомнилось одно изъ удачныхъ представленій Мочаловскихъ, въ которомъ именно эта исповѣдь высказалась такими глубоко-вѣрными тонами, послѣ которыхъ никакія другія не вообразимы — хоть правду сказать, бывали другія представленія, когда и нашъ великій трагикъ фальшивилъ въ ней ужасно....

Но не только уже мало впечатлѣнія, а впечатлѣніе дурное произвела на меня сцена съ Дездемоною, передъ уходомъ. Завучали какія то приторныя, слишкомъ юношескія ноты....

Я сталъ внимательно прислушиваться и приглядываться къ заключительной сценѣ Яго съ Родриго. Яго велъ ее очень умно — мастерски скрылъ даже рѣзкости Шекспировской формы—безпрестанное упоминаніе кошелька, игралъ отлично въ итальянски-трагирномъ тонѣ, — который, между прочимъ, очень близокъ къ нашему, ловко и съ *подходцемъ* издѣвался надъ Родриго: но вѣдь этого мало — тутъ у Яго есть заключительный монологъ!... Пусть и правъ Иванъ Ивановичъ, пусть мстительность и зависть составляютъ пружины дѣйствій Яго, — но онъ способенъ быть *артистомъ* зла, способенъ любоваться своей адскою расчетливостью, своимъ критическимъ предвѣденіемъ; тутъ уже не просто мошенникъ, а софистъ, который порѣшилъ для себя всѣ сомнѣнія и колебанія, окончательно отдался злему началу. Тутъ уже нуженъ трагикъ....

Актъ кончился. Мы съ Иваномъ Ивановичемъ молча вышли изъ *posti distinti* и молча же пошли въ театральную кофейню, сальнѣе и грязнѣе которой едвали найдется гдѣ либо другая въ цѣломъ мірѣ, исключая опять-таки Флоренцію, — ибо кофейня театра Боргоньиссанти еще краше этой.

Сохраняя то же молчаніе, Иванъ Ивановичъ подошелъ къ бу-

фету, — *вонзилъ* въ себя (я вообще желаю сохранить для потомства многія его выраженія) рюмку коньяку, — *застынулъ* оную апельсинамъ, выбросилъ *навсгъ* (т. е. паоло) и оборотился ко мнѣ.

Вы говорили мнѣ, началъ онъ, продолжая ѣсть апельсинъ, — что я трагикъ. Пожалуй такъ — но я трагикъ такого сорта, что пониманіе трагическаго у меня идетъ объ руку съ пониманіемъ комическаго. Мнѣ смѣшны тѣ люди, которые восторгаются Рафаэлемъ и не понимаютъ Фламандцевъ: по моему они и Рафаэля-то не понимаютъ.... А трагизмъ ходульный мнѣ смѣшнѣе, чѣмъ кому либо другому — вы это знаете.... Да! да! продолжалъ онъ съ жаромъ — много нужно трагику для того, чтобы можно было повѣрить въ трагизмъ.

Одинъ актеръ, мой пріятель, началъ я, — большой мастеръ на рассказы, удивительно представляетъ провинціального трагика. Его рассказъ — этотъ рассказъ я слышалъ передъ самымъ отъѣздомъ за границу и онъ уцѣлѣлъ у меня въ памяти, вмѣстѣ съ послѣднею сходкою множества разѣзжавшихся въ разныя стороны друзей.....

Господи! вы и говорить наконецъ привыкаете такими же несносно-длинными періодами, какими иногда пишете — перебилъ съ нетерпѣніемъ Иванъ Ивановичъ.... Ну-съ... его рассказъ — вѣдь въ немъ дѣло, а не въ вашихъ пріятеляхъ.... Но постоите.... я пройдуъ еще по *коньячиллѣ*.

Иванъ Ивановичъ! началъ было я съ упрекомъ, но видя, что онъ уже свое дѣло кончилъ мгновенно, я ограничился только замѣчаніемъ на счетъ того, что онъ зараженъ въ выраженіяхъ топомъ Яго и Родриго.

Рассказъ его, продолжалъ я за тѣмъ, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Не могу вамъ передать всего комизма его, ибо много комизма пропадетъ за отсутствіемъ мимики и интонацій. Пріятель мой отлично представлялъ какъ трагикъ, — Ляпуновъ, рычавшій нестерпиво въ четвертомъ актѣ Скопина Шуйскаго, рычитъ еще и по закрытіи занавѣса, рычитъ въ уборной, рычитъ когда его вызываетъ бѣснующаяся публика и т. д. — какъ онъ потомъ напивается у содержателя, ругаетъ его, недовольный имъ за его несправедливости и подлости — ибо трагики безъ негодованія на несправедливости и подлости существовать не могутъ — и подъ конецъ, въ злобѣ на невѣрность первой трагической артистки — скусьиваетъ ей носъ на прощанье.... Всѣ мы хохотали до судорогъ, но мнѣ все

приходила въ голову мысль, — что вѣдь это только комическое представление чертъ, которыя существуютъ и — можетъ быть должны существовать въ истинномъ, великомъ трагикѣ; мнѣ приходилъ въ голову великій трагикъ, котораго я зналъ лично... Какъ вы думаете, *спросить ли и въ какой степени вѣрить трагикъ въ представляемыя имъ душевныя движенія?*...

Ну это длинный вопросъ.... пойдете, пора — сказалъ Иванъ Ивановичъ.... Должно быть начинаютъ, видите, никого не осталось въ кофейной....

А что жъ Сальвини, спросилъ я не уходя.

Ничего: посмотримъ! отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.... Мнѣ что то доброе сдается.

И мнѣ, сказалъ я.

Въ задній планъ сцены уже колотили что есть мочи чурбанами, что обозначало пальбу изъ пушекъ, когда мы вошли—значитъ прибыли корабли въ Кипръ. Садясь, мы застали уже на сценѣ Кассио, Монтано и прочихъ. Потомъ, какъ слѣдуетъ, явились Яго и Дездемона — и кстати, знаете ли что это имя произносится Итальянцами не Дездемона, какъ мы произносимъ и какъ выходитъ по складу стиха у самаго отца ея, а Дездемона?— Половина остротъ и кунлетовъ Яго была выброшена — да я объ нихъ и не жалѣлъ — ихъ надо или передавать съ солью, понятной для современной публики, или лучше вовсе выбрасывать. Явился Отелло и я былъ опять пораженъ его наружностью и новой костюмровкой, — уже совсѣмъ вопиющей, но опять изящной безъ изысканности. Нѣсколько словъ къ Дездемонѣ были сказаны такъ душевно и такъ мелодически, звучали такою пламенной страстью, что все вмѣстѣ оправдывало увлечение молодой Венеціанки пятидесятилѣтнимъ сыномъ степей, бурь и битвъ.... Онъ былъ чудно хорошъ съ своимъ коричневымъ лицомъ, съ высокимъ, изрытымъ морщинами челомъ подъ чалмою, обвинявшей блестящей стальной шлемъ, съ своими пламенными глазами, въ бѣломъ плащѣ, изъ подъ котораго сверкали латы.... Толпа снова встрѣтила его взрывомъ — и въ самомъ дѣлѣ такъ просто — величаво умѣть входить только онъ.... *Vogrei amarg lo un gioigno è poi morir!*... говорила мнѣ потомъ синьора Джузеппина.

Дальнѣйшія сцены по уходѣ его до вторичнаго его появленія шли гладко и не оскорбляли ничѣмъ фальшивымъ — хотя Яго началъ все болѣе и болѣе оказываться несостоятельнымъ въ нихъ какъ трагикъ — да и признаться, я видѣлъ только

одного *состоятельнаго* Я:о, именно М** (я не хочу льстить никому изъ живыхъ нашихъ), когда онъ игралъ съ покойнымъ К**ну да М** играетъ и Гамлета, играетъ *не парочно а заправду!* Я помню зловѣщее, мрачное, злорадостное выраженіе лица его и всей фигуры, когда онъ напаиваетъ Кассіо и поетъ пѣсню о *серебряной чарочкѣ*... За то цѣлость всего была болѣе, чѣмъ удовлетворительна и вся исторія походила на жизнь а не на театральное позорище — а вѣдь великое дѣло цѣлость: безъ цѣлости исчезала для массы и игра, хоть бы помянутаго мною М**; безъ *цѣлости* обстановки могъ играть только Мочаловъ и вообще могутъ играть только гении первой величины... Съ ними какъ то все забывается, всякое безобразіе исчезаетъ — и я помню что никому не было смѣшно когда великая Паста пѣла по Итальянски, а хоры отвѣтствоваги ей по Русски:

Здравствуй здравствуй о царица,
Здравствуй, здравствуй красная!...

Въ представленіи, которое я описываю — все шло очень живо, благодаря художественной натурѣ итальянцевъ и какому-то доброму гению, внушившему актерамъ играть Шекспира, какъ они играютъ своего *immortale Goldoni*. Самая драка Монтано съ Кассіо вышла отлично, вышла такъ, что могла разбудить Отелло, вырвать его изъ объятій его обожаемой Дездемоны.

Явился *самъ* — и это появленіе *самаго*, дѣйствительно могло заставить *прильпнуть языкъ къ гортани*. Вы знаете, что не много рѣчивъ тутъ Отелло, но немногія рѣчи его были по истиннѣ грозны, — а лучше-то всего что и появленіе и рѣчи вовсе не рассчитывали на эффектъ. Старый Венеціанскій генералъ *задалъ страху* своимъ подчиненнымъ и только, — но всѣ повѣрили тому, что онъ задалъ имъ страху. И вновь мелодически-страстные тоны, но въ которыхъ звучало еще не стихшее раздраженіе, раздались при появленіи Дездемоны... Я увѣрился, что всего этого нельзя было *сдѣлать*, что это рождено вдохновеніемъ — что сей господинъ играетъ, по удачному выраженію Писемскаго — *нервами, а не кровью*. — Иванъ Ивановичъ взялъ меня подъ руку по концѣ втораго акта (что означало у него особенное, лирическое расположеніе) и мы опять направились въ кофейню.

Ну-съ!... сказалъ онъ, поглядѣвши на меня съ торжествомъ.

Да-съ! отвѣчалъ я ему, не употребивши даже обычнаго между нами присловья, что *Nuss* по нѣмецки значитъ орѣхъ.

Этимъ разговоромъ мы и ограничились... Иванъ Ивановичъ

выпилъ еще одну рюмку коньяку, на что я смотрѣлъ съ горькимъ чувствомъ неудовольствія — ибо зналъ по многократнымъ опытамъ, что подобная быстрота дѣятельности весьма на долго не предвѣщала ничего хорошаго; — впрочемъ не приступалъ къ нему съ совѣтами и укорами, по причинѣ ихъ совершенной и по опытамъ же дознанной бесполезности. Зная притомъ, что онъ *огасалъ* — какъ онъ выражался — очень не скоро, я на счетъ сегоднешняго вечера оставался покоенъ. Его *заулы* длились обыкновенно по цѣлымъ недѣлямъ, но только къ концу ихъ приходилъ онъ въ то нервическое состояніе, въ которомъ человѣкъ бываетъ способенъ видѣть существа иного міра, большею частію въ образѣ зеленого змѣя, или маленькихъ дразнящихъ языками бѣсенятъ.... Въ первыя же поры онъ доходилъ только до трагизма, до мрачной хандры, чтенія стиховъ изъ Лермонтовскаго маскарада и безсвязныхъ, но ядовитыхъ воспоминаній.

Мы вышли изъ кофейной скоро — третій актъ еще не начинался, а такъ какъ въ залѣ театра было душно, — то мы прошли еще по корридорамъ, все такъ же впрочемъ молча.

Вотъ тутъ-то и встрѣтилъ я *золотую* и милѣйшую синьору Джузеппину. Глаза у нея рѣшительно разгорѣлись — узелъ красной косынки на ея смуглой, но совершенно — античной шеѣ переѣхалъ какъ-то на бокъ, густая труба лѣваго локона находилась въ ближайшемъ разстояніи отъ глаза, тогда какъ правая сохраняла законную близость къ уху. Она была истинно прекрасна въ эту минуту — и хотя шла объ руку съ двумя другими синьорами, но бросила одну изъ нихъ и энергически схватила мою руку.

L'avete gia veduto, signor A.... спросила меня она, сверкнувши взглядомъ. Я отвѣчалъ, что еще нѣтъ, что вижу въ первый разъ — но что понимаю ея восторгъ.

Вотъ тутъ-то, стиснувши мнѣ руку и наклонившись ко мнѣ, чтобъ не слыжалъ Иванъ Иваносичъ, котораго она мало знала — и сказала она мнѣ сладострастнымъ шопотомъ: О! — любить его хоть день и потомъ умереть.... Фраза, коли хотите, совсѣмъ оперная, избитая — но потому-то она такъ и избита въ оперныхъ либретто что живетъ въ душѣ итальянской женщины.... Джузеппинѣ нужно было только комунибудь сказаться — и сказавшись, она тотчасъ же меня бросила.

Да и намъ пора было идти.

По обыкновенію, выпущены были первыя сцены третьяго акта — и онъ началъ былъ прямо съ разговора между Деэде-

моной, Эмилией и Кассіо. Отелло вошелъ опять въ новомъ, т. е. домашнемъ костюмѣ и безъ чалмы — такъ что тутъ только можно было вопліѣ оцѣнить всю выразительность физиономіи Сальвини. Да и зачѣмъ Отелло будетъ носить чалму у себя въ комнатахъ?... Ему предстояла тутъ огромная задача: провести въ разговорѣ съ просящей за Кассіо Дездемоной тревожную ноту страннаго чувства, заброшеннаго въ его душу замѣчаніемъ Яго: «это мнѣ не нравится». Обыкновеннымъ нашимъ трагикамъ это очень легко — они *ярятся* съ самаго начала, ибо понимаютъ въ Отелло одну только дикую его сторону. Но Сальвини показавъ въ Отелло человѣка, въ которомъ духъ уже восторжествовалъ надъ кровью, — котораго любовь Дездемоны замприла со всѣми претерпѣнными имъ бѣдствіями.... У него какъ то нервно задрожали лице и губы отъ замѣчанія Яго и только нервное потрясеніе внесъ онъ въ разговоръ съ Дездемоной, — онъ еще не сердился на нее за ея докучное и дѣтское приставанье къ нему, онъ порой отвѣчалъ ей только какъ то механически и было только видно, что замѣчаніе Яго его не покидаетъ ни на минуту.... Но не знаю какъ чувствовали другіе, а по мнѣ пробѣжала холодная струя.... Звуки уже разстроенныхъ душевныхъ струнъ, но не порывистые, а еще тихіе послышались въ восклицаніе «чудное созданіе.... проклятіе душѣ моей, если я не люблю тебя.... а если разлюблю, то снова будетъ хаосъ».... Вся, безрадостно до встрѣчи съ Дездемоной прожитая жизнь, всѣ тѣ чувства, съ которыми утопающій хватается за доску — за единственное спасеніе и все смутное сомнѣніе послышались въ этой нервной дрожи голоса, видѣлись въ этомъ мракомъ скорби подернувшемся лицѣ.... И потомъ въ началѣ страшнаго разговора съ Яго, онъ все ходилъ, сосредоточенный, не возвышая тона голоса и это было ужасно.... Временами только вырывались полувопли.... Когда вошла опять Дездемона, — все еще духъ мучительно торжествовалъ надъ кровью, — все еще хотѣлось бѣдному Мавру удержать руками свой якорь спасенія, впиться въ него зубами если измѣнять руки.... О! только тотъ, кто жилъ и страдалъ, пойметъ эту адскую минуту послѣднихъ, отчаянныхъ, неестественно-напряженныхъ усилій удержать тотъ міръ, въ которомъ душа прожила блаженнѣйшіе сны!... Вѣдь съ вѣрою въ него разстаться тяжело и не скоро разстанешься: даже въ полуразбитой вѣрѣ еще будетъ слышаться глубокая, страстная нѣжность.... Она-то, эта нѣжность, но соединенная съ жалобнымъ, безпредѣльно грустнымъ выраженіемъ

прорвалась въ тихо сказанномъ «Andiamo!» (Пойдемъ) — и отъ этого тихаго слова застонала и заревѣла масса партера, а Иванъ Ивановичъ судорожно сжалъ мою руку. Я взглянулъ на него. Въ лицѣ у него не было ни кровинки....

Онъ, онъ!... Шепнулъ мой пріятель съ лихорадочнымъ выраженіемъ.

Кто онъ?...

Мочаловъ!...

Да это точно былъ онъ, нашъ незамѣнимый, онъ въ самыя блестящія минуты.... Мнѣ сдавалось, что самъ полъ дрожалъ нервически подъ шагами Сальвини, какъ нѣкогда подъ шагами Мочалова.

Мы ждали его снова, слушая впрочемъ Яго и Эмилию.... ибо таково свойство артистической игры что она вводитъ человѣка во всю драму какъ въ нѣчто живое

Когда онъ явился съ словами: «Ah! donna infida... это былъ уже другой человѣкъ. Процессъ совершился въ душѣ.... ядъ вошелъ въ нее.... и что было въ этой сценѣ съ Яго, — какъ отъ стонувъ разбитаго сердца и мрачной сосредоточенности перешелъ онъ къ тому вошлю и прыжку, разъяреннаго тигра, съ которыми душилъ онъ Яго, какъ все успливались и усиливались эти ярые вопли, этотъ звѣриный ревъ — этого словомъ передать нельзя. Все въ театрѣ приковалось взорами къ актеру.... все слѣдило за нимъ жадно, не переводя дыханія.... Онъ мучилъ насъ по всей своей волѣ, не давая отдыху — до той минуты, когда они съ Яго упали на колѣна, произнося клятву. И какъ они упали на колѣни! — Какъ естественно и вмѣстѣ какъ итальянски — художественно!... Всюду была красота страсти и страданія — то идеальное преображеніе, которое, бывало изъ малорослаго Мочалова, дѣлало какой-то гигантскій призракъ.

Послѣ этой сцены можно было актеру *упасть* и онъ все-таки остался бы высокимъ актеромъ — но гениальныя натуры создаютъ роль цѣльно.... И въ сценѣ съ Дездемоной, въ ласканіи ея руки, волшебникъ нашелъ въ своей натурѣ средства терзать сердца зрителей. Что это было такое? на половину человѣкъ, глубоко разбитый, на половину тигръ, притаивающій тщетно свою ярость и раздражающійся наконецъ всѣмъ неистовствомъ въ вопросахъ о платкѣ.... А главное — главное, — что впечатлѣніе не перерывалось, что одна и таже струя пробѣгала по нрѣ въ теченіе цѣлаго акта, держала васъ подъ такимъ вліяніемъ, что порою, рѣшительно захватывалось дыханіе! Что это

все, однимъ словомъ, не *дѣлалось*, не сочинялось, а рождено было однимъ бурнымъ вдохновеніемъ....

Мы вышли какіе-то отуманенные.... Иванъ Ивановичъ не пошелъ даже въ буфетъ — и мы ходили съ нимъ по корридолу, ни на кого не смотря, никого не замѣчая и даже не передавая другъ другу своихъ впечатлѣній.... Что тутъ комментировать.... Дѣло было совершенно ясное и простое. Волканическая натура, въ соединеніи съ высокой артистичностью, можетъ дѣлать чудеса — и такое чудо пронеслось передъ нами, обвѣяло насъ какимъ-то знойнымъ и бурнымъ дыханіемъ. Въ головѣ бываетъ, коли вы хотите, какой-то чадъ въ подобныя минуты — но то, что видится сквозь этотъ чадъ, право дороже многого, видимаго въ обыкновенномъ расположеніи нашемъ.... Странно! но ходя, я думалъ уже не о Сальвини, я думалъ о Шекспирѣ.... и между прочимъ вотъ какой вопросъ пришелъ мнѣ въ голову: «отъ чего я сто разъ пойду смотрѣть эту безпощаднѣйшую и мучительнѣйшую его драму, — сто разъ готовъ выстрадать всю эту адескую послѣдовательность мукъ Отелло, послѣдовательность, въ которой ни одного шага, даже полушага не опущено — и отъ чего я положительно не могу выносить французскихъ драмъ съ ихъ выставленіемъ наружу всевозможныхъ язвъ.... Т. е. не то, чтобы только въ художественномъ отношеніи онѣ были мнѣ противны: нѣтъ, онѣ меня мучатъ невыносимо — мнѣ просто не хорошо, не ловко, болѣзненно — какъ въ разныхъ водевиляхъ, напиримѣръ, мнѣ также просто, непосредственно дѣлается стыдно.

Когда я сообщилъ мой вопросъ Ивану Ивановичу, онъ отвѣчалъ, что самъ тоже испытывалъ и испытываетъ — но что причины предоставляетъ развѣскивать мнѣ самому — а теперь бы оставилъ я его въ покоѣ. Глаза у моего пріятеля становились изъ обычно-усталыхъ какими-то дикими, — руки у него горѣли.

А я продолжалъ все-таки анализировать — такая ужъ проклятая привычка образовалась. Я попалъ на свою завѣтнѣйшую думу, объ *идеализмѣ* и *натурализмѣ* въ искусствѣ. Конечно ужъ французскія драмы — не принадлежащія даже къ области натурализма, а составляющія простой рыночный продуктъ, смѣшались другими болѣе серьезными вещами — въ головѣ сопоставлялись «Записки сумасшедшаго» Гоголя и въ контрастъ имъ «Дневникъ г. Голядкина» — «голова Медузы» Леонардо да Винчи и «голова Медузы» же Караваджіо.... Во всякомъ случаѣ я уже

успѣлъ себя успокоить, но на моего Ивана Ивановича было почти такъ же страшно смотрѣть, какъ на Сальвини;—губы его подергивались уже со всѣмъ судорожно и онъ началъ даже запускать правую руку въ волосы....

Вообще это все отзывалось Мочаловскимъ представленіемъ, — первыми порами «Гамлета» — увлеченіями, которыя я считалъ уже совершенно невозвратными — увлеченіями, можетъ быть дорогими болѣе настоящихъ, потому что они волновали насъ подъ суровымъ, зимнимъ небомъ, въ трескучіе морозы.... Все человѣческое уже исчезло въ Отелло, въ IV актѣ: походка тигра или барса, судорожныя движенія; глаза, налившіеся кровью, сухіе и разбитые тоны въ голосѣ — вотъ что замѣнило прежнее благородство, прежнее величіе, прежнюю страстную нѣжность.... Но и тутъ соблюдена была удивительная психологическая послѣдовательность. Не съ самаго начала акта явился такимъ великій артистъ.... Когда онъ вошелъ — видно было только, что прежній человѣкъ въ немъ разрушился; на физиономіи его, судорожно подергивавшейся, обозначались слѣды такихъ мукъ, которыя по истинѣ могутъ назваться *не здѣшними* и послѣ которыхъ душа, кажется, должна уничтожиться.... Но когда Яго довелъ разговоръ до своего адскаго и циническаго разсказа, тогда можно было убѣдиться, что есть муки еще злѣе, еще ядовитѣе видѣнныхъ. Сальвини не повалился тутъ на полъ въ судорогахъ — какъ дѣлаютъ это другіе трагики, какъ дѣлалъ — и иногда удивительно дѣлалъ Мочаловъ, — онъ только схватился руками за столъ и припалъ къ нему грудью съ дикимъ ужаснымъ воплемъ, въ которомъ слышались и физическая боль зномящагося сердца и ревъ кровожаднаго тигра и вой голоднаго шакала и вмѣстѣ съ этимъ стоить человѣка. За тѣмъ — человѣкъ обратился въ звѣря — и опять съ массою зрителей сдѣлалось тоже, что было въ третьемъ актѣ, т. е. до самаго конца четвертаго акта, волшебникъ держалъ надъ подъ своимъ вліяніемъ, не давалъ ни на минуту анализировать себя, потому что самъ не отдыхалъ ни на минуту. Только и можно было остановиться, вздохнуть послѣ минуты, когда онъ бьетъ Дездемону....

Мы опять не разсуждали и не хотѣли разсуждать во время антракта. Я замѣтилъ только, что напрасно выпущено лицо любовницы Кассіо, Бьянки — на что Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ, что это сдѣлано вѣроятно во имя мѣстной нравственности....

Пятый актъ былъ начать сцѣною пѣсни объ ивѣ. Такова

ужь поэзія этой глубоко-меланхолической сцены, что въ ней преобразилась и наша Дездемона.... У нее какъ-то смягчились рѣзкіе горловые акценты и подернулись сѣвернымъ туманомъ грусти яркія черты лица.... Дездемона отпустила Эмилию и легла. Сказать что мы *ждемъ* появленія Отелло было бы въ высшей степени не вѣрно. Шекспировская трагедія и Сальвини захватывали подъ свою власть душу какъ настоящая правда жизни.... Ждать того или другаго лица можно только тогда, когда представленію не подчиняешься, а мы, да и вся масса подчинились тутъ ходу драмы.

Я и забылъ, сказать что пестрая толпа, наполнявшая партеръ, преслѣдовала уходящаго въ четвертомъ актѣ Яго энергическими, хотя шопотомъ произносимыми восклицаніями: Scelerato!! Bestia!!

Теперь только, когда я описываю впечатлѣнія, приходитъ мнѣ въ голову вопросъ: прерывалось ли у трагика во время антракта его нервное настроеніе и, припоминая покойнаго Мочалова, который во время антрактовъ мрачно и молча сидѣлъ или ходилъ одинъ, вдали отъ всѣхъ, съ судорожными движеніями — думаю что нѣтъ....

Перервавши, хотя и на минуту душевный процессъ — пусть это процессъ и воображаемый и представляемый, нельзя было войти такимъ, какимъ вошелъ Сальвини. Въ театрѣ опять настала мертвая тишина....

Видно было ясно, что ядъ уже окончательно совершилъ свою работу надъ душою Отелло.... Искаженный, измученный, разбитый и вмѣстѣ неумолимый, подошелъ онъ къ постели, тихой походкою тигра и остановился. Опять, страсть обманутая, но безумная страсть прорвалась какими-жалобными, дребезжащими тонами. Все тутъ было — и язвительныя воспоминанія многихъ блаженныхъ ночей и сладострастіе Африканца и жажда мщенія, жажда крови.... Одну изъ этихъ сторонъ душевнаго настроенія выразить не трудно — но выразить ихъ всѣ, выразить то, что Шекспиръ самъ хотѣлъ сказать послѣднимъ поцѣлуемъ, который даетъ Отелло своей Дездемонѣ — для этого надобно быть гениемъ....

Странная, непостижимая вещь природа гениальнаго артиста — странное, непостижимое сліяніе постояннаго, огненнаго вдохновенія съ *расчетливымъ* умѣньемъ не пропустить ни одного полтона, полштриха.... Какъ это дается и давалось натурамъ, подобнымъ Сальвини и Мочалову — проникнуть мудрено. Думаю только что это дается только постоянствомъ вдохновенія, цѣлост-

нымъ, полнымъ душевнымъ сліяніемъ съ жизнію представляемаго лица,—вырабатывается долгою думою, но не придумывается—ибо дума поэта или артиста есть нѣчто въ родѣ физиологическаго процесса,—и наконецъ захватываетъ всего человѣка!... Слово: «расчетливое умѣнье» употребляю я только за недостаткомъ другаго. Въ такой игрѣ — расчета, въ смыслѣ составленія фizioноміи передъ зеркаломъ, придумыванія и заученія интонацій быть не можетъ — но и вдохновеніемъ назвать этого нельзя, въ томъ смыслѣ вдохновенія, на основаніи котораго режутъ, бѣснуются и ярятся какъ буйволы, обыкновенные трагики...

Обо всемъ пятомъ актѣ — послѣ перваго представленія только и можно было сказать, что это все было — правда — и что эта правда захватывала у зрителей дыханіе до той самой минуты когда Отелло разсказалъ о томъ, «какъ собака Турокъ осмѣлился бить Христіанина, какъ онъ схватилъ его за горло и зарѣзалъ.... Così! (такъ!) перехватилъ себѣ мечемъ горло и захрипѣвъ смертельнымъ стономъ, потянулся, шатаясь, къ постели Дездемоны...»

Ни восторгаться отдѣльными моментами, ни анализировать — въ первое представленіе было положительно нельзя.

Можете ли вы, въ первый разъ слушая какой либо квартетъ Бетговена или Шумана, восхищаться отдѣльными ходами? Нѣтъ — потому что васъ покоряетъ цѣлостъ непрерывнаго впечатлѣнія...

Истинно артистическая игра таже музыка! Въ ней постоянно ведется одинъ ходъ, и онъ - то сплываетъ, сплываетъ впечатлѣнія.

И потому ничего не анализировали мы съ Иваномъ Ивановичемъ въ эту ночь, сидя въ кафе Piccolo Elvetico — на площади собора. Иванъ Ивановичъ мрачно и безпощадно пилъ коньякъ, а я смотрѣлъ въ окно кофейной на чудную, весеннюю, свѣжо-дышавшую ночь — да на мою любимицу, колокольню *Диото*, — эту разубранную инкрустаціями, но не отягощенную ими, стройную, легкую и высокую ростомъ красавицу! И одно только я зналъ и чувствовалъ, что хорошо, по словамъ нашего божественнаго поэта «упиться гармоніей и облиться слезами надъ вымысломъ.» Когда я сказалъ эти стихи, Иванъ Ивановичъ перервалъ меня и съ какимъ-то рыданіемъ закончилъ:

И можетъ быть на мой закатъ печальный,

Блеснетъ любовь улыбкою прощальной!...

потомъ съ бѣшенствомъ ударилъ кулакомъ по столу.

Я хотѣлъ было сказать ему, что Александръ Македонскій

конечно герой... но удержался, — мнѣ стало жаль его, послѣдняго романтика, добросовѣстно и постоянно вносившаго въ личную жизнь поэтическія впечатлѣнія и жертвовавшаго имъ всѣмъ, что зовется въ жизни положительнымъ: я только спросилъ его: Иванъ Ивановичъ — отъ чего вы, пережившій, переживавшій много, не напишите о «трагическомъ въ искусствѣ и жизни.» Вы вѣдь сами на этомъ конькѣ ѣздили — и можете сообщить много интересныхъ наблюдений!

Нѣтъ, ужъ пишите лучше вы, отвѣчалъ онъ съ горькою улыбкою и подымаясь съ мѣста. Вы забываете, добавилъ онъ, взявши фуражку — что вѣдь это — тема, недописаная Тургеневскимъ Рудиннымъ! — а мнѣ прозвище Рудина, которое я имѣлъ честь получать не разъ отъ двухъ женщинъ, надоѣло до смерти!

Вы мой милый, замѣтилъ я, выходя съ нимъ на площадь — на половину Рудинъ и на половину Веретьевъ, коли ужъ дѣло пошло на Тургеневскихъ героевъ и въ этомъ-то ваша оригинальность!

Андрей Григорьевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПУТЕШЕСТВІИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ГЛАВА I.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Какъ ни говорятъ о практичности направленія нашего вѣка, какъ ни доказываютъ все превосходство этого матеріальнаго воззрѣнія на жизнь и ни силятся отвергнуть окончательно и пользу и необходимость поэческаго элемента, чисто духовной, нравственной стороны нашей жизни; — все же этотъ идеальный элементъ, эта духовная сторона, необходимы и неразрушима въ насъ, — безсознательно мы имъ предаемся, безсознательно мы имъ вѣримъ, и часто, отвергая идеальныя стремленія чизъ ложнаго убѣжденія, мы столь же, если еще не болѣе, поэты, чѣмъ наши предки.

Есть у меня сильное доказательство всему вышесказанному. Вотъ оно:

Человѣкъ рѣдко, и во всякомъ случаѣ съ большимъ трудомъ, бываетъ вполне доволенъ своимъ настоящимъ, тѣмъ, что его окружаетъ, тѣмъ, чѣмъ онъ наслаждается въ данную минуту. Онъ почти всегда или ищетъ чего-то въ своихъ воспоминаніяхъ, или предается планамъ, надеждамъ въ будущемъ. Отнимите у любого человѣка прошедшее и будущее — и человѣкъ, при самомъ счастливомъ положеніи, будетъ несчастливъ.

А гдѣ же положительность, если не въ настоящемъ и гдѣ же поэзія, если не въ воспоминаніяхъ и не въ грезахъ, въ надеждахъ, сложенныхъ его умомъ и его сердцемъ?

Я только-что пріѣхалъ изъ довольно долгаго путешествія, — проѣхалъ по всей Италіи; любовался тамъ и синимъ небомъ, такъ часто воспѣтымъ поэтами, и рощами апельсиновыхъ деревьевъ, которые въ то время еще цвѣли. Я сидѣлъ въ тѣни этихъ деревьевъ, вдыхалъ съ восторгомъ ихъ чудный запахъ, съ любовью слѣдилъ, какъ синяя волна подымалась мѣрно въ морской дали, пѣнилась, клубилась и разсыпалась въ брызги, какъ другая за ней снова подымалась, снова росла и росла и снова разрушалась гармоническимъ аккордомъ у моихъ ногъ. Все это увлекало меня. Я невольно предавался мечтамъ; я наслаждался всею душою этою чудною, богатою природою, и, казалось, въ это время никогда бы не покинулъ роскошнаго, идеально чуднаго Сорренто. И что жъ? Въ то же время, мысли меня часто переносили совершенно въ другой міръ, я начиналъ жалѣть о сѣренькомъ небѣ своего роднаго уголка, о тѣнистой дубовой аллеѣ, въ которой я такъ часто гулялъ по нѣсколькимъ часамъ; я вспоминалъ маленькій сонный прудокъ съ плакучею ивой, которая такъ скромно смотрится въ воду, — и находилъ въ этихъ воспоминаніяхъ бездну новыхъ красотъ, которыя прежде отъ меня ускользали. Я забывалъ совершенно чудную природу юга, и развѣ въ забытыя, рука нечаянно уколовшись объ иглы выросшаго въ скважинѣ скалы кактуса, пробуждала меня.

Теперь, напротивъ, я окончилъ свой путь, снова вернулся къ обыденной домашней жизни. И какъ часто, когда я сижу въ креслахъ послѣ обѣда и наслаждаюсь ароматическимъ дымкомъ моей регалии, вдругъ встаютъ предо мною цѣли живописныхъ горъ, обросшихъ оливами, и цѣлые города со всѣми своими чудесами.

Только здѣсь, далеко отъ поэтичнаго юга, я сталъ понимать, цѣнить и чувствовать то наслажденіе, которое тогда на мѣстѣ отъ меня ускользало.

Тамъ впечатленіе обивалось тотчасъ же новымъ впечатленіемъ и не могло потому получить окончательной формы.

Если вы желаете осмотрѣть картину и оцѣнить всю ея красоту, не подходите слишкомъ близко къ ней, вы тогда только увидите одинъ уголокъ ея, конечно во всѣхъ его подробностяхъ, но вы не въ состояніи оцѣнить вполне всего произведенія. Отступите на нѣсколько шаговъ и вся картина развернется передъ вами. Вы сроднитесь съ самою мыслию художника, и не только оцѣните его искусство, его даръ, но словно сами сольетесь съ его произведеніемъ и станете жить съ нимъ общею жизнью.

Теперь, по возвращеніи изъ долгаго путешествія, захотѣлось мнѣ бѣгло набросить на бумагѣ нѣкоторыя воспоминанія о немъ. Мнѣ лично это занятіе доставитъ истинное наслажденіе, а потому я принимаюсь горячо и съ любовью за него. Но если еще кто пожелаетъ слѣдовать за мною, быть такимъ образомъ моимъ спутникомъ всюду, куда бы я его ни завлекъ, — естественно, наслажденіе это удвоится.

Путешествовать одному, даже въ воспоминаніяхъ своихъ, всегда томительно, грустно; — одиночество не создано для человѣка.

ГЛАВА II.

Москва. Дорога до Варшавы.

Пасмурный ноябрь, чтобъ не отстать отъ своего близкаго брата октября, только что разгулялся; вѣтеръ, вьюга съ мелкимъ снѣгомъ, и что то въ родѣ замороженнаго дождя, обливало и обсыпало нашъ Петербургъ, и, не смотря на все чувство патриотизма, мнѣ было истинно пріятно, что я устроилъ уже всѣ свои дѣла, и рѣшился провести всю зиму за границей.

Зима обѣщала быть суровой; не знаю, сдержала ли она свое обѣщаніе, — меня не было здѣсь. Пароходы уже прекратили свои еженедѣльные рейсы, да притомъ и охоты, право, не было пуститься по Балтикѣ въ такое время, при этой вьюгѣ, при такомъ вѣтрѣ, дождѣ и снѣгѣ. Я рѣшился поѣхать въ Москву, и оттуда по шоссе въ Варшаву.

О Москвѣ что сказать? да и мѣста у меня не хватаетъ; воспоминанія меня такъ и тянутъ на югъ; теперь даже холодно становится, когда вспомнишь прошлый ноябрь.

Москва наша, старушка добрая, тихая, она отличается уже по наружности своей тишиной и спокойствіемъ. Затѣйливо извилистыя улицы ея всегда почти пусты, безлюдны; они скромно

окаймляютъ какую нибудь старинную церковь пестрой, своеобразной архитектуры. Но эта маленькая церковь, какъ бы спрятанная въ уголку, можетъ быть, содержитъ въ себѣ богатства неистощимыя въ преданіяхъ историческихъ данныхъ. Москва знаетъ все это, она благоговѣтъ предъ этимъ памятникомъ старины, она цѣнитъ его. Но все это она дѣлаетъ спокойно у себя.

Москва занимается почти что вся археологіею, исторіею, науками, и, какъ кажется, для кабинетныхъ занятій, нѣтъ лучше города въ мірѣ; — данные историческіе тутъ подъ руками и въ зданіяхъ, и въ бумагахъ, и даже въ семейныхъ преданіяхъ; тутъ и чудная мѣстность, оригинальная картина города, раскинувшася на семи холмахъ, по среди коихъ течетъ, кокетливо изгибаясь, Москва рѣка. Тутъ и это спокойствіе, эта простота жизни, столь рѣдкая въ новыхъ нашихъ ледяныхъ городахъ, и столь естественно цѣнимая людьми, которые желаютъ заниматься дѣломъ и бѣгутъ, какъ чумы пустыхъ и шумныхъ вечеровъ нашихъ, такъ называемыхъ модныхъ обществъ, въ которыхъ только и слышны постоянные толки о погодѣ, вчерашнемъ роутѣ или балѣ, или еще развѣ вскользь сказанное и ничего не выражающее сужденіе о вчерашней оперѣ, о третьегоднешнемъ балетѣ.

Есть только одинъ день въ году, когда Москва истинно оживляется, и оживленіе это совершенно оригинально: — то ночь Свѣтлаго Воскресенія.

Я житель Петербургскій, а потому зналъ долго только по слухамъ о томъ величій, которое представляетъ этотъ праздникъ въ Москвѣ. У насъ, на Невѣ, ровно ничего нѣтъ въ этотъ день, развѣ чрезмѣрная толкотня въ церквахъ, да гибель экипажей на набережной передъ дворцомъ. Давно собирался я съѣздить въ первопрестольный градъ къ этому дню, и только прошлую весну могъ осуществитъ свое желаніе.

Къ сожалѣнію, въ этотъ годъ, всю страстную субботу шелъ дождь проливной; я боялся даже, что погода мнѣ помѣшаетъ исполнить давко задуманное; но къ одиннадцати часамъ ночи, небо какъ бы прояснилось, показалось нѣсколько звѣздъ. Я успѣшилъ взять фуражку, надѣть пальто и выйдти изъ дому.

Въ эти два или три часа ночи, какъ кажется, никто во всей Москвѣ не остается дома, всѣ по улицамъ, по церквамъ.

Экипажи несутся во всѣ стороны, и какіе экипажи? ихъ только, кажется, можно встрѣтить въ одной Москвѣ. Это же-

лѣзныя, огромныя камеры, на большихъ, высокихъ колесахъ, которые качаются съ особеннымъ скрипомъ, при каждомъ ухабѣ — ихъ множество. Впереди, вмѣсто козелъ, цѣлое зданіе изъ суконъ разноцвѣтныхъ, украшенныхъ кистями, бляхами, гербами бронзовымъ, коронами княжескими или графскими — и на всемъ этомъ сидитъ высоко, въ нѣкоторыхъ улицахъ даже въ ровень съ трубами домовъ, кучеръ, опоясанный краснымъ или золотымъ кушакомъ, въ чрезвычайно изношенной шляпѣ. Позади, на придѣланной доскѣ, стоятъ высокіе гайдуки въ обрванныхъ, но блестящихъ ливреяхъ. Ихъ треугольныя шляпы всѣ уже разсыпаются отъ ветхости; у одного изъ нихъ она покрываетъ весь лобъ, глаза, носъ, потому что Мишка, который только что четыре года, умеръ на восемьдесятъ пятомъ году своей жизни, владѣлъ гораздо болѣею головою, чѣмъ Павлушка, который теперь держится за эти синія кисти, за тѣ же самыя, за которыя Мишка держался въ день коронаціи блаженной памяти Императора Павла Петровича. Вообразите всю эту описанную машину, въ окна которой притомъ мы можемъ увидѣть въ глубинѣ старушку, въ огромномъ тюлевомъ чепцѣ, съ длиннымъ сухимъ носомъ и впальми, но еще блестящими глазами. На передней скамейкѣ невинное, вытянутое и чрезвычайно блѣдное личико какой нибудь воспитанницы или плѣмянницы, въ кисейномъ бѣломъ платицѣ, въ старой изношенной шубѣ, въ бѣлой кисейной шляпкѣ съ букетомъ розъ на боку, которыя такъ и просятъ украсить непремѣнный куличъ при предстоящемъ розговѣнѣ. Вообразите себѣ все это запряженное четырьмя тощими, худыми клячами, съ впадинами подъ глазами, клячами, которыя порыжѣли отъ времени, вытянули свои шеп и плетутся маленькою рысцею пара за парой, — всѣ они не подходятъ до высоты верхней ступеньки кареты, а на одной изъ переднихъ сидитъ, болтая своими ногами чуть не оземь, столь же худощавый, какъ и сами лошади, форрейторъ, въ такомъ же изношенномъ платьѣ, какъ и вся упряжь.

На право, на лѣво, во всѣ стороны вы видите толпу. Эта толпа спѣшитъ куда то, она движется — одни поворачиваютъ въ переулокъ, другіе идутъ прямо вдоль улицъ. На каждомъ перекресткѣ есть церковь, — еще колоколъ не звенѣлъ, а они уже чуть ли не полны. Дивно просто, откуда такая масса народа! Но вотъ уже скоро половина двѣнадцатаго, пора въ кремль. Онъ также полонъ, какъ и весь городъ; на красной площади и у входа около соборовъ толпами народъ. Я пошелъ

къ набережной дворца, видѣ отсюда на Замоскворѣчье, чуть ли не лучшій видѣ всей Москвы.

Но все еще почти темно, небо пасмурно сегодня, кое гдѣ только въ отдаленіи блестятъ огоньки въ пизенькихъ домикахъ Замоскворѣчья, — огоньки эти въ дали умножаются мало по малу, всѣ колокольни освѣтились. Я поспѣшилъ на красную площадь, оттуда взобразя на ступенки краснаго крыльца. Я былъ одинъ въ этомъ мѣстѣ, и это уединеніе, эта темнота, окружавшая меня, по рѣзкой противоположности съ оживленною площадью, съ освѣщенною Москвою, еще болѣе придавали красы всей картинѣ....

Ударилъ въ колоколъ на Ивановской колокольнѣ, — на этотъ протяжный, полный гулъ отозвались другіе колокола въ соборахъ, потомъ по всей Москвѣ. Весь воздухъ, словно, наполнился этими протяжными звуками. Изъ всѣхъ соборовъ показались крестные ходы, — слышалось пѣніе, которому вторилъ гулъ всѣхъ колоколовъ. Все это весьма сильно дѣйствовало на меня.

Огромное количество свѣчей вдругъ засвѣтилось, и, право, подъ ногами у меня Красная площадь стала также свѣтла какъ день, а въ это самое время дворецъ и та терраса, на которой я стоялъ, отдѣлялись, какъ темная, сплошная масса, а дождь уже лилъ ливнями.

Вдругъ процессія остановилась у входа въ соборъ; колокола замолкли; настала тишина. Архіерей провозгласилъ: Христосъ Воскресе! — хоръ пѣвчихъ повторилъ стихъ. Колокола снова загудѣли повсюду. Москва ликовала, Москва радовалась Воскресенью Христову. Эта минута не можетъ быть описана, она только можетъ быть прочувствована. Она и въ правду исполнена такимъ величіемъ, такимъ изліяніемъ чистосердечной радости, что словъ недостаточно для того, чтобъ передать это чувство; сердце одно способно понять и оцѣнить его. Въ эту минуту, я думаю, Магометанинъ, Еврей, если только онъ человѣкъ мало-мальски чувствительный, возгласитъ со всѣми нами: Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ! Христосъ Воскресе!

Пробраться въ церкви было невозможно, они были полны, и когда начали утреню, — употребивъ всѣ усилія, чтобъ войти въ одинъ изъ соборовъ, — весь облитый дождемъ, какъ изъ ушату, я поспѣшилъ сѣсть въ карету и возвратиться домой. Если и подъ дождемъ, при свистѣ вѣтра и вьюги, эта минута меня такъ взволновала, чтобы я почувствовать, еслибъ погода была хороша, еслибъ небо было бы покрыто міриадами звѣздъ, еслибъ

безчисленные огни, которые разсыпались при гудѣ колоколовъ по всей Москвѣ, слышсь бы съ еще большимъ числомъ свѣтилъ надъ головами.

Въ ноябрѣ 1857 года, Москва была еще довольно пуста, не всѣ еще возвратились съ дачъ своихъ, изъ подмосковныхъ. Зима еще не установилась, природа пережѣняла свою декорацию, готовилась надѣть свой бѣлый сарафанъ, который можетъ для Россіи быть справедливо названъ праздничнымъ сарафаномъ.

Я ничего не знаю скучнѣе, какъ поздняя осень; это не лѣто, уже даже не осень и въ то же время не зима. Приходится, право, чтобъ забыть это время, придумывать человѣку свои собственные развлечения. Въ Москвѣ у меня въ то время было очень мало знакомыхъ; естественно оставалось одно: воспользоваться двумя-тремя днями, на которые мои дѣла останавливали меня въ Москвѣ, и пойдти покушать славной ухи въ Ново-Троицкомъ трактирѣ. За то какая уха — не хватаетъ силъ у меня, чтобъ описать эту чудную, жирную уху, подернутую янтаремъ, какъ говоритъ Крыловъ. А эти пухлые, огромные растеган, которые занимаютъ всю тарелку, — ихъ края порыжѣли, покрасѣли отъ жара; а тутъ подгѣ блеститъ визига, точно алмазь. Все это такъ и просится въ ротъ. Хотѣлось бы мнѣ поподчивать ими любаго Француза или Итальянца. — Что бы они сказали? Не думаю, чтобы ихъ пресловутые макароны, ихъ sauté, ихъ sa-grêте, показались бы имъ столь же вкусными, когда бы они отвѣдали нашей доморощенной ухи, съ жирною, волжскою стерлядью и нашего растегая изъ Ново-Троицкаго трактира.

Дня два, послѣ этого вкуснаго, русскаго обѣда, я съѣлъ въ дормезъ и пустился въ путь. Путь, правду сказать, не легкій; шесть дней и шесть ночей въ дорогѣ. Я еще привыкъ нѣсколько къ дорогѣ; но со мною была жена и нѣсколько лицъ, которые никогда еще не выѣзжали изъ Петербурга.

А дорога изъ Москвы, хоть кого научить путешествовать; послѣ этого можно смѣло ѣхать вокругъ свѣта, — не устанешь, — все покажется бездѣлицей, сравнительно съ этимъ проѣздомъ! На право, на лѣво, какъ внимательно ни смотрите въ окна, ничего болѣе не увидите, какъ поле и поле, и то не обработанное, не засѣянное часто. Словно, нарочно выбирали такую мѣстность, чтобъ провести дорогу. Ни одного села, ни города, ни деревни, только верста да верста, да скучные одноформенныя станціи, — но лучше и не вспоминать объ этомъ пути.

ГЛАВА III.

ВѢНА.

Я пишу свои воспоминанія, а не журналъ моего путешествія, и потому мнѣ позволено перескакивать чрезъ города, государства, народы, и останавливаться только тамъ, гдѣ удержитъ меня неволью моя мысль. Радуюсь я этому праву, — радуюсь за себя и даже за васъ, любезные читатели, потому что, мнѣ кажется, нѣтъ ничего скучнѣе этихъ пустыхъ, непрочувствованныхъ хорошо описаній разныхъ городовъ, мѣстностей, преимущественно выбранныхъ изъ какого нибудь путеводителя, къ которымъ неволью прибѣгаешь въ такомъ случаѣ отъ недостатка занимательныхъ данныхъ. Скучно, томительно вамъ все это читать; но еще скучнѣе, мнѣ кажется, все это выписывать.

ВѢна очень хорошенькій городокъ; она чрезвычайно живописно сожмнулась въ своихъ высокнхъ, зубчатыхъ стѣнахъ, посреди ровнаго, широкаго луга, самой свѣжей зелени, по которому проведены во всѣ направленія широкія аллеи пирамидальныхъ тополей.

Самый городъ не великъ, но за то чрезвычайно оживленъ. Узенькія его улицы постоянно наполнены народомъ; по нимъ ходятъ, ѣздятъ, томятся. По сторонамъ блестятъ различныя вывѣски, украшенныя золотыми надписями; въ окнахъ магазиновъ выставлены очень живописно и ловко всякаго рода товары, такъ, что заманиваютъ васъ неволью, и въ особенности, если вы русская путешественница и прибыли сюда прямо изъ Варшавы; вы тогда съ жадностію кидаетесь на всѣ эти модныя вещицы, закупаете тотчасъ же огромныя количества шелковыхъ, шерстяныхъ матерій, серебряныхъ и золотыхъ вещей, бронзъ и пр. и пр., чѣмъ, конечно, очень довольны хозяйки этихъ магазиновъ.

ВѢна славится своими экипажами, которые отличаются необыкновенною легкостію въ ходу, и еще своими издѣліями изъ серебра. Это все болѣе — мелкія вещицы разныхъ формъ, позолоченныя и украшенныя бирюзой и гранатами. Работа эта, нельзя сказать, чтобы была очень прочна, но она имѣетъ какой-то оригинальный, своеобразный характеръ. ВѢна собственно переняла этотъ родъ издѣлій отъ Венгрии; но ВѢна столица Австріи, а Австрія ничто иное, какъ искусственное соединеніе разныхъ отдѣльныхъ народностей. Естественно, стало быть, оставалось столицѣ такой имперіи только перенять отъ каждаго народа что нибудь, и изъ этой амальгамы составить себѣ свою оригинальность; — такъ она и поступила.

Самый Городъ очень малъ и даже тѣсенъ, онъ только служитъ центромъ торговли и средоточіемъ всѣхъ главныхъ гостинницъ; но большею частію, жители Вѣны возмѣщаются не въ городѣ, а въ его предмѣстьяхъ, которыя всѣ выстроены уже въ послѣднее время и окружаютъ самый городъ.

Эти предмѣстья имѣютъ совершенно особый характеръ. — Тутъ улицы широкія, дома богатой, нѣсколько, можетъ быть, одноформенной архитектуры, тянутся ровно по обѣимъ сторонамъ. Вы уже не увидите посреди ихъ шестиэтажнаго дома, темно-сѣраго цвѣта, съ высокой черенничною крышею, въ которой продѣланы тоже ряды оконъ. Вы не наткнетесь на высокую, сквозную колокольню готической архитектуры, которая, неизвѣстно почему, выстроена посреди столпившихся домовъ, и такъ скрыта ими, что и найти ее часто трудно. Видѣтъ еще издали легкій, смѣлый шпигъ, который гордо и самоуверенно прорѣзаетъ небо, — отыскиваешь самую церковь, которая теряется въ безднахъ переулковъ, закоулковъ, и только развѣ нечаянно натыкаешься на микроскопическую площадку, посреди которой возвышается этотъ памятникъ старины и искусства.

Въ предмѣстьяхъ все ровно, чисто, гладко, и, по моему личному возрѣнію, какъ-то скучно и пусто, — но у всякаго свой вкусъ, а я нисколько не желаю заставить прочихъ принять мое мнѣніе; я только выражаю то, что чувствую и мыслю.

Прямо со станціи желѣзной дороги я поспѣшилъ въ гостинницу Муншъ, на Кольмарктѣ. Мнѣ ее давно выхваляли, какъ одну изъ лучшихъ европейскихъ гостинницъ, и подлинно я нашелъ все въ примѣрномъ порядкѣ, хотя самыя комнаты нѣсколько обветшали, мебель и занавѣски полиняли; но все же было чисто убрано. Въ спальнѣ стояла величественно довольно обширная кровать съ неизмовѣрнымъ количествомъ подушекъ и перинъ, такъ что влѣзть было буквально трудно на нее. — Таковъ уже обычай въ Германіи.

Не знаю, какимъ образомъ, но многіе изъ моихъ знакомыхъ узнали тотчасъ о моемъ пріѣздѣ. Одинъ изъ нихъ даже, извѣстный піанистъ Вильмерсъ, который постоянно живетъ въ Вѣнѣ, въ тотъ же день зашелъ въ гостинницу Муншъ, чтобъ меня видѣть; я ему очень былъ благодаренъ за это. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ быть въ чужомъ городѣ безъ всякаго знакомства, а потому въ полной власти мѣстныхъ чичерони, такъ называемыхъ въ Германіи лонъ-лакеевъ. Нужно вамъ что нибудь купить, — этотъ господинъ приведетъ васъ неминуемо къ одному

изъ своихъ знакомыхъ, заставить васъ заплатить втрое, по крайней мѣрѣ, и въ добавокъ, вы еще приобретаете вещь весьма посредственную, часто попорченную. Если вы желаете осмотрѣть различныя рѣдкости и достопримѣчательности города, онъ вамъ покажетъ во всѣхъ подробностяхъ какую нибудь, ничего незнатную баню, церковь, — и проведетъ васъ мимо истинно рѣдкаго произведенія искусства или памятника древности, исторіи и т. п. Словомъ, эти люди необходимы для каждаго путешественника, какъ мухи необходимы для каждой осени, но въ то же время надоѣдаютъ не менѣе послѣднихъ.

Вы вѣрно уже знаете господина Вильмерса; онъ былъ въ Петербургѣ недавно, вы слышали его нескончаемую трель въ концертахъ въ Михайловскомъ театрѣ, — помните его пріятное бѣлокурое лицо съ длинными усами, падающими въ живописныхъ извивахъ по его еще свѣжимъ щекамъ.

Не знаю, какъ вамъ нравится игра г. Вильмерса, но я одинъ изъ его жаркихъ поклонниковъ; онъ такъ легко, такъ ловко порхаетъ по клавишамъ, такъ плавно иногда беретъ нѣсколько аккордовъ къ ряду, словно, льется и не выльется никогда шумящій потокъ, расшибаясь о скалы; вдругъ задрезжатъ двѣ нотки — трель ускоряется, переходитъ въ другой тонъ, снова возвращается къ прежнему, — это соловей запѣтъ и ему вторятъ всѣ прочія птицы, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, а ручей журчитъ.

Еще есть у г. Вильмерса огромное, для меня, достоинство; кромѣ того, что онъ первоклассный артистъ въ музыкѣ, онъ еще и страстный любитель шахматной игры и истинно хорошій игрокъ. Недавно даже былъ устроенъ такъ называемый шахматный турниръ для шахматныхъ задачъ между клубами: Вѣнскимъ, Берлинскимъ и Лондонскимъ, и г. Вильмерсъ получилъ на немъ второй призъ. Задачи его были признаны изъ лучшихъ.

Если вы не играете въ эту игру, то вы улыбнетесь съ легкимъ отбѣнкомъ насмѣшки на то, что я какъ бы ставлю въ достоинство знаменитому пианисту его искусство въ шахматной игрѣ; но, право, что жъ тутъ дурнаго? повѣрьте, игра въ шахматы не простая игра, а попробуйте сами поучиться, и вы тоже станете съ любопытствомъ узнавать о всякой новости по этой игрѣ. Шахматная игра имѣетъ преимущество надъ прочими играми въ томъ, что она сама по себѣ уже заключаетъ интересъ; въ нее можно играть просто изъ самолюбія, безъ всякаго матеріальнаго удовлетворенія, просто изъ того, чтобы самому себѣ, а кстатн и другому игроку сказать: «я побѣдилъ того-то,

а онъ мастерски играетъ». Къ сожалѣнiю, въ нашъ вѣкъ не только игръ, но и другихъ занятiй трудно найти, которыя бы могли завлечь человѣка безъ всякой матеріальной, выгодной цѣли. Стало быть, шахматная игра уже и этимъ однимъ можетъ похвастаться справедливо.

Кстати о шахматахъ, и, чтобы покончить совершенно съ ними на время, я долженъ еще вамъ доложить, что въ первый же вечеръ, въ день моего приѣзда въ Вѣну, г. Вильмерсъ меня повелъ въ свой шахматный клубъ. Я, какъ водится, сѣлъ тамъ играть, пробылъ часа два и возвратился домой съ самымъ приятнымъ впечатлѣнiемъ о мѣстномъ клубѣ, — благодаря лестному приему, мнѣ сдѣланному, и еще тому, что изъ трехъ, мною играныхъ партiй, я выигралъ двѣ, что, конечно, льститъ самолюбію каждаго игрока.

На другой день самолюбію этому представился еще новый удобный случай разыгратъ до *pas plus ultra*. Еще рано утромъ (оговариваюсь: рано для меня, а не для жителей Вѣны, потому что въ Германiи вообще всѣ встаютъ съ 8-го часу, стало быть, въ 11-мъ часу уже для нихъ нисколько не рано), мнѣ принесли съ приличнымъ триумфомъ листъ пергамента, на которомъ было напечатано, что Общество Вѣнскихъ любителей шахматной игры признало меня постояннымъ своимъ почетнымъ членомъ. Неожиданность этой почести меня до того озадачила, что я рѣшительно не зналъ, какъ и что отвѣтить на лестныя слова гг. директоровъ, принесшихъ мнѣ дипломъ, тѣмъ болѣе, что я и въ нормальномъ своемъ положенiи весьма плохо изъясняюсь на германскомъ языкѣ, а ни одинъ изъ нихъ не говорилъ на французскомъ, тѣмъ менѣе на русскомъ.

Впрочемъ, нѣсколько поклоновъ и болѣе или менѣе приятныхъ носовыхъ звуковъ, обще признанныхъ за изъясненіе благодарности и особеннаго уваженія, нѣкоторымъ образомъ меня вывели изъ затрудненія. А главное, я успѣшилъ поблагодарить любезнаго г. Вильмерса, потому что, вѣроятно, ему я былъ обязанъ за это лестное вниманіе клуба.

Но полно о шахматахъ; я чувствую, что заболтался о нихъ; что жъ дѣлать? — что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Пословица мудрая, а въ особенности приложимая къ моимъ воспоминаніямъ.

Такъ какъ погода была довольно хорошая въ тотъ день, небо ясное, воздухъ почти тепелъ, то мы рѣшились воспользоваться всѣмъ этимъ и сѣздить въ *Шенбруннъ*.

Шёнбруннъ—загородный дворецъ императоровъ Австрійскихъ, выстроенный еще при Леопольдѣ I; онъ окончательно былъ устроенъ при славной императрицѣ Маріи Терезіи, имя которой встрѣчается на каждомъ шагу въ Вѣнѣ, что бы вы ни стали осматривать. Все, что величественно, громадно построено, все, что поражаетъ васъ съ перваго взгляда своею торжественностію, все это неминуемо родилось, сотворилось или, по крайней мѣрѣ, было окончено при Маріи Терезіи. Таковъ былъ вѣкъ.

Много пустаго, мишурнаго было въ величіи осмнадцатаго столѣтія; въ нашъ вѣкъ строгаго разума, мы уже неспособны заняться до такой степени одною виѣшностію жизни, мы ищемъ всюду глубже проникнуть причину и послѣдствія всего; мы отыскиваемъ вездѣ матеріальную пользу, а потому эта роскошь, эта величественная осанка нашихъ предковъ намъ не можетъ быть по сердцу въ настоящемъ; но я люблю иногда, проходя чрезъ обширныя залы, обтянутыя богатымъ штофомъ, частію уже помятымъ отъ времени, любоваться мастерскою рисовкой потолковъ съ изображеніемъ разнородныхъ богинь, останавливаться предъ тѣми монументальными креслами золоченаго дерева, которые важно и чинно разставлены по всей длинѣ стѣнъ. Я люблю мысленно переноситься въ тотъ вѣкъ, давно для насъ прошедшій. И вся эта эпоха возстаетъ тогда предо мною, каждая бездѣлица получаетъ для меня въ то время свое значеніе.

Шёнбруннъ мнѣ понравился именно по этому колориту конца прошлаго столѣтія, который сохранился въ немъ. Паркъ его, разбитый на правильныя просѣки, раздѣленный на равномѣрные квадраты, обсаженные деревьями, искрещенный широкими аллеями и лугами свѣжей зелени, обставленный къ тому еще рядомъ статуй и бюстовъ довольно посредственной, впрочемъ, работы,— все это разомъ мнѣ обрисовывало прежніе нравы, прежнюю жизнь. А все давно прожитое, стало быть, не вполне знакомое намъ, имѣетъ неотъемлемую прелесть, содержитъ въ себѣ настоящую поэзію.

Невольно пройдя съ любопытствомъ весь дворецъ и, спустившись въ паркъ на среднюю площадку, я мысленно вообразилъ себѣ этотъ лугъ, наполненный гуляющими въ робронахъ, въ *паньс*. Мнѣ показалось, что я присутствую при одномъ изъ тѣхъ блестящихъ празднествъ Маріи Терезіи, которыя такъ часто воспѣвались современными поэтами. Притомъ я сталъ припоминать, что здѣсь, въ этомъ дворцѣ, жилъ довольно долго Наполеонъ I, что онъ здѣсь подписалъ свой извѣстный Шёнбрунскій трактатъ.

татъ; еще неволью вспомнилъ я про того несчастнаго принца Рейхштадскаго, который, родившись въ царской порфирѣ, умеръ здѣсь изгнанникомъ, покинутый всѣми, и снова послѣ смерти своей былъ признанъ, только ради счета, императоромъ. Вотъ тоже личность, надъ которою можно сильно задуматься. Но, кажется, лонъ-лакен (проводники) нарочно придуманы для того, чтобы отогнать скорѣе всякую мысль и размышленіе о быломъ. Я только что погрузился въ свои историческія воспоминанія, какъ мой лонъ-лакей громко обратился ко мнѣ съ предложеніемъ осмотрѣть звѣринецъ, который находится въ этомъ паркѣ; я было сперва разсердился на внезапность его вмѣшательства; но, оправившись, конечно согласился за нимъ послѣдовать, и мы всѣ направили путь въ правый конецъ парка, гдѣ помѣщается звѣринецъ.

Звѣринецъ этотъ, какъ и всѣ звѣринцы въ мірѣ, содержитъ въ себѣ непременно слона, который неминуемо тѣшитъ народъ тѣмъ, что очень ловко и деликатно беретъ изъ вашихъ рукъ кусокъ хлѣба или сахару, который вы ему подаете. Тутъ же непременно вамъ рассказываютъ, какъ, разъ, кто, то хотѣлъ подшутить надъ слономъ и поднесъ ему, вмѣсто хлѣба, камень, что слонъ, узнавши обманъ, отбросилъ камень съ презрѣніемъ и отправился къ бассейну, тутъ же находящемуся, забралъ въ свой коботъ воды и, возвратившись къ прежнему мѣсту, наплавилъ очень мѣтко въ лице обманщика цѣлый потокъ мутной воды, такъ что облилъ его съ ногъ до головы. Этотъ анекдотъ, постоянно рассказываемый, постоянно вызываетъ громкій смѣхъ всѣхъ слушателей, къ истинному удовольствію рассказчика.

Тутъ же въ звѣринцѣ есть непременно тоже двѣ пантеры, одинъ тигръ, которые ходятъ безостановочно по своей узенькой клѣткѣ, испуская пронзительный ревъ. Еще жирафъ, который между прочимъ, въ Вѣнѣ славится, какъ одинъ изъ лучшихъ экземпляровъ, да большая клѣтка для обезьянъ. Обезьяны всегда интереснѣе всего въ звѣринцѣ, а потому вокругъ нихъ постоянно толпится народъ, но чтобъ истинно полюбоваться ихъ ловкостію, хитростію, проворствомъ, надо быть въ Парижѣ, въ Jardin des Plantes. Вѣнская клѣтка обезьянъ, послѣ парижской, уже и не заслуживаетъ вниманія.

В. В.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Л И Ц А.

Иванъ Петровичъ, человекъ почтенныхъ лѣтъ.

Марья Степановна, жена его, двадцати одного года.

Жоржъ, его племянникъ, лѣтъ тридцати, послужащій дворянинъ.

Пузыревъ, секретарь у Ивана Петровича, лѣтъ пятидесяти пяти.

Луиза Ивановна.

Кранулинскій, ловкій молодой человекъ.

Слуга Ивана Петровича.

Слуга Луизы Ивановны.

(Дѣйствіе въ Петербургѣ).

I.

(Вечеръ. Гостиная у Ивана Петровича. Иванъ Петровичъ, въ черномъ фракѣ, сидитъ въ креслахъ и вертитъ между пальцами золотую табакерку. Жоржъ въ сюртукъ, ходитъ взадъ и впередъ.)

Иванъ Петровичъ. — Я тебѣ тысячу разъ повторялъ и тысячу разъ буду повторять, что съ твоими взглядами на вещи ты вѣчно останешься ничѣмъ — безъ всякаго положенія въ обществѣ.

Жоржъ. — А чортъ съ ними — съ положеніемъ вашимъ и съ обществомъ! Я вѣдь и не ищу ничего.

Иванъ Петровичъ. — Положимъ, тебѣ это возможно: у тебя есть изрядное состояніе, и съ нимъ ты проживешь вѣкъ безъ горя; но согласишься, что не всѣмъ же достаются отъ отцевъ наслѣдства!

Жоржъ. — Кажется, вы никогда не были бѣднѣ меня.

Иванъ Петровичъ. — Я не про себя собственно и говорю; но ужь если ты заводишь рѣчь обо мнѣ, такъ я и тутъ могу представить тебѣ возраженіе. Во-первыхъ, я человекъ семейный....

Жоржъ. — Васъ только двое — вы и жена; дѣтей у васъ нѣтъ.

Иванъ Петровичъ. — Ты никакъ не хочешь дать мнѣ договорить. Я сказалъ только: во-первыхъ....

Жоржъ. — Ну-съ, а что во-вторыхъ?

Иванъ Петровичъ. — Во-вторыхъ, какъ у человѣка образованнаго, у меня есть стремленіе къ удобствамъ жизни, къ комфорту.... стремленіе самое законное, потому-что оно отличаетъ всѣхъ людей порядочныхъ.

Жоржъ (*важно*). — Стремленіе, точно, законное.

Иванъ Петровичъ. — Вотъ видишь — ты самъ со мною соглашаешься.... Теперь я спрошу тебя, чѣмъ достигаютъ до извѣстныхъ жизненныхъ удобствъ?... Съ такими средствами, какъ твои, напримѣръ, еще далеко до истиннаго комфорта. (*Нюхаетъ табакъ и глядитъ на племянника*).

Жоржъ. — Я не спору, дядюшка, не спору, продолжайте.

Иванъ Петровичъ. — Кромѣ того, мой другъ, есть въ сердцѣ человѣческомъ струнка... струнка, которая... Однимъ словомъ, ты забываешь о честолюбіи. Пусть тамъ толкуютъ поэты, что почести — дымъ! Люди всегда будутъ стремиться къ этому дыму; это дымъ благовонный, которымъ сладко подышать.

Жоржъ. — Какъ вы краснорѣчиво нынче выражаетесь.

Иванъ Петровичъ (*не слушал*). — Конечно, пути къ почестямъ бываютъ разные.... Однимъ все достается легко — даромъ, можно сказать; другимъ... другимъ суждено проходить тернистый путь... (*замѣчая, что слишкомъ увлекся, замолкаетъ*).

Жоржъ (*останавливаясь передъ дядей*). — Вамъ какой достался, дядюшка?

Иванъ Петровичъ (*въ некоторомъ смущеніи*). — Что мнѣ... что тебѣ рассказывать? Ты... мнѣ... знаешь... (*оправляясь*). Прежде чѣмъ я достигъ настоящаго положенія, немало пришлось... (*Вздыхаетъ*). Да! немало и мнѣ пришлось испытать тяжелыхъ мнунтъ.

Жоржъ. — Такъ вы, значитъ, тернистымъ шли путемъ?... А!... Не очень же онъ тернистый, если на немъ растутъ такія розы, какъ Луиза Ивановна... то-есть — виноватъ! не розы, а камелии.

Иванъ Петровичъ (*мяко, но съ замѣтной досадой*). — Ну! опять ты за свое!

Жоржъ. — Вы вѣдь совсѣмъ не то думаете, дядюшка, что говорите... согласитесь!

Иванъ Петровичъ (*стараясь не глядѣть на племянника*). — Перестань! перестань, пожалуйста! Сто тысячь разъ заводилъ ты этотъ разговоръ, и я знаю все, что ты скажешь.

Жоржъ. — И такъ-таки, по вашему, въ словахъ мопхъ нѣтъ ни на волосъ правды?

Иванъ Петровичъ. — Я тебѣ отвѣчу старой пословицей: съ волками жить — по волчьи выть.

Жоржъ. — Самая лучшая логика... и какая спокойная!

Иванъ Петровичъ. — Мнѣ она кажется хорошей; и ты меня не передѣлаешь... Я ужь старъ учиться вашей новой философіи.

Жоржъ. — Да я и не думаю поучать васъ! Мнѣ хотѣлось бы только, чтобъ вы убѣдили меня въ непогрѣшительности вашей-то философіи... Тогда я проникся бы ею до мозга костей и вѣчно благословлялъ бы мудраго учителя.

Иванъ Петровичъ (*принужденно улыбаясь*). — Ахъ, какой ты неисправимый школьникъ.

Жоржъ. — Что я школьникъ — это справедливо... Потому-то и иду къ вамъ въ ученье. (*Кланяется*). Дядюшка! Иванъ Петровичъ! просвѣтите меня! — Но что я неисправимый — съ этимъ позвольте не соглашаться... Впрочемъ, вы и сами говорили, что у меня воспримчивая натура.

Иванъ Петровичъ. — Да, воспримчивая; но на что? На всякую новизну, на то, что... что... въ воздухѣ носится, такъ-сказать. По-твоему, что ново, то и хорошо. А по моему... (*Молчитъ*). По моему всякой долженъ исполнять свой долгъ, какъ велитъ ему совѣсть... да!... это главное!

Жоржъ (*начиная опять ходить*). — Разныя и совѣсти бываютъ на свѣтѣ, какъ разные пути къ почестямъ... Иная тоже заросла терніемъ, дядюшка.

Иванъ Петровичъ. — Тебѣ непременно хочется раззадорить меня и ввести въ споръ; но не удастся, мой другъ. У кого... у кого твердыя правила, тому нечего изъ-за нихъ горячиться. Слѣдуй имъ и больше ничего!

Жоржъ (*замедляя шагъ и глядя на Ивана Петровича*). — Значить, у меня ихъ совѣмъ нѣтъ, или я такъ горячусь всегда?

Иванъ Петровичъ. — Не то, чтобъ не было — есть, только превратныя. (*Встаетъ и идетъ къ звонку*). Все еще кровь молодая играетъ. (*Звонитъ*). Погоди! уgomоннись.

Жоржъ (*подходя къ дядѣ*). — То-есть, поѣду въ какойнибудь модный магазинъ, заплачу тамъ тысячь пять по счету какой-

нибудь Луизы Ивановны, свезу ей этотъ счетъ, поцѣлую ей руку — и получу мѣсто... мѣсто... ну, хоть такое мѣсто, какъ ваше!

(Входитъ слуга.)

Иванъ Петровичъ (смѣясь съ плохо скрываею злобой). — Полно! полно! уморишь со смѣху....

Жоржъ (опять ходитъ). А вѣдь не разсердишь. (Слушь.) Что карета?

Слуга. — У подъѣзда.

(Иванъ Петровичъ машетъ ему рукой; онъ уходитъ. Нѣсколько минутъ молчанія.)

Жоржъ (ходя). — Вы куда, дядюшка?

Иванъ Петровичъ. — Къ... къ барону Мерзенштейну.

Жоржъ. — Что у него?

Иванъ Петровичъ. — Такъ... (надѣваетъ перчатки.) Картишки! (подходитъ къ Жоржу.) Ну, прощай!... Кажется, ты успокоился теперь... А меня... хе, хе, хе!... (подаетъ ему руку.) Меня все-таки не разсердилъ... Знаешь старинное изрѣченіе: кто сердится — тотъ неправъ?... Что ты думаешь, напримѣръ, о Талейранѣ?

Жоржъ (даетъ дядь руку). — Экъ васъ куда метнуло! Это вы, что ли, Талейранъ-то?... Впрочемъ, я вѣдь не силенъ въ исторіи, дядюшка... Талейранъ добивался мѣсть тоже черезъ камелій?

Иванъ Петровичъ (освобождая свою руку съ принужденнымъ смѣхомъ). — Отстань, ради Бога!

Жоржъ (не пуская его). — Черезъ камелій? а!... Дядюшка!

Иванъ Петровичъ (уклончиво). — Откуда у васъ эти пошлыя слова берутся?... Камелія... Ну, что это такое?... Вотъ и видно, что ты радъ всякую пошлость повторять, только бы она была новая... Мальчишка написалъ глупый романъ, а вы и ухватились за его словечко... Рады, не знаете сами, чему!... Пустя руку-то! Пора мнѣ.

Жоржъ. — Нѣтъ, позвольте, дядюшка! Что такое, по вашему, Луиза Ивановна?

Иванъ Петровичъ. — Что ты пристаешь ко мнѣ съ Луизой Ивановной?

Жоржъ. — Да вѣдь у насъ съ нея и споръ завязался.

Иванъ Петровичъ. — Мнѣ дѣла нѣтъ знать, камелія ли она, или нѣтъ.... Я знаю только, что мужъ ея былъ въ такомъ же почти чинѣ, какъ и я.

Жоржъ. — Полноте! Не будь она до сихъ поръ фавориткой Петра Петровича, вы бы наплевали на нее. Вашъ Пузыревъ вѣрно никогда до такого чина не дослужится...

Иванъ Петровичъ (*нетерпѣливо*). — Оставь меня, прошу тебя.

Жоржъ. — Нѣтъ, вы скажите, какъ по вашему? По вашему — теперь, когда Луиза Ивановна превратилась въ барыню, когда у нея роскошный домъ — теперь я долженъ совершенно позабыть, какъ она летала зимой босикомъ за селедкой въ лавочку?

Иванъ Петровичъ (*совсѣмъ сердито*). — Фу ты, Боже мой! кого еще приплетешь?

Жоржъ. — А вы не слышали объ этой почтенной старушкѣ? Скажите! Я и не зналъ, что вы, какъ были холостякомъ, вели монашескую жизнь.

Иванъ Петровичъ. — Уморить ты меня хочешь? а? (*вынимаетъ часы*). Посмотри! Видишь, мнѣ пора. Вотъ привяжется человѣкъ! Ни крестомъ, ни пестомъ отъ него не отдѣлаешься!

Жоржъ (*выпуская руку Ивана Петровича*). — Виновать, дядюшка! Точно, вамъ пора. А мнѣ, мнѣ можно остаться? Марья Степановна выйдетъ ко мнѣ?

Иванъ Петровичъ (*со шляпой*). — Она не совсѣмъ здорова.... Лежитъ у себя въ будуарѣ.... (*тихо*) капризничаетъ все. (*Громко*). Но тебя приметъ, ты свой человѣкъ. (*Подходитъ къ двери будуара и поднимаетъ портьеру*). Мари! можно къ тебѣ Жоржу?

Марья Степановна (*изъ-за двери*). — Да.

Иванъ Петровичъ. — Ступай къ ней! До свиданья! (*Быстро идетъ вниз*).

Жоржъ. — Дядюшка! Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ (*оборачиваясь въ дверь*). — Что еще тебѣ?

Жоржъ. — Отчего это вы не рѣшаетесь никогда выгнать меня отъ себя въ шею?

Иванъ Петровичъ. — Ахъ, школьникъ! (*Исчезаетъ за дверь*).

II.

(*Будуаръ Марьи Степановны, маленькая комната. Марья Степановна сидитъ въ уголкѣ дивана, закутавшись въ большую шаль*).

Жоржъ (*входя*). — Здравствуйте, ma tante!

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Bon jour, George. (*Подаетъ ему руку*).

ЖОРЖЪ (*наклоняясь, чтобы поцѣловать руку Марьи Степановны*). — А вы опять плакали?

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Нѣтъ; у меня болитъ голова.

ЖОРЖЪ. — Опять вы скрытничаете.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — А вы опять не слушаетесь меня?... Не хорошо.

ЖОРЖЪ. — Что такое?

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Я слышала, какъ вы спорили съ мужемъ. Вы несправимы.

ЖОРЖЪ. — Что жь мнѣ дѣлать съ моимъ характеромъ?... Да наконецъ и добьюсь же я, что Иванъ Петровичъ перестанетъ приставать къ вамъ съ предложеніемъ ѣхать на поклонъ къ Луизѣ Ивановнѣ.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Богъ знаетъ! Мнѣ кажется, отъ вашихъ споровъ я буду плакать еще больше. Вѣдь они только сердятъ мужа. Пожаляйте меня немножко, Жоржъ: я и такъ часто плачу.

ЖОРЖЪ (*беретъ ее за руку*). — Ради Бога, простите меня! Я не буду... Никогда, никогда... Только не сердитесь.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Полноте! Вы знаете, я не умѣю на васъ сердиться. Вы мнѣ прочитаете сегодня что-нибудь?

ЖОРЖЪ (*нерешительно*). — Да... я хотѣлъ было.... Принесъ.... Но....

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Но — вамъ лѣнь.

ЖОРЖЪ. — Нѣтъ, я думалъ, что вы слишкомъ разстроены — не захотите слушать.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Что вы принесли такое?

ЖОРЖЪ. — Новую комедію Островскаго... она не была еще здѣсь на сценѣ.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Хороша?... какъ названіе?

ЖОРЖЪ. — «Бѣдная невѣста.»

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Ужь это не драма ли скорѣе, чѣмъ комедія?

ЖОРЖЪ. — Почти.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Лучше бы что нибудь повеселѣе принесли. Или нѣтъ! читайте, читайте!... Можетъ быть это на меня похоже.

(*Жоржъ приближается къ столу и развертываетъ книгу*).

III.

(Тотъ же вечеръ. Гостиная Луизы Ивановны, вся въ зеркалахъ и зелени. Луиза Ивановна въ глубокомъ креслѣ у камина. Около нея, на скамеечкѣ, Крапулинскій).

Крапулинскій. — Дайте же ножку!

Луиза Ивановна. — Какая гадость эти англійскіе проборы! Точно пополамъ расколота голова. Зачѣмъ вы носите такъ? (Заслоняется вперомъ отъ оня).

Крапулинскій. — Такъ всѣ носятъ.

Луиза Ивановна. — Къ вамъ нейдетъ.

Крапулинскій. — Завтра явлюсь къ вамъ въ другой прическѣ. А что же ножку?

Луиза Ивановна. — Ахъ, отвяжитесь, пожалуста! Какъ вы надоѣли мнѣ съ ножкой! Ну, чего не выдали? (Показываетъ чулокъ). Сидите же смирно теперь! Посмотрѣли — и довольно. Ахъ, Боже мой! шалунъ! что онъ дѣлаетъ!

Крапулинскій. — Душенька, Луиза Ивановна!

Луиза Ивановна (вставая). — Подите прочь! Не хочу васъ знать... И хлопотать объ васъ не стану.

Крапулинскій (беретъ ее за руку). — Ну простите же, простите!

Луиза Ивановна. — Вотъ теперь и простите!... Ну, ужъ Богъ съ вами!... Будь на нашемъ мѣстѣ другой, я бы... Впрочемъ вы сами знаете это... (опять садится).

Крапулинскій. — Я знаю только одно, Луиза Ивановна, что влюбленъ въ васъ по уши; что же касается до васъ....

Луиза Ивановна (перебивая). — А вамъ бы все разомъ: в мѣсто и — encore quelque chose.... C'est un peu trop, et puis... Подите, я скажу вамъ на ушко! (Крапулинскій наклоняется къ ней). Ахъ, Боже мой! да что съ вами? Васъ точно тарантулъ укусилъ. Сядьте, пожалуста, на мѣсто!... Слышите меня! Это вѣрно Иванъ Петровичъ. Вотъ увидите, онъ для меня все сдѣлаетъ... очень боится меня. Вѣдь я его въ люди вывела....

(Входитъ слуга).

Слуга. — Господинъ Копыловъ.

Луиза Ивановна. — Проси! (Крапулинскому). Я васъ познакомлю, а потомъ вы можете оставить насъ en tête à tête.

(Слуга отворяетъ дверь, пропускаетъ въ нее Ивана Петровича и удаляется).

Иванъ Петровичъ (подходя къ Луизѣ Ивановнѣ и прикладывая шляпу къ сердцу). Виноватъ, безконечно виноватъ, добрѣйшая Луиза Ивановна!... Опоздалъ немного.... (кланяется).

Луиза Ивановна (*подаетъ ему руку, не перемѣняя положенія*). — Ничего, я никуда не ѣду сегодня.... Вѣрно были заняты?... Да?

Иванъ Петровичъ. — Да... или — виновать! Неприятный случай задержалъ меня.

Луиза Ивановна. — Что такое?

Иванъ Петровичъ. — Одинъ безтолковый посѣтитель, отъ котораго я насилу отдѣлялся.

Луиза Ивановна (*показывая на Крапулинскаго*). — Вы не знакомы?... Крапулинскій, Октавіанъ Станиславичъ, большой мой пріятель.... Иванъ Петровичъ Копыловъ.

Иванъ Петровичъ (*подаетъ руку Крапулинскому*). — Очень радъ, очень радъ познакомиться. Мы какъ будто ужъ встрѣчались гдѣ-то?

Крапулинскій. — Я видѣлъ васъ на прошлой недѣлѣ у барона Мерзенштейна.

Иванъ Петровичъ. — Точно, точно.... Очень радъ... (*ожметъ руку Крапулинскому*).

Луиза Ивановна. — Да! чтобъ не позабыть.... Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ (*быстро подходя къ ней*). — Что прикажете?

Луиза Ивановна. — Я слышала, у васъ есть мѣсто въ канцеляріи.

Иванъ Петровичъ. — У меня-съ?

Луиза Ивановна. — Да.

Иванъ Петровичъ (*потирал переносицу*). — Позвольте, позвольте!... (*опускаетъ руку и поднимаетъ голову*). Рѣшительно нѣтъ ни одного мѣста, Луиза Ивановна.... Про мою ли канцелярію вамъ говорили?

Луиза Ивановна. — Именно про вашу.

Иванъ Петровичъ (*съ недоумѣніемъ*). — Не понимаю, какъ это вышло.

Луиза Ивановна. — Можетъ быть теперь нѣтъ, но должно очиститься. Никто не думаетъ выходить въ отставку у васъ?

Иванъ Петровичъ. — Сколько мнѣ извѣстно, никто.

Луиза Ивановна. — Крапулинскій, что вы со шляпой?... Ахъ, да! вѣдь вы въ оперу!... (*подаетъ ему руку*). Мы увидимся завтра?

Крапулинскій. — Я заѣду поутру.

Иванъ Петровичъ (*на поклонъ Крапулинскаю*). — Мое почтеніе.... Очень радъ....

(*Крапулинскій уходитъ*.)

Луиза Ивановна. — Садитесь, Иванъ Петровичъ.

Иванъ Петровичъ (*садясь*). — Вы привели меня въ недоумѣніе вашимъ вопросомъ, Луиза Ивановна!

Луиза Ивановна. — А что?

Иванъ Петровичъ. — Да вѣдь мѣста-то нѣтъ, божусь!

Луиза Ивановна. — Нѣтъ, такъ будетъ.

Иванъ Петровичъ. — Этого тоже нельзя сказать определенно.

Луиза Ивановна. — Полноте! все зависитъ отъ васъ.

Иванъ Петровичъ (*задумчиво*). — Конечно.... но....

Луиза Ивановна. — Вы не желаете угодить мнѣ.... скажите прямо!

Иванъ Петровичъ (*съ безпокойствомъ*). — За что вы такъ обижаете меня, Луиза Ивановна?... Я всегда былъ и всегда буду готовъ служить вамъ, чѣмъ только могу, что только въ моей власти.... Но.... какое же мѣсто, Луиза Ивановна?... Вѣдь у меня много разныхъ мѣстъ.

Луиза Ивановна. — Разумѣется, хорошее.... чиновника особыхъ порученій, секретаря — что у васъ тамъ бываетъ получше.

Иванъ Петровичъ. — Не будетъ это нескромностью съ моей стороны — спросить, за кого вы хлопчете?

Луиза Ивановна. — Конечно, это будетъ нескромность.... Вѣдь вы мнѣ не общаете ничего!... Будетъ съ васъ, если скажу, что у васъ въ канцеляріи нѣтъ такого мѣста, котораго бы онъ не могъ занять по своему чину.... Это вамъ нужно знать, и поэтому я говорю. — Кромѣ того, согласитесь — развѣ я предложу вамъ человѣка, не стоящаго вниманія?

Иванъ Петровичъ (*въ сильномъ смущеніи*). — Вы позвольте мнѣ подумать, какъ бы это устроить?

Луиза Ивановна. — Можете думать, сколько вамъ угодно; я васъ не тороплю. — Да скажите: вы всѣми у себя въ канцеляріи довольны?

Иванъ Петровичъ. — Какъ отвѣчать вамъ на это, Луиза Ивановна?... Я всячески стараюсь, чтобы составъ канцеляріи былъ у меня избранный.... чтобы люди были образованные — болѣе или менѣе ловкіе.... Вы знаете, Луиза Ивановна — это та-

кое ужь мѣсто, что требуетъ.... требуетъ.... особенной.... презентабельности.

Луиза Ивановна. — Вотъ я вамъ именно такого человека и предлагаю.... А у васъ, вѣрно, разные есть?

Иванъ Петровичъ. — Есть, ваша правда, Луиза Ивановна.... но.... я все-таки никакъ не могу рѣшить.... рѣшить сейчасъ, какъ бы сдѣлать это дѣло....

Луиза Ивановна. — Я ужь сказала вамъ, что не тороплю васъ.... Но смотрите же! (*Грозитъ ему птеромъ*).

Иванъ Петровичъ. — Постараюсь, постараюсь, Луиза Ивановна.

Луиза Ивановна. — Я увѣрена въ васъ.

(*Молчаніе*.)

Иванъ Петровичъ (*посль непродолжительной задумчивости*). — Вы не поручите мнѣ больше ничего, Луиза Ивановна?

Луиза Ивановна. — Ничего. Я только за этимъ и просила васъ къ себѣ.

Иванъ Петровичъ (*оставая*). — Такъ пока до свиданья, Луиза Ивановна. Ничего вѣрнаго.... то-есть, положительнаго.... теперь не могу еще сказать.... но.... постараюсь, всѣми мѣрами постараюсь....

Луиза Ивановна (*подавая ему руку*). — Надѣюсь, вы не захотите нажать во мнѣ врага!... это едва ли не первая просьба моя къ вамъ, Иванъ Петровичъ.... Можетъ быть я и еще на что-нибудь пригожусь вамъ....

Иванъ Петровичъ (*цѣлуя руку Луизы Ивановны*). — На дняхъ привезу вамъ отвѣтъ. (*Раскланивается и уходитъ*.)

IV.

(*Утро. Кабинетъ Ивана Петровича. Онъ сидитъ за письменнымъ столомъ, но не смотритъ въ лежащія передъ нимъ бумаги и задумчиво вертитъ табакерку*.)

Иванъ Петровичъ. — Задала задачу, проклятая! А вѣдь надо разрѣшить.... Только ею одной и держусь.... Пренеприятное положеніе.

(*Входитъ слуга*.)

Слуга. — Господинъ Пузыревъ.

Иванъ Петровичъ. — Зови! (*Слуга уходитъ*). Боже мой! какое щекотливое положеніе!

(*Входитъ Пузыревъ*.)

Пузыревъ. — Ваше превосходительство изволили требовать меня.

Иванъ Петровичъ. — Да. Вотъ въ чемъ дѣло... (*Глядя на табакерку.*) Мнѣ говорили, что вы ищете себѣ мѣста въ другомъ вѣдомствѣ.

Пузыревъ. — Это несправедливо, ваше превосходительство.

Иванъ Петровичъ. — Однако — отчего жъ могъ возникнуть этотъ слухъ?... Значить... значить, вы недовольны службой подъ моимъ начальствомъ... выражали гласно свое недовольство... и вотъ... возникъ такой слухъ?

Пузыревъ. — Помилуйте, ваше превосходительство! Чѣмъ быть мнѣ недовольнымъ, и на что жаловаться? Лучшаго мѣста, чѣмъ то, которое я занимаю, мнѣ не найти. Да я и не желаю иного мѣста. Здѣсь, какъ извѣстно вашему превосходительству, я служу очень давно — скоро будетъ двадцать лѣтъ: я привыкъ и къ ходу дѣлъ, и къ правильному исполненію своей обязанности. Ужъ не въ мои года метаться изъ мѣста въ мѣсто. Отъ добра добра не ищутъ, ваше превосходительство. И способности мои не такія, чтобы искать повышеніи по службѣ.

Иванъ Петровичъ. — Вотъ видите, вы сами говорите, что у васъ нѣтъ способностей; а между-тѣмъ... (*Ворухъ сморкающъ.*)

Пузыревъ. — Потому-то и не ищу другаго мѣста.

Иванъ Петровичъ. — Да кто васъ убѣдилъ, что вы способны именно для своего теперешняго мѣста?

Пузыревъ. — Я не имѣлъ несчастія никогда получать ни нагѣйшаго замѣчанія — ни отъ вашего превосходительства, ни отъ предмѣстника вашего

Иванъ Петровичъ (*съ смущеніем*). — Да... но...
(*Молчаніе.*)

Пузыревъ. — Если этотъ ложный слухъ навлекъ на меня гнѣвъ вашего превосходительства, то умоляю забыть объ немъ какъ о неосновательномъ. Божусь, ваше превосходительство, и мысли не было...

(*Молчаніе.*)

Иванъ Петровичъ (*жестко*). — Скажу вамъ прямо: я вами вообще недоволенъ!

Пузыревъ. — Чѣмъ прогнѣвилъ я ваше превосходительство?

Иванъ Петровичъ. — Прикажете мнѣ отчетъ вамъ отдавать въ моихъ чувствахъ?

Пузыревъ. — Не отчетъ, ваше превосходительство... я желалъ бы только оправдать себя въ вашихъ глазахъ. Если бы я зналъ причину...

Иванъ Петровичъ. — По вашему, я и причины не могу имѣть?

Пузыревъ. — Можетъ-быть, клевета какая-нибудь, ваше превосходительство....

(Молчаніе.)

Иванъ Петровичъ (рѣшительно). — Я долженъ сказать вамъ коротко и ясно, чтобы вы искали мѣста по другому вѣдомству. На это я вамъ даю двѣ недѣли срока. Больше вы не можете оставаться у меня и должны будете подать въ отставку.

Пузыревъ. — Помилосердитесь, ваше превосходительство! Чѣмъ....

Иванъ Петровичъ (перебивая его). — Я не могу вамъ давать никакихъ объясненій. Знайте, что это неизмѣнно рѣшено.... неизмѣнно — слышите?

Пузыревъ (въ сильномъ волненіи). — Ваше превосходительство! И преступнику даютъ средства къ оправданію....

Иванъ Петровичъ (сердито). — Боже мой! почему вы знаете, что я — именно я гоню васъ? (вставая). — Я не могу ничего для васъ сдѣлать. Прощайте!

Пузыревъ (тупо). — Прощайте, ваше превосходительство. (Кланяется какъ-то странно и уходитъ.)

Иванъ Петровичъ (рассаживая по кабинету). — Жаль старика... И дѣльный чиновникъ!... А что будешь дѣлать?... что?... Не потерять же мнѣ пзъ-за него свое мѣсто....

V

(Льстница Англійскаго магазина. Луиза Ивановна и Иванъ Петровичъ встрѣчаются посредишь.)

Луиза Ивановна. — А! Иванъ Петровичъ!... Ну что ваше дѣло?

Иванъ Петровичъ. — Я только-что хотѣлъ ѣхать къ вамъ, Луиза Ивановна, и сообщить вамъ, что все устроено по вашему желанію.

Луиза Ивановна. — Merci!... Заѣзжайте вечеромъ!... Я знала, что вы обязательный человекъ.... До свиданья!

(Расходятся).

Илл. Михайловъ.

ОМЕРА И ЕЯ НОВѢЙШЕЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Критическій этюдъ.

Статья первая.

Первые въ этомъ отношеніи были
пѣмцы, которымъ честь и слава
за многое въ области мысли.

А. Хеминголь.

(въ статьѣ о картинѣ Иванова).

Какая можетъ быть главная цѣль всякаго добросовѣстнаго журнала, если не — просвѣщеніе? Вѣрный взглядъ на искусство не находится ли въ тѣснѣйшей связи съ вѣрнымъ пониманіемъ умственной жизни вообще!

Притомъ вопросы по искусству — въ широкомъ ихъ значеніи и примѣненіи, получаютъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе гражданства въ нашей литературѣ. Искусства, поэзія, художественная критика не могутъ не возбуждать горячаго сочувствія въ образованномъ классѣ нашего народа, такъ богато-надѣленнаго умственными и душевными силами. Въ насъ нѣтъ французской узковзглядности и ложнаго патриотизма, который на все чужое, хотя бы превосходное, смотритъ съ пренебреженіемъ только потому, что оно — чужое. Мы, младшіе братья въ европейской семьѣ, обязаны отдавать полную справедливость всему, что есть хорошаго у старшихъ братьевъ, обязаны понять красоты цивилизаціи для насъ не родной, но доступной, симпатической, какъ все истинно-человѣческое. Не сочувствуя элементамъ выработавшимся въ Германіи, мы не будемъ въ состояніи развить дальше то, что учителя наши даютъ намъ въ наслѣдственное достояніе. Кто знаетъ, — быть можетъ, именно въ русскихъ людяхъ, въ нѣдрахъ русскихъ богатыхъ натуръ покоятся художественныя данныя, которымъ суждено далеко превзойти многое, бывшее на западѣ и сіяющее уже въ блескѣ высшаго величія и славы. Ивановъ, Глинка — примѣры блистательные, залогомъ будущности для русскаго искусства — великолѣпной.

Кто знаетъ — быть можетъ именно въ музыкѣ, въ искусствѣ, которое пользуется особенною, повсемѣстною симпатіею въ наше время Россіи суждено пойти дальше самихъ германцевъ. Но времена гадательнаго, инстинктивнаго развитія для художниковъ теперь уже безвозвратно миновались. Наша эпоха требуетъ отъ художника дѣятельности сознательной, глубоко-просвѣщенной, — иначе въ мірѣ искусства теперь и шагу ступить нельзя. Успѣшныя стремленія современныхъ русскихъ умовъ къ высшей критикѣ, по всѣмъ областямъ умственной жизни, могутъ обѣщать именно для Россіи будущее, богатое развитіемъ ея художниковъ — мыслителей.

По всему этому слѣдуетъ стараться усвоивать себѣ заблаговременно ясныя понятія о движеніи искусства на западѣ, о томъ, что теперь дѣлается по той или другой части въ земляхъ, которыхъ всеобщее господство въ царствѣ мысли не признавать невозможно.

Смотря съ такой точки, читатели наши увидятъ необходимость, почему «Русское Слово» обязано молвить на первыхъ порахъ о предметѣ, который выставленъ въ заглавіи этой статьи.

Вотъ уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, какъ всѣ музыкальныя головы самой музыкальной земли въ свѣтѣ сильно взволнованы литературною и музыкальною дѣятельностію автора многихъ оперъ, Рихарда Вагнера.

У насъ (кромя остзейскихъ провинцій) знаютъ объ этомъ нововводителѣ, реформаторѣ искусства едва по имени, кое-гдѣ мелькающемъ въ печати, да по сарказмамъ, которые въ Германіи изобрѣтаются врагами гениальнаго человѣка и имѣютъ свою цѣль, а у насъ, какъ во Франціи, находятъ въ журналахъ и въ салонныхъ толкахъ отголосокъ совершенно пустой, безъ значенія. Какъ только рѣчь зайдетъ о такъ называемой «музыкѣ будущности» (*musique de l'avenir, Zukunftsmusik*), жалко читать, жалко слушать! Это все толки вкривь и вкось о предметѣ, хуже чѣмъ неизвѣстность, потому-что такіе толкователи имѣютъ о немъ превратное понятіе по невѣрнымъ слухамъ; судятъ и рядятъ, диктаторски порѣшаютъ эстетическіе вопросы — совѣмъ не зная въ чемъ и о чемъ дѣло!

Увѣряютъ, напримѣръ, и въ Россіи, что Вагнерова музыка какой-то антимзыкальный наборъ аккордовъ, дикихъ модуляцій безъ малѣйшихъ признаковъ мелодіи, что тутъ, съ притязаніемъ на новизну, на реформу, испровергнуты всѣ основныя законы искусства, что оперы эти — верхъ нелѣпости, чудовищности,

натянутости и къ тому же немилосердо-скучны, потому что, продолжаясь четыре часа, на девять десятыхъ долей состоятъ изъ речитативовъ; что, слѣдовательно, быть приверженцемъ такого противухудожественнаго направленія значитъ выказать самое отчаянное безвкусіе или глухое пристрастіе, въ угоду какимъ нибудь особымъ убѣжденіямъ, постороннимъ для искусства.

Въ такомъ точно смыслѣ, съ голоса европейскихъ знаменитостей, какъ Скудо и Фетисъ, ополчался противъ Вагнера и нѣкій прославленный знатокъ музыки изъ нашихъ соотечественниковъ, послѣднее своею книгою о Бетховенѣ, весьма опозорившій въ Европѣ имя русской музыкальной критики. И онъ, разумѣется, судилъ о Вагнерѣ, не слыжавъ *ни одной* изъ его оперъ, и не зная изъ его музыки порядочно ни единой строки.

Чтобы обезоружить кривотолковъ, есть рѣшительное средство: надобно дать публикѣ нашей услышать самыя произведенія Вагнера.

Но Вагнеровы оперы требуютъ оперной сцены нѣмецкой, — еще не переведены и, по своему національно-нѣмецкому характеру, почти непереводимы. У насъ же (кромѣ Ревеля и Риги) нѣмецкихъ оперныхъ театровъ нѣтъ, да и главный оперный дирижабль направленъ ни чуть не къ нѣмецкому искусству, а къ моднымъ операмъ Верди.

И такъ эмпирическое опроверженіе незлѣпостей въ настоящемъ случаѣ — еще невозможно, еще приходится долго ждать его. Надобно довольствоваться опроверженіемъ черезъ выводы и доказательства — при помощи сравненія.

Это — трудно, только не невозможно. Самое подробное описаніе картины не даетъ, разумѣется, идеи объ ней для того, кто ея не видалъ. Но если вамъ скажутъ, что она стилемъ, характеромъ, школою родственна такой или другой картинѣ, или нѣсколькимъ вмѣстѣ изъ картинъ, вамъ уже извѣстныхъ, то — вмѣстѣ съ изложеніемъ содержанія, группировки и т. д., сравненіе можетъ подать вамъ нѣкоторое о картинѣ понятіе. По крайней мѣрѣ — если знакомящій васъ самъ смотритъ вѣрно — вы уже избѣгнете возможности судить о картинѣ совѣмъ превратно и незлѣпо, вы будете отчасти знакомы съ ея духомъ и направленіемъ. Такъ и въ отношеніи къ музыкѣ: сравненія съ извѣстными могутъ сообщить нѣкоторыя идеи о неизвѣстномъ. Такое предварительное ознакомленіе читателей съ направленіемъ Вагнеровыхъ оперъ, съ результатами его чрезвычайно-важныхъ для искусства стремленій, — ознакомленіе на основаніи положитель-

ныхъ данныхъ, въ отпоръ клеветникамъ и пустымъ кривотолкамъ, — вотъ главная цѣль предлагаемаго здѣсь критическаго очерка.

I.

Слово *Опера*, сдѣлавшееся техническимъ терминомъ для всѣхъ музыкально-сценическихъ произведеній, очень обширно, эластично. Какъ подъ словомъ *картина* разумѣются и Дрезденская Мадонна и пейзажъ Клодъ-Лоррена и сцена въ голландской корчмѣ Теньера, такъ и слово *опера* обнимаетъ понятія, другъ-на-друга слишкомъ мало похожія.

Опера и «Гугеноты», опера и «Севильскій цирюльникъ», опера и «Вильгельмъ Телль», опера и «Аскольдова могила», опера и «Весталка» Спонтини и «Фра-Діаволо» Обера, и «Травиата» Верди и «Жизнь за Царя» Глинки.

Прежде очень любили дѣлать всю музыку вообще на итальянскую и нѣмецкую, а оперы дѣлать на серьезные и комическія. Коротко и ясно, только не весьма вѣрно и не совсѣмъ обстоятельно. Музыка, — въ нынѣшнемъ ея значеніи, какъ отдѣльное искусство, зародившись въ христіанствѣ среднихъ вѣковъ, развилась преимущественно и самостоятельно въ трехъ народахъ: у итальянцевъ, у нѣмцевъ и у французовъ.

Точно такъ и опера, — приложеніе музыки къ особому роду театральныхъ представленій, — зародившись въ Италиі, въ началѣ XVII столѣтія, разработалась въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ и разрослась до громаднаго значенія въ искусствѣ вообще, почти одновременно, параллельно въ тѣхъ же трехъ народахъ, властвующихъ судьбами музыки.

Самое происхожденіе оперныхъ представленій, мѣстныя данныя и условія, подъ вліяніемъ которыхъ происходило историческое развитіе оперы въ Италиі, Германіи и Франціи, произвели — въ совершенной независимости отъ кабинетныхъ эстетическихъ идеаловъ, — нѣсколько разныхъ *типовъ* оперы, болѣе или менѣе родственныхъ между собою, но и различествующихъ въ отношеніяхъ весьма существенныхъ, въ цѣломъ складѣ и направленіи.

Подробное изложеніе генезиса и характера cadaго изъ типовъ — дѣло прагматической исторіи музыки (задача, доселѣ еще невыполненная).

Для нашей цѣли достаточно будетъ указать типы въ ихъ главныхъ чертахъ.

Первой типъ — *Итальянская серьезная опера* (opera seria). Зародышъ этого типа — въ самыхъ первыхъ начаткахъ оперы. Спектакль блестящій, праздничный (иногда: pièce d'occasion) съ постояннымъ расчетомъ на концертную виртуозность пѣвцовъ. Оттого тутъ на первомъ планѣ — колоратурныя, бравурныя арія главныхъ солистовъ. Смысль драматическій, всегда съ господствомъ риторической напыщенности, только на подмогу ариямъ и второстепеннымъ за ними дуэтамъ, терцетамъ и т. д. Хоры — необходимое украшеніе для большей пышности и торжественности. Марши, иногда балеты — для той же цѣли, но участіе ихъ не обязательно. Нумера музыки связаны между собою речитативами по условной формѣ и съ очень ограниченнымъ участіемъ оркестра. Число актовъ отъ двухъ до трехъ. Образчикъ этого рода оперъ, — на примѣръ «Семипрамида» Россини. Сюда входятъ и чисто-трагическія итальянскія оперы, на примѣръ «Норма» Беллини (tragedia lirica) — «Ломбардцы» Верди и т. д.

Второй типъ — *Итальянская комическая опера* (opera-buffa). Спектакль, происхожденіемъ своимъ обязанный ярмарочнымъ арлекинадамъ, оттого основой тутъ комическая интрига, забавныя положенія, близкія къ фарсамъ, оттого, необходимая принадлежность: стереотипныя шутовскія роли, (потомки типическихъ итальянскихъ масокъ: Sbrigella, Tartaglia etc.), и хоть нѣсколько сцѣпъ допускающихъ паясничанье (lazzi). Въ внѣшнемъ складѣ: каватинны и арии, болѣе или менѣе бравурныя, для примадонны и тенора, сцены, арии, дуэты, терцеты и т. д. въ стилѣ бучфоскороговоркой для шутовскихъ ролей (обыкновенно басы). (Связь между нумерами музыки — речитативы (recitativi secchi, въ прежнее время съ одними клавицинными акордами, вмѣсто оркестра). Финалы болѣе или менѣе развиты. Участіе хоровъ менѣе обязательно, чѣмъ въ серьезныхъ операхъ.

Образцы этого типа — «Тайный бракъ» Чимарозы, «Севильскій цирюльникъ» Россини, «Любовный напитокъ» «Донъ-Паскуале» Доницетти.

Третій типъ итальянскихъ оперъ — средній между двумя поименованными: опера полу-серьезная (semi-seria o mezzo-seria). Этотъ родъ явился исторически позже первыхъ двухъ и составляетъ переходъ отъ комедіи музыкальной къ музыкальной трагедіи, т. е. обнимаетъ всѣ тѣ оперныя сюжеты, въ которыхъ есть сцены и комическія, и серьезныя, — на примѣръ «Сорока-воровка» Россини. — Число актовъ — два или три. Сюда же относится знаменитая опера Моцарта на итальянскій текстъ,

въ двухъ дѣйствіяхъ, и подъ рубрикою «*драмма giocoso*», а именно: «Донъ-Жуанъ».

Одно присутствіе серьезныхъ, патетическихъ сценъ и пѣльных ролей, отличаетъ этотъ типъ оперъ отъ типа комическаго.—Внѣшній складъ—совершенно тотъ же, что въ оперѣ—буффѣ. Участіе хоровъ и дивертисментовъ не менѣе произвольно и весьма ограничено. (Въ Донъ-Жуанѣ хоровъ почти нѣтъ). Переходимъ къ Франціи.

Четвертый типъ — французская большая опера. Происхождение ея совсѣмъ тоже, какъ и итальянской серьезной оперы: праздничное, пышное, блестящее, увеселительное зрѣлище. Только, при меньшемъ расположеніи французовъ къ виртуозно-вокальной сторонѣ, во французской большой оперѣ особенно развилась декламация. Во времена Лудовика XIV, эти спектакли, для которыхъ тексты аллегорическіе и мнѣологическіе писалъ, между прочими—Мольеръ, а музыку—Лулли, были постоянно пополамъ съ балетомъ (*opéras-ballets*). Преемникъ Лулли Рамò (Rameau), работая на тексты Кинò (Quinault), уже весьма заботился о драматическомъ смыслѣ оперы, какъ пьесы.

Великій драматикъ въ музыкѣ Глукъ, для совершенія на почвѣ французской своей глубоко-задуманной реформы противъ виртуозничанія итальянцевъ,—воспользовался формами, подготовленными въ произведеніяхъ Лулли и Рамò. Но и въ высоко-трагическихъ операхъ Глука условные элементы риторичности и праздничныхъ дивертисментовъ, балетовъ—остались еще въ полной силѣ; та же «*conditio sine qua non*» сохранилась и до нашихъ дней въ произведеніяхъ Спонтини, Россини, Обера, Мейера, Галеви, писанныхъ для театра Парижской большой оперы.

И такъ, характеръ этого рода представленій, въ отличіе отъ итальянской, серьезной оперы: больше-развитая соотвѣтственность драматической задачѣ, и слѣдовательно болѣе упоръ на декламацию и речитативы, въ связи съ оркестровой обработкой; непремѣнное присутствіе, по крайней мѣрѣ, двухъ дивертисментовъ въ теченіе оперы;—непремѣнное великолѣпіе спектакля, затѣйливость декорацій и постановки;—число актовъ, не менѣе трехъ, а въ позднѣйшее время всего чаще: пять.

Въ этихъ строго соблюдаемыхъ условіяхъ писаны: Весталка,—Кортецъ,—Нѣмая въ Портичи,—Вильгельмъ Телль,—Робертъ,—Гугеноты, — Жидовка — Пророкъ.

Пятый типъ — французская комическая опера. Она образовалась изъ комедіи съ кушетами (*comédie à ariettes*) и въ сущ-

ности сохранила легкой характеръ *codex*, увеличеннаго до оперныхъ размѣровъ. Нумера музыки, хотя бы и весьма развитые, являются вставками среди пьесы, которая идетъ въ обыкновенной разговорной прозѣ, не речитативомъ и безъ всякаго участія оркестра.

Главные сцены,—сплетенія интриги, завязка, развязка часто проходятъ вовсе безъ музыки, которая участвуетъ, большею частью, эпизодически.

Дивертисментовъ, балетовъ среди этихъ оперъ не бываетъ. Блескъ детрационный тоже *ad libitum*. Сюда относятся типическія въ этомъ родѣ произведенія Гретри, Монтини, Изуара, Боальдѣ и плодовитаго Обера: (Жокондъ, Жанъ Парижскій, — *La Dame blanche*,—Каменщикъ,—Невѣста,—Фра-Дяволо и т. д.)

Замѣчательно, что въ зависимости отъ театра (*Théâtre Feydeau ou de l'oréga-comique*), для котораго писаны, подъ внѣшнія условія этого же типа должны были подойти оперы содержанія и направленія совсѣмъ иного, очень серьезнаго. А именно оперы Керубини: Медя (чисто-трагическая на античный сюжетъ), Лодонска, Водовозъ; и оперы Мегюля: Ариоданъ, Эвфрозина, Стратоника, Иосифъ въ Египтѣ.

Такъ образовался *шестой* по нашему счету, *средній типъ французскихъ оперъ*, который по характеру сблизился съ итальянскими полу-серьезными операми; но по отсутствію речитативныхъ сценъ, очень отъ нихъ отличается.

Германія, долгое время не имѣвъ самостоятельныхъ оперныхъ театровъ, продовольствовалась Итальянскими виртуозными операми. Въ такомъ стилѣ для Германскихъ придворныхъ сценъ писали свои оперы: Гассе, Кальдара, Гомелл, почти исключительно на сюжеты античныя, мифологическія. Но, малу по малу, въ потребностей народа Германскаго возникъ особый типъ драматическихъ представленій съ музыкою «*Liederspiel*» или «*Singspiel*». Типъ этотъ очень родственъ французской «*comédie à ariettes*», но, по мѣстному характеру чисто-нѣмецкихъ шутокъ, (*Possen*) всегда тяжеловѣсныхъ, и по нѣкоторымъ особенностямъ фактуры, такъ же какъ и по языку—долженъ составить особую категорію, т. е. *седьмой типъ*, комическую оперу нѣмецкую (*Lieder-oder Singspiel*), примѣры: «Докторъ и Аптекарь» Дитерсдорфа, «Вѣнцы въ Берлинѣ» Венцеля Мюллера и т. д.

При большемъ своемъ развитіи, этотъ родъ спектаклей захватилъ, кромѣ комическихъ, сюжеты и волшебные съ полетами и превращеніями, на половину, а наконецъ и совсѣмъ серьезно-

драматическіе, и этимъ въ сущности сближился съ операми «mezzo-carattere» Итальянцевъ и съ полу-серьезными операми театра «Feydeau».

Такъ образовался *осьмой типъ*:—*большая опера національно-нѣмецкая*. (Grosse Oper, — иногда romantische Oper). Свойства ея внѣшняго склада: разговорная проза (какъ во французскихъ opéra-comique), — отсутствіе стѣснительныхъ риторическихъ условій, участіе хоровъ и танцевъ произвольное, — большой расчетъ на занимательность текста и на разнообразіе сценическихъ эффектовъ, — число дѣйствій: два или три. Къ этому типу относятся: «Бельмонтъ и Констанца»,—«Волшебная Флейта»—Моцарта, «Фиделіо» Бетховена,—«Фрейшюцъ и Оберонъ» Вебера. Нѣмцы для обогащенія своего опернаго репертуара, подъ этотъ свой типъ подвели и переводныя оперы Французскія съ діалогомъ,—какъ «Водовозъ», «Іосифъ», всѣ Оберовы и т. д. — подвели и итальянскія комическія и полусерьезныя, отбросивъ речитативы и замѣнивъ ихъ прозою; — такъ явились на нѣмецкой сценѣ и приобрѣли популярность: Донъ-Жуанъ, Свадьба Фигаро, Любвиный напитокъ, Цирюльникъ, Сорока-воровка и т. д.)

Шпоръ въ «Лессондѣ», и Веберъ въ «Эвриантѣ» усовершенствовали нѣмецкую большую оперу, обративъ разговорныя сцены въ сплошныя речитативы, какъ у Глука и Спонтини. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, нѣмецкая романтическая опера почти слилась съ типомъ большой оперы Французской, — удержавъ впрочемъ трехъактность и независимость отъ рутинныхъ требованій напыщенной риторикки, — дивертисмента и великолѣпнаго спектакля «obligato».

Размѣстивъ пеструю толпу всѣхъ существующихъ въ свѣтѣ оперъ подъ опредѣленныя категоріи, изъ сравненія этихъ категорій мы убѣдимся тотчасъ, что типы, возникшіе у одного народа, имѣли болѣе или менѣе сильное вліяніе на родственные и уже разившіеся типы у сосѣднихъ народовъ. Истинныя художники всегда «эклетики» по своей натурѣ. Они и у чужихъ тотчасъ заимствуютъ то, что хорошо и примѣняютъ, приспосабливаютъ это хорошее по влеченіямъ собственнаго вкуса и данныхъ условій. Подробная исторія оперы въ Италіи, Франціи и Германіи представила бы намъ тотъ общій ходъ, что каждый творецъ драматической музыки, — заставъ въ странѣ, для которой писалъ, уже сложившіеся типы оперъ, — по внушенію индивидуальнаго вкуса и таланта, привилъ къ этимъ типамъ новыя элементы, разработанные въ другихъ странахъ.

Такъ Глукъ, задумавъ свой энергическій протестъ, противъ итальянскаго виртуознаго направленія, задумавъ сколько можно больше сплотить музыку оперы съ ея драматическимъ смысломъ, избралъ для своей реформы такую почву, гдѣ Лулли и Рамо были уже гораздо ближе къ драматическимъ задачамъ, нежели Итальянцы. Между тѣмъ пребываніе Глука въ Италиі и произведеніе имъ въ продолженіи 30 лѣтъ многихъ оперъ въ чисто-итальянскомъ вкусѣ того времени не дозволило и Глуку, не смотря на его реформаторскія начала, совершенно отрѣшиться отъ многихъ итальянскихъ формъ. Этими формами онъ чрезвычайно обогатилъ французскую оперную музыку, въ которой собственно-покальная кантилена, отъ слабо развитой виртуозности исполнителей, была еще на степени весьма незначительной.

Такъ Моцартъ, гармоническимъ равновѣсіемъ своихъ музыкальныхъ силъ, призванъ былъ къ сліянію школы итальянской (его времени) съ школою Глука и съ начинаніями самостоятельной нѣмецкой оперы.

Въ итальянскія свои оперы онъ, не разрушая итальянскихъ формъ, внесъ драматическую правду Глука и Гретри, — и большую выработанность оркестра, давая при томъ широкое мѣсто своей индивидуальной, все таки германской натурѣ. Въ нѣмецкія оперы онъ внесъ пѣвучесть и кристалличность формъ итальянской кантилены.

Такъ Керубини, итальянецъ, писавшій для Парижа и на французскіе тексты, къ драматической правдѣ и скульптурной строгости Глука присоединилъ мягкость, кротость Моцартовыхъ и Гайдневыхъ пріемовъ, ихъ тематическія развитія и кристаллическую правильность въ оркестровкѣ.

Такъ Бетховенъ въ своихъ «Фиделію», удержавъ всю фактуру, весь складъ Керубиніевыхъ оперъ, въ кантиленахъ остался вѣренъ чисто-нѣмецкому пѣнію, а въ гениальномъ замыслѣ, въ гигантскомъ размахѣ спянаго патоса, въ ни съ чѣмъ несравнимой красотѣ оркестра — остался самимъ собою.

Такъ Россини — гений мелодическій по преимуществу и чисто-итальянскій, оркестровку итальянскихъ оперъ обогатилъ сокровищами Гайдна и Моцарта; стремясь къ великолѣпной роскоши красокъ по внутреннему призванію, ставъ истиннымъ Тиціаномъ или Павломъ Веронезомъ музыки, — многими пріемами доказавъ, что блистательныя завоеванія Бетховена и Вебера въ обдуманной живописности оркестра не могли пройти даромъ и

для итальянской школы. Въ Вильгельмъ Телльъ есть даже прямо подражаніе Бетховену.

Подробная исторія оперы показала бы также важную зависимость музыки отъ господствующаго современнаго направленія въ другихъ искусствахъ и въ литературѣ.

Спонтини, со своимъ академическимъ героями, съ условною, сухою, разбѣренною театральностію приемовъ, не тотъ ли же самый живописецъ Давидъ, думавшій воскресить Римлянъ временъ республики, а писавшій между тѣмъ только французовъ своего времени?—Лестъ Наполеону, которою пропитаны Спонтиневскія оперы, не встрѣчается ли болѣе или менѣе явно во всѣхъ произведеніяхъ французскаго искусства и французской словесности перваго десятилѣтія нашего вѣка?

Веберъ — со своимъ Саміэлемъ, Шпоръ со своимъ Шабопомъ вѣдьмъ въ Фаустѣ, Маршнеръ со своимъ «Вамппромъ» — не отраженіе ли это модныхъ въ то время фантазій Байрона, Гофмана.

Романтизмъ нѣмецкій, для эффекта перенесенный на французскую почву и пристрастіе къ рыцарскимъ легендамъ среднихъ вѣковъ, не отразились ли въ «Робертѣ» Меіербера также ясно, какъ въ современныхъ ему произведеніяхъ Виктора Гюго, — въ картинахъ Делакроа и Делароша?

Теперь, если окинуть общимъ панорамическимъ взглядомъ всѣ оперы, удержавшіяся съ современнымъ репертуарѣ и окончательно обсудить ихъ какъ музыку и какъ пьесы, много найдемъ богатства мысли, вдохновенія поэзіи — много трогательнаго, патетическаго, граціознаго, фантастическаго, чарующаго сердце и душу — но и сколько нелогичностей подъ влияніемъ рутинныхъ условій, подъ влияніемъ историческихъ формъ и формулъ, удержавшихся безсознательно, сколько нелѣпостей подъ влияніемъ вѣчнаго: «такъ принято»!

Полная соотвѣтственность музыки съ пьесой, съ драматической задачей и полная музыкальность и поэтичность этой задачи, безъ нарушенія поэтической иллюзіи *условными* несовершенствами, не отыщутся среди многоаго множества знаменитыхъ оперъ.

Переходя такимъ образомъ отъ *конкретной*, исторической стороны къ *абстрактному* идеалу оперы, мы найдемъ, что онъ создавался первостепенными изъ художниковъ еще весьма не ясно.

Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Ж. Ж. Руссо, въ своемъ замѣчательномъ музыкальномъ словарѣ, такъ опредѣляя оперу: драматико-лирическое зрѣлище, въ которомъ соединяются всѣ презести изъискусствъ, для представленія дѣйствія страстнаго, трогательнаго души (*Spectacle dramatique et lyrique, où l'on s'efforce de réunir tous les charmes des beaux-arts*). Это было писано раньше Парижскихъ подвиговъ Глука, когда еще глубокаго драматизма въ музыкѣ оперы вовсе не искали, когда пышность декораціи и постановки имѣла сильный перевѣсъ и надъ музыкою и надъ ея драматическою задачею.

Между тѣмъ, въ этомъ опредѣленіи и въ дальнѣйшемъ его развитіи, — что въ оперѣ *три* интегральные элемента: поэтический текстъ (*le poëme*), музыка и декорація — Руссо весьма близокъ къ истинѣ.

Идеалъ оперы, выработавшійся до нашего времени, частію на основаніи данныхъ, частію, «а priori» изъ логическихъ выводовъ эстетики, долженъ заключаться именно въ соединеніи, тѣснымъ союзѣ, сліяніи *трехъ искусствъ: поэзіи*, (въ смыслѣ драматической задачи) *музыки и сценическаго искусства* (включая туда игру актеровъ, ихъ пластику, группировку, костюмы, декораціи, однимъ словомъ всю внѣшнюю иллюзію театральнаго представленія).

Въ лучшійхъ сценахъ оперъ разныхъ школъ, идеалъ этотъ почти уловленъ и часто-безсознательно, случайно, одною силою таланта, генія, на перекоръ принятымъ, рутиннымъ условіямъ, которыя, пустивши сильные корни, вслѣдствіе историческаго своего развитія, оттягивали оперу въ сторону отъ ея идеальнаго совершенства.

Можно сказать прямо, что вся исторія оперы, въ разныхъ ея типахъ, есть исторія колебанія, борьбы между «идеаломъ соединенія трехъ искусствъ» — болѣе или менѣе угадываемымъ высоко-даровитыми и просвѣщенными художниками и между антиэстетическими требованіями и привычками оперныхъ театровъ и оперныхъ публикъ.

Едва родились во Флоренціи первыя попытки оперъ — попытки, продиктованныя *идеальнымъ* стремленіемъ воскресить зрѣлища древней Элады — какъ въ смѣтахъ постановки какого-то аллегорическаго опернаго представленія того времени являются десятки слоновъ, десятки золотыхъ колесницъ, сотни скороходовъ и тому подобный вздоръ для внѣшняго блеску. (Эти слоны, колесницы, скороходы не близкая ли родня пушкамъ и конницѣ

въ Кортещѣ, всадникамъ въ Жидовкѣ, катанью на конькахъ, электрическому солнцу въ Прочетѣ и т. д.)

Едва Глукъ, энергическими стремленіями успѣлъ приблизить оперу къ драматической правдѣ, (на сколько это было возможно при напыщенно-реторическихъ условіяхъ французскихъ ложно-классическихъ трагедій, послужившихъ образцомъ и канвою для оперъ Глука), — какъ вліяніе итальянскаго виртуозничанья опять превозмогло въ цѣломъ свѣтѣ музыкальномъ, и оперы снова превратились въ костюмированные концерты.

Оперный идеалъ Глука, все еще не совсѣмъ строгій, потому что и Глукъ дѣлалъ *уступки* великолѣпному спектаклю, форменнымъ дивертисментамъ и т. д., былъ затемненъ подражателями, какъ Спонтини, который овладѣлъ только внѣшнею стороною Глуковскихъ формъ. Духъ оперы въ Спонтини уже лишень Глуковскаго величія и вѣсть самую рутинною академичностию.

Большая опера, какъ пышный, пестрый, парадный спектакль, не безъ притязанія на серьезность патоса, *orega seria*, какъ концертъ въ костюмахъ, на кое-какихъ реторическихъ подмосткахъ, — вотъ господствующій характеръ оперныхъ представлений, во всей первой половинѣ нашего вѣка — во Франціи и въ Италіи.

Моцартъ и Россини — Крезы, въ собственно-музыкальныхъ формахъ, — своею гибкостию, которая позволяла имъ подчинять творчество всякимъ безъ разбора, даннымъ условіямъ, увели оперу опять далеко въ сторону отъ идеала, разгаданнаго Глукомъ.

Въ Моцартѣ и Россини *ремесло* композиторства частенько брало перевѣсъ надъ высшими поэтическими внушеніями. Реформаторами эти два великіе художника не были.

Безъ сомнѣнія, во многихъ сценахъ каждой своей оперы, (кромя Тита), почти сплошь въ Донъ-Жуанѣ и въ Волшебной Флейтѣ, Моцартъ недосыгаемо-великъ и по музыкѣ и со стороны драматической правды, но — послѣ Донъ-Жуана, Моцартъ могъ написать прелестную музыку на жалко-негѣпный текстъ буффонады «*Così fan tutte*»; — но, — въ одно время съ Волшебной Флейтой, дивный Моцартъ могъ трудиться надъ музыкою на отчаянно-реторическую, форменно-итальянскую канву «*Cleomenza di Tito*», гдѣ всякая сцена — приторность и ложь противъ психологіи и исторіи, гдѣ монологіи даны дѣйствующимъ лицамъ совсѣмъ некстати, чтобъ дать музыканту случай написать арію, — аріи на-

писаны, чтобъ дать случай пѣвцамъ отличиться, — хоры существуютъ для того, чтобъ солисты могли отдохнуть и наконецъ — предводителю народнаго мятежа въ древнемъ Римѣ дана колоратурная партія *сопрано* (!).

Точно такъ и черезъ четверть вѣка послѣ смерти Моцарта — въ Танкредѣ Россини, плѣнявшемъ дилетантовъ цѣлаго свѣта, герой Спракузскій, одинъ изъ главныхъ паладиновъ перваго крестоваго похода, поетъ рулады *контральто* и вообще въ цѣлой оперѣ заботы о драматической правдѣ ровно столько же, какъ и въ до Моцартовскихъ операхъ Гассе и Томелли. Реформа Глука прошла мимо, — какъ будто и не существовала.

Медоточивыя арии, пріятность, округленность мелодическихъ формъ, сладкое щекотаніе слуха — неужели въ этомъ *конечная* цель драматической музыки, тогда какъ уже 'были на оперной сценѣ съ поразительною, потрясающею правдою выражены — и борьба любви и ненависти въ сердцѣ Армиды, и страшный, загробный голосъ статуи Командора, и глубоко-религіозныя таинства жрецовъ Озириса!?

Для чего шаги назадъ, когда искусство уже выиграло безконечно-много отъ блистательныхъ завоеваній, совершенныхъ геніями?

Въ такомъ смыслѣ сильно ратовалъ противъ итальянскаго направленія, глубоко и тонко-поэтическій, просвѣщенный германскій художникъ Веберъ, (род. 1786 г., ум. 1826 г.)

Свидѣтель первыхъ триумфовъ Россини, и конечно, отдавая справедливость превосходнымъ сторонамъ его таланта, Веберъ не могъ быть равнодушнымъ къ господству нелѣпности, нелогичности на итальянской оперной сценѣ.

Противъ этихъ постыдныхъ послѣдствій «орекіантизма» (ушеугодія), онъ ополчался словомъ и дѣломъ. Направленіе, которому Веберъ слѣдовалъ, какъ авторъ оперной музыки, было строго-драматическое, въ системѣ Глука, Керубини, Мегюля и лучшихъ произведеній Моцарта. Но богато-одаренный оригинальностью, Веберъ внесъ въ искусство много элементовъ и новыхъ. Мѣстный колоритъ и пейзажность прежде Вебера въ оперѣ являлись рѣдкими, скромными исключеніями. Съ Вебера все это сдѣлалось ингредиентомъ оперной музыки — необходимымъ. Сверхъ того не надобно забыть, что кромѣ Россини, Веберъ имѣлъ современникомъ Бетховена. Могущество и неисчерпаемая выразительность оркестра въ твореніяхъ исполина симфонической музыки не могли пройти безъ вліянія на мягкую,

впечатлительную натуру Вебера — и стоя въ своихъ операхъ на чисто-національной почвѣ, онъ долженъ былъ воспользоваться приемами Бетховена, въ его истинно-германской оперѣ.

Хотя по собственно-музыкальному изобрѣтенію и особенно по нѣкоторымъ, не совсѣмъ сильнымъ сторонамъ фактуры, Веберъ и не можетъ стать на-ряду съ первостепенными гениями музыки, но оперы его, по выдержанности глубоко-поэтического настроенія, въ нихъ высказаннаго въ цѣломъ и въ каждой части, по чрезвычайной обдуманности драматизма, по живости красокъ и пластичности характеровъ, занимаютъ чрезвычайно-высокое мѣсто въ искусствѣ, и въ впечатлѣніи ими производимомъ успѣшно соперничаютъ и съ Моцартомъ и съ Глюкомъ.

Сознательно стремясь къ поэзій и къ драматизму въ цѣломъ складѣ оперы, отбросивъ почти всѣ наросы виртуозничанья и академической рутинности, Веберъ уже чрезвычайно близокъ къ тому идеалу оперы, который еще не могъ быть зрѣлымъ во время Глука, а Моцарту удавался только частію, въ видѣ исключенія. Во Фрейшюцѣ уже Веберъ поднялся высоко надъ современными ему подражателями слабымъ сторонамъ Моцарта. Но во Фрейшюцѣ еще остался складъ нѣмецкой оперы съ диалогомъ (8-й типъ), т. е. вандальское разрѣзываніе оперной музыки на нѣсколько отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ себѣ музыкальныхъ пьесъ, пришитыхъ другъ къ другу самой прозаической прозой разговора. Этотъ невыгодный складъ достаточно вредилъ организму оперы и удалялъ его отъ истинно-понятаго Веберомъ идеала. Разрывочность формъ отразилась и въ самой музыкѣ, не смотря на всю ея вдохновенность. Къ тому же самая канва «Фрейшюца», при всемъ выгодномъ для музыки лиризмѣ, при всей поэзій сюжета, дышащаго ароматомъ богемскихъ лѣсовъ и свѣжестью примитивной народной легенды, — довольно мелка въ сущности, и драматическій узелъ развязанъ въ ней слишкомъ по-дѣтски, (съ нашей нынѣшней точкой зрѣнія).

Въ «Эвріантѣ» Веберъ эманципировался отъ рутинныхъ условій типа нѣмецкой оперы. вмѣстѣ съ отстраненіемъ разговорной прозы и удовлетвореніемъ чрезъ это весьма важнымъ историческимъ условіямъ, — является въ Эвріантѣ очевидное стремленіе возвести сплошь всѣ моменты-пьесы, даже не главные, эпизодическіе, на степень музыкальныхъ и тѣмъ превратитъ пьесу въ единственный, музыкально-драматическій организмъ.

Въ этой прелестной, рыцарски-романтической оперѣ, въ самомъ проявленіи Веберова опернаго идеала Ахиллесовой пятой, кромѣ

нѣкоторыхъ уступовъ внѣшне-музыкальнымъ цѣлямъ, является опять — слабость либретто. Въ немъ, конечно, есть истинный драматическій интересъ, (почти тотъ же, что въ Цимбелинѣ Шекспира, только съ неудачною подмѣсю элемента фантастическаго), но онъ развитъ неловко, плоско и съ большими натяжками противъ психологiи и вѣроподобiя, — не говоря уже о приторной сентиментальности словъ.

Новые элементы, внесенные Веберомъ въ искусство, всё клонились къ большей *характерности* оперной музыки.

Успѣхъ Веберовыхъ оперъ (преимущественно — Фрейшюца) заставилъ оперныхъ композиторовъ стремиться къ такой же яркости мѣстнаго колорита и къ сближенiю съ сюжетами національными.

Изъ этого, — вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ отъ Спонтини большимъ участiемъ хоровыхъ массъ, — родились такiя громадныя оперы, какъ «Нѣмая въ Портичи» — Обера, «Вильгельмъ Телль» — Россини (1829) (Политическое положенiе Францiи передъ iюльскою революцiею 1830 г., было не безъ влiянiя на выборъ сюжетовъ и на удачу оперъ этихъ въ Парижѣ).

Ни въ какомъ искусствѣ общее, результатное впечатлѣнiе художественнаго созданiя не зависитъ такъ прямо отъ перваго замысла, отъ момента поэтическаго зачатiя, какъ въ музыкѣ.

Если въ первоначальный замыслъ входитъ какой бы то ни было расчетъ, постороннiй истинно-художественнымъ, поэтическимъ цѣлямъ, расчетъ этотъ непремѣнно обнаружится въ самомъ произведенiи, къ его явной невыгодѣ (на строгихъ вѣсахъ эстетики).

Оберъ, многими сторонами таланта, безъ сомнѣнiя и сравненъ быть не можетъ съ первостепенно-генiальнымъ Россини, но онъ писалъ свою «Нѣмую» вдохновенно, съ большою наивностию творчества (на сколько то допускали рутинныя академическiя условiя парижской большой оперы), и вышло произведенiе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, необыкновенно-одушевленное, симпатическое. Драма занимательна, музыкальна въ основѣ своей; музыка почти вездѣ драматична, хотя, мѣстами, очень плоска; большихъ натяжекъ въ ходѣ пьесы въ жертву внѣшнему эффекту и рутины почти нѣтъ (кромѣ перваго дивертисемента и совершенно-лишняго изверженiя Везувiя).

«Вильгельмъ Телль» при громадныхъ достоинствахъ мелодiи-обработки гармонической, особенно въ мастерскихъ хорахъ, при всей чудесной колоритности оркестра, произведенiе въ общемъ

результатъ — холодное. Оно продиктовано не столько внутреннею поэзіею сюжета, сколько желаніемъ плѣнить Парижанъ, (съ ними потомъ и цѣлый свѣтъ), новыми сторонами таланта, блистательнымъ сближеніемъ своей чисто-итальянской фигуры съ формами Спонтиніевскими и съ завоеваніями Бетховена и Вебера. Колоссальность Россиніевскаго дара позволила ему побѣдносно разрѣшить задачу, но какъ-то невольно чувствуется, что Россини тутъ въ гостяхъ у французовъ и нѣмцевъ, а не у себя дома, какъ въ Севильскомъ Цирульникѣ.

Сверхъ того, при такомъ серьезномъ сюжетѣ, какъ «Вильгельмъ Телль», особенно ярко выступаютъ рутинныя негѣпости въ складѣ и поворотѣ всей оперы, какъ пьэсы. Для чего Геслера заставляютъ полчаса смотрѣть на очень скучные тирольскіе «*ras de six*»? — для того, чтобы былъ *второй* дивертисментъ въ оперѣ, по условной французской выкройкѣ. Для чего австрійская принцесса Матильда, родственница Геслера (т. е. Берта въ Шиллеровскомъ «Теллѣ»), влюблена въ пастуха, Арнольда Мелькталя? — для сладкогласныхъ и итальянски-виртуозныхъ дуэтовъ примадонны съ первымъ теноромъ и т. д. Всего и перечислять не стоитъ. Видя такое постоянное господство пустяковъ въ оперныхъ канвахъ, по неволѣ вспомнишь сарказмъ Вольтера о современныхъ ему оперныхъ спектакляхъ: «*ce qui ne vaut pas la reine d'être dit, on le chante*».

Тѣмъ ли *можетъ* и *должна* быть опера, чѣмъ ее сдѣлали?

И не забудьте, что этотъ вздоръ, эта нелогичность, это отсутствіе разумно-поэтическаго склада встрѣчаются въ самыхъ лучшихъ, въ знаменитѣйшихъ, въ первѣйшихъ операхъ въ свѣтѣ! Каковы же должны быть не первѣйшія?

Обозрѣвая борьбу идеала съ практикой оперы, мы дошли до «Вильгельма Телля». Въ чемъ заключалась дальнѣйшая судьба французской большой оперы?

Взглянемъ на дѣятельность великаго оперныхъ дѣлъ мастера, который, послѣ Россини, наслѣдовалъ скипетръ перваго драматическаго компониста въ Парижѣ — значитъ и въ цѣломъ свѣтѣ.

Джакомо Мейерберъ, (род. 1792 г.), берлинскій еврей происхожденіемъ, соученикъ Вебера въ классахъ Аббата Фоглера дебютировалъ на композиторскомъ поприщѣ, (въ очень молодыхъ годахъ), произведеніями чисто-нѣмецкаго стиля, которыя особеннаго успѣха не имѣли. Это обстоятельство и блестящія триумфы Россини заставили молодаго Мейербера (къ великому

огорченію Вебера), немедленно перейти подъ знамена итальянской школы.

Въ чисто-итальянскомъ, модномъ вкусѣ, Мейерберъ написалъ нѣсколько оперъ и одною изъ нихъ «Il crociato in Egitto», замѣчательно-мелодическою, — стяжалъ лавры.

Между тѣмъ Россини завладѣлъ парижскою большою оперою и съ каждымъ новымъ произведеніемъ совершалъ блистательныя завоеванія въ искусствѣ.

Даровитый и расчетливый Мейерберъ, подражая Россини въ стилѣ, увидѣлъ необходимость подражать ему и въ избраніи Парижа главною для себя ареною.

Чтобы имѣть большой успѣхъ въ Парижѣ, въ 30-хъ годахъ, т. е. послѣ «Нѣмой» и «Вильгельма Телля», что надобно было?

Воспользовавшись Россинизмомъ въ его переселеніи на почву французской большой оперы, удовлетворить и требованіямъ орекиантовъ колоратурными аріями и дуэтами по итальянской манерѣ и требованіямъ недавно развившейся и вошедшей въ моду расцвѣченной характерности оперной музыки, угодить всѣмъ привычкамъ парижской оперной публики, (она всегда крѣпко держится своихъ привычекъ), угодить вкусу дилеттантовъ, насыщенному пышною мелодичностію и блестящимъ оркестромъ въ «Моисеѣ», въ «Осадѣ Коринѳа», великолѣпными хорами въ «Нѣмой» и въ «Вильгельмѣ Теллѣ», но угостить этихъ дилеттантовъ, сверхъ того и чѣмъ нибудь новенькимъ, особенно пикантнымъ.

Для такой «пикантности» свѣжее, неразработанное поле представить перенесеніе на французскую почву Веберовской *фантастичности* (во Фрейшюцѣ), Веберовскаго *романтизма* средневѣковыхъ рыцарей (въ Эвриантѣ и Оберонѣ). Сверхъ того (по примѣру одной сцены въ «Нѣмой») полезно будетъ пересадить на театръ цѣликомъ нѣсколько доскутковъ или даже большихъ отрывковъ музыки религіозной, церковной, — это составитъ яркій контрастъ съ мірскими, грѣховными, фривольными элементами остальныхъ частей оперы.

Пусть чистота искусства тяжело страдаетъ отъ *неорганическаго*, совсѣмъ *опышняго смѣшенія* стилей и элементовъ, чрезвычайно неродственныхъ между собою; пусть всевозможныя натяжки, въ пользу балетовъ, декораций, виртуозовъ и музыкальных диковинокъ обезображиваютъ складъ оперы, богѣе или менѣе поэтической въ главныхъ идеяхъ; пусть угожденіе всѣмъ на свѣтѣ, самымъ противоположнымъ вкусамъ (какъ по русской пословицѣ: «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ») совершенно отвле-

четь слушателя-зрителя отъ основной мысли; пусть всѣ эти анти-эстетическія стремленія придадутъ оперѣ пестроту арлекинскаго платья или ярмарочнаго базара; пусть въ общемъ впечатлѣніи, въ результатѣ отъ всѣхъ возможныхъ эффектовъ окончательно останется все-таки — *вздоръ*, публика утѣшена, слава вышрана — слѣдовательно: *чего же больше?*

Плодомъ такихъ соображеній, при помощи, разумѣется, большаго таланта, явилась колоссальная опера «Робертъ-Дьяволъ» (1831).

Расчетъ былъ вѣренъ, потому что успѣхъ Роберта, сомнительный только въ самыя первыя представленія, скоро сдѣлался громаднымъ. Опера облетѣла весь музыкальный міръ.

Въ 1836 году — по тому же рецепту, но съ перевѣсомъ стремленія къ *историчности* — написаны «Гугеноты», — а въ 1849 году — «Пророкъ».

Для подкрѣпленія моего главнаго тезиса (о Вагнерѣ) мнѣ понадобится возвратиться къ операмъ Мейербера и разобрать нѣкоторыя части ихъ подробно. Тогда читатель увидитъ, что я очень далеко отъ несправедливости къ громадному таланту автора Роберта, Гугенотовъ и Пророка, но убѣдится также — чрезъ фактическія и логическія доказательства, что эти оперы, — не смотря на то, что составляютъ весьма важную ступень въ историческомъ развитіи оперной музыки, — не смотря на *прогрессъ*, въ нихъ проявившійся съ многихъ сторонъ, — въ цѣломъ несравненно дальше отъ истиннаго идеала оперы, нежели созданія Вебера.

Мейерберъ отлично воспользовался всѣмъ, что было до него: успѣшно ввелъ въ большую оперу характеристику драматическихъ положеній, отдѣльныхъ лицъ, музыкальную обрисовку эпохи, мѣстности, въ степени гораздо значительнѣйшей, нежели въ «Нѣмой», въ «Теллѣ», можетъ быть даже больше, чѣмъ въ операхъ Вебера. Также и въ оркестровкѣ Мейерберъ развилъ Веберовскіе принципы и приемы до размѣровъ колоссальныхъ. Въ партитурѣ Пророка отражается вліяніе и Берлиозовыхъ нововведеній въ оркестръ. Участіе церковныхъ формъ придаетъ необыкновенную серьезность, даже величіе многимъ сценамъ Роберта, Гугенотовъ, Пророка. Совсѣмъ другую, прелестную сторону созданій Мейербера составляютъ сцены «*mezzo-carattere*», иногда «*buffo*», музыкальныя картинки «*de genre*». Спонтанно, напримѣръ, по рутинной академичности, ходульности никакъ не допустилъ бы въ серьезную оперу ни дуэта Рембо съ Бертрамомъ, ни ритурнеля и романса Алисы въ 3-мъ актѣ Роберта. —

ни сцены перваго выхода «Фидесъ», ни терцета въ палаткѣ Анабаштистовъ.

Есть свѣдѣніе, что дирекція Парижской большой оперы колебалась принять «Роберта», — не относится ли эта опера къ театру «Орега-Сотіе», такъ иными, своеобразными сторонами она мало подходила подъ строгія (!) формы Королевской Академіи Музыки.

Въ этомъ — великая честь для таланта Мейербера, который понялъ, что сценическая музыка должна перестать довольствоваться рутинной того или другаго типа, должна быть отраженіемъ жизни, должна, какъ у Моцарта въ Д. Жуанѣ и Волшебной флейтѣ, захватывать всѣ роды, всѣ элементы самые разнообразныя въ пользу драматической правды.

Но чѣмъ больше талантъ, тѣмъ больше и *преступленіе* этого таланта, когда онъ отклоняется отъ истинныхъ цѣлей искусства.

Способность къ музыкальной пластичности, къ живописанію музыкальному дана Мейерберу въ высокой степени, но онъ употребилъ эту способность прямо для своихъ расчетливыхъ цѣлей.

Высшее, что есть въ искусствѣ — *правду выраженія*, онъ сознательно заставилъ служить *неправдѣ мысли*.

Онъ овладѣлъ всѣми богатыми средствами производить на оперной сценѣ впечатлѣніе могучее — но окончательно развратилъ оперную музу въ угоду парижской публикѣ.

Это поклоненіе Ваау не могло не отразиться на всѣхъ произведеніяхъ Мейербера, не могло не парализовать ихъ достоинства въ глазахъ истинныхъ жрецовъ искусства.

Мендельсонъ, Шуманъ, Марксъ, признавая всѣ достоинства оперъ Мейербера, удалялись отъ нихъ, какъ отъ чего-то чудовищнаго, какъ отъ позорныхъ грѣховъ оперной музы.

На истинно-поэтическую и просвѣщенную натуру, Мейерберовы созданія, при всей привлекательности нѣкоторыхъ сторонъ своихъ, не могутъ производить другаго впечатлѣнія.

Въ нихъ есть красоты всякаго рода, иногда соперничающія съ первостепенно-геніальными произведеніями, — это правда; но въ нихъ, съ этимъ на ряду, и всѣ пороки до-Мейерберовыхъ оперъ, всѣ нелѣпости рутинныхъ условій, удержанныя для привычекъ публики; въ нихъ есть характерность, историчность, истинный драматизмъ, но въ каждой изъ оперъ, въ общемъ ея ходѣ, чувствуется неотразимо, что собственно поэтической цѣли *въ ней нѣтъ*, что тутъ все дѣло не въ мысли, не въ идеѣ произведенія, не въ томъ *результатномъ настроеніи*, которое оста-

вляеть въ вась Шекспирова драма, Бетховенова симфонія, опера Глука, Вебера, *а въ самомъ процессъ раздраженія вашей впечатлительности* звуками, сценами, декораціями, то пріятными, то ужасными, то граціозными, то мрачными, то адскими видѣніями, то молитвеннымъ пѣніемъ, то сладострастными танцами, то пзувѣрской рѣзней....

Средства несравненно богаче, могущественнѣе, ближе къ струнамъ души, — средства, для которыхъ собрана обильная дань и съ Глука, и съ Вебера, и съ Спонтини, и съ Россини, и съ Байрона, и съ Гофмана, и съ Тика и съ Гюгò, но результатъ и въ пестрыхъ операхъ Мейербера столько же ничтоженъ, пусть, какъ и въ первыхъ начаткахъ оперъ во Флоренціи, съ пестрыми процессіями колесницъ, слоновъ и скороходовъ.

Неужели всѣ высокія стремленія Глука, Моцарта, Вебера, должны были погибнуть даромъ, безвозвратно, потонуть въ этомъ наплывѣ элементовъ не-эстетическихъ, въ этомъ извращеніи цѣлей искусства? —

Ясно, что значительное преобразование въ области оперы было необходимо; ясно, что это преобразование должно было начаться съ противодѣйствія, именно Мейерберу, возвращеніемъ оперы къ чистотѣ принципозъ Глука и Вебера.

Какъ это преобразование совершилось, увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

А. Сѣровъ.

ДВА ОБРАЗЧИКА ИЗУСТНАГО СТАРОРУССКАГО ЭПОСА.

I.

Недавно случилось намъ встрѣтить въ запискахъ одного знакомаго, врученныхъ намъ въ полное владѣніе, два интересные памятника изустнаго старорусскаго эпоса, съ которыми мы рѣшаемся познакомить читателя, находя ихъ достойными вниманія просвѣщенныхъ любителей народной поэзіи. Если эти памятники старины не могутъ стать наравнѣ со *Словомъ о полку Игоревѣ*, съ пѣснями о *Голубиной кнѣзѣ* или о *Горѣ-злочастьѣ*, то все же интересны, каждый въ своемъ родѣ.

Первый изъ нихъ можно внести въ рядъ, такъ называемыхъ, *историческихъ* пѣсень, которыми такъ обильны эпохи князя *Владимира-Сольнышко* и Царя Ивана Васильевича Грознаго; предлагаемая нами пѣсня относится къ послѣдней эпохѣ. Въ предисловіи къ ней авторъ записокъ говоритъ, что записалъ эту любопытную пѣсню въ Вологдѣ, и слышалъ отъ старожиловъ, что гдѣ-то 70 тому назадъ, она пѣлась въ народѣ. Складъ и языкъ пѣсни обнаруживаютъ ея давнее происхожденіе, не смотря на несомнѣнныя измѣненія, искаженія и обновленія. Преданіе, рассказанное въ ней, по тщательнымъ нашимъ изслѣдованіямъ, теперь сохранилось только въ старинныхъ рукописяхъ, исчезнувъ изъ памяти народа; слѣдовательно, давность сложенія пѣсни едва ли подвержена сомнѣнію, особенно если принять во вниманіе подробности ея рассказа. Во всякомъ случаѣ трудно предполагать, чтобы она была сложена значительно позже рассказываемой эпохи, потому что народъ рѣдко обращается къ воспоминаніямъ глубокой старины, если она не оставила по себѣ современныхъ памятниковъ; старинная пѣсня можетъ сохраниться очень долго въ памяти народа, но вызывать старину, для содержанія новыхъ пѣсень, народъ не любитъ. Съ этимъ согласится каждый, кто сколько нибудь изучалъ старорусскія *историческія* пѣсни.

Подозрѣвать подлогъ, поддѣлку въ этомъ случаѣ трудно; по крайней мѣрѣ, мы далеки отъ этой мысли. Сравнивая раз-

сма­три­вае­мую пѣсню съ дру­ги­ми об­раз­ца­ми въ это­мъ родѣ, со­дер­жа­ні­емъ ко­то­рыхъ по­служ­ла эпо­ха Гроз­на­го, со­бран­ны­ми Ки­ршею Да­ни­ло­вымъ и Са­ха­ро­вымъ (какъ-то: про взятіе Ка­за­ни, про Ми­ха­и­ла Ро­ма­но­вич­а, про же­нит­ь­бу ца­ря и дру­ги­ми), мы на­хо­димъ въ на­шей пѣснѣ мно­го съ ни­ми об­ща­го, какъ во вну­трен­немъ духѣ, такъ въ складѣ и язы­кѣ: та же плав­ность, нѣ­ко­торая вели­ча­вость раз­ска­за, тотъ же стро­го эпи­че­ска­го ха­рак­теръ, да­же от­тѣнокъ гру­сти, неза­мѣтно раз­литый въ ней— си­льно на­по­ми­на­ютъ въ осо­бен­но­сти тѣ пѣс­ни, гдѣ Гроз­ный яв­ля­ет­ся послѣ его кру­той пере­мѣны,— сло­вомъ, на ней ле­житъ яр­ка­го от­пе­ча­токъ эпо­хи. Если язы­къ ея мѣ­ста­ми новѣе язы­ка тѣхъ, то это по­нят­но: тѣ дав­но за­бы­ты на­ро­домъ, эта же пѣ­ла­сь имѣ­ла 70 то­му на­задъ, слѣ­до­ва­тель­но ес­те­ствен­но, что она бо­лѣе под­вер­га­лась ис­ка­же­ні­ямъ и об­но­вле­ні­ямъ, хо­тя при все­мъ томъ при­выч­но­му уху не­льзя не слы­шать въ ней скла­да и рѣчи ста­рин­ной рус­ской пѣс­ни. Въ ис­то­ри­че­скомъ смы­слѣ, раз­ска­зъ, за­к­лю­ча­ю­щій­ся въ ней, не ли­шенъ ин­те­ре­са, и мы не лиш­нимъ счита­емъ вс­мо­т­рѣть­ся въ него, от­бро­сивъ пе­дан­тизмъ ис­то­ри­че­ской фор­маль­но­сти.

Из­вѣ­стно, что Ива­нъ Ва­силь­е­вичъ любилъ Во­ло­гу­ду, три ра­за посѣ­щалъ ее (1545, 1566 и 1569 г.) и въ послѣд­ній разъ жилъ въ ней око­ло трехъ лѣтъ. Ду­ма­ютъ, буд­то бы онъ хотѣлъ сдѣ­лать ее сво­ею сто­ли­цею; ко­неч­но, эта мы­сль ни чѣмъ не дока­зана, од­на­ко не­льзя ска­зать, что­бы она была не­прав­до­по­добна, если вспо­м­нимъ по­до­зри­тель­ность Гроз­на­го во вто­рую по­ло­ви­ну его ца­р­ство­ва­ні­я. Всю­ду опа­саясь из­мѣ­ны, по­до­зрѣ­вая въ зло­на­мѣрен­но­сти всѣхъ при­бли­жен­ныхъ сво­ихъ, онъ на­хо­дилъ по­кой въ мир­ной Во­ло­гдѣ, сре­ди предан­ныхъ ему ея жи­те­лей, да­ле­кихъ отъ вся­кихъ кра­моль; здѣсь по­до­зри­тель­ность его от­ды­хала. По­кой­ный ду­хомъ, здѣсь Гроз­ный пер­ста­валъ бы­ть гроз­нымъ, яв­ля­лся ми­ло­сти­вымъ, и спо­кой­но за­ни­мался укрѣ­п­ле­ні­емъ и укра­ше­ні­емъ го­ро­да— стѣ­на­ми, ба­ш­ня­ми и хра­ма­ми, о чемъ со­хра­ни­лись не­со­мнѣн­ныя до­ка­затель­ства въ Во­ло­год­скихъ лѣ­то­писяхъ (Сло­бод­ска­го, За­сѣцка­го и др.). Пре­даніе, вы­ска­зан­ное въ пѣснѣ и встре­чае­мое въ пись­мен­ныхъ па­мят­ни­кахъ про­шла­го сто­лѣті­я, го­во­ритъ, что об­ло­мокъ ки­р­пича, упав­шій изъ сво­да на го­ло­ву Ива­ну Ва­силь­е­вичу, ко­гда онъ ос­ма­три­валъ по­строй­ку Во­ло­год­ска­го Со­фійска­го Со­бо­ра, про­гнѣ­валъ Гроз­на­го, и онъ на­всѣ­гда по­ки­нулъ лю­би­мый го­ро­дъ.

Въ са­момъ дѣлѣ, этимъ пре­дані­емъ объ­яс­ня­ет­ся то об­сто­я­тель­ство, что Ива­нъ Ва­силь­е­вичъ вдругъ за­бро­силъ Во­ло­гу­ду,

не кончивши начатыя имъ укрѣпленія и другія постройки, такъ занимавшія его; роковой камень могъ пробудить его подозрительность, заснувшую на время, и навсегда поселилъ въ Царѣ предубѣжденіе къ Вологдѣ. Какъ бы то ни было, но намъ кажется, что предлагаемая пѣснь очень интересна, хотя бы даже содержаніе ея было выдумка, а первообразъ значительно измѣненъ. Обратимъ вниманіе читателя на то страшное вліяніе, которое народъ приписываетъ царскому проклятію: отъ него тряхнулась мать-сыра-земля, городъ покрылся болотами и рѣка стала вонючею. Въ заключеніе выпишемъ самую пѣсню:

«Что на славной рѣкѣ Вологдѣ 1),
 «Во Насонѣ было городѣ 2),
 «Гдѣ доселѣ-было Грозный Царь
 «Основать хотѣлъ престольный градъ,
 «Для сводѣ ли для Величества
 «И для царскаго могущества;
 «Укрѣпилъ стѣнной градъ каменный
 «Со высокими со башнями,
 «Съ неприступными бойницами 3).
 «Посреди онъ града церковь склалъ,
 «Церковь лѣпую, соборную,
 «Что во имя Божьей Матери,
 «Ея чистаго Успѣнія;
 «Образецъ онъ взялъ съ Московскаго,
 «Со собору со Успѣнскаго 3).
 «Стѣны града поднималися —
 «Христіане утѣшались.
 «Ужъ какъ стали послѣ сводъ сводить,
 «Туда Царь самъ не коснѣлъ ходить;
 «Надзираетъ онъ надъ насники,
 «Чтобы Божій крѣпче клали храмъ,
 «Не жалѣли бѣ плинны красныя
 «И той извести горючія.

1) Рѣка Вологда здѣсь названа «славной», вѣроятно, для краснаго словца, а впрочемъ, обширная, по тогдашнему, торговля Вологды давала ей на это нѣкоторое право.

2) Вологда имѣть или имѣла еще другое названіе — Насонъ. И теперь отъ старожиловъ вы часто услышите поговорку: — «городъ-Насонъ, рѣка-Вологда.» Названіе это произошло отъ того, что крѣпость, основанная Грознымъ, была заложена 28 Апрѣля (1566), въ память св. Насона (въ просторѣчій Насона).

3) Извѣстія о постройкѣ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Вологдѣ крѣпости и собора подтверждаются актами и не подлежатъ сомнѣнію.

«Когда Царь о томъ кручинился,
 «Въ храмѣ Божіемъ похаживалъ,
 «Какъ изъ свода туповатова
 «Упадала плинеа красная
 «Во головушку во буйную,
 «Въ мудру голову во царскую.
 «Какъ нашъ Грозный Царь прогнѣвался,
 «Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
 «Закипѣла молодецка грудь,
 «Ретивѣ сердце взыгралося;
 «Выходилъ изъ храма новаго,
 »Онъ садился на добра коня,
 «Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
 «Насонъ городъ проклинаячи
 «И съ рѣкою славной Вологдой.
 «Отъ того проклятя царскаго
 «Мать сыра земля трехнулась,
 «И въ Насонъ-градѣ гористоемъ 4)
 «Стали блата быть топучія,
 «Рѣка быстра, славна Вологда
 «Стала быть рѣкой стоячею,
 «Водой мутною, вонючею,
 «И покрытая все тиною,
 «Скверной зеленью со плесенью 5)

II.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается другое народное произведение, предлагаемое нами, — объ Аникѣ-воинѣ. Оно можетъ быть причислено къ ряду старорусскихъ былинъ, какъ-то: про Горе-злочастье и тому под. и, вѣроятно, представляетъ отрывокъ изъ цѣлой народной эпопеи, подобной Горю-злочастью. Въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что вся поэма не дошла до насъ; но всѣ старательные поиски наши были тщетны. Правда, старожилы рассказывали намъ про нѣкоего Анику-воина, разбойника, жившаго нѣкогда въ Аникіевомъ лѣсу (въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ города Вологды, по Кириловской дорогѣ), который теперь представляетъ площадь,

4) Сомнительно, чтобы Насонъ-градъ (т. е. Вологда) когда нибудь былъ гористымъ, — онъ, кажется, всегда стоялъ въ болотѣ.

5) Что р. Вологда была въ старину чище, глубже и быстрее, — это очень естественно, даже не лишено достовѣрности.

обросшую мелкимъ кустарникомъ; но рассказы были не полны, сухи; самые словоохотливые сказочники здѣсь махали рукою, говорили мало, да и рассказы ихъ никакъ не подходили подъ рядъ съ предлагаемою былинной; характеръ ихъ былъ совершенно иной; преданіе являлось избитымъ рассказомъ о грабежахъ и убійствахъ безъ всякаго поэтическаго оттѣнка, такъ поражающаго читателя въ предлагаемой былинѣ. Это показываетъ древность былинны, что подтверждается также языкомъ, при всемъ искаженіи его первообраза, даже образами, созданными народною фантазіею. Чтобы предположить приблизительно время сложенія первообраза былинны, надо разгадать время существованія героя ея—Аники-воина. Вотъ единственный путь къ этому: отъ имени разбойника произошло названіе лѣса Аникиева (теперь значащагося только по названію), въ свою очередь передаващаго свое названіе существующей понинѣ въ томъ краю обители — Зааникиевской пустыни. Изъ этихъ данныхъ можно опредѣлить только послѣднее, т. е. время основанія пустыни (монастыря) и по нему добираться до главной задачи, т. е. въ какое время, приблизительно, составлена народная эпопея, отрывокъ изъ которой лежитъ предъ нами. Зааникиевская обитель, какъ оказалось по нашимъ розысканіямъ, основана въ XVI вѣкѣ преподобнымъ Иосифомъ, мощи котораго покоятся тамъ подъ спудомъ; слѣдовательно, названіе лѣса принадлежитъ раннему времени, а Аника-воинъ, передавшій свое имя лѣсу, по этому жилъ еще ранѣе. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы приходимъ къ заключенію, что время сложенія первообраза былинны относится къ періоду времени между половиною XVI и началомъ XVII вѣка. Въ отрывкѣ изъ эпопеи объ Аникѣ, имѣющемся у насъ, рассказывается встрѣча героя со смертью и конецъ его грѣшной жизни. Смерть здѣсь является олицетворенною. Нельзя не признать прекраснымъ, въ своемъ родѣ — сближеніе грубой человѣческой силы, такъ наклонной и привычной къ разрушенію всего встрѣчающагося на пути, съ мрачнымъ, могучимъ образомъ смерти, богатой вышешю, роковою, анти-матеріальною силою; безсиліе этой грубой, матеріальной силы (если такъ можно выразиться) здѣсь является во всей наготѣ своей. Олицетвореніе смерти — и, при томъ, смерти, являющейся преступнику, — отличается какой-то неопредѣленной рельефностію, ужасающею, хотя и неуловимой образностію; здѣсь она не подкашиваетъ жизни чловѣка, какъ коса стебель цвѣтка, не усыпляетъ его, какъ приемъ опиума, а пилитъ невидимыми пилами; здѣсь смерть неожидан-

ная, неумолимая, уже есть и казнь, кара преступной жизни, начало страшных, заслуженных мучений. Образъ смерти здѣсь сильно напоминаетъ образъ Горя-злочастья, преслѣдующій преступнаго сына; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ въ основаніи лежитъ — мораль; въ обоихъ то же неопредѣленно-рельефное очертаніе, та же нравственная могучесть, та же непреклонность и роковое значеніе. Съ другой стороны мастерски выражены чувства, потрясающія загрубѣлую, преступную душу при встрѣчѣ со смертью, мысль о которой еще не посѣщала ее. Аника начинаетъ льстить грозному образу, надѣется подкупить его, еще не угадывая въ немъ, по своей самонадѣянности, непобѣдимаго врага, неумолимаго судью; потомъ, когда это становится уже ясно, когда смерть глянула ему въ глаза — болѣзненно дрогнула преступная душа: въ ней явилось мучительное желаніе еще пожить на землѣ — для чего, съ какой цѣлю? Этого, вѣроятно, не рѣшилъ бы и самъ преступникъ, — просто для того, что умереть страшно....

Но напрасно обѣщаетъ онъ раздать нищимъ награбленное золото, напрасно прибѣгаетъ къ послѣднему убѣжденію, чтобы пожить еще хоть полгода, просится проститься съ отцомъ и матерью, — смерть, нагрянувшая такъ неожиданно, не знаетъ ни жалости, ни состраданія, не даетъ сроку ни двухъ лѣтъ, ни года, ни полгода, ни минуты, какъ самый строгій, могучій и справедливый судья.

Замѣчательно, что Аника изображается въ былинѣ съ отѣнкомъ какого-то благородства, хотя благородства преступнаго, если такъ можно выразиться; онъ даже не называется разбойникомъ, — ему одному, какъ исключенію между всѣми извѣстными разбойниками, приписываются названія «храбраго человѣка» и «воина».

Наконецъ, приводимъ эту интересную былинку въ томъ видѣ, какъ она имѣется у насъ:

«Ѣдетъ Аника черезъ поле 1),
 «Навстрѣчу Аникѣ Ѣдетъ чудо.
 «Голова у чуда человѣческа,
 «Волосы у чуда до пояса,
 «Туловище у чуда звѣриное,
 «А ноги у чуда лошадиныя.

1) Уже по началу былинки можно судить, что она представляетъ отрывокъ; желательно бы встрѣтить вполнѣ народную поэму объ Аникѣ-воинѣ.

«Аника на конѣ остановился
 «И этому чуду дивился.
 «— Скажи ты мнѣ, чудо, повѣдай,
 «Царь ли ты, ли царевичъ,
 «Король ли ты, королевичъ,
 «Или ты сильный, могучій богатырь? —
 «Чудо ему отвѣчаетъ:
 «— Я не царь, не царевичъ,
 »Не король, не королевичъ,
 «И не сильный, могучій богатырь,
 «А я смерть страшна и грозна,
 «Вельми непомярна,
 «Сердцемъ своимъ непосульна.
 «Кто сотворилъ небо и землю,
 «Кто сотворилъ облака и звѣзды,
 «Тотъ меня сотворилъ,
 «По всей землѣ попустилъ.
 «Гдѣ кого застану — искошаю 2):
 «Въ пути, въ дорогѣ застану, — искошаю;
 «Въ избѣ, на подворьѣ застану — искошаю.
 «Хочу и тебя, Аника, искосити!
 «Возговорить храбрый человекъ Аника:
 «— Я палицу подыму, палицей пришибу;
 «Либо коня поущу, конемъ потопчу,
 «По главѣ по твоей.
 «Она ему отвѣчаетъ:
 «— Былъ на землѣ Самсонъ богатырь, —
 «Былъ на землѣ Свѣтогоръ богатырь,
 «Я и ихъ искосила. —
 «Хочу и тебя, Аника, искосити.
 «Возговорить храбрый человекъ Аника:
 «— О смерть страшна и грозна!
 «Дай ты мнѣ сроку на два года:
 «Сострою я тебѣ церковь,
 «Спишу твой ликъ на иконѣ,
 «Поставлю твой ликъ на престолѣ;
 «И станутъ къ намъ съѣзжаться
 «Князья и бояре и сильные, могучіе богатыри,
 «И станутъ намъ свозить казну золотую.

2) Старинная форма отъ глагола *косить*, съ прибавкою предлога. Теперь эта форма, кажется, не существуетъ.

«Она ему отвѣчаетъ:
 «— Кабы де братъ мнѣ казну золотую,
 «Были бы у меня горы золотыя,
 «Отъ восхода до заката.
 «Вынимаетъ пилы невидимыя,
 «Потираетъ ею по рукамъ, по ребрамъ.
 «Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
 «— О, смерть страшна и грозна,
 «Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ;
 «Есть у меня казна золотая, —
 «Раздамъ я ее по тюрьмамъ, по богадѣльнямъ.
 «Она ему отвѣчаетъ:
 «— Казна твоя кровавая,
 «Душѣ твоей не помогла.
 «Вынимаетъ пилы невидимыя,
 «Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ.
 «Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
 «— О, смерть страшна и грозна!
 «Дай ты мнѣ сроку на полгода;
 «Есть у меня отецъ и мать,
 «Дай ты мнѣ съ отцомъ, съ матерью проститься.
 «Она ему отвѣчаетъ:
 «— Какъ же ты ѣхалъ на ратное дѣло 3)?
 «Зачѣмъ съ отцомъ, съ матерью не простился?
 «Вынимаетъ пилы невидимыя,
 «Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ.
 «Аника на копѣ шатается,
 «И смертныя уста запекаются;
 «Аника съ коня повалился.
 «Тутъ по Аникѣ и слава.

Николай Бунаковъ.

3) Въ этихъ вопросахъ есть что-то величественно-строгое и вмѣстѣ саркастическое. Грабежи и разбой здѣсь не безъ цѣли названы — *ратными дѣломъ*.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

О старомъ по поводу новаго. — О безгрѣшности въ ПетербургѢ. — Зима. — Бездвухураловъ и газетъ. — Публичныя лекціи. — Балинь съ неприятною исторіею. — Меломанія. — Графъ Ори. — Балетъ г-жи Феррарисъ. — Поклонники. — Хлопальщики. — Бенефисъ г. Петина. — Г-жа Пуссепъ. — Миссъ Толлонъ. — Михайловскій театръ. — Укротатель звѣрей. — Быкъ-великанъ и люди-феномены. — Африканскій трагикъ. — Любезность русскыхъ артистовъ. — Точка. —

Да здравствуетъ старый и добрый, *тысяча восемьсотъ пятьдесятъ восьмой* годъ! Да послужитъ онъ, незабвенный, урокомъ и примѣромъ новымъ, грядущимъ годамъ! Съ благоговѣніемъ оглядываясь на только что прожитый годъ, мои благородные сограждане должны сознаться, что онъ принесъ имъ много хорошаго, много полезнаго. Петербургъ, какъ Фаустъ, помолодѣлъ и тѣломъ и душой. Онъ выросъ и похорошѣлъ; въ жилахъ его кипятъ теперь новая, горячая кровь; сила и жажда дѣятельности бьютъ въ немъ живымъ ключемъ. Чудное слово «впередъ» — стало общимъ, ободрительнымъ крикомъ. Тѣ, которымъ нравственныя немощи или другія причины не позволяютъ увлекаться новыми, благородными стремленіями, только сторонятся невольню, дажимаютъ плечами. Наука, искусства, торговля, промышленность, все, все двинулось и сдѣлало навѣрстать потерянное время.

И когда подумаешь, что однимъ изъ главныхъ двигателей является здѣсь безсмертное Гутенбергово изобрѣтеніе; когда ясно видишь, что гласность, пощелкивая кого слѣдуетъ, даетъ ходъ этой общественной машинѣ, — невольню воскликнешь: да здравствуетъ печатное слово! да здравствуетъ гласность! Только тать и злодѣи таятся, но выраженію старинныхъ повѣствователей, во мракѣ темной ночи и скрываются отъ свѣтла дневнаго; только увядшая или некрасивая женщина, въ намѣреніи обмануть неопытный глазъ, бѣлится и румянится; правда, какъ истинная красота, не боится освѣщенія, не боится огласки. Каждый изъ гражданъ Петербурга, я въ этомъ не сомнѣваюсь, чистъ какъ стеклышко и слѣдовательно отъ всей души раздѣляетъ мое мнѣніе и подаетъ голосъ за гласность. Просто, ясно и вѣрно, какъ дважды два — четыре! Я полагаю даже, что въ ПетербургѢ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ общественныхъ грѣшковъ, о которыхъ упоминаютъ наши даровитые писатели. Напримѣръ: взяточничество — неужели оно существуетъ въ нашей прелестной столицѣ? Неужели въ такомъ просвѣщенномъ городѣ, какъ

Петербургъ, можетъ сохраниться хотя малѣйшая капля закоренѣлаго невѣжества, грубости и татарщины? Неужели денежный человѣкъ имѣеть нѣкоторое превосходство предъ честнымъ? Неужели прелестныя Аспазіи имѣють исключительное право ѣздить въ каретахъ, носить брилліанты, шелкъ и бархаты, а честныя женщины обязаны ходить пѣшкомъ и щеголять въ шерстяныхъ платьяхъ? Неужели молодой человѣкъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу, не можетъ найти себѣ мѣста безъ покровительства сильныхъ? Неужели и въ Петербургѣ совѣстно говорить по русски? Неужели и въ Петербургѣ существуютъ винныя откупа и ихъ жалкіе данники, пропивающіе все заработанное, кидаящіе свою семью и шатающіеся по улицамъ? Невѣроятное дѣло. Миѣ кажется — все это выдумки писателей.

Принимаясь, съ новаго года, за лѣтопись общественной жизни въ Петербургѣ, я увѣренъ, что миѣ никогда не придется говорить о какомъ нибудь недостаткѣ моего роднаго города; все въ немъ прекрасно и совершенно, начиная съ общественной жизни и кончая мостовыми. Съ такимъ свѣтлымъ и отраднымъ убѣжденіемъ, обращаюсь къ дѣлу.

Нынѣшняя зима.... названіе зимы нѣсколько преувеличено. но ужъ пусть ингородный читатель думаетъ, что и зима хороша въ Петербургѣ.. И такъ, нынѣшняя зима отличалась обиліемъ и разнообразіемъ новостей и удовольствій. Во первыхъ.. во первыхъ, я не знаю съ чего и начать. Прежде бывало: двѣ, три новости да и обчелся, незатруднителенъ былъ выборъ, а теперь, боги всемогущіе! сколько новаго и полезнаго и пріятнаго! Голова кружится и въ глазахъ рябитъ.... Будемъ хладнокровны и начнемъ съ полезнаго.

Къ новому году Петербургъ приготовилъ цѣлый рогъ изобилія журналовъ, журнальчиковъ, газетъ и листковъ. Число ихъ дошло до изумительной цифры, кажущейся невѣроятною. И какихъ нѣтъ тутъ журналовъ и газетъ: есть и дорогіе и дешевыя, и серьезные и потѣшные, для дѣвицъ и для промышленниковъ, для модницъ и для акціонеровъ, для народа и для *солтскихъ людей*, для солдатъ и для офицеровъ, для археологовъ, для естествоиспытателей, для артистовъ... однимъ словомъ: для всѣхъ позовъ, сословій, возрастовъ и употребленій. Перечень названій представляетъ такую великолѣпную, разнообразную смѣсь, какой не встрѣтить и на знаменитой ярмаркѣ. Сердце радуется при чтеніи объявленій и обѣщаній; не будетъ ни одного дурнаго

журнала, ни одной дурной газеты, все будетъ отлично, велико-лѣпно и добросовѣстно; приняты всѣ надежащія мѣры; дѣло стоитъ только за подписчиками. Расчитано, разумѣется приблизительно, что если бы явился охотникъ читать въ 1859 году всѣ, безъ исключенія, повременныя изданія, ему слѣдовало бы читать каждый день до 50 печатныхъ листовъ; ѣсть, пить, спать, говорить и проч. не полагается. Немножко много! Нѣкоторые скептики льстятъ себя надеждою, что, по всей вѣроятности, крайнейшей мѣрѣ треть, если не болѣе, объявленныхъ изданій *ломаетъ* и такимъ образомъ облегчитъ затрудненіе читателей. Исполнится ли это предсказаніе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, эта вдругъ усилившаяся журнальная дѣятельность — явленіе отрадное, какъ доказательство развивающейся охоты и потребности читать. Въ добрый часъ.

Продолжая рѣчь о полезномъ, слѣдуетъ съ особеннымъ удовольствіемъ внести въ нашу лѣтопись еще одинъ пріятный фактъ движенія и успѣха. Торговый домъ Г. Г. Покитонова, Струговникова, Водова и комп., въ видахъ распространенія естественныхъ наукъ, столь полезныхъ и необходимыхъ человѣку, основалъ огромную бібліотеку по части естественныхъ наукъ; при ней магазинъ всѣхъ нужныхъ инструментовъ, снарядовъ и матеріаловъ и, наконецъ, каедру для чтенія публичныхъ лекцій. Смѣшно и странно было бы толковать здѣсь объ очевидной пользѣ такого благаго предпріятія; кто ее не сознаетъ, кто не порадуется этой прекрасной мысли; кто, вмѣстѣ съ нами, не поблагодаритъ учредителей? Большое, изящно и даже роскошно отдѣланное помѣщеніе, нанятое въ Пассажѣ, соединяетъ въ себѣ всѣ возможныя удобства для посѣтителей и слушателей. Въ большой залѣ устроены амфитеатромъ мѣста, предъ ними возвышается очень красивая каедрa. Четверо ученыхъ, заслужившихъ уже громкую и почетную извѣстность, читаютъ здѣсь, поочередно, публичныя лекціи: физики — академикъ *Леницъ*, физиологій — профессоръ *Загорскій*, ботаники — профессоръ *Ценьковский*, химіи — профессоръ *Ходневъ*. Для производства опытовъ, необходимыхъ часто при лекціяхъ и придающихъ имъ большее разнообразіе и занимательность, приглашенъ г. Шпаковский. Цѣны назначены весьма умѣренныя: ложи на 5-челов. продаются по три рубля, первые четыре ряда креселъ по рублю, вторыя мѣста по 50 коп., третьи мѣста на верхней галереѣ по 30 коп. сер. Слушателей и слушательницъ собирается постоянно чрезвычайно много; нарядныя дамы, фракы, военные

мундиры и даже длиннополые кафтаны, живописно перемѣшанные, доказываютъ, что у насъ во всякомъ сословіи есть охота поучиться уму-разуму и что мысль Торговаго дома Похитонова, Струговщикова, Водова и комп. встрѣтила не мало сочувствія въ жителяхъ Петербурга. Отъ всей души радуемся этому и желаемъ вновь брошенному зерну разрости въ сочный и питательный плодъ.

Что сказать вамъ еще? Пересказывать содержаніе прочитанныхъ уже лекцій почти невозможно, по тѣснотѣ уголка, который отводится обыкновенно лѣтописному листку. Читаются лекціи, разумѣется, прекрасно и, по возможности, популярно, профессоромъ Загорскимъ даже *слишкомъ* популярно; онъ, по нашему мнѣнію, черезчуръ много думаетъ о томъ, какъ бы сдѣлать свои объясненія доступными и понятными большинству слушателей; это стараніе растягиваетъ нѣсколько его лекціи и порождаетъ повторенія. За всѣмъ тѣмъ, слѣдуетъ отдать честь профессору Загорскому, лекціи его чрезвычайно занимательны и оживлены. Онъ умѣетъ и пошутить иногда кстати и рассказать анекдотъ, сдѣлать удачное сравненіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упустить изъ виду дѣла и рассказать его складно и увлекательно.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что хорошій примѣръ найдетъ подражаніе и, мало по малу, у насъ разовьются и облегчатся средства къ распространенію знаній; такимъ образомъ большее число желающихъ учиться будетъ въ состояніи достигнуть своей цѣли. Нѣтъ надобности, я полагаю, объяснять, какія неисчислимо-благодѣтельные послѣдствія влекутъ за собою подобныя учрежденія; нѣтъ надобности прибавлять, что Петербургъ можетъ смѣло гордиться такимъ нововведеніемъ. Физика, химія, физиология и ботаника, — на долю которыхъ выпало прежде другихъ наукъ явиться въ популярномъ и мастерскомъ изложеніи, — имѣютъ и болѣе обширное примѣненіе въ жизни человѣка. Не на каждомъ ип шагу представляются намъ вопросы и сомнѣнія, разрѣшеніе которыхъ лежитъ въ естествознаніи. Какъ не знать того, что окружаетъ cadaго изъ насъ въ нашей обыденной жизни, а все это развѣ не составляетъ содержанія четырехъ упомянутыхъ наукъ. Мольеровскій Журденъ возбуждаетъ общій хохотъ признаніемъ, что онъ, говоря нѣсколько лѣтъ прозой, не зналъ, что это проза; а сколько бы нашлось Журденовъ нашего времени, которымъ пришлось бы сознаться, что они, доживая свой вѣкъ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что

дышали и дышать 21 частью кислорода газа и 79 частями азотнаго.... А какъ много помогло бы распространеніе естествознанія нашимъ промышленникамъ, торговцамъ и ремесленникамъ! Все это, разумѣется, придетъ, наконецъ, и къ намъ; можетъ быть не скоро; но вѣдь и Римъ построенъ не въ одинъ день; слава Богу, что положено начало. Начало — дѣло великое....

Не подумайте, что Петербургъ, занимаясь дѣломъ, забывая веселиться; ни чуть не бывало; нынѣшнею зимою удовольствій и даже удовольствій новыхъ было болѣе, чѣмъ когда либо. Только выпадетъ снѣгъ, только установится подобіе санной дороги, на улицахъ петербургскихъ появляются ухарскія тройки, побрякивая заманчиво бубенчиками. Такой обычай, занесенный къ намъ изъ Москвы, существуетъ вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; не пзмѣнили ему и нынче. Бѣдятъ на этихъ тройкахъ, разумѣется, за городъ, иногда довольно чинно и семейно, съ безхитростнымъ желаніемъ прокатиться, иногда выпить плохаго чаю или, что еще хуже, плохаго вина; иногда поѣздки эти совершаются съ болѣе размахистымъ намѣреніемъ кутнуть во всё тяжкія. Такая поѣздка сопровождается обыкновенно веселымъ балкомъ. А вы изволите знать, что такое веселый балкъ въ Петербургѣ? Вотъ что недавно рассказывалъ мнѣ по этому поводу одинъ изъ пріятнѣйшихъ и веселѣйшихъ людей, какихъ я встрѣчалъ только когда либо.

— Разсуждай себѣ всякій, какъ знаетъ, а я стою на своемъ: ничего нѣтъ, да и быть не можетъ, лучше веселаго балика. Тутъ, братецъ ты мой, нѣтъ никакихъ этихъ стѣсненій и ста тысячъ китайскихъ церемоній, которыя нагоняютъ на меня вѣчно чертовскую скуку. Приведутъ тебѣ тройку, сѣлъ.... Постои, перебилъ онъ самъ себя, — чего тутъ далеко ходить; на прошлой недѣлѣ я былъ на балкѣ и клянусь тебѣ всѣми цыганками, — это былъ прелестнѣйшій балкъ.... Правда, тамъ случилась маленькая неприятность, ну, да что за бѣда; вѣдь, если разсудить здраво, безъ исторій обойтись и трудно; всякій, попмаешь, развеселится, ну, и выпьетъ лишнее, ну, тамъ, какое нибудь столкновеніе, горячее словцо, вотъ и вспыхнуло!... Да все это пустяки, а ты слушай дѣло и пойми, что я говорю сущую правду. Ну, вотъ-съ, встрѣчаю я въ балетѣ Тростникова, знаешь его? Отставной.... высокаго росту, съ большими черными бакенбардами, блѣдный такой, молодецъ-мужчина.... Не знаешь? Все равно; встрѣчаю я его въ балетѣ. — А я, говоритъ онъ мнѣ, хотѣлъ къ тебѣ заѣхать сегодня, да задержали. Жаль, го-

горю, что не заѣхалъ, я тебя всегда радъ видѣть. — И заѣхать хотѣлъ, говоритъ онъ, по дѣлу. — По дѣлу? что такое? — А вотъ, говоритъ, что: хочешь провести пріятно вечеръ, такъ вотъ тебѣ дозволеніе, по двадцати пяти, дешево и мило!... и сунулъ мнѣ билетикъ. Само собою разумѣется, я не отказался. Сѣли мы на тройку, какъ подхватила тройка, такъ только шапку держи; не успеешь яйца въ смятку сварить, какъ мы уже на мѣстѣ преступленія. Вошелъ я въ залу, вошелъ и глаза разбѣжались! То есть весь цвѣтъ собранъ. И посмотрѣлъ бы ты, что это за красавицы... Да ужъ я дѣло свое знаютъ хорошо; вѣдь ужъ коли, напригѣрь, у которой хороши шея и плечи, такъ она такъ тебѣ ихъ покажетъ, что у тебя голова закружится; смотришь ты и пропадаешь. Коли ножка хороша, сдумаетъ показать и ножку; ну, ужъ тамъ бровки, рѣсницы, цвѣтъ лица, свѣжесть губъ — все это исполнено артистически. Наряды... о нарядахъ и говорить нечего. Просто сказать: приведи какогонибудь пустынного, и тотъ пропадетъ... Поглядѣлъ бы ты, что съ нашею молодежью дѣлается — совсѣмъ другіе люди. Посмотри ихъ на балѣ, въ порядочномъ обществѣ и посмотри здѣсь, на веселомъ балкѣ — не узнаешь. Тамъ, т. е. въ порядочномъ-то обществѣ, всѣ они какіе-то сояные, двигаются словно водою облитые, едва говорить, всѣ принимаютъ какой-то неестественный, натянутый видъ; статскій онъ, такъ въ дипломаты лѣзетъ; военный, такъ озабоченнаго полководца корчить.... На балкѣ нѣтъ ни одного дипломата, ни одного озабоченнаго полководца, всѣ — просто молодые люди, собравшіеся повеселиться и покутить.... Что ты насупился?

— Ничего, сдѣлай милость, продолжай; все это чрезвычайно занимательно и поучительно.

— Ну, ужъ поученій я не люблю. Я рассказываю тебѣ не въ поученіе, а просто на просто, чтобы дать понятіе о томъ....

— О томъ, какъ тратятся деньги, молодость и свѣжесть, здоровье и силы; о томъ, какъ отрываются молодые люди отъ общества и семейнаго круга и идутъ, подъ руководствомъ какойнибудь Жозефины, къ раззоренію и....

— Э! братецъ ты мой, куда ты хватилъ! Если ты смотришь на эти вещи такимъ образомъ, я больше ни слова. И что за страсть проповѣдывать; не нравится тебѣ, и не ходи; вѣдь тебя насильно никто не потащитъ; а другому-то больше и дѣлать нечего, ну, онъ и ѣдетъ.... Что тебѣ до этого? Да и большая

бѣда, что молодой человекъ кутнеть и приволокнется за какой нибудь Жозефиной....

— Ты говоришь, кажется, о какой-то неприятой исторіи?

— Да, дѣйствительно, вышло маленькое недоразумѣніе. Тамъ былъ одинъ изъ нашихъ, довольно задорный малый, привязался онъ къ какому-то статскому; тотъ сначала-то смолчалъ, а потомъ, надумался что ли, подошелъ къ нашему-то молодцу дацъ....

— Что?

— Что? разумѣется, что: по лѣвой и по правой....

— Что жь дацѣ?

— А я почему знаю; разберуть, это не мое дѣло.

Я полагаю, что неприятой этой исторіи вовсе не бывало; сомнѣваюсь даже, существуютъ ли точно въ Петербургѣ подобные бабки, а ужь если они и существуютъ, то развѣ какъ исключеніе.

У Петербурга есть болѣе изящныя и возвышенныя наслажденія. Вотъ, напримѣръ, хоть бы взять Итальянскую Оперу. Съ какимъ постоянствомъ жители Петербурга уже нѣсколько лѣтъ остаются меломанами и усердными поклонниками итальянскихъ пѣвицъ и пѣвцовъ. Съ какимъ неизмѣннымъ восторгомъ ловятъ каждый музыкальный звукъ, вылетающій изъ итальянской, артистической груди. Какъ усердно и искренно рукоплещутъ каждой трели, каждой ноткѣ. Сколько великолѣпнѣйшихъ букетовъ перелетитъ въ зиму, черезъ рампу, къ ногамъ увлекательныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ. Какъ наполнены логи и кресла. Какъ блистательны и изящны наряды прелестныхъ дамъ. Какъ безукоризненно-свѣжи перчатки меломановъ. Какую чудную картину представляетъ это огромное число любителей итальянской музыки, одушевленное одинаковымъ восторгомъ, одинаковымъ стремленіемъ наслаждаться этою музыкою.

И неужели это стремленіе не искренно; неужели этими любителями музыки руководятъ, хотя нѣсколько, мода, свѣтскіи обычаи, желаніе не отстать отъ другихъ, желаніе показать себя и свой превосходный нарядъ? Неужели и въ этихъ, музыкально, по видимому, настроенныхъ душахъ, глѣздится крошечный бѣсъ тщеславія и строитъ козни противъ Россіи, Мейербера, Верди и другихъ знаменитыхъ маэстро, работая только на пользу собственную? Возможно ли, чтобы какая нибудь, напримѣръ, прелестная блондинка, съ тихимъ и задумчивымъ выраженіемъ на лицѣ, съ ясными и кроткими глазками, съ плѣнительнѣйшею и добродушнѣйшею улыбкою, могла слушать нашептыванія бѣ-

совскія и хотъ на минуту отвлечься отъ чистаго наслажденія музыкою, ради какихъ нибудь грѣшныхъ помысловъ? Возможно ли, чтобы этотъ величественный брюнетъ, въ такомъ красивомъ мундирѣ, не понимая музыки, рукоплескалъ съ такою горячностію? Возможно ли, чтобы этотъ немоцный, но еще бодрящійся старецъ, подстрекаемый бѣсомъ, заглядѣлся на шею и плечи непостижимой бѣлизны и не слышалъ ни одной нотки неподражаемаго Россини? Возможно ли, чтобы этотъ солидный господинъ, непринужденно облокотившійся на барьеръ сосѣдняго бенуара, задолжалъ по уши, для того только, чтобы сидѣть тутъ, подгѣ этой ложки, а не для того, чтобы восхищаться чуднымъ голосомъ г-жи Бозіо? Неужели между этимъ огромнымъ и блестятельнымъ стеченіемъ слушателей, такъ немного истинныхъ любителей и цѣнителей музыки?... Рѣшать всѣ эти болѣе или менѣе грустные вопросы предоставляется желающему, мы же скажемъ нѣсколько словъ о самой оперѣ.

Не пугайтесь; о всемъ томъ, что уже разобрано нѣсколько сотъ разъ присяжными критиками, о чемъ толковалось и вкривь и вкосъ, здѣсь не будетъ и рѣчи. Въ послѣднее время особенно замѣчательный успѣхъ имѣла у насъ небольшая опера Россини «Comte Ory» (графъ Ори). О ней-то и должно сказать два, три слова; опера эта написана Россини до «Вильгельма Телля», слѣдовательно существуетъ уже тридцать лѣтъ, но у насъ составляетъ новость. Вотъ ея краткая исторія:

Въ 1825 году, въ бытность Россини въ Парижѣ, была представлена его опера, названная, по случаю коронаванія Карла X: *il Viaggio a Reims*. Опера обязана своимъ успѣхомъ особенно-хорошему исполненію г-жами Паста, Монбелли, Чинти (впослѣдствіи Даморо) и гг. Цукелли, Донцелли, Бордоньи, Пеллегрини и Левассеромъ. Директорія возымѣла несчастную идею возобновитъ ее въ 1848 году и такимъ образомъ выставить на достойную оцѣнку новаго поколѣнія даже слабыя стороны этой попытка попытки, впрочемъ, давшей знаменитому композитору одно изъ лучшихъ мѣстъ въ оперѣ «Графъ Ори».

По счастью, Россини не остановился на этомъ. Въ слѣдующемъ 1826 году, онъ передѣлалъ для французской оперы своего *Maometto Secondo*; новое это сочиненіе было названо: «*le Siége de Corinthe*» и имѣло большой успѣхъ. Итальянская партитура была совершенно передѣлана; множество мѣстъ исчезло и было замѣнено совершенно новыми; между ними можно упомянуть о

большой ариѣ, пѣтой г-жею Даморо и удивительной сценѣ благословенія знаменъ въ 3-мъ дѣйствіи.

Въ 1827 году онъ изъ итальянскаго Моисе сдѣлалъ французскаго Моисе въ 4-хъ дѣйствіяхъ, имѣвшаго такой громаднѣйшій успѣхъ въ Большой Оперѣ.

«Графъ Ори», представленный въ 1828 году, заключаетъ въ себѣ, какъ мы уже сказали, отрывки изъ Итальянской оперы *il Viaggio a Reims*; тамъ встрѣчаются, впрочемъ, мѣста, заимствованныя и изъ другихъ партій Россини; между прочимъ ариѣ изъ *Матильды ди Шабранъ*; но главная часть оперы совершенно новая и представляетъ такое стройное общее, такъ согласующееся съ содержаніемъ, что можно подумать, что музыка этой оперы, съ начала до конца, написана въ одинъ присѣсть, и подъ вліяніемъ одного и того же содержанія. Опера эта можетъ смѣло стать на ряду съ самыми знаменитыми произведеніями великаго маэстро. Съ самой интродукціи до финальнаго тріо — это прелестнѣйшій образецъ граціи, ума и провіи; истинный типъ настоящей французской музыки. За всѣмъ тѣмъ *Графъ Ори* никогда не имѣлъ успѣха на первой парижской лирической сценѣ; возбуждая восторгъ на провинціальныхъ театрахъ и въ гостинныхъ, онъ часто бывалъ исключаемъ изъ репертуара Большой Оперы. Причиною этого было, вѣроятно, затрудненіе къ совершенному исполненію, встрѣчающемуся очень рѣдко, а равно и привычка публики къ великолѣпной постановкѣ большихъ оперъ въ пять дѣйствій.

Тѣмъ болѣе чести и нашимъ артистамъ (г-жѣ Бозіо, гг. Кальцолари, Эверарди и друг.) и постановкѣ этой оперы на сценѣ нашего Большаго Театра, потому что, повторяю, у насъ она имѣла большой успѣхъ.

На тѣхъ же самыхъ подмосткахъ, гдѣ умиралъ Эдгаръ, для того, чтобы потомъ, возставъ отъ смерти, привѣтливо раскланяться рукоплещущей ему публикѣ, отличались прелестныя сифиды, феи и другія не менѣе очаровательныя существа. Цѣлый рой полувоздушныхъ, такъ, по крайней мѣрѣ, кажется издали, легкихъ, прелестныхъ и вѣчно юныхъ созданій порхалъ здѣсь среди холщевыхъ деревьевъ, замковъ, садовъ и другихъ чудесъ Роллера, вызывая громкіе восторги и одобренія. Сколько молодыхъ и дряхлѣвшихъ смертныхъ мгло и таяло подъ обаяніемъ красоты, мишуры и трико. Сколько пріятныхъ, хотя и безпокойныхъ, сновъ и мечтаній навѣяло этими прекраснѣйшими *pas de quatre, pas de deux* и другими изобрѣтеніями даровитаго Перро!

Счастливыи, неопытныи женщина! какъ завидую я себѣ, что на твой взглядъ очаровательныи даже и тѣ женщины, которыи остаются въ заднихъ рядахъ, въ полутемной, таинственной дали. Ты не видишь, что этотъ легкий смѣхъ задыхается отъ усталости, ты не видишь, что эта очаровательная русалка чуть-чуть не потеряла великолѣпнѣйшыи волосы; все для тебя ослѣпительно, прекрасно. Сто кратъ счастливыи ты, имѣющаи право восхищаться, а не всматриваться и не судить, потому что наслаждение твое полно и горячо. Проживаясь, однакожь, чувствомъ откровенности, должно сознаться, что и мы, люди положительныи и солидныи, но не безгрѣшныи, не прочь полюбоваться чудесами, выдѣлывающимися иногда ножкой даровитой, искусной и хорошеиной танцовщицы. За доказательствомъ ходить не далеко. Кто, напримѣръ, будь онъ самый положительный и самый солидный изъ 490,808 жителей Петербурга, не придетъ въ восторгъ отъ изумительнаго искусства г-жи Феррарисъ?...

Прекрасная танцовщица эта явилась у насъ въ роли Эолины въ великолѣпно поставленномъ новомъ балетѣ. Г. Перро выбралъ содержаніемъ своего новаго балета легенду. Въ ней дѣло идетъ о любви повелителя горныхъ духовъ Рубзала къ прелестной дриадѣ — Эолинѣ; Эолина помолвлена за прекраснаго графа Эдгара и отвергаетъ несчастную страсть Рубзала. Злой и мстительный духъ преслѣдуетъ суровую дриаду, дѣлаетъ ей различныи мерзости и наконецъ, въ день свадьбы ея съ прекраснымъ графомъ, сжигаетъ лѣсъ, для того, чтобы сжечь дерево, съ которымъ связано существованіе Эолины. Для желающихъ ближе и обстоятельнѣе познакомиться съ содержаніемъ новаго балета, въ кассѣ Большаго Театра продается программа.

Полуфантастическое содержаніе новаго произведенія, великолѣпныи декорации и машины г. Роллера, а главное — искусство г-жи Феррарисъ доставили г-ну Перро новыи завры. Какъ не длиненъ балетъ, его смотреть охотно, театръ всегда полонъ и рукоплесканіямъ и вызовамъ нѣсть числа.

Г-жа Феррарисъ принадлежитъ къ небольшому числу первоклассныхъ европейскихъ танцовщицъ. Сила, быстрота, отчетливость и грація, соединяясь съ прекрасною наружностію г-жи Феррарисъ, побѣждаютъ даже тѣхъ, которые, почему-то, глядяи сначала на гостью съ предубѣжденіемъ. Трудности, которыи выдѣлываетъ г-жа Феррарисъ какъ бы шутя, изумительныи и превосходятъ все, что мы видѣли до сихъ поръ. Она уступаетъ нѣсколько своимъ знаменитымъ соперницамъ — Тальони, Фании Эльслеръ и

иной Богдановой, въ мимикѣ и болѣе чуждымъ движеніямъ; за то, по легкости, силѣ и быстротѣ, — это рѣшительно неподражаемая танцовщица. Г-жа Феррарисъ не пользуется съведѣтельными русскими танцорамъ, а вырываетъ ихъ у зрителей. Ея русская танцовщица, по моему, самая лучшая оцѣнка и награда истинному артисту. Я убѣжденъ, что каждый изъ артистовъ очень хорошо умѣетъ различить эти вырванные изъ рукоплесканія, громкія, дружныя, невольныя, отъ тѣхъ, которыя возбуждаются какою нибудь поклонникомъ-хлопальщикомъ и похожи, своимъ значеніемъ, на подогрѣтое кушанье. Точно также убѣжденъ, что излишнее усердіе нѣкоторыхъ поклонниковъ вредно ставитъ артистку въ довольно неловкое положеніе. Такъ, недавно, въ бенефисъ г. Петипа, кому-то вздумалось, ни съ того, ни съ другаго, воднести букетъ г-жѣ Кошовой, которая, хотя и оправдываетъ пріятныя надежды видѣть ее хорошою танцовщицею, танцевала въ этотъ вечеръ весьма незначительное не и, по всей вѣроятности, была удивлена излишнимъ усердіемъ въ видѣ букета.

Бенефисъ г. Петипа былъ составленъ весьма роскошно и удачно. Новый балетъ, поставленный бенефициантомъ: «Бракъ во время регенства» не хитеръ по содержанію и не можетъ называться чудомъ хореографическаго искусства, но, при участіи нашихъ любимѣйшихъ танцовщицъ: г-жъ Прихужовой, Муравьевой, Амосовой и Петипа, понравился публикѣ и вѣроятно продержится на сценѣ.... трудно опредѣлить время съ точностію. Особенно хороши были г-жи Прихужова и Муравьева, заслужившія безчисленное множество рукоплесканій и букеты.

Въ балетѣ этомъ явилась еще новая, болѣе прекрасная, чѣмъ искусная танцовщица г-жа Пуссенъ. Особенную похвалу заслуживаетъ дебютантка за свою скромность; благородное качество это увеличиваетъ красоту и обязываетъ судей къ снисходительности.

Въ Петербургѣ появилась еще одна танцовщица—миссъ Лидія Томсонъ, именующая себя первою танцовщицею лондонскихъ театровъ: Сент-Джемскаго и Друриенскаго; но такъ какъ прелестная миссъ дебютировала на сценѣ Михайловскаго театра, то мы простимся съ балетомъ и взглянемъ на французскія представленія.

Здѣсь, прежде всего, поражаетъ почти всѣхъ, посѣщающихъ Михайловскій театръ, грустная бѣдность нынѣшняго репертуара. Въ послѣднее время почти не было ни одной французской

пьесы, выходящей изъ ряду посредственности. Не наше дѣло доискиваться причинъ такого прискорбнаго застоя въ драматической литературѣ французской; но нельзя, однакожъ, не пожалѣть, что даровитымъ актерамъ Михайловскаго театра нерѣдко приходится разыгрывать неудачные фарсы или плохія мелодрамы. Нѣсколько бенефисовъ сряду не принесли ни малѣйшей лепты въ сокровищницу, прежде столь богатую, дававшую хлѣбъ насущный и русскому и нѣмецкому театру. Сокровищница эта пуста теперь, какъ карманъ промотавшагося купеческаго сына. Этою только пустотою, конечно, можно объяснить частое повтореніе какой нибудь чепухи, въ родѣ произведенія гг. Тьеры и Дюпѣти «*Les canotiers de la Seine*», съ веселыми танцами въ заключеніе, или комедіи-водевиля гг. Дюро и Лазанна «*M-r Le Sac et M-e La Braise*», вѣтскимъ же окончаніемъ и т. п. Немудрено, что при такомъ драматическомъ неурожаѣ, многимъ нравится драма «*Les crochets du père Martin*», хотя въ сущности она принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ довольно обыкновеннымъ произведеніямъ и обязана своимъ успѣхомъ только прекрасному и дружному исполненію. Никто, разумѣется, не посѣтуетъ на то, что въ лѣтописи послѣдняго времени 1858 года, канувшаго въ вѣчность, нѣтъ подробнаго перечня плохихъ пьесъ и не пересказывается ихъ незанимательное содержаніе. Это было бы бесполезно, очень длинно и вовсе незанимательно; а потому къ весьма краткому отчету о Михайловскомъ театрѣ остается прибавить только, что г-жа Напталъ-Арно, съ каждымъ представленіемъ, болѣе и болѣе нравится Петербургу и составляетъ блистательное пополненіе нашей прекрасной французской труппы. Слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что г. Варле, въ бенефисъ свой, возобновилъ комедію Мольера «*Le bourgeois gentilhomme*», въ которой самъ занималъ роль Журдена. Г. Варле — актеръ весьма добросовѣстный и умный; онъ съ успѣхомъ исполняетъ второстепенныя роли; но въ роли Журдена былъ, кажется, не на своемъ мѣстѣ. Въ игрѣ его, казалось намъ, недоставао необходимой веселости, наивности и легкости; что придадо и всей комедіи какой-то вялый, скучный оттѣнокъ. Г-жа Вольнисъ была за то выше всякихъ похвалъ. Смѣхъ ея, при видѣ разрядившагося Журдена, доходящій до истерики, былъ до того натураленъ, что произвелъ на зрителей поразительное впечатлѣніе; зрители, то увлекаемые имъ, хохотали до слезъ вмѣстѣ съ г-жею Вольнисъ; то, въ какомъ-то изумленіи, сдерживали свой смѣхъ и потомъ разражались громкими рукоплесканіями. Игра г-жи Вольнисъ доходитъ до высшей степени совершенства въ то

время, когда она, обезсиливаемая хохотомъ, опускается на полъ, не можетъ произнести ни одного слова, глядитъ, съ умоляющимъ видомъ, на растерявшагося и разгнѣваннаго господина и рукой дѣлаетъ движенія, какъ бы упрашивая ударить ее, авось смѣхъ, неудержимый, мучительный, прекратится. Нужно видѣть г-жу Вольнисъ въ эту минуту, чтобы понять, до чего подвижно и выразительно ея лице, какъ звонокъ и увлекателенъ ея смѣхъ, какъ высоко въ ней и дарованіе и искусство. Я помню, какъ лѣтъ десять тому назадъ, смѣялся М. С. Щепкинъ въ роли Кочкарева въ комедіи Гоголя «Женитьба»; до сихъ поръ впечатлѣніе этого смѣха свѣжо въ моей памяти; но смѣхъ г-жи Вольнисъ въ комедіи Мольера выше и поразительнѣе. Г. Варле сдѣлалъ прекрасно, возобновивъ комедію Мольера, какъ бы въ упрекъ современному драматическому безплодію; тутъ *старый другъ лучше десятка новыхъ*.

Чтобы не надоѣдать снисходительнѣйшимъ читателямъ петербургской лѣтописи толками о театрѣ, можно бы, ради разнообразія, поговорить о новостяхъ другаго рода.... О болѣе замѣчательномъ уже сказано выше; осталось весьма не важное, но лѣтопись не имѣетъ права пренебрегать ни чѣмъ, ибо *о вкусахъ не спорятъ*. Какъ знать, можетъ быть, кому нибудь покажется весьма любопытнымъ сказаніе о могущественномъ укротителѣ дикихъ звѣрей — г. Крейцбергѣ, недавно появившемся въ Петербургѣ, съ огромнымъ звѣринцемъ, въ которомъ хозяину покорны и страшный левъ, и свирѣпый тигръ и злая гіена, сильный медвѣдь и проч. и проч. все, что приводитъ въ трепетъ слабыхъ смертныхъ. Огромный, какъ уже сказано, и очень хорошій звѣринецъ г. Крейцберга, какихъ, сколько помнится, не было еще до сихъ поръ въ Петербургѣ, самъ по себѣ уже заслуживаетъ вниманія людей любопытныхъ и любознательныхъ. Звѣри, почти всѣхъ замѣчательныхъ породъ, рослы, откормлены, и, стало быть, сохраняютъ свою природную красоту или безобразіе, что случается весьма рѣдко въ обыкновенныхъ звѣринцахъ. Но это еще не составляетъ главнаго достоинства заведенія г. Крейцберга; посѣтителей привлекаетъ искусство хозяина укротить звѣрей, иначе — воспитывать. Умилительно и трогательно видѣть, когда г. Крейцбергъ входитъ въ большую клѣтку, гдѣ его окружаютъ его же воспитанники, изъ львовъ, тигровъ, гіенъ и медвѣдей обратившіеся чуть не въ овечекъ. Наставникъ роздаетъ имъ мясо и крошечные куски сахару, избраннымъ позволяетъ даже цѣловать себя; наконецъ, левъ прыгаетъ у него черезъ барьеръ; медвѣдь или тигръ носятъ на спинѣ овечку — и все это дѣлается при по-

мени разговора и шуточек и небольшого хмыста. Удивительно! зѣврей динуть, и тѣхъ воспеваютъ! У кого есть дѣти, тотъ можетъ сказать: обезьяны дѣти! смотрите и поучайтесь, какъ воспитаніе смягчаетъ нравы!...

Есть въ Петербургѣ еще быкъ — *осликами*, по выраженію печатнаго объявленія, съ портретомъ рогатаго героя; въ объявленіи рассказываются чудеса о его величій и изумительномъ проворствѣ; но нѣкоторые господа, бывавшіе въ Малороссіи, говорятъ, что тамъ подобныя великаны не рѣдкость.

Есть еще драгоценное собраніе *людей-феноменовъ*: престестная, похожая на обезьяну миссъ Юлія Пастрана, альбиносса и карликъ, вѣдь звучнымъ именемъ Пиколонини. Ясно, что не только красота, но и уродство могутъ дать деньги.

Больше, правда, ничего нѣтъ и номероѣ приходится обратиться къ театру и именно нѣмецкому. Въ настоящее время на сценѣ Театра-цирка появилась знаменитость, о которой давно уже толкуютъ въ Европѣ, и которая въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ этого. Я говорю объ Эйрѣ Ольдридѣ, одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ актеровъ въ Европѣ, который пріѣхалъ въ Петербургъ на весьма короткое время и играетъ съ актерами нашей нѣмецкой труппы. Прежде исильнаго разбора его, по истинѣ поразительной игры, слѣдуетъ сообщить читателямъ кое-какія біографическія данныя о черномъ артистѣ.

Вотъ что говоритъ о немъ одинъ нѣмецкій біографъ (Meyer's Conversations-Lexicon Supl. T. I):

Негръ Эйра Ольдридъ составилъ себѣ извѣстность первостепеннаго драматическаго артиста. Предки его владѣли племенемъ Фуллаховъ, обитающимъ по лѣвому берегу р. Сенегала. Къ дѣду Эйры, далеко превосходившему образованіемъ своихъ со-владельниковъ, прибылъ сѣверо-американскій миссіонеръ и приобрьлъ надъ нимъ такое вліяніе, что черный владѣтель покланяся своему другу и учителю: преобразить совершенно торговлю невольниками и воспитать своего сына въ Сѣверной Америкѣ. Учитель и сынъ владѣтеля дѣйствительно сѣли на корабль въ гавани Сенегала; но чрезъ три дня возстало племя Фуллаховъ, недолжное нововведеніемъ, по которому, вмѣсто продажи военнопленныхъ, ихъ стали вымѣнивать. Владѣтель погибъ со всеѣмъ своимъ семействомъ и всеѣми приверженцами. Сынъ его, между тѣмъ, съ своимъ наставникомъ, прибылъ благополучно въ Сѣверную Америку и былъ принятъ въ Шенектадѣйскую Коллегію, близъ Нью-Йорна, гдѣ и воспитался какъ христіанинъ. Замѣтатель-

ные способности и успѣхи дали ему право на духовное званіе, къ которому онъ самъ чувствовалъ призваніе. На это согласилось и начальство Коллежій, съ тѣмъ, чтобы онъ, по возвращеніи въ свое отечество, могъ способствовать распространенію христіанской религіи.

По смерти предводителя бунтовщиковъ и убійцы прежняго предводителя, Даніэль Ольдриджъ, снабженный отъ друзей индустриальнаго средствами и въ сопровожденіи негрятки, избранной имъ, въ Сѣверной Америкѣ, въ подруги жизни, отправился въ Сенегамбію.

Черезъ мѣсяць по прибытіи ихъ сюда, родился Эйра.

Начало предпріятія сулило много хорошаго. Въ пользу возвратившагося, законнаго наслѣдника, составила сильная партія и, казалось, съ ея помощію, Даніэль могъ заступитъ мѣсто своего отца... Но торговцы невольниками бросили новую искру раздора и, въ кровопролитнѣйшей борьбѣ, Даніэль былъ пораженъ и, наконецъ, покинуть почти всѣми своими приверженцами. Могущество враговъ отняло у него даже средства уѣхать за море, и девять лѣтъ блуждалъ онъ отъ жижинны до жижинны, изъ одного лѣса въ другой.

Малютка Эйра то сопровождалъ своего отца, то былъ съ нимъ разлучаемъ; такимъ образомъ, первые годы его дѣтства прошли среди раздражающихъ сценъ, воспоминаніе о которыхъ навсегда осталось ненаглядно. Эти-то первые впечатлѣнія, сами по себѣ уже представляли трагедію, какой не встрѣтишь всегда на театральныхъ подмосткахъ. Однажды восьмилѣтній Эйра игралъ предъ жижинной, гдѣ былъ скрытъ его отецъ; вооруженные враги проходили мимо; сходство ребенка съ бѣглецомъ поразило ихъ, и они готовы были уже вернуться въ жижину, но хладнокровное увѣреніе хозяйки, что это ея дитя, отклонило ихъ намѣреніе.

Наконецъ, снасительный корабль отвезъ все несчастное семейство въ Соединенные Штаты. Здѣсь претендентъ на власть обратился въ пастора Даніэля Ольдриджа и сдѣлался однимъ изъ тѣхъ злополучныхъ черныхъ проповѣдниковъ, которыхъ встрѣчаютъ насмѣшка и презрѣніе бѣлыхъ.

Даніэль видѣлъ торжество своего сына Эйры и умеръ только въ 1840 году, искренно оплакиваемый своею паствою. Другой сынъ Даніэля умеръ прежде отца; онъ палъ жертвою своего происхожденія, такъ какъ въ Нью-Орлеанѣ негры были лишены покровительства закона. Убіенство сына Ольдриджа бѣ-

онъ остался безъ всякихъ судебныхъ послѣдствій и прошло незамѣченнымъ.

Эйра готовился также къ духовному званію; но театръ такъ плѣнилъ его, что онъ принялся за изученіе нѣкоторыхъ драматическихъ ролей и поступилъ на театръ любителей-негровъ. Бѣлая чернь разрушила этотъ театръ черныхъ любителей; тогда Эйра поступилъ слугою къ первому герою Чатамскаго театра, съ тѣмъ, чтобы за кулисами слѣдить за драматическими представленіями, такъ какъ входъ въ театръ былъ запрещенъ неграмъ. Между тѣмъ, при покровительствѣ епископовъ Брентона и Мильнера, Эйра былъ принятъ въ Шенектадійскую Коллегію, чтобы тамъ изучить Богословіе. Въ 1825 году онъ поступилъ въ Глазговскій университетъ; но въ слѣдующемъ же году покинулъ уже его и дебютировалъ на провинціальномъ театрѣ, при громкихъ рукоплесканіяхъ, въ роли *Отелло*. Одна образованная и чрезвычайно милая дама, по слухамъ, дочь члена Парламента, влюбилась въ молодого черного артиста и отдала ему свою руку (разумеется, вмѣстѣ съ сердцемъ).

Извѣстность Эйра Ольдриджа росла болѣе и болѣе, потому что онъ игралъ на болѣе и болѣе знаменитыхъ провинціальныхъ театрахъ; сначала только въ роляхъ негровъ, какъ: въ *Отелло*, *Гамбія* — въ «Невольникахъ», *Мумо* — въ водевилѣ Бикерстаффа «*The padlock*» и *Цинна* — въ трагедіи Юнга «*Мечь*»; потомъ, въ роляхъ *Макбета*, *Шейлока* и друг.

Только въ 1833 году, онъ поступилъ на Ковентгарденскій театръ въ Лондонѣ, гдѣ имѣлъ особенный успѣхъ послѣ изданія брошюры: «Memoir and theatrical coveer of Ira Aldridge». Съ этихъ поръ Эйра Ольдриджъ игралъ почти на всѣхъ великобританскихъ театрахъ. Въ 1838 году Сенъ-Домингская палата представителей, въ признательность за его заслуги, послала ему поздравительный адресъ и патентъ на чинъ капитана Гантской арміи, съ назначеніемъ его въ почетные адъютанты президента Боиэ.

Въ 1852 знаменитый черный трагикъ посѣтилъ материкъ Европы и игралъ въ Брюсселѣ, Ахенѣ, Кельнѣ, Боннѣ, Кобургѣ, Лейпцигѣ, Берлинѣ и т. д., и вездѣ одинаково возбуждалъ общее удивленіе.

Хотя игра его образовалась подъ вліяніемъ англійскихъ трагиковъ, но онъ сумѣлъ освободиться отъ этого вліянія, сбросить всѣ классическія преданія и стать независимымъ, своеобразнымъ и великимъ актеромъ.

У насъ онъ исполнилъ три роли, въ безсмертныхъ произведеніяхъ Шекспира — *Отелло*, *Лира* и *Шейлока* — и одну комическую роль, роль негра *Мулю* въ водевилѣ Бпкерстафа «The padlock». Этихъ четырехъ ролей *слишкомъ* довольно для того, чтобы опредѣлить совершенно степень даровитости и искусства исполнителя. У насъ сужденія публики объ Эйрѣ Ольриджѣ, и послѣ исполненія имъ этихъ четырехъ ролей, остались сбивчивыми и противорѣчащими одно другому довольно рѣзко. Одни приходятъ въ неописанный восторгъ отъ каждаго движенія пальцемъ чернаго трагика, другіе находятъ его холоднымъ, изысканнымъ и неестественнымъ. Одни говорятъ, что его можно поставить на ряду разѣ съ великимъ современнымъ итальянскимъ трагикомъ Сальвини, другіе сравниваютъ его съ покойнымъ Каратыгинымъ. И не только публика петербургская дѣлится на двѣ стороны: *ольдриджистовъ* и *антиольдриджистовъ*, но такое же раздѣленіе мнѣній видно и между нашими артистами, такое же раздѣленіе, немного смягченное, замѣтно и между рецензентами. Не ясное ли это доказательство того, что Ольдриджъ — артистъ, далеко выходящій изъ ряду обыкновенныхъ. Но нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ этому доказательству, когда есть гораздо сильнѣйшее — это тотъ живой, горячій восторгъ, который возбуждала постоянно игра чернаго трагика въ зрителяхъ, не понимающихъ даже англійскаго языка. Лице Эйры Ольдриджа до того подвижно и выразительно, движенія такъ согласуются съ каждымъ положеніемъ его роли, что они какъ бы замѣняютъ живую рѣчь; къ этимъ неотъемлемымъ его достоинствамъ надо прибавить еще главное качество этого замѣчательнаго артиста — внутреннюю силу, огонь, который согрѣваетъ и освѣщаетъ [всю игру и дѣйствуетъ особенно обаятельно на зрителя. Безъ этого огня, артистъ, по нашему мнѣнію, не артистъ, а фокусникъ, *передразниватель*; онъ можетъ, при умѣ и навыкѣ къ сценѣ, нравиться зрителю, озадачивать иногда какимъ нибудь эффектомъ; но никогда не увлечетъ, какъ увлекаетъ Ольдриджъ. То, что принимаютъ нѣкоторые въ Ольдриджѣ за искусственность и изысканность, составляетъ только усиліе обуздать собственный пылъ и чувства, которыхъ цѣлая бездна въ этомъ удивительномъ артистѣ. Тонкіе оттѣнки, придаваемые Ольдриждемъ каждой роли, показываютъ, что онъ не только артистъ въ высокой степени даровитый, но и умный. Наружность его весьма представительна; при среднемъ ростѣ, Ольдриджъ умѣетъ быть величественнымъ, когда это нужно;

увѣсть явиться красивымъ маэромъ, отвратительнымъ лицомъ, венчаемымъ старцемъ-королемъ и, наконецъ, забытымъ и тупоумнымъ негромъ. Голосъ его способенъ гремѣть ужасающими проклятіями и нѣжно, музыкально нашептывать слова любви и ласки....

Съ такими силами Олдриджъ не могъ задуматься въ выборѣ ролей. Великій и безсмертный Шекспиръ представлялъ ему обширное, славное и почти единственное поприще. Роль Отелло припала, кажется, болѣе другихъ по натурѣ Олдриджу и потому-то, можетъ быть, онъ и выбралъ ее для перваго своего дебюта. Предъ зрителями, наполнившими сверху до низу Театръ-циркъ, тотъ самый циркъ, гдѣ такъ часто г. Орловскій въ голубомъ или розовомъ галстучкѣ кидался, къ ужасу чувствительныхъ нѣмокъ, съ *неприступной скалы въ холодную бездну страшныхъ волнъ*, явился Отелло, настоящій шекспировскій Отелло. За взрывомъ обычныхъ, привѣтственныхъ рукоплесканій, наступила мертвая тишина и общее вниманіе сосредоточилось, разумѣется, на новомъ истолкователѣ Шекспира.

Предъ зрителями стоялъ мавръ, опаленный солнцемъ, гордый своими заслугами и славой, величественный и прекрасный, способный покориться и властвовать, любить и мстить. Съ перваго же появленія, отъ этой личности на зрителя повѣяло чѣмъ-то обаятельнымъ, зритель былъ уже подкупленъ; такова сила истиннаго дарованія и высокаго искусства. Такъ, по рассказамъ, явился на сценѣ Друриленскаго театра другой знаменитый трагикъ Эдмондъ Кинъ, заставившій присмирѣть полупьяную, буйную чернь, пускаемую обыкновенно въ лондонскіе театры за половину цѣны. Только Олдриджъ могъ передать такъ полно, осязательно и вѣрно громадную личность Отелло, созданную великимъ гениемъ Шекспира. Только великій актеръ могъ соединить и выказать въ этой роли и ту женственную нѣжность, къ какой способна только глубокая и безкорыстная любовь матери, и тотъ пылъ страсти, какой Шекспиръ очень вѣрно придалъ пламенной натурѣ мавра, и то неукротимое бѣшенство, которое уподобляетъ человѣка разсвирѣпѣвшему тигру. Были минуты, когда Олдриджъ-Отелло, расхаживая по сценѣ, поразительно напоминалъ озлившагося тигра. Въ сценѣ съ Яго онъ былъ просто страшенъ; лице его блѣдное, почти зеленое, дергалось судорогами неукротимаго бѣшенства, а голосъ походилъ на львиное рыканье; зрители рукоплескали восторженно....

Не стану пересказывать, сцена за сценою, содержанія прощеденія, такъ давно знакомаго почти всѣмъ. Его знаютъ не

только тѣ, которые съ любовью и съ толкомъ изучали Шекспира, но даже и тѣ, которые просто посѣщали русскій театр. Скажу только, что игра Ольдриджа до такой степени естественна и увлекательна, что на лицахъ зрителей, по крайней мѣрѣ, большей части зрителей, отражаются попеременно всѣ ощущенія Отелло. Тихіе, нѣжные и гармоническіе звуки голоса Отелло-Ольдриджа, когда онъ высказываетъ свою любовь къ Дездемонѣ, умиляютъ и разнѣживаютъ зрителя; онъ, кажется, вмѣстѣ съ Отелло, любитъ въ эту минуту Дездемону, забывая даже, что она не совсѣмъ удовлетворительно олицетворяется г-жею Полмертъ. Вмѣстѣ съ Отелло, кажется, зритель мало по малу, поддается вознѣхъ Яго, вѣрится ему и бонется оскорбить подозрѣніемъ чистую и страстно любимую имъ Дездемону....

Съ какою поразительною истиною передаетъ Ольдриджъ этотъ постепенный переходъ отъ страстной любви сначала къ неясному подозрѣнію, потомъ къ ревности, то утихающей, то разгорающейся съ новою силою и превращающейся, наконецъ, въ бѣшеную страсть и неукротимое желаніе разбить кумиръ, которому онъ поклонялся до сихъ поръ. Но и въ припадкѣ ревности, достигающей крайнихъ и ужасающихъ предѣловъ безразсудной страсти, сколько еще любви въ Отелло-Ольдриджѣ; какою нѣжною, какою подавляемою, былою страстію звучитъ голосъ Ольдриджа, когда онъ спрашиваетъ Дездемону:

Молилась ли ты?

Сколько отчаянія, тихаго, но страшнаго и раздрающаго духу, проявляется въ Отелло, когда онъ открываетъ гнусное предательство Яго и невинность Дездемоны. Онъ даже возбуждаетъ въ зрителѣ сочувствіе и слезы сожалѣнія. Совершенство, съ какимъ показалъ Ольдриджъ зарожденіе страсти въ душѣ чело-вѣка, съ какимъ постепенное развитіе и, наконецъ, полную власть надъ сердцемъ и надъ разсудкомъ — выше всякихъ похвалъ.

Въ такую же психологическую вѣрностію и съ равнымъ искусствомъ передаетъ Ольдриджъ и другія движенія души чело-вѣка. Чувство сознанія собственнаго достоинства, величія души въ сценѣ появленія Отелло при ссорѣ пьянаго Кассіо, изображается Ольдриждемъ безупречно.... Словомъ, весь образъ Отелло, вся эта громадная и симпатичная личность одного изъ лучшихъ шекспировскихъ героевъ воспроизводится Ольдриждемъ безукоризненно, полно, отчетливо и вѣрно.

Другую ролью его была — роль Шейлока въ «Венеціанскомъ купцѣ» и никто не узналъ бы красиваго, чернаго и курчаваго

манра въ бѣломъ жидѣ, съ горбатымъ носомъ и лысою головою. Не только лице, но и вся наружность, походка, приемы и движенія Ольдриджа измѣняются въ роли Шейлока до такой степени, что его невозможно узнать. Роль Шейлока чрезвычайна трудна и неблагодарна; содержаніе всей пьесы весьма бѣдно; оно, какъ извѣстно, основано на простомъ юридическомъ случаѣ, заимствованномъ изъ арабскихъ сказокъ, и актеру, занимающему главную роль, надо много силы уже для того только, чтобы не показаться сухимъ и скучнымъ. Эйра Ольдриджъ разрѣшилъ трудную задачу блистательно. Алчный, безчеловѣчный Шейлокъ, глубоко ненавидящій христіанъ, сначала такъ злобно радующійся изобрѣтенной имъ мести своему врагу и, потомъ, такъ жестоко обманувшійся въ своемъ расчетѣ — живьемъ стоялъ предъ зрителями, олицетворенный Ольдрижемъ. Радостный смѣхъ Шейлока, какой-то болѣзненный и злобщій, отзывается чѣмъ-то нечеловѣческимъ, отчаяніе его при окончательномъ рѣшеніи суда поразительно. Движеніе Ольдриджа, когда, послѣ прикосновенія ненавистнаго ему врага-христіанина, онъ вытираетъ платкомъ свое платье и съ омерзеньемъ кидаетъ этотъ платокъ, породило два совершенно различныя мнѣнія. Одни съ педантизмомъ осуждаютъ Ольдриджа, замѣчая, что о подобномъ движеніи ничего не сказано у Шекспира; другіе признаютъ это движеніе весьма естественнымъ и вѣрнымъ характеру и положенію роли. Мнѣніе послѣднихъ, конечно, основательнѣе и справедливѣе; ни Шекспиръ, ни какой другой драматическій писатель никогда не думали связывать до такой степени актера, чтобы предписывать ему каждое движеніе, каждый шагъ, каждый поворотъ головы. Если бы актеръ, исполняющій роль Шейлока, позволилъ себѣ какое нибудь движеніе, противорѣчащее характеру, созданному Шекспиромъ — это было бы непростительно; но Ольдриджъ не только не измѣнилъ характера Шейлока, а, напротивъ, этимъ движеніемъ придалъ ему нѣкоторую рельефность. Немало мѣшала Ольдриджу немножко неловкая обстановка; но объ этомъ послѣ; теперь же предъ нами встаетъ третій шекспировскій герой, прекрасно олицетворенный чернымъ трагикомъ; предъ нами величественный образъ Лира, короля-патріарха, по выраженію г. Дружинина, «короля съ головы до ногъ....»

Прежде всего должно замѣтить, что Ольдриджъ, къ сожалѣнію, играетъ трагедію Шекспира въ какой-то жалкой передѣлкѣ. Говорятъ, что передѣлана она знаменитымъ Гаррикомъ;

такъ это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, произведеніе великаго писателя, разумѣется, проиграло; но Лиръ остается все-таки Лиромъ. Величественная и прекрасная личность эта чрезвычайно нѣтко и удачно очерчена г. Дружининымъ въ вступленіи къ его превосходному переводу трагедіи «Король Лиръ». Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь слова г. Дружинина, находя, что Ольдриджъ, повидимому, совершенно раздѣляетъ это пониманіе роли Лира.

«Король Лиръ, говоритъ г. Дружининъ, главное и величественнѣйшее изъ лицъ всей драмы, есть истинный король древней Британіи, король-патріархъ, «король съ головы до ногъ», какъ онъ говоритъ самъ про себя слѣдному Глостеру. Лиръ прожилъ на свѣтѣ болѣе восьмидесяти лѣтъ; но могучая, великанская природа стараго властителя не утратила съ годами ни силы, ни страстности, ни самовласти. Предъ кѣмъ изъ образованныхъ людей, благодаря Шекспиру, при имени короля Лира, не рисуется эта почтенная, грозная фигура царственного старца, съ длинной сѣдой бородою, въ широкомъ королевскомъ облаченіи, съ печатью безпредѣльной власти во всякомъ движеніи, съ отраженіемъ маститой патріархальности во взглядѣ? Въ самыхъ недостаткахъ Лира все властно и царственно. Въ первыхъ сценахъ драмы, являясь разрушителемъ своего счастья, неразумнымъ гонителемъ лучшей своей дочери, несправедливымъ властелиномъ относительно преданнѣйшаго изъ слугъ своихъ, Лиръ все-таки исполненъ истиннаго величія. Онъ упоенъ своимъ могуществомъ, онъ испорченъ общимъ поклоненіемъ, онъ отвыкъ отъ правды и выраженной истинной преданности; но онъ все-таки остается первымъ между первыми, грозою своихъ недруговъ, патріархомъ своего королевства. Люди не въ силахъ бороться съ нимъ даже тогда, когда онъ самъ накликаетъ на себя бѣды, выставляетъ наружу все свои слабости. Смирить его можетъ только перстъ Божій, неотразимая воля небесъ, имъ самимъ вызванная...»

«По природѣ своей, король Лиръ полонъ любви, правосудія, мудрости; но качества эти, затемненные его безграничной гордостью, забытыя вслѣдствіе постоянныхъ удачъ и общаго рабства, могутъ только выказаться подъ тяжелымъ гнетомъ наказующаго Промысла, посреди бѣдствій нечеловѣческихъ. Бѣдствія обыкновенныя не могли бы надломить душу самовластнаго старца, пробудить все добро, въ ней заключающееся: для того-то жизнь его кончается посреди страданій, какъ бы раздроблен-

ныхъ по силамъ полубога, нравственнаго Алкида между смертными...»

Съ первой сцены, гдѣ Лиръ является въ полномъ блескѣ своего величія и гордости и до послѣдней, гдѣ свершается кара надъ этимъ несчастнымъ, царственнымъ страдальцемъ, — Ольдриджъ вѣренъ, до малѣйшей тонкости, прекрасной роли.

Въ сценѣ съ Гонерильею, проклятія оскорбленнаго отца высказываются Ольдриджемъ съ такою силою, съ такимъ неукротимымъ бѣшенствомъ, что рѣшительно приводятъ зрителя въ трепетъ и ужасъ. Искусство не можетъ идти выше этого; Ольдриджъ страшенъ и великъ въ эти минуты. Старецъ-король превращается въ разъяреннаго льва, глаза загораются гнѣвомъ, голосъ гремитъ потрясающими душу звуками; кажется, эти проклятія могутъ раздавить и уничтожить неблагодарную дочь....

Съ неменьшимъ искусствомъ ведетъ Ольдриджъ сцену помѣшательства. Напрасно толкуютъ нѣкоторые, что сцена эта не довольно эффектна, требуя, вѣроятно, отъ артиста рутиннаго вращанія глазами и другихъ условленныхъ признаковъ театральнаго сумасшествія; они забываютъ, что Лиръ и въ помѣшательствѣ помнить, что онъ король, они забываютъ его слова, сказанныя слѣпому Глостеру:

«Король, отъ головы до ногъ!»

Лиръ, тотъ Лиръ, какимъ создалъ его Шекспиръ, сохраняетъ свое величіе и въ помѣшательствѣ.

Сцена въ палаткѣ, гдѣ Лиръ приходитъ въ себя и узнаетъ напрасно обиженную имъ дочь — превосходна. Слова: «Корделия», вырываются изъ груди, изъ души Ольдриджа крикомъ, полнымъ восторга и нѣжнѣйшей любви. Радость и нѣжность, какая-то страстная нѣжность не имѣютъ границъ.

Наконецъ, послѣдняя сцена надъ трупомъ милой дочери и смерть Лира трогаютъ до слезъ своею естественностію, вѣрностію и величіемъ.

Когда предъ глазами моими встаютъ три образа, три великія личности, не похожія другъ на друга, три созданія безсмертнаго Шекспира, когда я припоминаю, что всѣ они передаются, съ такимъ поразительнымъ совершенствомъ, однимъ и тѣмъ же артистомъ; то говорю, съ убѣжденіемъ въ правотѣ словъ моихъ: Эйра Ольдриджъ — истинный и великій трагикъ!

Когда прибавляю къ этому впечатлѣніе, производимое Ольдриджемъ въ комической роли тупоумнаго, забитаго и потомъ пьянаго и весело распевающаго негра Мунго въ пьесѣ Бикерста-

да, то говорю смѣло, что артистъ этотъ безспорно принадлежитъ къ весьма ограниченному числу первоклассныхъ современныхъ артистовъ.

Въ заключеніе, необходимо прибавить, что артисты и артистки нашей нѣмецкой труппы, съ которыми пришлось играть Ольдриджу, понимаютъ, можетъ быть, въ совершенствѣ непереводимыя произведенія г-жи Бирхпфейферъ, но весьма слабы въ отношеніи Шекспира. Не разъ, благодаря игрѣ г. Ендерскаго, желающаго, повидимому, отличиться граціозностію и вообще *деликатнымъ обращеніемъ*, и нѣкоторыхъ другихъ, изъ трагедій выходила почти комедія. На будущее время читатель познакомится съ нѣмецкими трагиками и комиками покороче; теперь же о нихъ довольно.

Если Эйра Ольдридждъ увезетъ съ собою не совсѣмъ сладкія воспоминанія о своихъ нѣмецкихъ сподвижникахъ, онъ съ удовольствіемъ вспомнеть артистовъ русскихъ, которые высказали и выказали ему столько истиннаго и горячаго сочувствія. Знакомство его съ ними началось такимъ образомъ: знаменитый трагикъ явился однажды въ Александринскій театръ; давали «Смерть Ляпунова». Эйра Ольдридждъ зашелъ въ уборную къ г. Леонидову, исполнявшему въ драмѣ главную роль и разсыпался въ любезностяхъ, написавъ даже на его тетради, заключающей въ себѣ роль Ляпунова, нѣсколько словъ на память поправившемуся ему русскому артисту. Чернаго трагика окружили русскіе артисты и онъ, при размѣнѣ взаимныхъ любезностей, попросилъ, между прочимъ, своихъ товарищей по искусству написать ему на память свои имена. Русскіе артисты дали ему обѣщаніе; это-то и породило въ нихъ мысль, сдѣлавъ поспѣшную подписку, выказать знаменитому гостю свое сочувствіе и уваженіе къ его дарованію, какимъ нибудь хотя небольшимъ, но приличнымъ подаркомъ на память.

Подписка открыта, ветеранъ и украшеніе русской сцены, г. Сосницкій началъ съ легкой руки, а за нимъ подписались и другіе артисты и артистки русской труппы....

Въ день бенефиса Ольдриджда, русскіе артисты поднесли ему лавровый вѣнокъ, концы котораго соединены золотымъ браслетомъ съ надписью: «русскіе артисты великому исполнителю бессмертнаго Шекспира, Эйра Ольдриджду» и пергаментный листъ, украшенный прекраснымъ и приличнымъ рисункомъ г. Шарлеманя, съ подписью именъ почти всѣхъ лучшихъ русскихъ артистовъ.

Г. Сосницкій, при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ и крикахъ публики, передалъ черному трагику вѣнокъ, браслетъ и пергамень. Ольдриджъ, тронутый до глубины души, жаль, со слезами на глазахъ, руку представителя русскихъ артистовъ и былъ засыпаемъ, въ буквальный смыслъ этого слова, букетами. Такого *приема*, говорятъ почтенные старики-артисты, не бывало никогда и никому на нашей сценѣ. Театръ-циркъ дрожалъ отъ криковъ и рукоплесканій.

Можно было бы еще рассказать объ ужинѣ у г. Сосницкаго, на которомъ были Ольдриджъ и почти вся русская труппа, за исключеніемъ г. Самойлова, но частное дѣло не входитъ въ рамки нашей лѣтописи.

Чувствую, что пора остановиться, пора положить конецъ моей растянувшейся лѣтописи, а между тѣмъ, читателю неизвѣстна еще половина петербургскихъ новостей... Я не говорилъ еще о замѣчательныхъ въ высшей степени рисункахъ, чертежахъ и проч., привезенныхъ г. Савостьяновымъ съ Афонской горы; я не говорилъ о вновь открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, о безчисленномъ множествѣ компаній и торговыхъ предпріятій... Все это откладывается до будущаго раза, а теперь — (точка).

Егоръ Моллеръ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ объявленіи о выходѣ въ свѣтъ нашего журнала сказали мы, что самое заглавіе «Русское Слово» не допускаетъ въ насъ односторонности воззрѣній; тѣмъ не менѣе журналъ долженъ имѣть свой характеръ, свою нравственную физиономію, быть проводникомъ извѣстнаго рода убѣжденій, — тѣмъ онъ и отличается отъ всякаго простаго сборника; а потому, вѣрные нашей мысли всесторонности, мы однако предоставляемъ себѣ право выражать въ особой статьѣ подъ заглавіемъ «отъ редакціи» нашъ взглядъ на печатаемые нами въ книжкахъ статьи и излагать передъ нашими читателями причины ихъ помѣщенія, обозначая въ необходимыхъ случаяхъ разницу нашихъ убѣжденій съ убѣжденіями г-дъ авторовъ. Мы не будемъ говорить ни о недостаткахъ, ни о литературныхъ достоинствахъ статей, нами помѣщаемыхъ. Редакція, принимая ихъ, уже признаетъ за ними извѣстнаго рода качества, совершенно объясняющія ихъ помѣщеніе.

Очень рады, что успѣли перепечатать и внести въ журналъ нашъ поэму г-на Майкова «Сны» по рукописи, исправленной поэтомъ за границей и присланной намъ въ декабрѣ изъ Ницы. Позднее прибытіе исправленной поэтомъ рукописи задержало выходъ нашей первой книжки, равнѣ съ другими непредвидѣнными нами обстоятельствами.

Въ разсказѣ Михайлова «Кормилица» намъ особенно понравилась основная мысль его, а именно: ребенокъ черезъ неграмотную кормилицу не только воспринимаетъ первыя, сблизжающія его съ народной жизнью, впечатлѣнія, но и первые намеки на то, что позднѣе онъ узнаетъ изъ исторіи своего отечества.

Печатавъ статью г-на Благосвѣтлова «О значеніи Парижскаго Университета», мы не безъ гордости остановились на той мысли, что развитіе университетскаго образованія въ нашемъ отечествѣ не встрѣчало такого противодѣйствія и вражды со стороны невѣжества, какъ на западѣ.

Очевидно, почему съ удовольствіемъ помѣстили мы перениску Гоголя съ Прокоповичемъ; — каждая черта, обрисовывающая личность Гоголя, дорога для его будущей біографіи.

Мы сочли обязанностью какъ можно скорѣе отдать отчетъ о романѣ г-на Писемскаго «Тысяча душъ», какъ объ одномъ изъ замѣчательныхъ произведеній прошлаго года. Но въ примѣчаніи нашемъ къ статьѣ Московскаго критика мы обозначили всѣ главныя и существенныя пункты, въ которыхъ мы не согласны съ его мнѣніемъ.

Читатели наши встрѣтятъ статью: «Остатки *Старорусскаго* эпоса». Мы желаемъ вообще открыть въ нашемъ журналѣ отдѣлъ для матеріаловъ по части исторіи русскаго быта, древностей и народной поэзіи. Надѣемся на содѣйствіе въ этомъ нашихъ ученыхъ собирателей.

Графъ Гр. Кушелевъ-Безбородко.

Я. Полонскій.

А. Григорьевъ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТЪ.

№ 1.

Нѣсколько словъ о шахматныхъ журналахъ вообще. — Программа Шахматнаго Листка. — Правила для корреспонденціи. — Объясненіе алгебраической нотаци и принятыхъ лямъ діаграммъ. — Американецъ Пауль Морфи. — Двѣ партіи: Морфи съ Паузееномъ, Морфи съ Лихтенштейномъ. — Побѣды Морфи въ Англіи; его матчъ съ Лёвенталемъ. — Гаррвитцъ. — Партія Гаррвитца съ Андерсеномъ. — Матчъ Морфи съ Гаррвитцомъ. — Игра не смотря на доску. — Письмо изъ Чикаго. — Партія: трѣ Морфи съ Гаррвитцомъ, двѣ Князя С. С. Урусова съ Шумовымъ; двѣ К. А. Явича съ Ки. Д. С. Урусовымъ. — Задачи.

Журналъ, исключительно посвященный шахматамъ, едва ли можетъ существовать въ настоящее время въ Россіи; даже въ Западной Европѣ, гдѣ любовь къ шахматной игрѣ и изученіе ея теоріи распространены несравненно болѣе чѣмъ у насъ, такого рода журналы находятъ лишь небольшой кругъ читателей съ трудомъ поддерживаются издателями и рѣдко, очень рѣдко, выдерживаютъ болѣе пяти, шести лѣтъ существованія. Основанный въ 1836 году знаменитымъ Лабурдоне «Palamede», бывший, если не ошибаемся, первымъ шахматнымъ журналомъ, прекратился въ началѣ 1840 года; онъ выходилъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и въ настоящее время составляетъ почти библіографическую рѣдкость. Особенно трудно достать послѣдніе четыре выпуска *этой* серіи Паламеда, въ которыхъ говорилось объ игрѣ въ простыя шашки и было помѣщено нѣсколько шашечныхъ задачъ; мы не только нигдѣ не могли получить этихъ нумеровъ, но даже не видѣли ихъ ни въ одной библіотекѣ и знаемъ о нихъ только по слухамъ. Возобновленный въ 1842 году Сентъ-Аманомъ, Паламедъ имѣлъ большой успѣхъ; умный и талантливый редакторъ умѣлъ придать своему изданію занимательность и разнообразіе; рядомъ съ весьма дѣльными теоретическими статьями, какъ напр. лекціи Кальви о дебютахъ, помѣщались статьи болѣе легкаго содержанія: біографіи, рассказы, очерки. Число читателей Паламеда росло съ каждымъ годомъ; все, казалось, предсказывало ему блестящую будущность, но — и его

смерть была не далеко; онъ не пережилъ февральскаго разгрома. Борьба политическихъ партій и вопросы иной важности чѣмъ гамбитъ и *giuoco piano* отвлекли французовъ отъ мирныхъ шахматныхъ занятій; тутъ ужъ дѣйствительно было «Не время въ шахматы играть» и С. Аманъ, назначенный временнымъ правительствомъ смотрителемъ Тюльерскаго дворца, — прекратилъ свое изданіе. Еще кратковременнѣе было существованіе, предпринятаго Кіезерицкимъ журнала «*La Régence*». Родомъ изъ Лифляндіи, Кіезерицкій смолоду поселился въ Парижѣ и весь отдался изученію шахматной игры. Одаренный отъ природы большимъ талантомъ, онъ скоро достигъ замѣчательной силы, съ успѣхомъ состязался съ сильнѣйшими игроками Европы, преподавалъ шахматную теорію, игралъ по нѣскольку партій за разъ à l'aveugle, т. е. не смотря на доску и, по отъѣздѣ С. Амана, пользовался извѣстностію лучшаго игрока парижскаго клуба; онъ умеръ въ 1853 году отъ размягченія мозга. Къ сожалѣнію, Кіезерицкій въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ и практической игрѣ всегда стремился къ чему нибудь оригинальному необычайному и, упорствуя въ этомъ странномъ направленіи, изобрѣлъ новую нотацію для обозначенія шахматныхъ ходовъ и положеній, нотацію въ высшей степени спутанную и не практичную; онъ употреблялъ ее въ своемъ журналѣ, что конечно, не мало содѣйствовало неуспѣху этого изданія; разбирать партіи, записанныя по методѣ Кіезерицкаго — истинная мука. Недавно прекратился журналъ «*Chess Player's Chronicle*» выходившій подъ редакцію Стаунтона; таже участь постигла издававшийся Горвицомъ «*British Chess Review*»; вѣнская *Schachzeitung* не прожила и года. Однимъ словомъ, въ настоящее время въ Европѣ существуютъ только два чисто шахматныя периодическія изданія: «*Schachzeitung der Berliner Schachgesellschaft*» и «*Schweizerische Schachzeitung*»; сверхъ того въ Нью-Йоркѣ недавно появился журналъ «*Chess Monthly*».

Если, въ виду такихъ фактовъ, странно было бы мечтать объ основаніи шахматнаго журнала въ Россіи, то тѣмъ не менѣе мы надѣемся, что небольшое шахматное обозрѣніе, выходящее подъ эгидою литературно-ученаго журнала, найдетъ себѣ читателей и будетъ пріятно тѣмъ, къ сожалѣнію слишкомъ немногимъ нашимъ соотечественникамъ, сердца которыхъ горятъ благородною шахматною страстью, которые понимаютъ классическую красоту хорошо-разыграннаго *giuoco piano*, разрушительную силу атаки Муціо, изящество Эвансова дебюта, коварную хитрость

Фалькбеерова контръ-гамбита и вообще всю прелесть безконечно разнообразныхъ явленій, совершающихся на шестидесяти четырехъ квадратикахъ шахматной доски. Не стѣсняя себя строго-опредѣленною программю, Шахматный Листокъ будетъ ежемѣсячно сообщать читателямъ Русскаго Слова краткій обзоръ замѣчательнѣйшихъ современныхъ событій шахматнаго міра, нѣсколько хорошо разыгранныхъ партій и искусно составленныхъ задачъ; сверхъ того, время отъ времени, въ Листкѣ будутъ помѣщаться анализы дебютовъ и концовъ игоръ, критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ шахматныхъ сочиненій, біографіи знаменитыхъ игроковъ и вообще всякого рода статьи, болѣе или менѣ относящіяся къ нашему предмету. При выборѣ партій, мы будемъ стараться печатать преимущественно тѣ, которыя играны были въ Россіи, такъ какъ онѣ, безъ сомнѣнія, будутъ имѣть для нашихъ читателей болѣе интереса чѣмъ партіи иностранныя, уже и потому, что ихъ рѣже можно встрѣтить въ заграничныхъ журналахъ и сборникахъ. Впрочемъ, партіи иностранныхъ шахматистовъ, заслуживающія особеннаго вниманія по своему внутреннему достоинству или по сопровождавшимъ ихъ обстоятельствамъ, всегда найдутъ мѣсто въ Шахматномъ Листкѣ; такъ, въ настоящемъ номерѣ, мы помѣщаемъ, между прочимъ, нѣсколько партій изъ надѣлавшаго столько шума *матча* (1) американца Морфи съ пруссакомъ Гаррвитцомъ. Той же системы будемъ мы слѣдовать и въ отношеніи къ задачамъ, т. е., отдавая предпочтеніе русскимъ задачамъ, не выключаемъ однако вполне иностранныхъ.

Очевидно, что Шахматный Листокъ въ такомъ только случаѣ приобрѣтетъ живой интересъ и будетъ служить выраженіемъ степени развитія и успѣховъ шахматной науки въ Россіи, если русскіе любители окажутъ ему содѣйствіе присылкою партій, задачъ, замѣчаній; мы убѣдительно просимъ ихъ объ этомъ и, въ надеждѣ, что хотя нѣкоторые изъ нихъ откликнутся на нашъ призывъ, считаемъ нужнымъ изложить здѣсь порядокъ,

(1) Слово *match*, имѣющее на англійскомъ языкѣ нѣсколько значеній, получило между шахматными игроками смыслъ техническій и означаетъ шахматное состязаніе двухъ игроковъ, состоящее изъ нѣсколькихъ партій. Условія *матча* опредѣляются со всевозможною точностію; для составленія этихъ условий и наблюденія за ихъ исполненіемъ назначаются иногда секунданты и посредникъ. Слово *match* безъ измѣненія вошло во французскій языкъ и мы также будемъ употреблять его за неизмѣненіемъ соответственнаго русскаго выраженія. Впрочемъ оно уже нѣсколько лѣтъ какъ получило право гражданства въ разговорномъ языкѣ нашихъ шахматистовъ.

которому надлежит слѣдовать, сообщая редакціи Листка матеріалы или обращаясь къ ней съ вопросами по части шахматной игры: 1) Письма должны быть адресованы на имя Виктора Михайловича Михайлова въ С. Петербургѣ, на Моховой, въ домѣ графа Ламсдорфа или въ С. Петербургѣ въ главную контору редакціи Русскаго Слова; 2) Для обозначенія шахматныхъ ходовъ и положеній надлежитъ употреблять припятую нами алгебраическую нотацію, которая объяснена будетъ ниже; 3) При доставленіи задачъ непременно сообщать ихъ рѣшеніе, *безъ чего задача напечатана быть не можетъ.* — Редакція съ своей стороны обратитъ особенное вниманіе на всѣ получаемыя ею письма и будетъ отвѣчать на нихъ или немедленно по почтѣ пли, если содержаніе письма сдѣластъ это возможнымъ, въ первомъ слѣдующемъ за полученіемъ письма номерѣ Листка, подъ особою рубрикою «*корреспонденція*».

Хотя избранныя нами нотація извѣстна всѣмъ сколько нибудь опытнымъ шахматистамъ, но тѣмъ не менѣе, мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь подробное ея объясненіе, которое будетъ не бесполезно людямъ, не занимавшимся теоріею игры, а знающимъ ее только по практикѣ. Основаніе алгебраической нотаціи заключается въ обозначеніи клѣтокъ шахматной доски посредствомъ восьми начальныхъ буквъ латинской азбуки и столькихъ же цифръ, въ порядкѣ, разъ на всегда определенномъ. Порядокъ этотъ есть слѣдующій: угловая клѣтка, занятая при началѣ партіи ферзевой ладьей бѣлыхъ шашекъ обозначается чрезъ a1, слѣдующая за нею, т. е. та, на которой, при первоначальномъ положеніи шашекъ, находится бѣлая пѣшка ферзевой ладьи чрезъ a2, слѣдующія за нею, идя все въ томъ же направленіи, чрезъ a3, a4, a5, a6. a7, a8 такъ, что a8 означаетъ поле (1) ферзевой ладьи черныхъ шашекъ, а a7 поле стоящей передъ нею пѣшки. Клѣтка ферзева коня бѣлыхъ шашекъ означается чрезъ b1, а слѣдующія за нею, въ объясненіи выше порядкѣ, чрезъ b2, b3, b4, b5, b6, b7, b8. Клѣтка ферзева слона чрезъ c1, а слѣдующія c2, c3... до c8. Клѣтка ферзя d1, а слѣдующія d2... до d8. Клѣтка короля e1, а слѣдующія e2... до e8. Клѣтка королевскаго слона f1, а слѣд. f2... до f8. Клѣтка королевскаго коня g1, а слѣд. g2... до g8. Клѣтка королевской ладьи h1, а слѣд. h2... до h8.

(1) Говоря о шахматной доскѣ, мы безразлично употребляемъ слова: клѣтка, поле, квадратикъ, мѣсто.

Для большей еще ясности, прилагаемъ здѣсь диаграмму, изображающую, шахматную доску съ нумерованными по объясненной системѣ клѣтками.

Черны е.

8	a8	b8	c8	d8	e8	f8	g8	h8
7	a7	b7	c7	d7	e7	f7	g7	h7
6	a6	b6	c6	d6	e6	f6	g6	h6
5	a5	b5	c5	d5	e5	f5	g5	h5
4	a4	b4	c4	d4	e4	f4	g4	h4
3	a3	b3	c3	d3	e3	f3	g3	h3
2	a2	b2	c2	d2	e2	f2	g2	h2
1	a1	b1	c1	d1	e1	f1	g1	h1
	a	b	c	d	e	f	g	h

Бѣлы е.

Теперь для объясненія, движенія совершеннаго какою либо шапкою на доскѣ, стоитъ только написать формулу (т. е букву и цифру) той клѣтки, съ которой двинута шапка, и той, на которой шапка поставлена. При этомъ нѣтъ никакой надобности упоминать, какая именно шапка (король, ферзь, ладья, слонъ, конь или пѣшкка) была двинута, ибо въ данный моментъ на одной и той же клѣткѣ болѣе одной шапки находиться не можетъ и слѣдовательно точное опредѣленіе клѣтки, на которой стоитъ шапка съ полною ясностію указываютъ на сію послѣднюю.

Кромѣ объясненныхъ, чрезвычайно простыхъ и уже почти всѣмъ извѣстныхъ формулъ, мы будемъ употреблять еще нѣсколько условныхъ знаковъ, для обозначенія взятія шапки, шаха, мата и рокировокъ. Вотъ эти знаки:

1) Небольшой нуль $^{\circ}$ —, поставленный справа и нѣсколько вверху послѣдней цифры, показываетъ, что при обозначенномъ ходѣ произошло взятіе шапки: мы никогда не будемъ называть взятую шапку, по объясненной выше причинѣ.

2) Крестикъ \dagger означаетъ шахъ (1); простой или двойной — все равно.

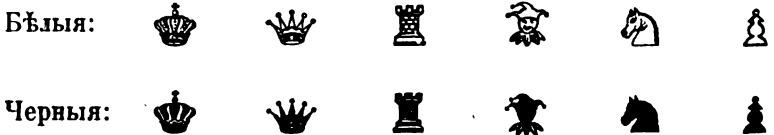
3) Слѣдующій знакъ \times — матъ. Если взятіе шапки и шахъ (или матъ) произошли одновременно, то мы поставимъ оба знака т. е. сперва *нуль*, а подлѣ надлежащій крестикъ.

4) o—o означаетъ рокировку въ сторону короля.

5) o—o—o рокировку въ сторону ферзя.

Ходы цѣлой партіи мы будемъ располагать въ вертикальныхъ столбцахъ, помѣщая въ лѣвомъ столбцѣ — ходы первого игрока, т. е. начинавшаго партію, а въ правомъ — ходы его противника; но въ примѣчаніяхъ къ партіямъ, мы будемъ, для выигрыша мѣста, означать ходы въ видѣ дробей, раздѣляя ходъ начинавшаго партію отъ отвѣтнаго движенія его противника горизонтальною чертою: *надъ* чертою пишется ходъ первого игрока, а *подъ* нею — ходъ второго.

Задачи и особенно-замѣчательныя положенія партій мы будемъ представлять діаграммами, употребляя для нихъ слѣдующія изображенія.

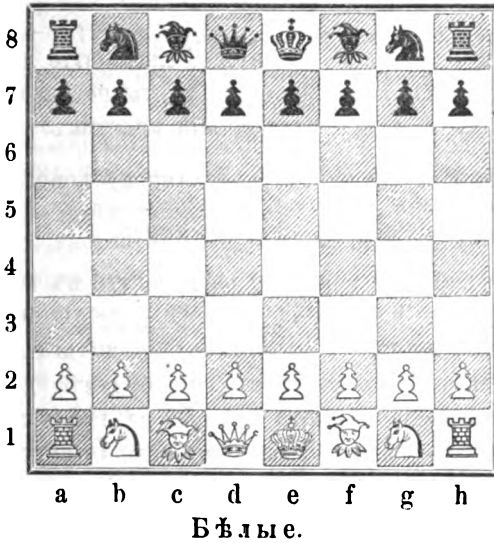
Король. Ферзь. Ладья. Слонъ (2). Конь. Пѣшка.
(Roi.) (Dame.) (Tour.) (Fou.) (Cavalier.) (Pion.)

Прилагаемъ здѣсь діаграмму, изображающую шахматную доску съ тѣмъ расположеніемъ шашекъ, какое они имѣютъ передъ начатіемъ игры.

(1) Разумѣется — королю; ферзю и прочимъ шашкамъ не говорятся шаха.

(2) Нѣкоторые весьма неправильно называютъ эту шашку — *офицеромъ*, ея настоящее имя *слонъ*, а названіе *офицеръ* — означаетъ всякую вообще шашку, кромѣ короля и пѣшки.

Черные.

Бѣлые.

Въ заключеніе замѣтимъ, что алгебраическая нотация есть самая совершенная и удобная изъ всѣхъ донынѣ предложенныхъ, которыя разбирать здѣсь было бы неумѣстно; мы и такъ уже слишкомъ долго остановились на скучныхъ, сухихъ объясненіяхъ; пора перейти къ совершающимся предъ нами событіямъ, къ дѣйствительной жизни королевскихъ и всякихъ гамбитовъ. «Grau, theurer Freund, ist alle Theorie, und grün des Lebens goldner Baum», говоритъ Мефистофель, — а древо шахматной жизни давно уже не зеленѣло такъ привлекательно, какъ въ настоящую минуту, когда новый, гениальный боецъ появился на аренѣ шахматныхъ состязаній и оживилъ дремавшую дѣятельность старыхъ ветерановъ. Юноша, почти ребенокъ, американецъ Пауль Морфи сразу сталъ въ ряду сильнѣйшихъ игроковъ новаго и стараго свѣта; онъ смѣло бросаетъ имъ перчатку, идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ и угрожаетъ затмить ихъ славу, приобретенную столькими годами трудовъ и усилій.

Въ минувшемъ году въ Нью-Йоркѣ устроенъ былъ шахматный турниръ и тутъ-то въ первый разъ обнаружилась вся сила молодого героя; онъ получилъ первый призъ и число одержанныхъ имъ побѣдъ, какъ на самомъ турнирѣ, такъ и внѣ его, — превосходить всякое вѣроятіе. Изъ девяносто-семи партій, онъ проигралъ только четыре. Одну — Гаммонду, который съ своей

стороны проигралъ четыре партіи, другую Паульсену, побѣжденному тутъ же восемьъ разъ; третью Станлею, потерпѣвшему двѣнадцать поражений и наконецъ четвертую Шультену, который за одну побѣду заплатилъ двадцатью тремя матами. Убѣдясь такимъ образомъ въ несомнѣнномъ превосходствѣ своемъ надъ лучшими игроками Америки, Морфи предложилъ Нью-Йоркскому клубу назначить изъ среды своей любого атлета для состязанія съ нимъ на слѣдующихъ условіяхъ: Морфи даетъ впередъ пѣшку и ходъ; пари — 100 долларовъ; побѣда остается за тѣмъ, кто первый выиграетъ семь партій. Станлей принимаетъ вызовъ и послѣ пяти партій, изъ которыхъ одна была ничья, а четыре выигралъ Морфи — признаетъ себя побѣжденнымъ. Морфи единогласно провозглашенъ первымъ игрокомъ Америки. Новый Орлеанъ (Морфи тамошній уроженецъ) торжествуетъ его побѣды: его встрѣчаютъ съ триумфомъ, даютъ въ честь его обѣды, праздники; журналы гремятъ ему хвалами. Но жажда славы не знаетъ предѣловъ; лавры европейскихъ знаменитостей: Андерсеновъ, Стаунтоновъ, Гаррвитцовъ, не даютъ покойно спать молодому честолюбцу и онъ плыветъ черезъ океанъ. Но прежде, нежели расскажемъ подвиги Морфи въ Европѣ, сообщаемъ двѣ изъ его американскихъ партій. Смотрите и судите сами, преувеличены ли наши похвалы и возгласы. Въ первой изъ предлагаемыхъ партій Морфи имѣлъ дѣло съ противникомъ замѣчательной силы, Лудвигомъ Паульсеномъ, получившимъ второй призъ на нью-йоркскомъ турнирѣ.

№ 1 (1).

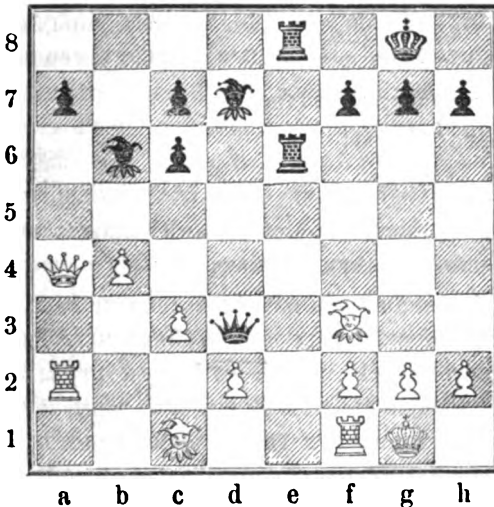
(ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ КОНЕЙ.)

Паульсенъ. (Бѣлые.)	Морфи. (Черные.)	8) b5—c4	b7—b5 (2)
1) e2—e4	e7—e5	9) c4—e2 (3)	f6—e4°
2) b1—c3	b8—c6	10) c3—e4°(4)	e8—e4°
3) g1—f3	f8—c5	11) e2—f3	e4—e6
4) f1—b5	g8—f6	12) c2—c3 (5)	d8—d3
5) 0—0	0—0	13) b2—b4	c5—b6
6) f3—e5°	f8—e8 (1)	14) a2—a4	b5—a4°
7) e5—c6°	d7—c6°	15) d1—a4°	c8—d7
		16) a1—a2 (6)	a8—e8

(1) Всѣ помѣщаемыя въ шахматномъ листѣ партіи будутъ, для облегченія ссылокъ на нихъ, нумерованы. Задачи будутъ имѣть свою нумерацію.

Въ этотъ моментъ положеніе партіи такъ любопытно, что мы изображасмъ его въ особой діаграммѣ. Черный грозитъ матомъ въ два хода, (17) $\frac{d3-f3^\circ}{a8-e8}$ 18) $\frac{g1-f1}{e6-e1}$); это не могло ускользнуть отъ вниманія столь опытнаго игрока какъ Паульсенъ и отъ отвратилъ немедленный матъ посредствомъ 17) $\frac{a4-a6}{a8-e8}$, но онъ не проникъ тонкаго, глубоко-обдуманнаго плана, лежавшаго въ основаніи хода 16) $\frac{a8-e8}{a8-e8}$.

Черные.

Бѣлые.

17) a4—a6	d3—f3° (7)	23) f1—g1	g2—h3+
18) g2—f3°	e6—g6+	24) g1—h1	b6—f2°
19) g1—h1	d7—h3	25) a6—f1	h3—f1°
20) f1—d1(8)	h3—g2+	26) d1—f1°	e8—e2
21) h1—g1	h2—f3°+	27) a2—a1	g6—h6
22) g1—f1	f3—g2+	28) d2—d4	f2—e3.

Спасти партію черныхъ нѣтъ никакой возможности и Паульсенъ сдается.

Примѣчанія къ партіи No 1.

(1) 6) $\frac{c6-e6}{c6-e6}$ было худо, ибо тогда 7) $\frac{d2-d4}{d2-d4}$ и бѣлые возвращаютъ офицера съ превосходствомъ положенія.

(2) Совершенно основательно. Братъ королевскую пѣшку еще рано; тутъ вышло бы 9) $\frac{c4-f7^\circ+}{g8-f7^\circ}$ 10) $\frac{c3-e5^\circ}{e8-f5^\circ}$ 11) $\frac{d1-h5+}{f4-g3^\circ}$, а затѣмъ беретъ слона и остается съ лишнею пѣшкою.

(3) Отходить слономъ на в3 было бы худо, тогда бы 9) $\frac{c8-g4}{b5-b4}$ 10) $\frac{d1-e1}{b5-b4}$ и пр.

(4) Играть слона на f3, не помѣнявшись предварительно конями, повело бы къ немедленному проигрышу.

(5) Это конечно ошибка, надо бы играть 12) $\frac{d2-d3}{f4-g3^\circ}$, но наблюдайте, какъ превосходно воспользовался ею Морфи.

(6) Слабый ходъ: лучше бы предложить мѣну ферзей посредствомъ 16) $\frac{a4-a6}{b5-b4}$; бѣлые дѣлаютъ это на слѣдующемъ ходѣ, но тогда ужъ поздно.

(7) Bravo! bravo!

(8) Schachzeitung совѣтуетъ вмѣсто этого хода 20) $\frac{a6-d3}{f4-g3^\circ}$ и предлагаетъ вопросъ, кто бы имѣлъ тогда перевѣсъ? Намъ кажется, что все таки черные.

Вторая сообщаемая нами партія далеко не такъ замѣчательна; тутъ соперникъ американскаго атлета (Лихтенштейнъ) былъ слишкомъ его недостоинъ (1), но за то Морфи игралъ ее не смотря на доску. Изъ этой игры можно видѣть, какъ ловко пользуется онъ ошибками противника и какъ мощно ведетъ, вплоть до самаго мата, однажды начатую атаку.

№ 2.

КОРОЛЕВСКИЙ ГАМБИТЬ.

Морфи. (Бѣлые.)	Лихтенштейнъ. (Черные.)	8) g2—g3	f4—g3°
1) e2—e4	e7—e5	9) 0—0	g3—h2°+
2) f2—f4	e5—f4°	10) g1—h1	h4—f6
3) g1—f3	d7—d5	11) f3—e5	g8—h6
4) e4—d5°	f8—e7	12) d2—d4	f6—e5°
5) f1—b5+	c7—c6	13) d1—h5	d8—d4°
6) d5—c6°	b7—c6°	14) c4—f7°+	h6—f7°
7) b5—c4	e7—h4+	15) h5—f7°+	e8—d8
		16) c1—g5+	e5—f6

(4) Поэтому-то мы и печатаемъ ее безъ примѣчаній: ошибки Лихтенштейна слишкомъ очевидны.

17) b1—c3	c8—d7	23) f7—d7°+	b7—a6
18) f1—f6°	d8—c7	24) e4—d6	b8—d8
19) g5—f4+	c7—b7	25) d7—b7+	a6—a5
20) f6—d6	d4—c5	26) f4—d2+	c2—d2°
21) c3—e4	c5—e2°	27) d6—c4+	a5—a4
22) d6—d7°+	b8—d7°	28) b2—b3×	

Отправившись изъ Нью-Йорка въ половинѣ Іюня, на пароходѣ «Аравія», Морфи, немедленно по прибытіи въ Англію, принялся за дѣло. Первымъ противникомъ его былъ Барнесъ; начало боя не подтверждало, казалось, славы американца: съ обѣихъ сторонъ было выиграно по четыре партіи. Уже начинали поговаривать, что напрасно такъ много трубили о гениальности Морфи, что онъ, конечно, играетъ хорошо, но гдѣ же удивительный талантъ, гений? Дѣло въ томъ, что въ первые дни по приѣздѣ, Морфи, утомленный долгимъ морскимъ путешествіемъ, былъ, какъ говорится, не въ ударѣ; но скоро силы молодого Самсона возвратились и неблагоприятные толки умолкли. Бой его съ Барнесомъ кончился тринадцатью побѣдами противъ шести; у Бодена онъ выигралъ три партіи изъ четырехъ и шесть разъ поразилъ Лёве, не проигравъ съ своей стороны ни одной игры. Двѣ партіи, игранныя имъ, по консультаціи, съ Барнесомъ, противъ Стаунтона и псевдонима Альтера — также окончились въ пользу американца. Наконецъ, число побѣдъ его надъ игроками слабыми, которымъ онъ давалъ впередъ кому коня, кому ладью, кому даже двухъ офицеровъ — безчисленно.

Но самый замѣчательный эпизодъ пребыванія Морфи въ Англіи есть, безъ сомнѣнія, состязаніе его съ знаменитымъ венгерцемъ Лёвенталемъ, игрокомъ первокласснымъ, въ высшей степени опытнымъ и основательнымъ. Условія *матча* опредѣлены были съ дипломатическою точностію: побѣда рѣшается девятью выигранными партіями; призъ — 100 фунтовъ стерлинговъ; мѣсто битвы то Лондонскій, то Сентъ-Джоржевскій клубъ попеременно; секундантами, со стороны Морфи, назначены лордъ Артсортъ Гэ и Т. Оуенъ, со стороны Лёвентала — Барнесъ и Ольдамъ, посредникомъ выбранъ Стаунтонъ, хранителемъ приза — Лёве. 19 Іюля въ залѣ Сентъ-Джоржевскаго клуба сошлись въ первый разъ противники. Первый ходъ достался Лёвенталю; партія длилась восемь часовъ и на пятьдесятъ первомъ ходѣ — признава за ничью (*partie remise, drawn game*). Последнее засѣ-

давнє происходило 22 августа; въ этотъ день не трудно было уже предвидѣть результатъ матча: Левенталь считалъ за собою только три выигранныя партіи, тогда какъ грозный его противникъ имѣлъ ихъ уже восемь; тутъ выигралъ онъ девятую, а съ нею и все пари. Журналъ Эра замѣчаетъ, что во все время этого матча, Левенталь былъ какъ-то недостойнъ самаго себя и дѣлалъ даже иногда грубыя ошибки; пусть такъ, но все же выиграть *десять* партій противъ *трехъ*, не бездѣлица.

Къ сожалѣнію, всѣ старанія Морфи склонить Стаунтона къ серьезному состязанію остались безъ успѣха. Еще до прїѣзда въ Европу, Морфи присылалъ Стаунтону вызовъ съ подробнымъ объясненіемъ всѣхъ условій матча, но не имѣя въ то время, по семейнымъ обстоятельствамъ, возможности отправиться въ Англію, онъ назначалъ мѣстомъ битвы Новый Орлеанъ; это-то и послужило британскому игроку поводомъ къ отказу, хотя въ условіяхъ и было сказано, что въ случаѣ проигрыша, онъ получаетъ 1000 долларовъ въ вознагражденіе путевыхъ издержекъ. Но вотъ Морфи въ Англіи; онъ самъ первый дѣлаетъ визитъ Стаунтону, видится съ нимъ каждый день, словесно и письменно возобновляетъ свой вызовъ, предлагая пари въ 5000 долларовъ. Теперь ужъ кажется нѣтъ возможности отказать? Но не легко заставить самолюбиваго британца рискнуть, не совсѣмъ справедливо пріобрѣтенною, славою перваго шахматиста Англіи. Сперва Стаунтонъ дѣлаетъ видъ, что принимаетъ вызовъ, но объясняетъ, что не можетъ играть раньше какъ черезъ мѣсяцъ; потомъ проситъ отложить срокъ до окончанія турнира въ Бирмингамѣ; не отвѣчаетъ на письмо Морфи, не предъувѣдомивъ, его уѣзжаетъ изъ Лондона и, въ заключеніе, положительно объявляетъ, что онъ играть не можетъ. Нельзя безъ жалости и смѣха слѣдить за хитростями Стаунтона; какихъ предлоговъ не приводитъ онъ, чтобы уклониться отъ страшнаго ему состязанія: у него много важныхъ дѣлъ, онъ не расположенъ играть, занятъ изданіемъ твореній Шекспира, болень и пр. и пр. Наскучивъ трусливою политикою Стаунтона, Морфи отправился въ Парижъ.

Тамъ, въ Café de la Régence, въ этомъ центрѣ шахматной жизни Франціи, царитъ молодой, двадцатисемилѣтній Гарри-витцъ. Пруссакъ по рожденію онъ, съ нѣкотораго времени, почти безвыѣздно живетъ въ Парижѣ и совершенно тамъ оклима-

тивировался. Парижскіе шахматисты любятъ его, единогласно признаютъ его надъ всѣми ими превосходство, посылаютъ его своимъ представителемъ на митинги и турниры и, всячески стараясь сдѣлать его вполне своимъ, съ радостію замѣчаютъ «qu' il n' a rien du gascon berlinois.» И дѣйствительно, смотря на подвижную фигурку Гаррвитца, слушая его правильную французскую рѣчь и вѣчно веселые, забавные рассказы, никто бы не узналъ въ немъ бреславскаго уроженца. Впрочемъ, я ошибся, сказавъ, что рассказы Гаррвитца вѣчно веселы и забавны; есть предметъ разговора, повергающій его въ мрачное расположеніе духа, въ ярость, въ бѣшенство; это — Стаунтонъ. «Скажите,» спросилъ я его разъ, вовсе не подозрѣвая его ненависти къ британскому Филidorу, «какого вы мнѣнія о талантѣ Стаунтона? «Стаунтонъ?!» закричалъ онъ такимъ голосомъ, что я, право, испугался, «да можно ли говорить о талантѣ такого ужаснаго человѣка какъ Стаунтонъ! Да видно вы не знаете этого коварнаго, корыстнаго, трусливаго англичанина» и пошелъ, и пошелъ, и, не переводя духу, рассказалъ мнѣ всю исторію распри Лондонскаго клуба съ Сентъ-Джоржевскимъ, полемикю Стаунтона съ Сентъ-Аманомъ и множество закулисныхъ тайнъ столь, по видимому, мирныхъ потомковъ грека Паламеда. Я не могъ не улыбнуться, видя какъ горячо принимаетъ Гаррвитць къ сердцу всѣ эти шахматные интересы и, тутъ же, не безъ грусти, подумалъ: «вотъ въ нашемъ обществѣ любителей шахматной игры, ужь конечно, никто не поссорится изъ за гамбита; ходи себѣ туда сколько душѣ угодно, да играй съ утра до ночи одинъ на тридцати столахъ.»

Что касается собственно до игры Гаррвитца, то онъ, безспорно, принадлежитъ къ числу величайшихъ шахматистовъ нашего времени. Замѣчательная оригинальность, чрезвычайная тонкость соображеній и быстрота,—составляютъ отличныя черты его таланта. Для образчика сообщаемъ одну партію его съ Андерсеномъ, приобрѣтшемъ всемірную извѣстность со времени завоеванія имъ перваго приза на лондонскомъ турнирѣ 1851 года. Эта партія играна на бывшемъ въ Манчестерѣ шахматномъ митингѣ, куда Гаррвитць явился въ качествѣ представителя «de la plus ancienne et de la plus illustre réunion des joueurs d'échecs de la Régence!» какъ самъ онъ выразился въ одномъ журналѣ. Видно Гаррвитць въ долгу у французовъ не остается и если они превозносятъ его талантъ, то и онъ не прочь подкурить имъ немножко оиміама

№ 3.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЬ.

АНДЕРСЕНЪ. (Бѣлые.)	ГАРРВИТЦЪ. (Черные.)		
		22) b3—a1°(5)	e3—f5+
1) e7—e5	e2—e4	23) e7—d7	f1—a1°
2) f7—f5	f1—c4 (1)	24) a8—g8(6)	d3—d4
3) g8—f6	d2—d3	25) g5—g4	h3—f2
4) c7—c6	c1—g5	26) g8—g6	d4—e5°
5) f8—c5	b1—c3	27) f6—e5°	f2—d3
6) d7—d6	g1—e2	28) e5—e8	d3—f4°
7) h7—h6 (2)	g5—f6°	29) g4—f3°	g2—f3°
8) d8—f6°	d1—d2	30) g6—f6	e2—a6
9) b7—b5	c4—b3 (3)	31) e8—a8	a6—a8°
10) a7—a5	a2—a4	32) h8—a8°	f4—h5°
11) b5—b4	c3—d1	33) f6—f7	a1—d1
12) f5—f4	f2—f3	34) d6—d5	h5—g3
13) g7—g5	e2—g1 (4)	35) d7—e6	f5—d4+
14) b8—d7	g1—h3	36) e6—d7	h1—g2
15) c8—a6	d1—f2	37) d7—c7	d1—c1
16) c5—e3	d2—e2	38) d5—e4°	c1—c6°+
17) h6—h5	0—0	39) c7—b7	g3—e4°
18) e8—e7	g1—h1	40) f7—c7	e4—d6+
19) d7—c5	f2—d1	41) b7—b8	c6—b6+
20) a6—d3°	c2—d3°	42) b8—a7	b6—b5
21) c5—b3°	d1—e3°	43) a7—a6	d4—b3
		44) a8—g8+	g2—f2(7)

Черные сдаются.

ПРИМЪЧАНІЕ КЪ ПАРТІИ № 3.

1) Этотъ способъ отказывать гамбитъ довольно рѣдко употребляется. Янишъ, во второмъ томѣ своего превосходнаго «Analyse nouvelle des ouvertures du jeu des échecs» оцѣнилъ достоинство этого хода, но пришелъ однако къ заключенію, что при немъ нельзя воспрепятствовать начинающему утвердить пѣшки въ центрѣ. Гаррвитцъ, съ своей стороны, почитаетъ выходъ слономъ едва ли не лучшимъ отказомъ гамбита; онъ самъ говорилъ мнѣ это прошлымъ лѣтомъ.

2) Лучше было бы 7) $\frac{c5-f2^\circ+}{}$, возвращая потомъ офицера посредствомъ 8) $\frac{f6-g4}{}$

3) Можно бы также безопасно брать конемъ пѣшку f6, но тогда бѣлые ослабили бы свою сильную атаку на королевскій флангъ противника.

4) Наблюдайте искусные маневры бѣлыхъ коней; они вполне выражаютъ стиль Гаррвитцова игры.

5) Нехорошій ходъ; бѣлые кони, при спертотомъ положеніи пѣшекъ, получаютъ огромную силу; они то и рѣшаютъ побѣду. Лучше бы брать пѣшкой коня.

6) Ферзева ладья не должна бы оставлять линіи a по средствомъ 24) $\frac{d3-d4}{}$ бѣлый приготовляетъ своему ферзю выходъ на клетку a6, который стѣснить игру черныхъ и поведетъ къ невыгодной имъ мѣнѣ ферзей; по этому то основательнѣе было сыграть 24) $\frac{h8-g8}{}$.

7) Спасти партію черныхъ нѣтъ возможности, предполагая даже со стороны ихъ самыя лучшіе ходы напр.

45) $\frac{c7-c2+}{f2-e3}$ 46) $\frac{c2-h2^o}{b3-c5+}$ 47) $\frac{a6-a7}{b5-b7+}$ 48) $\frac{a7-a8}{c5-d7}$ и бѣлые вы-

игрываютъ.

Вотъ этому то атлету, побивающему, какъ видите, самаго Андерсена, поручили французы отстоять честь своего знамени противъ побѣдоноснаго американца. Гаррвитцъ смѣло принялъ опасное порученіе. Прежде однакожъ, чѣмъ приступить къ рѣшительному состязанію, нужно противникамъ немножко осмотрѣться, ознакомиться, измѣрить, хоть приблизительно, взаимныя силы; для этого играется *преимущественная* партія; ее выигрываетъ Гаррвитцъ. За тѣмъ заключаются условія матча, которыми и постановлено, что побѣдителемъ провозглашенъ будетъ тотъ, кто первый выиграетъ семь партій. Первая двѣ партіи выигрываетъ Гаррвитцъ; третью — Морфи, четвертую Морфи, пятую — Морфи, шестую Морфи. *) Гаррвитцъ сраженъ, уничтоженъ; онъказывается больнымъ и проситъ отложить бой на недѣлю. Морфи соглашается, но съ тѣмъ однако, чтобы по прошествіи этого срока, играть не менѣе одной партіи въ день. Каково то бѣднѣй Гаррвитцъ провелъ роковую недѣлю? Страшный срокъ наступаетъ, Гаррвитцъ является на мѣсто битвы и, — снова проигрываетъ. Тутъ уже всякая надежда потеряна и онъ признаетъ.

*) Можетъ быть кромѣ этихъ партій были ли еще *матчи*, но мы, съ сожалѣніемъ, не имѣемъ еще объ этомъ свѣдѣній.

себя побѣжденнымъ. «Но, замѣчаетъ Морфи, вѣдь мы условились, что пари получаетъ тотъ, кто выиграетъ семь партій, а я имѣю всего пять» и онъ великодушно отказался отъ приза.

Кромѣ этой побѣды, Морфи помрачилъ славу Гаррвитца еще и на другомъ поприщѣ, на которомъ тотъ не зналъ себя соперника; мы говоримъ объ игрѣ по памяти. Это искусство Гаррвитцъ довелъ до высокой степени; онъ свободно и никогда не сбиваясь игралъ три, четыре, даже пять партій за разъ, не смотря на доску. Играть такимъ образомъ одну партію уже весьма не легко; двѣ — несравненно труднѣе, ибо ходы одной сбиваются въ воображеніи съ ходами другой; ну а три? четыре? пять?

Подумайте, какую нужно имѣть пѣмать, чтобы удержать всѣ ходы *пяти* партій со всѣми ихъ безконечными сочетаніями; какое воображеніе, чтобы по волѣ вызывать въ мозгу своемъ то то, то другое положеніе; и при этомъ страшномъ напряженіи памяти и воображенія сохранить всю силу мысли, всю свѣжесть соображенія: составлять свои планы, преслѣдовать ихъ исполненіе, угадывать намѣренія противниковъ, вести атаку, отражать нападенія. Невѣроятно, непостижимо! Но что же скажете вы, когда узнаете, что Морфи, въ Café de la Régence, игралъ такимъ же образомъ *восемь* партій одновременно противъ восьми сильнѣйшихъ игроковъ парижскаго клуба (1) и что изъ нихъ онъ выигралъ шесть, и двѣ только изъ нихъ были ничьи. Тутъ невольно подумаешь: это есть предѣлъ усилій человѣческаго мозга, дальше идти нельзя. Но въ томъ-то и дѣло, что никто не можетъ указать предѣла могуществу дивнаго аппарата, заключеннаго въ нашихъ черепныхъ частяхъ. Послушайте, что пишетъ адвокатъ Генри Гарриссъ изъ Чикаго въ Соединенныхъ Штатахъ одному изъ знаменитыхъ нашихъ шахматистовъ:

«Изъ глубины лѣсовъ, съ крайняго предѣла образованнаго міра, я въ правѣ сказать это, потому что изъ околѣ моихъ виднѣется Мичигенское озеро,—сообщаю вамъ извѣстіе, которое, конечно, не мало изумитъ васъ.»

«Нѣсколько дней тому назадъ, молодой нѣмецъ изъ Липпе Детмольда, уже три года живущій въ штатѣ Юва на берегу Миссисипи, Лудвигъ Паульсенъ, игралъ, съ завязанными глазами, *десять* шахматныхъ партій за разъ противъ десяти сильнѣйшихъ нашихъ игроковъ. Изъ этихъ партій онъ выигралъ девять; одна была ничья.»

1) Боше, Бирюргъ, Борлемант, Габерь, Декент, Нотье, Прети и Сепеаъ.

Видѣтъ съ тѣмъ г. Гаррисъ доставилъ составленную имъ по этому случаю весьма любопытную статью, извлеченіе изъ которой мы непремѣнно сообщимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ, а теперь перейдемъ къ партіямъ матча Морфи съ Гаррвитцомъ (*) и къ партіямъ русскихъ шахматистовъ.

№ 4.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЪ ФЕРЗЯ.

ГАРРВИТЦЪ.	МОРФИ.		
(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) d2—d4	d7—d5	28) c1—c5	f6—e5°
2) c2—c4	e7—e6	29) f4—e5°	d7—e6
3) b1—c3	g8—f6	30) a3—a4(1)	b5—a4°
4) c1—f4	a7—a6	31) d3—a6°	c8—b8
5) e2—e3	c7—c5	32) c5—b5	b8—d8(2)
6) g1—f3	b8—c6	33) b5—b6	d8—a8
7) a2—a3	c5—d4°	34) e3—d2	e6—c8
8) e3—d4°	d5—c4	35) a6—c8°	a8—c8°
9) f1—c4°	b7—b5	36) b6—b5	c8—a8
10) c4—d3	c8—b7	37) b5—d5°	a4—a3
11) 0—0	f8—e7	38) b2—a3°	a8—a3°
12) f4—e5	0—0	39) d5—c5	g7—f8
13) d1—e2	f6—d5	48) d2—e2	f8—e7
14) e5—g3	g8—h8	41) d4—d5	e7—d7
15) f1—e1	e7—f6	42) c5—c6	h6—h5
16) e2—e4	g7—g6	43) c6—f6	d7—e7
17) c3—d5°	d8—d5°	44) d5—d6+	e7—e8
18) e4—d5°	e6—d5°	45) e5—e6	f7—e6°
19) f3—e5	a8—d8	46) f6—e6°+	e8—f7
20) e5—c6°	b7—c6°	47) d6—d7	a3—a8
21) a1—c1	d8—c8	48) e6—d6	f7—e7
22) g3—d6	f8—g8	49) d6—g6°	e7—d7°
23) d6—e5	h8—g7	58) g6—g5	a8—h8
24) f2—f4	c6—d7	51) e2—f3	d7—e6
25) g1—f2	h7—h6	52) f3—g3	h5—h4+
26) f2—e3	c8—c1°	53) g3—g4!	h4—h3
27) e1—c1°	g8—c8	54) g2—g3	e6—f6
		55) g5—h5	сдается.

(*) Теперь мы печатаемъ только три изъ этихъ партій: первую, вторую и четвертую, впоследствии сообщимъ и остальные.

Примѣчаніе къ партіи No. 4.

(1) Превосходный ходъ; бѣлые до конца играютъ мастерски.

(2) Стаунтонъ замѣчаетъ, что лучше бы 32) $\overline{b8-a8}$; и точно, этимъ выигралось бы время.

№ 5.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

Морфи.	Горрвитцъ.	19)	e1—g1	g8—h7
(Бѣлые.)	(Черные.)	20)	d4—e3	f7—f5
1) e2—e4	e7—e5	21)	d5—f4	d6—b6
2) g1—f3	d7—d6(1)	22)	e3—e2	f8—f7
3) d2—d4	e5—d4°	23)	e2—c4	b6—f6
4) d1—d4	b8—c6	24)	f4—h5	f6—e7
5) f1—b5	c8—d7	25)	d1—e1	e7—d7
6) b5—c6°	d7—c6°	26)	a2—a3	e8—d6
7) c1—g5	g8—f6	27)	c4—d4	a8—g8
8) b1—c3	f8—e7	28)	g1—g2	d6—e8
9) 0—0—0	0—0	29)	d4—c3	f5—f4
10) h1—e1	h7—h6	30)	e1—h1	g7—g6
11) g5—h4	f6—e8(2)	31)	h1—g1	d7—d5
12) h4—e7°	d8—e7°	32)	c3—e1	d5—h5°
13) e4—e5	c6—f3°	33)	g2—g5	h5—f3°
14) g2—f3°	e7—g5+	34)	e1—e6	f7—f6
15) c1—b1	d6—e5°	35)	e6—e7+	g8—g7
16) e1—e5°	g5—g2	36)	e7—e8°	h6—g5°
17) c3—d5	g2—h2°	37)	e8—e1	f3—c6
18) e5—e1	h2—d6			

Черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи No. 5.

(1) Эта защита, извѣстная подъ именемъ французской, потому что ее любилъ Филидоръ, гораздо рѣже употребляется, чѣмъ принадлежащій Итальянской школѣ ходъ

2) $\overline{b8-e6}$, который порождаетъ самые интересные дебюты: гамбитъ шотландскій, giuoco piano, дебютъ Лопеца, гамбитъ Эванса. Впрочемъ и французская защита совсѣмъ не такъ предосудительна, какъ думаютъ нѣкоторые; при мажъшей ошибкѣ начинавшаго партію, она даетъ возможность второму игроку вести весьма хорошенькія атаки. Если въ нашихъ при-

иъначіяхъ заключаются иногда вещи, давно извѣстныя всѣмъ сколько нибудь опытнымъ шахматистамъ, то не надо забывать, что мы имѣемъ въ виду, преимущественно, людей, не знающихъ еще теоріи игры; для нихъ и эти объясненія не бесполезны.

(2) Очень хорошій ходъ; конь на e8 значительно укрѣпляетъ позицію черныхъ.

№ 6.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

Морфи.	Гаррвитцъ.	18) f2—f4	g5—f4°
(Бѣлые.)	(Черные.)	19) f1—f4°	g8—h8
1) e2—e4	e7—e5	20) f4—h4	e7—f8
2) g1—f3	d7—d6	21) g3—e5°	f6—e5°
3) d2—d4	e5—d4°	22) d1—f1	d7—e6
4) d1—d4°	b8—c6	23) e3—b5	e6—g8
5) f1—b5	c8—d7	24) f1—f2	a7—a6
6) b5—c6°	a7—c6°	25) b5—c7°	a8—c8
7) c1—g5	f7—f6(1)	26) c7—d5	c6—d5°
8) g5—h4	g8—h6	27) e4—d5°	c8—c7
9) b1—c3	d8—d7	28) c2—c4	f8—e7
10) 0—0	f8—e7	29) h4—h5	g8—e8
11) a1—d1	0—0	30) c4—c5(3)	c7—c5°
12) d4—c4+	f8—f7	31) h5—h7°+	h8—h7°
13) f3—d4(2)	h6—g4	32) e2—h5+	h7—g8
14) h2—h3	g4—e5	33) f5—e7°+	g8—g7
15) c4—e2	g7—g5	34) e7—f5+	g7—g8
16) h4—g3	f7—g7	35) f5—d6°	и черные сдаются
17) d4—f5	g7—g6		

Примѣчанія къ партіи No. 6.

(1) Намъ кажется, что 7) $\frac{\text{---}}{g8-f6}$ какъ сыграно было въ предыдущей партіи, — лучше.

(2) Трудно понять, какъ Морфи упустилъ изъ виду сильную атаку посредствомъ 13) $\frac{e4-e5}{\text{---}}$,

(3) Прекрасное пожертвованіе. Умѣніе жертвовать кста-ти пѣшками для поддержанія сильныхъ атакъ офицерами,

составляетъ, по отзыву людей хорошо знакомыхъ съ игрою Морфи, одно изъ отличительныхъ ея свойствъ.

№ 7.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЬ.

Кн. С. С. Угусовъ.	И. С. Шумовъ.	22) e7—d5	d8—g5
(Бѣлые.)	(Черные)	23) d5—f4	a8—g8
1) e2—e4	e7—e5	24) g2—g3	a5—b6
2) d2—d4	e5—d4°	25) f4—e6°	f7—e6°
3) f1—c4	b8—c6(1)	26) d4—e4+	e6—d7
4) g1—f3	f8—b4+	27) f1—e1	h6—h5
5) c2—c3	d4—c3°	28) e4—a4+	c7—c6
6) b2—c3°(2)	b4—a5	29) a4—c4	b6—c5
7) 0—0	h7—h6	30) a1—b1	b7—b6
8) e4—e5	g8—e7	31) e4—c6+	d7—d8
9) c1—a3	0—0	32) b1—d1	g8—g7
10) d1—d3	g8—h8	33) d1—d6°+	c5—d6°
11) b1—d2	f7—f6	34) e6—d6°+	d8—c8
12) e5—f6°	f8—f6°	35) e1—e8+	c8—b7
13) d2—c4	f6—f8	36) e8—b8+	b7—a6
14) e4—g5	g7—g6	37) d6—c6°	g5—g4
15) g5—f7+	f8—f7°	38) b8—d8	g4—f5
16) c4—f7°	h8—g7	39) d8—d4	g7—g4
17) a3—c7°	c6—e7°	40) f2—f4	f5—b1+
18) f3—e5	d7—d6	41) g1—g2	b1—a2°+
19) e5—g6°	c8—f5	42) g2—h3	a6—a5
20) d3—d4+	g7—f7°	43) d4—d5+	и черные сдаются.
21) g6—e7°	f5—e6		

Примѣчанія къ партии №. 7.

(1) Этимъ ходомъ центральный гамбитъ приводится къ обыкновенному шотландскому; 3) $\frac{g8-f6}{f8-c5}$ было бы слабѣе; 3) $\frac{f8-c5}{f8-c5}$ положительно дурно; бѣлый сыгралъ бы 4) $\frac{c4-f7°+}{f8-c5}$.

(2) Исторія этого хода весьма любопытна; долго онъ почитался никуда негоднымъ, и вмѣсто его, всегда игралось 6) $\frac{0-0}{f8-c5}$. Въ 1842 году Кохранъ, по возвращеніи изъ Индіи, возобновилъ этотъ ходъ и употреблялъ его противъ самыхъ

сильныхъ игроковъ, съ полнымъ успѣхомъ. С. Аманъ, Янишъ, Гейдебрандъ принялись за анализъ Кохранова варианта и снова пришли къ убѣжденію, что онъ не хорошъ. Наконецъ, блестящія открытія, сдѣланные Кн. Урусовымъ въ теоріи дебютовъ, измѣнившія взглядъ на многія изъ нихъ, снова заставляютъ думать, что 6) $b2-c3^\circ$ сильнѣе рокировки. Всего интереснѣе то, что доводы Яниша, С. Амана и Гейдебранда *противъ* этого хода совершенно отличны отъ приводившихся до возобновленія его Кохраномъ и что точно также доказательства Кн. Урусова *въ пользу* 5) $b2-c3^\circ$, опять таки основаны не на разсужденіяхъ англійскаго писателя, а на совершенно новыхъ открытіяхъ.

№ 8.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЬ.

И. С. Шумовъ.	Кн. С. С. Урусовъ.	24)	h5—g6
(Бѣлые.)	(Черные.)	25) a4—h4	c7—c6
1) e2—e4	e7—e5	26) c3—e2	f5—f4
2) d2—d4	e5—d4°	27) e2—f4°	g6—e4+
3) f1—c4	b8—c6	28) g2—f1	f8—f4°
4) g1—f3	f8—c5	29) g3—f4°	e5—f3
5) 0—0	d7—d6	30) h4—h5	e8—d8
6) c2—c3	d4—c3°	31) b4—c6°	d8—d1+
7) b1—c3°	g8—e7	32) f1—g2	f3—h4+
8) f1—e1	0—0	33) g2—g3	h4—f5+
9) c1—g5	d8—e8	34) g3—g4	d1—h1°
10) e4—e5	c8—g4	35) c6—e4°	f5—h6+
11) e5—d6°	c5—d6°	36) g4—g5	h1—h5°+
12) c4—b5	f7—f6	37) g5—h5°	h8—g8
13) g5—h4	e8—h5	38) b2—b4	h6—f7
14) d1—b3+	g8—h8	39) e4—d5	g8—f8
15) h4—g3	g4—f3°	40) d5—f7°	f8—f7
16) g2—f3°	c6—d4	41) a2—a4	f7—e6
17) b3—a4	d4—f3°+	42) h5—g5	e6—d5
18) g1—g2	f3—e1°+	43) f4—f5	d5—c4
19) a1—e1°	d6—g3°	44) f5—f6	g7—f6°+
20) h2—g3°	e7—g6	45) g5—f6°	c4—b4°
21) b5—d3	g6—e5	46) f2—f4	b4—a4
22) d3—e4	f6—f5	47) f6—g5	a4—b5
23) e4—b7°	a8—e8	48) f4—f5	и черные сдаются.

№ 9.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

К. А. Янишъ. (Бѣлые.)	Кн. С. С. Урусовъ. (Черные.)	17) a3—b5°	a8—d8
1) e2—e4	e7—e5	18) b3—f7°+	e8—f8
2) g1—f3	b8—c6	19) d1—b3	a7—c5
3) f1—b5	a7—a6	20) f7—c4	d8—b8
4) b5—a4	f8—c5	21) b3—a4	c7—c6
5) c2—c3	d8—e7	22) b5—a3	b8—b2°
6) 0—0	b7—b5	23) f1—e1	b2—b7
7) a4—b3	g8—f6	24) c4—a6	b7—a7
8) d2—d4	c5—a7	25) a3—c4	e4—d3
9) c1—g5	h7—h6	26) e1—e5°	d3—c4°
10) g5—h4	g7—g5	27) a4—c4°	c5—f2°+
11) h4—g3	d7—d6	28) g1—f2°	e7—d7
12) d4—e5°	c6—e5°	29) c4—c5+	f8—g7
13) f3—e5°	d6—e5°	30) e5—g5°+	h6—g5°
14) a2—a4	c8—b7	31) c5—g5°+	g7—f7
15) a4—b5°	a6—b5°	32) a6—c4+	f6—d5
16) b1—a3	b7—e4°	33) g5—f4+	f7—g7
		34) f4—d4+	и черные сдаются.

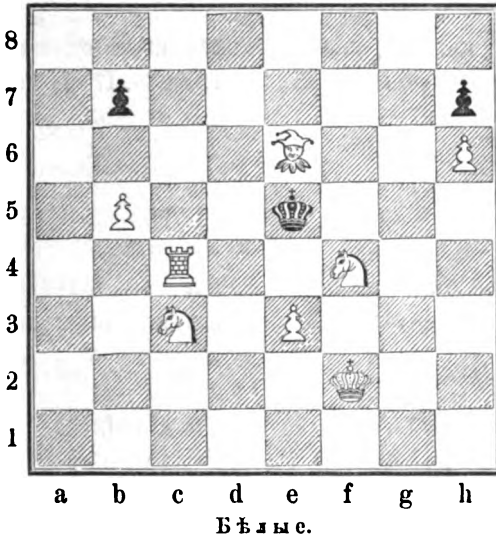
№ 10.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЪ,

Кн. Д. С. Урусовъ. (Бѣлые.)	К. А. Янишъ. (Черные.)	13) c6—b7°	c8—b7°
1) e2—e4	e7—e5	14) d5—b6°	a7—b6°
2) d2—d4	e5—d4°	15) f3—g5°	d6—d5
3) f1—c4	b8—c6	16) g5—e6	d8—c8
4) g1—f3	f8—c5	17) e4—d5°	f8—f6
5) 0—0	d7—d6	18) f1—e1	c8—d7
6) c2—c3	d4—c3°	19) a1—c1	d7—d6
7) b1—c3°	g8—e7	20) d1—c2	f6—g6
8) c1—g5	0—0	21) c4—d3	d6—d5°
9) c3—d5	g8—h8	22) d3—e4	d5—e6°
10) b2—b4	c5—b6	23) e4—b7°	a7—a2°
11) b4—b5	f7—f6	24) c2—c7°	e6—f6
12) b5—c6°	f6—g5°	25) c7—c8+	и черные сдаются.

№ 1.

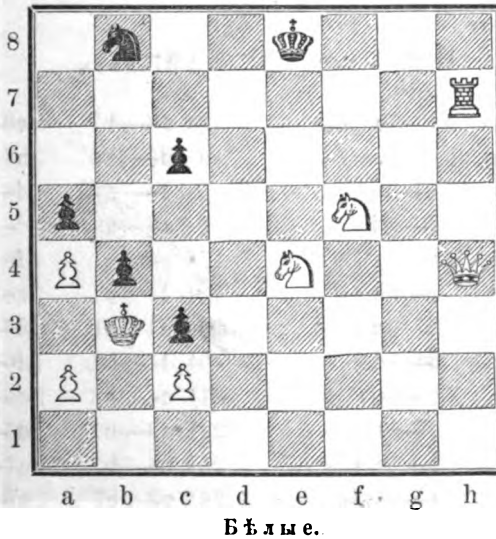
Н. НИКОЛАЕВА (изъ Каинска, въ Сибири).
Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ слономъ въ 4 хода.

№ 2.

Н. НИКОЛАЕВА (изъ Каинска, въ Сибири).
Черные.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 5 ходовъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L